

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ В СССР

5

КНИГА
ВТОРАЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

им. М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ИСТОРИЯ
ФИЛОСОФИИ
В СССР**

В ПЯТИ ТОМАХ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ В СССР

ТОМ

5

КНИГА ВТОРАЯ

1 9 8 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

МОСКВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Е. ЕВГРАФОВ (руководитель авторского коллектива),
Г. А. БРУТЯН, М. Н. ГРЕЦКИЙ,
М. Т. ИОВЧУК, Л. А. КОГАН, В. С. КРУЖКОВ, С. Т. МЕЛЮХИН,
С. Ф. ОДУЕВ, Ю. К. ПЛЕГНИКОВ, З. В. СМИРНОВА,
А. Д. СУХОВ, Н. Ф. УТКИНА

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор философских наук С. М. БРАЙОВИЧ,
кандидаты философских наук А. А. БАЖЕНОВА,
М. А. МАСЛИН

История философии в СССР. Т. 5, кн. 2. — М.: Наука, 1988. — 576 с.

ISBN—5—02—008009—8

Вторая книга пятого тома «Истории философии в СССР» посвящена становлению и развитию историко-философской науки в нашей стране в период от Великой Октябрьской социалистической революции до настоящего времени.

В центре книги — борьба советских философов-марксистов за утверждение и развитие ленинского этапа в историко-философской науке. Дан систематический анализ советской литературы по истории марксистско-ленинской философии, западноевропейской и американской философии, философии стран Востока, русской философии, а также по критике социал-реформизма, ревизионизма и антикоммунизма.

Специальный раздел книги содержит исследование процесса становления и развития марксистско-ленинской философии в советских социалистических республиках.

И $\frac{0302010000-390}{042(02)-87}$ Подписное

ISBN—5—02—008009—8

© Издательство «Наука», 1988

ОТ РЕДАКЦИИ

Вторая книга пятого тома «Истории философии в СССР» завершает данный труд. Ее главы и разделы написаны следующими авторами:

Глава XX — Б. В. Богданов, (период 1917—1936 гг.)
А. Т. Павлов.

Глава XXI — Б. Н. Бессонов, В. Н. Колосков.

Глава XXII — З. В. Смирнова (2,4), В. Г. Хорос (1, 3, 5).

Глава XXIII — В. Г. Буров, Ю. Б. Козловский, О. В. Мезенцева, А. А. Михалев, Г. Б. Шаймухамбетова.

Глава XXIV — А. И. Абрамов, В. Н. Колосков, А. Т. Павлов, В. Ф. Пустарнаков.

Глава XXV — В. Ф. Пустарнаков.

Глава XXVI — И. П. Головаха, В. И. Шинкарук (Украина); К. П. Буслов, А. К. Манеев (Белоруссия); А. И. Бабий, В. Н. Ермауратский (Молдавия).

Глава XXVII — В. А. Гагоидзе (Грузия); З. В. Гекушев, Ф. К. Кочарли (Азербайджан); Г. О. Григорян, Г. Ж. Кочарян (Армения).

Глава XXVIII — М. М. Хайруллаев (Узбекистан); А. К. Закирьянов, А. Х. Касымжанов (Казахстан); А. Алтмышбаев, А. Какеев (Киргизия); Г. А. Ашуров (Таджикистан); М. М. Абасва, К. Акмурадов, Н. К. Кулиев, Г. О. Мурадова, Т. Х. Хыдыров (Туркмения).

Глава XXIX — И. А. Мацявичюс (Литва); П. И. Валескали (Латвия); Л. О. Вальт (Эстония).

Глава XXX — Я. Г. Абдуллин, М. Ф. Фасеев (Татарская АССР); Д. М. Азаматов, Г. С. Исмагилов (Башкирская АССР); Л. А. Андреев, И. Д. Кузнецов (Чувашская АССР); А. Л. Киселев (Мордовская АССР); Б. З. Мошин, Н. В. Перевощикова (Удмуртская АССР); А. К. Александров, С. А. Васенов, К. К. Васин, Б. К. Рейнфельдт (Марийская АССР); Б. П. Мельников (Коми АССР); М. А. Абдуллаев (Дагестанская АССР); Л. С. Костоева, А. Д. Яндаров (Чечено-Ингушская АССР); А. К. Хачиров (Северо-Осетинская АССР); А. Т. Тхагапсоев (Кабардино-Балкарская АССР); Т. Б. Мапджиев (Калмыцкая АССР); М. А. Славина (Карельская АССР); В. И. Затеев, Д. Д. Лубсанов (Бурятская АССР); Д. С. Макаров (Якутская АССР); Ю. А. Аранчин (Тувинская АССР).

Редакционная коллегия и авторский коллектив выражают признательность Т. И. Ойзерману, В. В. Мшвениерадзе, Б. В. Богданову, Б. Т. Григорьяну, С. М. Брайовичу, А. А. Баженовой, М. А. Маслину за участие в обсуждении и рецензировании материалов книги.

Научно-вспомогательная работа выполнена Ц. М. Антоновой, И. В. Кружковой, Н. А. Чистяковой, А. В. Коваленко, В. В. Мильковым, А. И. Абрамовым. Научно-организационная работа проведена В. Ф. Пустарнаковым и Л. В. Поляковым (ученый секретарь).

РАЗДЕЛ ШЕСТОЙ

РАЗВИТИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ НАУКИ В СССР. БОРЬБА С БУРЖУАЗНЫМИ КОНЦЕПЦИЯМИ В ФИЛОСОФИИ И ИДЕОЛОГИИ

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ИСТОРИЯ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ В СССР

1

Освоение марксистского философского наследия занимает одно из центральных мест в работе советских философов после Великой Октябрьской социалистической революции. При этом оно отнюдь не является делом сугубо академического характера, а выступает одной из форм решения коренных проблем социального развития, идеологической борьбы, методологического осмысления данных науки.

Как известно, ленинизм продолжил в новую эпоху революционные традиции марксистской мысли и в плане *систематического осмысления истории марксистской философии*. Изучение марксистского наследия приобрело новое значение в связи с актуальными задачами определения практических путей строительства социализма в СССР.

Обращение ленинизма к истории марксистской мысли явилось необходимым фактором борьбы за социализм, фактором приумножения рабочим классом, Коммунистической партией своих творческих сил путем извлечения современными марксистами уроков из деятельности своих предшественников, особенно если они действовали в сколько-нибудь сходных условиях или решали в той или иной мере аналогичные задачи.

В качестве примера здесь можно сослаться на ленинскую работу «Государство и революция», в которой В. И. Ленин с целью изыскания наиболее эффективных форм организации исторической инициативы и революционного творчества масс

обращается к трудам К. Маркса и Ф. Энгельса, где был обобщен опыт революций 1848 г. и Парижской Коммуны 1871 г. Идти по пути, указанному опытом Коммуны 1871 г. и революции 1905 г., — таков был призыв В. И. Ленина. Начиная с «Писем издадалека», «Апрельских тезисов», наконец, в книге «Государство и революция» В. И. Ленин исследовал целый комплекс проблем из истории развития воззрений К. Маркса и Ф. Энгельса. Другим типичным примером обращения В. И. Ленина к истории марксизма является его труд «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме». В работах, выступлениях, группирующихся вокруг этого исследования, В. И. Ленин обобщил многие важные аспекты идейной и практической истории развития марксизма под углом зрения их значения в прошлом и особенно настоящем.

Кроме того, обращение к истории содействует исследованию причинно-следственных связей, установлению закономерностей развития. А постигнутые объективные закономерности в своем теоретическом выражении становятся эвристическим средством, способом осмысления и предвидения возможного хода объективных процессов.

Центральным пунктом ленинского философского завещания является требование учиться диалектике как методологии познания и деятельности. Выдвинутая В. И. Лениным широкая программа разработки теории материалистической диалектики включала в себя исследование истории марксистской мысли как важнейшей составной части и итога развития диалектики. Дальнейшая работа над историей марксистской философии, кроме раскрытия истории идей, предполагала и практическое претворение этой теоретической доктрины в действительность, проверку выработанной теории и метода в ходе преобразования мира на социалистических началах. Значительные результаты в исследовании и пропаганде литературного наследия основоположников марксизма были достигнуты в конце XIX в. К. Каутским, Ф. Мерингом и в особенности Г. В. Плехановым. Однако практика II Интернационала, за рамки которой они в целом не выходили, была слишком узка, а, кроме того, глубоко ошибочна. Все это не позволило полностью раскрыть богатство идей основоположников марксизма. Угасание революционности во многих социалистических и рабочих партиях II Интернационала сопровождалось деформацией научного подхода к марксистскому наследию. Лидеры II Интернационала все чаще пытались получить теоретическую санкцию своей оппортунистической позиции и стремились так интерпретировать наследие основоположников марксизма, чтобы найти в нем идейное оправдание отказа от социалистической революции. Это четко выявилось, например, в условиях революционной ситуации, сложившейся в период первой мировой войны, и в их отношении к ленинизму.

Новые формы классовой борьбы пролетариата, первая мировая война, Великая Октябрьская социалистическая революция, а затем опыт социалистических преобразований поставили вопрос о необходимости уточнения и обогащения содержания философских категорий, отказа от ряда устоявшихся представлений, касающихся объективных закономерностей перехода от капитализма к социализму. Лидеры II Интернационала не смогли применить метод К. Маркса и Ф. Энгельса к анализу новой исторической эпохи, догматизировав и искажив их учение.

В новую историческую эпоху наследие К. Маркса и Ф. Энгельса с необходимостью вовлекается В. И. Лениным и партией в новую проблемную ситуацию. Соответственно альтернативе, вставшей перед революционным движением при определении своей генеральной линии,— большевизм (ленинизм) или социал-демократия? — сложилась такая же дилемма и относительно способов интерпретации и практической реализации теоретического наследия К. Маркса и Ф. Энгельса.

Расхождения этих двух политических линий были связаны с различным решением столь кардинальных проблем социального развития, с так далеко идущими глубокими последствиями, что здесь меньше всего можно было бы обособить друг от друга политику и философию. За каждой из этих политических линий стоял свой мир мыслей, своя субординация философских проблем и категорий. Это была не та ситуация, когда речь идет лишь о политической целесообразности того или иного мероприятия или о частностях и деталях, где можно сказать: здесь одно дело политика, а другое — философия. Речь шла о социально-экономических, политических и духовных проблемах глобального порядка, о судьбах социализма, о закономерностях перехода к нему в новую эпоху, о сущности ее противоречий и путях их разрешения, о генеральной линии революционного движения. Поэтому не случайно, что оформление теоретической платформы каждой из отмеченных линий осуществлялось в значительной мере путем различных интерпретаций коренных проблем марксистского мировоззрения и в первую очередь учения об объективной закономерности общественного развития, что выражалось в форме определенных трактовок исторических периодов в развитии воззрений К. Маркса и Ф. Энгельса, их выводов из опыта революций 1848 г., Парижской Коммуны 1871 г. и др. Так было в дискуссии большевиков с меньшевиками, так было и в дискуссии сторонников Ленина и Каутского. Таким образом, трактовка наследия и решение проблем современности, философия и кардинальные проблемы политики были сплетены воедино. Поэтому неправомерно было бы анализировать, например, ленинский способ освоения марксистского философского наследия, основываясь только на материале отдельно взятых оценок и высказываний о тех или иных философских

идеях и работах К. Маркса и Ф. Энгельса, о тех или иных периодах их исторического развития. При всей значимости такого рода работы проблема еще далеко не исчерпывается. При освоении истории марксистской философии речь должна идти о гораздо большем: об утверждении качественно нового ленинского подхода к осмыслению современности на базе марксистского наследия.

Важнейшие достижения в становлении истории марксистской философии в качестве науки связаны были, во-первых, с исследованием ленинской методологии и, во-вторых, с созданием прочной источниковедческой базы.

Ленинские принципы освоения марксистского теоретического наследия, за утверждение которых шла борьба в 20—30-е годы, сформировались еще в дооктябрьский период в общей связи с решением философских проблем, выдвинутых новой эпохой и неотделимых от выработки революционной стратегии и тактики ленинской партии. В дооктябрьский период в творчестве В. И. Ленина на первый план выдвигались те актуальные аспекты марксистского философского наследия, которые окажутся в центре внимания его послеоктябрьских работ и трактовка которых отличает ленинскую интерпретацию марксистского наследия от его истолкования в трудах ряда теоретиков II Интернационала¹.

Эти качественные отличия касаются всего философского наследия К. Маркса и Ф. Энгельса. К числу их относится прежде всего ленинское выделение первостепенной значимости материалистической диалектики как методологии познания и революционной преобразующей деятельности. Диалектика как логика и теория познания не разрабатывалась даже таким лучшим теоретиком II Интернационала, как Г. В. Плеханов, и вообще не ставилась сама задача подобного исследования. Кроме того, в ленинских исследованиях марксистское философское наследие представлено в полном его объеме и составе. Это было особенно важно, поскольку теоретики II Интернационала зачастую сводили марксистскую философию лишь к методу исследования общественных явлений или к материалистическому пониманию истории. Далее, В. И. Ленин показал необходимую внутреннюю связь между общественной теорией К. Маркса и Ф. Энгельса и материалистической диалектикой, чего не видели, например, К. Каутский и его последователи, допускавшие значительные уступки буржуазной идеологии и считавшие возможным соединить исторический материализм с махизмом, кантианством, естественнонаучным материализмом. В интерпретации

¹ Развернутое рассмотрение философских взглядов теоретиков II Интернационала см.: Марксистская философия в международном рабочем движении в конце XIX — начале XX века. М., 1984.

наследия основоположников марксизма для теоретиков II Интернационала была характерна недооценка материалистической диалектики, игнорирование гносеологической проблематики, слабая связь философского наследия с естествознанием, отсутствие четких представлений в вопросах оценки теоретических источников марксизма.

Ленинский подход к анализу теоретических источников марксизма имел принципиальное методологическое значение для разработки истории марксистской философии. Именно В. И. Ленин со всей остротой подчеркнул значение гегелевской диалектики в противовес многим теоретикам II Интернационала, игнорировавшим ее значение в истории формирования марксизма и пытавшимся дать марксизму кантианское обоснование.

Важным вкладом в становление истории марксистской философии являются ленинские оценки деятельности Г. В. Плеханова. Г. В. Плеханов, в свое время первым работавший над систематизацией философских идей марксизма, показал несостоятельность широко распространенной версии об отсутствии в марксизме собственной философии. Его огромные исторические заслуги в деле исследования, пропаганды и защиты философских основ марксизма В. И. Ленин оценил очень высоко. В послеоктябрьский период он писал, что нельзя стать настоящим марксистом, не изучив всего того, что сделано в философии Г. В. Плехановым. Вместе с В. И. Лениным Г. В. Плеханов был основоположником традиции воинствующего материализма в российском и международном революционном движении.

В то же время плехановская трактовка марксистского философского наследия несла на себя печать определенной ограниченности в понимании теории материалистической диалектики. Глубокие политические последствия имели его ошибки в деле применения диалектики К. Маркса и Ф. Энгельса к решению проблемы закономерностей перехода от капитализма к социализму, которой Г. В. Плеханов не понял. С некоторыми ограничениями здесь можно сказать, что подход Г. В. Плеханова (если брать не отдельные его идеи и работы, а всю его концепцию в целом) был плодотворен и достаточен для решения вопросов о судьбах капитализма в России, когда речь шла о критике народничества, экономизма, легального марксизма и т. п. и когда вырабатывались общие принципы программы. Но он оказался во многом ошибочным в той части, в какой вопрос о капитализме решался уже в связи с борьбой за социализм. В периоды (а они были нередки), когда объективный ход событий выдвигал на первый план проблемы борьбы с бернштейнианством, махистской ревизией марксизма, неокантианством и др., позиции В. И. Ленина и Г. В. Плеханова сближались (что не означало их тождества). Но когда на пер-

вый план выдвигалось решение вопросов о судьбах социализма в России, что было неотделимо от конкретного творческого применения марксистского наследия к анализу новой исторической эпохи и ее противоречий, то в этих вопросах Г. В. Плеханов и В. И. Ленин зачастую занимали существенно различные позиции. В данном случае Г. В. Плеханов и следовавшие ему меньшевики использовали марксистское наследие прежде всего для доказательства своих ошибочных взглядов относительно якобы невозможности социалистических преобразований в России по причине ее «незрелости» в экономическом, социальном и культурном отношении. Поэтому они не приняли Октябрьскую революцию в качестве социалистической. В этой части взгляды каутскианцев и меньшевиков сливались. Данная сторона в теоретической деятельности Г. В. Плеханова и в его работе над наследием К. Маркса и Ф. Энгельса была решительно осуждена В. И. Лениным, дифференцированно подходившим к оценке его творчества и революционной деятельности.

Теоретическая деятельность Г. В. Плеханова, К. Каутского, других лидеров II Интернационала, их способ освоения марксистского наследия получили следующую оценку В. И. Ленина. К. Каутский, О. Бауэр и другие, писал он, «вполне сознавали необходимость гибкой тактики, они учились и других учили марксовской диалектике (и многое из того, что ими было в этом отношении сделано, останется навсегда ценным приобретением социалистической литературы), но они в применении этой диалектики сделали такую ошибку или оказались на практике такими не диалектиками, оказались людьми до того не сумевшими учесть быстрой перемены форм и быстрого наполнения старых форм новым содержанием, что судьба их немногим завиднее судьбы Гайндмана, Геда и Плеханова»². Теоретики правого крыла в рабочем движении метафизически абсолютизировали старые формы роста рабочего движения и социализма, «забыли» об их односторонности, не сумели понять необходимость той крутой ломки прежних форм, которая в силу объективных условий стала неизбежной. Диалектика, как показал В. И. Ленин, была забыта и как метод мышления и как теория, которую следовало разрабатывать и применять к решению проблем новой исторической эпохи. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Забывают, оттирают, искажают революционную сторону учения, его (марксизма.— *Ред.*) революционную душу»³. Данные слова В. И. Ленина всецело относятся и к каутскианско-меньшевицкой интерпретации марксистского наследия в послеоктябрьский период.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 87—88.

³ Там же. Т. 33. С. 5.

Естественно поэтому, что в идейно-теоретическом плане рассматриваемый период в исследовании и освоении философского наследия К. Маркса — Ф. Энгельса характеризуется острой идеологической борьбой ленинизма с каутскианством и меньшевизмом по вопросам закономерностей перехода от капитализма к социализму и по соответствующим проблемам генеральной линии международного революционного движения. «Это был, естественно, главный враг большевизма внутри рабочего движения. Этот враг и остается главным в международном масштабе»⁴, — отмечал В. И. Ленин, имея в виду оппортунистов II Интернационала. В революционном движении необходимо теперь, говорил В. И. Ленин на II Конгрессе Коммунистического Интернационала (1920), «распространить более точное знание того, что такое меньшевизм, ибо это есть родовое понятие для всех якобы социалистических, социал-демократических и т. п. направлений, враждебных большевизму»⁵. Другим противником большевизма В. И. Ленин называл различного рода левацкие и анархические направления в рабочем движении.

Величайшее значение ленинского философского наследия состоит в том, что, используя учение К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин дал подлинно научное, творческое решение актуальных философских и социальных проблем современности, развил дальше их учение применительно к новой эпохе и тем самым заложил подлинно научный фундамент для адекватной интерпретации и оценки предшествующей истории марксистской мысли. Только такое освоение истории через призму современности открывало путь к наиболее глубокому научно-историческому пониманию прошлого, в то время как в меньшевистско-каутскианских трудах превратное понимание современности влекло за собой и ложную трактовку прошлого.

В послеоктябрьский период, в новых исторических условиях возникла необходимость иной постановки и решения иных проблем при исследовании истории марксистской философии. Первостепенная значимость диалектико-материалистического метода в общей структуре марксистского наследия была показана В. И. Лениным еще в дооктябрьский период. Принципиальное мировоззренческое значение материалистической диалектики как методологии научного познания и как средства преодоления кризиса в естествознании было раскрыто им еще в «Материализме и эмпириокритицизме». Теперь же работа над наследием К. Маркса и Ф. Энгельса приобрела новый, дополнительный смысл. Она стала одним из средств перевода всей науки на рельсы диалектико-материалистического мировоззрения, средством борьбы с буржуазным мировоззрением, выступила в качестве составной части культурной революции в стране.

⁴ Там же. Т. 41. С. 14.

⁵ Там же. С. 230.

Новое качество приобрела также и работа над наследием марксизма по проблемам диалектики общественного развития. Если до Октября 1917 г. на первом месте стоял вопрос об организации классовой борьбы пролетариата в соответствии с объективными закономерностями общественного развития, то теперь встала и проблема организации самих социалистических преобразований. Это не значит, что первый вопрос утратил свое актуальное значение. Оно сохранилось, ибо классовая борьба не исчезает сразу после революции, но начавшаяся после нее практика социалистического строительства выдвинула в качестве актуальных новые теоретические и практические задачи, требовавшие своего теоретического осмысления на основе научного анализа объективных процессов и с учетом идейного содержания наследия К. Маркса и Ф. Энгельса.

Не случайно, что обобщение К. Марксом и Ф. Энгельсом опыта Парижской Коммуны 1871 г. было впервые проанализировано и освобождено от искажений именно В. И. Лениным. Каутскианцы и меньшевики игнорировали данный исторический период в развитии идей К. Маркса и Ф. Энгельса, ибо ни сам этот опыт, ни его обобщение теоретикам II Интернационала были не нужны, поскольку решение назревших проблем они не связывали с непосредственной борьбой за социализм. Обобщение К. Марксом и Ф. Энгельсом опыта Великой французской революции, классовых битв пролетариата в революциях 1848 г. меньшевики трактовали как предупреждение пролетариату от «заскакиваний» к еще не назревшим мерам, как предостережение от чрезмерной революционности в буржуазных революциях, что, с их точки зрения, может толкнуть буржуазию вправо, привести к отказу от демократии и способствовать реставрации феодализма. Социализм может вырасти только из длительного развития «демократического капитализма» — таковы были альфа и омега всей их концепции. Всякий иной взгляд они объявляли отказом от учения К. Маркса — Ф. Энгельса и потому догматически перенесли на ленинизм всю ту критическую аргументацию, которая в свое время была выдвинута против цароудольцев. В послеоктябрьский период к этим ложным обвинениям добавились с софистическими ссылками на К. Маркса еще более широкие, чем прежде, спекуляции по поводу «бонапартизма» и «термидора» как средства дискредитации послереволюционных процессов⁹.

⁹ В качестве одной из типичных иллюстраций сошлемся на статью лидера меньшевиков Л. Мартова «Нанануне термидора» (Вперед. 1918. № 43 (289)), в которой он провел бесосновательную параллель между диктатурой якобинцев, закончившейся крушением, и линией большевиков, которой он пророчил такое же поражение. Призывая к борьбе за ликвидацию большевистской линии, он отмечал: «Социал-демократия должна бороться... чтобы эта ликвидация произошла возможно менее „термидорски“, чтобы она совершилась на основе демократии». Именно к этому и

Позиция К. Каутского, считавшегося одним из авторитетных в прошлом интерпретаторов марксистского наследия, в данных вопросах теперь во многом стала сходна с позицией меньшевиков⁷. Относительно России, отмечал В. И. Ленин, К. Каутский «повторяет целиком меньшевистские премудрости»⁸, он «старается нам доказать буржуазный характер революции»⁹. В своих антисоветских памфлетах К. Каутский стремился доказать, что ленинизм не имеет никакого отношения к учению К. Маркса и Ф. Энгельса, действует вопреки ему, игнорирует объективные законы и ставит недостижимые цели¹⁰.

За всем этим стояла определенная интерпретация марксистского наследия. Каутский превратил Маркса в дюжинного либерала,— таков, как показал В. И. Ленин, был ее общий смысл. Каутский предлагал концепцию «вырастания» социализма из так называемого демократического капитализма. Он считал, что экономические, культурные и социальные изменения в процессе развития капитализма якобы приведут к тому, что он не сможет погибнуть в результате революции и гражданских войн. В новых исторических условиях пролетариат должен, согласно К. Каутскому, научиться побеждать мирным путем, используя демократию, а не путем насильственных революций. Подвергая критике взгляды К. Каутского, извращавшего марксистское учение о государстве, социалистической революции и диктатуре пролетариата, В. И. Ленин одновременно вскрывал философские основы каутскианства, показывал методы и приемы реформист-

сводился смысл всей политической философии меньшевиков и ее приемы — и софистическая спекуляция на марксовских обобщениях опыта прежних революционных битв, искажавшая сам смысл этих обобщений, и ставка на буржуазную демократию в России, но не на революционную инициативу и историческое творчество широких масс, и клевета на ленинизм («якобинство» и т. п.). Подобными ложными идеями была забита вся меньшевистская литература, довольно широко выходившая в первые послеоктябрьские годы в стране, а затем в эмигрантских изданиях. Внутренние распри меньшевиков не выходили за пределы этих общих рамок.

⁷ Например, Ф. Дан (лидер меньшевиков после смерти Л. Мартова) называл К. Каутского «нашим глубокоуважаемым учителем». См.: Дан Ф. [Предисловие] // Каутский К. Большевик в тунике. Берлин, 1930. С. 172. «По существу сформулированных Каутским экономических и политических требований,— писал Ф. Дан,— мало что можно возразить: они почти до деталей совпадают с требованиями нашей партийной платформы» (Там же. С. 168). К. Каутского меньшевики называли «продолжателем дела Маркса и Энгельса». См. предисловие Р. Абрамовича к книге К. Каутского «От демократии к государственному рабству» (Берлин, 1922. С. 3). «Сам же К. Каутский видел заслугу Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода в том, что они распространили взгляд, согласно которому в России «революция примет буржуазный характер, хотя бы на долю пролетариата и выпала в ней выдающаяся роль» (Каутский К. Терроризм и коммунизм. Берлин, 1919. С. 161).

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 101.

⁹ Там же. С. 102.

¹⁰ См. работы К. Каутского: Die Diktatur Proletariats. Wien, 1918; Terrorismus und Kommunismus: Ein Beitrag zur Naturgeschichte der Revolution. В., 1919; Von der Demokratie zur Staatsklaverei. В., 1922; Die materialistische Geschichtsauffassung. В., 1927. Bd. I—II; и др.

ской фальсификации научного социализма Маркса — Энгельса. Он показал также, что по своему содержанию ревизионизм — это целый комплекс идейно-теоретических положений и соответствующих им политических концепций, которые находятся в противоречии с принципами марксизма. Выдающееся произведение Ленина «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» (1920) было направлено не только против левосектантских, догматических и доктринерских взглядов, распространившихся в ряде молодых западноевропейских коммунистических партий, но одновременно и против идеологии правого оппортунизма. Ленин нацеливал революционеров-марксистов, коммунистическое движение на борьбу на два фронта: как против правого оппортунизма, социал-реформизма, так и против леворадикально-сектантского авантюризма и анархизма.

В духе этих взглядов рассматривалась и история развития воззрений К. Маркса и Ф. Энгельса. Выступив в свое время (в частности, под нажимом Г. В. Плеханова) против известной концепции Э. Бернштейна о двух периодах в развитии взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса — «революционном» и «мирном», К. Каутский позднее сам стал ее приверженцем¹¹. Заслуга В. И. Ленина и следовавших его методологии советских ученых состояла в том, что они шаг за шагом разоблачали каутскианский подход к марксистскому наследию.

Нельзя забывать того, что ответы на многие возникающие вопросы могли быть получены только в ходе практического строительства. «Мы постунали согласно тому, — писал В. И. Ленин, — чему учил нас марксизм. В то же время политическая деятельность Центрального Комитета в конкретных проявлениях всецело определялась абсолютными требованиями неотложной насущной потребности. Мы должны были сплошь и рядом идти ощупью. Этот факт сугубо подчеркнет всякий историк... Мы брались за дело, за которое никто в мире в такой широте еще не брался»¹². В деле социалистического строительства, отмечал В. И. Ленин, «мы никогда не могли бы претендовать, и ни один разумный социалист, писавший о перспективах буду-

¹¹ «Маркс и Энгельс находились в первое время под сильным влиянием бланкизма, хотя уже с самого начала относились к нему критически. Диктатура пролетариата, к которой они стремились, в их ранних произведениях сохраняет еще многие бланкистские черты» — так К. Каутский характеризует ранние взгляды Маркса и Энгельса. Позднее, утверждал К. Каутский, опыт революции 1848 г., углубленное исследование экономических отношений капитализма убедили К. Маркса и Ф. Энгельса, что путь к социалистической революции лежит через парламент, избирательное право — одним словом, через буржуазную демократию. «Энгельс, например, в 1895 г. совершенно сдал в архив вооруженное восстание» (Каутский К. От демократии к государственному рабству. С. 161). Таким образом, согласно К. Каутскому, ставка на революцию и диктатуру пролетариата означала бы следование «бланкизму», а не историческому материализму К. Маркса — Ф. Энгельса.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 138.

щего, никогда и в мыслях не имел того, чтобы мы могли по какой-то заранее данной указке сложить сразу и составить одним ударом формы организации нового общества»¹³.

Исходя из этого, В. И. Ленин принципиально по-иному осветил многие стороны исторического развития идей К. Маркса и Ф. Энгельса, забытых или искаженных лидерами II Интернационала. К их числу относится, прежде всего, проблема диалектики перехода от капитализма к социализму.

В. И. Ленин восстановил сущность и развил идеи К. Маркса — Ф. Энгельса об объективной необходимости переходного периода от капитализма к социализму. Теоретики II Интернационала, меньшевики и каутскианцы, согласно В. И. Ленину, «не поняли, что о целом периоде перехода от капитализма к социализму учителя социализма говорили не зря и подчеркивали не напрасно „долгие муки родов“ нового общества»¹⁴. Исторический опыт всех революций, подчеркивал В. И. Ленин, подытожил К. Маркс, «дав краткую, резкую, точную, яркую формулу: диктатура пролетариата»¹⁵. В этой формуле была выражена целая концепция перехода от капитализма к социализму, углубленная и развитая В. И. Лениным.

Действительное исследование содержания идеи К. Маркса и Ф. Энгельса о диктатуре пролетариата принадлежит В. И. Ленину. Стремление К. Каутского и его последователей вытравить из марксизма идею диктатуры пролетариата (изображая ее в качестве «случайного словечка», неизжитых еще остатков «бланкизма» и т. п.), игнорирование ими идей переходного периода, пропаганда концепции «вырастания» социализма путем эволюции «демократического капитализма» — все это искажало содержание марксистского наследия по принципиальным мировоззренческим проблемам. По вопросам объективных закономерностей общественного развития в марксизм вносился эволюционизм, элементы фатализма и механицизма. Действие законов общественного развития представлялось чем-то вроде природных сил, в которых фактически не оставалось места для исторической инициативы, сознательной преобразующей деятельности человека, класса, партии. Социалистическая революция, революционная зрелость пролетариата механистически связывались лишь с уровнем развития производительных сил, и предполагалось, что необходимый их уровень может достигнут только в недрах старого строя, т. е. является якобы лишь «миссией» капитализма. Проблемы субъективного фактора в их действительном объеме, а стало быть, диалектика объективного и субъективного упускались из виду теоретиками II Интернационала.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 379.

¹⁴ Там же. С. 301.

¹⁵ Там же. С. 196.

Действительное содержание диалектики объективного и субъективного в общественном развитии было восстановлено и развито применительно к проблематике новой эпохи В. И. Лениным и прежде всего в его концепции социализма как создания самих народных масс¹⁶. «Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности»¹⁷, — постоянно подчеркивал В. И. Ленин. Социализм не может «вырасти» из капитализма в силу своей качественно новой природы. В недрах предшествующего ему общества создаются лишь объективные и субъективные предпосылки. Но претворение сложившихся возможностей в действительность не может произойти само собою, автоматически. Необходим колоссальный подъем субъективного фактора в создании и функционировании нового общества. Его создание — дело большинства народа. Формой организации революционной инициативы масс, исторического творчества в данный период выступает, как доказал В. И. Ленин, диктатура пролетариата.

Стремясь дискредитировать идею диктатуры пролетариата, К. Каутский и меньшевики пытались доказать, что диктатура — это насилие, полностью отвергающее принципы демократии. Но сущность пролетарской диктатуры, подчеркивал В. И. Ленин, не в одном насилии и не главным образом в насилии. Ее важнейшие функции — творческие, созидательные, направленные на организацию экономики и воспитание нового человека. Именно диктатура пролетариата является тем реальным, конкретным историческим решением проблемы «синтеза» социализма и демократии, над которой бились поколения революционеров в России.

Нетрудно видеть, что ленинский подход к решению кардинальных проблем создания нового общества есть одновременно и развитие учения К. Маркса и Ф. Энгельса о человеке как творце своих собственных отношений, своей судьбы, о первоочередной значимости предметно-практической деятельности в процессе формирования самого человека. Не поняв этой стороны марксистского наследия, лидеры II Интернационала не смогли выпутаться из многих противоречий в своих теоретических построениях. Например, ими утверждалось, что проблема «зрелости» общества при социализме включает в себя, помимо всего прочего, определенный уровень развития экономики, культуры, участие широких масс трудящихся в управлении, т. е. выработку определенной «цивилизованности». Без такой готовности социалистическая революция объявлялась преждевременной. Но ведь очевидно, что в недрах капитализма трудящиеся не могут достичь такой способности, ибо они отстранены от сферы

¹⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 57.

¹⁷ Там же.

управления. К. Каутский и его единомышленники все надежды в этом вопросе связывали с буржуазной демократией¹⁸. В. И. Ленин вскрыл иллюзорность подобных представлений о демократии как некоем надклассовом институте. Решение данной проблемы В. И. Ленин в соответствии с учением марксизма переносит в совершенно иную плоскость — в сферу революционной практики, непосредственного практического преобразования массами социально-экономической действительности. Изменяя обстоятельства, люди изменяют и самих себя. Иного пути к формированию нового человека, помимо революционной практики, быть не может, подчеркивал В. И. Ленин. В совершенно иную плоскость, в сферу непосредственной практики трудящихся было перенесено также и решение вопроса о создании экономических основ социализма. Теоретики II Интернационала полагали, что достижение необходимого экономического уровня является миссией капитализма. В. И. Ленин доказал, что это является делом самих трудящихся. В решении проблем субъективного фактора, диалектики субъективного и объективного, занимающих центральное место в послеоктябрьских работах В. И. Ленина, он всецело опирался на концепцию К. Маркса — Ф. Энгельса о роли практики в общественном развитии.

* * * * *

Ленинские труды заложили фундамент исследования истории марксистской философии, определили главные направления и принципы работы в этой области.

В 20-е годы главные усилия советских ученых были направлены на создание *прочной источниковедческой базы марксведения, на публикацию и популяризацию литературного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса* во всей его полноте и максимальной точности. Единственной в мире научной лабораторией и международным центром собирания и публикации произведений К. Маркса и Ф. Энгельса стал созданный в 1921 г. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, объединенный в 1931 г. с Институтом Ленина.

Деятельностью Института К. Маркса и Ф. Энгельса постоянно интересовался В. И. Ленин¹⁹. Была проделана огромная исследовательская работа по собиранию и публикации литератур-

¹⁸ Взгляды Г. В. Плеханова на проблемы социалистической революции в России существенно отличались от взглядов лидеров II Интернационала, но и он писал: «Нам предстоит еще пережить более или менее длительный период капиталистического развития» (*Плеханов Г. В. Год на Родине. Париж, 1921. Т. 1. С. 106*). И далее: «О социалистическом перевороте не могут говорить у нас люди, хоть немножко усвоившие учение Маркса». «Теперь Россия страдает, — как мы повторяли уже не один раз, — не столько от развития капитализма, сколько от недостатка его развития» (Там же. С. 26).

¹⁹ См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 63, 64; Т. 54. С. 9.*

ного наследия основоположников марксизма²⁰, получившая широкое международное признание. В документах V Конгресса Коминтерна (1924) отмечалось: «Общий упадок научных исследований после войны отразился, разумеется, и на марксистской науке. Единственной страной, где марксистская наука движется по восходящей линии, является Советская Россия — страна революционного пролетариата... Западные же коммунистические партии до сих пор не создали в области марксизма ничего, заслуживающего быть отмеченным... Международными центрами теоретической работы в области марксизма-ленинизма в смысле научно-исследовательской работы являются: Институт Маркса и Энгельса, Институт имени Ленина и Коммунистическая Академия»²¹. Тщательный просмотр личного архива К. Маркса и Ф. Энгельса, многочисленных газет и журналов, другая исследовательская работа привели к открытию многих ранее совершенно неизвестных материалов.

Материалы из теоретического наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, обильно поступавшие в научный обиход, позволили более глубоко взглянуть и на историю марксистской философии. Советские ученые высоко оценили и использовали, в частности, результаты работы немецкого исследователя Густава Майера, по существу открывшего молодого Ф. Энгельса. До работ Г. Майера считалось, что его теоретическая деятельность началась лишь в 1844 г., и поэтому Ф. Меринг, например, утверждал, что Энгельс уже в первых работах проявил себя более «завершенным», чем Маркс²². Биография Ф. Энгельса, подготовленная Г. Майером, и собрание ранних работ Ф. Энгельса с 1838 по 1844 г., сразу же получили отклик в советской литературе²³. Выход в 1923 г. двух томов сочинений Маркса и Энгельса²⁴, в которых многие их ранние работы появились на русском языке впервые, явился важным событием в идейной

²⁰ См.: Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса: История публикации и изучения в СССР. М., 1969

²¹ Коминтерн в документах. М., 1932. С. 428.

²² Так, Ф. Меринг писал, что «наши сведения о молодых годах Энгельса очень скудны. Но вряд ли они были так богаты внутренней борьбой, как молодые годы духовного развития Маркса» (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 1841—1850. Одесса, 1908. Т. 1. С. 483).

²³ В. Адоратский отмечал, что хотя буржуазная точка зрения часто мешает автору, но «всякий исследователь, интересующийся Энгельсом, будет благодарен Майеру за его труд и особенно за материалы, опубликованные им в дополнительном томе „Юношеские произведения Ф. Энгельса. Статьи, корреспонденции, письма, стихотворения с 1838 по 1844 г.“» (Печать и революция. 1921. Кн. 1. С. 155). Биография Энгельса вышла на русском языке в 1920 г. См.: *Майер Г. Молодые годы Фридриха Энгельса (1820—1851)*/В сокращ. излож. Л. И. Раевского. М., 6/г.

²⁴ См.: *Маркс К. Статьи и письма 1837—1844 гг.* М., 1923. Т. I; *Энгельс Ф. Статьи и корреспонденции. 1839—1844 гг.* М., 1923. Т. II.

жизни²⁵. Однако несколько позднее стало известно о существовании многих новых рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса²⁶, поэтому начатое издание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса было прекращено и по решению XIII съезда ВКП(б) и V Конгресса Коминтерна приступили к подготовке нового издания их сочинений. Вновь найденные материалы публиковались в журналах «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», «Летописи марксизма» и др. К началу 30-х годов Институт К. Маркса и Ф. Энгельса располагал фотокопиями и рукописями подавляющей части всего литературного наследия основоположников марксизма. Именно благодаря деятельности Коммунистической партии Советского Союза международный пролетариат получил доступ к их теоретическому наследию в его наиболее полном и адекватном виде. Со второй половины 20-х годов Институт К. Маркса и Ф. Энгельса приступил к выпуску первого издания сочинений Маркса и Энгельса на русском языке (1928) и на языке оригинала (1927).

Огромная работа, проведенная в 20-е годы по созданию источниковедческой базы марксведения и публикации литературного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса, явилась основой для научных исследований в области истории марксистской философии.

При этом с самого начала было ясно, что существо философии К. Маркса и Ф. Энгельса можно освоить лишь в результате уяснения ее исторического развития. Но философская наука в то время сама еще переживала период становления. Она должна была достигнуть определенной зрелости, чтобы получить сколько-нибудь ощутимые результаты в области истории марксистской философии и разрешить многие трудности как идеологического, так и научно-исследовательского характера.

Работа над историей марксистской философии в этот начальный период представляла собой чрезвычайно неоднозначную картину. Все значительные дискуссии тех лет о существовании марксистской философии непосредственно вторгались в исследования ее истории, а зачастую и протекали на их почве. Наибольшую остроту приобрели споры по вопросу отношения философии К. Маркса и Ф. Энгельса к ее теоретическим источникам, в особенности к философии Гегеля и Фейербаха, а также Спинозы. В свою очередь, эта дискуссия переплеталась с процессом пере-

²⁵ До этого издания, отмечал в рецензии С. Кривцов, мы почти не знали молодого Энгельса: «После работ Рязанова и Майера мы должны составить себе совершенно новую картину духовного развития Энгельса» (*Кривцов С. Сочинения Маркса и Энгельса // Вестн. Соц. акад. 1923. Кн. 6. С. 380*).

²⁶ В 1923 г. Д. Рязанов сообщил о найденных им в архивах германской социал-демократической партии многих ранее неизвестных рукописях. Это были «Критика гегелевской философии права», «Экономическо-философские рукописи 1844 г.», «Немецкая идеология», «Диалектика природы». См.: *Рязанов Д. Новые данные о литературном наследии К. Маркса и Ф. Энгельса // Вестн. Соц. акад. 1923. Кн. 6.*

вода всей науки, и особенно естествознания, на рельсы диалектико-материалистического мировоззрения. Имело место различное понимание того, в каком направлении следует разрабатывать теорию материалистической диалектики и как она должна способствовать решению проблем социалистического строительства (достаточно вспомнить критику «механистов», а затем и работ А. Деборина и его сотрудников).

Проблемы истории марксистской философии рассматривались в этот период в таких научных центрах, как Социалистическая (затем Коммунистическая) академия, Институт Красной профессуры, Научное общество марксистов, Украинский институт марксизма, Институт К. Маркса и Ф. Энгельса и др.

Вполне естественно, что сразу же, в первые послеоктябрьские годы существенных, принципиально новых научно-исследовательских результатов еще не могло быть получено. Условия для этого только складывались. Первые исследования имели преимущественно популярный, пропагандистский характер, поскольку необходимо было ознакомить широкие слои населения с общей картиной учения К. Маркса и Ф. Энгельса, их биографией. Речь идет прежде всего о литературе, вышедшей в связи с тремя памятным датами — 100-летием со дня рождения К. Маркса²⁷, а затем — с 40-летием со дня его смерти²⁸ и 100-летием со дня рождения Ф. Энгельса.

Опубликованная литература по содержанию была неоднородной. Отдельной брошюрой была издана работа В. И. Ленина «Карл Маркс»²⁹, ленинские статьи печатались во многих юбилейных сборниках. Сборник «Карл Маркс. Мыслитель, человек, революционер» (1923) включал статьи о К. Марксе Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова, Ф. Меринга, Р. Люксембург и др.

Отличительной особенностью публикаций того времени было стремление раскрыть и подчеркнуть революционную сущность марксистской теории в противовес оппортунистической теории и практике лидеров II Интернационала. Отмечалось, что марксистская теория развивалась в ходе решения проблем революционной практики. Критика искажений истории марксистской философии оппортунистами II Интернационала постоянно находилась в поле зрения.

Советские ученые с первых же послеоктябрьских лет стремились продолжить и упрочить традиции научного интереса к

²⁷ См.: *Стеклов Ю.* Карл Маркс, его жизнь и деятельность (1818—1883). Пг., 1918; *Луначарский А. В.* Карл Маркс: Ко дню столетнего юбилея со дня его рождения (1818—1918). Пг., 1918; *Карл Маркс: К столетию со дня его рождения (1818—1918)*. Пг., 1918.

²⁸ См.: *Памяти Карла Маркса. 1883—1923*. Пг., 1923; *Памяти Карла Маркса: Сб. ст. к сорокалетию со дня его смерти. 1883—1923*. М., 1923; *К 40-летию годовщины смерти Маркса (1883—1923)*. Самара, 1923; *Карл Маркс. Мыслитель, человек, революционер*. М., 1923.

²⁹ См.: *Ленин В. И. Карл Маркс*. М., 1918.

проблемам преемственности марксистской философии с историей материализма и диалектики. Эти традиции в русском и международном революционном движении были заложены Г. В. Плехановым и В. И. Лениным.

При всех существенных отличиях подхода Г. В. Плеханова и В. И. Ленина к проблеме преемственности их объединяет общая линия защиты научных результатов, полученных в историческом развитии материализма и диалектики, критическое освоение которых было одной из необходимых теоретических предпосылок возникновения самой философии марксизма. Благодаря Г. В. Плеханову и В. И. Ленину в международное революционное движение прочно вошли идеи о том, что критическая переработка достижений предшествующего материализма и диалектики образует живительный источник развития материалистической диалектики и что любое отклонение, выступает ли оно в форме пренебрежения к предшествующей истории, либо в форме некритического восприятия ее идей, обязательно ведет к обеднению марксизма и легко может положить начало возрождению уже пройденных этапов философского развития.

Проблема отношения философии К. Маркса и Ф. Энгельса к философии Фейербаха и Гегеля первоначально обсуждалась преимущественно в духе идей Г. В. Плеханова, как они были изложены, например, в работах «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», «Очерки по истории материализма», «Критика наших критиков», «От идеализма к материализму», «Основные вопросы марксизма» и др.

На первый взгляд кажется, что о работах Г. В. Плеханова следовало бы говорить лишь применительно к дооктябрьскому периоду, когда они и были написаны. Но дело в том, что его труды были актуальны. На них опирались советские ученые, а в печати велись оживленные дискуссии вокруг его работ. И конечно, трудно понять многие особенности философской жизни той поры без учета того, что философские работы Г. В. Плеханова пользовались непререкаемым авторитетом почти до конца 20-х годов.

В свою очередь, его идеи по поводу истории марксистской философии могут оцениваться лишь с учетом конкретно-исторических условий их возникновения, с учетом тех проблем, которые тогда должна была решать марксистская мысль. Касалось это и проблемы преодоления ревизионистских идей, утверждавших «отсутствие» в марксизме собственной философии (Э. Бернштейн, К. Шмидт и др.).

Как уже отмечалось, заслуга Плеханова состояла в том, что он выполнил огромную предварительную работу по систематизации философских идей К. Маркса и Ф. Энгельса, подчеркнул их преемственную связь с историей материализма и диалектики. Поэтому значимость его исследований в области истории

марксистской философии, его влияние в послеоктябрьские годы определялись в общем правильной линией, хотя в конкретных детализациях она проводилась Плехановым далеко не безупречно.

Ошибки в ее проведении были неизбежны и потому, что значительная часть философского наследия К. Маркса и Ф. Энгельса была вообще неизвестна и недоступна для исследователей³⁰. Оставался еще совершенно неизученным характер перехода К. Маркса и Ф. Энгельса от Гегеля и Фейербаха, от английской политической экономии через разворачивавшуюся классовую борьбу пролетариата к диалектическому материализму. И поскольку многие звенья в цепи формирования воззрений К. Маркса и Ф. Энгельса оставались для исследователей «белыми пятнами», то нетрудно было оказаться в плену схемы, согласно которой становление философии марксизма шло «скачками» по следующим ступеням: гегельянство (докторская диссертация Маркса) — фейербахианство («Святое семейство») — синтез первого со вторым («Нищета философии»). Ситуация осложнилась в результате публикаций в 1924 г. Л. Дейчем с предисловием Л. Аксельрод (Ортодокс) записи лекции «Философская эволюция Маркса»³¹, которая была ошибочно приписана Плеханову. Идеи этой лекции имели значительное распространение до тех пор, пока результаты исследований новых документов из наследия К. Маркса и Ф. Энгельса не заставили усомниться в той схеме философской эволюции Маркса, которая была представлена в данной работе³².

В представлении о марксистской философии как синтезе гегелевской диалектики и предшествующего материализма был некоторый положительный смысл, поскольку эта идея противостояла ревизионизму, третировавшему диалектику Гегеля и материализм Фейербаха и пытавшемуся соединить материалис-

³⁰ В знаменитом издании Ф. Меринга трудов К. Маркса и Ф. Энгельса (Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassal. Stuttgart, 1902), долгое время остававшемся единственным источником о периоде формирования марксизма, были чрезвычайно большие пробелы. В нем отсутствовали работы Ф. Энгельса до 1844 г., из ранее не публиковавшихся рукописей была найдена и включена лишь докторская диссертация К. Маркса. Ф. Мерингу были неизвестны рукописи таких работ, как «Критика гегелевской философии права», «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Немецкая идеология». Ряд работ публиковался в данном издании с сокращениями.

³¹ См.: Группа «Освобождение труда». 1924. № 2. В 1928 г. эта лекция была включена Д. Рязановым в качестве приложения в 18 т. том сочинений Г. В. Плеханова.

³² В работе «Философская эволюция Маркса» утверждалось, что путь идейного развития К. Маркса и Ф. Энгельса «представляет три этапа: первый этап — абстрактное гегелевское самосознание, второй этап — конкретно-абстрактный человек Фейербаха, третий и последний этап — реальный человек, живущий в реальном классовом обществе в определенной общественно-экономической обстановке» (Плеханов Г. В. Соч. М.; Л., 1928. Т. 18. С. 333). При этом считалось, что на втором этапе никакого положительного влияния гегелевской диалектики якобы вообще не было,

тическое понимание истории с идеализмом Канта, махизмом, естественнонаучным материализмом и т. п. В целом, однако, указанная характеристика марксистской философии была неверной, ибо не содержала указания на принципиальное преодоление марксизмом ограниченности и пороков диалектики Гегеля и материализма Фейербаха, затушевывала качественное отличие диалектического материализма от предшествующей истории материализма и диалектики.

Ряд ошибочных моментов в работах Г. В. Плеханова и авторов, следовавших его идеям в области истории марксистской философии, не может быть объяснен лишь одним состоянием источниковедения и необходимостью в конкретных условиях 20-х годов акцентирования внимания больше на преемственной связи, чем на качественном отличии марксовского материализма от предшествующего. Можно с полной определенностью утверждать, что центральная идея «Тезисов о Фейербахе», согласно которой предшествующий материализм берет действительность только в форме объекта, а не субъективно, трактуется Г. В. Плехановым односторонне. Г. В. Плеханов полагал, что К. Маркс и Ф. Энгельс «были в течение некоторого времени последователями Фейербаха» и «до конца своей жизни остались таковыми, что касалось общего философского взгляда на отношение субъекта к объекту»³³. Он зачастую сводил проблему субъект-объектных отношений лишь к взаимосвязи сознания и бытия, рассматривал ее преимущественно в рамках категорий «первичности-вторичности». В результате революционный гуманизм марксова материализма, специфически марксовская постановка коренных проблем диалектики субъективного и объективного по сути дела не затрагивались. Новизну подхода К. Маркса к философии Плеханов видел главным образом в том, что он создал учение о материалистическом понимании истории, а не в том, что К. Маркс по-новому решил также многие вопросы философского материализма, теории познания и т. д. У Плеханова намечался разрыв диалектического материализма и материалистического понимания истории. Односторонней была трактовка им генезиса марксистской теории познания. Например, «Тезисы о Фейербахе» Плеханов так и не понял, хотя неоднократно пытался их интерпретировать. Считая, что теория познания марксизма является прямым продолжением гносеологии Фейербаха, Г. В. Плеханов тем самым умалял значение гегелевской теории познания, недооценивал значение гегелевского решения проблемы взаимоотношения диалектики, логики и теории познания для формирования гносеологии марксизма.

Общая линия Г. В. Плеханова в постановке и решении кардинальных проблем истории марксистской философии в

³³ Плеханов Г. В. Избр. филос. произведения. М., 1957. Т. III. С. 683.

противовес той, которая отстаивалась ревизионистами и значительной частью теоретиков II Интернационала, была ценной и плодотворной. Но в деталях его позиция зачастую оказывалась ошибочной. Поэтому, хотя В. И. Ленин и подчеркивал, что нельзя стать настоящим марксистом, не изучив всего того ценного, что сделано по философии Плехановым, тем не менее в этой высокой оценке никак нельзя усматривать ни тождество в конкретном проведении этой общей линии у Г. В. Плеханова и у В. И. Ленина, ни призыв к отказу от критики философских ошибок и односторонности Г. В. Плеханова в подходе к ряду проблем истории марксистской философии. Утверждение ленинского подхода к наследию Г. В. Плеханова, касающегося существования марксистской философии, было длительным и сложным³⁴.

Продолжая общую плодотворную линию Г. В. Плеханова в научной, марксистской трактовке истории материализма и диалектики, многие авторы в послеоктябрьский период вместе с тем разделяли, а нередко и усугубляли его ошибки в решении конкретных вопросов. Это отчетливо проявилось, например, в литературе, посвященной 50-летию со дня смерти Фейербаха (1922). Стремясь использовать все ценное у Фейербаха для борьбы с фидеизмом и поповщиной, отстаивая его материализм от нападок со стороны идеалистов и ревизионистов и ссылаясь на высокие оценки Фейербаха Г. В. Плехановым, многие авторы в начале 20-х годов чрезмерно сближали материализм К. Маркса и Л. Фейербаха и упрощенно трактовали становление воззрений К. Маркса и Ф. Энгельса³⁵.

Недостатка в заявлениях о том, что К. Маркс и Ф. Энгельс превзошли в своем развитии философию Фейербаха, не было, но они оставались декларативными. Кроме того, период формирования философии марксизма (время создания «Святого семейства»), зачастую рассматривался как исключительно антигегелевский. В литературе еще сказывалось не только отсутствие многих источников, относящихся к периоду формирования марксизма, но и недостаточная разработанность, отсутствие систематизации проблем теории материалистической диалектики. Необ-

³⁴ Если в начале 20-х годов многие авторы чрезмерно сближали философские взгляды Г. В. Плеханова и В. И. Ленина (В. Ваганян, например, утверждал, что «диалектику Ленин взял такой, какой она вошла в систему Маркса, такой, какой усвоил ее и Плеханов» (Под знаменем марксизма. 1924. № 1)), то с начала 30-х годов выявилась другая неверная тенденция — критика ошибок Г. В. Плеханова стала граничить с несправедливым нигилистическим отношением к его наследию.

³⁵ В. Рожицын, например, утверждал: «Фейербах был диалектиком и материалистом, но он не был диалектическим материалистом... Маркс и Энгельс только объединили то, что во взглядах Фейербаха было двумя плохо объединенными и потому противоречивыми воззрениями, соединили диалектику и материализм» (Рожицын В. Людвиг Фейербах: К 50-летию со дня смерти. Харьков, 1922. С. 16). Присоединялся к односторонней плехановской трактовке «Тезисов о Фейербахе» К. Маркса и А. М. Деборин в книге «Людвиг Фейербах. Личность и мировоззрение» (1923) и др.

ходимость разработки теории материалистической диалектики была сформулирована В. И. Лениным в статье «О значении воинствующего материализма». Но в 20-е годы к осуществлению этой программы были сделаны лишь первые шаги. Поэтому появление новых источников, относящихся к истории формирования марксизма, не могло так сразу внести существенные изменения в изучение вопроса об отношении основоположников марксизма к гегелевской диалектике³⁶.

Новые подходы к вопросу об отношении основоположников марксизма к гегелевской диалектике появились в литературе лишь тогда, когда советские философы приступили к реализации ленинской программы систематической разработки теории материалистической диалектики. Первой развернутой работой по этому вопросу явилась книга А. Деборина «Маркс и Гегель» (1923). Она положила начало той трактовке материалистической диалектики и ее истории, которая в дальнейшем, с конца 20-х годов, станет объектом критики за сближение марксистской философии с гегелевской³⁷.

Эта работа А. Деборина представляла известный шаг вперед по сравнению с его же работой «Людвиг Фейербах» (1923) и была интересна тем, что противостояла тенденциям к умалению значения диалектики Гегеля в становлении материалистического понимания истории. Хотя имя Г. В. Плеханова в этой работе и не называлось, но ее содержание по сути дела игнорировало широко распространенные в литературе 20-х годов попытки слишком расширительно и буквально трактовать смысл утверждения Г. В. Плеханова о том, что гносеология К. Маркса непосред-

³⁶ В 1924 г. в первой книге «Архива Маркса и Энгельса» была опубликована часть «Немецкой идеологии» под названием «К. Маркс и Ф. Энгельс о Фейербахе». Неполнота прежних представлений по вопросу отношения К. Маркса к Л. Фейербаху сразу же была отмечена в литературе, но прежняя недооценка гегелевской диалектики еще сохранялась. Например, в 1925 г. Г. Рожкин во втором издании работы «Фейербах и Маркс. (О философских источниках марксизма)» хотя и вносит ряд уточнений к первому изданию (первая публикация была в сборнике «Памяти Людвига Фейербаха», 1922), но истории диалектики в процессе формирования воззрений К. Маркса и Ф. Энгельса по-прежнему было уделено чрезвычайно мало внимания.

³⁷ Сам А. Деборин скажет об этом в 1934 г.: «Мы, марксисты старшего поколения, находились под сильным влиянием Плеханова. Наши взгляды сложились в конце 90—900-х годах, когда Плеханов считался признанным философом партии. Его ошибки мы тогда твердо усвоили и отступить в то время, о котором я говорю, от трактовки Фейербаха или Спинозы означало чуть ли не ревизовать марксизм.

...Существовал среди марксистов в ту пору взгляд, согласно которому для марксистов лестно иметь „близкими родственниками“ таких людей, как Спиноза, Фейербах и вообще крупных мыслителей прошлого... Я лично старался выяснить главным образом точки сближения между Фейербахом, Гегелем и марксизмом, обращал внимание на сближение и упускал часто из виду то, что резко противоречит марксизму. Отсюда был неизбежный крен с моей стороны как в сторону Фейербаха, так и в сторону Гегеля, как в сторону переоценки Фейербаха, так и в сторону переоценки диалектики Гегеля.» (Материалы научной сессии к пятидесятилетию со дня смерти Маркса. М.; Л., 1934. С. 139—140).

ственно происходит из гносеологии Фейербаха, что она, собственно, и есть гносеология Фейербаха, но только углубленная посредством сделанной к ней К. Марксом «гениальной прибавки», т. е. идеи об активности познающего субъекта, сформулированной в «Тезисах о Фейербахе». А. Деборин подчеркивал, что не только материализм Фейербаха, но и гегелевская диалектика субъекта-объекта, его историзм в рассмотрении этой проблемы питают материалистическое понимание истории и гносеологию марксизма.

Иной ориентации в трактовке истории становления и развития марксистской философии придерживалась Л. Аксельрод, в прошлом ученица Плеханова. В предисловии к приписываемой Г. В. Плеханову лекции «Философская эволюция Маркса» (1924) она утверждала, что Г. В. Плеханов «как бы тревожно предостерегает от преувеличения и чрезмерной оценки элементов гегелианства и фейербахизма для марксизма»³⁸. Но поскольку сама Л. И. Аксельрод придерживалась ошибочной интерпретации высказывания Г. В. Плеханова: «Марксизм — это род Спинозизма»³⁹, — постольку сказывалось ее собственное непонимание роли диалектики как метода и теории познания марксизма; на первый план выступала механистическая трактовка материализма и соответственно неверная трактовка генезиса марксистской философии.

Публикация в 20-х годах новых документов о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса позволила преодолеть имевшие место ошибочные представления о роли Ф. Энгельса в истории марксистской мысли. Ведь философское наследие Ф. Энгельса в то время в должной мере еще не рассматривалось и даже недооценивалось⁴⁰. «У нас мало знают Энгельса»⁴¹, — писал, в частности, В. Сарабьянов, отмечавший не только определенные успехи, но и наличие пробелов и ошибок при изучении места Ф. Энгельса в истории марксизма⁴².

³⁸ Группа «Освобождение труда». № 2. С. 7.

³⁹ Главным в философии Спинозы Л. Аксельрод считала отрицание телеологии и «признание единственным и универсальным методом исследования механической причинности». Эти положения Спинозизма, согласно Л. Аксельрод, «роднят эту систему как со старым, так и с новым — диалектическим материализмом» (Аксельрод Л. Предисловие // Плеханов Г. В. Основные вопросы марксизма. Курск, 1925. С. 168).

⁴⁰ В. Быстрянский утверждал, например, что литературное наследие Ф. Энгельса «состоит большей частью из газетных статей — полемических произведений, статей, написанных на злобу дня» (Быстрянский В. Фридрих Энгельс (1820—1920 гг.). Пг., 1920. С. 15).

⁴¹ Сарабьянов В. Фридрих Энгельс. М., 1925. С. 1.

⁴² В. Сарабьянов считал, что хотя большевизм всегда опирался на наследие как К. Маркса, так и Ф. Энгельса, но «только энгельсизм, т. е. продолженный марксизм, мог дать большевизм... Не больший ли Ленин ученик Энгельса, чем Маркса?» (Сарабьянов В. Фридрих Энгельс. С. 7). «Большевизм победил, так как большевизм вырос на энгельсизме как на второй главе марксизма» (Там же. С. 133),

Открытые Г. Майером документы, а также источники, введенные в научный обиход Ф. Мерингом, Д. Рязановым и др., использовались М. В. Серебряковым в исследованиях о молодом Энгельсе⁴³. Хотя его труды также не были лишены ошибок, но все-таки они опирались на широкий круг материалов и составили заметную веху в становлении советского энгельсоведения.

С появлением новых документов из наследия К. Маркса и Ф. Энгельса контуры истории развития марксистской философии становились все более четкими. Сформулированная В. И. Лениным в статье «О значении воинствующего материализма» задача разработки теории материалистической диалектики все в большей мере начинала определять характер исследований истории марксистской философии. Со второй половины 20-х годов актуальность этой работы особенно выявилась в связи с критикой механицизма.

Дискуссия с механистами, отразившая сложный процесс внедрения диалектико-материалистической методологии в естествознание, активизировала исследование проблем соотношения диалектического материализма и естественных наук, материалистического понимания истории и философского материализма. В этой связи вновь было подчеркнуто, что марксистский философский материализм является единым и цельным, что первостепенная значимость в общей структуре марксистского наследия принадлежит диалектическому методу и что именно материалистическая диалектика составляет решающее и важнейшее содержание в марксистском наследии. Публикации (1925) ленинского фрагмента «К вопросу о диалектике» и конспекта гегелевской «Науки логики» из «Философских тетрадей» В. И. Ленина, а также «Диалектики природы» Ф. Энгельса явились важным событием в философской жизни страны. Они позволили глубже выявить существо многих вопросов материалистической диалектики и истории ее развития. Эти работы сыграли решающую роль в критике механистических и позитивистских тенденций в интерпретации истории марксистской философии⁴⁴.

⁴³ См.: *Серебряков М. В.* Энгельс и его участие в обосновании научного социализма // Записки научного общества марксистов 1922. № 1; *Он же.* Ранняя юность Фридриха Энгельса // Там же. № 2, 3; *Он же.* Макс Штирнер перед судом наших современников // Там же. № 4; *Он же.* Энгельс и младогегельянцы // Там же. 1923. № 6; *Он же.* Поворот молодого Энгельса к коммунизму // Там же. 1927. № 7. Ряд статей об Энгельсе М. В. Серебряков опубликовал в 1920—1922 гг. в журнале «Красный балтиец».

⁴⁴ Например, И. Степанов пытался провести идею о том, что философской основой исторического материализма является естественнонаучный материализм, под которым он имел в виду механистический материализм. Он также утверждал, что Ф. Энгельс в начале 80-х годов якобы перешел на механистическую точку зрения, отказавшись от своих прежних взглядов, которые до этого будто бы носили витали-

Более всесторонний характер во второй половине 20-х годов приобрело исследование философского наследия Г. В. Плеханова и его места в истории марксистской философии и революционном движении. В эти годы продолжает выходить собрание сочинений Плеханова, а также отдельные сборники его работ. В 1928 г. в связи с десятилетием со дня его смерти публикуется довольно обширная литература, в которой подводились итоги предшествующих исследований его творчества и подчеркивалась необходимость исторического подхода к его теоретическому наследию в духе ленинских дифференцированных оценок различных сторон его деятельности⁴⁵. Если меньшевистские эпигоны, находясь уже в эмиграции, продолжали превозносить политические ошибки Г. В. Плеханова и выдавать его за подлинного последователя К. Маркса и Ф. Энгельса в противовес В. И. Ленину, то советские ученые, не замалчивая политических ошибок Г. В. Плеханова, показали, что все ценное в его наследии принадлежит революционному марксизму.

В 20-е годы ряд важных проблем истории марксистской философии был поднят в связи с критикой ошибочных философских концепций К. Корша, Г. Лукача, А. Богданова и других авторов, занимавших ревизионистские позиции в философии.

В марксистской литературе и ранее осознавалась необходимость более глубокого осмысления значимости категории практики в марксистском наследии, более четкого определения тех разграничительных линий в решении проблем субъекта—объекта, которые проходят между марксистской философией и материализмом Фейербаха, с одной стороны, и гегелевской философией — с другой.

Так, К. Корш и Г. Лукач почти одновременно выступили с работами, в которых предложили свое, «новое» прочтение и понимание марксизма и его философии⁴⁶. В глазах К. Корша Маркс и Энгельс отнюдь не создатели «новой философии»; ведь, по его мнению, «они видели задачу своего „научного“ социализма скорее в том, чтобы формально и по существу окончательно преодолеть и „упразднить“ не только буржуазную идеалистическую философию, но вместе с тем и всякую философию

стический характер. См.: Степанов И. Энгельс и материалистическое понимание природы // Под знаменем марксизма. 1925. № 7—9. В литературе была вскрыта несостоятельность подобных трактовок философского наследия Ф. Энгельса и подчеркнута, что он всегда оставался диалектиком. См.: Деборин А. Энгельс и диалектическое понимание природы // Там же. № 10/11; и др.

⁴⁵ Памяти Г. В. Плеханова был посвящен специальный номер журнала «Под знаменем марксизма» (1928. № 5) со статьями И. Разумовского, М. Дынника, Л. Спокойного, Л. Зивельчинской, В. Кирпотина и др.

⁴⁶ См.: Лукас Г. Geschichte und Klassenbewusstsein, В., 1923; Корш К. Марксизм и философия. М.: Л., 1924.

вообще»⁴⁷ и после 1845 г. перестали «свою новую материалистически-диалектическую точку зрения считать философской»⁴⁸.

Советские философы отвергли аргументы К. Корша; коршевское истолкование истории и теории марксизма на деле означало отказ от диалектического материализма как метода познания и природы и общества, отказ от него как философского мировоззрения⁴⁹.

Несколько под иным углом зрения, нежели К. Корш, предпринял попытку «интерпретировать» марксизм Г. Лукач в книге «История и классовое сознание» (1923). Он пытался доказать, что Ф. Энгельс не выразил всей глубины философской мысли К. Маркса и «философское разномыслие» между ним и К. Марксом осталось навсегда; если К. Маркс ограничивал применение диалектики сферой «социально-исторической действительности», видел в диалектическом методе прежде всего «метод истории», то Ф. Энгельс неправомерно расширил область действия диалектики, распространив ее и на природу. Отрицание Г. Лукачем объективной диалектики дополнялось у него выводом о несовместимости диалектики и материализма, критикой материалистической теории отражения, которую он характеризовал как учение об «отображении». В трактовке Г. Лукача «теория отображения» — это недиалектическая концепция, в которой мышление и бытие «имеют застывшую вещную структуру», «застывшие вещи эмпирического опыта»⁵⁰. «Истинно диалектическая теория» — это та, которая рассматривает действительность как «комплекс процессов»; мышление ориентируется на такую действительность, которая находится «в становлении, в тенденции, в процессе». Исходя из абсолютного противопоставления процессов вещам, Г. Лукач квалифицировал философский материализм как «догматическое мировоззрение», связанное с признанием «предметов», «вещей», диалектика же требует, «чтобы все вещи могли быть представлены как моменты текущих процессов»⁵¹.

Критические замечания Г. Лукача в адрес старого, созерцательно-механистического материализма были в принципе справедливыми. Но его критика доходила, если так можно выразиться, до «философского экстремизма», ибо полностью игнорировала момент покоя, а «без относительного покоя нет развития» (Ф. Энгельс). Критикуя концепцию Г. Лукача, советские философы подчеркивали, что учение о диалектической текучести понятий и категорий, если оно не опирается на теорию отраже-

⁴⁷ Корш К. Марксизм и философия. С. 5.

⁴⁸ Там же. С. 5, 44—45.

⁴⁹ См.: Большевик. 1924. № 7/8. С. 117—119.

⁵⁰ Лукач Г. Материализация и сознание пролетариата // Вестн. Соц. анд. 1923. Кн. 6. С. 178—179.

⁵¹ Там же. С. 151, 177.

ния, превращается в релятивизм, согласно которому есть сплошной поток движения, но нет никакой устойчивости; есть бесконечное изменение, но нет никакого закрепления этого изменения⁵².

А. Васильева, А. Деборин, Л. Маньковский, Л. Рудаш, Я. Стэн и другие советские философы квалифицировали концепцию Г. Лукача как попытку ревизовать марксизм с позиций неогегельянства, исказить всю историю формирования и развития философских взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса⁵³. Отрывая исторический материализм от философского материализма и не находя диалектике места в объективно существующей и развивающейся природе, Г. Лукач сводил содержание исторического процесса к «непрерывной борьбе за все более высокие ступени (общественного) самопознания человека», источник движения истории он усматривал также в сознании⁵⁴.

Под влиянием критики в советской философской печати Г. Лукач (с 1930 по 1945 г. он жил в СССР) самокритично оценил свою философскую позицию и признал ошибочными основные положения книги «История и классовое сознание»⁵⁵.

Решительный отпор встретила также позиция А. Богданова, пытавшегося растворить материализм и диалектику в своих «организационных» схемах и противопоставить К. Маркса и Ф. Энгельса друг другу, а Г. В. Плеханова и В. И. Ленина — К. Марксу и Ф. Энгельсу⁵⁶.

Существенные ошибки в трактовке проблем генезиса марксизма содержались также в ряде работ А. В. Луначарского. Так, в книге «От Спинозы до Маркса» (1925) он частично повторил свои старые идеи периода богостроительства. Критикуя «перемещение марксизма с легкой руки Плеханова в сторону материализма XVIII века»⁵⁷ (причем в данном случае его упреки в адрес Плеханова не имели оснований) и призывая глубже осмыслить содержание «Тезисов о Фейербахе», Луначарский выдвигал такие идеи, которые ставили под сомнение принципы

⁵² См.: *Васильева А.* Гегель в современный ревизионизм // Гегель и диалектический материализм. М., 1932. С. 196.

⁵³ См.: *Деборин А.* Георг Лукач и его критика марксизма. М., 1924; *Вайнштейн И. Г.* Лукач и его теория овеществления // Под знаменем марксизма. 1924. № 10/11; *Рудаш Л.* Ортодоксальный марксизм // Рудаш Л. Против новейшей ревизии марксизма. М., 1925. См. также серию его работ в «Вестнике Коммунистической академии» (1924. № 8, 9; 1925. № 10); *Маньковский Л.* Марксизм Георга Лукача // Против новейшей критики марксизма. М.; Л., 1929; *Ваммель Г.* На философском фронте после Октября. М., 1929; и др.

⁵⁴ См.: *Лукач Г.* Материализация и сознание пролетариата // Вестн. Соц. акад. 1923. Кн. 6. С. 149, 162.

⁵⁵ См.: *Лукач Г.* Значение «Материализма в эмпириокритицизма» для большевизации компартий // Под знаменем марксизма. 1934. № 4.

⁵⁶ См.: *Карев Н.* Тектология или диалектика // Под знаменем марксизма. 1926. № 1—5; *Гониман С.* Теория общества и теория классов Богданова // Там же, 1929. № 12; и др.

⁵⁷ *Луначарский А. В.* От Спинозы до Маркса. М., 1925. С. 70.

философского материализма. Он явно преувеличивал объем созерцательного элемента в философии Г. В. Плеханова, неправомерно противопоставлял К. Маркса Ф. Энгельсу, односторонне толковал гегелизм философии Маркса в духе не преодоленной до конца богдановской «философии практики»⁵⁸.

Публикация «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» и «Немецкой идеологии», осмысление ленинских оценок философских позиций Г. В. Плеханова, в частности его замечаний о недооценке Г. В. Плехановым диалектики как логики и теории познания, способствовали более критическому подходу к освещению вопроса об отношении К. Маркса и Ф. Энгельса в ранний период их развития к их непосредственным предшественникам в философии, а также к плехановской трактовке диалектики субъекта и объекта в марксистском наследии⁵⁹.

Вопрос о ленинском этапе в истории марксистской философии во второй половине 20-х годов еще не был поставлен во всей его полноте. Ленинская программа разработки теории материалистической диалектики продолжительное время понималась многими философами довольно узко и ограниченно, поскольку решающей базой для ее реализации считалась история философии и преимущественно материалистическая переработка основоположниками марксизма диалектики Гегеля. Но центральная мысль этой программы отстаивалась, хотя и с немалыми ошибками, в борьбе с механицизмом и с тем искажением сущности марксистской философии, ее истории и теоретических источников, которое преподносилось теоретиками II Интернационала. Знакомство с впервые опубликованными в 20-х — начале 30-х годов рукописями К. Маркса и Ф. Энгельса убедило, что

⁵⁸ Ошибочные положения А. Луначарского критиковались еще в 20-е годы, правда, далеко не всегда корректно. Так, К. Милонов в статье «Старая погудка на новый лад», подмечая слабости точки зрения А. Луначарского, утрировал ее связь с концепцией А. Богданова и игнорировал ориентацию Луначарского на углубленное изучение философского наследия К. Маркса. К. Милонов писал: «Упершись в 11-й тезис о Фейербахе, взяв его вне связи со всем учением Маркса, извращая его смысл, эмпириомонисты вслед за Богдановым твердят, что вот-де наша, т. е. богдановская, философия есть философия активности, а ваша, плехановская, — это чистое созерцание, простое объяснение, сплошной квиетизм» (Под знаменем марксизма. 1925. № 10/11. С. 114). См. также: Милонов К. Необходим ли нам Гегель? // Там же. № 7.

⁵⁹ Так, например, П. Кучеров, довольно глубоко для тех лет исследовав эту проблему, пришел к выводу: «По крайней мере на основании документов 1843 и 1845 гг. мы можем с полной определенностью утверждать, что феербахизм Маркса Плехановым явно преувеличено» (Кучеров П. Практика как единство субъекта и объекта // Под знаменем марксизма. 1929. № 5. С. 38). П. Кучеров, как и некоторые другие авторы, справедливо отмечал, что Плеханов недооценил роль гносеологии Гегеля в формировании теории познания Маркса — Энгельса. См.: Карев Н. Гегелевская диалектика в оценке молодого Маркса: (По поводу марксовской «Критики гегелевской философии права») // Вестн. Ком. акад. 1927. Кн. 23; Шмюк-ле К. Карл Маркс и Людвиг Фейербах (1843—1844 гг.) // На боевом посту. М., 1930; Айзенберг А. Возникновение материалистического понимания истории и немецкая философия // Марксизм и проблемы философии. Л., 1933; и др.

связь между философией К. Маркса — Ф. Энгельса и философией Гегеля была значительно более глубокой и сложной, чем это казалось ранее. «Философские тетради» В. И. Ленина, ставшие в этот период вначале частично, а затем и полностью доступными для исследования, со всей очевидностью показали, что из всех последователей К. Маркса и Ф. Энгельса только В. И. Ленин понял истинное содержание и значение этой связи, а также коренной противоположности материалистической диалектики Маркса—Энгельса идеалистической диалектике Гегеля. Эти публикации позволили более глубоко понять смысл и тех ленинских положений относительно истории марксистской философии и ее теоретических источников, которые были известны из уже опубликованных работ⁶⁰.

В конце 20-х — начале 30-х годов исследование ленинского теоретического наследия наряду с наследием К. Маркса и Ф. Энгельса становится важнейшей отраслью научно-исследовательской работы. В борьбе за ленинизм развивалась вся философская наука в целом. Вопрос о ленинизме был неотрывен от вопроса о путях и способах строительства социализма в стране и о путях ликвидации раскола в международном коммунистическом движении.

О значении ленинского теоретического наследия говорилось в обращении ЦК РКП(б) ко всем трудящимся в связи со смертью В. И. Ленина. Задача исследования и пропаганды ленинизма специально была подчеркнута на XIII съезде партии: «В настоящее время, в особенности по отношению к членам партии ленинского призыва, необходимо всю партийно-просветительную работу связать с основными этапами истории нашей партии в связи с исключительным значением в ней руководящих идей тов. Ленина»⁶¹. По решению съезда был открыт Институт Ленина.

В международном плане борьбу за ленинизм как творческий революционный марксизм новой эпохи, как высшее обобщение исторического опыта международного рабочего движения и как программу действий революционного пролетариата развернул Коминтерн, организатором и ядром которого была партия большевиков. Именно Коминтерн поставил в международном масштабе проблему всестороннего раскрытия значения ленинского этапа в марксизме, показал необходимость превращения

⁶⁰ Метод Маркса, писал например, Н. Карев, «позволяет нам теперь анализировать то новое, что появилось с тех пор во всемирной истории. Этот анализ и составляет задачу ленинизма. В ленинизме диалектика достигает высшего своего развития, проверяясь на опыте борьбы десятков и сотен миллионов. Здесь изучение, управление и развитие диалектического метода — и теоретическая, и практическая, и политическая задача. Недаром именно на нее все время обращал внимание Ленин» (Карев Н. Проблема философии в марксизме // Под знаменем марксизма. 1925. № 8/9. С. 43).

⁶¹ Тринадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1963. С. 610.

ленинизма в идейно-теоретическую основу борьбы за революционные социалистические преобразования.

«Неверен взгляд,— подчеркивалось в решениях V расширенного Пленума Коммунистического Интернационала (1925),— будто марксизм есть теория, а ленинизм только практика. Ленинизм есть теория и практика марксизма для периода империализма, империалистических войн и пролетарских революций, открывшихся диктатурой пролетариата в России»⁶². В решениях Пленума впервые была предпринята попытка систематизации тех новых проблем, которыми ленинизм обогатил учение марксизма⁶³.

Упрочению ленинизма содействовали выступления видных деятелей партии большевиков: С. М. Кирова, Н. К. Крупской, В. В. Куйбышева, П. С. Стучки, А. Я. Троицкого, М. В. Фрунзе, Е. М. Ярославского и др.

В первые послеоктябрьские годы новизна ленинского этапа в марксизме подчеркивалась преимущественно в сфере социально-политической проблематики. В философском плане ленинское наследие разрабатывалось еще недостаточно. Показательной в этом отношении была вначале позиция журнала «Под знаменем марксизма», некоторые авторы которого пытались, хотя и завуалированно, оспорить саму постановку вопроса о ленинском этапе в марксизме⁶⁴. В ходе решения вопроса о соотношении ленинского и плехановского теоретического наследия некоторые авторы ошибочно полагали, что новизна ленинизма заключается прежде всего в практическом претворении марк-

⁶² Коминтерн в документах. М., 1932. С. 479.

⁶³ «Ленинизм обогатил учение марксизма разработкой вопросов: 1) О теории империализма и пролетарской революции; 2) Об условиях и механике осуществления диктатуры пролетариата; 3) О взаимоотношениях пролетариата и крестьянства; 4) О значении национального вопроса вообще; 5) О значении в особенности национальных движений в колониальных и полуколониальных странах для мировой пролетарской революции; 6) О роли партии; 7) О тактике пролетариата в эпоху империализма и войн; 8) О роли пролетарского государства в переходный период; 9) О советском строе как о конкретном типе пролетарского государства на этот период; 10) О проблеме социальных прослоек в самом пролетариате как источнике раскола рабочего движения на оппортунистическое и революционное направления и т. д.; 11) О преодолении как правых социал-демократических тенденций, так и левых уклонов в коммунистическом движении („Детская болезнь левизны“»)» (Коминтерн в документах. С. 479).

⁶⁴ Например, в связи со статьей Н. Бабахана в «Правде» (1923. № 76), в которой проводилась мысль о том, что основой ленинизма является марксизм, что ленинизм — это дальнейшее развитие марксизма в новых условиях, журнал «Под знаменем марксизма» (1923. № 2/3) поместил статью В. Ваганяна (за подписью «Материалист»), в которой утверждалось, что марксизм един и потому нет нужды марксизм «переименовывать в ленинизм». В следующем номере журнала (1923. № 4/5) была опубликована статья Н. Бабахана «В защиту ленинизма», в которой подчеркивалось: «Теперь в нашу эпоху нужно Маркса и марксизм воспринимать сквозь призму Ленина и только Ленина». Далее отмечалось, что «проблема более точной формулировки и конкретизации всех черт ленинизма все более и более становится актуальной» (с. 253).

сизма (сторонником такого взгляда вначале был А. Деборин).

Недооценка теоретического наследия В. И. Ленина критиковалась многими авторами. «Нужно сказать,— писал А. Троицкий,— что одним среди предубеждений, существующих вокруг Ленина, одним едва ли не самым распространенным, является непризнание за ним качеств теоретика»⁶⁵. И. Разумовский отмечал, что ходячее противопоставление «практика» В. И. Ленина «теоретику» К. Марксу основывается по большей части на том вульгарном понимании революционной практики, которое К. Маркс осудил еще в «Тезисах о Фейербахе»⁶⁶. В этом же духе высказывались и другие авторы.

Со второй половины 20-х годов, особенно в ходе борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией, в научной и пропагандистской литературе начинает утверждаться подход к учению В. И. Ленина как к новому этапу в развитии марксизма. Советскими марксистами предпринимались попытки, вначале преимущественно в статьях, а затем и в монографиях раскрыть то новое, что внес В. И. Ленин в марксистскую философию, в исследование диалектики общественного развития, в теорию социалистического строительства и революционного движения⁶⁷.

Но до конца 20-х годов кардинальной постановки вопроса о ленинском этапе в марксистской философии еще не было дано. Многие из ленинского теоретического наследия было не только еще не изучено, но и не разыскано, не собрано, не опубликовано. Поэтому в печати постоянно высказывалась озабоченность в связи с недостаточно глубокой разработкой философского наследия В. И. Ленина.

Новый период в исследовании истории марксистской философии начался с философской дискуссии конца 20-х — начала 30-х годов. Важнейшим результатом ее явилась постановка вопроса о ленинизме как высшем этапе в марксизме, органически сочетающем в себе теорию и метод марксизма с революционной созидательной практикой в новую эпоху. В Постановлении ЦК ВКП(б) «О журнале „Под знаменем марксизма“» (1931) отмечалось, что, несмотря на известные достижения, работа журнала была оторвана от задач социалистического строительства, ее главный недостаток заключался в том, что журнал исходил из

⁶⁵ Под знаменем марксизма. 1925. № 4/5. С. 15.

⁶⁶ См.: Там же. № 1/2. С. 34.

⁶⁷ К числу первых таких попыток систематизации идей В. И. Ленина относятся неоднократно переиздававшаяся книга П. М. Керженцева «Ленинизм. Введение в изучение Ленина» (1924). В эти же годы выходят работы: *Адоратский В. В.* Как и что читать из произведений Ленина. М., 1924; *Он же.* Исторический материализм: Хрестоматия по Ленину. М., 1924; *Стучка П.* Ленинизм и государство. М., 1924; *Быстрянский В. В.* Ленин как материалист-диалектик. Л., 1925; *Луппол И.* Ленин и философия: (К вопросу об отношении философии и революции). М., 1927; *Деборин А. М.* Ленин как мыслитель. М., 1929; и др. В 1924 г. вышел специальный номер журнала «Под знаменем марксизма» (№ 2), целиком посвященный рассмотрению вклада В. И. Ленина в теорию и практику марксизма.

ошибочной установки, вытекающей из непонимания сущности ленинского этапа как новой ступени в развитии философии марксизма.

В ходе дискуссии и особенно после нее вновь были подняты почти все прежние вопросы, касающиеся истории формирования марксистской философии, ее отношения к философии Гегеля, Фейербаха, Спинозы. Критическому анализу была подвергнута почти вся выходившая прежде литература по этим вопросам. Материалистическая переработка диалектики Гегеля сопровождалась критикой ее сближения с марксистской диалектикой в работах А. Деборина и т. д.⁶⁸

Ленинские принципы анализа истории марксистской философии все больше утверждались в качестве методологической основы исследований. Под знаком требований ленинского подхода к марксистскому наследию было широко отмечено 50-летие со дня смерти К. Маркса (1933). Этой памятной дате были посвящены значительное число публикаций⁶⁹ и ряд научных сессий, были подведены итоги работы над марксистским наследием в духе постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма»⁷⁰.

Вновь были подняты вопросы истории формирования воззрений К. Маркса и Ф. Энгельса. При этом главное внимание уделялось сущности революционного переворота, совершенного ими в философии, раскрытию решающей роли личного участия К. Маркса и Ф. Энгельса в практике классовой борьбы. Однако не обошлось и без преувеличений. Некоторые авторы, стремясь показать качественную новизну марксистской философии в сравнении с предшествующим материализмом и диалектикой, в своем критическом отношении к литературе 20-х годов и установкам Г. В. Плеханова вообще стали отрицать какое-либо значение теоретических источников, преувеличивая философскую зрелость ранних работ К. Маркса и Ф. Энгельса⁷¹. С критикой такого уп-

⁶⁸ Адоратский В. Гегель, Маркс и Ленин // Под знаменем марксизма. 1931. № 11/12; Он же Ленин о гегелевской логике и диалектике (по «Философским тетрадам») // Пролет. революция. 1929. № 4; Вышинский П. О противоречии метода и системы в философии Гегеля // Красная новь. 1931. № 10/11; Горохов Ф. Философско-исторические взгляды Гегеля и исторический материализм // Под знаменем марксизма. 1932. № 11/12; Митин М. Гегель и теория материалистической диалектики. М., 1932; Ральцевич В. Гегель как идеолог буржуазии // Под знаменем марксизма. 1931. № 11/12; Юдин П. Борьба на два фронта в философии и гегелевская диалектика // Там же. Ряд из этих статей был объединен в сборник «Гегель и диалектический материализм».

⁶⁹ См.: Указатель литературы, выпущенной к 50-летней годовщине смерти К. Маркса // Пролет. революция. 1933. № 2.

⁷⁰ См.: Марксизм и проблемы философии. Л., 1933; До пятидесяти років смерті Карла Маркса. Харків; Київ, 1933; Коммунистическая академия. Институт философии: Материалы науч. сес. М., 1934.

⁷¹ См.: Загоруйко О. Про філософську еволюцію Карла Маркса. Харків; Київ, 1930; Дипендин П. К вопросу о философском развитии К. Маркса // Заочные курсы марксизма-ленинизма. 1933. № 4/5; Дипендин П., Николаев С. О философском раз-

рощенного подхода выступил, в частности, В. Светлов⁷², одним из первых систематизировавший ленинские идеи о формировании марксистской философии.

В начале 30-х годов были опубликованы новые первоисточники, например, часть математических рукописей Маркса, что активизировало изучение проблемы «Маркс и естествознание»⁷³.

Формирование эстетической концепции К. Маркса как органической части всей марксистской философии было прослежено в работе М. Лифшица «К вопросу о взглядах Маркса на искусство» (1933).

Значение ленинского этапа в истории марксистской философии было подчеркнуто в ходе научной сессии Института философии АН СССР, посвященной 25-летию выхода работы «Материализм и эмпириокритицизм». На ней выступили наряду с философами (В. В. Адоратский, М. Б. Митин, Т. Павлов (Досев) и др.) представители естественных наук и общественные деятели (Н. К. Крупская, А. Ф. Иоффе, С. И. Вавилов и др.).

Подводя итоги сложного и плодотворного периода в работе над марксистским наследием, можно сказать, что советские ученые достигли немалых результатов в исследовании истории марксистской философии. В научный обиход были введены многие новые, ранее неизвестные материалы из наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, начато их научное исследование. Были разоблачены ревизионистские утверждения об отсутствии в марксизме собственной философии, о противоположности «революционного» и «мирного» периодов в развитии К. Маркса и Ф. Энгельса, отвергнуты ревизионистские попытки соединить марксизм с кантианством и другими направлениями буржуазной философии. В международное революционное движение прочно вошла идея о ленинизме как новом, высшем этапе в развитии марксизма. Благодаря деятельности В. И. Ленина, его соратников, Коммунистической партии, усилиям советских ученых марксистское философское наследие было впервые в истории поставлено на службу социалистическому преобразованию общества.

2

Начиная с 30-х и вплоть до 50-х годов в работе по изучению философского наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина произошел некоторый спад. В 1935 г. было прекращено издание

вители Маркса (Маркс до 1844 г.) // Под знаменем марксизма. 1933. № 2; Перчик Л. От революционного демократизма к коммунизму // Историк-марксист. 1933. № 3; и др.

⁷² См.: Светлов В. Философское развитие Маркса и Фейербах // Под знаменем марксизма. 1934. № 6.

⁷³ См.: Яновская С. О математических рукописях К. Маркса // Марксизм и естествознание. М., 1933; Гливенко В. И. Понятие дифференциала у Маркса и Адамара // Под знаменем марксизма. 1934. № 5; и др.

произведений Маркса и Энгельса на языке оригинала (Marx-Engels. Gesamtausgabe (MEGA); к 1935 г. вышло 12 томов из предполагавшихся 40). Однако вплоть до 1947 г. велась работа по изданию Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке, выходил «Архив Маркса и Энгельса», публиковались массовыми тиражами их отдельные произведения⁷⁴.

В проблемном отношении изучение истории философского развития К. Маркса и Ф. Энгельса сосредоточилось преимущественно на проблеме зарождения и формирования их взглядов. Был опубликован ряд работ, в которых исследовался процесс перехода К. Маркса и Ф. Энгельса на позиции философского материализма, преодоления ими гегелевской философии и создания диалектического и исторического материализма⁷⁵. Наиболее обстоятельно во второй половине 30-х годов была рассмотрена преемственная связь марксистского мировоззрения с развитием передовой общественной мысли человечества, в связи с чем были предприняты исследования теоретических концепций предшественников марксизма⁷⁶.

Обнаруженные новые материалы способствовали дальнейшему исследованию роли Ф. Энгельса в формировании марксизма. В 1935 г. вышла книга Е. А. Степановой⁷⁷, в которой на основе анализа архивных материалов исследовался переход молодого Ф. Энгельса от революционного демократизма к теории коммунизма, освещались основные этапы его жизни и творчества, анализировались главные произведения. Это была фактически первая научная биография Ф. Энгельса, в которой прослеживалась не только его практическая деятельность, но и развитие его теоретических, в том числе и философских взглядов. В связи с 120-летием со дня рождения Ф. Энгельса были опубликованы статьи М. Прейса, А. Максимова, А. Сараджева, В. Соловьевой, П. Федосеева и др. о вкладе Ф. Энгельса в разработку марксистской диалектики, о развитии его философских и атеистических взглядов, исто-

⁷⁴ См.: Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса... С. 169—203.

⁷⁵ См.: *Ситковский Е.* Маркс и Энгельс — творцы диалектического материализма // Под знаменем марксизма. 1936. № 12; *Макаров А. К.* Маркс и его критика «Философии права» Гегеля // Там же. 1938. № 4; *Светлов В. И.* Вопросы диалектического материализма в произведении Маркса и Энгельса «Святое семейство» // Изв. АН СССР. Сер. истории философии. 1945. № 4; *Он же.* Формирование философских взглядов Маркса и Энгельса // Философские записки. М.; Л., 1946. Т. I; *Серебряков М. В.* Зарождение исторического материализма // Вестн. ЛГУ. 1946. № 4/5; *Он же.* «Святое семейство» — совместный труд Маркса и Энгельса // Там же. 1947. № 6; и др.

⁷⁶ См.: *Баскин М. К.* Маркс и утопический социализм // Под знаменем марксизма. 1938. № 4; *Колесникова С.* О философских предшественниках марксизма // Там же. № 11; *Александров Г.* Философские предшественники марксизма. М., 1939; *Сликкер Б.* Утопический социализм — один из источников марксизма. М., 1940; *Трахтенберг О.* Французские историки эпохи реставрации // Под знаменем марксизма. 1940. № 7.

⁷⁷ См.: *Степанова Е. А.* Фридрих Энгельс. М., 1935.

рико-философской концепции⁷⁸. В последующие годы объектом специального рассмотрения были и отдельные выдающиеся труды Ф. Энгельса⁷⁹. В 1947 г. вышел труд Б. М. Кедрова, в котором предпринималась попытка раскрыть на материале естествознания подготовку и развитие марксистского диалектического метода⁸⁰.

Хотя в работах советских авторов в целом давалась верная оценка вклада Ф. Энгельса в развитие марксистской философии и марксистской теории вообще, тем не менее имели место необоснованные попытки пересмотреть некоторые положения Ф. Энгельса, в частности его тезис о двух видах производства в первобытном обществе, как якобы дающий повод к нематериалистическому толкованию истории человечества⁸¹.

Под влиянием негативных оценок немецкой классической философии сложилось неверное отношение к ранним работам К. Маркса и Ф. Энгельса. Недооценка их привела к тому, что они даже не были включены во второе издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, которое вскоре начал готовить Институт Маркса—Энгельса—Ленина.

В ряде опубликованных в начале 50-х годов исследований раннего периода идейного развития основоположников марксизма (о докторской диссертации К. Маркса, его деятельности в «Рейнской газете», переходе К. Маркса и Ф. Энгельса на позиции материализма под влиянием идей революционного демократизма и практической деятельности масс)⁸² еще раз была подвергнута критике точка зрения, согласно которой К. Маркс будто бы вначале был последовательным гегельянцем, затем фейербахианцем,

⁷⁸ См.: *Сараджев А.* Энгельс и материалистическая диалектика как философская наука // Под знаменем марксизма. 1935. № 4, 6; 1936. № 4; *Федосеев П.* Развитие атеистических взглядов молодого Энгельса // Антирелигиозник. 1937. № 2; Фридрих Энгельс — один из основоположников научного коммунизма; *Передовая //* Большевик. 1940. № 22; *Прейс И.* Путь Энгельса к коммунизму // Там же; *Максимов А.* Энгельс и естествознание // Там же; *Федосеев П.* Философские взгляды молодого Энгельса // Под знаменем марксизма. 1940. № 11; *Соловьева В.* Энгельс об истории философии как науке // Там же.

⁷⁹ См.: *Ильичев Л. Ф.* О книге Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». М., 1940; *Он же.* О произведении Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». М., 1952.

⁸⁰ См.: *Кедров Б. М.* Энгельс и естествознание. М., 1947.

⁸¹ См.: *Светлов В.* О книге Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // Большевик. 1940. № 24.

⁸² См.: *Светлов В., Ойзерман Т.* Возникновение марксизма — революционный переворот в философии. М., 1948; *Прейс И. И.* Начало революционной деятельности Маркса // Философские записки. М.; Л., 1950. Т. IV; *Ойзерман Т. И.* К характеристике формирования философских взглядов Ф. Энгельса // Вестн. МГУ. 1950. № 11; *Фролов К.* Возникновение марксизма — революционный переворот в философии. М., 1953; *Кузнецов К. Т.* О политических и философских воззрениях К. Маркса в ранний период его деятельности (1842—1843) // Вопр. философии. 1953. № 5; *Карпушин В. А.* О роли Л. Фейербаха в формировании мировоззрения Карла Маркса (1842—1843 гг.) // Там же. 1954. № 4.

а потом, синтезировав гегелевскую диалектику и фейербаховский материализм, стал диалектическим материалистом. Была подвергнута критике также и точка зрения, согласно которой К. Маркс с самого начала развивался под влиянием пролетариата и поэтому всегда видел слабости Гегеля и младогегельянцев, а материалистом стал независимо от Фейербаха⁸³. Однако своеобразие философской эволюции К. Маркса и Ф. Энгельса не было раскрыто в полной мере.

В 1955 г. была опубликована статья В. А. Карпушина, в которой он доказал несостоятельность точки зрения, согласно которой К. Маркс стал сначала диалектическим материалистом, а затем распространил материализм на понимание истории⁸⁴. Автор убедительно показал, что основные принципы диалектического материализма и материалистического понимания истории могли формироваться лишь одновременно на основе анализа экономических проблем и философского обобщения успехов рабочего движения, опыта всей истории человечества.

В начале 50-х годов стали появляться журнальные публикации, а с 1955 г. монографические исследования философских взглядов основоположников марксизма после 1848 г.⁸⁵ В этих работах, несмотря на то, что они еще не в полной мере освещали развитие философских идей К. Маркса и Ф. Энгельса, были рассмотрены важные теоретические обобщения, сделанные на опыте революций 1848 г. и в «Капитале». В частности, в работе Т. И. Ойзермана впервые была дана критика оппортунистических извращений развития идей марксизма после 40-х годов XIX в. и показано, что учение о диктатуре пролетариата, идея о сломе буржуазной государственной машины — закономерный вывод из революционного опыта.

М. М. Розенталь в книге о диалектике «Капитала» впервые в нашей философской литературе предпринял широкое исследование проблем диалектики в главном произведении К. Маркса. В частности, исследовались такие проблемы, как движение от абстрактного к конкретному, различие и связь логического и исторического способов познания, роль абстракций в ходе исследования сложных систем связей и другие проблемы диалектики и диалектической логики. Во втором издании книги Е. А. Степановой о

⁸³ Липендин П. К вопросу о философском развитии К. Маркса. М., 1934.

⁸⁴ См.: Карпушин В. А. Разработка К. Марксом материалистической диалектики в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» // *Вопр. философии*. 1955. № 3. Эта точка зрения долгое время была широко распространена отчасти из-за недоступности для изучения ранних произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Ее разделял в свое время, в частности, К. Каутский (См.: *Kautsky K. Die materialistische Geschichtsauffassung*. В., 1927. Bd. 1. S. 105).

⁸⁵ См.: Ойзерман Т. И. Развитие марксистской теории на опыте революции 1848 года. М., 1955; Розенталь М. М. Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса. М., 1955; Степанова Е. А. Фридрих Энгельс. М., 1956.

Фридрихе Энгельсе был дан более обширный материал о жизни и творчестве выдающегося соратника К. Маркса, освещались вопросы разработки Ф. Энгельсом диалектического материализма, научных основ коммунизма, учения о партии, классовой борьбе, диктатуре пролетариата.

Ко второй половине 50-х годов в исследованиях истории философского развития Маркса и Энгельса стал наблюдаться определенный подъем: расширилась проблематика исследований, более обстоятельному анализу стали подвергаться ранние произведения основоположников марксизма, что позволило углубить понимание истории формирования философии марксизма.

Исследование ленинского этапа развития марксистской философии. В вышедших с середины 30-х до середины 50-х годов книгах анализировался ленинский вклад в развитие марксистской философии⁸⁶. В этих работах содержался интересный анализ отдельных проблем истории марксистско-ленинской философии. Однако большинство из них носило пропагандистский характер и разъясняло основные теоретические положения диалектического и исторического материализма. Внимание исследователей привлекали главным образом идеи, развитые В. И. Лениным в работах, направленных против народников и «легальных» марксистов, в произведениях «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради», «О значении воинствующего материализма».

В работах советских ученых показывалось, что В. И. Ленин развил и защитил марксистскую философию в острой борьбе против субъективизма народников и теории стихийности, против неокантовской ревизии марксизма и махизма, против меньшевистского эволюционизма и «левого» коммунизма. Рассматривалось значение ленинской теории отражения для развития марксистской теории познания, роль В. И. Ленина в обобщении данных естествознания и в разоблачении «физического» идеализма. Подчеркивалось значение тезиса о тождестве диалектики, логики и теории познания для понимания того вклада, который внес В. И. Ленин в философию марксизма. Значительным событием в исследовании ленинских философских идей явился выход в свет в 1936 г. книги П. Досева (Тодора Павлова) «Теория отражения».

В 1940 г. была издана книга Б. А. Чагина «Борьба Ленина за марксистский материализм в девяностых годах». В своем исследо-

⁸⁶ См.: Досев П. [Павлов Т.] Теория отражения. М.; Л., 1936; Щевлов А. В. Борьба Ленина против богдановской ревизии марксизма. М., 1937; Чагин Б. А. Борьба Ленина за марксистский материализм в девяностых годах. М.; Л., 1940; Митин М. Б. 25 лет советской философской науки. М., 1942; Омеляновский М. Э. В. И. Ленин и физика XX в. М., 1947; Востриков А. В. Борьба Ленина против неокантовской ревизии марксизма в России. М., 1949; Великая сила идей ленинизма. М., 1950; Шестаков М. Г. Разгром В. И. Лениным идеалистической социологии народничества. М., 1951; Васецкий Г. С. О книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». М., 1953.

вании автор, опираясь на большой фактический материал, проанализировал ленинский подход к проблеме свободы и необходимости и охарактеризовал значение ленинских идей о роли субъективного фактора в познании объективных закономерностей революционного преобразования действительности.

В 1947 г. были опубликованы исследования Б. М. Кедрова и В. К. Брушлинского, посвященные разработке В. И. Лениным материалистической диалектики в 1914—1915 гг.⁸⁷ В них был дан относительно подробный анализ ленинских «Философских тетрадей». Центральная проблема «Философских тетрадей», отмечал В. Брушлинский,— это диалектика познания как отражение диалектики объективного мира. Именно в материалистической диалектике В. И. Ленин видел и основной теоретический стержень переписки К. Маркса и Ф. Энгельса, которую он проштудировал во второй половине 1913 г.

Б. Кедров попытался проанализировать содержание «Философских тетрадей» с точки зрения того, насколько те или иные записи выражают мысли и положения самого В. И. Ленина. В известной мере такая работа помогала разобраться в ленинских записях. Б. Кедров высказал мысль, что неверно видеть суть ленинского этапа в развитии диалектического материализма только в его положении о единстве диалектики, логики и теории познания (как было принято считать в литературе 30-х годов)⁸⁸, ибо это единство было раскрыто, понято и применено задолго до В. И. Ленина К. Марксом, на что указывал и сам В. И. Ленин. Но при этом Б. Кедров не учел того факта, что в явной форме мысль о единстве сформулировал именно В. И. Ленин.

В 40-е годы исследовались проблемы ленинской критики неокантианской ревизии марксизма, освещалась борьба В. И. Ленина против буржуазно-объективистского, фаталистического понимания истории. Разоблачая идеологию лидеров II Интернационала, советские философы показали значение ленинской критики П. Струве, в ходе которой В. И. Ленин выявил стремление теоретиков буржуазии уничтожить марксизм «посредством мягкости», взять из марксизма все для них приемлемое и замолчать его революционно-критический характер. В противовес буржуазным и ревизионистским фальсификаторам советские философы подчеркивали, что марксизм-ленинизм не сводит роль человека в истории к пассивному «исполнению» экономических законов. В. И. Ленин восстановил и развил активно-действенную сторону марксистской

⁸⁷ См.: Кедров Б. М. О ленинских тетрадях по философии // *Вопр. философии*. 1947. № 2; Брушлинский В. К. Работа Ленина над философскими вопросами в 1914—1915 годах // Там же.

⁸⁸ См.: Митин М. Б. К вопросу о ленинском этапе в развитии диалектического материализма // Под знаменем марксизма. 1931. № 7/8. С. 11.

философии, забытую и извращенную идеологами II Интернационала.

В начале 50-х годов был опубликован ряд исследований, в которых анализировалось развитие В. И. Лениным проблем исторического материализма, а также роль книги «Материализм и эмпириокритицизм» в защите и развитии диалектического и исторического материализма, в обобщении успехов естествознания и ее значение для современного естествознания⁸⁹. В связи с этим в поле зрения философов попали ленинское определение материи, учение об истине, о роли практики в познании.

В развитии исследований ленинского этапа марксистской философии к середине 50-х годов были достигнуты определенные успехи. Было показано значение философских работ В. И. Ленина в общем теоретическом наследии марксизма, их роль в становлении нового этапа развития марксистской теории, более широко развернута разработка проблем теории познания, диалектики, логики в ленинском наследии, сделаны определенные шаги вперед в исследовании развития В. И. Лениным проблем исторического материализма, в частности идей о роли субъективного фактора в истории и др.

Следует отметить, что в рассматриваемый период слабо исследовались философские взгляды соратников и учеников основоположников марксизма. Были опубликованы работы А. П. Гагарина о Ф. Меринге (1937) и Х. Н. Момджяна о П. Лафарге (1954). В 30-е и 40-е годы в связи с изданием массовым тиражом наиболее значительных произведений Г. В. Плеханова в центральной печати появлялись статьи, посвященные анализу его деятельности. Однако монографических работ, посвященных изучению его теоретического наследия, не выходило. В эти годы значение Г. В. Плеханова как философа-марксиста недооценивалось. Вышедшая в 1955 г. книга В. А. Фоминой⁹⁰ не содержала объективной оценки места Г. В. Плеханова в истории марксистской философии.

Слабо обобщался также опыт развития марксистско-ленинской философской мысли в годы социалистического строительства в СССР. В стране отсутствовали специальные научные и научно-педагогические ячейки, целью которых была бы разработка истории марксистско-ленинской философии. Все это сдерживало развитие исследований истории марксистско-ленинской философии.

⁸⁹ См.: Федосеев П. Н. Развитие В. И. Лениным исторического материализма // Вопр. философии. 1954. № 1; Ильичев Л. Ф. Геннальное произведение творческого марксизма // Великая сила идей ленинизма; Василев С. И. Ленин и философские проблемы современной физики // Там же; Максимов А. А. Борьба Ленина с «физическим» идеализмом // Там же; Столетов В. Н. Работа В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и вопросы биологии // Там же; и др.

⁹⁰ См.: Фомина В. А. Философские взгляды Г. В. Плеханова. М., 1955.

3

Со второй половины 50-х годов исследования истории марксистско-ленинской философии получили значительное развитие. Особенно широкий размах приобрели исследования ленинского философского наследия, формирования взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса, появились также работы, освещающие развитие марксистской философской мысли в СССР и в зарубежных странах после Великой Октябрьской социалистической революции.

В результате расширения исследований по истории марксистско-ленинской философии появилась острая потребность в решении многих методологических вопросов. В частности, в период подготовки шеститомной «Истории философии» в статьях и выступлениях М. Т. Иовчука были поставлены такие методологические проблемы, как предмет истории марксистско-ленинской философии, сущность и принципы ленинского этапа в развитии марксизма, структура историко-философского знания в марксизме-ленинизме, закономерности и особенности развития истории марксистской философии в СССР и др.⁹¹

Исходя из задачи не допустить расширительного толкования предмета истории марксистско-ленинской философии и в то же время не упустить важные аспекты марксистского философского знания, М. Иовчук, например, предложил трактовать предмет истории марксистской философии как целостную и исторически развивающуюся совокупность историко-философских наук, опирающихся на теорию и метод диалектического материализма и являющихся составной частью научно-социалистического мировоззрения⁹².

Советские историки марксистско-ленинской философии показали, что история марксистской философии исследует философию не только как отрасль науки, но и как определенную систему идеалов и убеждений, являющуюся теоретической основой коммунистического мировоззрения. Исходя из этого, историю марксистской философии нельзя рассматривать вне ее зависимости от классовой борьбы пролетариата, что, однако, не означает, будто особенности классовой борьбы пролетариата в той или иной стране дают возможность говорить о «национальных вариантах» марксизма. Особенности развития марксистской философии в той или иной стране не отменяют того факта, что основные закономерности философии марксизма-ленинизма едины и отступление от них означает не создание нового «варианта» марксистской философии, а отход от марксизма вообще.

⁹¹ См.: *Иовчук М. Т.* О некоторых методологических проблемах истории философии // *Вопр. философии.* 1959. № 11; *Он же.* История философии как наука, ее предмет, метод и значение. М., 1960; *Он же.* Некоторые принципиальные вопросы истории марксистской философии и ленинского этапа ее развития. М., 1967; и др.

⁹² См.: *Иовчук М. Т.* Актуальные проблемы истории марксистской философии // *Ленинизм и современные проблемы историко-философской науки.* М., 1970.

Серьезному обсуждению со второй половины 50-х годов подвергался и вопрос о периодизации истории марксистско-ленинской философии. В трудах предшествующего периода проблемы периодизации ставились в самой общей форме. В начале 50-х годов на повестку дня встал вопрос о принципах датировки начала ленинского этапа в развитии марксистской философии.

Было выдвинуто положение о том, что в истории марксистско-ленинской философии можно выделить два крупных этапа: первый — это разработка философских проблем пролетарской идеологии К. Марксом и Ф. Энгельсом в эпоху домонополистического периода в развитии капитализма, второй начинается с 90-х годов XIX в. с возникновением эпохи империализма и пролетарских революций. Второй этап в развитии марксистской философии называется ленинским⁹³. М. Иовчуком была дана детальная периодизация истории ленинского этапа марксистской философии.

В развитии марксизма авторы «Истории философии» также различают два периода. Первый — период формирования марксизма как цельной философской системы, вслед за которым начинается период развития марксизма, — от революций 1848—1849 гг. до Парижской Коммуны (1871). Второй период начинается после Парижской Коммуны и продолжается до перехода к новой исторической эпохе — эпохе империализма и пролетарских революций.

Ленинский этап в развитии марксистской философии делится на периоды, соответствующие важнейшим вехам мировой истории и крупнейшим событиям революционного движения. До Великой Октябрьской социалистической революции развитие марксистско-ленинской философии прошло два периода: первый — от возникновения ленинизма до революции 1905—1907 гг., характеризующийся борьбой против буржуазной идеологии и ревизионизма и обоснованием роли субъективного фактора, и второй период — до Октября 1917 г., характеризующийся разработкой проблем материалистической диалектики и теории социалистической революции.

Авторы «Истории философии» делят развитие марксистско-ленинской философии после Великой Октябрьской социалистической революции на два основных периода: первый — от 1917 г. до победы социалистических революций в ряде стран Европы и Азии и образования мировой социалистической системы и второй — период развития и укрепления мировой системы социализма и строительства коммунизма в СССР.

В «Истории философии» впервые было всесторонне, хотя и по необходимости кратко, проанализировано ленинское философское наследие, включая послеоктябрьский период, в частности, такие

⁹³ См.: Прогасенко З. М. Принципы периодизации истории марксистско-ленинской философии. Л., 1957; История философии. М., 1959. Т. III. Гл. 1; 1961. Т. V. Гл. 1; 1965. Т. VI. Гл. 1; Марксистско-ленинская философия и социология в СССР и европейских социалистических странах. М., 1965; и др.

его аспекты, как учение о противоречиях, диалектика перехода от старого к новому, диалектическое отрицание, соотношение реформы и революции и т. д. Было показано, что в послеоктябрьский период марксистско-ленинская философия из теоретического оружия относительно немногочисленных рабочих партий, каким она была в начале XX в., превратилась в идейно-теоретическое оружие международного коммунистического движения, стала философской основой политики сначала одной социалистической страны, а затем целого содружества социалистических стран.

Марксистско-ленинская философия рассмотрена в «Истории философии» как научная система взглядов, развивающаяся в борьбе против различного рода отступлений, ревизионистских нападок и влияния враждебной буржуазной идеологии. История развития марксистско-ленинской философии прослежена в тесной связи с революционной практикой. Авторы показали, что разработка новых проблем марксистско-ленинской философии вызывалась практическими потребностями строительства новых социальных отношений, новой расстановкой классовых сил на международной арене.

В вышедшей вслед за «Историей философии» книге «Марксистско-ленинская философия в СССР и европейских социалистических странах» (1965) уже в более систематизированном виде была представлена история развития марксистско-ленинской философии в СССР вплоть до начала 60-х годов, что свидетельствует о значительных успехах в изучении советской философской науки.

Важнейшее значение для характеристики периодизации истории марксистской философии и в особенности ее ленинского этапа имели Тезисы ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», в которых была дана глубокая характеристика В. И. Ленина как гениального мыслителя, открывшего новый этап в развитии марксистской теории и обогатившего все составные части марксизма — философию, политическую экономию и научный коммунизм.

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина был издан ряд книг⁹⁴, в которых подводились итоги многолетних исследований методологических проблем истории марксистско-ленинской философии, раскрывались характерные черты ленинского этапа. Убедительно доказывалось, что ленинизм и сегодня, в эпоху перехода человеческого общества от капитализма к социализму, является живым, действенным учением, развивающимся на основе принци-

⁹⁴ См.: Ленин как философ. М., 1969; Богданов Б. В. Ленинские принципы анализа истории философии. М., 1970; Иовчук М. Т. Ленинизм, философские традиции и современность. М., 1970; Ленинизм и современные проблемы историко-философской науки; Ленинизм, история философии и современность. София, 1972; Ленинский этап в развитии философии марксизма. М., 1972.

пов, заложенных гениальным основателем первого в истории социалистического общества.

Исследование развития философских взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса в конце 50-х и в 60-е годы ознаменовалось новым подъемом. Углублению исследований содействовало осуществленное Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС второе издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. В течение 1955—1966 гг. в научный обиход было введено более тысячи новых работ основоположников марксизма. Впервые на русском языке были полностью опубликованы ранние произведения К. Маркса и Ф. Энгельса в исправленных и уточненных переводах, благодаря чему появилась возможность более тщательного изучения диалектико-материалистической философии в ее развитии и органическом единстве с другими составными частями марксизма, в ее неразрывной связи с практикой революционного рабочего движения.

Именно в эти годы были опубликованы новые исследования ранних произведений основоположников марксизма⁹⁵, а также ряд крупных монографий, подводящих итоги многолетних исследований советскими учеными процесса формирования философии марксизма⁹⁶.

Главной причиной успехов в исследовании истории философского развития К. Маркса и Ф. Энгельса явилось творческое освоение советскими учеными ленинских методологических идей,

⁹⁵ См.: *Кузнецов Н. Т.* Развитие философских и общественно-политических взглядов Фридриха Энгельса до 1843 г. // Науч. тр. МГЭИ. 1957. Вып. 1; *Пажитнов Л. Н.* Критика Марксом гегелевской концепции субъекта — объекта // Вопр. философии. 1957. № 6; *Ковальзон М. Я.* Борьба Маркса с младогегельянством в период 1842—1846 гг. М., 1958; *Кузнецов Н. Т.* Докторская диссертация Карла Маркса // Вопр. философии. 1958. № 5; *Лалин Н. И.* Начало перехода Маркса к материализму // Вестн. МГУ. Сер. экономика, философия, права. 1958. № 1; *Ойзерман Т. И.* Фальсификация философского учения Маркса с позиций иррационализма // Вопр. философии. 1958. № 3; *Оруджев З. М.* Крейцнахские рукописи Маркса 1843 г. // Докл. АН АССР. 1958. Т. XIV, № 11; *Он же.* Критический пересмотр Марксом философии права Гегеля и его подход к историческому материализму // Изв. АН АзССР. Сер. обществ. наук. 1958. № 4; *Вагатурия Г.* К истории написания, опубликования и исследования «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса // Из истории формирования и развития марксизма. М., 1959; *Уйбо А.* Разработка Марксом и Энгельсом вопросов исторического материализма в произведении «Немецкая идеология» // Там же; *Пажитнов Л. Н.* У истоков революционного переворота в философии. «Экономически-философские рукописи 1844 года» К. Маркса. М., 1960; *Вагатурия Г. А.* Структура и содержание рукописи первой главы «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса // Вопр. философии. 1962. № 10; *Камдель Е. П.* Некоторые проблемы истории формирования марксистской философии в свете новейших исследований // Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1963.

⁹⁶ См.: *Серебряков М. В.* Фридрих Энгельс в молодости. Л., 1958; *Ойзерман Т. И.* Формирование философии марксизма. М., 1962; 2-е изд., дораб. М., 1974; *Лалин Н. И.* Борьба вокруг идейного наследия молодого Маркса. М., 1962; *Он же.* Молодой Маркс. М., 1968; 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976; *Кешелева В.* Миф о двух Марксах. М., 1963; *Волков Г.* Рождение гения: Становление личности и мировоззрения Карла Маркса. М., 1968; и др.

применение ленинской методологии к анализу ранних произведений основоположников марксизма. В частности, Н. И. Лапин специально занимался исследованием этого вопроса⁹⁷. Он показал, что если Г. В. Плеханов стремился прежде всего выяснить общую логику отношения марксистской философии к ее теоретическим предпосылкам, а Ф. Меринг — конкретно-исторически раскрыть ранний этап творчества Маркса, то В. И. Ленин рассматривал процесс формирования марксизма как единый, имеющий свою внутреннюю логику. В отличие от Г. В. Плеханова и Ф. Меринга В. И. Ленин не считал ранние произведения К. Маркса незрелыми, составляющими самостоятельный этап. Он квалифицировал их в качестве документов формирования марксизма, определенных вех на пути перехода от идеализма к материализму, от революционного демократизма к коммунизму. Для В. И. Ленина главным был анализ не того, из чего исходил К. Маркс, а того нового, что он создавал на каждом этапе своего пути к диалектическому и историческому материализму.

В работах этих лет детально исследовались тексты произведений Маркса и Энгельса, раскрывался сложный процесс возникновения новых понятий в недрах традиционной терминологии, взаимосвязь теоретической и практически-революционной деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса. Наконец, наметились первые шаги к анализу философской эволюции основоположников марксизма в тесной связи с рассмотрением их экономических, исторических и политических воззрений.

Одной из первых крупных монографий, посвященных анализу процесса формирования мировоззрения основоположников марксизма, явилась работа М. Серебрякова о молодом Ф. Энгельсе, подводящая итоги многолетних исследований автора. М. Серебряков показал, что переход Ф. Энгельса на материалистические позиции произошел не сразу. Даже став атеистом, Ф. Энгельс еще не осознавал принципиального отличия фейербаховской критики религии от гегелевского учения о религии. И только в 1842—1844 гг. он осознал неразрывную связь коммунистической идеологии с исторической ролью пролетариата. Таким образом, согласно М. Серебрякову, идейная преемственность заключалась не в простом заимствовании теоретических положений, а в глубоком усвоении идейного материала и критической переработке его. Анализируя развитие мировоззрения Ф. Энгельса, М. Серебряков пришел к выводу о неразрывной органической связи между формированием его философских, экономических и социалистических взглядов⁹⁸.

⁹⁷ См.: Лапин Н. И. Борьба вокруг идейного наследия молодого Маркса. М., 1962.

⁹⁸ См.: Серебряков М. В. Фридрих Энгельс в молодости.

Обстоятельный анализ ранних произведений К. Маркса и Ф. Энгельса позволил раскрыть сложность того идейного процесса, который привел основоположников марксизма к отрицанию всей прежней спекулятивной философии и созданию принципиально новых философских взглядов.

Прослеживая формирование марксистской философии, Т. И. Ойзерман, в частности, показал, что уже в статьях «Немецко-французского ежегодника», в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс, еще не освободившись от влияния гегелевского идеализма и фейербаховского антропологизма, излагает принципиально новое содержание своего учения в их терминологии. Иначе говоря, материалистические и коммунистические воззрения здесь пока еще выступают в неадекватной их действительному содержанию терминологии натурализма, гуманизма и антропологизма⁹⁹.

Но решающим в процессе формирования философии марксизма был не чисто логический процесс анализа понятий, не абстрактная переработка предшествующих философских идей (хотя усвоение и критическое преодоление прежних философских систем являлось необходимым условием создания новых, диалектико-материалистических понятий), а непосредственный учет революционной практики масс. Критический анализ существующего мировоззрения, становление нового взгляда на мир, осмысление революционных процессов, совершавшихся на глазах мыслителей,— все это привело к созданию принципиально нового и цельного философского учения.

Проделанная в 50—60-е годы исследовательская работа позволила полнее осветить формирование диалектического и исторического материализма в их единстве. Ведь до начала 50-х годов возникновение исторического материализма зачастую рассматривалось в отрыве от создания диалектического материализма. Ленинское положение о материалистическом понимании истории как распространении материализма на область общественных явлений¹⁰⁰ истолковывалось таким образом, будто сначала был создан диалектический материализм, а затем уже его положения были распространены на историю человеческого общества. Такая трактовка исторического материализма искажала ленинскую мысль и неверно объясняла суть революционного переворота в философии.

В исследованиях 50—60-х годов было доказано, что философия марксизма формировалась как единое, цельное учение на основе изучения исторически развивающейся социальной действительности, решения проблемы практики с пролетарской, классовой

⁹⁹ См.: Ойзерман Т. И. Фальсификация философского учения Маркса с позиций иррационализма // *Вопр. философии*, 1958, № 3. С. 40—50.

¹⁰⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 57.

точки зрения. Лишь выявив причины социального развития, можно было создать материалистическую теорию познания. В противном случае невозможно было преодолеть пороки гегелевской диалектики и материалистически переработать ее рациональное содержание.

Таким образом, основные принципы диалектического и исторического материализма складывались одновременно на основе анализа экономических условий жизни общества, философского осмысления революционной практики, опыта всей истории человечества.

Исследование процесса становления философии марксизма позволило убедительно раскрыть несостоятельность попыток буржуазных «марксологов» и ревизионистов использовать ранние работы К. Маркса для фальсификации марксизма в целом и для критики социалистического общества и его идеологии. Спекулятивным попыткам представить понятие отчуждения в качестве основного в марксистской философии, попыткам оторвать марксизм от ленинизма на том основании, что В. И. Ленин понятию отчуждения якобы не уделял должного внимания, советские философы противопоставили научно обоснованный анализ развития этого понятия у К. Маркса¹⁰¹.

Советские обществоведы разоблачили приемы, с помощью которых фальсификаторы К. Маркса стремились представить его идеалистом антропологического толка. При этом они использовали терминологию ранних работ Маркса. Но, как известно, гуманизм марксистской философии заключается не в «гуманистической терминологии», а в разоблачении сущности буржуазной эксплуатации человека человеком, в раскрытии путей ликвидации эксплуататорского общества, в утверждении реальных гуманистических ценностей научного коммунизма.

В работах Т. И. Ойзермана, Ю. Н. Давыдова, И. С. Нарского и других советских философов было доказано, что абстрактная категория отчуждения, употребляемая К. Марксом в ранних работах, получила свое объяснение и конкретизацию в более поздних трудах, где К. Маркс показал, каким образом все экономические механизмы буржуазного общества служат присвоению капиталом чужого наемного труда и как это присвоение приводит к разрушению гуманистических ценностей, усугубляет эксплуатацию и угнетение трудящихся масс.

¹⁰¹ См.: Давыдов Ю. Н. Труд и свобода. М., 1962; Он же. А. Лефевр и его концепция отчуждения // *Вопр. философии*. 1963. № 1; Ситников Е. М. Проблема «отчуждения» в буржуазной философии и фальсификаторы марксизма. М., 1962; Нарский И. С. Об историко-философском развитии понятия «отчуждение» // *Филос. науки*. 1963. № 4; Он же. Развитие понятия отчуждения в трудах Маркса // Там же. 1968. № 4; Он же. Марксистская концепция отчуждения и экзистенциализм. М., 1971; Огурцов А. П. Проблема отчуждения в работах К. Маркса // *Тр. Моск. ин-та нар. хов-ва*. М., 1965. Вып. 31; Ойзерман Т. И. Проблема отчуждения и буржуазная легенда о марксизме. М., 1965; и др.

Важное значение для понимания эволюции взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса в 1845—1846 гг. сыграла новая публикация первой главы «Немецкой идеологии», осуществленная Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1965 г. Г. А. Багатурян, подготовивший эту публикацию, в частности, писал, что в ходе развития материалистического понимания истории значение и роль категории отчуждения в общей концепции марксизма постепенно уменьшается в силу более конкретного рассмотрения К. Марксом и Ф. Энгельсом реального хода человеческой истории.

Исследование истории марксистской философии не ограничивалось анализом генезиса диалектического и исторического материализма. Были проанализированы и другие этапы развития философии марксизма. В частности, обстоятельно изучались философские проблемы, развитые в «Капитале», особенно в связи со 100-летием выхода в свет его первого тома¹⁰².

Раскрывая философское значение основного произведения Маркса, советские ученые тщательно проанализировали приемы исследования К. Марксом буржуазной экономики, главным образом метод восхождения от абстрактного к конкретному. Было доказано принципиальное отличие марксистской диалектики от гегелевской, суть которого заключается в том, что материалистически переработанные категории гегелевской логики выражают не специфику форм мышления по сравнению с формами действительности, а общие для мышления и действительности диалектические закономерности. В связи с этим Э. В. Ильенков особое внимание обратил на выбор К. Марксом исходного пункта восхождения от абстрактного к конкретному, ибо, с его точки зрения, этот исходный пункт, являющийся сам уже результатом исторического познания, определяет весь дальнейший процесс познания конкретного во всем его богатстве и многообразии.

В «Капитале» развиты не только законы диалектики, логики и теории познания, но и проблемы исторического материализма, научного коммунизма, личности, социалистического гуманизма. Анализируя «Капитал», советские философы показали, что из исследования Марксом капиталистической общественно-экономической формации в целом вытекает положение о том, что коммунизм не есть статически понимаемая конечная цель развития общества.

¹⁰² См.: Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960; Грушин В. А. Очерки логики исторического исследования. М., 1961; Тупухин В. Н. Метод восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» К. Маркса. Омск, 1961; Маньковский Л. А. Логические категории в «Капитале» Маркса. М., 1962; Оруджев Э. М. К. Маркс и диалектическая логика. Баку, 1964; Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968; Он же. Единство диалектики, логики и теории познания в «Капитале» К. Маркса. Баку, 1968; Розенталь М. М. Диалектика в «Капитале» К. Маркса. М., 1967; «Капитал» Маркса, философия и современность. М., 1968; Очерки истории идейной борьбы вокруг «Капитала» К. Маркса. М., 1968; Философские проблемы «Капитала» К. Маркса. М., 1968; и др.

Коммунизм — это такая общественно-экономическая формация, которая, представляя собой высшую по сравнению с капитализмом ступень общественного развития, открывает неограниченные возможности дальнейшего исторического прогресса. Представление о коммунизме как о каком-то конечном идеале, далее которого развитие невозможно, как об обществе, в котором исчезнут любые противоречия и которое застынет в созерцании собственного великолепия, противоречит всему духу марксистской диалектики, а по своему классовому содержанию мелкокбуржуазно и утопично. «У нас нет конечной цели, — писал Энгельс. — Мы сторонники постоянного, непрерывного развития, и мы не намерены диктовать человечеству какие-то окончательные законы»¹⁰³. Диалектическая концепция развития не допускает развития без противоречий, без борьбы; ей чуждо представление о каком-то конечном состоянии, о неизменных, вечных законах и окончательных истинах.

Большую работу провели советские обществоведы к 150-летию юбилею К. Маркса (1968), который был широко отмечен в СССР. Исследования, опубликованные к этому юбилею, а также к 150-летию Ф. Энгельса, отмечавшемуся в 1970 г., явились как бы подведением итогов многолетней работы по изучению истории философского развития основоположников марксизма. Помимо обобщающих коллективных исследований¹⁰⁴, были изданы монографии по различным проблемам философии марксизма¹⁰⁵.

В итоге был осуществлен шаг вперед, заключающийся в переходе к комплексному освещению идейного наследия основоположников пролетарской идеологии.

Уже в конце 60-х — начале 70-х годов в работах Т. И. Ойзермана, Н. И. Лапина, в коллективных трудах, в «Биографиях» К. Маркса и Ф. Энгельса, подготовленных Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, процесс формирования марксизма представлен как единый, целостный процесс развития философии, политической экономии и научного коммунизма.

В частности, в монографии Т. И. Ойзермана было показано, что сам процесс создания диалектического и исторического материализма раскрывает единство, целостность марксизма. Материалистическая переработка диалектики, формирование нового философского мировоззрения осуществлялись главным образом путем обобщения опыта общественного развития. И, как отмечает Т. Ойзерман, нет «никаких оснований для утверждения, что историче-

¹⁰³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 563.

¹⁰⁴ См.: К. Маркс. Биография. М., 1968; Энгельс-теоретик. М., 1970; Фридрих Энгельс. Биография. М., 1970; История марксистской диалектики: От возникновения марксизма до ленинского этапа. М., 1971; Ф. Энгельс и современные проблемы философии марксизма. М., 1971; и др.

¹⁰⁵ См.: Горшкова Л. Г. Развитие Ф. Энгельсом исторического материализма в 90-е годы XIX века. М., 1962; Кедров В. М. Энгельс и диалектика естествознания. М., 1970; и др.

ский материализм возник раньше диалектического материализма: диалектико-материалистическое понимание природы и диалектико-материалистическое понимание общественной жизни неотделимы друг от друга»¹⁰⁶.

Идеи, выдвинутые в конце 60-х годов, нашли свое дальнейшее обоснование и развитие в трудах 70-х годов, когда советские ученые приступили к целенаправленному комплексному изучению всего теоретического наследия основоположников марксизма, проводя острую идейную борьбу против буржуазных и ревизионистских интерпретаций эволюции воззрений К. Маркса и Ф. Энгельса¹⁰⁷.

Таким образом, стало совершенно ясно, что процесс формирования марксизма имел целостный характер. В то же время выяснилось, что внимание К. Маркса и Ф. Энгельса в тот или иной период их деятельности к специфическим проблемам философии, политической экономии и научного коммунизма было не одинаково. Так, если формирование диалектического и исторического материализма в основном завершается к 1848 г., то формирование марксистской политической экономии и научного коммунизма продолжалось вплоть до 60-х годов XIX в. и завершилось лишь в «Капитале», где изложены в окончательном виде не только экономическая теория марксизма, но и теоретическое обоснование научного коммунизма. Тут имеет место, как разъяснил еще в 90-е годы XIX в. В. И. Ленин, и «обратная связь»: лишь с появлением главного труда Маркса, материалистическое понимание истории превращается из гипотезы во всесторонне доказанную научную теорию. Свое классическое выражение нашла в этом труде и марксистская диалектическая логика. В то же время вполне естественно, что и после 1848 г. развитие диалектического и исторического материализма не прекращалось. Изучая опыт революций 1848—1849 гг., К. Маркс и Ф. Энгельс углубили положения исторического материализма о роли рабочего класса, народных масс в истории, о роли пролетариата в преобразовании общественных отношений, о необходимости слома буржуазной государственной машины при переходе власти из рук буржуазии в руки пролетариата и т. д. На опыте политической борьбы в Германии, в ходе критики теоретических концепций «левых» во II Интернационале и в первую очередь оппозиции «молодых»

¹⁰⁶ Ойзерман Т. И. Формирование философии марксизма. М., 1974. С. 558.

¹⁰⁷ См.: Багатурян Г. А. Контуры грядущего: Ф. Энгельс о коммунистическом обществе. М., 1972; Федосеев П. Н. Марксизм в XX веке. Маркс, Энгельс, Ленин и современность. М., 1972; Вазюлин В. А. Становление метода научного исследования К. Маркса: Логический аспект. М., 1975; Проблемы гуманизма в марксистско-ленинской философии: История и современность. М., 1975; Багатурян Г. А., Визгодский В. С. Экономическое наследие Карла Маркса: (История, содержание, методология). М., 1976; Самарская Е. А. Понятие практики у К. Маркса и современные дискуссии. О диалектике объективного и субъективного в историческом процессе. М., 1977; Хевеши М. А. Из истории критики философских догм II Интернационала. М., 1977; Марксистская философия в XIX веке. М., 1979; и др.

в германской социал-демократии Ф. Энгельс конкретизировал положения исторического материализма о значении идей в общественном развитии, о влиянии надстройки на базис. Причем, как отмечали советские ученые, развитие философских идей марксизма происходило в острой и непримиримой борьбе против буржуазных концепций, против влияния буржуазной идеологии на пролетариат, а также против всевозможных попыток опошлить и вульгаризировать марксизм.

Детальный анализ ранних произведений К. Маркса («К критике гегелевской философии права», «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и др.) и зрелых работ основоположников марксизма позволил предметно и обстоятельно раскрыть сущность революционного переворота, совершенного К. Марксом и Ф. Энгельсом в философии, уточнить периодизацию истории философии марксизма, конкретнее представить многие аспекты диалектического метода как орудия познания и преобразования мира.

Роль соратников и учеников К. Маркса и Ф. Энгельса в развитии марксистской философии. После нескольких работ о философских взглядах Ф. Меринга и И. Дидгена, появившихся в 30-е годы, в изучении вклада ближайших соратников и учеников Маркса и Энгельса в развитие марксистской философии наступил длительный перерыв.

В 50-х и 60-х годах исследование философских взглядов марксистов XIX в. заметно активизировалось. Вышел целый ряд книг, в которых освещалось участие крупнейших представителей революционного рабочего движения в защите и обосновании теории марксизма¹⁰⁸. Марксистско-ленинская оценка философских взглядов таких представителей революционной социал-демократии, как П. Лафарг, Ф. Меринг, К. Либкнехт, Р. Люксембург, И. Дидген, А. Грамши, была противопоставлена ошибочным и враждебным толкованиям их взглядов ревизионистами и оппортунистами. Советские философы объективно оценили исторические заслуги и имевшиеся ошибки соратников и учеников К. Маркса и Ф. Энгельса, разоблачили попытки ревизионистов использовать в своих целях их ошибочные взгляды, противопоставить их теоретические изыскания идеям основоположников марксизма и его революционному развитию. Особенно большие успехи были достигнуты в изучении философского наследия Г. В. Плеханова.

Решение ЦК КПСС в связи со 100-летием со дня рождения Г. В. Плеханова¹⁰⁹, восстановление исторической правды об этом

¹⁰⁸ См.: *Момджян Х. Н.* Лафарг и некоторые вопросы марксистской теории. Ереван, 1954; *Волкова В. В.* Иосиф Дидген. М., 1961; *Чагин В. А.* Из истории борьбы против философского ревизионизма в германской социал-демократии. 1895—1914. М.; Л., 1961; *Протасенко З. М.* Вопросы исторического материализма в трудах Поля Лафарга. Л., 1962; *Големба А.* Грамши. М., 1968; и др.

¹⁰⁹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 9-е изд. М., 1986. Т. 9. С. 142—144.

выдающемся теоретике и пропагандисте марксизма положило начало выполнению ленинского указания об изданиях философских сочинений Г. В. Плеханова. В 1956—1958 гг. было осуществлено пятитомное издание «Избранных философских произведений» Г. В. Плеханова.

С конца 50-х до 70-х годов были опубликованы монографии М. И. Сидорова, М. Т. Иовчука, Б. А. Чагина и др.¹¹⁰, в которых различные стороны многогранного философского наследия Г. В. Плеханова подвергались обстоятельному анализу.

Тщательное исследование теоретической деятельности Г. В. Плеханова советскими историками философии позволило преодолеть нигилистическое отношение к его наследию. Раскрыв серьезные политические, методологические и философские ошибки Г. В. Плеханова, советские философы показали вместе с тем, что Г. В. Плеханов был не только блестящим пропагандистом марксизма, но и творчески разработал многие проблемы философии, в частности вопрос о роли идей в общественном развитии, о соотношении форм общественного сознания, о роли личности в истории. Г. В. Плеханов внес значительный вклад в марксистскую эстетику и историю философской и общественно-политической мысли, в частности разработал вопросы методологии историко-философского исследования. Велика его заслуга в разоблачении международного философского ревизионизма.

Исследование теоретического наследия учеников и соратников Маркса в рассматриваемый период показало всю широту процесса развития марксистской мысли, который осуществлялся на рубеже XIX и XX вв. Стало ясно, что данный процесс отнюдь не сводился к простому распространению марксизма, что это был процесс обогащения его новыми идеями, неразрывно связанный с конкретными условиями борьбы пролетариата различных стран за свое освобождение.

Исследование ленинского этапа философии марксизма. В 1959—1960 гг. в связи с 50-летием выхода в свет книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и 90-летием со дня рождения В. И. Ленина были опубликованы многочисленные труды, посвященные анализу ленинских философских идей¹¹¹. Было пока-

¹¹⁰ См.: Сидоров М. И. Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX в. М., 1957; Иовчук М. Т. Г. В. Плеханов и его труды по истории философии. М., 1960; Зейналов М. Обоснование и защита Г. В. Плехановым марксистского диалектического метода. Баку, 1962. На азерб. яз.; Чагин Б. А. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии. Л., 1963; Чагин Б. А., Курбатова И. Н. Плеханов. М., 1973; Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. М., 1977; Чагин Б. А. Разработанка Г. В. Плехановым общесоциологической теории марксизма. Л., 1977; и др.

¹¹¹ См.: Великое произведение воинствующего материализма. М., 1959; Жданов Ю. А. Ленин и естествознание. М., 1959; Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» — важнейший этап в развитии марксистской философии. М.,

зано, что В. И. Ленин разработал теорию отражения диалектического материализма. Развитие наук за пятидесятилетие после выхода в свет книги «Материализм и эмпириокритицизм» полностью подтвердило ленинские прогнозы в области естествознания. Естественнонаучное обоснование получила мысль В. И. Ленина о наличии у всей материи свойства отражения, родственного по существу с ощущением, идея о неисчерпаемости электрона и др.

Советские философы показали, что из самой сущности ленинской теории отражения вытекает требование тесной связи теории с практикой, с жизнью, требование творческого подхода к существующим теориям и учениям, что марксистско-ленинский принцип конкретности истины исключает шаблонное и догматическое толкование теории; он требует всестороннего учета изменяющихся обстоятельств, динамики классовой борьбы и т. д.

Несмотря на это, ревизионистские критики ленинизма продолжают утверждать, что ленинская теория отражения представляет собой отход от диалектики и возврат к старому, метафизическому материализму, что она якобы противоречит принципу развития, ведет к догматизму, конформизму и т. п.

Между тем, согласно К. Марксу, Ф. Энгельсу и В. И. Ленину, человек только тогда правильно и глубоко отражает мир, когда он его практически осваивает в процессе своей деятельности и особенно когда он его изменяет, преобразует. В. И. Ленин, подходя к процессу отражения с точки зрения марксизма принципа диалектического развития, рассматривает отражение мира в сознании человека как живой, многосторонний и сложный процесс, а не как мертвый и мгновенный акт, показывает, что абсолютная истина складывается из суммы относительных истин.

1959; О книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». М., 1959; Борьба В. И. Ленина за воинствующий материализм и революционную диалектику. М., 1960; В. И. Ленин и вопросы марксистской философии. М., 1960; *Панцхава И. Д.* Ленинский этап в развитии марксистской философии. М., 1960. Из работ, выпущенных республиканскими и областными издательствами, укажем: 50 лет книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Пермь, 1958; Гениальное философское произведение В. И. Ленина. Киев, 1959. На укр. яз.; В. И. Ленин и некоторые вопросы теории познания. Горький, 1959; Классическое произведение марксизма. Запорожье, 1959; 50 лет со дня опубликования книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Тбилиси, 1959. На груз. яз.; Теоретическое оружие коммунизма. Киев, 1959. На укр. яз.; *Александров Г. Ф., Горбач В. И., Ковалевич В. М.* Развитие В. И. Лениным марксистского учения о законах диалектики. Минск, 1960; *Варганян Г. М.* Развитие В. И. Лениным марксистской теории отражения. Ереван, 1960; Великое произведение марксистской философии. Новосибирск, 1960; Гениальное философское произведение В. И. Ленина. Баку. 1960. На азерб. яз.; К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина // Изв. Ленингр. электротехн. ин-та им. В. И. Ульянова (Ленина). Л., 1960. Вып. XI; *Левин Г. А.* Вопросы теории познания в произведении В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Минск, 1960; Некоторые вопросы ленинского философского наследия. Томск, 1960; О книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Л., 1960; По ленинскому пути — к победе коммунизма. Ярославль, 1960; Труд В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Ташкент, 1960. На узб. яз.; и др.

Исследования с конца 50-х — 70-х годов внесли значительный вклад в конкретно-историческое раскрытие характерных черт ленинского этапа марксистской философии¹¹². Прежде всего было подчеркнуто непреходящее международное значение ленинизма, раскрыто значение ленинской критики реформизма и философского ревизионизма для творческого развития марксистской философии и преодоления догматического извращения учения К. Маркса и Ф. Энгельса лидерами II Интернационала. Именно в борьбе против искажения взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на сущность революционного преобразования общества, против попыток заменить диалектический материализм как философскую основу пролетарской идеологии «модными» идеалистическими теориями В. И. Ленин творчески развивал марксизм применительно к новым историческим условиям.

С конца 50-х годов началась и углубленная разработка истории развития В. И. Лениным материалистической диалектики¹¹³. Раскрывая то новое, что внес В. И. Ленин в марксистскую диалектику, советские ученые особо подчеркивали ленинскую мысль о неисчерпаемости диалектики. В. И. Ленин указывал, что в своем историческом развитии человеческое познание будет открывать все новые ее стороны и обогащать ее новыми положениями. Принципиальное значение для понимания сути диалектики имеет разработка В. И. Лениным закона единства и борьбы противоположностей как ядра марксистской диалектики, ленинское положение о противоречиях, являющихся внутренним источником развития, указание на различие понятий «антагонизм» и «про-

¹¹² См.: *Окулов А. Ф.* Борьба В. И. Ленина против философии реформизма и ревизионизма. М., 1959; *Чагин Б. А.* Борьба марксизма-ленинизма против философского ревизионизма в конце XIX — начале XX века. Л., 1959; *Он же.* Из истории борьбы В. И. Ленина за развитие марксистской философии. Л., 1960; *Щеглов А. В.* Из истории борьбы В. И. Ленина за диалектический материализм. Пермь, 1960; *Васецкий Г. С.* Развитие В. И. Лениным марксистской философии в борьбе с ревизионизмом (1907—1913 гг.). М., 1961; *Полов С. И.* Кант и кантианство. М., 1961; Ленин как философ. М., 1969; *Кедров Б. М.* Из лаборатории ленинской мысли: Очерки о «Философских тетрадах» В. И. Ленина. М., 1972; Ленинский этап в развитии философии марксизма. М., 1972; *Суворов Л. Н.* Борьба В. И. Ленина против антимарксистских философских концепций в послеоктябрьский период. М., 1974; *Щеглов А. В.* Развитие марксистской философии в трудах В. И. Ленина. 3-е изд., перераб. и доп. Кишинев, 1977; и др.

¹¹³ См.: *Мамыковский Л. А.* В. И. Ленин о диалектике, логике и теории познания. М., 1959; О «Философских тетрадах» В. И. Ленина. М., 1959; *Суворов Л. Н.* Вопросы диалектики в «Философских тетрадах» В. И. Ленина. М., 1960; *Копчин П. В.* Диалектика как логика. Киев, 1961; *Касымжанов А. Х.* Проблема совпадения диалектики, логики и теории познания (по «Философским тетрадам» В. И. Ленина). Алма-Ата, 1962; *Кедров Б. М.* Единство диалектики, логики и теории познания. М., 1963; *Розенталь М. М.* Ленин и диалектика. М., 1963; *Козловский В. Е.* Развитие В. И. Лениным марксистского учения о противоречиях. М., 1966; *Копчин П. В.* В. И. Ленин и материалистическая диалектика. Киев, 1969; *Он же.* Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., 1969; История марксистской диалектики: Ленинский этап. М., 1973; и др.

тиворечие». Советские философы всесторонне проанализировали и показали актуальность ленинской формулы об абсолютности борьбы и относительности единства противоположностей, о борьбе противоположностей как движущей силе развития. В этой ленинской формуле выражена сущность закона единства и борьбы противоположностей, который имеет силу для любого развития независимо от его конкретно-исторических форм и своеобразия их проявления. Социализм как общественно-экономическая формация не является исключением в этом отношении, хотя, как подчеркивал В. И. Ленин, характер действия закона единства и борьбы противоположностей в условиях социализма имеет свою специфику, так как важнейшим источником развития становится здесь борьба неантагонистических противоположностей.

Раскрывая богатство ленинских идей, советские философы показали, что система категорий и законов диалектики, как ее мыслил В. И. Ленин, является динамичной, развивающейся системой, в которой понятия гибки, подвижны, едины в противоположностях, поскольку они являются отражением движения объективного мира. Исходным принципом построения системы категорий диалектики является ленинское положение о совпадении диалектики, логики и теории познания. Они показали также, что марксистская философия преодолела разрыв онтологии, гносеологии и логики благодаря распространению диалектики на область познания и включению в нее практики. Выявление роли практики в познании — ключ к пониманию его сути, места и роли в развитии человеческого общества.

В литературе, вышедшей в 60-е годы, большое внимание уделялось анализу ленинских положений о роли субъективного фактора в истории, в частности о роли идей в историческом развитии¹¹⁴.

Исследование ленинских идей о соотношении субъективного и объективного факторов в общественной жизни позволило решить сложнейшие вопросы деятельности человека, выявить соотношение объективных законов и субъективных стремлений личности. Из того факта, что В. И. Ленин подчеркивал объективный характер законов исторического развития, противники ленинизма делали вывод о его якобы фатализме, пренебрежении творческими потенциями личности, а из учения В. И. Ленина о руководящей роли партии антимарксисты пришли к заключению о якобы присущем В. И. Ленину волюнтаризме. То и другое в корне противоречит истине.

В зарубежной литературе давно уже предпринимались попытки противопоставить В. И. Ленина К. Марксу на том основании,

¹¹⁴ См.: Овандер Н. Э. О роли идей марксизма-ленинизма в борьбе за победу социалистической революции в России. Киев, 1963; Чагин Б. А. Ленин о роли субъективного фактора в истории. Л., 1967; и др.

что В. И. Ленин будто бы в противовес К. Марксу переоценивал роль субъективного фактора в истории, стоял на позициях волюнтаризма. Еще в 20-е годы такой трактовке ленинизма был дан отпор. В 50—70-е годы еще более полно, теоретически аргументированно было доказано, что В. И. Ленину была чужда переоценка какого-либо одного фактора. Строго следуя марксистскому диалектическому методу, он научно опроверг как субъективизм, так и фатализм в истории.

Ленинский этап в истории марксистской философии представляет собой важную, неотъемлемую сторону процесса творческого развития марксизма начиная с конца XIX в. Дальнейшая разработка марксистской теории социалистической революции на основе опыта революционной борьбы трудящихся в эпоху империализма, научно-философское обоснование строительства социализма и коммунизма, всестороннее развитие диалектического и исторического материализма с учетом новых огромных достижений науки были предприняты В. И. Лениным. Но главное, Ленин развил и обосновал принцип партийности философии, показал, что революционная, пролетарская, коммунистическая партийность философии рождается из совпадения объективной истины и классовых интересов рабочего класса. Он нанес сокрушительный удар по лицемерной буржуазной идее «беспартийности», показал, что «беспартийность» — это своего рода ширма, прикрывающая классовый, именно партийный характер буржуазной идеологии. Если рабочему классу, коммунистам незачем скрывать своей партийности, поскольку она совпадает с объективной истиной, служит трудящимся, делу прогресса, то буржуазия, интересы которой противостоят объективному ходу истории, большинству народа, стремится скрыть свою партийную позицию, свою приверженность философскому идеализму, ругает за «беспартийность», за то, чтобы встать «выше» всех классов и партий.

В 60-е годы появились первые монографические исследования, посвященные истории марксистско-ленинской философии в СССР¹¹⁵. В них всесторонне анализировалась идейная борьба

¹¹⁵ См.: История философии. Т. V, VI; Марксистско-ленинская философия и социология в СССР и европейских социалистических странах. М., 1965; Из истории марксистско-ленинской философии после второй мировой войны. М., 1961; Суворов Л. Н. Борьба марксизма-ленинизма в СССР против буржуазной идеологии и ревизионизма в период перехода от капитализма к социализму. М., 1961; Нарский И. С., Суворов Л. Н. Позитивизм и механистическая ревизия марксизма. М., 1962; Петрашкин А. П., Суворов Л. Н. История марксистско-ленинской философии. 3-е изд. М., 1964; Окулов А. Ф. Советская философская наука и ее проблемы: Краткий очерк. М., 1970; Чагин Б. А. Очерк истории социологической мысли в СССР. 1917—1969. Л., 1971; История марксистской диалектики: Ленинский этап; Круглов А. А. Сявровцов-Степанов — атеист. Минск, 1974; Волков П. Д., Ермишкин Н. И. Эстетические взгляды М. С. Ольминского. М., 1975; Чагин Б. А., Клушин В. И. Борьба за исторический материализм в СССР в 20-е годы. Л., 1975; Ксенофонтов В. И. Ленинские идеи в советской философской науке 20-х годов: (Дискуссия «диалектиков»

Коммунистической партии, советских ученых за ленинизм в философии, за правильное понимание роли В. И. Ленина в творческом развитии философии марксизма, раскрывалось в общем виде значение философских дискуссий для развития советской философской науки, критики чуждых марксизму-ленинизму взглядов и теорий. Значение этих работ не ограничивалось оценкой развития марксистской мысли в СССР. Журнал «Коммунист» справедливо подчеркивал, что «нельзя по-настоящему изучать историю марксистско-ленинской философии, не давая объективного освещения истории советской философской мысли»¹¹⁶.

Как и в предшествующие десятилетия, с конца 50-х — в 70-х годах в стране проводились исследования по истории распространения марксистско-ленинской философии в зарубежных странах¹¹⁷, в России дооктябрьского периода¹¹⁸.

Все больший размах получали исследования конкретных, своеобразных путей распространения и развития марксистско-ленинской философии в республиках Советского Союза¹¹⁹.

с механистами). Л., 1975; *Реуц И. Ф.* Философские проблемы критики религии в атеистическом наследии А. В. Луначарского. Минск, 1976; *Колосков В. Н.* Очерки истории марксистско-ленинской философии в СССР: (30-е годы). М., 1978; и др.

¹¹⁶ Коммунист. 1968. № 2. С. 69.

¹¹⁷ См.: *Азахи А. М.* Распространение идей марксизма-ленинизма в Иране. Баку, 1961; Распространение идей марксистской философии в Европе: Конец XIX — начало XX в. Л., 1964; Из истории распространения философских и социологических идей «Капитала» Маркса // «Капитал» Маркса, философия и современность. М., 1968; *Малевиц С. А.* Вопросы исторического материализма в трудах Людвиг Кржвицкого: Из истории формирования марксистской философии в Польше. Минск, 1971; Распространение марксистской философии в европейских странах: Идеиная борьба во II Интернационале // Марксистская философия в XIX веке. М., 1979. Кн. 2; и др.

¹¹⁸ Наряду с уже упоминавшимися трудами, посвященными Г. В. Плеханову, см. также: *Полевой Ю. З.* Зарождение марксизма в России. 1883—1894. М., 1959; *Бурлак В. Н.* Из истории проникновения идей марксизма в Россию в разночинный период освободительного движения. М., 1961; *Костин А. Ф.* От народничества к марксизму. М., 1967; *Богатов В. В., Чагин Б. А., Хорос В. Г.* Распространение и развитие философии марксизма до середины 90-х годов XIX в. // История философии в СССР. М., 1968 Т. 3; *Волк С. С.* Карл Маркс и русские общественные деятели. М., 1969; *Водолазов Г. Г.* От Чернышевского к Плеханову: Об особенностях развития социалистической мысли в России. М., 1969; *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* Русская мысль на пути к марксизму // Русская философия XI—XIX веков. М., 1970; *Хорос В. Г.* Народническая идеология и марксизм. М., 1972; *Пантин И. К.* Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М., 1973; *Пустарнаков В. Ф.* «Капитал» К. Маркса и философская мысль в России: (Конец XIX — начало XX в.). М., 1974; *Конющая Р. П.* Карл Маркс и революционная Россия. М., 1975; *Володин А. И.* «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и общественная мысль России XIX в.: (Ист.-филос. очерк). М., 1978; *Володин А. И., Пустарнаков В. Ф.* К. Маркс, Ф. Энгельс и философская мысль в России 40-х — начала 80-х годов // Марксистская философия в XIX веке. М., 1979; *Бурлак В. Н.* Отражение идей марксизма в русской прогрессивной общественной мысли 1840—1860 годов. М., 1980; и др.

¹¹⁹ См.: Из истории борьбы за распространение марксизма в Белоруссии (1883—1917 гг.). Минск, 1958; *Бажурадзе О.* Из истории распространения марксистской философии в Грузии. Тбилиси, 1959. На груз. яз.; *Килаберия М. Н.* О защите и развитии марксистско-ленинской философии в Грузии (1908—1914). Тбилиси, 1960. На

Эта работа, начатая еще в период подготовки шеститомной «Истории философии» и продолженная при работе над пятитомной «Историей философии в СССР», получила свое развитие в серии монографий, в которых обстоятельному анализу подвергаются пути распространения учения марксизма-ленинизма, его утверждение в сознании масс в процессе непримиримой борьбы против различных форм буржуазной и добуржуазной идеологии, ревизионистских и догматических штаний и извращений. Исследование распространения и развития марксистско-ленинской философии в советских республиках, раскрывая специфику восприятия идей марксизма-ленинизма в зависимости от местных условий, исторических традиций, национальных особенностей и т. п., показывает в то же время общие закономерности развития марксистско-ленинской философии как единого интернационального учения, как основы мировоззрения рабочего класса, трудящихся нашей страны, всего советского народа.

груз. яз.; *Штейнберг В. А.* Розинь — пионер марксистской философии в Латвии. Рига, 1960. На латыш. яз.; *Самедов В. Ю.* Распространение марксизма-ленинизма в Азербайджане. Баку, 1962; *Халлмухамедов М. Х.* Распространение идей марксизма-ленинизма в Туркестане. Ташкент, 1962. На узб. яз.; *Гаспарян Н.* История философской мысли в Советской Армении. Ереван, 1963. На арм. яз.; *Острианин Д. Ф.* В. В. Воровский — выдающийся пропагандист марксистско-ленинской философии. Киев, 1963. На укр. яз.; *Ахмедов Э. М.* Распространение идей марксистско-ленинской философии в Азербайджане. Баку, 1964; *Бейсембиев К. Б.* Прогрессивно-демократическая и марксистская мысль в Казахстане начала XX века. Алма-Ата, 1965; *Бурабаев М.* Распространение идей марксизма-ленинизма в дооктябрьском Казахстане. Алма-Ата, 1965; *Кочарли Ф. К.* Нариман Нариманов. Жизнь, деятельность и мировоззрение. Баку, 1965. На азерб. яз.; *Кокис П. П.* Философские проблемы в трудах П. И. Стучки. Рига, 1967; Из истории марксистско-ленинской философии в Узбекистане. Ташкент, 1968; *Бейсембиев К. Б.* Победа марксистско-ленинской идеологии в Казахстане. Алма-Ата, 1970; *Муминов И. М.* Избранные труды: В 3 т. Ташкент, 1970. Т. 2; Очерки истории философской и общественно-политической мысли в Туркменистане: С VI в. до наших дней. Ашхабад, 1970; *Асланов М.* Распространение идей ленинизма в Таджикистане. Душанбе, 1971; *Соложенко В.* От народничества к марксизму. Распространение марксизма и образование социал-демократии в Белоруссии. Минск, 1971; *Хидыров Т.* Распространение идей марксизма-ленинизма в дооктябрьском Туркменистане (1900—1917). Ашхабад, 1971; *Закариадзе Г. И.* Ленинский этап развития грузинской общественно-политической мысли. Тбилиси, 1974. На груз. яз.; *Аветисян В. А.* Начало марксистско-ленинского этапа развития армянской общественной мысли. Ереван, 1976. На арм. яз.; *Кочарли Ф.* Марксизм-ленинизм и демократическая общественная мысль в Азербайджане. Баку, 1976. На азерб. яз.; и др.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

КРИТИКА КОНЦЕПЦИЙ СОЦИАЛ-РЕФОРМИЗМА,
РЕВИЗИОНИЗМА И АНТИКОММУНИЗМА

Ревизионизм, социал-реформизм и антикоммунизм, так же как и реакционные течения буржуазной философии эпохи империализма, коренятся в характерных особенностях современной эпохи — в предельном обострении всех присущих буржуазному строю противоречий. Свидетельствуя о дальнейшем росте классовой борьбы в экономической, политической и идеологической областях, ревизионизм и социал-реформизм представляют собой прямую реакцию на успехи мирового социализма и международного рабочего движения. Между названными направлениями и современной буржуазной философией и социологией существует тесная связь, проявляющаяся в том, что их адепты по-своему продолжают традиции идеалистической и метафизической мысли, следуют «модным» буржуазным философским системам. Эти системы представляют собой теоретические источники ревизионистской и социал-реформистской идеологии, а последняя, в свою очередь, конкретизирует и дополняет их с целью воздействия на представителей рабочего класса и мелкобуржуазных кругов общества. Ревизионизм, социал-реформизм и антикоммунизм выступают против марксистско-ленинского мировоззрения, мирового социализма, международного рабочего и национально-освободительного движения.

* * * * *

Одним из направлений в деятельности советских философов стала критика политического и философского ревизионизма. В борьбе против ревизионистских и реформистских концепций они опирались на теоретическое наследие классиков марксизма-ленинизма: теоретический и практический опыт борьбы нашей партии, В. И. Ленина против оппортунистической идеологии всех направлений был тем фундаментом, на основе которого советские философы-марксисты и марксисты зарубежных стран продолжали вести активную борьбу против политических и философских установок международного социал-реформизма и ревизионизма.

Советские философы, верные завету В. И. Ленина о непримиримой борьбе против враждебных научному социализму идей, приняли активное участие в борьбе КПСС против философских и социологических концепций ревизионизма. Как показали их исследования, в послеоктябрьские годы наблюдалось перерождение социал-демократической ревизионистской критики марксизма в

буржуазно-либеральную критику и отход официальных социал-реформистских идеологов от материализма к идеализму¹.

Среди ревизионистских теоретиков было широко распространено мнение о том, что учение Маркса — это только «теория законов движения общества», только «наука о социальной жизни и о социальном развитии»². М. Адлер, например, много усилий потратил на доказательство того, что марксизм не имеет якобы ничего общего с философским материализмом. В его интерпретации материализм — это «философская система», пытающаяся ответить на «метафизические вопросы о сущности вещей, о сущности духа и его отношении к материи». Вся эта метафизика по его мнению, совершенно нейтральна по отношению к марксизму, потому и неправильно истолковывать марксизм «философски-материалистически». Сохраняя для социальной теории Маркса название «материалистическое понимание истории», М. Адлер на деле превращал исторический материализм в ординарное позитивистское учение. На языке Маркса, писал М. Адлер, «материалистическое не означает ничего более, как эмпирическое». Изучение причинной связи этих эмпирических социальных событий и явлений — «в этом весь материализм материалистического понимания истории»³. Превратив марксизм в позитивизм, М. Адлер изображал дело так, будто К. Маркс и Ф. Энгельс назвали свои воззрения «материалистическими» случайно, единственно потому, что хотели «выразить свою оппозицию гегелевскому идеализму»⁴. Только «решительное отсоединение марксизма от материализма», по Адлеру, даст «действительное понимание его (марксизма) теоретического значения».

В советской философской литературе эта общая характерная черта философского ревизионизма, выражавшаяся в попытке расщепить марксизм на отдельные части, искусственно отделить одну сторону марксистского учения от другой, а затем отрицать одну область, превратно изображая и извращая другую, подверглась резкой критике⁵.

¹ См.: Рудаш Л. Против новейшей ревизии марксизма. М., 1925 (Л. Рудаш — венгерский философ-марксист, работавший в 20—30-е годы в СССР); Он же: Диалектический материализм и социал-демократия. М., 1934; Месин Ф. Новая ревизия материалистического понимания истории. М., 1929; Против новейшей критики марксизма. М.; Л., 1929; Быховский Б. Макс Адлер за работой // Под знаменем марксизма. 1931. № 7—8; Он же. Враги и фальсификаторы марксизма. М.; Л., 1933; Познер В. Философия марксизма и социал-фашизм // Под знаменем марксизма. 1933. № 3; Деборин А. Карл Маркс и современность. М.; Л., 1933; Фурцих М. Философия марксизма и современная социал-демократия. М.; Л., 1936; и др.

² Адлер М. Кант и марксизм. М., 1920. С. 167.

³ Адлер М. Маркс как мыслитель. М., 1924. С. 69; Он же. Кант и марксизм. С. 169.

⁴ Адлер М. Кант и марксизм. С. 169.

⁵ См.: Против новейшей критики марксизма. С. 55—57; Месин Ф. Новая ревизия материалистического понимания истории. С. 9—12.

Одним из важнейших направлений деятельности советских философов в эти годы явилась критика ревизионистских утверждений о том, что марксизм лишен-де своего «собственного философского содержания», своей собственной «теории познания», которая послужила бы «основой для дальнейшего философского мышления». Так, Адлер, будучи убежденным сторонником и пропагандистом кантианской философии, считал необходимым «углубить» и «обогатить» социологическую теорию К. Маркса критическим идеализмом Канта⁶.

Критикуя адлеровскую «неокантианскую репродукцию марксизма», известный советский ученый-марксист профессор М. В. Серебряков справедливо отмечал, что, отправляясь от критицизма Канта, заявляя, что «мир есть постоянное творение нашего собственного мышления», утверждая, что «сами экономические (производственные) отношения представляют нечто духовное и вообще могут быть поняты только как явления духовной жизни», Адлер неизбежно приходил к идеалистической трактовке процессов общественной жизни: «неокантианский желудок М. Адлера» не в состоянии «переварить жесткой материалистической пищи»; отсюда уклоны, ошибки отступления от принципиальных идей исторического материализма и сползание в «зыбучие пески идеализма»⁷.

Особое место в литературе 20—30-х годов заняла критика философских построений К. Каутского, в частности его книги «Материалистическое понимание истории», вышедшей в 1927 г. В этой книге, являющейся в определенной мере итоговой для его идейно-философского развития, К. Каутский на деле сводил содержание марксистской философии к вульгарно-упрощенно понимаемому материалистическому методу. Согласно Каутскому, у К. Маркса и Ф. Энгельса была «определенная философия», исходя из которой они проводили свои исторические и экономические исследования; и эта «философия» есть «материалистический метод», требующий оставаться «в пределах опыта, данного». Но марксизм не связывает себя с каким-либо определенным мировоззрением, «выходящим за пределы опыта». К. Каутский так и говорит: «Материалистическое понимание истории не связано с материалистической философией... Философия занимает нас лишь постольку, поскольку она имеет дело с материалистическим пониманием истории, а последнее представляется нам соединимым не только с Махом и Авенариусом, но и с кой-какой другой философией»⁸.

Критикуя каутскианство, советские ученые подчеркивали неправомочность обособления исторической и экономической теории

⁶ Адлер М. Кант и марксизм. С. XI.

⁷ См.: Серебряков М. В. Несколько слов о Марксе Адлере. Предисл. // Адлер М. Маркс как мыслитель. М., 1924. С. 10—13.

⁸ Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т. I. С. 28.

марксизма от ее философских основ, от материалистической диалектики, утверждали единство метода познания и философского мировоззрения в философии марксизма, показывали несовместимость философского материализма с кантианством, позитивизмом, махизмом и т. п.⁹, еще раз подтвердив тем самым справедливость слов В. И. Ленина, сказанных им в адрес ревизионистов всех направлений: признание марксизма на словах, а на деле борьба с ним, выхолащивание софизмами его содержания, превращение его в безвредную для буржуазии «икону»¹⁰. «На деле — полное отречение от диалектического материализма, т. е. от марксизма. На словах — бесконечные увертки, попытки обойти суть вопроса, прикрыть свое отступление...»¹¹.

Одним из приемов извращения сути материалистической диалектики являлось превратное истолкование отношения марксизма к гегелевской диалектике. Преодоление К. Марксом идеалистической гегелевской диалектики М. Адлер, Р. Гильфердинг, З. Марк видели в том, что у Маркса «движение категорий» означает не движение «абсолютного духа», а «лишь движение индивидуального мышления, при помощи которого последнее переходит от одних логических определений к другим» (М. Адлер). Ими создавался миф о том, что К. Маркс якобы ограничил диалектику лишь областью мышления, что диалектика рассматривалась им лишь как метод исследования, как способ образования и изложения логических категорий¹². А Ф. Энгельс и В. И. Ленин не «поняли» К. Маркса и неправомерно распространили диалектику на объективный мир, на природу и тем самым отошли от «истинного марксизма».

Откровенно идеалистический характер такой трактовки философии марксизма со стороны ревизионистов был вскрыт А. Васильевой.

«Считать, что материалом диалектики являются только категории мышления,— справедливо констатировала она,— это и значит целиком остаться в границах идеалистической диалектики, которая имеет дело лишь с понятиями, а не с движением объективного материального мира. Такая трактовка марксизма вовсе не вскрывает, а, наоборот, затушевывает тот шаг вперед от Гегеля, который был сделан Марксом и Энгельсом»¹³.

⁹ См.: *Разумовский И.* Новейшие откровения Карла Каутского // *Вестн. Ком. акад.* 1928. Кн. XXIX. С. 82—85; *Месин Ф.* Новая ревизия материалистического понимания истории. С. 9—12; *Диалектический и исторический материализм.* М., 1932. Ч. 2. С. 1—3.

¹⁰ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 227.

¹¹ Там же. Т. 18. С. 10.

¹² См.: *Адлер М.* Маркс как мыслитель. С. 78; *Каутский К.* Материалистическое понимание истории. Т. 1. С. 148.

¹³ *Васильева А.* Гегель и современный ревизионизм // *Гегель и диалектический материализм.* М., 1932. С. 205.

Опираясь на идеи основоположников марксизма, советские философы показывали, что К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали движение и развитие логических категорий как отражение объективной диалектики, диалектики природы. Для них материалистическая диалектика — это неразрывное единство объективной и субъективной диалектики, всеобщий закон развития природы, общества и мышления¹⁴.

Ревизионисты интерпретировали материалистическую диалектику также в духе дюрингганской концепции «антагонизма сил», низводя ее на «мертвый, бедный, сухой» уровень механицизма и плоского эволюционизма.

Так, у К. Каутского, который признавал, что он понимает диалектику развития органических видов человеческого общества иначе, чем Маркс и Энгельс¹⁵, толкование диалектических закономерностей развития и движения сводилось к процессу преодоления противоположности между «я» и «окружающей средой», к взаимному приспособлению «среды» и «я», к «равновесию» между миром органическим и неорганическим. Развитие сводилось К. Каутским к равновесию, являющемуся основой как биологического, так и общественного развития.

Вульгарный характер диалектики Каутского был подвергнут критике Ф. Месиным, который показал, что диалектика по существу подменялась у К. Каутского дюрингганским «антагонизмом сил», той «плоской мыслью о силах, движущихся в противоположном направлении, но не в противоречиях», которую так резко критиковал Энгельс в полемике с Дюрингом¹⁶.

Одним из важных участков идейной полемики советских философов с ревизионизмом 20—30-х годов являлась борьба за ленинское философское наследие. Уже в первые послеоктябрьские годы началась фальсификация научной и политической деятельности В. И. Ленина, роли его трудов в развитии марксистской философии; появились тенденции к противопоставлению Ф. Энгельса и В. И. Ленина К. Марксу, марксизма — ленинизму. Объектом нападок стала диалектико-материалистическая теория познания и особенно ленинская теория отражения.

М. Адлер, Э. Марк, посвятившие ряд своих выступлений специально критике ленинских философских взглядов, утверждали, что «у Маркса дело так и не дошло до построения самостоятельной методологии», которая мыслилась им «как всеохватывающая диалектика». Поэтому, мол, «за марксистской диалектикой приходится обращаться к Энгельсу, который сознательно популяризирует мысли Маркса, отчасти невольно их упрощает». Философ-

¹⁴ См.: Разумовский И. Указ. соч. С. 92—94.

¹⁵ См.: Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т. 1. С. 805.

¹⁶ См.: Месин Ф. Новая ревизия материалистического понимания истории. С. 13—14.

ские же идеи В. И. Ленина не могут быть почвой для «развернутой марксистской философии и диалектики», так как он упорно «удерживает наивную основу эмпиризма», «насильственно соединяет диалектику с материализмом», стоит на позиции «фидеизма и дуализма», ибо признает существование внешнего мира вне нас и независимо от сознания. Отождествление концепции отражения, диалектического материализма с механистическими и метафизическими воззрениями, навешивание на марксистско-ленинскую философскую науку ярлыков «догматизма», «статичности», «мертвенности», «пассивной созерцательности» и т. п. — распространенные приемы «критики» взглядов В. И. Ленина ревизионистами.

Защищая взгляды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина на противоречивый и многоступенчатый характер воспроизведения объективной реальности в ощущениях, представлениях и понятиях, на трудный и сложный путь к истине, советские философы справедливо подчеркивали, что понимание отражения как застывшего, мертвого, непосредственного зеркального отображения предмета свидетельствует лишь о том, что ревизионистские «критики» сами не в состоянии выйти за пределы вульгарно-механистических представлений. В критических публикациях 20—30-х годов, направленных против философского ревизионизма, находили свое конкретное разъяснение мысли В. И. Ленина о том, что процесс отражения надо понимать не в узкоэмпирическом смысле слова, не представлять себе истину в виде мертвого покоя, в виде простой картины (образа) без стремления, без движения. Познание — не простое, не непосредственное, не законченное отражение, а процесс ряда абстракций, формулирования, образования понятий, законов и т. д.¹⁷

Международный социал-реформизм и ревизионизм самыми различными способами извращал не только философские, но также общественно-политические и социологические идеи марксизма-ленинизма. Идеино-политическая платформа социал-реформизма и ревизионизма сводилась в первую очередь к проповеди сотрудничества классов, к отрицанию революционных методов борьбы за социализм, к отказу от диктатуры пролетариата. Проводя на практике политику классового союза с буржуазией, оппортунистические вожди II Интернационала защищали и пропагандировали тезис о том, что наступила якобы принципиально новая фаза капиталистического развития, которая «облегчает» переход к социализму, ибо капитализм стал-де более «гармоничным», более «плановым» и «организованным». Широко распространилась теория о «конструктивном» и «демократическом социализме». Путь к такому типу «социалистического общежития» прокладывает, мол, «хозяйственная демократия», которая характеризовалась

¹⁷ См.: Быховский Б. Указ. соч. С. 46—50; Диалектический и исторический материализм. М., 1934. Ч. 1. С. 118—119.

реформистами как превращение руководящих органов хозяйства из органов капиталистических интересов в органы всего общества. Наиболее четко концепция мирного вращивания капитализма в социализм была сформулирована Р. Гильфердингом в 1927 г. на съезде Германской социал-демократической партии: «Организованный капитализм означает в действительности принципиальную замену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерного производства»¹⁸. Вопреки фактам действительности, авторы концепций о «мирном вращивании капитализма в социализм» рассматривали буржуазное государство как «демократический институт», выполняющий волю трудящихся масс, которые могут, пользуясь своим влиянием на государство, постепенно и планомерно преобразовать «капиталистически организованное хозяйство» в «социалистически организованное».

Весьма ходкой стала в 20-е годы также пропаганда оппортунистами концепции «этического социализма», заимствованной ими у неокантианцев. Социализм рассматривался реформистами как некий «нравственный идеал», «принцип и система ценностей», осуществление которых переносилось в далекое будущее. Из понятия социализма устранялись его конкретные экономические и политические характеристики, отвергались и революционные методы борьбы против буржуазии; отбрасывалась также центральная идея научного социализма — идея перехода от капитализма к социализму через социальную революцию, через диктатуру пролетариата. У некоторых теоретиков оппортунистического течения «этический социализм» трансформировался в «социализм религиозный» и вообще объявлялся «делом веры». Социалистическое общечеловечье есть внутреннее соединение душ, писал австромарксист А. Кранольд. «В переживании бога мы имеем лишь углубленное и расширенное, до конца продуманное переживание общности». Эта мысль «имеет решающее значение для построения религиозного социализма»¹⁹.

Советскими философами была доказана абсолютная невозможность и бесперспективность попыток соединения марксизма с немарксистскими социологическими и этическими идеями, абсолютная невозможность и бесперспективность примирения социализма с христианством и церковью²⁰.

В литературе 20—30-х годов, посвященной критическому рассмотрению социально-экономических и социологических концепций оппортунизма и ревизионизма, делался в основном правильный вывод о том, что социал-реформизм и ревизионизм низводили

¹⁸ Гильфердинг Р. Капитализм, социализм и социал-демократия. М.; Л., 1928. С. 127.

¹⁹ Цит. по: Живой марксизм. Иена, 1924. С. 550, 567. На нем. яз.

²⁰ См.: Деборин А. Последнее слово ревизионизма // Деборин А. Философия и политика. М., 1961. С. 141—147.

марксистскую теорию до уровня буржуазных и мелкобуржуазных положений, до уровня буржуазно-либеральной апологетики²¹. Вместе с тем в критике социал-реформизма и ревизионизма проявлялись и определенные недостатки. На позиции советских философов отрицательно сказался односторонний тезис о социал-демократии как о «социал-фашизме». Направленный против реформистских иллюзий, он, однако, вел к ослаблению сопротивления фашизму, мешал созданию единого антифашистского фронта, затруднял упрочение связи компартий с массами, значительная часть которых находилась под влиянием социал-демократов. Историческая заслуга VII Конгресса Коминтерна (1935) состояла в том, что он отверг тезис, будто единый фронт рабочих должен создаваться против социал-демократии, и определил новую, эффективную тактику борьбы рабочего класса против фашизма и войны, выдвинул действенную программу сплочения всех демократических, миролюбивых сил.

Участие советской общественной науки 20—30-х годов в критике философских концепций международного социал-реформизма и ревизионизма в международном коммунистическом движении, а также в ВКП(б) явилось одной из важных страниц в истории марксистско-ленинской философии в СССР. Опыт идеологической борьбы нашей партии и ее теоретических кадров с ревизионистскими противниками марксизма-ленинизма сохраняет значение и в наши дни. Многие из того, что уже в 20-е годы подверглось критике советскими философами, не осталось в прошлом, а реставрируется и подновляется в современной философской литературе правого и «левого» оппортунизма, входит в его идейный арсенал. Опыт борьбы с философским ревизионизмом, накопленный в эти годы, и ныне служит делу непримиримой и конструктивной критики современного ревизионизма. Анализ и критике современного социал-реформизма посвящены многочисленные коллективные труды или специальные разделы таких трудов²²,

²¹ См.: *Рубинштейн Н.* Теория революции австрийской «левой» социал-демократии // Под знаменем марксизма. 1927. № 7/8; *Миронов М.* Современные взгляды Каутского на революцию // Вестн. Ком. акад. 1928. № XXVII (3); *Новиков С.* Диалектика революции и софистика О. Бауэра // Под знаменем марксизма. 1930. № 6; *Альтер И.* Демократия против революции. М., 1930; *Мануильский Д.* Очередные открытия г-на Отто Бауэра // Большевик. 1933. № 1/2; и др.

²² См.: *Реформизм, ревизионизм и проблемы современного капитализма.* М., 1959; *Правые социалисты — против социализма.* М., 1960; *Социал-реформизм и колониальный вопрос: (Позиции правых социалистов в связи с распадом колониальной системы).* М., 1961; *Против реформизма, за единство рабочего движения.* М., 1966; *Идеология современного реформизма: Критика концепций правых социалистов.* М., 1970; *Большевизм и реформизм.* М., 1973; *Критика антикоммунизма, реформизма и ревизионизма.* М., 1975; *Борьба идей в современном мире: В 3 т.* М., 1976—1978; *Что такое «демократический социализм»?* М., 1978; 2-е изд. М., 1979; *Социал-демократический и буржуазный реформизм в системе государственно-монополистического капитализма.* М., 1980; *Критика буржуазной идеологии, реформизма и ревизионизма.* Алма-Ата, 1981.

а также индивидуальные исследования²³. О широких масштабах работы по критике современного социал-реформизма в последнее десятилетие можно судить по специальным и общим указателям вышедших в СССР книг и статей²⁴.

В 50—70-е годы советскими обществоведами и философами проводился сравнительный анализ современного социал-реформизма и социал-реформизма времен II Интернационала, в результате которого были выявлены особенности современной реформистской идеологии, ее общие исторические и современные идейно-теоретические источники, специфика ее современных позиций в сфере философии, социологии, других областях знания.

В 50-х — первой половине 80-х годов вышел ряд трудов, анализирующих собственно философские концепции современных социал-реформистов²⁵. В них показано, что философия современного реформизма является эклектической смесью разнообразных идеалистических, метафизических, религиозных идей, взятых главным образом из идеологического арсенала буржуазной философии и социологии наших дней. И все эти философские идеи приспособлены для обоснования специфической деятельности правых лидеров реформизма в среде пролетариата и мелкобуржуазных элементов.

²³ См.: *Дворкин И. Н.* Критика экономических теорий правых социалистов (западногерманских и австрийских). М., 1959; *Большов Д. Г., Мирцев В. Б., Яковлев Л. А.* Кризис реформистских иллюзий «демократического социализма». М., 1961; *Тамашкова О. К.* Шведская социал-демократия у власти: (Очерк послевоен. экон. и социал. критики). М., 1962; *Попов С. И.* Идейное банкротство современного реформизма: (Критика филос. и социал. концепций западногерм. правых социалистов). М., 1963; *Он же.* Социал-реформизм: теория и практика. М., 1971; *Зорина Л. Ю.* Как Джон Строчи «обновил» Маркса. М., 1964; *Черняев А. С.* Современная социал-демократия и проблемы единства рабочего движения. М., 1964; *Сикорский В. М.* Мировой революционный процесс и современный социал-реформизм. Минск, 1965; *Салычев С. С.* Идеология и политика французской социалистической партии (1944—1964 гг.). М., 1966; *Шумский В. С.* Политика без будущего: Антикоммунизм правых лидеров СДПГ. М., 1967; *Генри Э.* Социал-демократия на перепутье. М., 1969; *Моисеев В. Н.* Критика современного реформизма в политической экономике (против экономических концепций правого лейборизма). Саратов, 1969; *Кривогуз И. М., Молчанов Ю. Л.* Ленин и борьба за единство рабочего движения. Л., 1969; *Полянский Ф. Я.* Социализм и современный реформизм. М., 1972; *Согомонян Г. С.* Апологетические концепции социал-реформизма. М., 1972; *Уваров В. П.* Реформистские искажения социализма. Минск, 1974; *Кудинов В. С.* Социал-реформизм — разновидность антикоммунизма. М., 1976; *Овчаренко Н. Е.* Германская социал-демократия на рубеже двух веков. М., 1975; *Никитин В. А.* Критика идеологии «демократического социализма». М., 1978.

²⁴ Идеология и политика современной социал-демократии: Указ. сов. и зарубеж. лит. за 1970—1977 гг. М., 1979; Критика буржуазной, реформистской и ревизионистской идеологии: Указ. лит. М.: ИНИОН, 1973—1974; 1975. Вып. 1. 1976. Вып. 2; Критика современных буржуазных и ревизионистских теорий: Указ. лит. М.: МИСОН, 1976, 1977 (ч. 1—2), 1978, 1979 (ч. 1—2).

²⁵ См.: *Попов С. И.* Идейное банкротство современного реформизма...; *Он же.* Социал-реформизм: теория и практика. *Никитин В. А.* Критика идеологии «демократического социализма»; и др.

* * * * *

Творческое развитие теории научного коммунизма, марксистско-ленинской философии в СССР осуществлялось и осуществляется в борьбе со всякого рода ревизионистскими искажениями марксистско-ленинского учения.

Большой вклад в разоблачение ревизионизма внесли такие известные советские философы, как П. Н. Федосеев, Л. Ф. Ильичев, А. Г. Егоров, Т. И. Ойзерман, М. Т. Иовчук, Б. Э. Быховский, Г. С. Васецкий, П. Ф. Юдин, Е. П. Ситковский, М. М. Розенталь, Х. Н. Момджян, Г. Е. Глезерман, С. И. Попов, И. С. Нарский, С. Ф. Одуев, Е. Д. Модржинская, А. Ф. Окулов, Л. Н. Суворов, А. П. Бутенко, М. В. Яковлев и др., в работах которых с четких классовых, партийных позиций вскрыта общая идеалистическая основа различных ревизионистских течений, доказано, что ревизия марксизма нацелена прежде всего на мировоззренческое и политическое разоружение рабочего класса, разоблачена связь между оппортунистической сущностью ревизионизма и буржуазной фальсификацией марксизма.

Советская литература 50—70-х годов по проблемам критики ревизионизма весьма обширна²⁶. В ней подняты как общетеоретические проблемы (классовая сущность и особенности современного ревизионизма, его теоретические источники и содержание соотношения ревизионизма и антикоммунизма, особенности современной ревизионистской фальсификации марксистско-ленинской теории с позиций так называемого «открытого» марксизма, «плюрализма», противопоставления ленинизма идеям основоположников марксизма, нападок на реальный социализм), так и социально-философские (фальсификация ревизионистами предмета марксистско-ленинской философии, теории материалистической диалектики, марксистско-ленинской теории отражения, материалистического понимания истории и др.). Назовем наиболее существенные коллективные труды²⁷ и монографии, полностью или

²⁶ О литературе, появившейся в 70-е годы, см.: Критика буржуазной, реформистской и ревизионистской идеологии: Указ. лит. М.: ИНИОН, 1973—1974, 1975. Вып. 1. 1976. Вып. 2, Критика современных буржуазных и ревизионистских теорий: Указ. лит. М.: МИСОН, 1976, 1977 (ч. 1—2), 1978, 1979 (ч. 1—2).

²⁷ См.: Прогив современного ревизионизма. М., 1958; Реформизм, ревизионизм и проблемы современного капитализма. Против фальсификаторов марксистско-ленинской философии. М., 1967; Марксизм и наша эпоха. М., 1968; «Капитал» Маркса, философия и современность. М., 1968; Маркс и современность: К 100-летию выхода в свет 1-го тома «Капитала». М., 1968; Марксизм-ленинизм — единое интернациональное учение. М., 1968—1969. Ч. 1—3; Актуальные вопросы идейного наследия Ф. Энгельса. М., 1970; Ленинизм и современные проблемы историко-философской науки. М., 1970; Ленинизм и философские проблемы современности. М., 1970; Актуальные вопросы истории марксистско-ленинской философии и критика буржуазных и ревизионистских фальсификаторов. М., 1971; Философия и современность. М., 1971; Ф. Энгельс и современные проблемы философии марксизма. М., 1971; Ленинский этап в развитии философии марксизма. М., 1972; Фальшивые пророки. М., 1973; Современный правый ревизионизм: Крит. анализ. М.; Прага, 1973; Историче-

в наибольшей части посвященные критике современного ревизионизма²⁸.

Современные ревизионисты как правого, так и «левого» толка единодушны в своем стремлении опорочить ленинизм, оспорить его универсальный характер как марксизма современной эпохи. В ряде работ «ранний» Ленин противопоставляется «позднему».

В советской литературе дается научное решение этих проблем, подвергаются критике ревизионистские фальсификации философского наследия В. И. Ленина, разоблачается буржуазно-ревизионистский миф о «двух Ленипах», который так же несостоятелен, как и миф о «двух Марксах» или вымысел о противоречии между гуманизмом К. Маркса и «позитивизмом» Ф. Энгельса²⁹.

Большое внимание в исследованиях советских ученых уделялось и уделяется анализу методологической основы ревизио-

ский материализм как наука. М., 1974; Научный коммунизм и фальсификация его ренегатами. 2-е изд., доп. М., 1974; Философские проблемы общественного развития. М., 1974. Вып. 2; Критика антикоммунизма, реформизма и ревизионизма. М., 1975; Борьба идей в современном мире: В 3 т. М., 1976; Критика буржуазных и ревизионистских взглядов на закономерности социалистической системы. М., 1976; Методологические проблемы истории философии и общественной мысли. М., 1977; Философские проблемы идеологической борьбы. М., 1978; «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и современность. М., 1978; Социализм и идеологическая борьба: тенденции, формы и методы. М., 1979; Критика современных буржуазных и ревизионистских концепций по проблемам мирового революционного процесса. М., 1979; Критика фальсификаторов истории и теории марксистско-ленинской философии. М., 1979.

²⁸ См.: Федосеев П. Н. Коммунизм и философия. М., 1962. 2-е изд. 1971; Он же. Марксизм в XX веке. М., 1972; Константинов Ф. В. Марксистско-ленинская философия и современность. М., 1974; Митин М. Б. Философия и современность. М., 1969; Он же. В. И. Ленин и актуальные проблемы философии. М., 1971; Ильичев Л. Ф. Философия и научный прогресс: Некоторые методол. пробл. естествознания и обществознания. М., 1977; Егоров А. Г. Проблемы эстетики. 2-е изд. М., 1977; Ойзерман Т. И. Формирование философии марксизма. 2-е изд. М., 1974; Иовчук М. Т. Ленинизм, философские традиции и современность. М., 1970; Бутенко А. П. Основные черты современного ревизионизма. М., 1959; Модрижская Е. Д. Ленинизм и современная идеологическая борьба. М., 1970; 2-е изд. М., 1972; Трапезников С. П. На крутых поворотах истории. Из уроков борьбы за научный социализм, против ревизионистских течений. 2-е изд. М., 1972; Попов С. И. Критика философских основ современного ревизионизма. М., 1973; Момджян Х. Н. Марксизм и ренегат Гароди. М., 1973; Гранов В. Д. Ревизионизм справа. М., 1973; Мазур В. Н. Ревизионизм вчера и сегодня: (К критике ревизионист. вулгаризации науч. основ социализма). Киев, 1973; Козловский В. Е. Марксистская диалектика и ее современные противники. М., 1978; Бессонов В. Н. Антимарксизм под флагом «неомарксизма». М., 1978; Тимощев Т. Т. Верность истории: Борьба классов и интернационализм. М., 1979.

²⁹ См.: Ленин как философ. М., 1969; Копнин П. В. В. И. Ленин и материалистическая диалектика. Киев, 1969; История марксистской диалектики. М., 1971; Митин М. Б. В. И. Ленин и актуальные проблемы философии. М., 1971; Федосеев П. Н. Марксизм в XX веке; Маркс, Энгельс, Ленин и современность. М., 1972; 2-е изд. 1977; Ленинский этап в развитии философии марксизма. М., 1972; История марксистской диалектики: Ленинский этап. М., 1973; Теоретическое наследие В. И. Ленина и современная философская наука. М., 1974; Ленинское философское наследие и современность. М., 1975.

нистских концепций. Руководствуясь ленинскими принципами, советские ученые отмечают, что суть методологии ревизионизма — субъективизм, выражающийся прежде всего в эклектике и софистике³⁰. Подмену диалектики софистикой и эклектикой можно обнаружить во всех вопросах, по которым выступают против марксизма-ленинизма ревизионисты, например, в попытке стереть противоположность между общественно-экономическими системами, подменить основное противоречие эпохи — борьбу капитализма и социализма — противоречиями и проблемами развертывания научно-технической революции, противоречиями между НТР и природой, НТР и обществом, между военно-политическими блоками.

В действительности, подчеркивают советские ученые, с точки зрения материалистической диалектики в оценке содержания современной эпохи следует исходить из главного, основного ее противоречия, а не подменять его другими, которые хотя и существуют, но не являются главными, определяющими социальное развитие.

Свою борьбу против марксизма-ленинизма ревизионисты прикрывают претепзией на «оригинальный», в аутентично-марксистском духе анализ тех глубоких изменений, которые произошли и происходят на мировой арене. При этом обвиняют марксистов-ленинцев в «догматизме», «косности», в приверженности «устаревшим» теоретическим схемам. Под флагом «обновления» марксизма, необходимости учета новых явлений, обусловленных сдвигами в капиталистических и социалистических странах, ревизионисты, как убедительно показано советскими философами, в сущности запутывают решение новых проблем, дают на них ответы, заимствованные из арсенала буржуазных и реформистских идей, т. е. в конечном счете подвергают ревизии коренные положения марксистско-ленинского учения³¹.

Наряду с вариациями на старые темы, сегодняшние ревизионисты, абсолютизируя новые явления социального развития, игнорируя либо недооценивая при этом устойчивость его основных закономерностей, неизбежно приближаются к позиции абсолютного релятивизма, ведущей в сущности к нигилизму³².

Исследуя теоретические источники и содержание современ-

³⁰ См.: *Иосчук М. Т.* Ленинизм, философские традиции и современность.

³¹ См.: *Окулов А. Ф.* Борьба В. И. Ленина против философии реформизма и ревизионизма. М., 1959; *Митин М. В.* О так называемых «новых вариантах» марксизма // *Иностр. лит.* 1969. № 3; *Модржинская Е. Д.* Ленинизм и современная идеологическая борьба; *Момджян Х. Н.* Марксизм и ренегат Гароди.

³² См.: *Бутенко А.* Основные черты современного ревизионизма. С. 26.

ного ревизионизма, советские ученые отмечают³³, что ревизионистская борьба против марксизма-ленинизма в современных условиях во многом повторяет борьбу против марксизма в конце XIX — начале XX в., которую вели против него Э. Бернштейн, К. Шмидт, «австромарксисты» О. Бауэр, М. Адлер и другие, фальсифицировавшие марксизм на неокантианской основе, а также опирается на искажение марксизма-ленинизма, К. Коршем и Г. Лукачем, которые в 20—30-х годах пытались «углубить», «усовершенствовать», «реактуализировать» марксизм с помощью субъективистски переработанной диалектики Гегеля.

Уже тогда советские философы подвергли основательному критическому анализу взгляды К. Корша и Г. Лукача. В последние десятилетия они еще раз обратились к этой теме³⁴.

Важным теоретическим источником современного ревизионизма является «критическая теория общества» Франкфуртской философско-социологической школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, А. Шмидт, Ю. Хабермас), которая, как отмечается советскими исследователями³⁵, стала одним из основных проводников идей абстрактного гуманизма, технической рациональности, негативной диалектики и т. п. для всех праворевизионистских и ультралевых фальсификаций и извращений марксизма. Большое влияние на формирование философских, мировоззренческих основ ревизии марксизма оказали также философская антропология, неофрейдизм, эклектически соединяющий положения Маркса и Фрейда, абстрактно-гуманистическая «философия надежды» Э. Блоха, которые претендуют на осмысление исторической активности человека (ссылаясь при этом на своеобразную интерпретацию отдельных положений марксизма). В конечном счете, подчеркивают советские ученые, современный философский ревизионизм представляет собой эклектическую сумму различных философских построений. Несмотря на то что ревизионисты сегодня, как никогда прежде, клянутся в верности Марксу, они для обоснования своих «концепций» заимствуют аргументы и положения и у теоретиков «индустриального общества», «конвергенции» и т. п. и даже в духовном арсенале самых откровенных антимарксистов и антикоммунистов.

³³ См.: *Попов С. И.* Критика философских основ современного ревизионизма; *Одоев С. Ф.* Ленинское философское наследие и критика современного ревизионизма // *Вопр. философии.* 1972. № 3.

³⁴ См.: *Хевеши М. А.* Из истории критики философских догм II Интернационала. М., 1977; *Ермоков К. Е.* Карл Корш и современный антимарксизм // *Критика современной буржуазной и ревизионистской идеологии.* М., 1975; *Колосков В. Н.* Очерк истории марксистско-ленинской философии в СССР (30-е годы). М., 1978.

³⁵ См.: *Социальная философия Франкфуртской школы.* М., 1978.

В работах советских ученых была раскрыта также «система» ревизионистских фальсификаций истории марксизма-ленинизма. Одним из широко распространенных приемов является противопоставление взглядов «молодого» и «зрелого» Маркса или, напротив, переоценка в духе философско-антропологических принципов всего его теоретического наследия³⁶. С этой целью ревизионисты вслед за буржуазными марксологами апеллируют к «Экономическо-философским рукописям», прикрывая свое стремление ревизовать марксизм в духе экзистенциалистской и антропологической философии. Они отнюдь не ограничиваются спекуляциями лишь вокруг ранних произведений К. Маркса. Широко распространенной формой фальсификации марксизма является противопоставление также взглядов и работ К. Маркса и Ф. Энгельса. Ревизионисты утверждают, что именно Ф. Энгельс, вопреки К. Марксу, «изобрел» диалектику природы, что якобы привело к механически-созерцательному пониманию и природы и общества, к неверной трактовке практики, к ограниченному сенсуализму теории отражения, в результате чего диалектический материализм стал-де «позитивистской онтологией», пассивным, созерцательным мировоззрением, игнорирующим общественную практику, активную деятельность человека и т. д. Что же касается К. Маркса, то его взгляды ревизионисты интерпретируют в том смысле, будто он понимал диалектику лишь как социальную, лишь как основу активности субъекта, а не как закон развития объективного мира.

В духе буржуазных марксологов ревизионисты также пытаются противопоставить К. Маркса В. И. Ленину и ленинизму. Они утверждают, что, хотя В. И. Ленин и был «гением, равным Марксу», тем не менее он якобы был прежде всего политиком, а не теоретиком, что теорию он «выводил не из объективных предпосылок, а приспособлял к размаху своей личности, к требованиям своих непосредственных целеустановок» и потому был-де склонен к «чрезмерному схематизму», «систематизации» и, следовательно, к «упрощению». Подобную «методологию» приписывают В. И. Ленину большинство ревизионистов. При этом Р. Гароди, например, фиксируя наличие «существенных противоречий» между К. Марксом и В. И. Лениным, заявляет, что творчество В. И. Ленина якобы делится на два этапа: до 1914 г., когда он неправильно понимал диалектику и был вульгарным материалистом, и после 1914 г., когда он в «Философских тетрадах» приходит к пониманию диалектики и к положительной оценке идеализма и, следовательно,

³⁶ См.: *Лапин Н. И.* Молодой Маркс. М., 1968; *Савельев И. И.* Неомарксисты без маски // *Филос. науки.* 1970. № 5; *Келле В. Ж., Кравченко И. И.* Эволюция «гуманистической критики» // *Вопр. философии.* 1970. № 9.

в большей степени приближается к подлинно марксистской позиции.

В новейшей советской литературе показано, что в данном случае современные ревизионисты отнюдь не оригинальны. И в прошлом ревизионисты принижали вклад В. И. Ленина в развитие теории марксизма, утверждали, что он был лишь практиком, вождем революции. Они по сути отождествляли философские взгляды В. И. Ленина со взглядами Г. В. Плеханова, во всяком случае не считали ленинизм новым этапом в философии марксизма.

Советскими учеными убедительно вскрывается полнейшая необоснованность как противопоставления К. Маркса Ф. Энгельсу, К. Маркса В. И. Ленину, различных этапов идейно-теоретического развития философских взглядов классиков марксизма-ленинизма, так и того, что ревизионисты пытаются представить в качестве «подлинного», «аутентичного» марксизма. Подобные противопоставления выполняют в ревизионизме важную идеологическую функцию; служат отрицанию внутреннего единства, взаимосвязи и преемственности в развитии марксистско-ленинской теории, обоснованию дивергентности и даже плюрализма, возможности существования различных вариантов марксизма, т. е. в конечном счете приводят к отказу от единой, интернациональной сущности марксизма-ленинизма, к дискредитации ленинизма как революционной теории современности, как марксизма нашего времени.

Объективные факты, однако, убедительно опровергают измышления ревизионистов о ленинизме как якобы «исключительно русской версии марксизма». Современные советские авторы исходят из положения о том, что ленинизм действительно возник в России и, конечно, отражал некоторые специфические черты российской действительности, но в целом он сформировался на основе теории марксизма, выражал потребности международного рабочего движения и был подтвержден его революционным опытом.

Критики марксизма, пытающиеся объявить ленинизм исключительно русским явлением, игнорируют такое важное обстоятельство, как влияние марксизма-ленинизма на развитие международного рабочего движения, а также на широкие круги интеллигенции различных стран как при жизни В. И. Ленина, так и в современных условиях, убедительно свидетельствующее о том, что не существует некоего «восточного» или «западного» марксизма.

Разумеется, следование ленинизму, марксистско-ленинскому учению в условиях различных стран предполагает и определенные различия в тематике и методах революционной борьбы, в путях и формах строительства социализма. Но все это не имеет ничего общего с ревизионистскими попытками подменить

марксизм-ленинизм, имеющий всеобщий и интернациональный характер, какими-то региональными (например, «еврокоммунизмом») или тем более «национальными вариантами».

Что касается содержания «аутентичного марксизма», «восстанавливаемого» ревизионистами, то оно, как весьма аргументированно доказывают советские ученые, не имеет ничего общего с содержанием подлинного учения К. Маркса³⁷.

В работах советских ученых убедительно вскрывается научная несостоятельность и идейно-политическая сущность ревизионистских попыток фальсифицировать марксизм-ленинизм, необоснованно интерпретируя его как догматическую, «институционализированную идеологию»; опровергая марксизм-ленинизм, ревизионисты утверждают, что подлинный марксизм — это не идеология, не «тотальное мировоззрение», а только «научная теория общества» либо даже только «научный метод» исследования социально-исторических процессов. В данном случае ревизионисты метафизически противопоставляют науку и идеологию и, односторонне характеризуя марксизм главным образом как «методологию рассмотрения истории», необоснованно противопоставляют критический характер марксизма его познавательной функции. В сущности, абсолютизация критической функции марксистской философии служит ревизионистам, во-первых, оправданием отказа от материалистического обоснования социализма, от революционной пролетарской идеологии; ревизионисты вслед за реформистами по сути объявляют социализм лишь нравственным принципом, не имеющим четкого классового носителя и не требующим какой бы то ни было официальной философии, официальной идеологии; во-вторых, служит оправданию ревизионистских нападок на реальный социализм; ссылаясь на необходимость подвергнуть беспощадной критике любую социальную действительность, ревизионисты обрушиваются прежде всего на СССР, другие социалистические страны.

Советские ученые отвергают подобные фальсификации ревизионистов. Подлинный марксизм — это научное мировоззрение, вскрывающее законы развития объективного мира природы и общества. Одновременно марксизм — это научное выражение коренных интересов рабочего класса, поэтому он всегда неразрывно связан с политикой, с революционно-практической деятельностью. В этой связи советские философы решительно разоблачили попытки ревизионистов под предлогом борьбы с вульгарным социологизмом, с «институционализированной идео-

³⁷ См.: Воронович Б. А. Философский анализ структуры практики. М., 1972; Нарский И. С. Категория «практика», буржуазная марксология и ревизионизм // Филос. науки. 1975. № 1; Он же. «Отчужденный труд». М., 1983; Самарская Е. А. Понятие практики у К. Маркса и современные дискуссии. М., 1977.

логией» отбросить марксистско-ленинский принцип партийности философии.

Большое внимание советские философы уделяли и уделяют раскрытию сути ревизионистских искажений материалистического понимания истории. Ревизионисты отрицают какие-либо объективные закономерности общественного развития, утверждают, что признание объективных закономерностей развития общества приводит-де к созданию ложной концепции общества и человека, к трактовке свободы человека лишь как «познанной необходимости», что якобы полностью исключает активную, свободную преобразующую деятельность людей.

Советскими учеными показано³⁸, что в действительности в марксистско-ленинском понимании история предстает одновременно и как объективно обусловленный «естественноисторический» процесс, и как результат активного созидания людьми своего настоящего и будущего, как объективно-закономерный процесс, в котором огромную роль играет сознание, воля людей. Однако, хотя того ревизионисты или нет, исторический процесс всегда развивается на объективной основе, имеет своим внутренним источником борьбу противоречивых тенденций, в которой необходимость пробивает себе дорогу через массу случайностей. Поэтому возросшая при социализме роль субъективного фактора, значительное расширение познавательных возможностей людей, сферы их воздействия на объективные противоречия, безусловное умножение условий для свободной творческой деятельности ничуть не освобождают людей от необходимости учитывать в своей деятельности объективные диалектические закономерности материально-производственного процесса жизни общества.

Политическая и идеологическая роль фальсификации философско-мировоззренческих основ марксизма становится совершенно очевидной, когда правые ревизионисты непосредственно обращаются к вопросам классовой борьбы, социалистической революции и развития реального социализма. Как показано в исследованиях советских ученых³⁹, ревизионисты (подобно реформистам), фетишизируя процесс развертывания научно-технической революции, затушевывают реальные противоречия капиталистического общества, в сущности толкуют о его «трансформации», утверждают, что государственно-монополистический капитализм якобы представляет собой такую стадию, на которой коренным образом изменяются основные производственные отношения: в них уже сегодня можно-де «обнаружить социа-

³⁸ См.: Глезерман Г. Е. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1973.

³⁹ См.: Момджян Х. Н. О ревизионистской концепции «моделей социализма» // Коммунист. 1970. № 6; Печенев В. «Гуманный» социализм против реального социализма. М., 1974.

листическую структуру», и т. д. и т. п. Подобные «выводы» неизбежно приводят их к отказу от социалистической революции. Правые ревизионисты утверждают, что сегодня будто бы не нужно «стремиться к более острым формам борьбы», которые обычно считались необходимыми для социалистической революции. В настоящее время все дело будто бы в постепенных реформах. Критикуя ревизионизм, советские авторы показывают, что в любом случае путь к социализму, в том числе мирный, — это обязательно коренные социальные изменения, это всегда революционный скачок.

В этой связи советские ученые вскрыли также теоретическую несостоятельность и политическую сущность ревизионистских фальсификаций положения и роли рабочего класса в современную эпоху, который они обвиняют в том, что он якобы упустил свои возможности, свое историческое время и «интегрировался» в так называемое современное «индустриальное общество». В данном случае ревизионисты по сути повторяют тезисы буржуазных идеологов об «исчезновении» и «обуржуазивании» рабочего класса.

В качестве ведущей силы общественного развития правые ревизионисты (примечательно, что такова же в сущности позиция и многих «левых» оппортунистов) фактически выдвигают не рабочий класс, а интеллигенцию, которая сегодня якобы является силой, обеспечивающей «трансформацию» капитализма. Разумеется, этот откровенно ревизионистский вывод правые ревизионисты порой еще не решаются провозглашать открыто и пытаются прикрыть рассуждениями о «новом историческом блоке», о «новой общественной формации» и т. п.

Теоретическая несостоятельность и антимарксистская направленность подобной праворевизионистской позиции заключается в том, что она, во-первых, затушевывает и фактически отрицает ведущую, руководящую роль рабочего класса, передавая ее инженерам, ученым и администраторам; во-вторых, искусственно снимает реальную проблему обеспечения союза рабочего класса с интеллигенцией, привлечения интеллигенции на сторону пролетариата, поскольку декларирует, что интеллигенция якобы уже вошла в состав рабочего класса; в-третьих, игнорирует социальную и политическую дифференциацию в среде самой интеллигенции, наличие в ней групп, интересы которых не только не совпадают с интересами рабочего класса, но и противостоят им; в-четвертых, провозглашая слияние интеллигенции и рабочего класса, фактически утверждает, что уже в условиях капитализма, т. е. без социалистической революции, возможна ликвидация противоположности между умственным и физическим трудом⁴⁰.

⁴⁰ См.: Научный коммунизм и фальсификация его ренегатами. М., 1972. С. 13.

В 50—80-е годы советские философы вели решительную борьбу и против различных форм «левого» оппортунизма и ревизионизма, представленного главным образом неотроцкизмом, всякого рода анархистскими и анархо-синдикалистскими течениями. Прикрываясь ультралевой фразой, «левые» оппортунисты толкают массы на авантюристические действия, а коммунистические партии на сектантский путь, парализующий их способность спланировать трудящихся. В политическом отношении «левый» оппортунизм ведет к прямому подрыву действительно революционного движения, к субъективизму и волюнтаризму в политической практике, стремление же перескочить через непройденные этапы движения толкает на путь политического авантюризма.

В философско-теоретическом отношении для него характерны эклектическая подмена коренных положений марксистского учения идеями, заимствованными у буржуазии, подмена научно обоснованной концепции социализма абстрактно-утопическим (по сути в духе правых ревизионистов) либо даже реакционным казарменно-уравнительным «социализмом»⁴¹.

Среди современных левооппортунистических «теорий» важное место принадлежит так называемой теории «революции без рабочего класса», наиболее видными представителями которой являются Г. Маркузе, Ж. Соважо и другие. Эти теоретики утверждают, что современное «индустриальное общество» будто бы интегрировало рабочий класс, ибо растущий жизненный уровень приводит к приспособлению сознания рабочих к социальному стереотипу буржуазии и соответственно к утрате их революционности, к скатыванию рабочих партий на позиции компромисса с правящим классом. Отсюда ведущей революционной силой современности провозглашаются вполне в духе правых ревизионистов «неинтегрированные слои»: интеллигенция, студенчество как «новый революционный класс» в странах развитого капитала и угнетаемые империализмом трудящиеся массы «третьего мира».

Теоретический анализ «левого» оппортунизма⁴² выявил, что он отрицает необходимость политического воспитания револю-

⁴¹ См.: *Косичев А. Д.* Борьба марксизма-ленинизма с идеологией анархизма и современность. М., 1964; *Басманов М.* Антиреволюционная сущность современного троцкизма. М., 1971; *Он же.* Кому служит современный троцкизм? М., 1974; *Борьба коммунистов против идеологии троцкизма.* М., 1975; *Корнеев С. А.* Современный троцкизм: новые черты, старая сущность // *Рабочий класс и соврем. мир.* 1978. № 6.

⁴² См.: *Баталов Э. Я., Никитин Л. А., Фогелер Я. Г.* Поход Маркузе против марксизма. М., 1970; *Баталов Э. Я.* Философия бунта: (Критика идеологии нового радикализма). М., 1973; *Фальшивые пророки.* М., 1973; *Социальная философия Франкфуртской школы: (Крит. очерки).* М.; Прага, 1975; *Эфиоров С. А.* Экстремистский миф в реальности: (О полит. философии «левого» терроризма) // Доклады Ин-

ционных сил, недооценивает политическую организацию масс, отвергает легальные и общепринятые формы и методы борьбы, единственно революционным способом борьбы провозглашая стихийные выступления. Отвергая роль коммунистических партий в качестве политического авангарда революционных сил, «левые» оппортунисты по существу подменяют само понятие политического авангарда расплывчатым представлением об «активном меньшинстве», выполняющем будто бы роль социального фермента в стихийном движении, провозглашая стихийность и насилие в качестве основных принципов революционной борьбы.

Марксисты рассматривают национально-освободительное движение как одну из составных сил мирового революционного процесса, играющую безусловно важную роль в борьбе против империализма. Однако по содержанию и движущим силам, по своим целям и объективным результатам оно имеет общедемократический характер и не в состоянии непосредственно преодолеть капитализм.

В советской философской литературе аргументированно критикуется распространяемая оппортунистами абсолютно антинаучная и демагогическая теория непримиримости «богатых» и «бедных» наций, ибо она, во-первых, ведет к расколу, к подрыву единства революционных сил; во-вторых, обрекает национально-освободительное движение на изоляцию, а следовательно, способствует его поражению; в-третьих, сеет в развивающихся странах недоверие к социалистическим странам и международному рабочему движению; в-четвертых, разжигает реакционный национализм, который умело направляется буржуазией против революционных сил.

Решительной критике подвергаются левацкие «теории» насильственного подталкивания «мировой революции», которые в этом вопросе оказываются отнюдь не оригинальными: современные «левые» оппортунисты в сущности подходят к вопросу о социалистической революции подобно тому, как это делал в свое время Л. Д. Троцкий, утверждавший, будто социализм не может победить ни в какой отдельной стране, прежде чем не восторжествует мировая революция. В связи с этим он выдвинул тезис об «экспорте революции»; при этом главной задачей завоевавшего власть пролетариата ставилось подталкивание мировой революции с помощью революционной войны. Отбрасывая экономическую основу революционных движений, не считаясь с необходимостью революционной ситуации и подготовки народных масс к революционной борьбе, современные троцкисты демонстрируют подмену научного анализа объективных процессов субъективизмом и волюнтаризмом.

та социол. исслед. АН СССР на XI Всемир. конгр. Междунар. ассоциации полит. наук. М., 1979; Он же. Покушение на будущее. М., 1984; Погосян В. А. К критике философских концепций Франкфуртской школы. Ереван, 1979.

Подобные идеи и подобная практика неприемлемы с точки зрения марксистско-ленинской философии. Для коммунистов освободительная, революционная борьба трудящихся всегда была неотделима от борьбы за мир, за мирное сосуществование государств с различным общественно-политическим строем. Политика мирного сосуществования, разрядка напряженности между противоположными общественно-политическими системами никоим образом не означает раздела мира на сферы влияния между наиболее могущественными государствами, равно как и социального, и политического статус-кво в той или иной капиталистической стране. Марксистско-ленинское понимание проблемы мирного сосуществования не имеет ничего общего ни с буржуазно-ревизионистскими, ни с оппортунистическими доктринами.

* * * * *

В 60—70-е годы одним из важнейших направлений деятельности советских обществоведов и философов стала критика идеологии антикоммунизма. В общественно-политической литературе подробно раскрыто основное содержание идеологии и политики антикоммунизма, выявлены различные его формы, специфические особенности в разных странах и регионах, тактика и эволюция в различные периоды идеологической борьбы⁴³.

⁴³ См.: Критика идеологии антикоммунизма. М., 1965; Антикоммунизм — орудие империалистической реакции. М., 1967; Ленинизм и борьба против буржуазной идеологии и антикоммунизма на современном этапе. М., 1970; Актуальные проблемы борьбы с антикоммунизмом. М., 1973; Современный антикоммунизм: политика, идеология. М., 1973; Критика антикоммунизма, реформизма и ревизионизма. М., 1975; Борьба идей в современном мире: В 3 т. М., 1976—1978; Философские проблемы идеологической борьбы. М., 1978; Социализм и идеологическая борьба: тенденции, формы и методы. М., 1979; Современный антикоммунизм: Критика новейших течений. Минск, 1979; Критика идеологии современного антикоммунизма. Л., 1981; *Мшвениерадзе В. В.* Антикоммунизм — оружие обреченных. М., 1964; *Он же.* Основные особенности современного антикоммунизма М., 1967; *Он же.* Антикоммунизм — идеология и политика империализма. М., 1973; *Он же.* Современное буржуазное политическое сознание: Филос. аспект. М., 1981; *Скворцов Л. В.* Идеология и тактика антикоммунизма. М., 1967; *Модряжинская Е. Д.* Ленинизм и современная идеологическая борьба. 2-е изд. М., 1972; *Она же.* Современный антикоммунизм. М., 1972; *Бахитов М. Ш.* Критика современных тенденций антикоммунизма. М., 1973; *Кортунюв В. В.* Идеология и политика. Битва идей и эволюция идеологических концепций антикоммунизма в 1950—1970 гг. М., 1974; *Он же.* Коммунизм и антикоммунизм перед лицом современности. М., 1978; *Шабад Б. А.* Кризис идеологии антикоммунизма: Полит. и филос. анализ новых явлений. М., 1973; *Иовчук М. Т., Кейзеров Н. М., Обухов С. Ф.* Основные направления и особенности борьбы между социалистической и буржуазной идеологиями на современном этапе: Вопр. теории и методов идеол. работы. М., 1976. Вып. 5; *Кейзеров Н. М.* Сущность идеологических диверсий современного антикоммунизма и пути борьбы с ними // Актуальные проблемы современной идеологической борьбы. М., 1977; *Канторович В. Я., Степанов И. А.* Антикоммунизм: сущность и организация. Минск, 1979; *Амантаев Б. А., Бегелиев П. К.* Критика методологических основ современного антикоммунизма. Алма-Ата, 1979. См. также: библиография книг и статей по проблемам критики антикоммунизма в советской литературе 70-х годов. // Критика буржуазной, реформист-

Анализ его позволяет выделить ряд основных тем, дающих возможность охарактеризовать особенности современного антикоммунизма, основные направления его деятельности, а также основные направления критики его в современной советской литературе.

Буржуазная «марксология» и «советология» выступают одним из «теоретических» оснований современного антикоммунизма.

О широком размахе идейной борьбы с «марксологией» свидетельствует значительная по объему литература⁴⁴⁻⁴⁵.

В советской литературе активно осуществлялась критика главных направлений антисоветизма⁴⁶. На протяжении ряда де-

ской и ревизионистской идеологии: Указ. лит. М.: ИНИОН, 1973—1974, 1975. Вып. 1; 1976. Вып. 2. Критика современных буржуазных и ревизионистских теорий: Указ. лит. М.: МИСОН, 1976, 1977. Ч. 1—2; 1978, 1979. Ч. 1—2.

⁴⁴⁻⁴⁵ См.: Марксистско-ленинская философия в борьбе против буржуазных и ревизионистских концепций: Книжки, издан. в СССР в 1976—1980 гг. М.: ИНИОН, 1980; Критика буржуазной, реформистской и ревизионистской идеологии: Указ. лит. М.: ИНИОН, 1973—1974; 1975. Вып. 1. 1976. Вып. 2; Критика современных буржуазных и ревизионистских теорий: Указ. лит. М.: МИСОН, 1976, 1977. Ч. 1—2; 1978, 1979, Ч. 1—2. См. также монографии: Вопросы материалистической диалектики и критика буржуазной идеологии. Ташкент, 1965; *Ойзерман Т. И.* Проблема отчуждения и буржуазная легенда о марксизме. М., 1965; *Он же.* Учение Маркса и борьба против современной буржуазной идеологии // *Коммунист.* 1968. № 7; *Митин М. Б.* Некоторые направления современной буржуазной идеологии и их критика. М., 1966; Марксизм и наша эпоха. М., 1968; Очерки истории идейной борьбы вокруг «Капитала» К. Маркса. 1867—1967. М., 1968; *Грецкий М. Н.* Антикоммунизм и марксистская диалектика // Проблемы критики антикоммунизма. М., 1968; *Иовчук М. Т.* Марксистско-ленинская философия и современная «марксология» // *Вопр. философии.* 1968. № 8; *Он же.* Актуальные проблемы истории марксистско-ленинской философии в свете современной идеологической борьбы // *Филос. науки.* 1969. № 4; *Он же.* О главных направлениях современной буржуазной критики марксистско-ленинской философии // *Современные буржуазные теории о слиянии капитализма и социализма.* М., 1970; Актуальные вопросы истории марксистско-ленинской философии и критика буржуазных и ревизионистских фальсификаторов. М., 1971; *Велкина Г. Л.* Философия марксизма и буржуазная «марксология»: Критика западногерм. марксол. концепций генезиса марксист. философии. М., 1972; Вопросы исторического материализма и критика буржуазной идеологии. М., 1975; Критика современной буржуазной философии в курсе диалектического материализма. М., 1975; Критика современных буржуазных воззрений в курсе исторического материализма. М., 1975; *Якушевский И. Т.* Диалектика и «советология»: Крит. анализ «советологических» интерпретаций материалист. диалектики. Л., 1975; Борьба идей в современном мире. М., 1976—1978. Т. 1—3; *Козловский В. Е.* Марксистская диалектика и ее современные противники. М., 1978; Критика фальсификаторов истории и теории марксистско-ленинской философии. М., 1979.

⁴⁶ См.: Антисоветизм на службе империализма. М., 1976; Реальный социализм в СССР и его буржуазные фальсификаторы. М., 1977; Кризис антисоветизма. М., 1978. См. также монографии: *Артемов В. Л.* Правда о неправде: Крит. очерки по империалистической, антисоветской пропаганде 70-х гг. М., 1970; *Он же.* Анатомия лжи: Крит. очерки по антисоветской империалистической пропаганде. М., 1973; *Марченко М. Н.* Политическая организация советского общества и ее буржуазные фальсификаторы. М., 1973; *Королев Б. И.* Антисоветизм в глобальной стратегии империализма. М., 1974; *Смолянский В. Г.* Социалистическая организация общества и антикоммунизм. М., 1974; *Теркочая Г. Г., Цапанов В. И.* Антисоветизм — оружие

десятилетий антикоммунисты стремились к широкому, фронтальному искажению всех аспектов коммунистического строительства в СССР. Оно проводится и ныне, но, как отмечается в литературе, произошло некоторое изменение акцентов: на первый план в антисоветской пропаганде антикоммунизма в последние годы выдвигаются три главных направления (и соответственно три направления критики современного антикоммунизма): а) проблемы демократии; б) разрядка международной напряженности и в) национальный вопрос⁴⁷.

В эти же годы советскими учеными немало сделано и в области разоблачения идеологии неонацизма⁴⁸.

В последние два десятилетия в системе антикоммунизма все более активную роль играет международный сионизм.

Осознавая роль сионизма как одного из наиболее влиятельных орудий международного антикоммунизма, советские ученые ведут значительную работу по его критике. При Институте востоковедения АН СССР работает комиссия по координации исследований в области критики сионизма, в опубликованных работах разоблачается его действительная антикоммунистическая сущность⁴⁹.

Критика социально-политических, социологических и философских концепций современного антикоммунизма во всех его формах и направлениях остается и ныне одним из важнейших

империалистической реакции. Минск, 1977; *Сазонов А. А.* Критика буржуазных фальсификаторов роли Коммунистической партии в политической системе советского общества // КПСС — руководящее ядро политической системы советского общества. М., 1977; *Модрижинская Е.* Реальный социализм в СССР и его критика // Коммунист Вооруж. Сил. 1978. № 15; *Иглицкий А. А.* Советский рабочий класс в условиях научно-технической революции: Критика буржуазно-реформистских концепций. М., 1978; *Иглицкий Ю. М.* Социально-политическое развитие СССР: Факты против вымыслов буржуазных идеологов. М., 1978; *Загладин Н. В.* Антисоветизм в глобальной стратегии империализма США. М., 1981.

⁴⁷ См.: *Баграмов Э. А.* Национальные отношения при социализме и антикоммунизме. М., 1970; *Куличенко М. И.* Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972; *Калтахчян Н. М., Калтахчян С. Т.* Ленинская теория наций и ее фальсификаторы. М., 1973; Ленинская национальная политика и борьба против ее фальсификаторов Ашхабад, 1975; Актуальные проблемы идеологической борьбы. М., 1977; Реальный социализм в СССР и его буржуазные фальсификаторы. М., 1977; *Иглицкий Ю. М.* Расчеты «критиков» реального социализма. М., 1977; Национальный вопрос и современная идеологическая борьба. Ташкент, 1977.

⁴⁸ См.: Критика идеологии неонацизма. М., 1976; *Погосян Е. А.* Современный неонацизм: политика, идеология. М., 1979.

⁴⁹ См.: *Астахов С.* Империалистическая сущность сионизма. М., 1970; *Герман Э.* Реакционная сущность идеологии и политики международного сионизма. М., 1976; *Семенов В. А.* Националистическое безумие. Идеология, политика и практика международного сионизма. Минск, 1976; *Волков В. П.* Международный сионизм на службе империализма. Киев, 1978; Идеология и практика международного сионизма. М., 1978; *Мовжорян Л. А.* Сионизм как форма расизма и расовой дискриминации. М., 1979; *Бегун В. Я.* Вторжение без оружия. Минск, 1980; *Беренштейн Л. Е.* Обреченность политики и практики сионизма. Киев, 1980; *Соловьев Е. И.* Реакционная сущность сионизма. Л., 1981; *Пунда П. Г.* Сионизм — орудие империалистической реакции. Киев, 1981.

направлений деятельности советских философов и обществоведов.

«Антигуманная идеология современного капитализма наносит все больший ущерб духовному миру людей. Культ индивидуализма и вседозволенности, злобный антикоммунизм, эксплуатация культуры в качестве источника наживы ведут к насаждению бездуховности, к моральной деградации общества. Империализм породил волну терроризма, захлестнувшую капиталистическое общество. Все более пагубной становится роль буржуазных средств массовой информации, одурманивающих сознание людей в интересах господствующего класса»⁵⁰, — отмечается в новой редакции Программы КПСС.

Для идеологии «новых философов», «новых правых» и других реакционных и консервативных мыслителей и политических деятелей характерен откровенный антигуманизм. Особую неприязнь консерваторы испытывают к идее равенства — как в отношениях между индивидами и социальными группами, так и на международной арене, в отношениях между нациями и государствами. «История международной системы — это история самого неравенства. Государства были и остаются рожденными неравными»⁵¹, — открыто провозглашает свое «кредо» американский консерватор Р. Такер. Французские «новые правые» также возрождают старые, давно опровергнутые наукой и жизнью идеи о том, что неравенство между людьми и народами обусловлено прежде всего биологическими и наследственными факторами.

Идеологам «новых правых» присуща устремленность к реактуализации, реидеологизации реакционных доктрин, обосновывающих установление элитарных диктатур. Во всяком случае, их склонность к утверждению авторитарных режимов нетрудно увидеть в призывах «восстановить индоевропейские ценности белого человека», создать элиту (меритократию, по Бенуа), способную восстановить духовные ценности «аристократии по воспитанию и образованию». Неофашист из ФРГ В. Вебер в книге «Напряжение и силы в западногерманской конституционной системе» столь же откровенно вещает: «То, что господствуют немногие, не противоречит сущности демократии». Напротив, именно немногие, но сильные духом и волей, способны воспрепятствовать политическому бессилию и хаотическому распаду, к которому ведет господство массы в условиях плюралистической (буржуазной) демократии»⁵².

⁵⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза: (Новая редакция). М., 1986. С. 18—19.

⁵¹ Цит. по: Противоречия современного американского капитализма и идейная борьба в США. М., 1984. С. 124.

⁵² Weber W. Spannungen und Kräfte im west-deutschen Verfassungssystem. W.-Berlin, 1970. S. 15.

Совершенно очевидно, что за этими псевдоновыми доктринами правых скрыта политическая идеология верхушки империалистической элиты, стремящейся сохранить в своих руках руль правления. Ясно также, что возрождение, реактуализация, реидеологизация старых консервативных идей, их маскировка под новые — еще одно свидетельство духовной нищеты, идейно-теоретической ущербности буржуазной идеологии. «Реальная проблема современности, — вынужден признать, в частности, Д. Белл, — это проблема духовного кризиса, поскольку новые опоры оказываются иллюзорными, а старые в сущности уже разрушены. Это ситуация, которая возвращает нас обратно к нигилизму. Нет прошлого или будущего, есть только пустота»⁵³.

Эта констатация, бесспорно, справедлива, поскольку касается буржуазной идеологии. Все дело, однако, в том, что большинство буржуазных теоретиков пытается интерпретировать реальный кризис, переживаемый капитализмом, буржуазной общественной мыслью, в качестве общечеловеческого кризиса. Антикоммунисты хотят тем самым не только идеологически оправдать противоречия империалистического общества и нейтрализовать их общественно-политические последствия, но и приписать эту кризисную ситуацию социализму и марксизму-ленинизму.

Безусловно, буржуазная идеология исторически обречена. Но идейно-теоретическая ущербность буржуазной идеологии еще отнюдь не означает ее автоматического краха как инструмента духовного воздействия на массы. Буржуазная идеология пока еще может обращать себе на пользу различные стихийно складывающиеся иллюзии и предрассудки и тем самым оказывать влияние на весьма широкие массы людей в капиталистическом обществе. И тот факт, что сегодня находятся люди, которые респимируют старые человекопенавистические расистские взгляды, призывают к насильственным, авторитарным методам подавления трудящихся, оправдывают термоядерные войны и т. п., вселяет огромную тревогу. Сегодня, как никогда, справедливо предостережение В. И. Ленина: в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, нет и не может быть впекалассовой или надклассовой идеологии. Вопрос стоит только так: буржуазная или пролетарская, социалистическая идеология. Всякое ослабление борьбы с буржуазной идеологией неизбежно наносит ущерб социалистической идеологии⁵⁴. Вот почему борьба против буржуазной идеологии, со всеми ее разновидностями и концепциями, в том числе и философскими, всестороннее разоблачение

⁵³ Bell D. The cultural contradictions of capitalism. N. Y., 1976. P. 28—29.

⁵⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 39, 40.

ее духовной нищеты и интеллектуальной деградации, агрессивной антикоммунистической сущности — чрезвычайно важная и актуальная задача марксистов-ленинцев, всех честных и прогрессивных людей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ. КРИТИКА СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

1

С первых шагов своего развития советская философия противостояла не только теориям, которые пропагандировали философы-идеалисты внутри страны, но и различным направлениям буржуазной философии за рубежом. Однако эффективная критика буржуазных философских концепций возможна, как известно, лишь на основе фундаментального знания ее истоков — ее истории и эволюции.

В 20—30-е годы советские историки зарубежной философии, следуя завету В. И. Ленина — быть воинствующими материалистами, стремились раскрывать теоретическую несостоятельность и враждебность марксизму идеалистических течений буржуазной философской мысли. В этой связи они приступили к углубленному изучению ленинской историко-философской методологии; выяснению ее основных принципов был посвящен в начале 30-х годов ряд работ¹, в частности, важнейшее значение имел выход в свет IX и XII «Ленинских сборников», в которых были опубликованы «Философские тетради», содержавшие богатый материал, раскрывающий взгляды Ленина на проблемы истории философии. В числе важнейших ленинских методологических положений указывались принципы: партийности, историчности в анализе и оценке философских теорий, диалектического понимания связи и борьбы материализма и идеализма в истории философии, а также раскрытия гносеологических корней идеализма.

Критика буржуазной философии уже с начала 20-х годов заняла видное место в советской философской литературе. Глав-

¹ См.: *Быховский Б. Э.* Ленин и некоторые вопросы истории философии // Под знаменем марксизма. 1931. № 1/2; *Сигзовский Е. А.* Ленин и Плеханов как критики махизма // Там же. 1934. № 2; *Ильюшин М.* Ленинская критика кантианства и неокантианства // Зап. АН БССР. 1936. № 5. На белорус. яз.

ные задачи, выдвигавшиеся при этом, заключались в том, чтобы показать эволюцию буржуазной философской мысли в эпоху империализма; выявить коренную противоположность всех систем и направлений буржуазной философии диалектическому материализму и доказать неправомочность любых попыток сочетать марксизм с теми или иными ее сторонами.

Теперь в исторической перспективе ясно видны и многие слабости и недостатки теоретической деятельности советских философов. Развитие буржуазной философии в эпоху империализма они рассматривали как период деградации философской мысли. Такая оценка в целом была верной. Однако она не сопровождалась необходимой дифференциацией в подходе к различным философским теориям, умением увидеть в них некоторые относительно прогрессивные стороны и тенденции. Тот же недифференцированный подход проявлялся и при определении социально-политической роли буржуазных философских теорий и социальных позиций отдельных немарксистских философов. Этот недостаток сказался в начале 30-х годов, когда в работах наших авторов наблюдалась тенденция рассматривать современную западную философию как проявление фашизации буржуазного сознания, а также обнаружился и в дискуссии 1947 г.

Эта дискуссия, организованная в связи с обсуждением книги Г. Александра «История западноевропейской философии», была посвящена проблемам развития историко-философской науки в СССР, а также методологии критики современной немарксистской философии. Обсуждение приобрело принципиальное методологическое значение для всей историко-философской науки в целом: рассматривались принципиальные вопросы развития советской философской науки, была выдвинута как одна из основных задач активизации деятельности по критике современной буржуазной философии. Впервые критика современной буржуазной философской мысли была выделена в особый предмет исследований.

Надо иметь в виду, что дискуссия проходила в сложный послевоенный период, в условиях обострившейся международной обстановки и борьбы с империалистической идеологией, когда принцип партийности, всегда являющийся важнейшим методологическим принципом советской историко-философской науки, приобретал особенное значение. Вместе с тем обнаружилось известная прямолинейность и упрощенчество в изучении немарксистских концепций философии, выразившиеся в недостаточно точном понимании соотношения между марксизмом и домарксистской мыслью, а также между материализмом и идеализмом; в стремлении к прямому выведению философских систем из социально-экономической структуры; в оценке учений прошлого лишь с точки зрения современности, достижений марксистско-ленинской теории.

«Возникновение марксизма,— говорил в своем выступлении А. А. Жданов,— было настоящим открытием, революцией в философии... С Маркса начинается совершенно новый период истории философии, впервые ставшей наукой»². В принципе этот тезис, акцентировавший качественное отличие марксистской философии от домарксистской, был правомерен. Однако в том толковании, которое приобрело тогда данное положение, фактически недостаточно учитывалась связь марксистской философии с прогрессивной философской мыслью прошлого, хотя последняя и характеризовалась как «накопление количественных изменений». В частности, противопоставляя марксизму домарксистскую философию как ненаучную, упускали из виду то обстоятельство, что предшествующая философская мысль содержала определенные научные достижения.

Имевшая место односторонность в философских исследованиях в значительной мере была порождена атмосферой, в которой канонизировались неверные положения, в частности тезис о пемецкой классической философии как «аристократической реакции» на французскую революцию и французский материализм. Это положение, противоречащее исторической правде и многочисленным высказываниям по данному вопросу классиков марксизма-ленинизма, получило расширительное общеметодологическое толкование. Недооценивалась не только немецкая классическая философия — один из источников марксизма, но и многие философские системы прошлого. Все это сказалось на характере дискуссии 1947 г., установки которой в области истории философии сразу же приобрели императивный смысл³.

Конкретные установки, выдвинутые в ходе этой дискуссии, будучи в целом основанными на верных методологических предпосылках, ориентировали тем не менее на несколько одностороннее применение этих принципов к задачам критики буржуазной философии. Так, недостаточно учитывался принцип относительной самостоятельности философии: современная буржуазная философия нередко практически отождествлялась с буржуазной идеологией, причем в наиболее реакционных ее проявлениях. «Известно уже из опыта нашей победы над фашизмом,— говорил, например, А. А. Жданов,— в какой тупик привела целые народы идеалистическая философия»⁴. На деле такой методологический прием накладывал печать нивелировки на социально-классовые и теоретические характеристики тех или иных направлений буржуазной философии.

С точки зрения социально-классовой направленности за одну негативную скобку помещались такие различные направления,

² Вopr. философии. 1947. № 1. С. 258—259.

³ См.: Наши задачи // Там же. № 2.

⁴ Там же. № 1. С. 271.

как неопозитивизм, критический реализм, экзистенциализм, феноменология. Резко отрицательные оценки давались Б. Расселу, А. Н. Уайтхеду, Л. Витгенштейну, Э. Гуссерлю, Ж.-П. Сартру и другим западным философам — их учения квалифицировались как реакционные, а сами они — как выразители интересов империализма. Дело не только в том, что оценки эти были неточны или несправедливы. Принципиальным просчетом являлось недифференцированное отношение к различным течениям буржуазной философской мысли, различным как в идейно-политическом, так и в теоретическом плане.

Значительным минусом трудов наших философов того времени⁵ была прежде всего недостаточная доказательность критики, зачастую ограничивающейся областью основного вопроса философии, суммарной гносеологической квалификацией того или иного философского направления на Западе. Подобный подход к теоретическим проблемам оказался не только чересчур общим, но и недостаточно эффективным по отношению к таким школам, как неопозитивизм, прагматизм, неореализм и другим, отличающимся сравнительным индифферентизмом в сфере гносеологии или заключавшим в себе различные, порой противоположные гносеологические элементы. Упрощенным выглядело также характерное для работ тех лет сведение тех или иных философских течений к их предшественникам, особенно к эмпириокритицизму и субъективному идеализму. Слабой стороной критики буржуазной философии было недостаточное внимание к анализу гносеологических корней различных идеалистических направлений, недооценка того обстоятельства, что иные системы и направления западной мысли выдвигали реальные проблемы общественной жизни и познания, и что глубокая и действенная критика ложной постановки и неверного решения этих проблем в буржуазной философии требует их позитивной разработки с марксистских позиций. Добавим, что критикуемые философские концепции порой вовсе не анализировались, объявлялись всего лишь «заумной терминологией». Внимание читателя нередко фиксировалось на отдельных цитатах, побочных деталях, а нередко и просто на «публицистических» выпадах⁶.

⁵ См.: Против новейших идеологов империалистической буржуазии // Философские записки. М.; Л., 1948; Баскин М. П. Англо-американская социология на службе империализма. М., 1949; Против современной буржуазной философии // Учен. зап. АОН при ЦК КПСС. М., 1949. Вып. IV; Против философствующих оруженосцев американско-английского империализма. М., 1951; и др.

⁶ Например, отмечалось, что в работах У. Джексона идеи сравниваются с кредитными билетами, и делался вывод, что для представителей прагматизма «единственный вид практики... это погоня за прибылью» (Против философствующих оруженосцев американско-английского империализма. С. 42). В другом случае тот факт, что работа одного из западных философов была написана в форме диалога с Платоном, ставился основанием для умозаключения о мистицизме ее автора.

Для советских философов, говорилось в редакционной статье «Наши задачи», опубликованной в журнале «Вопросы философии», позитивная разработка любой философской проблемы неминуемо связана с развертыванием самой острой критики буржуазных концепций, а также с неутомимой борьбой против вредной болезни низкопоклонства и раболепия перед буржуазной идеологией, культурой, философией⁷. Однако такая установка вела на практике к почти полному забвению того факта, что и сам критический анализ непременно должен включать в себя позитивную марксистскую разработку затрагиваемых в критикуемых философских учениях реальных проблем, становясь тем самым одним из факторов творческого развития марксистско-ленинской философии. Задача сочетания принципиальной критики идей буржуазной философии с позитивной разработкой тех отраженных в этой философии проблем и понятий, которые имеют реальное значение для общественной практики и науки, продолжает и сейчас оставаться важной задачей советских философов.

Принципы подхода к немарксистской философии, выдвинутые на философской дискуссии 1947 г., во многом обусловили как достоинства, так и недостатки последующих работ по данной проблематике. В целом число их заметно увеличилось; в нашей философской литературе начались систематическое изучение и критика многих буржуазных философских концепций.

С конца 50-х годов в области истории западноевропейской философии, как и в других областях советской историко-философской науки, в частности в сфере критики современной буржуазной философии, был сделан шаг вперед. Полностью была преодолена недооценка классического домарксистского философского наследия, имевшая место в предшествующий период. Расширяя сферу исследований по данной тематике, советские ученые сочетают методологические поиски, обсуждения принципов освещения и критики философской мысли Запада с выпуском обширных монографических исследований и фундаментальных трудов.

Важным шагом в развитии советской историко-философской науки стал выпуск пятитомной «Философской энциклопедии» (М., 1960—1970. Т. 1—5). В ней помещено несколько сот статей по истории западноевропейской философии, а также философии стран Востока. Как справочное издание «Философская энциклопедия» охватила богатый историко-философский материал, особенно по темам, недостаточно изучавшимся прежде (например, раннехристианская философия и патристика, ряд проблем философии религии и др.). Следует подчеркнуть, что многие историко-философские статьи представляют собой крат-

⁷ См.: *Вопр. философии*. 1947. № 2. С. 11.

кие оригинальные научные исследования. Историко-философские разделы, а также критический анализ современной буржуазной философии присутствуют в статьях, посвященных как отдельным мыслителям, так и направлениям философии (материализм, идеализм, сенсуализм, экзистенциализм, неопозитивизм и др.), философским категориям (абстрактное, сущность, количество, качество, время, пространство и др.). Значительную ценность представляют историко-философские обзоры по странам — не только по тем, где философское наследие ранее было мало изучено (Швеция, Венгрия, страны Латинской Америки и др.), но и по тем, философское наследие которых редко рассматривалось в национальном идейно-культурном контексте. Подобное «сквозное» рассмотрение регионального историко-философского наследия, предпринятое в нашей науке впервые, способствовало решению важной проблемы, а именно выявлению специфики национального философского сознания, закономерностей его развития.

Интересным и полезным изданием явилась также «Антология философской мысли» (М., 1969). Ряд фрагментов, имеющих большое источниковедческое значение, опубликован здесь впервые на русском языке (по истории средневековой философии и др.).

Со второй половины 50-х годов возрастает интерес к методологическим проблемам истории философии, изучения и критики современной буржуазной философии. Заново осваивается наследие классиков марксизма-ленинизма, а также выдающихся представителей марксистской мысли — Г. В. Плеханова, А. Грамши и др.⁸. Особенное значение для советских ученых имели произведения В. И. Ленина. Именно забвением ряда ленинских положений, недооценкой ленинского этапа в марксистской философии во многом были вызваны прежние просчеты в изучении философского наследия, критическом анализе современной буржуазной философии. Историки философии подчеркивали важнейший ленинский тезис о том, что учение марксизма «возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма»⁹. Обращалось внимание на глубокие мысли В. И. Ленина о принципах партийности и историзма в ис-

⁸ См.: *Леонов О. Д.* Разработка К. Марксом вопросов историко-философской науки в 1839—1844 г. // Вестн. ЛГУ. Экономика. Философия. Право. 1957. № 11. Вып. 2; *Давыдов Ю. Н.* Проблемы идейной преемственности в книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // Вестн. истории мировой культуры. 1959. № 3; *Иовчук М. Т. Г. В. Плеханов и его труды по истории философии.* М., 1960; *Мелещенко Э. Н.* Вопросы истории философии в трудах Антонио Грамши // Филос. науки. 1961. № 1; *Богданов Б. В.* Ленинские принципы анализа истории философии. М., 1970; и др.

⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 40.

следованиях по истории философии, о противоречивости и сложности историко-философского процесса, о недопустимости для марксиста вульгарного социологизма, однозначно негативного отношения к идеалистическим системам¹⁰.

Основываясь на богатейшем наследии классиков марксизма-ленинизма, советские ученые предприняли позитивную разработку ряда *методологических* вопросов истории философии с уточнением *критериев марксистского подхода* к современной буржуазной философии, *целей и задач* ее критики. Дискуссия по данной проблематике была начата в конце 50-х годов статьей М. Т. Иовчука¹¹ и продолжается по сути дела до наших дней. В работах П. Н. Федосеева, Б. М. Кедрова, Т. И. Ойзермана, П. В. Копнина, В. Ф. Асмуса, Б. Э. Быховского, М. М. Розенталя, А. С. Богомолова, И. С. Нарского, В. В. Соколова, Б. В. Богданова, А. Г. Арзакапяна, М. К. Мамардашвили, З. В. Каменского и других рассматривались различные теоретические аспекты историко-философской науки.

Одна группа проблем сосредоточивалась вокруг вопроса о путях выявления социально-классовой основы философских учений. Высказывались соображения о специфике философии как особой формы общественного сознания, в силу чего философские абстракции оказываются весьма «удаленными» от их социального источника. Так, в статье В. Асмуса «Некоторые вопросы диалектики историко-философского процесса и его познания» справедливо констатировалось, что не все разделы философской системы (например, гносеология как продукт весьма развитой абстракции) могут быть выведены из конкретных социальных условий и классовых антагонизмов, а разработанная социально-политическая концепция имеется далеко не у всякого мыслителя. Рассматривая эти трудности, автор высказывает важную мысль о том, что анализ этики, как сравнительно более «социального» элемента мировоззрения философа, «в ряде случаев проливает свет на внутреннюю связь важнейших составных идей системы»¹². К примеру, этика Канта, основанная на противопоставлении природы и свободы, во многом объясняет дуалистическую гносеологию кенигсбергского мыслителя. В ходе обсуждения вопроса об определении соци-

¹⁰ См.: Копнин П. В. О некоторых особенностях ленинского метода критики идеалистических философских концепций // Против современной буржуазной философии. М., 1963; Ленинизм и философские проблемы современности. М., 1970; Нарский И. С. Ленинские принципы критики буржуазной философии и современность // Вопр. философии. 1969. № 1; Курсанов Г. А. Ленинизм и кризис буржуазной философской мысли. М., 1971; и др.

¹¹ См.: Иовчук М. Т. О некоторых методологических проблемах истории философии // Вопр. философии. 1959. № 11. Еще ранее методологическим проблемам истории философии был посвящен доклад М. Т. Иовчука в Академии наук СССР (см. Вопр. философии. 1956. № 5).

¹² Вопр. философии. 1961. № 4. С. 116.

ально-классовой основы философских учений обращалось также внимание на то, что необходимым условием «выведения» философского учения из классовых мотивов является выяснение и учет всех посредствующих звеньев, связующих это учение с социальным бытием (потребности господствующей идеологии, общественного мнения, рост естественнонаучных знаний, зависимость от уровня развития предшествующей мысли и др.), т. е. понимание сложного механизма развития философского знания¹³. Анализ же современной буржуазной философской мысли нуждается, очевидно, в таких предпосылках, как исследование общего характера современной эпохи, изучение особенностей буржуазной идеологии и ее социально-психологической базы. Такой анализ и был предпринят в ряде работ советских ученых¹⁴.

Работы другого направления были посвящены проблемам освещения отдельных эпох в истории философии, их периодизации, отличительным признакам, применению принципа партийности в характеристике мыслителей прошлого¹⁵. Принцип партийности, анализ историко-философских учений в плане общей антитезы материализма и идеализма, оценка теоретического содержания этих учений по критериям марксистско-ленинской философии — все это не только не исключало, но и предполагало конкретно-историческое рассмотрение философских учений прошлого, соотносительное их изучение, выявление того нового,

¹³ См.: *Мамардашвили М. К.* Некоторые вопросы исследования истории философии как истории познания // *Вопр. философии.* 1959. № 12.

¹⁴ См.: *Нарский И. С.* О традиции в истории философии // Там же. 1961. № 6; *Соколов В. В.* Партийность и историзм в истории философии // Там же. 1968. № 4; *Нарский И. С.* О партийности и историко-философском историзме // Там же. 1968. № 12; и др.

¹⁵ См.: *Момджян Х. Н.* Об идеологии социального пессимизма // *Вестн. истории мировой культуры.* 1957. № 2; *Ойзерман Т. И.* Кризис буржуазной идеологии на современном этапе // *Коммунист.* 1961. № 17; *Васкин М. П.* Кризис буржуазного сознания. Индивидуализм и его крах. М., 1962; *Замошкин Ю. А.* Кризис буржуазного индивидуализма и личность. М., 1966; *Соловьев Э. Ю.* Философское и социологическое исследование в системе современной буржуазной идеологии // *Вопр. философии.* 1966. № 9; *Современная буржуазная идеология в США.* М., 1967; *Скворцов Л. В.* Об особенностях кризиса современной буржуазной идеологии. М., 1970; *Он же.* Социальный прогресс и свобода: К анализу теоретических истоков буржуазного сознания. М., 1979; *В лабиринтах буржуазного сознания: Критика концепций духовного манипулирования массами.* М., 1978; *Иконникова Г. И.* Теория «постиндустриального общества». Будущее человечества и его буржуазные толкователи: Крит. анализ. М., 1975; «Массовая культура — иллюзии и действительность. М., 1975; *Красин Ю. А.* Революцией уstraшенные: Крит. очерк буржуазных концепций социальной революции. М., 1975; *Мотрошилова Н. В.* Наука и ученые в условиях современного капитализма: Философско-социологическое исследование. М., 1976; *Пидипенко Н. В.* Утопизм буржуазных теорий «общества нового типа». М., 1976; *Араб-оглы Э. А.* Демографические и экологические прогнозы: Критика современных буржуазных концепций. М., 1978; *Косолов В. В., Лисичкин В. А.* Критика буржуазных концепций будущего. М., 1978; *Научно-техническая революция и кризис современной буржуазной идеологии.* М., 1978; и др.

что дали те или иные мыслители по сравнению со своими предшественниками.

Сам принцип партийности органически вписывался советскими авторами в историко-философский процесс как его неотъемлемая характеристика, как имманентная идеологическая функция философии, существующая наряду с теоретико-познавательной. В принципе любое философское учение эксплицитно или имплицитно содержит определенную идеологическую направленность. Как выявить ее, не впадая при этом в вульгаризацию? Эта проблема тщательно рассматривалась советскими историками-философами. М. А. Киссель, например, выдвинул понятие «социальной установки» философского учения, которая отнюдь не сводится к социально-политическим взглядам его автора (даже когда они достаточно четко выражены). Социальная установка — это позитивное или негативное отношение мыслителя к современной ему социальной реальности, рассмотренное под углом зрения социально-классовых критериев. Но при этом надо учитывать многозначность отвлеченных философских принципов, что выявляется в последующей судьбе философских учений, когда они уже используются различными борющимися идейными лагерями¹⁶. Все это опять-таки, по мысли советских исследователей, обязывает рассматривать философские учения во взаимосвязи партийности и историзма.

Утверждая эти принципы как основные методологические предпосылки изучения историко-философского процесса, советские философы вместе с тем ставили задачи дальнейшего выяснения общих логических линий историко-философского развития. История философии представлялась как прогресс в поисках человечеством объективной истины, как эволюция философских проблем и их решений¹⁷. Принципиально важным в данном случае был тезис, сформулированный в работах П. Копнина, Т. Ойзермана и других авторов, что «история философии есть способ существования, специфическая форма развития самой философии»¹⁸. Тем самым предусматривалась и актуализация историко-философских исследований, поскольку «исследования по истории философии не должны находиться в стороне от решения проблем, которые стоят перед современной философией»¹⁹.

¹⁶ См.: Методологические проблемы истории философии и общественной мысли. М., 1977.

¹⁷ См.: Богданов Б. В. История философии как история философских проблем и их решений // Филос. науки. 1965. № 6; Любугин К. Н. Проблемный подход в историко-философской науке // Методологические проблемы истории философии и общественной мысли; и др.

¹⁸ Ойзерман Т. И. Философия и история философии // Проблемы истории философии и ленинского этапа ее развития. М., 1967. С. 43.

¹⁹ Копнин П. В. К вопросу о методике историко-философского исследования // Вопр. философии. 1967. № 5.

Заметным событием в жизни философской общественности стал выход в 1957—1965 гг. на базе Института философии АН СССР многотомной «Истории философии»²⁰ — первого опыта марксистской истории философии, включавшей анализ философского наследия стран Запада, Востока, Азии и Латинской Америки. Данное издание не только коренным образом противостояло «европоцентристским» концепциям буржуазных исследователей, но и было шагом вперед по сравнению с предыдущей «Историей философии», поскольку в ней философия стран Востока не освещалась. Значительным достижением нового издания было рассмотрение малоизученной прежде философской мысли ряда стран — Испании, Италии, Польши, Югославии, Румынии и др., а также систематическое исследование современной буржуазной философии, в частности таких ее направлений, как экзистенциализм, неопозитивизм, неотомизм, прагматизм, «реалистические» направления, концепции философии истории. Впервые был предпринят, правда, краткий анализ философской антропологии. Данный труд явился плодом коллективных усилий многих советских философов, в нем приняли участие специалисты из социалистических стран, а также ученые-марксисты некоторых капиталистических стран.

В «Истории философии» подчеркивалась обусловленность философской мысли в конечном счете потребностями материальной жизни общества. В связи с этим для издания в целом характерно усиленное внимание к социологическому аспекту философских учений прошлого, попытки в каждом конкретном случае определить классовые истоки тех или иных взглядов. Вместе с тем признается относительная самостоятельность развития философии.

В работе содержится подробное обоснование принципа партийности в философии, требующего конкретно-исторического классового подхода ко всем ее явлениям, но не имеющего ничего общего с нигилизмом и упрощенчеством по отношению к учениям прошлого, предполагающего освоение и марксистскую переработку всего ценного в этих учениях, в том числе и идеалистических.

В издании сделана попытка периодизации истории мировой философии. Поскольку «решающим, поворотным пунктом в истории философской мысли был революционный переворот, вызванный созданием диалектического и исторического материализма»²¹, выделяются две главные эпохи: эпоха философии до возникновения марксизма и эпоха после его создания. Первый

²⁰ История философии. М. 1957. Т. I—II/Под ред. М. А. Дынина, М. Т. Иовчука, Б. М. Кедрова, М. Б. Митина, О. В. Трахтенберга; 1959. Т. III; 1961. Т. IV—V; 1965. Т. VI, ч. 1—2/Под ред. М. А. Дынина, М. Т. Иовчука, Б. М. Кедрова, М. Б. Митина, Т. И. Озермана, А. Ф. Окулова.

²¹ История философии. Т. I. С. 13.

период подразделяется на философию рабовладельческого общества, философию феодального общества, философию эпохи перехода от феодализма к капитализму, философию капиталистического общества (от конца XVII в. примерно до революции 1848 г.). Второй период характеризуется развитием пролетарского научного мировоззрения и его борьбой против «реакционной буржуазной философии»²². Следование этим методологическим принципам придало известную упорядоченность излагаемому материалу.

Выпуск столь обширного издания стимулировал появление в советской историко-философской науке обобщающих исследований²³. Явившись обобщением определенного этапа развития советской историко-философской науки, шеститомная «История философии» вызвала большой интерес у философской общественности в нашей стране, а также за рубежом — работа была переведена на ряд иностранных языков.

«История философии» оживленно обсуждалась в печати, в научных учреждениях и учебных заведениях различных городов страны²⁴. При этом отмечались не только положительные стороны издания, но и его значительные недостатки. Основные недостатки, по мнению научной общественности, были следующие. В ряде случаев социальные предпосылки философских учений характеризовались упрощенно. Например, античный материализм «выводился» из рабовладельческой демократии, идеализм — из рабовладельческой аристократии. Рассредоточение материала по территориально-национальному признаку далеко не всегда сочеталось с синтезом, прослеживанием стержневых линий мировой философской мысли. Стремление включить в «Историю философии» ряд новых имен приводило порой к тому, что сужался объем рассмотрения собственно философской проблематики; некоторые главы нового издания, посвященные западноевропейской философии, по профессиональному уровню уступали предшествующей трехтомной «Истории философии». Вместе с тем в «Истории философии» отсутствовал анализ воззрений ряда мыслителей средневековья, Возрождения и нового времени, некоторые разделы (например, средневековая философия) по-прежнему освещались чрезвычайно скудно.

Критика недочетов «Истории философии» со стороны философской общественности была по существу самокритикой, ибо

²² История философии. Т. I. С. 14.

²³ См.: Ойзерман Т. И. Основные этапы развития домарксистской философии. М., 1957; Соколов В. В., Овсянников М. Ф. История домарксистской философии. М., 1959; Краткий очерк истории философии. М., 1960; История философии. Тбилиси, 1962. На груз. яз.; и др.

²⁴ См.: Вопр. философии. 1958. № 2, 3, 5; Коммунист. 1958. № 9; Вестн. АН СССР. 1958. № 8; Вестн. ЛГУ. Экономика. Философия. Право. 1958. № 23. Вып. 4; Филос. науки, 1958, № 3; и др.

предпринятый синтез отражал общее состояние историко-философской науки. Не удовлетворяясь достигнутым, советские ученые стремились к более глубокому изучению наследия прошлого. И в этом смысле шеститомная «История философии» опять-таки стимулировала развитие историко-философской мысли в нашей стране.

Не случайно уже к концу 50-х годов в области изучения западноевропейской домарксистской философии обозначился ряд положительных тенденций, которые свидетельствовали о возрастающей исследовательской культуре советских историков философии. Активизировалось обсуждение методологических проблем историко-философской науки, значительно расширился круг рассматриваемых тем по истории домарксистского философского наследия, повысился в целом профессиональный уровень их анализа. Данные тенденции особенно наглядно проявились в последующие годы.

Внимание советских историков философии сосредоточивалось также на проблемах закономерностей историко-философского процесса. Главными среди них являются противоположность материализма и идеализма, диалектики и метафизики. Вместе с тем стало ясно, что эти антитезы нуждаются в определенных ограничениях. Так, противоположность материализма и идеализма более или менее определяется лишь на высшей ступени развития древнегреческой философии²⁵ и окончательно оформляется в эпоху нового времени. Для истории философии характерна дивергенция философских учений и по другим, не главным линиям: рационализм и эмпиризм, рационализм и иррационализм, сциентизм и антисциентизм и пр.

Точно так же, исходя из тезиса о том, что материализм в противовес идеализму выражал, как правило, прогрессивную идеологию, советские историки философии указывают и на явления иного порядка. «Для идеологов феодальной реакции илеалист Руссо не менее страшен, чем материалист Гольбах... Философская идеология буржуазии, штурмующей феодализм, революционна и тогда, когда она носит идеалистический или даже религиозный характер. Материалистическая философия утвердившейся у власти буржуазии, напротив, консервативна»²⁶.

В связи с планами дальнейшей разработки марксистской истории мировой философской мысли в советской литературе в последние годы был поднят важный вопрос об общей методологии, целях и формах такого рода трудов. При этом выделяются три основные формы историко-философского исследования: 1) всемирно-историческая (по типу гегелевской «Истории философии»), имеющая целью историко-логическое обоснование

²⁵ См.: Ойзерман Т. И. Главные философские направления. М., 1971.

²⁶ Там же. С. 264.

современной философской теории; 2) национальная, изучающая в большей степени исторически-локальные функции философии в жизни отдельных народов; 3) синтетическая, соединяющая обе эти формы. Некоторые авторы, указывая на то обстоятельство, что исследования первого и третьего типа пока представляют значительные теоретические трудности, высказывают мнение о предпочтительности на данном этапе философского «страноведения». Иное обоснование региональности историко-философского исследования было выдвинуто в статье М. Петрова²⁷. Автор разделяет европейскую и неевропейскую (индийскую, китайскую и пр.) философские традиции как два различных типа философского сознания: логического и мировоззренчески-мифологического. Положения статьи М. Петрова вызвали возражения ряда философов (В. Соколова, З. Каменского и др.). Указанные проблемы методологии историко-философского исследования активно обсуждаются.

В настоящее время выделяются две основные формы методологических исследований в истории философии: изучение специфических принципов, приемов историко-философского исследования и теория историко-философского процесса. Вторая форма наиболее важна, ибо именно в ней решается задача, поставленная еще В. И. Лениным, — включить историю философии в теорию познания диалектического материализма.

В последнем случае речь идет о применении к историко-философскому процессу общей теории развития. При этом отмечается специфика развития философского знания в истории: оно в отличие от частных наук идет не всегда поступательно, для него характерны и прерывность, и отходы назад, и «прогрессирующая дивергенция воззрений»²⁸. Вместе с тем развитие, магистральная линия которого проходит прежде всего по прогрессивным мировоззренческим направлениям, в общем и целом безусловно имеет место в историко-философском процессе.

В целом для дискуссий по методологическим вопросам истории философии характерен конструктивный творческий подход. Методологические проблемы активно обсуждаются на различных научных семинарах и конференциях. Так, в эти годы были организованы многочисленные научные семинары, конференции и симпозиумы, на которых обсуждались вопросы, связанные с изучением и критикой буржуазной философии²⁹. В феврале —

²⁷ См.: Петров М. К. Предмет и цели изучения истории философии // *Вопросы философии*. 1969. № 2.

²⁸ Методологические проблемы истории философии и общественной мысли. С. 150.

²⁹ С 1956 г. в Академии общественных наук при ЦК КПСС организуется постоянный семинар по проблемам критики современной буржуазной философии. Проводятся межвузовские научные конференции на тему «Современная марксистская мысль в борьбе с буржуазной философией, ревизионизмом и догматизмом». В МГУ была организована теоретическая конференция «Марксизм и экзистенциализм».

марте 1967 г. в Москве состоялся Всесоюзный симпозиум «Проблемы истории философии и ленинского этапа ее развития».

Еще более представительный форум с участием ученых из социалистических стран прошел в 1974 г. в Ленинграде; здесь собрались специалисты по методологическим проблемам истории философии и общественной мысли. Развитие историко-философской мысли стимулировалось также конгрессами Гегелевского философского общества, а также международными кантовскими конгрессами, в которых приняли активное участие советские философы.

Позитивная разработка марксистской методологии историко-философского исследования сочеталась с критикой буржуазной историко-философской науки.

2

В 20-х и в начале 30-х годов еще не ставилась задача создания таких трудов по истории философии, которые давали бы целостное и систематическое освещение всех этапов ее развития, представляли бы общую картину историко-философского процесса. Нужно было сначала накопить материал для такого рода трудов, подвергнуть марксистскому анализу отдельные философские системы, теории и направления. К немногочисленным попыткам более или менее систематического исследования развития философской мысли относятся книга А. И. Варьяша «История новой философии» (1926) и «Очерки по истории философии» В. К. Сержникова (1929)³⁰.

Важным направлением деятельности советских историков философии была широко развернувшаяся с начала 20-х годов работа по изданию русских переводов трудов классиков философской мысли прошлого, в первую очередь материалистов. Были изданы избранные сочинения Л. Фейербаха, ряд произведений Дидро, Гольбаха, Ламетри, Гоббса, Декарта, Спинозы, начато издание «Сочинений» Гегеля. Интересным и несомненно ценным был первый опыт советской философской антологии —

Позднее состоялся всесоюзный симпозиум «Проблемы истории философии и ленинского этапа ее развития», на котором большое внимание было уделено вопросам критики современной буржуазной философии. См.: *Вопр. философии*. 1959. № 4; *Филос. науки*. 1960. № 2; *Проблемы истории философии и ленинского этапа ее развития*. М., 1967; и др.

³⁰ Обе эти работы остались незаконченными. Вышли в свет две части 1-го тома книги А. Варьяша, в которых рассматривалась философия XVII в., и первая часть «Очерков» В. Сержникова, посвященная античной и средневековой философии. Книга В. Сержникова давала лишь беглую, схематичную и порой упрощенную характеристику философских идей античности и средневековья.

изданная под редакцией А. Деборина «Книга для чтения по истории философии» в двух томах (1924—1925)³¹.

В эти годы определились и два основных направления в анализе истории западноевропейской философии: история материализма и история диалектики. Утверждение именно этих направлений в качестве основных в историко-философских исследованиях не было случайным. Преимущественное внимание к истории материализма находилось в прямой связи со стоявшей перед советскими философами задачей пропаганды материалистического мировоззрения, борьбы против идеализма и религии. Материалистические учения прошлого справедливо рассматривались как серьезное подспорье в решении этой задачи. Вместе с тем ориентация на изучение материалистических систем определялась и внутренними потребностями разработки истории философии. Марксистская история философии призвана была дать научную, объективную картину развития философской мысли, преодолеть пороки буржуазных историко-философских концепций, одним из крупнейших недостатков которых была и остается недооценка роли материализма в истории философии.

Что касается истории диалектики, то ее исследование стимулировалось необходимостью, с одной стороны, показать закономерность возникновения материалистической диалектики, а с другой — использовать при разработке самой теории материалистической диалектики завоевания домарксистской диалектической мысли.

Наряду с указанными направлениями в 20-х и в начале 30-х годов предметом специального изучения была и история социологических учений и философско-исторических концепций. Проблемы социологии и философии истории освещались большей частью в рамках исследования взглядов того или иного философа, как одна из сторон его воззрений. Однако уже в этот период появились работы, авторы которых специально обращались к вопросам развития социологических и философско-исторических идей³². В этом плане следует отметить книгу В. Ф. Асмуса «Маркс и буржуазный историзм» (1933), в которой анализировались философско-исторические идеи ряда крупных философов до К. Маркса, а также некоторые проблемы понимания истории у К. Маркса и буржуазные философско-исторические теории эпохи империализма. Количество статей, посвященных

³¹ В 20-х годах были изданы также: История материализма: В произведениях его представителей и историков/Сост. В. Г. Столлнер, П. С. Юшневич. М., 1927. Т. 1 (до XVIII в.); Хрестоматия по французскому материализму XVIII века. Пг., 1923. Вып. I; 1924. Вып. II.

³² Одной из первых таких работ явилась книга И. Л. Попова-Ленского «Антуан Барнав и материалистическое понимание истории» (М.; Л., 1924).

отдельным представителям буржуазной социологии, было небольшим³³.

Смежной с историей социологии областью, в которой уже с начала 20-х годов развернулась широкая исследовательская работа, была история социалистических учений. В эти годы вышло значительное количество книг и статей, посвященных представителям утопического социализма и коммунизма — А. де Сен-Симону, Ш. Фурье, Р. Оуэну, Т. Дезами, Т. Кампанелле, Т. Мору. Среди этих работ следует особо отметить труды В. П. Волгина, занявшие видное место во всей марксистской литературе по истории социалистических идей³⁴.

Исследование методологических проблем истории философии в рассматриваемый период еще не определилось достаточно ясно в качестве особого направления. Объяснение этому следует искать, очевидно, в отмеченном выше характере историко-философских трудов того времени: внимание исследователей было сосредоточено больше на отдельных лицах и системах, чем на общих закономерностях историко-философского процесса.

Наиболее общими методологическими установками, из которых исходили советские историки философии, были признание необходимости анализа философских теорий в их социально-исторической обусловленности, в их связи с интересами определенных классов, выделение в истории философии двух линий — материализма и идеализма, стремление выявить в развитии философии все ценные и прогрессивные идеи. Безусловно верные сами по себе, эти установки, однако, далеко не всегда интерпретировались и применялись правильно.

В первой половине 20-х годов в качестве марксистских взглядов на историю философии фигурировали подчас воззрения, далекие от подлинного марксизма. Так, хрестоматия «История философии в марксистском освещении» включала в себя наряду со статьями и отрывками из произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, П. Лафарга, Ф. Меринга также извлечения из работ К. Каутского, А. Богданова и др.³⁵

³³ См.: *Кирпичин В. Я.* Классовые и методологические основы социологии Тарда // Под знаменем марксизма. 1926. № 6; *Болотников А.* Социологическая доктрина Гумпловича // Там же. № 7/8; *Тележников Ф. Е.* Об одном буржуазном социологическом направлении во Франции: Социологическое учение Дюркгейма // Там же. № 4/5; *Неусыхин А.* «Эмпирическая социология» Макса Вебера и логика исторической науки // Там же. 1927. № 9, 12. См. также обзор направлений в развитии буржуазной социологии XVII—XX вв. в книге: *Оранский С. А.* Основные вопросы марксистской социологии. Л., 1929. Т. 1.

³⁴ См.: *Волгин В. П.* История социалистических идей. М.; Л., 1928. Ч. 1; *Он же.* Очерки по истории социализма. 4-е изд. М., 1935; *Он же.* Сен-Симон и сен-симонизм. М.; Л., 1924; 2-е изд. 1925.

³⁵ См.: *История философии в марксистском освещении.* М., 1924.

Сложная задача раскрытия социально-классовой обусловленности философских идей и учений в 20—30-х годах была еще далека от удовлетворительного решения. Нередко встречались вульгарно-социологические трактовки зависимости философских учений от социально-экономических условий и классовых интересов.

Отсутствие ясных и точных представлений о применении марксистской методологии к анализу истории философской мысли сказалось и в первой попытке систематического освещения историко-философского процесса нового времени, предпринятой в середине 20-х годов А. Варьяшем³⁶. Книга А. Варьяша содержала значительный познавательный материал, характеризующий ряд философских учений XVII в.— Декарта, Лейбница, Спинозы и др. Однако ее научная ценность существенно снижалась из-за исходных методологических установок автора, основанных на упрощенном, по существу вульгарно-социологическом понимании социально-исторической обусловленности философских идей.

Задачу истории философии А. Варьяш видел в том, чтобы дать «однозначное причинное объяснение» философским системам, т. е. показать, что они в конечном счете однозначно определяются общественным производственным процессом, в основе которого лежит развитие производительных сил.

А. Варьяш отдавал себе отчет в том, что специальное содержание философии, как и других видов идеологии, нельзя вывести непосредственно из общественных отношений. Решение проблемы причинной связи философии с базисом он усматривал в том, что содержание философских теорий нужно выводить из принятых философом логических принципов, но сами эти принципы, как принадлежность определенной логической системы, являются историческим продуктом и объясняются потребностями развития производительных сил. Этими же потребностями объясняется и деятельность тех «психических функций», которые наряду с логической системой призваны «обрабатывать» материал, доставляемый развитием общественных отношений. Таким путем, по Варьяшу, достигается «монизм» историко-философского исследования: хотя содержание философских систем не является прямым и непосредственным плодом экономического базиса, однако логический и психический «механизмы», действие которых проявляется в этом содержании, определяются развитием производительных сил.

Несостоятельность концепции А. Варьяша коренилась прежде всего в том, что она не учитывала относительную самостоятельность философии, специфические внутренние закономерности движения философской мысли и их связь с законами раз-

³⁶ См.: Варьяш А. История новой философии. М.; Л., 1926.

вития человеческого познания. Выдвигаемое А. Варьяшем понимание связи философских идей с базисом, примененное к анализу отдельных философских учений нового времени, приводило к упрощенной, вульгарно-социологической их трактовке³⁷.

В философской литературе 20-х годов концепция А. Варьяша была подвергнута критике³⁸. Но элементы вульгарного социологизма продолжали, к сожалению, сказываться в работах 20-х и 30-х годов.

В течение 20-х годов внимание советских историков философии сосредоточивалось в основном на учениях нового времени. Но уже в этот период проявился значительный интерес к античной философии; ряд работ был посвящен ее деятелям³⁹.

В области истории материализма одна из главных задач, которую ставили перед собой советские исследователи, заключалась в том, чтобы доказать, что материализм был мощным и влиятельным направлением философской мысли, способствовавшим развитию науки и всей духовной культуры человечества. Советская историко-философская наука уже в 20-е годы немало сделала для решения этой важной задачи.

Прежде всего были исследованы учения крупных представителей материалистической мысли XVII—XIX вв. В 1922 г. в Харькове вышел в свет сборник, посвященный памяти Л. Фейербаха (в связи с 50-летием со дня смерти), в следующем году была издана монография А. Деборина о Л. Фейерба-

³⁷ Так, например, оказывалось, что не только взгляды Спинозы на общество, но и его учение о субстанции было обусловлено «развитием мануфактурного производства и рынка» (*Варьяш А.* История новой философии. Т. 1, ч. 1. С. 201), а внимание Локка к гносеологическим проблемам объясняется тем, что «в арсенале гносеологии» он искал необходимое идейное оружие для оправдания «правомочности господства того класса, идеологом которого он сознательно был и хотел быть, — именно буржуазии» (Там же. Ч. 2. С. 75).

³⁸ См.: Вестн. Ком. акад. 1924. № 9; *Асмус В.* Спорные вопросы истории философии // Под знаменем марксизма. 1926. № 7/8; *Он же.* К спорным вопросам истории философии // Там же. 1927. № 1; *Луцол И. К.* — Рец. на кн.: А. Варьяш. История философии. Т. 1, ч. 2 // Там же. 1926. № 10; см. также рецензию без подписи на книгу А. Варьяша в «Летописях марксизма» (1927. Кн. IV). Подробнее о дискуссии вокруг книги А. Варьяша см.: *Каменский З. А.* Из истории изучения советскими философами методологии историко-философского исследования // История общественной мысли. М., 1972.

³⁹ См.: *Юринец В. А.* Демокрит в свете новейших научных исследований // Под знаменем марксизма. 1922. № 9/10; статьи Г. К. Баммеля о Демокрите (Там же. 1923. № 6/7, 8/9, 11/12; 1924, № 1); *Чернышев Б. С.* Софисты. М., 1929; *Дынский М. А.* Диалектика Гераклита Эфесского. М., 1929. Исследования античной философии весьма интенсивно проводились в Азербайджане и Грузии. См.: *Макоевский А. О.* Левкипп // Изв. Азерб. гос. ун-та. 1925. Т. 4/5; *Он же.* Астрономические учения древних философов (до Платона) // Там же. Т. 2/3; *Он же.* Демокрит // Там же. 1926. Т. 6/7; 1927. Т. 8/10; *Он же.* Материализм в древности. Баку, 1928; *Дамелия С. И.* Философия Ксенофонта Колофонского. Тифлис, 1925. На груз. яз.; *Он же.* Античная философия до Сократа. Тифлис, 1926. На груз. яз.; и др.

хе⁴⁰. В 1924 г. была опубликована книга И. Луппола «Дени Дидро», в которой освещались жизнь и научная деятельность великого французского материалиста, обстоятельно анализировались различные стороны его мировоззрения. В том же году вышли книга Л. А. Ческиса о Гоббсе и «Очерки по истории материализма XVII—XVIII вв.» А. Деборина, содержавшие статьи о Ф. Бэконе, Гоббсе, Спинозе, Толанде, Мелье, Ламетри, Гольбахе и Дидро. В журнале «Под знаменем марксизма», в «Вестнике Коммунистической академии», в «Летописях марксизма» и других периодических изданиях систематически публиковались статьи, посвященные видным материалистам прошлого.

Для разработки истории материализма советскими учеными в 20-х — начале 30-х годов характерно было также стремление расширить круг исследуемого материала, вовлечь в него не только крупных, известных материалистов, но и фигуры менее значительные, не привлекавшие до тех пор внимания марксистской науки. Изучением взглядов последних занимался И. Луппол, специально обративший внимание на то, что историкам философии «пора уже вводить в „историко-философский обиход“ новые имена, и в особенности тех философов и мыслителей, которыми буржуазно-идеалистическая история философии по вполне понятным причинам не занималась»⁴¹. Очерки И. Луппола, посвященные таким малоизвестным или забытым мыслителям, как Жак Нежон, Уриель Дакоста, Жан-Батист Робине, способствовали уточнению и расширению представлений о развитии материализма.

Той же цели служили работы Г. С. Тымянского о немецких материалистах конца XVII и XVIII в.⁴² История материалистических идей в Германии до Л. Фейербаха была в то время почти не исследована. Работы Г. Тымянского убедительно показали, что в Германии XVIII в. существовало ярко выраженное материалистическое направление философской мысли, связанное с антирелигиозными настроениями среди довольно широких кругов немецкой интеллигенции и питавшееся идеями Спинозы, Гоббса, Гассенди и английских деистов. Раскрывая роль философии Спинозы в развитии взглядов ряда немецких вольнодумцев XVIII в. (Эдельмана, Стоша и др.), труды Г. Тымянского способствовали не только выявлению материалистических традиций в немецкой философии, но и исследованию проблемы исторического влияния и значения Спинозизма.

⁴⁰ См.: Памяти Людвиг Фейербаха. Харьков, 1922; 2-е изд. 1923; Деборин А. М. Людвиг Фейербах. Личность и мировоззрение. М., 1923.

⁴¹ Луппол И. К. Историко-философские этюды. М.; Л., 1935. С. 4—5.

⁴² См.: Тымянский Г. С. Эдельман — немецкий материалист XVIII в. // Под знаменем марксизма. 1925. № 7; Он же. Спинозизм в Германии и Фридрих Вильгельм Стош // Там же. № 8/9; Он же. Анонимный материалист XVIII века // Там же. № 12; Он же. Два идеолога ранней буржуазии // Там же, 1927, № 1.

Буржуазные историки философии часто изображали и изображают материализм как примитивное, вульгарное мировоззрение. В противовес буржуазным искажениям истории материализма советские исследователи стремились показать, что материализм был представлен рядом ярких и оригинальных мыслителей, что он несет в себе разнообразие оттенков мысли, содержит замечательные догадки, способствует решению важных философских проблем. Специальное внимание уделялось раскрытию заслуг материалистических учений прошлого в развитии атеистических идей и научной критики религии.

Следуя Ф. Энгельсу и В. И. Ленину, советские историки философии домарксовский материализм нового времени рассматривали как метафизический и по преимуществу механистический. В рамках этой общей характеристики отмечались своеобразные отдельные мыслители и роль их идей в прогрессивном движении материалистической мысли (индуктивный метод Бэкона, «геометризация» материализма Гоббсом, идея движения как атрибута материи у Толанда, эволюционные идеи у Дидро и т. д.), анализировались имевшиеся в метафизически-материалистических учениях элементы диалектики.

На историко-философских исследованиях 20-х годов весьма сильно сказалось влияние работ Г. В. Плеханова по истории материализма. Плехановские оценки Спинозы, французских материалистов, Фейербаха принимались почти безоговорочно.

Склонность Г. В. Плеханова выдвигать на первый план то общее, что объединяет все материалистические учения (включая и диалектический материализм), в известной мере способствовала развитию тенденции к неправомерному сближению материализма прошлого с марксистским материализмом. Нарушение исторической перспективы, сказывающееся в чрезмерном сближении взглядов материалистов XVII—XIX вв. с диалектическим материализмом, было главным и существенным недостатком работ 20-х годов по истории материализма⁴³.

Характерной особенностью историко-философских исследований в 20-х и начале 30-х годов была их тесная связь с дискуссиями, которые велись вокруг ряда проблем марксистской фило-

⁴³ Этот недостаток присущ почти всем работам того времени по истории материализма. Очень ясно сказался он в трудах А. Деборина, в частности в его книге о Л. Фейербахе. См.: Деборин А. М. Людвиг Фейербах. Личность и мировоззрение. Оценка учения Л. Фейербаха почти буквально повторяла соответствующие места «Основных вопросов марксизма» Г. В. Плеханова. Идя дальше Г. В. Плеханова в сближении философии Л. Фейербаха с марксизмом, А. Деборин утверждал, что хотя Л. Фейербах по теории диалектики дал лишь несколько «тощих положений», однако мысль его была «насквозь диалектична». Созерцательность материализма Л. Фейербаха по существу отрицалась. Вслед за Плехановым философия К. Маркса представлялась как учение, развивавшееся в направлении, которое указывалось внутренней логикой философии Л. Фейербаха.

софии. Трактовка философских учений прошлого нередко становилась ареной, где выяснялись позиции спорящих сторон⁴⁴.

Данная особенность развития советской историко-философской науки отчетливо проявилась в развернувшейся в 1925—1928 гг. дискуссии вокруг материализма Спинозы. Начало дискуссии, в которой приняли участие А. М. Деборин, Б. Э. Быховский, В. К. Брушлинский, И. Я. Вайнштейн, В. И. Чучмарев и другие, положила статья Л. И. Аксельрод «Спиноза и материализм»⁴⁵. Дискуссия отразилась и в ряде работ о голландском философе, вышедших в 30-х годах.

Учение Спинозы не случайно оказалось предметом полемики. В советской философской литературе широко распространился взгляд Г. В. Плеханова, считавшего, как известно, концепции французских материалистов и Л. Фейербаха видоизменениями спинозизма и, более того, рассматривавшего материализм К. Маркса также как «род спинозизма». Вполне естественно, что различные толкования марксистского материализма вызвали особый интерес к спинозизму. Обе спорящие стороны отталкивались от плехановских взглядов на спинозизм, но подчеркивали в них разные стороны и приходили к различной трактовке материализма Спинозы.

Л. Аксельрод рассматривала философию Спинозы, исходя из того, что определяющим принципом материализма является принцип механической причинности. Материализм Спинозы она усматривала, во-первых, в том, что голландский мыслитель отрицал креационизм и трансцендентную телеологию, и, во-вторых, в том, что единственным и универсальным методом исследования он считал механическую причинность. Именно эти черты системы Спинозы, по мнению Л. Аксельрод, роднят эту систему как со старым, так и с новым — диалектическим материализмом⁴⁶.

Вместе с тем Л. Аксельрод считала, что не преодоленное до конца голландским философом религиозное чувство имело своим следствием гипостазирование и превращение в самостоятельную сущность мировой закономерности, отрыв ее от самой вселенной. Такой религиозно окрашенной закономерностью мирового порядка является, по убеждению Л. Аксельрод, «субстанция» Спинозы.

В отличие от Л. Аксельрод ее противники, прежде всего А. Деборин, исходили из трактовки материализма как мировоз-

⁴⁴ На философском диспуте в декабре 1927 г. Н. А. Карев отмечал: «Надо сказать, что наши споры очень часто ведутся под флагом той или другой трактовки тех или иных представителей истории философии, игравших какую-либо роль в подготовке марксистского мировоззрения» (Под знаменем марксизма. 1928. № 1. С. 212).

⁴⁵ См.: Красная новь. 1925. № 7.

⁴⁶ Аксельрод Л. И. (*Ортодокс*). В защиту диалектического материализма. М.; Л., 1928. С. 45.

зрения, существеннейшим признаком которого является взгляд на сознание как на свойство материи. Именно на основании этого признака философия Спинозы рассматривалась ими как материалистическая система: «субстанция» Спинозы трактовалась как материя, свойством которой является мышление.

Л. Аксельрод была права, отказываясь видеть в спинозовской «субстанции» синоним материи и отходя, в сущности, от плехановского толкования религиозных моментов в философии Спинозы только лишь как внешней «теологической привески» (хотя сама Л. Аксельрод считала, что строго следует Г. В. Плеханову). Однако механистическая ограниченность понимания ею сущности материализма привела ее к ошибочному выводу о том, что система Спинозы (поскольку в ней отсутствует прямая причинная связь между материей и мышлением) представляет собой и в онтологическом, и в гносеологическом плане «неподвижный и безвыходный параллелизм»⁴⁷.

Позиция, занятая в дискуссии о Спинозе А. Дебориным и его сторонниками, вела к углублению ошибок Г. В. Плеханова, к еще большему, чем у Г. В. Плеханова, сближению Спинозы с диалектическим материализмом⁴⁸. Сложность и своеобразие философии голландского мыслителя, наличие в ней ряда не разрешенных с полной ясностью проблем (например, вопроса о соотношении субстанции и бесконечного многообразия единичных вещей) по существу игнорировались, метафизический характер ее затушевывался. Субстанция Спинозы ошибочно отождествлялась с материей. Понятие бога в системе Спинозы рассматривалось лишь как терминологическая уступка господствовавшему религиозному мировоззрению. Сближались с марксизмом и общественные идеалы Спинозы.

Подход А. Деборина и его сторонников к учению Спинозы был в начале 30-х годов подвергнут справедливой критике со стороны ряда советских философов⁴⁹. Поскольку главной задачей ставилось доказательство неправомочности сближения марксизма со спинозизмом, внимание критиков сосредоточивалось в основном на раскрытии ограниченности спинозовского материализма и его отличий от диалектического материализма.

В ходе дискуссии о спинозизме, в которой приняли участие и ученые союзных республик, были намечены интересные и плодотворные пути исследования некоторых проблем философии

⁴⁷ Аксельрод Л. И. (Ортодокс). В защиту диалектического материализма. М.; Л., 1928. С. 29.

⁴⁸ См.: Деборин А. М. Бенедикт Спиноза // Очерки по истории материализма. М.; Л., 1929; Он же. Мировоззрение Спинозы // Там же; Он же. Спинозизм и марксизм // Летописи марксизма. 1927. Кн. III; Кареев Н. Спиноза и материализм // Красная новь. 1927. № 6.

⁴⁹ См.: Митин М. Б. Спиноза и диалектический материализм // Боевые вопросы материалистической диалектики. М., 1936.

Спинозы⁸⁰, но наиболее важные результаты были достигнуты в методологическом плане. Дискуссия привела к уяснению неудовлетворительности плехановской точки зрения на диалектический материализм как на «род спинозизма» и способствовала более глубокому пониманию существенных отличий марксистского философского материализма от материалистических учений прошлого.

Связь историко-философских исследований со спорами вокруг проблем развития диалектического материализма сказалась и в области изучения *истории диалектики*.

Главное место в изучении истории диалектики вполне естественно заняла немецкая классическая философия конца XVIII — начала XIX в. В числе значительных работ, посвященных в то время истории диалектики, следует отметить очерки А. Деборина о диалектике Канта и Фихте, книгу В. Асмуса «Диалектический материализм и логика» (М., 1924), второе, доработанное издание которой («Очерки истории диалектики в новой философии») вышло в 1929 г. Построенная как ряд отдельных очерков, работа В. Асмуса обладала вместе с тем определенной целостностью — она раскрывала прогрессивный характер эволюции диалектического метода в домарксовской буржуазной философии и вместе с тем глубокую внутреннюю противоречивость этой эволюции. Оригинальным и ценным исследованием в области истории диалектического метода явилась книга В. Асмуса «Диалектика Канта» (М., 1929). Исследованию диалектики немецкой классической философии была посвящена также работа К. С. Бакрадзе «Проблема диалектики в немецком идеализме» (Тифлис, 1929. На груз. яз.).

Исследование в советской историко-философской науке диалектики в западноевропейской догегелевской философии было направлено на выяснение роли отдельных мыслителей в развитии диалектического метода, раскрытие исторической ценности их идей. Иной подход был к диалектике Гегеля. На первый план в данном случае выдвигалось не выяснение исторической значимости гегелевской диалектики, а определение ее актуальной ценности для теории материалистической диалектики.

Философия Гегеля оказалась в центре споров по коренным вопросам развития диалектического материализма и прежде всего по вопросу о том, возможна ли и нужна ли теория материалистической диалектики как особая наука, не растворяющаяся в конкретных науках. А. Деборин и его сторонники, считая гегелевскую диалектику исходным пунктом для разработки теории

⁸⁰ См.: Быховский Б. Э. Психофизическая проблема в учении Спинозы // Тр. Белорус. ун-та. 1927. № 14/15; Брушлинский В. К. Спинозовская субстанция и конечные вещи // Под знаменем марксизма. 1927. № 3; Асмус В. Ф. Диалектика необходимости и свободы в этике Спинозы // Очерки истории диалектики в новой философии. М.; Л., 1929.

материалистической диалектики, подчеркивали положительное, научное содержание диалектики немецкого мыслителя. Философы же, отрицавшие правомерность теории материалистической диалектики как особой философской науки («механисты»), в лучшем случае признавали лишь историческую ценность гегелевской диалектики и выдвигали на первый план ее идеалистический характер.

Зависимость оценок гегелевской диалектики от решения важнейших вопросов марксистской философии не только придавала необычайную остроту спорам вокруг Гегеля, но и обусловила чрезвычайно неравномерный интерес к различным частям философии немецкого мыслителя. Вплоть до начала 30-х годов внимание почти полностью концентрировалось на «Логике», другие части гегелевской системы фактически не подвергались анализу. Не исследовались связи гегелевской философии с предшествующей и последующей буржуазной философией. Проблема «Гегель и материалистическая диалектика», включавшая в себя вопросы о роли гегелевской диалектики в формировании марксистской философии и в развитии ее на современном этапе, заглохла собой в то время другие аспекты историко-философского исследования учения Гегеля.

Примером отношения «механистов» к философии Гегеля может служить книга Л. Аксельрод «Идеалистическая диалектика Гегеля и материалистическая диалектика Маркса». Она особенно показательна потому, что вышла в свет в 1934 г., т. е. тогда, когда советской философской общественности были уже известны «Философские тетради» В. И. Ленина, содержащиеся в них идеи о диалектике Гегеля и о материалистической диалектике.

Усилия Л. Аксельрод сводились к тому, чтобы доказать, что благодаря идеалистическому характеру гегелевской системы «вся диалектика Гегеля свелась к формально-диалектической логике»⁵¹. В гегелевской диалектике Л. Аксельрод видела лишь одну сторону — абстракцию от конкретных материальных процессов. Другую же ее сторону — то, что в самодвижении понятий у Гегеля отразилась в мистифицированной форме реальная диалектика объективного мира и человеческого познания, Л. Аксельрод фактически игнорировала. Полностью обошла она также проблему, которой В. И. Ленин придавал огромное значение, — проблему единства диалектики, логики и теории познания у Гегеля и в марксизме. Вне ее поля зрения осталась и постановка Гегелем вопроса о роли практики в процессе познания.

Отказываясь по существу от поставленной В. И. Лениным задачи «материалистического чтения» Гегеля и критического использования гегелевской диалектики на современном этапе

⁵¹ Аксельрод Л. И. Идеалистическая диалектика Гегеля и материалистическая диалектика Маркса. М.; Л., 1934. С. 76.

развития марксистской философии, Л. Аксельрод и другие «механисты» подходили к Гегелю крайне односторонне, подчеркивая в его учении преимущественно то, что было мертвым, неприемлемым для марксистской философии. Такой подход был явно неплодотворен для конкретно-исторического исследования гегелевской философии и всестороннего раскрытия ее значения. В эту область советской историко-философской науки «механисты» не внесли фактически ничего ценного. Вместе с тем в их выступлениях против истолкования Гегеля А. Дебориным и его сторонниками имелось известное рациональное содержание — критика формально-схоластического уклона и неправомерного сближения гегелевской диалектики с материалистической.

Хотя А. Деборин и его сторонники понимали принципиальную значимость указания В. И. Ленина на то, что изучение и истолкование гегелевской диалектики следует проводить, опираясь на применение К. Марксом материалистической диалектики и на «образцы» диалектики современного общественного развития, однако на деле задача, поставленная В. И. Лениным, выполнялась ими совершенно недостаточно. Конкретное применение и развитие К. Марксом теории материалистической диалектики (прежде всего диалектическая логика «Капитала») явно недооценивались⁵², так же как и развитие диалектики В. И. Лениным и опыт современной истории, в первую очередь практика социалистического строительства в СССР. Истолкование гегелевской диалектики приобретало зачастую формальный характер, глубокий критический анализ гегелевской логики подменялся нередко ее пересказом, изложением, попытками «в готовом виде» перенести категории этой логики в теорию материалистической диалектики⁵³.

Было бы, однако, совершенно неправильным огульно зачеркивать (как это делалось в 30-е годы) все, что было сделано в предшествующий период советскими философами, в том числе А. Дебориным и его сторонниками, в области изучения диалектики Гегеля.

Чрезвычайно важным и плодотворным и для исследования истории диалектики и для разработки теории материалистической диалектики было уже само изучение гегелевской «Науки логики». Выдвигая на первый план именно логику Гегеля, советская наука становилась на путь преодоления отмеченной

⁵² Так, например, К. К. Милонов в статье с характерным названием «Необходим ли нам Гегель?» утверждал, что из «Капитала» диалектику нужно еще «выуживать, нередко с большим трудом», в «развитом» же виде диалектика изложена (хотя и с рядом ошибок и натяжек) только у Гегеля (Под знаменем марксизма, 1925. № 7. С. 63).

⁵³ См., например: Джигриев С. Логика Гегеля и логика марксизма // Вестн. Ком. акад. 1929. № 35/36.

В. И. Лениным ограниченности анализа гегелевской диалектики в трудах Г. В. Плеханова.

Несомненный интерес для исследования истории диалектики представляли попытки выяснить своеобразие гегелевского диалектического метода. В ряде работ обращалось внимание на то, что метод Гегеля, будучи плодом идеалистической абстракции, спекулятивного конструирования, в то же время несет на себе печать эмпирического происхождения, связи с реальной диалектикой бытия⁵⁴.

В 20-е годы были опубликованы статьи, посвященные анализу отдельных категорий «Логики» Гегеля⁵⁵. Наиболее обстоятельный систематический обзор гегелевской логики был дан во вступительной статье А. Деборина «Гегель и диалектический материализм» к 1-му тому сочинений Гегеля (М., 1929). Особое внимание в ней уделялось гегелевскому учению о противоречии как движущей силе всякого развития.

Характерной чертой анализа гегелевской логики в 20-е годы было преимущественное внимание к вопросу об отражении в ней в мистифицированной форме «объективной диалектики». Проблеме же единства диалектики, логики и теории познания у Гегеля не уделялось необходимого внимания.

В дискуссии конца 20-х — начала 30-х годов о путях развития советской философии вопрос о марксистской оценке Гегеля и его диалектики занял важное место. Были подвергнуты критике как односторонне отрицательное отношение к Гегелю со стороны «механистов», так и ошибки А. Деборина и его сторонников в трактовке гегелевской диалектики.

В 30-е годы продолжалось интенсивное исследование *истории материализма*. Вышло в свет несколько томов собрания сочинений Д. Дидро, «Разоблаченное христианство» и другие антирелигиозные труды П. Гольбаха, «Об уме» и «О человеке» К. Гельвеция, «Избранные сочинения» Д. Пристли, «О природе» Ж. Б. Робине, «Новый Органон» Ф. Бэкона, «Трактат об ощущениях» Э. Б. Кондильяка, ряд произведений Спинозы. Публикуются монография Е. Ситковского о Робине (М., 1936), статьи Б. Быховского о Бэcone, Е. Ситковского о Кондильяке, Л. Ческиса о Гассенди, В. Брушлинского о Робине и др.

Советская историко-философская наука начинает преодолевать в это время существенный недостаток историко-философских исследований предшествующего десятилетия — антиисторическое сближение материалистических учений прошлого

⁵⁴ См.: Асмус В. Ф. Диалектика Гегеля // Очерки истории диалектики в новой философии; Деборин А. М. Гегель и диалектический материализм // Гегель Г. В. Ф. Соч. М., 1929. Т. 1.

⁵⁵ См.: Голицын С. Л. Учение Гегеля о «действительности» // Под знаменем марксизма, 1924. № 1, 3; Дынкин М. А. Учение Гегеля о случайности // Вестн. Ком. акад. 1929. № 34; Брушлинский В. К. О категории меры у Гегеля // Там же. № 35/36.

с диалектическим материализмом. Обозначились, однако, крайности другого порядка. В полемике против неоправданного сближения домарксовских материалистических теорий с марксизмом порой подчеркивались преимущественно слабые стороны этих теорий, их историческая ограниченность; нарушался ленинский принцип оценки мыслителей по тому, что они дали нового по сравнению с их предшественниками⁵⁶.

В 30-е годы история материализма, продолжая оставаться одним из главных направлений исследования, становится частью все более широко развертывающегося изучения истории философии как целостного процесса. Наряду с материалистическими учениями предметом анализа становятся и *идеалистические системы*. Выходят в свет труды Декарта, Лейбница, Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля. Возрастает внимание к античной философии: издаются «Метафизика» и другие произведения Аристотеля, «О природе вещей» Лукреция Кара, «Теэтет» Платона, книга «Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности», выходит в свет книга М. Дынника «Очерк истории философии классической Греции» (М., 1936); воззрения античных философов, в первую очередь Аристотеля, анализируются в ряде работ⁵⁷. В круг изучения вовлекается и философия эпохи Возрождения — об этом свидетельствует издание произведений Джордано Бруно «О причине, начале и едином» (М., 1934), «О бесконечности, вселенной и мирах» (М., 1936) и «Избранных философских сочинений» Николая Кузанского (М., 1937).

Советские философы обращаются и к тому периоду в истории западноевропейской философии, который ранее почти не привлекал их внимания, — ко второй половине XIX в. В 1933 г. вышел сборник статей «Из истории философии XIX века», в котором был подвергнут анализу ряд философских направлений данного периода.

Расширился круг научных исследований и в области *истории диалектики*. Для историко-философской литературы характерно стремление к критическому изложению учения Гегеля во всех его частях. Выходят в свет «Наука логики», «Философия природы», «Философия права», «Философия истории», «Лекции по истории философии», публикуются работы, посвященные гегелевскому учению и его отдельным разделам⁵⁸. Значительное

⁵⁶ См., например: Вандек В., Тимоско С. Очерк философии Спинозы. М., 1932.

⁵⁷ См.: Ваймелль Г. Метафизика Аристотеля // Под знаменем марксизма. 1935. № 6; Серезников, В. Диалектика мира по Аристотелю // Там же. 1936. № 7; Он же. Социально-политическая теория Аристотеля // Там же. № 9; Светлов В. И. Об элементах диалектики в «Метафизике» Аристотеля // Там же. № 5; Дамелия С. И. Философия Сократа. Тифлис, 1936. На груз. яз.

⁵⁸ См.: Митин М. Б. История философии Ф. Гегеля // Под знаменем марксизма. 1935. № 1; Максимов А. А. Философия права Гегеля // Там же. № 3; Он же. «Философия истории» Гегеля // Там же. 1936. № 6; Александров Г. Ф. История философии

внимание начинает уделяться критике неогегельянского истолкования гегелевской философии, широко распространившегося в буржуазной литературе. Движение советской философской мысли к многостороннему, конкретно-историческому анализу учения Гегеля и его исторических судеб отразилось в сборнике статей к столетию со дня смерти великого немецкого мыслителя «Гегель и диалектический материализм» (М., 1932). В статьях В. В. Адоратского («Маркс, Энгельс, Ленин и Гегель»), Ф. А. Горохова («Философско-общественно-исторические взгляды Гегеля и исторический материализм») и других характеризовалось научно-теоретическое и практическое значение материалистической переработки гегелевской диалектики К. Марксом и В. И. Лениным, выяснялось в общих чертах, что взял марксизм у Гегеля, показывалась классовая обусловленность философии великого немецкого мыслителя, подвергалась критике трактовка философии Гегеля в современном неогегельянстве.

В 30-х годах в СССР появились работы, посвященные другим видным представителям диалектики в западноевропейской философии, в частности Лейбницу и Шеллингу⁵⁹. В статье «Диалектический материализм» (БСЭ. 1-е изд. Т. XXII) был дан систематический обзор исторического развития домарксовской диалектики, начиная с античности и кончая классическим немецким идеализмом.

Накопление материала в области исследования различных этапов истории философии позволило советской историко-философской науке вплотную подойти к созданию систематической *марксистской* истории философии.

Отрицательное влияние на историко-философские исследования в первой половине 30-х годов оказало возраставшее односторонне-пигилистическое отношение к работам советских историков философии 20-х годов. Критика ошибок, имевших место в трудах 20-х годов, перерастала в огульное отрицание этих трудов; отбрасывалось и зачеркивалось то, что по праву входило в фонд достижений историко-философской науки. Была нарушена преемственность в историко-философских исследованиях, что в значительной мере затруднило решение многих важных общих и частных проблем истории философии.

Таким образом, основными теоретическими проблемами, которые решались в 20-х и в первой половине 30-х годов, были

фии Гегеля в оценке классиков марксизма-ленинизма // Книга и пролет. революция. 1936. № 3; Вахрадзе К. С. Система и метод в философии Гегеля. Тбилиси, 1936. На груз. яз.

⁵⁹ См.: Максимов А. О натурфилософии Шеллинга // Под знаменем марксизма. 1934. № 6; Выховский Б. Э. О месте Лейбница в истории диалектики // Там же. 1935. № 6; Он же. Идеализм Лейбница // Там же. 1936. № 5. См. также вступительную статью П. Л. Кучерова к «Системе трансцендентального идеализма» Шеллинга (М., 1936).

проблемы, связанные с выяснением классовых основ и социального содержания той или иной философской системы, определением ее места в борьбе двух основных направлений в философии — материализма и идеализма, ее исторических особенностей и ее роли в прогрессивном развитии философского знания. Малоисследованными или даже совсем не затронутыми оказались вопросы, касающиеся ряда общих закономерностей развития домарксистской философии (проблемы научной периодизации истории домарксистской философии, закономерности борьбы материализма и идеализма на разных исторических этапах, национальные особенности развития философской мысли и др.).

Вовлекая в круг научного исследования все более обширный материал по истории западноевропейской философии, а также философии стран Востока, советские исследователи очищали учения мыслителей прошлого от тех искажений, которым они подвергались в буржуазной литературе. Положительное научное значение историко-философских работ наших философов особенно ясно обнаруживалось на фоне усиливавшихся в то время на Западе субъективистских и иррационалистических тенденций в историко-философских исследованиях.

3

В последние предвоенные годы предпринимались попытки *суммарного рассмотрения истории западноевропейской домарксистской философии или отдельных ее этапов*. К ним относятся лекции Л. Ю. Звонова по истории античной философии и философии нового времени (1938) и коллективный труд «Краткий очерк истории философии» (М., 1940)⁶⁰. Эти работы, особенно последняя, имели по преимуществу информативный и популярный характер. Вместе с тем авторы стремились выявить определенные закономерности историко-философского процесса, высказывали отдельные соображения относительно марксистской методологии изучения историко-философского наследия. Подвергались критике принципы буржуазных историков философии, которые «ограничиваются в основном изложением философских систем в хронологической последовательности и поверхностным сравнением их учений»⁶¹.

Значительной работой для своего времени явилась книга Г. Ф. Александрова «Очерк истории новой философии на Западе» (М., 1939), в которой рассматривался обширный материал по истории западноевропейской философии. В некоторых разделах книги шла речь о малоизученных ранее философских систе-

⁶⁰ См.: *Звонов Л. Ю.* Основные моменты развития античной философии: Из истории философии XVII века (Бэкон, Гоббс, Декарт, Спиноза). Л., 1938; *Краткий очерк истории философии*. М., 1940.

⁶¹ *Краткий очерк истории философии*. С. 5.

мах. Так, в главе «Из истории испанской философии» анализировались взгляды прогрессивных испанских философов Л. Вивеса, Х. Уарте и др. Она открывалась обширным методологическим введением, в котором анализировались взгляды классиков марксизма-ленинизма на предмет истории философии, их оценки тех или иных разделов историко-философского наследия. Автор сделал попытку систематизировать некоторые марксистские принципы историко-философского исследования, органически сочетающие партийность и научность в подходе к философским учениям прошлого.

В книге выдвигались три основных критерия марксистского анализа историко-философского материала: 1) социально-классовый; 2) всемирно-исторический, согласно которому то или иное философское учение следует рассматривать в контексте мировой философской мысли; 3) региональный, требовавший «разбирать историю философии в связи с историей всестороннего развития данного народа»⁶². Критерий социально-классового подхода к изучению философской мысли считался главным. Он определял и периодизацию истории философии: «Эпохи в истории философских идей не могут в основном не совпадать с эпохами объективной истории человечества»⁶³. Справедливо подчеркивалась свойственная марксистской историко-философской науке диалектика преемственности, связь марксистской мысли с прогрессивной философской культурой прошлого. Необходимо отметить также исследование М. Гогиберидзе, в котором анализировалось развитие философской мысли от античности до XVIII в.⁶⁴

Названные работы свидетельствовали о возрастающем стремлении советских ученых к *целостному осмыслению историко-философского процесса*. Результатом этих усилий и итогом всей историко-философской науки в нашей стране явился коллективный труд «История философии», подготовленный Институтом философии АН СССР⁶⁵. Хотя издание осталось незаконченным, оно составило значительный этап в развитии советской историко-философской науки.

Это был первый опыт марксистского систематического изложения истории домарксистской философии. Основательно, с привлечением новых фактов излагались материалистические учения, в частности концепции, представляющие материалистическую линию немецкого Просвещения XVIII в. Выделение и система-

⁶² Александров Г. Ф. Очерк истории новой философии на Западе. М., 1939. С. 20.

⁶³ Там же. С. 35.

⁶⁴ См.: Гогиберидзе М. История философии. Тбилиси, 1941. Т. 1. На груз. яз.
⁶⁵ См.: История философии. М., 1940. Т. I; 1941. Т. II; 1943. Т. III/Под ред. Г. Ф. Александрова, Б. Э. Быховского, М. Б. Митина, П. Ф. Юдина. В числе авторов были: Г. Ф. Александров, В. Ф. Асмус, Б. Э. Быховский, М. М. Григорьян, М. А. Дышник, М. Е. Егоров, Л. А. Коган, А. А. Макаровский, Я. А. Мильнер, О. В. Трахтенберг, Б. С. Чернышев и другие советские философы.

тическое проследивание материалистической и диалектической традиций, прогрессивных общественных идей, стремление выявить социальную обусловленность философских построений — всем этим «История философии» в принципе отличалась от буржуазной историко-философской литературы. Вместе с тем авторский коллектив ориентировался на обстоятельный профессиональный анализ философской проблематики (онтологии, гносеологии, логики). В этом плане можно сослаться на главы об Аристотеле, Декарте, французских материалистах XVIII в., И. Канте и др. Издание было с интересом встречено советской философской общественностью. В качестве учебного пособия оно до сих пор пользуется успехом у студенчества.

Однако «История философии» не лишена недостатков. В работе отсутствует методологическое введение, в котором были бы охарактеризованы марксистские принципы историко-философского исследования. Вводные главы, предпосланные основным разделам (философия античного рабовладельческого общества, философия феодального общества и пр.), носят в основном историко-фактологический характер. Краткий очерк соответствующей эпохи, содержащийся в них, сведения по экономике, политической жизни, культуре недостаточно связаны с изложением собственно философского материала.

Некоторые эпохи и философские системы (неоплатонизм, раннехристианские концепции, философия средневековья) освещены фрагментарно. Хотя в ряде случаев авторы стремились наметить связующие моменты между различными философскими построениями и эпохами, общая картина историко-философского процесса осталась еще в значительной мере описательной. Проявилось это не только в том, что аналитические обзоры тех или иных учений прошлого оказались рядоположными, далеко не всегда связанными друг с другом, но и в том, что фиксация социально-классовых и культурно-исторических предпосылок философских систем зачастую имеет внешний характер. Конечно, эти недостатки во многом объяснялись трудностями первого опыта такого рода издания.

Третий том, посвященный в основном немецкой классической философии, был подвергнут критике в партийной печати⁶⁸. Указывалось, что анализ идеалистической диалектики был недостаточно критичным, не подчеркивалось противоречие метода и системы Гегеля, в результате чего не выявлялось коренное различие между гегелевской и марксистской диалектикой. Следует учесть, что третий том вышел в суровые годы войны с германским фашизмом. Законное стремление авторов противопоставить нацизму классическое наследие немецкой культуры привело, однако, к тому, что в глазах читателя отчасти затушевывались

⁶⁸ См.: Большевик, 1944. № 7/8.

отрицательные стороны воззрений немецких философов, их социально-политических взглядов, проявления их националистической ограниченности. Но как раз эти стороны усиленно ретаврировались фашистской идеологией.

Переработка подвергшегося критике третьего тома и продолжение издания «Истории философии» не были, к сожалению, осуществлены. Первые же два тома были удостоены Государственной премии.

Значительным вкладом в изучение античного философского наследия явилась монография А. С. Маковельского «Древнегреческие атомисты» (М., 1946). На обширном материале источников и исследовательской литературы автор дает характеристику Демокрита как первого энциклопедического ума среди греков, анализирует его высказывания по вопросам космологии, физики, психологии, этики и т. д., связанные с ядром его мировоззрения — атомистической концепцией.

В книге Х. Н. Момджяна «Философия Гельвеция» (М., 1955) были исследованы некоторые слабо изученные ранее стороны мировоззрения выдающегося французского мыслителя. Формирование взглядов Гельвеция рассматривалось в связи с развитием естествознания, выявлялось, в частности, влияние Бюффона, Ньютона, Лейбница. Автор вскрывает зачатки диалектики в учении Гельвеция, связь материализма энциклопедистов с утопическим социализмом. Работа Момджяна была с интересом встречена как в нашей стране, так и прогрессивной общественностью во Франции.

В исследовании В. Асмуса «Декарт» (М., 1956) было продолжено изучение советскими философами мировоззрения классика новоевропейского рационализма. Ценность данной работы заключалась не только в содержательном разборе философских взглядов французского мыслителя, но и в подробном рассмотрении социальных и культурных предпосылок его учения, в последовательном проведении автором принципа историзма в оценке картезианства, а также в предпринятой автором попытке проследить влияние картезианства на последующую философскую мысль.

Можно назвать и другие работы, оставившие свой след в советской историко-философской науке тех лет⁶⁷. Несмотря на то что публикация философского наследия тогда сократилась, все же были изданы «Аналитики» Аристотеля (М., 1952), «Опыты» М. Монтеня (М., 1954), «Новая Атлантида» Ф. Бэкона

⁶⁷ См.: Лурье С. Я. Очерки по истории античной науки. М.; Л., 1947; Кессиди Ф. Х. Диалектика и материализм в философии Гераклита Эфесского // Вопр. философии. 1953. № 5; Нарский И. С. Мировоззрение Э. Дембовского. М., 1954; Субботин А. Л. Принципы гносеологии Локка // Вопр. философии. 1955. № 2; Выховский Б. Философия Декарта. М.; Л., 1940; и др.

(М., 1954), сочинения Д. Бруно (М., 1949), Г. Гроция, Р. Декарта (М., 1950), Г. Э. Лессинга, собрание текстов «Материалисты Древней Греции» (М., 1955) и др.

* * * * *

В 50—70-е годы наши философы приступили к более углубленному изучению материалистической традиции в истории западноевропейской философии. Это выразилось не только в движении «вширь», обращении к малоизученным персоналиям⁶⁸, но главным образом в движении «вглубь», детализации и уточнении тех или иных аспектов материалистических учений, в более конкретном рассмотрении проблем⁶⁹.

В 60—70-х годах публикуются монографии, освещающие отдельные *этапы развития материалистической мысли*. К их числу относится книга А. В. Гулыги «Из истории немецкого материализма. Последняя треть XVIII века» (М., 1962). Продолжая исследования 20—30-х годов в этой области (Г. С. Тымянского и др.), автор опровергает мнение буржуазных исследователей о полном господстве идеализма в философии Германии XVIII в., отмечает влияние Спинозизма на немецких мыслителей этой эпохи, как бы перебрасывает мостик между немецкими материалистами-просветителями и Фейербахом. В монографии В. М. Богуславского «У истоков французского материализма и атеизма» (1964) анализ «Опытов» М. Монтеня позволил автору за эзоповой манерой письма выявить подлинные взгляды французского гуманиста, деиста и пантеистического материалиста, предшественника Спинозы. Материалистические тенденции польских просветителей нашли отражение в работе Е. В. Осиповой⁷⁰. Появились также труды, посвященные атеистическому наследию материалистов-просветителей⁷¹.

Несомненный прогресс наблюдается в *изучении идеализма*. Следуя марксистско-ленинской методологии, советские философы стремятся всесторонне и конкретно-исторически охарактеризовать социальные и гносеологические корни идеализма и отдельных его форм.

⁶⁸ См.: *Левин В. Г.* Проблема материи у Теофраста Парацельса // Филос. науки. 1959. № 3; *Горфункель А. Х.* Материализм и богословие в философии Бернардо Телезио // Итальянское Возрождение. М., 1966; и др.

⁶⁹ См.: *Адоян А.* Жизнь и мировоззрение Л. Фейербаха. Ереван, 1959. На арм. яз.; *Заиченко Г. И.* К вопросу о скептицизме в теории познания Д. Локка // Филос. науки. 1959. № 4; *Нарский И. С.* К вопросу об особенностях материализма Локка // Там же. 1958. № 3; *Он же.* Философия Джона Локка. М., 1960; *Быховский Б. Э.* Фейербах. М., 1987; *Асмус В. Ф.* Фрэнсис Бэкон // Асмус В. Ф. Избр. филос. тр. М., 1969. Т. 1; и др.

⁷⁰ См.: *Осипова Е. В.* Философия польского Просвещения. М., 1962.

⁷¹ *Кузнецов В. Н.* Актуальность атеистического наследия французских материалистов. М., 1979; *Ям К. Е.* Жан Мелье и французский атеизм XVIII века. М., 1979.

Углубленный анализ ряда видных представителей идеалистической мысли выявил относительную историческую ценность их учений, их рациональные стороны. Определенные коррективы были внесены, например, в трактовку философии Д. Юма⁷². Вышли в свет обстоятельные труды о Лейбнице, Шеллинге и других мыслителях⁷³. Появилось немало новых работ о Канте (В. Ф. Асмуса, Т. И. Ойзермана, Ю. М. Бородая, П. Д. Шашкевича, А. А. Карапетяна и др.); было издано собрание сочинений великого немецкого философа, снабженное богатым научно-исследовательским и справочным материалом. Вместе с тем советские историки философии последовательно и аргументированно выявляли органические пороки, присущие идеалистическим системам.

Прослеживая борьбу материализма и идеализма в истории философии, современные советские исследователи стремятся выявить специфику ее на каждом историческом этапе, особенности материализма и идеализма в конкретных условиях той или иной эпохи. Речь идет, таким образом, о понимании исторической обусловленности и исторической значимости философских учений в контексте специфической социально-культурной общности.

Применительно к истории античной философской мысли в этой связи характерны работы А. Ф. Лосева, который рассматривает борьбу материализма и идеализма в античности, исходя из специфики античного сознания в целом, мироощущения, своеобразно синтезировавшего реальное и идеальное; объектом античного мироощущения является «материально чувственный и живой космос». В соответствии с модификациями космического принципа (мифологической, натурфилософской, этической, логико-диалектической и пр.) автором осуществляется периодизация этапов античной философской мысли. Специфику последней А. Ф. Лосев усматривает также в ее чувственно-символической основе, сближающей античную философию с эстетикой, что формально выразилось в слабой отчужденности философии от искусства, равно как и от науки, религии, этики и пр. А. Ф. Лосев подвергает острой критике буржуазных авторов, отступающих

⁷² См.: Михаленко Ю. И. Об оценке действительного исторического значения теории причинности Д. Юма // *Вопр. философии*. 1958. № 2; *Он же*. Философия Давида Юма — теоретическая основа английского позитивизма XX века. М., 1967; *Нарский И. С.* Философия Давида Юма. М., 1967. В этих работах, в частности, дан содержательный анализ юмовской теории причинности — центрального звена философии английского мыслителя. Эта теория, согласно авторам, характеризуется метафизическим пониманием причинности и, следовательно, требует теоретического осмысления проблемы.

⁷³ См.: *Погребысский И. В.* Готфрид Вильгельм Лейбниц. 1646—1716. М., 1971; *Нарский И. С.* Готфрид Лейбниц. М., 1972; *Майоров Г. Г.* Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница. М., 1973; *Линьков Е. С.* Диалектика субъекта и объекта в философии Шеллинга. Л., 1973; и др.

от историзма и пытающихся модернизировать античное философское сознание в духе гносеологизма новоевропейской философии.

Например, «эйдосы» Платона, идеальные «порождающие» модели вещей, которые не существуют без своего материального облачения, никоим образом нельзя, по убеждению А. Ф. Лосева, истолковывать в духе гегелевского панлогизма. Точно так же, хотя в греческой философско-исторической мысли можно вычлениить отдельные идеи и категории, получившие затем разработку в новоевропейской философии (различные измерения времени, понятия развития, «вечного становления», «вечного возвращения» и др.), в целом античная социально-философская мысль имеет свою специфику.

Вместе с тем изучение античной философской мысли должно исходить из дифференциации на начинавшие проявляться «линию Демокрита» и «линию Платона»: «их принципиальные тенденции были, безусловно, антагонистическими»⁷⁴.

Стремление к выявлению особенностей античной философии свойственно и другим обобщающим исследованиям в этой области⁷⁵. В монографии А. С. Ахманова «Логическое учение Аристотеля» (1960) рассматривался содержательный, «онтологический» аспект логики Аристотеля в отличие от многочисленных интерпретаций логического учения Стагирита как имеющего только формальный характер. Внимание советских исследователей привлекают проблемы соотношения философии и мифологии, начала философии в Древней Греции⁷⁶.

Одни из работ по истории философии античности посвящены отдельным мыслителям, другие — различным сторонам их учений, тем или иным категориям, третьи — социально-политической мысли античности, этике, эстетике, религии⁷⁷. Большую

⁷⁴ См.: Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1969. С. 137. См. также; Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957; Он же. История античной эстетики: (Ранняя классика). М., 1963; Он же. Античная философия истории. М., 1977. Здесь нет возможности подробно рассматривать концепцию автора, которая еще будет осмысливаться историками философии, корректироваться и пр. Но несомненно, что труды А. Лосева, основанные на громадном материале источников и литературы, представляют значительное явление не только в советской, но и в мировой историко-философской науке.

⁷⁵ См.: Асмус В. Ф. История античной философии. М., 1965; Он же. Древнегреческая философия // Философская энциклопедия. М., 1962. Т. 2; Михайлова Э. Н., Чанышев А. Н. Ионийская философия. М., 1966; Джохадзе Д. В. Основные этапы развития античной философии: К анализу диалектики историко-философского процесса. М., 1977; и др.

⁷⁶ См.: Кессиди Ф. Х. Миф, религия, философия // Вопр. философии. 1960. № 3; Он же. Проблема происхождения греческой философии // Филос. науки. 1968. № 5; Чанышев А. Н. Проблема происхождения философии // Филос. науки. 1965. № 4; и др.

⁷⁷ См.: Шенгулин А. П. Проблема единичного и общего в древнегреческой философии // Учен. зап. Кrasнояр. пед. ин-та. 1958. Т. 12, вып. 1; Шестаков В. П. О характере античного эстетического идеала // Вестн. истории мировой культуры,

ценность представляет трехтомное издание диалогов Платона; изданы сочинения Аристотеля, Секста Эмпирика, Сенеки, Диогена Лаэртского и др.

Меньше сделано пока в области *истории философии средневековья и Возрождения*. Но и здесь наблюдается определенное движение вперед. В работах 60—70-х годов выявляются пантеистический характер материализма и специфика ренессансной трактовки материи и ее форм, прослеживаются материалистические тенденции средневековья и Возрождения в еретических и мистических учениях⁷⁸.

В рассматриваемый период вышел также ряд работ, посвященных отдельным мыслителям средневековья и Возрождения⁷⁹. С 40-х годов регулярно выходит сборник «Средние века», где нередко статьи по истории философии. Изданы произведения Эразма Роттердамского, Ульриха фон Гуттена, Этьена ла Боэси, Мишеля Монтеня и др. Ряд статей, посвященных как отдельным мыслителям, так и целым течениям философии средневековья и Возрождения, опубликован в «Философской энциклопедии».

В последнее десятилетие по проблематике средневековой и ренессансной философской мысли появились труды синтетического характера. Такова монография П. С. Попова и Н. И. Стяжкина, в которой развитие логических идей в эпоху средневековья прослеживается на более широком фоне схоластической гносеологии и онтологии⁸⁰. Значительным событием в советской историко-философской науке явился учебник В. В. Соколова «Средневековая философия» — первое издание такого характера. Автор рассматривает основные этапы эволюции средневековой философской мысли — зарождение и развитие патристики (I—V вв.), возникновение и распространение схоластической философии (VI—XII вв.), эпоху расцвета и кризиса схоластики

1959. № 2; *Нессиди Ф. Х.* Философские и эстетические взгляды Гераклита Эфесского. М., 1965; *Доватур А. И.* Политика и политии Аристотеля. М.; Л., 1965; *Покровская З. А.* Основные понятия этики у Лукреция и Эпикура // *Вестн. древ. истории.* 1966. № 4; *Асмус В. Ф.* Платон. М., 1969; Платон и его эпоха: К 2400-летию со дня рождения. М., 1979; и др.

⁷⁸ См.: *Трахтенберг О. В.* Очерки по истории западноевропейской средневековой философии. М., 1957; *Соколов В. В.* Очерки философии эпохи Возрождения. М., 1962; *Горфункель А. Ф.* Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. М., 1977; *Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. М., 1978.

⁷⁹ См.: *Левен В. Г.* Философские воззрения Себастьяна Франка // *Вопр. философии.* 1958. № 10; *Дынин М. А.* Ванини и падуанский аристотелизм // *Доклады и выступления представителей советской философской науки на XII международном коллоквиуме по культуре Возрождения в Брюсселе.* М., 1963; *Штерн Л.* Николай Кузанский — оригинальный мыслитель XV в. // *Средние века.* 1965. Вып. 28; *Горфункель А. Х.* Бруно. М., 1965; *Он же.* Томмазо Кампанелла. М., 1969.

⁸⁰ См.: *Попов П. С., Стяжкин Н. И.* Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения. М., 1975.

(Фома Аквинский, Сигер Брабантский, Мейстер Экхарт, Уильям Оккам и др.).

В этой работе, помимо широкого историко-фактического материала и высокого профессионального уровня его изложения, привлекает ряд теоретико-методологических достижений. В противовес европоцентристским построениям буржуазных историков философии автор рассматривает наряду с западноевропейской мыслью средневековья философское наследие ближневосточных стран и мусульманской Испании (аль-Фараби, Ибн-Сина, аль-Газали, Ибн-Рушд, Ибн-Гебироль и др.), органически связывая обе философские традиции. В. Соколов последовательно придерживается принципа историзма при изучении наследия прошлого. «Отрицание конфессиональной идеализации средневековой культуры и неотомистского превознесения средневековой католической философии как некоего недостижимого образца философской культуры,— говорится в книге,— отнюдь не должно приводить марксистских философов и тем более историков философии к нигилизму в отношении этого длительного периода философского развития, выработавшего свои весьма значительные достижения, которых никто не вправе игнорировать (в частности, антикреационистские идеи оппозиционной философской мысли средневековья, проблема общего и единичного в борьбе номинализма и реализма, зарождение семиотической проблематики у Оккама и поздних номиналистов, естественнонаучные идеи последних и др.)»⁸¹. Работа В. Соколова в целом безусловно выходит за рамки учебника и представляет собой оригинальное и содержательное исследование. Оно займет достойное место среди других марксистских трудов по данной проблематике — Г. Лея (ГДР), З. Куксевича (ПНР), и др.

Духом историзма проникнуты многие исследования по *философии нового времени*. Детальный анализ учения великого нидерландского мыслителя предпринят в работе И. А. Копикова «Материализм Спинозы» (М., 1971). Рассматривая систему Спинозы как одну из важнейших страниц развития материалистической мысли, отвергая интерпретацию спинозизма как идеализма, распространенную в работах буржуазных исследователей, автор вместе с тем вскрывает противоречивость, антиномичность, пронизывающие все учение Спинозы, его методологию, онтологию и этику.

В другой монографии (автор В. Соколов) в характеристику спинозовского материализма вносятся определенные уточнения: «Следует... говорить не о теологическом привеске... а о *пантеистической форме* спинозовского материализма, которая не была и не могла быть чем-то внешним к своему содержанию, а орга-

⁸¹ Соколов В. В. Средневековая философия: (Учеб. пособие для филос. фак. и отд.-ный ун-тов). М., 1979. С. 439.

нически выражала философскую проблематику той эпохи»⁸². Система взглядов Спинозы рисуется в ее сложности и противоречивости, обусловленной многими социальными и теоретико-идейными факторами.

Исследование Н. В. Мотрошиловой по истории западноевропейской философии XVII—XVIII вв.⁸³ показывает, что мыслители этой эпохи по-своему ставили проблему общественной природы человека и познания. Тем самым были внесены определенные коррективы в понимание так называемой гносеологической робинзонады домарксистской философии нового времени. В книге раскрывается значение борьбы материализма и идеализма, рационализма и эмпиризма в прогрессивном развитии философской мысли. Особо подчеркивается ведущая роль материализма в постановке проблемы социального характера познания.

Можно назвать и другие работы по истории домарксистской философии нового времени⁸⁴, свидетельствующие об углубившемся понимании философской проблематики этой эпохи, борьбы материализма и идеализма.

За последнее время были изданы сочинения Д. Локка, Б. Спинозы, П. Гассенди, П. Бейля, К. Вольнея, П. Гольбаха, И. Г. Гердера, Г. Форстера, Т. Пейна, Ж.-Ж. Руссо, К. А. Гельвеция, Г. В. Ф. Гегеля, Л. Фейербаха, Ж. Ламетри, Д. Беркли и др. с подробными вступительными статьями и комментариями. Опубликованы также собрания произведений английских материалистов в 3-х томах и американских просветителей в 2-х томах.

Шире стал круг изучения в области истории западноевропейской буржуазной философии XIX в. Анализируя генезис и эволюцию позитивистского направления, советские ученые выделяют три исторические формы позитивизма (контизм, эмпириокритицизм, неопозитивизм), раскрывают связь его с развитием естествознания и спекуляцию позитивизма на этом развитии, подвергают критике теоретические установки позитивизма с позиций материалистической диалектики⁸⁵.

Философские идеи немецкого романтизма конца XVIII — начала XIX в. (Фр. Шлегель, Новалис) рассмотрены в обстоятельном исследовании Р. М. Габитовой⁸⁶, в котором прослеживается

⁸² Соколов В. В. Философия Спинозы и современность. М., 1964. С. 383.

⁸³ См.: Мотрошилова Н. В. Познание и общество: Из истории философии XVII—XVIII вв. М., 1969.

⁸⁴ См.: Трахтенберг О. В. Очерки по истории философии и социологии Англии XIX в. М., 1960; Кузнецов В. Н. Вольтер и философия французского Просвещения. М., 1965; и др.

⁸⁵ См.: Нарский И. С. Очерки по истории позитивизма. М., 1960; Лекторский В. А. От позитивизма к неопозитивизму // *Вопр. философии*. 1966. № 9; и др.

⁸⁶ См.: Габитова Р. М. Философия немецкого романтизма. М., 1978.

связь данного течения с классической немецкой философией в целом. В частности, показано, что романтическая философия сыграла определенную роль в формировании диалектического идеализма Гегеля. Вместе с тем философский романтизм выходил за пределы классической немецкой философии, в целом рационалистической по своему характеру, и явился одним из идейных и теоретических источников иррационалистических тенденций в буржуазной философии XIX—XX вв.

В работе К. С. Бакрадзе «Очерки по истории новейшей и современной буржуазной философии» (Тбилиси, 1960) дается обстоятельный критический анализ различных течений немецкой буржуазной философской мысли: вульгарного материализма, имманентной философии, неокантианских школ и пр. Можно назвать также монографию Ю. К. Мельвиля «Чарлз Пирс и прагматизм» (1968). Конструктивная критика гносеологии Пирса с позиций марксистско-ленинской диалектики сочетается с признанием значительных заслуг американского мыслителя в постановке ряда проблем, показан его вклад в математическую логику и семиотику. Вышли в свет работы о предтече экзистенциализма С. Кьеркегоре⁸⁷. В исследованиях, посвященных буржуазной философии предимпериалистической эпохи XIX в., отмечается ее начинавшая проявляться антимарксистская направленность, подвергаются критике реакционные стороны идеалистических систем, с которыми вела борьбу развивавшаяся марксистская мысль.

В целом курс на марксистский историзм в изучении философских учений, освещение борьбы материализма и идеализма на различных этапах философской мысли прошлого свидетельствует о зрелости советской историко-философской науки. Разумеется, здесь еще далеко не все сделано, многое будет в дальнейшем уточняться и корректироваться. Но необходимо отметить само направление исследований, ориентирующееся на осознанно партийное, объективное изучение историко-философского материала.

Стремясь к освоению отдельных этапов развития философского сознания, советские историки философии занимаются и другой, не менее важной задачей — задачей *синтеза историко-философского процесса*. Первое не противоречит второму, а, напротив, является его необходимой предпосылкой. Такой синтез важен для современной марксистской философии в двойном плане. Во-первых, существуют непреходящие, «предельные» проблемы, по необходимости находящиеся в сфере компетенции философии и решаемые по-своему для каждой определенной эпохи. «Мы... вправе называть некоторые основные философские проблемы вечными в том смысле, что они всегда сохраняют свое

⁸⁷ См.: Гайденок П. П. Трагедия эстетизма. М., 1970; и др.

значение для человека, человечества, истории познания»⁸⁸. Таковы проблемы объективной реальности, меры ее познаваемости, субъекта, свободы и необходимости, логики научного познания и пр. Во-вторых, существуют преходящие философские проблемы, имевшие особенно большое значение для своего времени и представляющие для нас исторический интерес. Стало быть, необходимо внимательно изучать интеллектуальное наследие прошлого, отделять в нем «временное» от «вечного». В том и другом случае освоение теоретического опыта прошлого имеет актуальный смысл.

Поиск в области истории проблем становится поэтому все более распространенной формой историко-философских исследований. В книге В. Асмуса «Проблема интуиции в философии и математике» (М., 1963) поднят под определенным проблемным углом зрения обширный теоретический пласт от Декарта до современных теорий интуиции. Проследившая эволюцию различных концепций непосредственного знания, автор убедительно показывает разрыв иррационалистических теорий интуиции новейшей буржуазной философии с традициями ее классических предшественников. За последнее время осуществлен целый ряд подобных изысканий в области истории философии: по проблемам личности, отдельных философских категорий и т. д.⁸⁹

Кроме исследований такого типа, которые можно назвать историко-философскими введениями в проблему, весьма симптоматична другая форма актуализации историко-философского материала, когда последний органически входит в исследование, становится его необходимой составной частью. Так, в монографии П. В. Копнина «Логические основы науки» (М., 1968) историко-логические обзоры (по проблемам понятия и категории, эволюции натурфилософии и философских проблем естествознания, позитивистских концепций логики науки) последовательно подводят к конструктивным соображениям по данным вопросам с марксистских позиций. Можно назвать и другие работы, в которых историко-философская форма несет в себе теоретико-исследовательское содержание⁹⁰. Это намечающееся сближение историко-философского и конкретно-теоретического анализа проблем

⁸⁸ Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. М., 1969. С. 220.

⁸⁹ См.: Богомолов А. С. Идея развития в буржуазной философии. М., 1962; Любутин К. Н. Антропологический принцип в идеалистической немецкой философии XIX—XX вв. // Филос. науки. 1963. № 5; Николаев В. Основные этапы развития категорий созерцания // Вопросы диалектики и логики. Л., 1964; Трофимов П. Проблемы личности и ее воспитания в творчестве английских просветителей // Гармонический человек. М., 1965; и др.

⁹⁰ См.: Ильенков Э. В. Проблема идеала в философии // Вопр. философии. 1962, № 10; Лекторский В. А. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М., 1965; Мамардашвили М. К. Формы и содержания мышления. М., 1968; и др.

означает существенный шаг вперед в развитии советской историко-философской науки.

Интересной формой историко-философских исследований является прослеживание *отдельной философской традиции*, ее исторической трансформации, а также ее связи с современностью. Примером такого рода могут служить коллективные труды о кантовской линии в философии XIX—XX вв. Советские исследователи показали, что судьбы кантовского наследия были двойными: оно творчески развивалось мыслителями, в целом не придерживавшимися системы взглядов Канта, и в то же время кантовские идеи упрощались и обеднялись его эпигонами, лишь по видимости верными продолжателями. Учение Канта содержало в себе элементы материализма наряду с идеалистическими компонентами, и линия собственно кантианства в истории философии означала, как подметил еще В. И. Ленин, «критику Канта справа», очищение его от материалистических элементов. Поэтому лозунг «назад к Канту» означал идейный регресс и одновременно — одно из важнейших средств борьбы буржуазной идеологии против материализма и в особенности против марксизма. Напротив, диалектико-материалистическая философия всегда высоко ценила кантовское наследие и его прогрессивные, плодотворные идеи в области методологии познания, логики, эстетики, этики и т. д.⁹¹

Большой интерес научной общественности и широкого круга читателей вызвал ряд монографических очерков о выдающихся философах, изданных под рубрикой «Мыслители прошлого». Особенно интенсивно издавались эти работы в 70-х годах⁹². Выбранный жанр философского портрета, лаконичный по форме и живой по изложению, явился не только хорошим средством популяризации философских знаний, но имел немалое научное значение для уточнения тех или иных оценок деятельности крупных мыслителей различных исторических эпох.

Большой «сквозной» проблемой по-прежнему остается история диалектики.

С середины 50-х годов вновь возрастает интерес к *немецкой классической философии* — одному из теоретических источников марксизма. Этот интерес был вызван общим оживлением фило-

⁹¹ См.: Философия Канта и современность. М., 1974; Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград, 1977; Кант и кантианцы: Крит. очерки одной философской традиции. М., 1978.

⁹² См.: Горфункель А. Х. Джордано Бруно. М., 1973; Заиченко Г. А. Джон Локк. М., 1973; Нарский И. С. Давид Юм. М., 1973; Быховский Б. Э. Гассенди. М., 1974; Субботин А. Л. Фрэнсис Бэкон. М., 1974; Ляткер Л. А. Декарт. М., 1975; Мееровский Б. В. Гоббе. М., 1975; Он же. Джон Толанд. М., 1979; Кессиди Ф. Х. Сократ. М., 1976; Лазарев В. В. Шеллинг. М., 1976; Нарский И. С. Кант. М., 1976; Бозуславский В. М. Ламетри. М., 1977; Кузнецов В. Н. Франсуа Мари Вольтер. М., 1978; Ночарян М. Т. Поль Гольбах. М., 1978; Курантов А. П., Стяжкин Н. И. Уильям Оккам. М., 1978.

софской мысли в стране, стремлением советских философов к более глубокому освоению философского наследия классиков марксизма-ленинизма с изучением генезиса марксизма⁹³. Именно поэтому историки философии стали больше уделять внимания диалектическим идеям немецкой классической философии, произошла переоценка прежнего негативного к ней отношения, в частности, была пересмотрена характеристика ее общественно-политической направленности⁹⁴. Выходят в свет исследования М. Ф. Овсянникова, Ф. И. Георгиева, В. И. Шинкарука и других авторов, посвященные классикам немецкой философии, в основном Гегелю⁹⁵. Выделяя рациональные элементы диалектики Гегеля, советские ученые выступили против неогегельянского течения современной буржуазной философии (Р. Кронер, Ж. Валь, М. Мерло-Понти и др.) с его иррационалистической интерпретацией гегельянства⁹⁶. Обширная литература появилась на свет в связи с конгрессом Гегелевского философского общества в Москве (1974)⁹⁷.

Исследования 60—70-х годов продолжали традиции в изучении философии Гегеля и истории диалектики в целом. Позитивным итогом в этом плане можно считать более глубокое понимание — в том числе и через историко-философскую призму — субъективной диалектики, диалектики человеческой деятельности. В работах этих лет развитие диалектических идей в западноевропейской философии нового времени прослеживается как ряд попыток преодолеть присущий ей дуализм субъекта и объекта, мышления и бытия, найти «третье общее», их связующее (субстанция Спинозы, субстанция-субъект Гегеля и пр.). Но лишь марксизм, опираясь на предыдущие достижения диалектической мысли, сумел выявить это «третье общее» — практическую деятельность общественного человека. В этом понятии диалектически слиты посюсторонность человеческого познания, отражение им объективной действительности и активность со-

⁹³ В 1956 г. был опубликован сборник «К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений».

⁹⁴ См.: *Ойзерман Т. И.* Немецкая классическая философия — один из источников марксизма // *Коммунист*. 1955. № 2; *Науменко Л. К.* К характеристике социально-политической природы гегелевской философии // *Изв. АН Каз. ССР*. 1959. Сер. экономика, философия и права. Вып. 1 (10); и др.

⁹⁵ См.: *Ойзерман Т. И.* Философия Гегеля. М., 1956; *Он же.* Философия Фихте. М., 1962; *Овсянников М. Ф.* Философия Гегеля. М., 1959; *Георгиев Ф. И.* Противоположность марксистского и гегелевского учения о сознании. М., 1961; *Шинкарук В. И.* Логика, диалектика и теория познания Гегеля. М., 1964; и др.

⁹⁶ См.: *Давыдов Ю. Н.* Борьба вокруг «Феноменологии духа» в современной буржуазной философии // *Вопр. философии*. 1959. № 2; и др.

⁹⁷ См.: Философия Гегеля и современность. М., 1973; Диалектика Гегеля и марксизм: (исторические судьбы философии Гегеля, проблемы ее исследования). М., 1974; К X Международному гегелевскому конгрессу. М., 1974; *Нерсисянц В. С.* Гегелевская философия права: история и современность. М., 1974; Гегель и философия в России. М., 1974; и др.

знания, его критически-революционный характер. Историко-философский анализ помог исследователям в изучении различных аспектов и категорий диалектики деятельности: практики как чувственно-предметной формы деятельности, целеполагания, отчуждения и т. д.⁹⁸

Работы по истории диалектики тесно связаны с актуальными проблемами марксистской диалектической логики. Эволюция диалектических идей в логике рассматривается советскими исследователями в плане становления содержательной логики, ориентировавшейся на познание закономерностей мышления в единстве с познанием закономерностей объекта. В отдельный этап выделяется античность как «первичная философская формация», где категории логики суть одновременно категории бытия в отличие от гносеологизма философии нового времени как «вторичной философской формации»⁹⁹. Применительно к последнему периоду выявляется следующая линия развития проблемы: оппозиция схоластической силлогистике и диалектические догадки Декарта, Лейбница и Спинозы; упорядочение логики Кантом и фиксация им диалектико-антиномической природы «разума»; попытка монистически-идеалистического преодоления кантианства Фихте, Шеллингом и главным образом Гегелем; наконец, диалектико-материалистическое решение вопроса К. Марксом¹⁰⁰. Советские исследователи подчеркивают качественно новый характер марксистского понимания диалектики сравнительно с гегелевским, ибо в философии Гегеля диалектика, в том виде, в каком она развивается им, тесно связана с его идеалистической и антидиалектической по своему существу системой. Поэтому К. Маркс не мог взять гегелевскую диалектику без переработки ее на материалистической основе¹⁰¹.

История диалектики рассматривалась в различных аспектах: с точки зрения проблемы единства диалектики, логики и теории познания, соотношения формальной и диалектической логики, отдельных категорий диалектики¹⁰². Было показано, что диа-

⁹⁸ См.: Ильенков Э. В. Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии // Диалектика — теория познания: Историко-философские очерки. М., 1964; Огурцов А. П. Отчуждение. Практика // Философская энциклопедия. Т. 4; Трубинов Н. Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968; Макаров М. Г. Категория «цель» в домарксистской философии. Л., 1974; и др.

⁹⁹ См.: Науменко Л. К. Монизм как принцип диалектической логики. Алмата, 1968.

¹⁰⁰ См.: Копнин П. В. Диалектика как логика. Киев, 1961; Ильенков Э. В. Предмет логики как науки в новой философии // Вопр. философии. 1965. № 5; 1966. № 6; и др.

¹⁰¹ См.: Бакрадзе К. С. Система и метод в философии Гегеля. Тбилиси, 1958.

¹⁰² См.: Межуев В. М. Основные принципы гегелевской критики формальной логики // Вопр. философии. 1957. № 1; Касымжанов А. Х. К вопросу о соотношении логики, диалектики и теории познания в учении И. Канта // Тр. Ин-та философии и права АН КазССР, 1960, т. 4; Абильдин Ж. А. Гегель о конкретности понятия //

лектика представлена в историко-философском наследии не только в виде отдельной тематики в логике, онтологии и пр., но само движение философской (шире — научной) мысли обладает диалектическим характером, осуществляется через периодическое преодоление антиномий-проблем. Этот важный методологический вывод также можно считать позитивным итогом изысканий в области истории диалектики.

В эпоху античности диалектическое мышление преобладает, оно покоится на интуиции целостности мира, возникающей еще в дофилософский период. Затем, вместе с успехами специально-научного знания, начиная с нового времени, усиливается и метафизическая тенденция как следствие растущей дивергенции различных отраслей знания, в том числе и философского. Но, поскольку по мере приближения к современности противоположность между метафизикой и диалектикой усиливается, постольку усложняется и задача восстановления целостности знания, растет потребность в новом диалектическом синтезе¹⁰³. Отчасти ответом на эти проблемы явилась диалектика Гегеля, а затем — на качественно иной основе — диалектика К. Маркса — Ф. Энгельса — В. И. Ленина. Но потребность в синтезе остается актуальной и сегодня.

Накопленный материал позволил приступить к созданию трудов по систематической марксистской истории диалектики¹⁰⁴. Одно из первых исследований такого рода — «История античной диалектики» (М., 1972). В этом издании на большом фактическом материале были выделены и проанализированы основные типы диалектического мышления в античности — космологическая объективная диалектика (Анаксагор, Эмпедокл, Демокрит, Гераклит), отрицательная (негативная) диалектика (Зенон Элейский), диалектика гипостазированных понятий (Сократ, Платон и др.). Советские авторы подвергли критике современные буржуазные интерпретации античной диалектики.

Диалектическая линия античной философии охарактеризована в данной книге как революционное начало, связанное с прогрессивными тенденциями общественной мысли античности, тогда как общественно-классовая суть линии метафизического

Там же. 1961. № 5; Ильенков Э. В. Понимание абстрактного и конкретного в диалектике и формальной логике // Диалектика и логика. Формы мышления. М., 1962; Ефимов С. Ф. Совпадение логики, диалектики и теории познания в философии Гегеля // Диалектика — теория познания. М., 1964; Огурцов А. П. Категория меры в истории диалектики // Вопр. философии. 1964. № 12; Багичев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М., 1964; и др.

¹⁰³ См.: Методологические проблемы истории философии и общественной мысли. М., 1977. С. 198—199.

¹⁰⁴ См.: Дыбник М. А. Теоретико-познавательная структура истории домарксистской диалектики // Проблемы истории философии и ленинского этапа ее развития. М., 1967.

мышления заключалась «в решении и выполнении консервативных, „охранительных“ задач»¹⁰⁵.

Вместе с тем в работе отмечается, что хотя поляризация диалектики и метафизики объективно существовала в античной мысли, но как таковая, субъективно, она еще четко не осознавалась и принимала различные формы в те или иные периоды. Так, если релятивизм Гераклита заключал в себе ярко выраженные диалектические тенденции, то доведенный до предела крайний релятивизм Кратила и Пиррона приобретает уже метафизический характер.

Советские историки философии рассмотрели также известное ленинское определение античной диалектической мысли, в которой происходило «движение мысли в понятиях»¹⁰⁶. Это особенно относится к третьей форме античной диалектики — диалектике гипостазированных понятий, которая проявилась не только в совершенствовании искусства спора, но и в прогрессе логики исследования как таковой.

Следующей в указанной серии работ выходит «История диалектики XIV—XVIII вв.» (М., 1974). Она явилась по существу первым марксистским исследованием подобного рода. Авторы начинают его с эпохи Возрождения (Николай Кузанский, Якоб Бёме и др.). Далее рассматривается эпоха господства метафизических систем (Ф. Бэкон, Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. В. Лейбниц и др.) и, наконец, диалектические тенденции французских просветителей XVIII в.

Авторы данной работы исходили из того, что, хотя в эпоху XIV—XVIII вв. господствовали в общем и целом метафизические системы, содержащиеся в них диалектические идеи никоим образом нельзя игнорировать. В эпоху Возрождения диалектические идеи существовали в основном в теологической форме, но уже использовались как определенный метод исследования при решении самых различных проблем — собственно философских, естественнонаучных, общественных. Подчеркивалась фактически антиклерикальная и антисхоластическая направленность диалектических идей эпохи Возрождения, а также определенное родство их с античной диалектикой: и здесь, и там стихийная диалектика рассматривала мир как целое.

В XVII—XVIII вв. началось общее преобладание метафизического метода, что было связано с бурным развитием естествознания. Но именно поэтому «метафизический способ мышления как метод эмпирического исследования был совершенно необходимой ступенью развития познания»¹⁰⁷. И в то же время постепенно внутри философских систем нового времени зарождалась

¹⁰⁵ История античной диалектики. М., 1972. С. 306.

¹⁰⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 226.

¹⁰⁷ История диалектики XIV—XVIII вв. М., 1974. С. 19.

оппозиция метафизике, использовавшая диалектические идеи (Монтень, Бейль, Вольтер, Юм). Особенно заметно развитие диалектических тенденций у Дидро и Руссо. Таким образом, происходит как бы отрицание отрицания, возрождение прежних диалектических принципов, но уже во многом опирающихся на достижения науки XVII—XVIII вв., которая сумела дать более сложную, дифференцированную картину мира¹⁰⁸.

Наконец, заключительным трудом в серии работ по истории домарксистской диалектики явилась «История диалектики. Немецкая классическая философия» (М., 1978). В этой работе суммированы высшие достижения домарксистской диалектической мысли, нашедшие отражение в сочинениях Канта, Фихте, Шеллинга и особенно Гегеля.

Эти достижения, как считают авторы, стали теоретическим синтезом трех факторов или трех источников классической немецкой философии, прежде всего объективного социального развития, ознаменовавшего глубокий кризис феодального общества и возникновение капитализма в Западной Европе; прогресса научного познания, все более разрушавшего прежние метафизические представления; и наконец, внутреннего развития философского знания, «все более требовавшего диалектики как метода, который позволил бы не только ответить на назревшие вопросы философии, но и поднять ее в целом до уровня подлинной науки»¹⁰⁹. Ко времени, когда начала развиваться классическая немецкая философия, уже скопились различные альтернативные дилеммы или проблемы (рационализм — эмпиризм, субстанция — субъект, конечное — бесконечное, свобода — необходимость, добро — зло и др.), требовавшие своего диалектического «снятия». Хотя уже у ряда философов метафизического толка можно видеть попытки преодоления данных дилемм, последние именно как диалектические проблемы были впервые и сознательно поставлены Кантом.

Как показано в работе, представители классической немецкой философии решали две главных задачи (вокруг которых концентрировались все остальные): 1) проблему диалектики субъекта и объекта и 2) проблему кантовских антиномий, в результате чего Гегелем был обнаружен триадический ритм структуры развития. В этом русле развивались и все основные идеи классической немецкой философии — принцип целостного воссоздания действительности как противоречивой, но единой системы, идея диалектического отрицания и др.

Плодотворные тенденции классической немецкой философии были развиты на качественно новой, материалистической осно-

¹⁰⁸ См.: Там же. С. 334—335.

¹⁰⁹ История диалектики. Немецкая классическая философия. М., 1978. С. 334—335.

во марксизмом-ленинизмом, утвердившим всеобщий принцип единства диалектики, логики и теории познания, т. е. единства онтологии с непрерывно развивающимся познанием¹¹⁰. Что же касается буржуазной философии XIX—XX вв. (от младогегельянцев до современного неогегельянства, «негативной диалектики» и т. д.), то для нее, как отмечается в книге, становятся характерными спад интереса к диалектической проблематике, растущее ее неприятие, непонимание или искажение.

В целом в рассматриваемый период, причем в основном за последние двадцать лет, советская историко-философская наука в области изучения западноевропейской философии добилась заметных успехов. Основными направлениями оставались история материализма и диалектики. Прогрессировала методологическая культура историко-философских исследований, изучение соответствующего наследия классиков марксизма-ленинизма. Примечательной особенностью явилась также актуализация историко-философского исследования, что выразилось не только во включении последнего в разработку современных проблем диалектического и исторического материализма, но и во внимании советских историков философии к теоретико-идеологической борьбе с современной буржуазной философией.

4

Важным направлением советской историко-философской науки является критика современной буржуазной философии.

Главным объектом критики советских философов стали в 20—30-х годах, т. е. в период между двумя мировыми войнами, *иррационалистические концепции и направления современной буржуазной философии*. На передний план борьбы с буржуазной философией в эти годы выдвинулась защита прав и возможностей научного мышления, интеллекта и рационального познания.

Одной из иррационалистических концепций, подвергнутых критике уже в первые годы Советской власти, была концепция О. Шпенглера. Книга Шпенглера «Закат Европы»¹¹¹, имевшая при своем появлении сенсационный успех, возбудила на Западе широкую полемику, в которую включились и российские идеалисты, что стимулировало необходимость критического анализа шпенглерианства с марксистских позиций.

Политическая и идеологическая обстановка начала 20-х годов обусловила характерные особенности критики шпенглерианства советскими философами. В центре этой критики тогда находились не столько философские основы концепции Шпенглера и его философско-исторические взгляды, сколько социально-

¹¹⁰ История диалектики. Немецкая классическая философия. М., 1978. С. 27.

¹¹¹ Первый том вышел в 1918, второй — в 1922 г.

политический смысл и социально-политическая направленность его воззрений. Советская критика подчеркивала, что у Шпенглера характерная для современной буржуазной философии антирационалистическая тенденция «получает откровенно политическую выразительность»¹¹² и что исторический релятивизм автора «Заката Европы» и связанная с этим релятивизмом идея смертности и преходящей сути всех кумиров западноевропейской культуры — свидетельство глубокого кризиса современной буржуазной мысли¹¹³. Особенно резкой критике была подвергнута шпенглеровская трактовка социализма, эскизно очерченная в первом томе «Заката Европы» и подробно изложенная в брошюре «Пруссачество и социализм» (1920)¹¹⁴.

Советские философы раскрыли националистический и империалистический характер шпенглеровского «подлинного» социализма, прямо противопоставленного марксистскому социализму.

Особое внимание советской критики было обращено на воинствующий шпенглеровский национализм. В понимании Шпенглера социализм вовсе не предполагает уничтожения частной собственности, «социализация» касается не собственности, а проблем управления, и в этом смысле она близка старопрусской идее общественного порядка — стремлению подчинить всю совокупность производительных сил государственному законодательству, тщательно соблюдая при этом права собственности и наследования. Поэтому именно немцы призваны осуществить «подлинный» — авторитарный, антидемократический и антиреволюционный — социализм и идею мировой цивилизации и мирового господства, утверждал Шпенглер. Политический смысл его прорицаний о гибели западноевропейской культуры оборачивался, как показывала советская критика, апологией прусского национализма и милитаризма; в дальнейшем эти идеи оказались во многом близки идеологии немецкого фашизма. Поэтому в 30-е годы имя Шпенглера упоминалось в советской философской литературе главным образом в связи с критикой фашистской идеологии.

Наиболее обстоятельная критика шпенглеровской философии была дана в книге В. Ф. Асмуса «Маркс и буржуазный исто-

¹¹² Баммель Г. Сумерки идеалистической философии // Печать и революция, 1922. Кн. 7. С. 32.

¹¹³ См.: Преображенский П. Освальд Шпенглер и крушение истины // Печать и революция, 1922. Кн. 1.

¹¹⁴ При характеристике философско-исторической концепции О. Шпенглера советская критика обращала внимание, в частности, на близость этой концепции о теории «культурно-исторических типов» Н. Я. Данилевского. См.: Деборин А. Гибель Европы или торжество империализма // Под знаменем марксизма. 1922. № 1. Эта статья вошла также в книгу А. Деборина «Философия и марксизм» (М., 1928; 2-е изд. М.; Л., 1930).

ризм» (М.; Л., 1933)¹¹⁵. По убеждению автора истинный смысл книги Шпенглера «Закат Европы» и ее значение в развитии современной буржуазной философии могут быть раскрыты лишь тогда, «когда от поверхности учения о „культуре“ и „дивинизации“, о морфологическом методе изучения культур и т. д. мы перейдем к логическим и методологическим основам самого метода»¹¹⁶. Поэтому В. Асмус подверг критическому анализу главным образом методологические, гносеологические основания шпенглеровской «морфологии культуры».

Провозглашенная Шпенглером коренная реформа исторического познания предполагала в первую очередь отказ от принципа причинности в исторической науке: каузальному методу исторического познания противопоставлялся «физиогномический», интуитивный метод. Советская критика доказывала, что радикальное изгнание причинности из пределов исторического познания означает фактически отказ от исторического знания как науки. Борьба Шпенглера за специфическую природу исторической науки «на деле оказывается своеобразной формой восстания против науки, притом не против той или иной формы, но против научности вообще»¹¹⁷.

Гносеологическая позиция Шпенглера характеризовалась советским исследователем как абсолютный релятивизм и скептицизм¹¹⁸. Своеобразие шпенглеровского релятивизма — в его социологической мотивировке: его основанием служит не гносеологическая природа человеческого сознания, а признаваемое абсолютным своеобразие каждой исторически существовавшей культуры¹¹⁹. Учение автора «Заката Европы» об абсолютном своеобразии исторических культур насквозь антиинтеллектуалистично, ибо утверждает невозможность для человеческого разума адекватно усвоить интеллектуальную продукцию других эпох¹²⁰. Оно означает вместе с тем отрицание всякой возможности культурной традиции, культурного наследования, культурной преемственности. «Закат Европы» — это «не столько книга философско-исторических прогнозов, сколько манифест современного буржуазного антиинтеллектуализма. Она доводит его

¹¹⁵ См. также: Асмус В. Ф. Философия фашизирующей Германии. Освальд Шпенглер и его философия истории // Социалистическая реконструкция и наука, 1932. Вып. 5—7.

¹¹⁶ Асмус В. Ф. Маркс и буржуазный историзм. М.; Л., 1933. С. 217.

¹¹⁷ Там же. С. 229.

¹¹⁸ См.: Там же. С. 253, 257.

¹¹⁹ См.: Там же. С. 257.

¹²⁰ См.: Там же. С. 258. Отвергнув понятия исторической причинности и закона, Шпенглер был не в состоянии развить свое учение как теоретическую концепцию. Оригинальные, интересные, порой пронизательные и впечатляющие характеристики исторических культур лишены у Шпенглера научной доказательности. По словам В. Асмуса, Шпенглер «не доказывает, а утверждает, не аргументирует, а зачаровывает» (Там же, С. 240).

тенденции до последнего, самого полного, самого широкого, самого всестороннего выражения»¹²¹.

Другой формой иррационализма, подвергнутой критическому рассмотрению советскими философами, было бергсонизм. Центром критики философии А. Бергсона в советской философской литературе того времени стал антиинтеллектуализм французского мыслителя. Советская критика попыталась также объяснить широкую популярность бергсонизма на Западе и его влияние на буржуазную мысль XX столетия¹²².

Главные причины, обусловившие популярность философии Бергсона, как писал, например, В. Асмус, коренятся в том факте, что в ней нашла свое выражение характерная для буржуазной мысли эпохи империализма раздвоенность. С одной стороны, успехи науки и техники и эффективность их практического использования вызывают у буржуазной интеллигенции «почтение» к науке. С другой стороны, продолжающееся углубление противоречий в жизни современного капиталистического общества вынуждает буржуазную интеллигенцию не доверять науке в основном, бояться ее выводов. «Признавая *практическое, техническое* могущество научного знания, современная мыслящая буржуазия глубоко сомневается в *теоретической* силе науки, то есть в способности науки познавать, отображать действительность так, как она есть, в ее объективном бытии, в законах ее развития»¹²³. Это противоречие буржуазной мысли — одновременно и признание науки и отрицание могущества научного познания и его основного орудия — интеллекта — как раз и отражено в философии Бергсона¹²⁴.

Критика иррационалистических, антиинтеллектуалистических оснований бергсонизма дополнилась в 30-е годы критическим рассмотрением его социальной философии, впервые изложенной Бергсоном в книге «Два источника морали и религии» (1932), и его эстетики¹²⁵.

Вскрывались такие реакционные черты социальной философии Бергсона как фактическое оправдание войны, обусловленной якобы самой биологической природой человека, критика демократии, прямая апология религии и мистицизма.

¹²¹ Асмус В. Ф. Там же. С. 216.

¹²² См.: Асмус В. Ф. Адвокат философской интуиции (Бергсон и его критика интеллектуализма) // Под знаменем марксизма. 1926. № 3. Ряд положений этой статьи был развит автором впоследствии в посвященном Бергсону разделе книги «Проблема интуиции в философии и математике» (М., 1963).

¹²³ Под знаменем марксизма. 1926. № 3. С. 54.

¹²⁴ См.: Там же. С. 69—74.

¹²⁵ См.: Герман Л. И. Социальная философия Анри Бергсона // Там же. 1936. № 2/3. С. 93—106. Надо сказать, что советские исследователи справедливо указывали на связь между концепцией Шпенглера и философией Бергсона, хотя сам Шпенглер категорически отрицал такую связь и отзывался о Бергсоне крайне пренебрежительно. Критику эстетики Бергсона см.: Герман Л. И. Интуитивная эстетика Анри Бергсона // Лит. критик, 1935, № 5,

Несовместимость теорий Шпенглера и Бергсона с марксизмом была совершенно ясна советским философам. Более сложным было на первых порах отношение советской философии к фрейдизму.

Уже в начале 20-х годов некоторые передовые ученые (прежде всего К. Н. Корнилов) пришли к убеждению, что для плодотворного развития психологической науки¹²⁶ необходима ее перестройка на основе марксистского мировоззрения и марксистской методологии. Однако правильные пути такой перестройки были найдены советской психологией далеко не сразу, и понски их сопровождалась рядом заблуждений, ошибок, волной увлечения современными зарубежными психологическими учениями, в частности фрейдизмом.

Советские философы, естественно, не могли оставаться в стороне от процессов, происходивших в советской психологической науке. Но и помимо этого существовали причины, возбуждавшие в их среде интерес к учению Фрейда. После первой мировой войны фрейдизм, как известно, приобрел на Западе широкую популярность, причем не только как метод изучения и терапии психоневрозов, но и в качестве своего рода философской теории, применимой к объяснению индивидуальной и социальной психологии, общественной жизни, форм общественного сознания. Все это позволяет понять, почему теория психоанализа оказалась среди буржуазных теорий, подвергнутых рассмотрению в советской философской литературе.

Теория психоанализа импонировала ряду советских философов и психологов прежде всего своей установкой на понимание психических явлений и функций в их детерминации органическими процессами, происходящими в цельном человеческом организме. Эта установка, расхопившаяся с теми концепциями идеалистической психологии, которые в той или иной форме утверждали дуализм «души» и «тела», служила основанием для квалификации учения Фрейда как в основе своей «материалистически-монистического»¹²⁷.

¹²⁶ О развитии советской психологии в 20-е годы см.: История философии в СССР. М., 1985. Т. 5. Кн. 1. Гл. XVII.

¹²⁷ См.: Лурья А. Р. Психоанализ как система монистической психологии // Психология и марксизм. Л., 1925. С. 47—80. При такой трактовке психоанализа не принимался во внимание «антифизиологизм» Фрейда, то есть отказ от исследования физиологических механизмов работы мозга и связи психических явлений с этими механизмами. В 70-е годы такая точка зрения стала рассматриваться как несостоятельная, так как принципиальный антифизиологизм Фрейда является по существу идеалистической методологической установкой и в соединении с историческим идеализмом создателя психоанализа лежит в основе коренных пороков его учения. См.: Бассин Ф., Рожнова В., Рожнова М. Фрейдизм: псевдонаучная трактовка психических явлений // Коммунист. 1972. № 2. С. 94—117. Об «антифизиологизме» Фрейда и роли этой методологической установки в развитии и судьбах фрейдизма см. также: Бассин Ф. Фрейдизм в свете современных научных дискуссий // Вопр. психологии. 1958, № 5, 6.

Другой чертой учения Фрейда, послужившей поводом для сближения его методологических основ с марксистской философией, был динамический подход к психике. Фрейдовская концепция ступенчатой структуры психики и акцентирование конфликтности сознания и бессознательного трактовались как свидетельство диалектического характера теории психоанализа.

Особое внимание советских психологов и философов привлекло понятие бессознательного у Фрейда. Именно в связи с оценкой этого «ядра» фрейдовского учения в советской научной литературе особенно отчетливо выявились тенденции сближить фрейдизм с историческим материализмом. Сферой такого сближения стала трактовка процесса возникновения идеологии. Некоторые советские ученые считали, что в этой области учение Фрейда методологически продолжает и дополняет исторический материализм: если исторический материализм дает возможность объяснить содержание идеологических представлений, то психоанализ раскрывает способ, механизм их образования¹²⁸. Высказывалось также мнение, что, хотя понятие бессознательного у Фрейда узко, антиисторично и лишено историко-материалистического основания, фрейдовские законы душевной жизни являются, в сущности, «индивидуалистически истолкованными законами общественной жизни, установленными Марксом и Энгельсом»¹²⁹. Поскольку фрейдизм «тоже выдвигает те бессознательные функции, которые открыл Маркс»¹³⁰, постольку считалось возможным использовать при объяснении идеологии психоаналитические законы бессознательной душевной жизни, расширив их содержание путем обращения к марксистской теории базиса и надстройки. Встречались и прямые попытки трактовать некоторые идеологические явления в духе фрейдизма: например, религия рассматривалась как социальный невроз (невроз навязчивых состояний)¹³¹.

В середине 20-х годов на страницах советской печати развернулась дискуссия вокруг фрейдизма; в ней приняли участие и ученые из союзных республик. Уже в 1924 г. журнал «Под знаменем марксизма» сопроводил первую публикуемую им статью о фрейдизме¹³² примечанием, в котором говорилось, что редакция «считает одной из очередных задач марксистской философии критику Фрейда и фрейдизма с точки зрения диалектического

¹²⁸ См.: Фридман Б. Д. Основные психологические воззрения Фрейда и теория исторического материализма // Психология и марксизм. М.; Л., 1925.

¹²⁹ Варьяш А. История новой философии. М.; Л., 1926. Т. 1, ч. 1. С. 47. См.: Он же. Фрейдизм и его критика с точки зрения марксизма // Диалектика в природе. Вологда, 1926. С. 28—61.

¹³⁰ Варьяш А. История новой философии. Т. 1, ч. 1. С. 60.

¹³¹ См.: Рейснер М. А. Фрейдизм и буржуазная идеология: [Предисловие] // Виттельс Ф. Фрейд. Его личность, учение и школа. Л., 1925.

¹³² См.: Юринец В. А. Фрейдизм и марксизм // Под знаменем марксизма, 1924, № 8/9.

материализма»¹³³. В дальнейшем теория Фрейда была подвергнута критике в статьях А. М. Деборина, Б. Э. Быховского, Н. А. Карева, Г. К. Баммеля, И. Сапира и др.¹³⁴

На первом плане в то время были критика социологических воззрений Фрейда и доказательство принципиального различия между фрейдистским и марксистским подходами к объяснению социальных явлений. Главные пороки социологии Фрейда справедливо усматривались в биологизации социальных процессов и в неправомерном перенесении на область социальной психологии принципов анализа психологии индивидуальной. Так, показывалась научная несостоятельность фрейдовского объяснения психологии народов и возникновения социально-культурных институтов на основе биологических влечений индивидов¹³⁵. Была доказана и неправомерность попыток использовать принципы и понятия психоанализа для характеристики процесса отражения социально-экономических условий человеческой деятельности в психике¹³⁶.

Однако необходимо отметить, что недостаточная разработанность марксистской методологии того времени в ее конкретном применении к проблемам психологии, с одной стороны, сложность и неоднозначность самих философских оснований фрейдовского учения и еще продолжавшаяся эволюция воззрений Фрейда — с другой, создавали ряд серьезных трудностей для выяснения философской сущности фрейдизма.

Марксистские представления о структуре психики и диалектическом взаимоотношении ее различных сторон были еще совершенно не разработаны. Понятно поэтому, что опровержение взглядов на психоанализ как на диалектическую теорию оказалось одной из наиболее слабых сторон критики фрейдизма в то время. Хотя отмечалось, что провозглашенная фрейдизмом динамичность психики на деле превращается в стабильность бла-

¹³³ Там же. С. 51.

¹³⁴ См.: *Карев Н.* Марксистская критика и критика марксизма // *Большевик*. 1924. № 10; *Он же* — Рец. на кн.: *Психоанализ коммунизма* // *Большевик*. 1924. № 14; *Баммель Г.* Философский метод Ленина и некоторые черты современного ревизионизма // *Воинствующий материалист*. 1925. Кн. 2; *Быховский Б.* Генеономические воззрения Фрейда // *Под знаменем марксизма*. 1926. № 9/10; *Сапир И.* Фрейдизм и марксизм // Там же. № 11. Советские исследователи подвергли критике, в частности, воззрения В. Рейха, уже в 20-е годы называвшего себя «фрейдомарксистом» и приобретшего позднее, в 60—70-х годах, значительную популярность в кругах леворадикального молодежного движения на Западе. Критику взглядов В. Рейха в 20-е годы см.: *Сапир И.* Фрейдизм, социология, психология // *Под знаменем марксизма*. 1929. № 7/ 8. См. также дискуссию по докладу В. Рейха о психоанализе // *Естественнознание и марксизм*. 1929. № 4.

¹³⁵ См.: *Быховский В.* Генеономические воззрения Фрейда.

¹³⁶ См.: *Баммель Г.* Философский метод Ленина...; *Сапир И.* Фрейдизм и марксизм // *Под знаменем марксизма*. 1926. № 11; *Деборин А.* Фрейдизм и социология // *Воинствующий материалист*. 1925. Кн. 4; *Философия и марксизм*. 2-е изд. М.; Л., 1930; *Юринец В.* Фрейдизм и марксизм. С. 53—57; и др.

годаря игнорированию ее социальной обусловленности¹⁸⁷, утверждения о недиалектичности фрейдовской теории оставались еще декларативными.

И все же критика фрейдизма того времени обнаружила полную несостоятельность попыток сблизить учение Фрейда с марксистской философией. Критика эта имела и более широкое методологическое значение: на примере фрейдизма была показана методологическая несовместимость с марксизмом любых форм биологического или биопсихологического подхода к социальным явлениям.

Однако, справедливо отвергнув фрейдизм, советские философы и психологи не смогли отделить несостоятельное решение Фрейдом ряда проблем психики от самих этих проблем, важных безотносительно к фрейдизму. К числу таких проблем принадлежит в первую очередь проблема бессознательного, которая продолжительное время не исследовалась в советской философии и психологии. Между тем изучение с позиций диалектико-материалистической методологии неосознаваемых форм психической деятельности необходимо не только для развития таких наук, как психология, психотерапия и психиатрия, но и имеет важное общемировоззренческое значение¹⁸⁸.

В буржуазной философии того времени интенсивно развивался начавшийся еще в первом десятилетии XX в. процесс «гегелевского ренессанса». Кульминационным пунктом его было начало деятельности гегелевских конгрессов¹⁸⁹ и образование «Гегелевского союза» (1930). В начале 30-х годов *неогегельянство* стало одним из важных объектов марксистской критики буржуазной философии¹⁹⁰. Большое внимание к этому направлению было вызвано в первую очередь близостью некоторых развивающихся в его рамках идей фашизму.

В советской философской литературе отмечалось, что для неогегельянства характерна интерпретация учения Гегеля в духе иррационализма, отражающая общее усиление этого направле-

¹⁸⁷ См.: Сапир И. Фрейдизм и марксизм. С. 80.

¹⁸⁸ См.: Бассин Ф., Рожнов В., Рожнова М. Фрейдизм: псевдонаучная трактовка психических явлений // Коммунист. 1972. № 2.

¹⁸⁹ Первый конгресс состоялся в 1930, второй — в 1931 г.

¹⁹⁰ См.: Звенигородцев Н. Гегель и современные неогегельянцы // Под знаменем марксизма. 1928. № 6; Брушлинский В. Современное гегельянство на Западе // Там же. 1931. № 7/8; Чейшвили А. О 2-м гегелевском конгрессе // Там же. № 9/10; Чернышев Б. С. Современный идеолог фашизма (Джиованни Джентиле) // Там же. № 4/5; Баммель Г. Гегель и современная буржуазная философия // Гегель и диалектический материализм. М., 1932; Дынник М. Неогегельянское обоснование фашизма Р. Кронером // Там же. 1932. № 5/6; Мигин М. Гегель и теория материалистической диалектики. М., 1932; Фурицин М. К физиономии и социальной сущности современного неогегельянства // Вестн. Ком. акад. 1932. № 7/8; Познер В. М. Неогегельянская разновидность социал-фашистской философии. М.; Л., 1933; Аржанов М. Гегельянство на службе германского фашизма, М., 1933; и др.

ния буржуазной философской мысли. Обращаясь к Гегелю в поисках «всеохватывающего», целостного, монистического мировоззрения, неогегельянцы стремились найти синтез «иррационального» и «рационального», опираясь на реакционные, мистические элементы гегелевской философии, абсолютизируя их и, вопреки исторической истине, превращая Гегеля в иррационалиста. Так, например, «актуальный идеализм» Д. Джентиле критиковался как одна из разновидностей иррационалистической трактовки гегелевских воззрений в духе субъективного идеализма и фашистского «активизма»¹⁴¹.

Особое внимание советских философов привлекло отношение неогегельянцев к гегелевской диалектике. Анализ выдвинутых ими концепций диалектики (в частности, «критической» и «трагической» диалектики) не давал ясного и полного представления об этой стороне неогегельянства; главная задача этого анализа состояла в том, чтобы раскрыть противоположность и враждебность марксистской диалектике того истолкования диалектического метода, которое давалось представителями этого направления буржуазной философии. Следует отметить, что советские философы уже тогда выступили против попыток некоторых неогегельянцев (З. Марк) сделать «критическую» диалектику орудием прямой борьбы с диалектическим материализмом, ограничить область диалектики сферой мышления и объявить диалектику несовместимой с материалистической теорией отражения¹⁴².

В работах, направленных против неогегельянства, большое место заняла критика выдвинутых его представителями социальных концепций. В этой области неогегельянство характеризовалось как попытка использовать и поставить на службу современной империалистической буржуазии те идеи и выводы гегелевской философии, в которых наиболее ясно выразилась ее консервативная сторона: идеализацию прусской государственности, уступки милитаризму и национализму и т. д.

Итак, критика неогегельянства, с одной стороны, выявила ряд характерных черт, свойственных как этому направлению буржуазной философии в целом, так и его отдельным представителям, с другой стороны, в ряде работ того времени все неогегельянство рассматривалось как разновидность фашистской идеологии. Иными словами, к критике неогегельянства подходили порой упрощенно, напрямую сближая его с фашизмом. В действительности прямая связь с фашизмом отнюдь не была характерна для всех его представителей (так, после прихода фашизма к власти в Германии многие из них были вынуждены эмигрировать). Германский фашизм, использовавший порой отдельные,

¹⁴¹ См.: Чернышев В. С. Современный идеолог фашизма (Джиованни Джентиле).

¹⁴² См., например: Поэнер В. М. Неогегельянская разновидность социал-фашистской философии. З. Марк и его «критическая диалектика», М.; Л., 1933.

наиболее консервативные гегелевские идеи, соответствующим образом «препарированные», в целом не принимал Гегеля. Фашистские идеологи отвергали «гегелевский ренессанс», считая, что интеллектуализм и диалектика делают Гегеля неприемлемым для «национал-социалистического» мировоззрения.

В сравнении с критикой неогегельянства критика *неокантианства* занимала в советской философской литературе небольшое место¹⁴³. Видимо, это можно объяснить тем, что философская и социальная сущность неокантианства была выяснена марксистской критикой еще в конце XIX — начале XX в.; кроме того, время расцвета и наибольшего влияния этого философского течения было уже позади. Отметим здесь критику взглядов Риккерта, содержащуюся в книге В. Асмуса «Маркс и буржуазный историзм». Анализируя гносеологические основания философии Риккерта и ее социальные корни, автор пришел к выводу, что эта философия представляет собой «одно из крупных звеньев общего антирационалистического движения современной буржуазной философии»¹⁴⁴.

Критика махизма развивалась главным образом в русле анализа современных естественнонаучных концепций и влияния философии Маха на философские воззрения ряда ученых-естествоиспытателей. В проходивших в 20-е годы дискуссиях вокруг теории относительности и квантовой теории это влияние нередко преувеличивалось и распространялось на само содержание естественнонаучных теорий¹⁴⁵.

Внимание советских философов привлекли также некоторые направления, характерные для английской и американской буржуазной философской мысли XX столетия: *прагматизм, неореализм и философия критического реализма*¹⁴⁶. Анализ этих направлений в советской философской литературе имел своей главной задачей раскрытие их идеалистической сущности. Опираясь на критику прагматизма, данную В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме», советские исследователи показывали антиинтеллектуалистские тенденции в прагматизме, особенно ясно выраженные у У. Джемса, и связь этих тенденций с признанием «религиозного опыта» и мистического познания.

¹⁴³ См.: *Танхилевич О.* Философия Германа Когена и его критика марксизма // Под знаменем марксизма. 1930. № 9; *Он же.* Философия Германа Когена // Современная буржуазная философия. Л., 1931; *Ситковский Е. П.* Неокантианство // Из истории философии XIX века. М., 1933; *Асмус В. Ф.* Маркс и буржуазный историзм. М., 1933; *Ильюшин И. М.* Ленинская критика кантианства и неокантианства // Зап. АН БССР. 1936. № 5. На белорус. яз.

¹⁴⁴ *Асмус В. Ф.* Маркс и буржуазный историзм. С. 201.

¹⁴⁵ Такой подход особенно явственно сказался в работах А. К. Тимирязева 20-х годов, посвященных теории относительности и квантовой теории.

¹⁴⁶ См.: *Асмус В. Ф.* Алогизм Уильяма Джемса // Под знаменем марксизма, 1927. № 7/8; *Ширвиндт М.* Американский неореализм // Современная буржуазная философия, Л., 1930; и др.

Попытка дать целостную картину главнейших направлений современной англо-американской философии и показать их связь и взаимоотношения была сделана в книге Д. Ю. Квитко «Очерки современной англо-американской философии» (М., 1936), где на богатом фактическом материале рассматривались абсолютный идеализм, прагматизм, неореализм и критический реализм, показывался идеалистический характер этих направлений и раскрывалась их апологетическая позиция по отношению к капитализму. Книга Д. Квитко была первым в советской философской литературе опытом «регионального» анализа современной буржуазной философии и в качестве такого опыта предваряет дальнейшие работы советских философов в этом направлении.

Добавим, что в 20-е годы советские философы, правда эпизодически, обращались и к критике таких видных представителей буржуазной философии и социологии, как *Э. Гуссерль*, *М. Шелер*, *Э. Дюркгейм*, *Л. Файнштер*¹⁴⁷.

Одним из главных направлений борьбы советских философов против буржуазной идеологии становится критика *фашистской идеологии*, начавшаяся уже в 20-е годы и особенно усилившаяся после прихода фашизма к власти в Германии.

Важнейшую роль в определении задач и содержания этой критики сыграли решения VII Конгресса Коминтерна, ориентировавшие коммунистические партии на борьбу за создание единого рабочего фронта и антифашистского народного фронта, указывавшие на необходимость систематической идеологической борьбы против фашизма, против поднятых им на щит национализма и шовинизма, подчеркивая, что эта борьба должна опираться на революционные традиции прошлого, на прогрессивное наследие национальной духовной культуры.

Советские философы рассматривали идеологию германского фашизма как наиболее реакционную форму идеологии империалистической буржуазии, имеющую своей задачей обоснование внутренней и внешней политики фашистской диктатуры и воспитание массового сознания в духе этой политики. Поскольку идеология фашизма была призвана привлечь на сторону этой диктатуры массы, ее неотъемлемой, характернейшей чертой была демагогия. На это обратил специальное внимание Г. Димитров в докладе на VII Конгрессе Коминтерна¹⁴⁸.

Защита исторических достижений духовного творчества немецкого народа против фашистского извращения истории немец-

¹⁴⁷ См.: *Юринец В.* Эдмунд Гуссерль // Под знаменем марксизма. 1922. № 11/12; 1923. № 4/5; *Ваммель Г.* Макс Шелер, католицизм и рабочее движение // Там же. 1926. № 7/8, 12; *Тележников Ф.* Об одном буржуазном социологическом направлении во Франции: (Социологическое учение Дюркгейма) // Там же. № 4/5; *Спокойный А.* Философия «как будто бы» и как будто бы тоже философия // Современная буржуазная философия; и др.

¹⁴⁸ См.: *Димитров Г.* Наступление фашизма и задача Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. М., 1935. С. 80.

кой культуры, в том числе и философской мысли в Германии, приобретала важное значение в борьбе против фашистской идеологии, которая выступала с претензией на «новизну», демагогически противопоставляя себя буржуазной философии и историографии. Подвергая критике фашистские концепции истории немецкой философии, советские философы показали, что эти концепции насквозь проникнуты шовинизмом, борьбой против рационализма и прогрессивных идей, апологией средневековой мистики¹⁴⁹. Никакой «повой» философии фашизм не создал и не мог создать. Фашистская идеология носила эклектический характер, причем особенность ее эклектизма состояла в том, что он являлся сочетанием исключительно реакционных идей предшествовавшей и современной философии и социологии. Философской базой фашистской идеологии была философия иррационализма. Будучи наиболее откровенной и реакционной формой иррационализма, фашистская идеология прямо противопоставила научному мышлению миф, мифологическое сознание. Иррационалистические концепции, выдвигавшие миф в противовес научному познанию, широко разрабатывались как ближайшими предтечами фашистского мировоззрения (Л. Клагес, Э. Юнгер, А. Меллер ван ден Брук и др.) и его «академическими» представителями (А. Боймлер, Э. Крик и др.), так и самими политическими и идеологическими лидерами фашизма (А. Розенберг). Апология мифологического сознания означала прямое отрицание объективной истины и выражала реакционно-прагматистскую установку фашистской идеологии¹⁵⁰.

Ориентация фашистской идеологии на миф имела совершенно определенный политический смысл и политическое назначение. Эмоциональный характер мифа делал его в руках фашистских идеологов наиболее удобным орудием воздействия на массовое сознание, средством возбуждения активности масс и придания ей направленности, отвечающей целям фашизма. «Мифологизм» фашистской философии носил волюнтаристический характер: главным достоинством мифа считалась его способность направить силу и волю человека к «героическому» действию. На деле за «героической» фразеологией фашистских идеологов скрывалось стремление развязать и поставить на службу фашистской агрессии самые низменные инстинкты и побуждения¹⁵¹.

Советская критика показывала, что иррационализм теснейшим образом сплетался в фашистской идеологии с биологизмом. Их неразрывное единство ясно выразилось в идее «органической целостности». Под этой «целостностью» понималось особое,

¹⁴⁹ См.: *Ваммель Г.* О фашизации истории философии в Германии // *Против фашистского мракобесия и демагогии.* М., 1936. С. 216—264.

¹⁵⁰ См.: *Деборин А.* Идеология фашизма // *Там же.* С. 103.

¹⁵¹ См.: *Каммари М.* Зверство и мракобесие под маской героизма // *Там же.*

мистическое и непостижимое рациональным путем качество таких социальных образований, как нация, народ, государство. В теории и практике фашизма идеалистически трактуемая идея «органической целостности» играла огромную роль: она служила одним из главных оснований фашистской концепции тоталитарного государства и фашистской теории нации¹⁵².

Своеобразным средоточием всех реакционных компонентов фашистской идеологии была расовая теория. В ее основе лежало мистико-биологическое понятие «расовой души» как некоего «первофеномена», воплощающего в себе единство «крови» и «характера». Раса трактовалась как внешняя сторона «души», а «душа» — как внутреннее отражение расы. Понятие «расовой души» связывалось со столь же иррациональным понятием «судьбы расы». Вся история рассматривалась как история разных рас и народов, различных «расовых душ», борющихся друг с другом. Утверждая природное неравенство рас, идею превосходства «северной расы» и предназначенного ей судьбой господства над «неполноценными» расами и народами, расовая теория явственно обнаруживала шовинистический и милитаристский характер идеологии фашизма. Разоблачение антинаучности и агрессивного-шовинистического смысла этой «теории» стало одной из важнейших задач советской философской науки. Советские философы раскрыли антинаучность фашистских представлений о расе, доказывая в особенности полнейшую несостоятельность утверждений фашистских теоретиков о природной биологической и психической неравноценности рас. Разоблачая роль расовой теории фашизма как идеологического орудия подготовки войны, советские исследователи подчеркивали, что острие шовинизма этой теории направлено в первую очередь против Страны Советов¹⁵³.

Вскрывая классовую природу фашизма как крайнего выражения империалистического экспансионизма, советские философы наглядно демонстрировали также и идейное убожество «мыслителей» третьего рейха, антинаучность их расистских концепций и их воинствующее человеконенавистничество¹⁵⁴.

В статьях советских авторов остро звучала тема связи нацистской идеологии и ницшеанства. Подвергая уничтожающей

¹⁵² См.: Деборин А. Идеология фашизма // Там же. С. 103—105.

¹⁵³ См.: Вольфсон С. Расовые «теории» германского фашизма // Там же. С. 143—178; Он же. Расовые теории фашизма и классовая борьба // Под знаменем марксизма. 1934. № 3; Он же. Против расовых теорий. Минск, 1935.

¹⁵⁴ См.: Мигин М. В. «Идеология» фашистского мракобесия // Правда. 1937. 20 янв.; Разумовский И. О «философии» японского фашизма // Под знаменем марксизма. 1937. № 6; Зильберфарб И. Фашизм — враг науки // Там же. 1938. № 5; Кайт Л. Ницшеанство и фашизм // Там же; Плисецкий М. Антропологическое прикрытие фашистского каннибализма // Там же. 1939. № 1; Фашизм — враг культуры, М.; Л., 1941; Выхоский Б. Дипломированные лакеи фашизма: (Фашизм и философия) // Там же. 1941, № 9/10; Он же. Ницше и фашизм // Там же. 1942, № 7; и др.

критике писания идейных прислужников нацизма — В. Шпетмана, Е. Горнефера, А. Боймлера, «фюрера» фашистской философии А. Розенберга и др., соотносивших свои идеи с идеями творца «Заратустры», наши философы метко определяли их взгляды как «ницшеонал-социализм». Одновременно отвергались претензии нацистских теоретиков на преемственность по отношению к наследию немецкой классической философии Фихте и Гегеля.

5

Борьба против фашистской идеологии продолжала оставаться актуальной для марксистов-философов и после войны, так как концепции фашистских идеологов продолжали находить себе приверженцев (об этом свидетельствовали различные проявления неофашизма в Европе и США, возрождение там реваншистской идеологии).

В послевоенный период перед советской философской наукой встали новые задачи по исследованию и критике новейшей и современной буржуазной философии. Стал необходимым критический анализ не только отдельных представителей или течений, но и всей современной буржуазной философской мысли в целом. Одновременно выявилось, что в этой области имеются существенные пробелы. Литература по истории западноевропейской буржуазной философии в основном «доходила» лишь до середины XIX в. Мало было квалифицированных кадров, могущих заниматься новейшими течениями буржуазной философской мысли¹⁵⁵. Кроме того, научные и преподавательские кадры за предшествующие годы «имели мало информации о состоянии философской и социологической мысли за рубежом»¹⁵⁶.

Особое внимание уделялось философским течениям в Англии и США. В критическом анализе *прагматизма* советские авторы отмечали характерные черты данного направления — поиски «третьей линии» в философии, претензии на гносеологический «реализм», иррационалистические элементы. Подвергалась критике прагматистская теория истины, подмена категории истины категорией полезности. Рассматривая социально-философские воззрения лидеров прагматизма, советские исследователи отмечали в целом апологетическое отношение прагматизма к буржуазной действительности — иногда явное (Ф. Шиллер), иногда лишь прикрытое радикалистскими фразами (Д. Дьюи). Как отмечал Г. Ф. Александров, прагматистские мыслители «хотя и много

¹⁵⁵ Характерно, например, что в предвоенные годы в перечне тем, рекомендованных для защиты кандидатских диссертаций, не было ни одной по критике современной буржуазной философии. См.: Под знаменем марксизма. 1939. № 4. С. 180—184.

¹⁵⁶ Александров Г. Ф. О некоторых задачах общественных наук в современных условиях // Большевик. 1945, № 14, С. 23.

говорят по вопросам демократии, политической свободы, однако не являются оптимистами по поводу ее судеб и тем более не являются борцами за упрочение и развитие ее прогрессивных принципов»¹⁵⁷.

В работах, посвященных американскому персонализму (У. Хокинг, Р. Флюэллинг, Э. Брайтмен), показывалось, что это течение «представляет собой попытку связать обычный буржуазный индивидуализм с религиозным мировоззрением, попытку придать буржуазному культу личности своего рода космический характер»¹⁵⁸. Персоналистская трактовка личности и общества, как подчеркивали советские исследователи, объективно означала приглушение реальных социальных конфликтов, растворение их в «проблемах духа».

Советские исследователи обращались к критике неопозитивизма. Так, например, И. С. Нарский показал отличие неопозитивистских школ от предшествовавшего им эмпириокритицизма (в частности, использование неопозитивизмом достижений символической логики), проследил эволюцию неопозитивистской мысли, начиная с «Венского кружка»¹⁵⁹. Он подверг критике методологический формализм неопозитивистов, в частности формализм неопозитивистской теории истины. Наконец, он пришел к выводу, что сциентистская ориентация неопозитивистов отнюдь не представляет серьезной оппозиции иррационалистическим течениям — доказательством тому служат многочисленные позитивные оценки иррационалистических и теологических направлений буржуазной философской мысли, которые давались им в сочинениях неопозитивистов.

Критикуя неоготизм, советские философы отмечали его связь со средневековым обскурантизмом, в конечном счете антинаучную направленность. Обращалось внимание на демагогический характер «критических» заявлений католической философии (Ж. Маритена и др.) против капитализма, угнетения личности. «„Толкуя“ личность как некую вневременную и внепространственную пустую теолого-метафизическую абстракцию, — писал, например, Л. И. Герман, — Маритен тем самым стремится как можно сильнее принизить, умалить и обеднить живую, конкретную человеческую личность»¹⁶⁰.

Особенно большое внимание в советской философской литературе уделялось *социально-философским и социологическим*

¹⁵⁷ Он же. Философские оруженосцы американской реакции // Большевик, 1947, № 11. С. 45.

¹⁵⁸ Мельвилл Ю. К. Философия мистики и реакции // Вопр. философии, 1953, № 4. С. 149.

¹⁵⁹ См.: Нарский И. С. Неопозитивизм — философия субъективного идеализма // Вестн. МГУ. Сер. философия, экономика, 1953, № 11.

¹⁶⁰ Герман Л. И. Философия воинствующего католицизма // Вопр. философии, 1948, № 1, С. 269.

воззрениям буржуазных мыслителей. Отмечалась возросшая активность буржуазной социально-философской мысли и социологии в послевоенные годы. В связи с этим фиксировались такие особенности социально-философской мысли на Западе, как преобладание пессимистических идей и вместе с тем апологетика буржуазной действительности; усиление связи философии с политикой; утрата буржуазными мыслителями концептуального единства в понимании исторического процесса и как следствие — преимущественный интерес к эмпирическим исследованиям в социологии и пр.

Советские авторы подвергали марксистской критике историко-методологический агностицизм буржуазных мыслителей, отрицание ими исторической закономерности, идеи прогресса в развитии человечества. Впервые был предпринят критический анализ концепции крупного буржуазного историка-методолога А. Дж. Тойнби и других циклических теорий исторического процесса (Ж. Пирэнна, П. Сорокина)¹⁶¹. Наши философы активно выступали против *мальтузианских* и *расистских* концепций буржуазной философской мысли (например, Я. Х. Смэтса). В работах послевоенных лет был дан критический анализ ставшей затем распространенной «теории менеджеризма» как апологии «нового среднего класса», различных форм апологетики современного капитализма (миф о «народном капитализме», теория «классового мира», к которой был причастен американский персоналист У. Хокинг и др.)¹⁶². Как апологетические оценивались, в частности, взгляды некоторых представителей общей семантики (Ст. Чейза и др.), пытавшихся отрицать научность таких понятий, как «классовая борьба», «социализм» и др. Верно были подмечены черты элитизма и антидемократизма в концепциях Дж. Сантаяны, Б. Кроче и других буржуазных философов.

В трудах советских авторов фиксировались и общие черты современной буржуазной философии — ее попытки спекуляции на новейших достижениях естествознания, усиление влияния религиозно-философских направлений.

Отметим также выступления советских философов против идеи *космополитизма*, проповедуемой некоторыми мыслителями Запада в первое послевоенное десятилетие (проект Соединенных штатов Европы, «всемирного правительства» и др.). На деле космополитизм отвечал интересам американского капитала, бывшего в то время полным хозяином в европейских буржуазных

¹⁶¹ См.: Францев Ю. Буржуазная социология на службе реакции // *Большевик*, 1946. № 23/24.

¹⁶² См.: Кузьминов И. Мистер Джонстон в роли проповедника «народного капитализма» // *Большевик*, 1946. № 21; Он же. О капитализме «абсолютном» и капитализме «ограниченном» // Там же, 1947. № 3; Осипов А. Теория «регулируемого капитализма» — прикрытие господства монополий // Там же, 1952. № 12; и др.

государствах, и был «заострен» против вставших на путь социалистического строительства восточноевропейских стран.

Советские исследователи давали отпор различного рода *фальсификациям марксизма-ленинизма со стороны буржуазных авторов*. Острую и аргументированную критику в нашей научной печати встретила книга Г. Веттера «Диалектический материализм» (Вена, 1952). Было убедительно показано, что Веттер извратил историю марксизма, утверждая, что основой теории Маркса — Энгельса явился будто бы позитивизм. Аналогичным образом разоблачался поднятый Веттером на щит затасканный тезис о ленинизме как сугубо национальном явлении. Было указано также на многочисленные искажения в названной книге теории диалектического материализма, на противоречия и передержки в рассуждениях ее автора¹⁶³.

Советские философы стремились одновременно поддерживать критику буржуазных философских концепций философами-коммунистами на Западе¹⁶⁴, а также прогрессивными зарубежными философами и учеными (Д. Бернал, Б. Данэм и др.). Они отмечали материалистические тенденции в трудах некоторых буржуазных философов, например у американского «критического реалиста» Р. Селларса.

Позднее в советской научной печати отмечалось, что в рассматриваемый период «критика современной буржуазной философии хотя и велась в целом с правильных партийных позиций, но не всегда была достаточно глубокой и убедительной; часто она сводилась к тем или иным „ярлыкам“, нацепленным на критикуемого философа, и к общим оценкам всех направлений современной буржуазной философии как философии реакции и упадка... без обстоятельного опровержения всей системы взглядов буржуазных философов, а также тех новых доводов, которые они выдвигали для обоснования иррационализма, идеализма, религии и т. д. Упор в критике делался не столько на ее аргументированность, сколько на остроту тона»¹⁶⁵.

* * * * *

Со второй половины 50-х годов положение в сфере критики современной буржуазной философии существенно меняется. Советские философы развернули интенсивную исследовательскую работу по изучению и критике многочисленных направлений современной буржуазной философии и их отдельных представи-

¹⁶³ См.: *Материалист. Отец-иезуит в роли критика диалектического материализма* // *Вопр. философии*. 1952. № 6.

¹⁶⁴ См.: *Егерман Э. Я. Борьба итальянских коммунистов с реакционной философией Кроче* // *Вопр. философии*. 1951. № 2; *Сульженко Г. Д. Борьба французских коммунистов против реакционной философии экзистенциализма* // *Вопр. философии*. 1952. № 2; и др.

¹⁶⁵ *Филос. науки*. 1963. № 6. С. 119.

телей. Наша философская литература того времени по широте охвата проблематики и профессиональному уровню значительно превосходила то, что было сделано по данной тематике в предшествующие периоды. Кроме того, были организованы научные семинары, конференции и симпозиумы, на которых обсуждались вопросы, связанные с изучением и критикой буржуазной философии¹⁶⁶. Были приняты меры по подготовке квалифицированных кадров: введен специальный курс в систему философского образования, значительно увеличилось число диссертационных работ по этой тематике.

Намного возрастает информированность советских специалистов о положении дел в современной философии на Западе. В научной печати начинают систематически публиковаться рецензии и обзоры выходящей зарубежной философской литературы. Выходят в свет произведения многих видных представителей современной буржуазной философской мысли. Среди них — «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна, «Философия науки» Ф. Франка, «Современные теории познания» Т. И. Хилла, «Введение в логику и методологию дедуктивных наук» А. Тарского, труды Б. Рассела «Человеческое познание, его сфера и границы» и «История западной философии», работы Р. Карнапа, А. Айера, Г. Рейхенбаха, В. Гейзенберга, Ж.-П. Сартра, П. Тейяра де Шардена, А. Швейцера и других.

В 1957 г. Институт философии АН СССР вступил в число членов Международной федерации философских обществ, а в следующем году советская делегация (М. Б. Митин, М. Т. Иовчук, Б. М. Кедров, П. В. Копнин, П. И. Валескали и др.) приняла участие в работе XII Международного философского конгресса в Италии. Уже первый мировой форум философов с участием советских представителей, а также философов из других стран социализма обнаружил большой интерес прогрессивной философской общественности за рубежом к марксистско-ленинской философии. «Последовательная защита положений диалектического материализма, четкое и ясное решение поставленных вопросов, убедительность аргументации, основанной на прочном фундаменте научного знания... — все это выгодно отличало выступления философов-марксистов и способствовало увеличению авторитета научной материалистической философии»¹⁶⁷.

¹⁶⁶ См.: Критика буржуазной и реформистской философии и социологии: Указ, лит. 1956—1965 гг. М., 1967.

¹⁶⁷ Юлина Н. С., Михаленко Ю. П., Садовский В. И. Некоторые проблемы современной философии: Крит. обзор материалов XII Международного философского конгр. Венеция, 1958. М., 1960. С. 179. См. также: Доклады и выступления представителей советской философской науки на XII Международном философском конгрессе. М., 1958; *Иовчук М. Т.* Марксистская философская мысль на XII Международном философском конгрессе и ее критика // Филос. науки, 1959. № 2; и др.

С конца 50-х годов для советских философов характерно пристальное внимание к методологическим проблемам изучения и критики современной буржуазной философии. Заново осваивается соответствующее наследие классиков марксизма-ленинизма, особенно ленинские работы по критике новейшей буржуазной философии. Проходят обсуждения и дискуссии. В конце 50-х — начале 60-х годов на страницах журналов «Вопросы философии», «Философские науки» и других изданий появляются статьи и отдельные работы по методологии исследования современной буржуазной философии¹⁶⁸. Растет идейный и научный потенциал марксистской критики современной буржуазной философской мысли, знание философиями-марксистами своих идейных противников, их умение творчески применять марксистский диалектический метод в идеологической и теоретико-философской борьбе.

Это хорошо показывают, в частности, расширяющиеся международные контакты советских философов. Советские ученые принимают участие в международной встрече философов в Стенфорде (США), XIII Международном конгрессе в Мехико (1963) и других международных встречах¹⁶⁹. Особенно значительным было представительство советской философской науки на XIV Международном конгрессе в Вене (1968). Делегаты из Советского Союза выступили на конгрессе с основными докладами на всех заседаниях, принимали активное участие в работе различных секций и коллоквиумов, не говоря уж о многочисленных выступлениях в дискуссиях. Примечательно, что одной из центральных проблем на конгрессе стала тема «Маркс, философия, современность», в ходе обсуждения которой советские участники убедительно защищали марксистские позиции от нападок различного рода «марксологов» и «советологов»¹⁷⁰. Принципиальный идейный диалог с представителями буржуазной философской мысли вели советские философы (в союзе с философиями-марк-

¹⁶⁸ См.: Нарский И. С., Скворцов Л. В. Актуальные проблемы критики современной буржуазной философии: К итогам дискуссии // Филос. науки. 1963. № 6; Ойзерман Т. И. Основной философский вопрос и критика современного идеализма // Вopr. философии. 1960. № 8; Курсанов Г. А. О кризисе буржуазного философского мировоззрения в современную эпоху // Человек и эпоха. М., 1964; Богомолов А. С., Мельвилъ Ю. К., Нарский И. С. О некоторых особенностях критического анализа современной буржуазной философии // Вopr. философии. 1967. № 9; Философия в современной борьбе идей // Там же. 1968. № 7; и др.

¹⁶⁹ См.: Омеляновский М. Э. О международном философском конгрессе в Стенфорде // Вopr. философии. 1961. № 1; Федосеев П. Н. Торжество материализма и упадок буржуазной философии // Коммунист. 1963. № 16; Мигин М. Б. Философский конгресс в Мексике // Вестн. АН СССР. 1964. № 1; Человек и эпоха. М., 1964; Мигин М. Б., Омеляновский М. Э. Философский симпозиум в США // Вopr. философии. 1964. № 5; и др.

¹⁷⁰ См.: Вopr. философии. 1969, № 1, С. 130—145; Философия и современность, М., 1971; и др.

систами из социалистических стран) и на международных философских конгрессах в Варне (1973) и Дюссельдорфе (1978).

Одновременно идет интенсивное изучение и критическое осмысление конкретных направлений современной буржуазной философии и их наиболее видных представителей. К концу 50-х годов уже выходят первые серьезные монографические исследования различных новейших течений буржуазной философии — неопозитивизма, ницшеанства, неотомизма, философии общей семантики и др.¹⁷¹

Вместе с тем советские ученые предпринимают первые попытки синтетического освещения современной буржуазной философии, ведущих ее тенденций. В 1957 г. выходит коллективный сборник «Современный субъективный идеализм», в котором анализируются прагматизм, неопозитивизм, семантическая философия и другие субъективно-идеалистические течения философии Запада. Краткие обобщающие очерки современной буржуазной философской мысли вводятся в учебную литературу¹⁷².

Поскольку предметом пристального внимания наших философов явились методологические проблемы критики современной буржуазной философии, постольку в их работах был сформулирован целый ряд положений общеметодологического характера. Принципиально важным был тезис, сформулированный Л. В. Скворцовым, И. С. Нарским, А. С. Богомоловым и др., о соотношении диалектико-материалистической и буржуазной философии на современном этапе: если раньше марксизм удерживал «рациональные зерна» классического философского наследия (французских просветителей, Гегеля, Фейербаха), то ныне марксистско-ленинская философия имеет возможность развиваться на собственной теоретической основе. Однако это не исключает, а предполагает учет и разработку конкретных реальных проблем, содержащихся в трудах буржуазных мыслителей, а также отдельных правомерных догадок относительно их решения.

Далее говорилось о необходимости сочетать при критическом рассмотрении современных буржуазных философских учений социально-классовый и философско-теоретический анализ, поскольку философия является относительно самостоятельной сферой общественного сознания и нельзя «сводить каждую излучину философской мысли к ее социально-экономическому и классово-

¹⁷¹ См.: Ойзерман Т. И. Неотомизм — философия современной реакционной буржуазии. М., 1958; Одуев С. Ф. Реакционная сущность ницшеанства. М., 1959; Бругян Г. А. Теория познания общей семантики. Ереван, 1959; Беглашвили А. Ф. Метод анализа в современной буржуазной философии. Тбилиси, 1960; Нарский И. С. Очерки по истории позитивизма. М., 1960; Он же. Современный позитивизм. М., 1961; и др.

¹⁷² См.: Диалектический материализм: Учеб. пособие для студентов. М., 1960. С. 97—114; Краткий очерк истории философии. М., 1960, С. 773—779; Диалектический материализм, М., 1962, С. 415—470.

идеологическому эквиваленту»¹⁷³. Так, в работе Л. В. Скворцова «Обретает ли метафизика „второе дыхание“?» на большом фактическом материале обоснован тезис об относительном регрессе методологической культуры буржуазных историков философии после Гегеля. Не сумев оценить сильные стороны гегелевской историко-философской концепции (принцип единства теоретического развития и поиск истины в историко-философском процессе), западные специалисты ограничивались лишь констатацией ее слабостей (априоризм, догматизм). В итоге буржуазные методологи (Э. Целлер, Р. Герберц, М. Гюрульт, П. Крестеллер, Д. Рэнделл и др.) предлагали в основном лишь псевдорешения историко-философских проблем¹⁷⁴.

Советские исследователи подвергли также убедительной критике распространенную среди буржуазных ученых Запада так называемую философию истории философии (М. Геру, А. Гуйе, Ф. Бруннер и др.). В этой концепции отрицается единство историко-философского процесса, равно как и возможность научной философии вообще, игнорируется какое-либо развитие в истории философских идей. Советские историки философии аргументированно доказали несостоятельность концепции «радикального идеализма», которая абсолютизирует качественное различие между историко-философским процессом и развитием наук (точно так же, как между философией и наукой в целом). В результате история философии превращается в ряд отдельных монологов тех или иных мыслителей, не связанных между собой ни преемственностью идей, ни последовательностью постановок проблем и попыток их решений. В конечном итоге история философии попросту теряет свой смысл как наука и превращается в простое описание¹⁷⁵.

Обращалось внимание на то, что марксистский критический анализ современной буржуазной философии требует диалектического, дифференцированного подхода, учета противоречивых тенденций эволюции буржуазной философской мысли. Например, плюрализм направлений в современной буржуазной философии связан не только с кризисными явлениями идейного порядка, но и с растущей специализацией теоретического знания, обусловленной ходом научно-технической революции; тенденции спекулятивно-гносеологического агностицизма сочетаются с позитивной разработкой конкретных проблем и пр.

Советские философы подчеркивали высокие идейные и профессиональные требования, которым должна удовлетворять марксистско-ленинская критика современной буржуазной философии.

¹⁷³ Богомолов А. С., Мельвилль Ю. К., Нарский И. С. О некоторых особенностях... С. 121.

¹⁷⁴ См.: Скворцов Л. В. Обретает ли метафизика «второе дыхание»? М., 1967.

¹⁷⁵ См.: Ойзерман Т. И. Диалектический материализм и история философии. М., 1979.

«„Защитник марксизма“, „критики буржуазной философии“ — не профессия, не пост, не свидетельство особой эмоционально-психологической агрессивности. Для этого прежде всего нужна научная компетентность и философская культура, способность создавать работы, проникнутые духом воинствующей партийности и глубокой научности»¹⁷⁶.

Разработка методологических предпосылок, принципов и целей марксистского критического анализа современной буржуазной философии явилась важной задачей советской философской науки. Что же касается их реализации в конкретных исследованиях, то внутри рассматриваемого периода можно выделить два этапа.

На первом из них (с конца 50-х и примерно до середины 60-х годов) идет по преимуществу освоение данной проблематики «вширь», изучаются отдельные течения современной буржуазной философии и воззрения их наиболее видных представителей, разрабатываются схемы концептуальной критики этих направлений. Серьезным вкладом в историко-философскую науку явились вышедшие в эти годы труды Т. И. Ойзермана о неотомизме, И. С. Нарского о неопозитивизме; работы А. С. Богомолова, где впервые были обстоятельно проанализированы английский «абсолютный идеализм», американский персонализм, «реалистические» направления; монографии С. Ф. Одуева о ницшеанстве, Г. А. Курсанова о прагматизме, Г. А. Брутяна о теории познания общей семантики и др.

В этот период советские исследователи предпринимают также попытки комплексного рассмотрения современной буржуазной философии — как в плане группировки тех или иных направлений или стран, так и в виде очерков общей картины новейшей буржуазной философии. Назовем наряду с уже упоминавшейся работой «Современный субъективный идеализм», где анализировались прагматизм, неопозитивистские школы, общая семантика и экзистенциализм, также сборник «Современный объективный идеализм» (М., 1964), где подвергались критическому разбору неогегельянство, персонализм, неотомизм, «реалистические» направления. Уже из названий этих трудов явствует, что в их основу положен классификационный принцип. Тогда же появились и первые монографические работы обобщающего характера¹⁷⁷.

Большой сводной работой по данной проблематике явился коллективный труд «Современная философия и социология в странах Западной Европы и Америки» (1964), созданный Институтом философии АН СССР в содружестве с учеными высших

¹⁷⁶ Митрохин Л. Н. Заметки о философском конгрессе // *Вопр. философии*. 1969. № 1. С. 142.

¹⁷⁷ См., например: *Мшвениерадзе В. В. Основные течения современной буржуазной философии: Крит. очерк*. Киев, 1961.

учебных заведений страны, а также философами-марксистами за рубежом. В сборнике помещен ряд «страноведческих» очерков, в которых рассматривалась философско-социологическая мысль не только в ведущих капиталистических странах, но и таких, как Австрия, Бельгия, Швейцария, Греция, Испания, Швеция, Канада и др. Достоинством работы было систематическое освещение деятельности философов-марксистов в этих странах, их борьбы с буржуазными философскими теориями.

Вместе с тем достигнутый уровень исследований в области критики современной буржуазной философии не во всем удовлетворял советских философов. Об этом свидетельствовали оценки выходящей литературы в печати, ее обсуждения в среде научной общественности. Рецензенты отмечали в ряде случаев недостаточный профессионализм критики, рецидивы упрощенного понимания проблематики буржуазной философской мысли. Еще более обращалось внимание на неполноту синтеза, обобщающих характеристик современной буржуазной философии в целом. Критика и самокритика явились важным стимулом дальнейшего повышения уровня анализа современной буржуазной философской мысли в советской философской литературе.

* * * * *

Не случайно последующий период (примерно с середины 60-х годов до настоящего времени) можно охарактеризовать как особенно плодотворный. За эти годы были опубликованы чрезвычайно содержательные работы, освещающие ведущие направления современной буржуазной философии, основные периоды и проблемы ее развития. Появляется первый цельный марксистский учебник «Современная буржуазная философия», выпущенный учеными МГУ совместно с исследователями из других научных учреждений¹⁷⁸, а вслед за ним и другие работы обобщающего характера. Дополнив марксистский критический анализ основных течений современной буржуазной философии, начатый в трудах предшествующих лет, работы советских философов немало дали и для создания общей марксистской концепции современной буржуазной философской мысли.

Это касается прежде всего разработки самого понятия «*современная буржуазная философия*», определения его основных *качественно-теоретических характеристик и временных рамок эволюции*. Развернутая периодизация современной или новейшей

¹⁷⁸ См.: Современная буржуазная философия/Под ред. А. С. Богомолова, Ю. К. Мельвиля, И. С. Нарского. М., 1972. В авторской работе приняли участие В. Ф. Асмус, А. С. Богомолов, Г. А. Брутян, Б. Э. Быховский, П. П. Гайденко, В. А. Лекторский, Ю. К. Мельвиль, Н. В. Мотрошилова, И. С. Нарский, В. М. Пасяна. Вышел также подготовленный коллективом грузинских авторов (под руководством Г. Тевзадзе) учебник «Буржуазная философия XX в.» (Тбилиси, 1970).

буржуазной философии дана, например, в учебнике «Современная буржуазная философия»¹⁷⁹.

Понятие же «современная буржуазная философия» получает в трудах советских исследователей (Т. И. Ойзермана, А. С. Богомолова, В. В. Мшвениерадзе, М. К. Мамардашвили, Б. Т. Григоряна, Э. Ю. Соловьева, В. С. Швырева, Н. С. Юлиной, Т. А. Кузьминой, В. Н. Кузнецова и др.) содержательное определение путем сравнения с классической буржуазной философией нового времени¹⁸⁰.

Глубокие кризисные явления в современной буржуазной философии выражаются в различных, порой противоречивых тенденциях и проявляются по-разному в различные исторические периоды.

Применительно к новейшей буржуазной философской мысли в эпоху после первой мировой войны советские исследователи выделяют два этапа ее развития. В первый из них (примерно до середины 60-х годов) основные направления буржуазной философии сосредоточивались в «большой тройке» (экзистенциализм, неопозитивизм, неотомизм) с примыкавшими к ней прагматизмом и персонализмом. На последующем этапе, который продолжается до наших дней, «большая тройка» утрачивает свое былое значение и уступает место другим течениям буржуазной мысли — философской антропологии, лингвистической философии, структурализму, постпозитивистской «философии науки», герменевтике, Франкфуртской школе и др.¹⁸¹

Однако, несмотря на различия, и порой немалые, тех или иных направлений современной буржуазной философии, им присуще и определенное единство. Ибо в системе буржуазной философской мысли XX в. «даже системы, выступающие как взаимоисключающие противоположности (разумеется, в рамках идеалистического мировоззрения) не являются, строго говоря, сущностными противоположностями»¹⁸². Их объединяет как общая идеалистическая направленность, так и буржуазный характер их внутренних идеологических установок. В мозаике современных буржуазных философских течений центробежные тенденции дополняются (или «умеряются») центростремительными; и потому

¹⁷⁹ См.: Современная буржуазная философия. С. 3—9.

¹⁸⁰ См.: Мамардашвили М. К., Соловьев Ю. Э., Швырев В. С. Классическая и современная буржуазная философия: Ст. 1-я // *Вопр. философии*. 1970. № 10; Ст. 2-я // *Вопр. философии*. 1971. № 4; Юлина Н. С. Кризис идеи деидеологизации философии // *Вопр. философии*. 1967. № 3; Кузьмина Т. А. Проблема соотношения философии и обыденного сознания в истории философии // *Вопр. философии*. 1970. № 10; и др.

¹⁸¹ См.: Кузнецов В. Н. Основные тенденции кризиса современной буржуазной философии. М., 1978. С. 23.

¹⁸² Ойзерман Т. И. К критике феноменологической философии // *Вопр. философии*. 1975. № 12.

после демаркации тех или иных философских течений в середине 60-х годов в системе современной буржуазной философии начался заметный интеграционный процесс.

Данной тенденции к интеграции различных течений современной буржуазной философии «весьма способствовал тот факт, что сами эти течения претерпевали определенную трансформацию, в ходе которой они порождали целый ряд ответвлений, вплотную сближавшихся между собой»¹⁸³. Так, философия языка «позднего» М. Хайдеггера в некоторых своих аспектах весьма сходна с построениями лингвистической философии. Герменевтика (Г.-Г. Гадамер, П. Рикёр и др.), берущая начало от «философии жизни» В. Дильтея, ныне смыкается с феноменологией и экзистенциализмом. Точно так же после II Ватиканского собора большинство католических философских центров высказывались за альянс религиозной мысли с максимально широким числом современных течений светской философской мысли, явившись застрельщиками своеобразного «экуменического» движения в современной буржуазной философии.

Но даже и различия тех или иных направлений не мешали им сосуществовать в духе своеобразного принципа «дополнительности» буржуазных философских учений: одно учение брало на себя по преимуществу науковедческие проблемы, другое — проблемы личности, третье — проблемы веры и т. д. Но объединялись они естественным образом — в рамках общего буржуазного идеологического сознания, а также на почве совместной борьбы с марксизмом, в котором они единодушно признавали своего основного идейного противника.

Кроме вычленения различных этапов эволюции и различных направлений современной буржуазной философии, советские исследователи обозначают и ее основные, наиболее типовые *мировоззренческие ориентации*. В качестве таковых авторы коллективного труда «Буржуазная философия XX века» выделяют *сциентизм и антропологизм*. Вдоль этих «силовых» линий располагаются по преимуществу те или иные школы и школки буржуазной философской мысли. Имеются, впрочем, течения, которые не поддаются однозначной оценке (например, концепции Д. Дьюи, Э. Гуссерля и др.).

Характерная черта сциентизма — отказ от прежнего понимания предмета философии, попытки построить ее по образцу точной науки, исключив из нее «проклятые вопросы», идеологические проблемы. Даже применительно к искренним сторонникам подобной позиции правомерен вывод, что подобная стерилизация философии от ценностей «обратилась идеологической инфантильностью... которая игнорирует кардинальные философские пробле-

¹⁸³ Кузнецов В. Н. Основные тенденции... С. 38.

мы, постоянно выдвигаемые общественной практикой»¹⁸⁴. Но дело не просто в идеологической инфантильности. За подобными сциентистскими концепциями (неопозитивизмом, лингвистической философией и др.) скрывается в конечном счете вполне идеологическая позиция, связанная с «выражением интересов правящей бюрократической верхушки»¹⁸⁵, а также всех тех, кто заинтересован в обеспечении бесперебойного функционирования всей системы социальных институтов буржуазного общества и возлагает при этом надежды на «научный подход».

Антропологическое направление в современной буржуазной философии исходит из того, что как раз исключается сциентистами из поля зрения, — из повседневного, обыденного сознания, мира эмоций, подсознательных влечений и т. д. Оно в той или иной мере является эхом массового беспокойства «среднего человека» буржуазного общества, «потерянного» в лабиринте грандиозного обездушенного, отчужденного от него капиталистического государственно-хозяйственного механизма. И в этом плане антропологические, по большей части иррационалистические концепции играют «своеобразную психотерапевтическую роль»¹⁸⁶ (аналогичную функции религии), в какой-то мере подыгрывая массовому сознанию, стремясь «снять» накопившееся в нем социально-психологическое напряжение. Но, апеллируя лишь к внутреннему миру человека, понимая «проблему человека» лишь в личностно-индивидуальном плане, антропологические течения буржуазной философии по существу игнорируют проблемы социальные, уводят «среднего человека» буржуазного общества от действительного понимания природы этого общества, от задач общественной борьбы за свое освобождение. Тем самым антропологические течения, так же как и сциентистские, вполне вписываются в рамки современной капиталистической системы.

Различение сциентистской и антропологической тенденций в современной буржуазной философии, намеченное советскими исследователями, позволяет, таким образом, выявить не только связь отдельных течений внутри буржуазной философской мысли, но и их социальную позицию, общую и вполне буржуазную в своей основе. В теоретико-методологическом плане эта связь обнаруживается и в общем идеалистическом характере указанных тенденций.

Концептуальная схема современной буржуазной философии, вырабатывавшаяся в конце 60-х и в 70-е годы, основывалась на многочисленных работах советских исследователей, рассматривавших те или иные конкретные разделы новейшей буржуазной

¹⁸⁴ Буржуазная философия XX века/Под ред. Л. Н. Митрохина, Т. И. Ойзермана, Л. Н. Шершенко. М., 1974. С. 26,

¹⁸⁵ Там же. С. 25.

¹⁸⁶ Там же. С. 31.

философской мысли и вместе с тем стремившихся фиксировать общие линии и тенденции ее эволюции.

Изучая предшественников современной буржуазной философии, советские исследователи выделяли в их концепциях те моменты, которые стали *характерными для буржуазной философии эпохи империализма*: усиление иррационалистической тенденции в противовес предшественникам-классикам (Шопенгауэр, Кьеркегор, имманенты); возникновение оппозиции против марксизма (Ф. А. Ланге, Е. Дюринг); понятное, регрессивное движение мысли (лозунг «назад к Канту»). Симптоматичными в этом плане были идеи неокантианства, особенно баденской школы (Г. Риккерта и В. Виндельбанда) с ее курсом на отграничение социального знания от естественнонаучного, подчеркиванием телеологически-ценностного характера познания¹⁸⁷. Вместе с тем буржуазная философия предымпериалистической эпохи была еще во многом промежуточной, не утратившей связи с классическим наследием. Так, в монографии Ю. К. Мельвиля «Чарлз Пирс и прагматизм» (М., 1968), в которой аргументированной критике подвергается идеалистическая гносеология американского мыслителя, его концепция все же отделяется от позднейших построений У. Джемса и Д. Дьюи.

Советские исследователи уделили много внимания классикам современной буржуазной философии. В работах С. Ф. Одуева о ницшеанстве показано, что именно с Ницше начинается «трагедия разрыва со всем прогрессивным наследием прошлого в промежутке от Демокрита и Платона до Гегеля и Фейербаха»¹⁸⁸. Советские авторы определили основные линии разрыва, наметившегося в ницшеанских построениях: низведение разума до роли «полезной функции», средства осуществления «жизни», подчинение его волюнтаристическому началу; отрицание исторического прогресса, место которого занимает «вечное стаповление» и «вечное возвращение»; принципиальный антигуманизм, культ силы, аморализм и антидемократизм. При этом верно подмечено принципиальное отличие ницшеанства от консервативно-романтической реакции на капитализм романтиков нового времени. Не примирение разума и чувства, не возвращение к «естественному состоянию» занимают Ницше, а пропаганда «воли к власти» и гегемонизма империалистической элиты¹⁸⁹.

¹⁸⁷ См.: *Бакрадзе К. С.* Очерки по истории новейшей и современной буржуазной философии. Тбилиси, 1960; *Вородай Ю. М., Гайденко П. П., С. Кьеркегор и критика Гегеля с позиций экзистенциализма // Вестн. МГУ. Сер. 8. Экономика, философия. 1961. № 2; Григорьян В. Т.* Неокантианство. М., 1962; *Богомолов А. С.* Немецкая буржуазная философия после 1865 г. М., 1969; *Гайденко П. П.* Трагедия эстетизма. М., 1970; и др.

¹⁸⁸ *Одуев С. Ф.* Тропами Заратустры. М., 1971. С. 413.

¹⁸⁹ См.: *Одуев С. Ф.* Реакционная сущность ницшеанства. М., 1959; *Богомолов А. С.* Немецкая буржуазная философия...; и др.

В обширном исследовании С. Одуева «Тропами Заратустры» детально прослеживается значительное влияние ницшеанства на последующую буржуазную философию: на представителей академической философии «жизни» (В. Дильтея, Г. Зиммеля), неокантианца Г. Файхингера, философов профашистской ориентации (А. Боймлера, Л. Клагеса, Э. Юнгера), экзистенциалистов М. Хайдеггера и К. Ясперса и др. В работе разоблачаются попытки «денацификации» ницшеанства, предпринятые буржуазными авторами после второй мировой войны.

Рассматривая концепции основателей *современной иррационалистической буржуазной философии* (Ф. Ницше, А. Бергсона, З. Фрейда, М. Шелера, О. Шпенглера), советские философы вскрывают органически присущий им порок — непроясненность опорных, определяющих понятий в данных концепциях. Генерализации «жизни» у философов «жизни» и М. Шелера, «инстинкт» и «интуиция» Бергсона, «душа культуры» Шпенглера и пр. определяются по существу тавтологически или посредством малообъясняющих метафор, ассоциаций и аналогий. Советские исследователи показывают, что биологизм и психологизм, фактически ставшие основными концептуально-объяснительными средствами в трудах родоначальников современной иррационалистической мысли, непригодны для выработки теоретически содержательной концепции общественного человека, несмотря на фиксацию в этих учениях определенных реальных проблем и сфер исследования¹⁹⁰. Несомненно, например, что нуждаются в изучении область бессознательного в человеческой психике, роль эмоциональных факторов в поведении и мировоззрении индивида и т. д.

Иррационализм, как показано в советской литературе, спекулирует и на определенных моментах теоретико-познавательного процесса, его постоянной незавершенности и в этом смысле присутствия в нашем знании «иррациональных остатков». Действительно, знание каждый раз выходит за свои пределы, осваивает неосвоенное¹⁹¹. Буржуазные теоретики иррационализма, однако, принципиально отворачиваются от естественного пути рационали-

¹⁹⁰ См.: Чангышев А. П. Философия Анри Бергсона. М., 1960; Михайлов Ф., Царегородцев Г. За порогом сознания: Крит. очерк фрейдизма. М., 1961; Бассин Ф. В. Сознание и бессознательное // Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности. М., 1963; Хорутц Л. Е. Гносеология и «социология познания» М. Шелера // Вопр. философии. 1967. № 7; Аверинцев С. С. «Занат Европы» и философия культуры Освальда Шпенглера // Вопр. лит. 1968. № 10; Современная буржуазная философия. С. 154—176; и др. Необходимо заметить, что некоторые ключевые фигуры и концепции классиков современной буржуазной философии остаются недостаточно изученными. Это особенно относится к М. Шелеру — одному из родоначальников философской антропологии и социологии познания, а также к З. Фрейду и неофрейдизму. Практически нет работ о социально-философских идеях М. Вебера, на которые опираются ныне многие буржуазные философы и социологи.

¹⁹¹ См.: Колпин П. В. О рациональном и иррациональном // Вопр. философии. 1968. № 5.

зации «иррационального», уходя в туманные сферы герменевтики, «жизненного чувства», «переживания» и т. д.

С точки зрения кризиса буржуазной философии эпохи империализма особенно показательна теоретическая драма одного из виднейших буржуазных мыслителей XX в. — основателя феноменологии Эдмунда Гуссерля, идеи которого подвергнуты весьма содержательному рассмотрению и критике в работах К. С. Бакрадзе, Н. В. Мотрошиловой, Э. М. Какабадзе, Э. Ю. Соловьева, Г. Д. Сульженко, Т. И. Ойзермана и других авторов. Советские философы проследили сложную теоретическую эволюцию немецкого мыслителя — от его первых работ, проникнутых пафосом антипсихологизма, явившегося реакцией на плоский позитивистский редукционизм в логике и одновременно на рост влияния иррационализма и субъективизма в буржуазной философии начала XX в. вплоть до того момента, когда борьба Гуссерля против психологизма и субъективизма закономерно привела его именно к психологизму и субъективистско-иррационалистическим построениям. Стремясь создать философию как истинную науку, Гуссерль был вынужден затем признать, что «эта мечта отмечталась». В итоге гуссерлианство стало «субъективно-идеалистической философией, лишенной научного фундамента, вносящей немалую лепту в борьбу против разума и науки»¹⁹².

Советские историки философии вскрыли парадоксальность феноменологии. «Редуцируя» из индивидуального сознания все внешне привнесенные в него элементы (в том числе императивы социально-практической деятельности и научные понятия), Гуссерль неожиданно обнаружил, что очищенный «поток сознания», «круг уверенности», «мир „мнений“» (doxa) тем не менее содержит в себе как раз то, что предполагалось исключенным: социальные ориентации индивида, усвоенные им элементы науки и культуры, исторический опыт и т. д. Именно это и зафиксировано по существу в центральной категории гуссерлианской феноменологии — интенциональности.

Тем самым обнаружилась необходимость перейти «от абстрактно-гносеологического анализа познания к рассмотрению его как социально-исторического по своей природе явления»¹⁹³ — путь, которым, как известно, пошел марксизм. Однако Гуссерль, обнаружив реальную и важную проблему — изучение путей «подключения» индивида к совокупному общественному познанию, ограничился фактически лишь ее постановкой, констатацией двух типов (или «слоев») сознания — научного и мировоззренческого, теоретического и практического. Подвергнув во многом справедливой критике идеалистический логицизм, выдвинув

¹⁹² Современная буржуазная философия. С. 510.

¹⁹³ Там же, С. 502.

задачу связать познание с практической сферой, он остановился на иррационалистических методах ее решения.

Учение Гуссерля представляет собой значительный «поворот в философском мышлении Запада»¹⁹⁴. Выдвинутый Гуссерлем тезис о кризисе европейской философской мысли, ее неспособности построить систему объективного знания был фактически проиллюстрирован прежде всего его собственной идейной эволюцией. И то, что идеи феноменологии были подхвачены экзистенциалистами и другими иррационалистическими течениями, было закономерным явлением.

Экзистенциализм рассматривается в многочисленных работах советских авторов как течение, наиболее характерное для иррационалистических тенденций современной буржуазной философии. Подобная особенность экзистенциализма связана прежде всего с тем обстоятельством, что он в наибольшей степени обнаруживает свою обусловленность общей кризисной ситуацией современного буржуазного общества.

В работах А. С. Богомолова, П. П. Гайдено, М. К. Мамардашвили, Т. И. Ойзермана, Э. Ю. Соловьева и др. вскрыты исторические и социальные корни философии существования. Экзистенциализм не случайно сформировался в 20—30-х годах нынешнего столетия как эхо грандиозных социальных катаклизмов — мировых войн, экономического кризиса 30-х годов, фашизма и пр. Он в значительной степени отразил положение человека-винтика в колоссальной иерархической системе современного государственно-монополистического капитализма, когда единственной эффективной формой самодеятельности личности становится ее «деперсонализация», идентификация себя с интересами корпорации, конформистское соревнование в «лояльности» и ожесточенная внутригрупповая конкуренция на этой почве. Наконец, экзистенциалистские мыслители невольно оказались свидетелями грандиозной «массификации» сознания в буржуазном обществе, воздействия на индивида пропагандистско-обрабатывающего аппарата, идущего навстречу неуверенности обывателя, его потребности в «суфлере» и пр. В этих условиях «сознание неизбежного краха всякой действительно самостоятельной инициативы становится все более острым и определенным»¹⁹⁵. Как показывают советские исследователи, «экзистенциалы» философии существования — «бытие-в-мире», «страх», «забота», «проект», «выбор» и т. д. — являются метафизически переряженным воспроизведением этой социально-исторической ситуации, ее не критическим описанием.

¹⁹⁴ *Какабадзе Э. М.* Проблема «экзистенциального кризиса» и трансцендентальная феноменология Эдмунда Гуссерля. Тбилиси, 1966, С. 132. См. также: *Бакрадзе К. С.* Очерки по истории...; *Мотрошилова Н. С.* Принципы и противоречия феноменологической философии. М., 1968; и др.

¹⁹⁵ *Соловьев Э. Ю.* Экзистенциализм и научное познание. М., 1966, С. 13.

Литература по критике экзистенциализма весьма обширна. В ней рассматриваются различные аспекты: связь философии существования с другими буржуазными философскими течениями, отдельные проблемы и категории экзистенциализма, наиболее видные его теоретики¹⁹⁶. Значительным вкладом в изучение данного вопроса явился коллективный труд «Современный экзистенциализм» (М., 1966), в котором были представлены не только центральные фигуры — М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, но и разновидности экзистенциализма в Италии (Н. Аббаньяно), в Испании (М. Унамуно) и других странах, развивавшиеся во многом самостоятельно. Тем самым обосновывалась социальная закономерность экзистенциализма как характерного направления современного буржуазного философского сознания.

Главный порок экзистенциализма справедливо усматривается в том, что «экзистенциалисты ищут сущность человеческого индивида в нем самом, безотносительно к общественным отношениям»¹⁹⁷. Даже у Ж.-П. Сартра, который по сравнению с другими теоретиками экзистенциализма проявляет наибольший интерес к социальной проблематике, преобладает по существу односторонний и глубоко пессимистический взгляд на активность человека в обществе и истории.

Советские ученые отмечают определенную эволюцию, проделанную экзистенциализмом, пытавшимся в послевоенный период перейти от «философии отчаяния» к «философии надежды». Однако «принцип нового доверия к бытию» в значительной степени подрывает столь рекламируемый экзистенциалистами нонконформизм, критический подход к буржуазной действительности¹⁹⁸. И это лишний раз подчеркивает амплитудность социальных «выходов» экзистенциализма (от критики буржуазных порядков до их апологетики; от сочувственных поток по отношению к фашистской демагогии, как это имело место, например, в свое время у Хайдеггера, до антифашистской позиции Сартра), являющегося мелкобуржуазной реакцией на социальный и духовный кризис капитализма.

¹⁹⁶ См.: Чалин М. Л. Философия отчаяния и страха. М., 1962; Гойденко П. П. Экзистенциализм и проблема культуры. М., 1963; Современный экзистенциализм. М., 1966; Соловьев Э. Ю. Экзистенциализм и научное познание. М., 1966; Кузнецов В. Н. Жан-Поль Сартр и экзистенциализм. М., 1969; Философия марксизма и экзистенциализм. М., 1971; Габитова Р. М. Человек и общество в немецком экзистенциализме. М., 1972; Великовский С. И. Грани «несчастливого сознания». М., 1973; Сахарова Т. А. От философии существования к структурализму. М., 1974; Кисель М. А. Философская эволюция Ж.-П. Сартра. Л., 1976; Тавризян Г. М. Проблема человека во французском экзистенциализме. М., 1977; Филиппов Л. И. Философская антропология Ж.-П. Сартра. М., 1977; Зыкова А. В. Учение о человеке в философии Х. Ортеги-и-Гассета. М., 1978; и др.

¹⁹⁷ Ойзерман Т. И. Философия кризиса и кризис философии // Современный экзистенциализм. М., 1966. С. 10—11.

¹⁹⁸ См.: Богомолов А. С. Современный экзистенциализм: поворот или кризис? // Философия марксизма и экзистенциализм, М., 1971.

Критический анализ *неопозитивизма* в советской литературе является, пожалуй, одной из наиболее разработанных областей — с точки зрения профессионального уровня и многосторонности рассмотрения вопроса. Внимание советских исследователей к этой философии не случайно. Неопозитивизм выступает как наиболее «респектабельное» течение современной буржуазной философии, представители которого подчеркивают свою связь с наукой, считают себя поборниками объективного знания. Доказательная критика этих претензий — немалая заслуга советских философов.

В работах И. С. Нарского, В. А. Лекторского, В. С. Швырева, А. С. Богомолова и др. выделены три исторические формы позитивизма — *контизм*, *махизм*, или *эмпириокритицизм*, *современный неопозитивизм*, объединенные общими принципами (отрицание «метафизики»; стремление к третьей линии в философии; феноменализм; сциентистская ориентация)¹⁹⁹.

Советские философы продемонстрировали весьма эффективный метод критики неопозитивизма — прослеживание его эволюции, в результате которой одна за другой подвергались компрометации исходные методологические установки неопозитивистов. Так в свое время пришел к методологическому кризису *логический позитивизм* 20—30-х годов (ранний Л. Витгенштейн, М. Шлик, Р. Карнап, О. Нейрат, Г. Рейхенбах и др.), выступивший с претензиями на радикальный антипсихологизм и логицизм и одновременно стремившийся зафиксировать твердые эмпирические основы знания (атомарные факты, чувственные достоверности, протокольные предложения). Все попытки свести теоретическое знание к эмпирическому обнаружили несостоятельность неопозитивистского редукционизма, а с ним и методологическую ограниченность критериев верификации, фальсификации и других положений, выдвигавшихся неопозитивистами²⁰⁰.

Переживают серьезные трудности и другие неопозитивистские направления, пришедшие в 40—50-е годы на смену логическому позитивизму, — *лингвистическая философия* (поздний Л. Витгенштейн, Д. Уисдом, Д. Райл и др.) и *логический прагматизм* (У. Куайн, М. Уайт, А. Пап и др.). Формализм, присущий неопозитивизму вообще, доводится здесь до крайней степени, ибо анализ реальных проблем подменяется рассмотрением правил употребления слов, которое должно лишь уточнить их смысл и «оставить все как есть». Однако, как показали советские исследователи, даже «беспрограммный анализ» сторонников лингвистической философии не избавляет их от реально-содержательных («метафизических») проблем, критериев оценки тех или иных

¹⁹⁹ См.: Нарский И. С. Очерки по истории позитивизма. М., 1980; Он же. Современный неопозитивизм. М., 1961; Лекторский В. А. От позитивизма к неопозитивизму // Вопр. философии. 1966. № 9; и др.

²⁰⁰ См.: Швырев В. С. Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки. М., 1966; Позитивизм и наука: Крит. очерк. М., 1975; и др.

высказываний, например: что обуславливает дальнейшее разложение школы? Одни представители *новейшей аналитической философии* вынуждены в своих работах рассматривать реальную структуру бытия (П. Стросон), другие приближаются к феноменологии (Ст. Хэпшайр), третьи склоняются к бихевиоризму (Д. Райл) и т. д.²⁰¹

Советские ученые отдают должное конкретным научным достижениям неопозитивистской мысли в области современной символической логики, анализа структуры гипотетико-дедуктивных теорий. В определенных пределах имеет значение и техника языкового анализа, которую культивируют неопозитивисты. Однако общефилософские воззрения неопозитивизма (точнее сказать, его антифилософская направленность) являются серьезным тормозом развития методологии науки, на руководство которой претендует аналитическая философия. Как убедительно показали советские исследователи, именно эта направленность не позволила неопозитивистским мыслителям разрешить зафиксированную ими проблему соотношения теоретического и эмпирического знания, понять их диалектическую связь, не имеющую ничего общего со «сведением» одного к другому²⁰².

В коллективном труде «Философия марксизма и неопозитивизм» (М., 1963) дана развернутая критика неопозитивистских воззрений в различных областях философии и науки, в этике (эмотивизм), в социологии и т. д. Советские философы справедливо определяют неопозитивизм не просто как доктрину или совокупность доктрин, но как одну из основных типовых разновидностей буржуазного мировоззрения. Характерны установки неопозитивистской «социальной инженерии» (паллиативных мер по реформированию социальных институтов), фактически означающей приятие современной буржуазной действительности, а нередко и ее апологетику. С этим связана и откровенная антимарксистская направленность ряда неопозитивистских мыслителей (К. Поппера, Р. Арона и др.), нападающих на марксистскую идеологию во имя защиты идеологии буржуазной²⁰³.

Неопозитивизм, который долгое время был ведущим направлением среди сциентистских разновидностей современной буржуазной философии, сменился другими направлениями сциентистской ориентации, в частности *структурализмом*.

²⁰¹ См.: *Лекторский В. А.* Аналитическая философия сегодня // *Вопр. философии*. 1971. № 2; *Шевырев В. С.* Анализ научного знания в современной философии науки // Там же; *Бегушвили А. Ф.* Метод анализа в современной буржуазной философии. Тбилиси, 1960; *Он же.* Современная английская лингвистическая философия. Тбилиси, 1965; *Заиченко Г. А.* К вопросу о критике современного английского позитивизма. Харьков, 1971; *Козлова М. С.* Философия и язык. М., 1972; и др.

²⁰² См.: *Современная буржуазная философия*.

²⁰³ Аргументированную критику неопозитивистской социально-философской мысли см.: *Журавлев Л. А.* Позитивизм и проблема исторических законов. М., 1980.

Критический разбор структуралистских концепций (К. Леви-Стросса, М. Фуко, Ж. Лакана, Ж. Деррида и др.) предпринят в ряде работ советских исследователей²⁰⁴, среди которых отметим монографию Н. С. Автономовой²⁰⁵.

Рассмотрение структуралистских теорий связано с задачей вычленения их философского содержания, поскольку, как показано в нашей литературе, будучи прежде всего практикой специальных научных исследований (в этнографии, языкознании, истории культуры и пр.), структурализм «уже» любой философской системы. В то же время он шире любой частной методологии, тем более что сами лидеры структурализма все более выступают с претензиями на «тотальное» переосмысление всей системы гуманитарного знания.

С этим связаны определенные позитивные аспекты структуралистских теоретических построений, прежде всего стремление к выявлению закономерностей развития человеческой культуры, в частности анализ механизмов функционирования ее знаковых систем (языка, литературы, науки и т. д.). Советские исследователи признают и значительные научные достижения структуралистов в конкретных областях гуманитарного знания (например, переосмысление прежнего понимания тотемизма, осуществленное К. Леви-Строссом, его принцип бинарных оппозиций при исследовании мифов и др.).

И тем не менее претензии структурализма на создание новой философской методологии в целом остались неосуществленными. Общие теоретические установки структурализма обнаружили свой негибкий, недиалектический характер, в результате чего гиперболизировалась роль знаково-символических средств в системе культуры и, наоборот, недооценивалась роль социальных факторов. Более того, независимо от субъективных намерений самих творцов структурализма, их односторонний логицизм или объективистский схематизм означали по существу отрицание проблемы человека.

В нашей философской литературе все больше внимания уделяется начатой сравнительно недавно критике новейших буржуазных религиозных концепций²⁰⁶. Отметим монографию В. И. Га-

²⁰⁴ См.: Мелегинский Е. М. Клод Леви-Стросс и структурная типология мифов // *Вопр. философии*. 1970. № 7; Грецкий М. Н. Французский структурализм. М., 1971; Филиппов Л. И. Концепция «археологического знания» М. Фуко // *Вопр. философия XX века*. М., 1974; Сахарова Т. А. От философии существования к структурализму. М., 1974; и др.

²⁰⁵ См.: Автономова Н. С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М., 1971.

²⁰⁶ См.: Ойзерман Т. И. Кризис современной буржуазной философии и фидеизм // *Современные религиозно-философские течения в капиталистических странах*. М., 1962; Быховский В. Э. Неотомизм // *Критика современной буржуазной идеологии*. М., 1963; Долгов К. М. Реакционная сущность неотомистской концепции мистемы // *Филос. науки*. 1963. № 2; Бургетт Р. А. Современный томизм // *Современный*

раджи²⁰⁷, в которой дается подробный очерк развития *католической мысли* за последние сто лет, показывается, каким образом томистская концепция соотношения веры и разума оказалась наиболее подходящей для «реалистической» интерпретации католицизмом достижений современной науки. Неотомистские гносеологические системы (Э. Жильсона, Ж. Маритена, К. Ранера, Б. И. Лотца и др.), а также взгляды таких католических теоретиков, как И. Бохенский, Т. Веттер, И. де Фриз и др., подвергнуты критическому анализу в монографии М. В. Желнова²⁰⁸. Философские концепции *современного протестантизма*, который наряду с католицизмом становится ныне весьма влиятельным на Западе, рассматриваются Л. Н. Митрохиным. Наконец, укажем на такую фундаментальную работу, как «Современная буржуазная философия и религия»²⁰⁹, авторы которой подробно рассматривают связь всех основных буржуазных философских течений (экзистенциализма, персонализма, фрейдизма и др.) с религией, а также критически анализируют основные религиозно-философские концепции буржуазных мыслителей.

За последний период опубликовано немало работ по критике «реалистических» направлений современной буржуазной философии — *англо-американского неореализма* (Д. Мур, Р. Перри, У. Монтегю, С. Александер, А. Н. Уайтхед, Я. Х. Смэтс и др.), *немецкой «критической онтологии»* (Н. Гартман, Г. Якоби и др.), «критического реализма» в *Германии и США* (А. Венцль, Д. Сантаяна, Д. Прэтт, Ч. Стронг и др.)²¹⁰.

В работах Г. А. Курсанова, Ю. К. Мельвиля, А. И. Титаренко и др. *прагматизм* (У. Джемс, Д. Дьюи, Ф. Шиллер и др.) критикуется уже не столько как самостоятельное течение, сколько как метод, оказывающий влияние на ряд современных буржуазных философских течений, в том числе и на их антикоммунистическую направленность (С. Хук и др.)²¹¹.

объективный идеализм. М., 1963; Греков Л. И. Реакционная сущность современной неотомистской онтологии // Против современной буржуазной философии. М., 1963; Мчедлов М. Н. Эволюция современного католицизма. М., 1967; Субботин Ю. К. Сущность ценностной концепции неотомизма // Филос. науки. 1972. № 3; Наука и геология в XX веке. М., 1972; и др.

²⁰⁷ См.: Гараджа В. И. Неотомизм. Разум. Наука. М., 1969.

²⁰⁸ См.: Желнов М. В. Критика гносеологии современного неотомизма. М., 1977.

²⁰⁹ См.: Современная буржуазная философия и религия. М., 1977.

²¹⁰ См.: Богомолов А. С. Англо-американская философия эпохи империализма. М., 1964; Луканов Д. М. Гносеология американского реализма. М., 1968; Ендовичий В. Д. Критика философии американского критического реализма: (Философия культуры Джорджа Сантаяны). М., 1968; Горнштейн Т. Н. Философия Николая Гартмана. Л., 1969; Каримский А. М. Философия американского натурализма. М., 1972; и др.

²¹¹ См.: Курсанов Г. А. Гносеология современного прагматизма. М., 1958; Митрохин Л. Н. Критерий истины в философии прагматизма // Практика — критерий истины. М., 1960; Титаренко А. И. Прагматистский лжемарксизм — философия антикоммунизма. М., 1964; Гогобершвили В. Г. Философия прагматизма, Тбилиси, 1966. На груз. яз.; и др.

Философская антропология характеризуется советскими философами не просто как определенное философское направление на Западе (Г. Плеснер, А. Гелен, Э. Ротхакер, М. Ландманн и др.), но и как одна из ведущих тенденций новейшей буржуазной философской мысли, для представителей которой характерна «одна общая и существенная черта — их абстрактно-идеалистическое и метафизическое понимание человека»²¹².

Анализируя взгляды представителей современной философской антропологии, советские авторы отмечают, что их попытки преодолеть узкий биологизм в понимании природы человека, стремление выдвинуть в качестве основополагающей характеристики человека его «открытость», «незаданность», творческую деятельность, не дают позитивных результатов. Не говоря уж о туманности основных понятий философской антропологии (например, у А. Гелена основной структурной единицей деятельности выступает «порыв», «стремление» и т. п.), ее конструкция основана на сведении всей совокупной социальной жизни к деятельности отдельных личностей. В результате философская антропология вращается в замкнутом кругу, «начальным и конечным пунктом которого является сознание индивида».

Советские авторы подчеркивают, что столь рекламируемая буржуазными «антропологами» ориентация на «гуманизм», отставание ими «деятельной активности» человека не должны вводить в заблуждение относительно их социально-классовой позиции²¹³.

В советской литературе дается критический анализ *современной буржуазной философии истории* и ее ответвления — *культурологии*²¹⁴. Советские исследователи выявляют тесную

²¹² Григорьян Б. Т. На путях философского познания человека // Проблема человека в современной философии. М., 1968. С. 59.

²¹³ Корнеев П. В. К критике «культурной антропологии» // Филос. науки. 1966. № 4. С. 77. См. также: Он же. Современная философская антропология: (Некоторые проблемы и направления). М., 1967; Антонович И. И. Современная философская антропология. Минск, 1970; Современная философия и социология в ФРГ. М., 1971; Вопросы философской антропологии. Тбилиси, 1970—1971. Т. 1, 2. На груз. яз.; и др. Следует отметить, что в нашей литературе (исключая работы грузинских философов) критике философской антропологии уделяется еще недостаточное внимание, непропорционально растущему влиянию данного течения в современной буржуазной философии. Между тем общеизвестна антимарксистская направленность философской антропологии, теоретический арсенал которой активно используется международным ревизионизмом.

²¹⁴ См.: Маркьян Э. С. О концепции локальных цивилизаций. Ереван, 1962; Ком И. С. О современной буржуазной философии истории // Филос. науки. 1965. № 2; Асланян Г. А. Идея прогресса в буржуазной философии истории. Ереван, 1965; Артановский С. Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур: Философско-методологический анализ современных буржуазных концепций. Л., 1967; Араканьян Ц. Г. Трактат о гуманизме в современных буржуазных концепциях культуры и цивилизации // От Эразма Роттердамского до Бертраана Рассела. М., 1969; Рашковский Е. Б. Структура и истоки философско-исторической концепции А. Дж. Тойнби // Вопр. философии, 1969, № 5; Аверинцев С. С. Культурология

связь данной проблематики с основными идеями современной буржуазной философии (примером тому являются теологические и одновременно антропологические мотивы в концепции А. Тойнби, эмпиризм и гносеологический релятивизм в позитивистской историографии и т. д.), фиксируют и подвергают аргументированной критике некоторые характерные тенденции буржуазной философии и методологии истории: отрицание прогресса в истории под видом критики телеологического «историцизма»; исторический пессимизм, выражающийся в различных рода концепциях деградации человечества и «антиутопиях»; отрицание исторической закономерности, место которой занимает иррациональный «смысл» истории; единство мирового исторического процесса (особенно присущее концепциям локальных цивилизаций и культур); методолого-исторический агностицизм, подчеркивание моментов субъективизма и «осовременивания» прошлого в историческом познании (например, в «презентизме»); скрытые или явные религиозные мотивы в истолковании «смысла» истории; идеалистические интерпретации культуры как «игры», не связанной с материально-практической сферой.

Советские исследователи выделяют в качестве одного из течений современной буржуазной философии *неогегельянство*, имеющее значительное число последователей в Англии (Дж. Стерлинг, Ф. Брэдли, Д. Мак-Таггарт и др.), в Германии (Р. Кронер, И. Кон, Г. Глокнер, З. Марк и др.), в Италии (Б. Кроче, Д. Джентиле), во Франции (А. Кожев, Ж. Ипполит и др.). Критика данного течения приобретает особое значение с точки зрения более широкой проблемы — *критики интерпретаций диалектики в современной буржуазной философии*²¹⁵. Отмечая, что причины реставрации гегельянства связаны с реакцией ряда буржуазных философов на ограниченность позитивистского мышления, а также со стремлением их использовать гегелевскую диалектику для осмысления противоречивых и кризисных явлений буржуазного общества, советские философы вместе с тем пока-

Иохана Хейзинга // Там же. 1969. № 3; Чесноков Г. Д. Современная буржуазная философия истории: Крит. очерк. Горький, 1972; Гобозов И. А. Современная французская буржуазная философия истории: (Крит. анализ.). М., 1978; Семенов Ю. Н. Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии. М., 1965; Ойзерман Т. И. Постулаты иррационалистической философии истории // Философия и современность. М., 1971; Скворцов Л. В. История и антиистория: К критике методологии буржуазной философии истории. М., 1976; и др.

²¹⁵ См.: Эфиров С. А. От Гегеля к... Дженнаро. М., 1960; Давыдов Ю. Н. Критика иррационалистических основ гносеологии неогегельянства // Современный объективный идеализм. М., 1963; Мамарбашвили М. К. К критике экзистенциалистского понимания диалектики // Вопр. философии. 1965. № 6; Возомолов А. С. Идея развития в буржуазной философии. М., 1962; Он же. Идеалистическая диалектика в двадцатом столетии // Вопр. философии. 1966. № 3; Еременко Л. Ф. Диалектика и революция. Минск, 1969; Киссель М. А. Учение о диалектике в буржуазной философии XX в. Л., 1970; Стрельцова Г. Я. Критика экзистенциалистской концепции диалектики. М., 1974; и др.

вызывают, что современным буржуазным мыслителям свойственна односторонность в интерпретации гегелевских идей — смешение диалектики с релятивизмом, восприятие ее лишь как «негативной диалектики», назначение которой сводится к отрицанию «конечных» понятий, замена категории отрицания категорией различия (например, у Б. Кроче).

В трактовке диалектики современной буржуазной философской мыслью особенно показательна тенденция к субъективизации диалектики, ограничению ее сферой деятельности человека. Это проявляется в «экзистенциальной диалектике», «диалектической теологии» протестантизма, «негативной диалектике» Франкфуртской школы.

Для целого ряда буржуазных интерпретаций диалектики — от «критической диалектики» Э. Марка, И. Кона и др. до Г. Маркузе — характерна антимарксистская направленность. В своих работах советские исследователи противопоставляют идеалистической диалектике марксистский диалектический метод, разоблачают попытки буржуазных мыслителей исказить его революционную сущность²¹⁶.

Обширная литература создана советскими исследователями по *критике буржуазной социологии*. Речь идет, естественно, не о прикладных отраслях данной науки, но об общетеоретических аспектах и концепциях буржуазных социологов, претендующих на всестороннее и объективное изучение общественной жизни. В работах советских философов первоочередное внимание уделялось критическому анализу методологических основ буржуазной социологии, выявлению ее несостоятельности в подходе к социальной действительности²¹⁷.

В современной буржуазной социологии нашла свое крайнее выражение эмпирико-сциентистская тенденция буржуазной мысли: если для пионеров социологии О. Конта, Г. Спенсера и др. еще было характерно стремление к изучению законов развития общества, то эволюция социологического знания на Западе шла путем его всемерной дифференциации и детализации, отпочкования многочисленных «социологий»: труда, управления, досуга и т. д. С одной стороны, это обусловило значительный прогресс методики и техники конкретных социальных исследований. Однако, с другой стороны, социологический «максимализм»,

²¹⁶ См.: *Киссель М. А.* Учение о диалектике в буржуазной философии XX в. *Козловский В. Е.* Марксистская диалектика и ее современные противники. М., 1978; и др.

²¹⁷ См.: *Марксистская и буржуазная социология сегодня*. М., 1964; *Ашин Г. К.* Современная буржуазная социология. М., 1965; *Осилов Г. В.* Современная буржуазная социология. М., 1964; *Он же.* Современный эволюционизм и проблемы социального прогресса // *Вопр. философии*. 1971. № 2; *Социология и идеология*. М., 1969; *Жеманов О. Н.* Буржуазная индустриальная социология: Крит. анализ. М., 1974; и др.

претензии буржуазных ученых на создание сугубо «антиметафизической», «позитивной» науки об обществе привели буржуазную социологию к теоретико-концептуальному кризису. Выработался особый социологический тип мышления, в котором построения социального исследователя утрачивают свое фундаментальное объясняющее значение и сводятся лишь к формализованному воспроизведению тех или иных общественных структур. Из социологии в противовес социальной философии и философии истории прошлого элиминируется гуманистарная специфика социальной науки: проблемы исторического прогресса, смысла истории, ее движущих сил и т. д. Последние объявляются простыми идеологическими суррогатами и в качестве таковых становятся лишь объектом изучения со стороны одной из «частных» социологий — социологии знания²¹⁸. «Ограничение, а затем отказ от теоретического мышления, сведение результатов... исследований к узким эмпирическим выводам и обобщениям — таков исторически неизбежный тупик, в который зашла буржуазная социология в середине XX в.»²¹⁹.

Ныне социология оформляется как комплекс прикладных наук, выполняющий — прямо или косвенно — социальный заказ правящего класса. Отсюда открыто (или скрыто) апологетические тенденции, присущие многим концепциям буржуазной социологии — теориям «социальной мобильности», «единого индустриального общества», «социального действия» и др.

Классовой направленности буржуазной социологии как нельзя более соответствует доминирующей среди буржуазных социологов *структурно-функциональный метод*, который рассматривает общество лишь с точки зрения его взаиморегуляции, равновесия и стабильности, сохранения данных общественных отношений как неизменных. Будучи правомерным в определенных границах, структурно-функциональный метод не «работает» при исследовании генезиса общественных структур, их исторического развития. Диалектика общественных процессов сводится буржуазными социологами к социальной статике, а социальные конфликты рассматриваются лишь в плане их «нормализаций» и «улаживания».

В работах советских ученых выделяется еще одна характерная черта теоретических концепций современной буржуазной социологии — *элитизм*, тенденция отождествлять социальную эволюцию с деятельностью господствующего меньшинства. Например, согласно определению видного буржуазного социолога Э. Шилза, общество образуется лишь «общей властью, которая осуществляет свой контроль над территорией, обозначенной гра-

²¹⁸ См.: Дробницкий О. Г. Буржуазная социология и социальная философия прошлого // Вопр. философии. 1973. № 3.

²¹⁹ Осипов Г. В. Некоторые черты и особенности буржуазной философии XX века // Вопр. философии. 1962. № 8. С. 130.

ницами, поддерживает и насаждает более или менее общую культуру»²²⁰. Трудящиеся массы рассматриваются буржуазными социологами в основном как объект манипуляции со стороны бюрократической верхушки²²¹.

Советские исследователи обнаруживают тесную связь *буржуазной социологии с современной буржуазной философией в целом*, которая проявляется во влиянии на буржуазную социологическую мысль не только неопозитивистской методологии, но и иррационалистических направлений буржуазной философии. Именно узкий горизонт позитивистско-сциентистского видения приводит к тому, что буржуазные социологи в поисках концептуальных объяснений, выходящих за рамки феноменалистических констатаций, нередко постулируют наличие в общественных отношениях неких «резидиумов», иррационально-волевых начал, обращаются к фрейдистским схемам, спекуляциям о «природе человека», «национальном характере» и т. д.

Один из наиболее теоретических разделов буржуазной социологии — *социология знания* — характеризуется в работах советских исследователей как порождение обострения общего кризиса капитализма, усилившегося в результате нарастающего противоборства буржуазной и марксистско-ленинской мысли (20—30-е годы XX в.). В этих условиях теоретики социологии, прежде всего К. Маннгейм, не случайно заимствовали из марксизма некоторые положения (о социальной обусловленности познания, о природе идеологии), одновременно идеалистически исказив их. Как ранее, так и сейчас представители социологии знания исходят из эклектической философской базы — неокантианства, прагматизма, фрейдизма, философской антропологии. Абстрактная и вполне буржуазная по своей направленности «критика идеологии», предпринимаемая социологами знания, внесла свою немалую лепту в идеологические мифы, распространяющиеся в современном капиталистическом мире, — о «деидеологизации», о «новом индустриальном обществе» Запада, будто бы «научном» на всех его уровнях и т. п.²²²

Значительным достижением советской социологической науки явилась в конце 70-х годов серия книг, посвященная критическому анализу *буржуазной социологии в целом* (от О. Конта и Г. Спенсера до наших дней)²²³. Советские авторы прослеживают сложную эволюцию буржуазной социологической мысли, давшей в конце XIX — начале XX в. ряд мыслителей и поныне считаю-

²²⁰ Американская социология. М., 1972. С. 345.

²²¹ См.: Ашшл Г. К. Современная буржуазная социология. М., 1965; *Он же*. Критика современных буржуазных концепций лидерства. М., 1978; Американские буржуазные теории управления: Крит. анализ. М., 1978; и др.

²²² См.: Москвичев Л. Н. Современная буржуазная социология знания. М., 1977.

²²³ См.: Критика современной буржуазной теоретической социологии. М., 1977; История буржуазной социологии XIX — начала XX века. М., 1979; История буржуазной социологии первой половины XX века. М., 1979.

щихся на Западе классиками буржуазной социологии (М. Вебер, Г. Зиммель, Э. Дюркгейм и др.). Но и в социологии (и особенно в ней), как показывают советские исследователи, находит свое подтверждение мнение известного американского историка Стюарта Хьюза, что Маркс был «повивальной бабкой социальной мысли XX столетия»²²⁴. В концепциях основателей современной буржуазной социологии (конец XIX — начало XX в.) «имеются многочисленные и весьма важные элементы, которые если и не заимствованы непосредственно из исторического материализма, то, во всяком случае, близки к нему, особенно если иметь в виду не решение, а постановку проблем... Однако в целом отношение буржуазных социологов к учению К. Маркса было предвзятым и необъективным»²²⁵. И в чисто негативном плане в ряде положений буржуазной социологической мысли того времени можно обнаружить ту или иную реакцию на марксизм, скрытую полемику с ним.

Многие современные концепции буржуазной социологии (воззрения П. Сорокина, постфрейдистская социология, «понимающая» социология и др.) впервые получили серьезное марксистское критическое освещение. Среди этих концепций одно из ведущих мест в современной академической социологии Запада до сих пор принадлежит теории «социального действия» Т. Парсонса. Советские авторы убедительно показывают, что академизм парсонсовского «акционизма» носит в значительной мере внешний характер — за фасадом «аполитичности» и «беспристрастности» здесь скрывается апологетика капитализма и воинствующий антикоммунизм²²⁶.

Помимо исследований обобщающего характера и по критике отдельных направлений буржуазной философской мысли, советские философы выступают также с *региональными* и «*страноведческими*» работами. Исследования такого рода — при условии учета внутренних и внешних факторов эволюции национальной или региональной философской мысли, связи специфического с общим — имеют немалое значение для историко-философской науки. В работах А. С. Богомолова «Англо-американская философия эпохи империализма» и «Немецкая буржуазная философия после 1865 года» метод философских портретов, позволивший автору дать весьма обстоятельный анализ философских учений, сочетается с выявлением характерных черт региональной философской мысли, а также тенденций, присущих современной буржуазной философии в целом. В монографии В. Н. Кузнецова «Французская буржуазная философия XX века» дается анализ новейших философских течений в соотношении с их предшест-

²²⁴ Hughes H. S. *Consciousness and Society: the Reorientation of European Social Thought, 1890—1930*. N. Y., 1958. P. 76.

²²⁵ История буржуазной социологии XIX — начала XX века, С. 337.

²²⁶ См.: История буржуазной социологии первой половины XX века, С. 184.

венниками XIX в., с национальными традициями философской мысли во Франции. Вышли и другие интересные исследования такого типа²²⁷.

Советские философы предпринимают также изучение современной зарубежной философии по отдельным проблемам²²⁸. Такой подход одновременно означает и позитивное исследование самих проблем с марксистской точки зрения, делает критику буржуазной философской мысли более предметной и убедительной.

Примечательной особенностью деятельности советских философов по критике современной буржуазной философии явились их постоянные контакты с зарубежными марксистами, совместные с ними действия в борьбе с буржуазной мыслью. В нашей стране издан ряд исследований марксистов Англии, Франции, США и других стран по критике современной буржуазной философии²²⁹. В трудах советских авторов систематически освещалась борьба зарубежной марксистской мысли против буржуазных философских учений.

²²⁷ См.: Ермоленко Д. В. Современная буржуазная философия в США. М., 1965; Копкин П. В., Мисевичерадзе В. В. Современная буржуазная философия в США. Киев, 1966; Эфирос С. А. Итальянская буржуазная философия XX века. М., 1968; Современная буржуазная философия и социология в ФРГ. М., 1971; Мысливченко А. Г. Философская мысль в Швеции: Основные этапы и тенденции развития. М., 1972; Луканов Д. М. В тупике неразрешимых противоречий: Крит. очерк буржуазной философии США XX в. Горький, 1976; Козловский Ю. В. Современная буржуазная философия в Японии. М., 1977; Новейшие течения и проблемы философии ФРГ. М., 1978; и др.

²²⁸ См.: Богомолов А. С. Идея развития в буржуазной философии XIX и XX веков. М., 1962; Лекторский В. А. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М., 1965; Проблемы войны и мира: Критика современных буржуазных социально-философских концепций. М., 1967; Современная идеалистическая гносеология. М., 1968; Киссель М. А. Идеализм против науки: Критика науки в буржуазной философии XIX и XX веков. Л., 1969; Современные буржуазные теории слияния капитализма и социализма: Крит. анализ. М., 1970; Кузьмина Т. А. Проблема трансценденции в современной буржуазной философии // Вопр. философии. 1972. № 6; Философия и наука: Крит. очерки буржуазной философии. М., 1972; Суханов Н. Н. Критический очерк гносеологии интуитионизма. Челябинск, 1973; Юлина Н. С. Проблема метафизики в американской философии XX века: Крит. очерк эмпирико-позитивистских течений. М., 1978; Каримский А. М. Проблема гуманизма в современной американской философии. М., 1978; Человек и его бытие как проблема современной философии: Крит. анализ некоторых буржуазных концепций. М., 1978; Философия и ценностные формы сознания: Крит. анализ буржуазных концепций природы философии. М., 1978; Кузьмина Т. А. Проблема субъекта в современной буржуазной философии: Критика некоторых концепций. М., 1979; и др.

²²⁹ См.: Корнфорт М. Наука против идеализма. М., 1957; Он же. Марксизм и лингвистическая философия. М., 1968; Менде Г. Очерк о философии экзистенциализма. М., 1958; Боднар Я. О современной философии США. М., 1959; Шарш Т. От Шопенгауэра к Хайдеггеру. М., 1964; Сэв Л. Современная французская философия. М., 1968; Зарубежные марксисты в борьбе против буржуазной идеологии. М., 1971; Ирибаджак Н. Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972; Хайзе В. В плену иллюзий. М., 1968; Холмичер В. Человек и агрессия: (Э. Фрейд и К. Лоренц в свете марксизма). М., 1975; и др.

Советские философы дифференцированно подходят к критике современных течений буржуазной философии. Это касается не только тех мыслителей, чьи воззрения содержат в себе элементы материализма, испытывают на себе влияние марксистской философии (Р. В. Селларс, М. Фарбер и др.), но и тех, концепции которых тяготеют к научному объективному познанию, а также буржуазных мыслителей гуманистической ориентации (А. Швейцер, П. Тейяр де Шарден, Б. Рассел и др.), хотя их гуманизм нередко основан на утопизме и неизбежно ограничен буржуазными рамками²³⁰. Принцип дифференцированного подхода к оценке современных буржуазных философских течений чрезвычайно важен, ибо речь идет об использовании силами социализма противоречий и идейных колебаний в буржуазном лагере, о возможности диалога с демократически настроенными кругами на Западе, о распространении в их среде марксистских идей, о вкладе советской философии в борьбу за создание общего антиимпериалистического фронта.

* * * * *

Область критики современной буржуазной философии в советской философской науке является сравнительно молодой историко-философской дисциплиной. Тем не менее ее успехи уже значительны. В активе советских исследователей — широкий круг работ по всем основным и многим второстепенным течениям современной буржуазной философской мысли, а также труды обобщающего характера. Показывая общую антиматериалистическую направленность новейшей буржуазной философии, одностороннее и ограниченное понимание ею диалектики, разоблачая выпады представителей буржуазной философской мысли против марксизма-ленинизма, советские авторы стремятся вести борьбу, так сказать, на «территории противника», вскрывают внутреннюю несостоятельность буржуазных философских учений, противопоставляют им диалектико-материалистическое решение рассматриваемых проблем.

Критический анализ отдельных направлений сочетается с выявлением их связи в системе современной буржуазной философии и идеологии в целом. Связь эта обусловлена: 1) социально-классовыми функциями буржуазных философских учений, их принадлежностью к буржуазной идеологии; 2) своеобразным «разделением труда» между иррационалистическими и рационалистическими, сциентистскими и антисциентистскими, светскими

²³⁰ См.: От Эразма Роттердамского до Бертрана Рассела: Проблемы современного буржуазного гуманизма и свободомыслия. М., 1969; Пасика В. М. Тейярдиам как течение современной религиозно-философской мысли // Вопросы научного атеизма. М., 1969; Бабосов Е. М. Тейярдиам: попытка синтеза науки и христианства. Минск, 1970; Нарский И. С., Помогаева Е. Ф. Бертран Рассел — философ и гуманист // Вопр. философии, 1972, № 6; и др.

и религиозными философскими течениями, как взаимно «пригнанными» друг к другу частями общего механизма современного буржуазного философского сознания; 3) наконец, общими тенденциями, свойственными различным философским направлениям и школам, — тенденциями, выражающими специфику современной буржуазной философии в отличие от ее предшественников-классиков.

Анализ буржуазной идеологии способствует выявлению социально-классовых корней современной буржуазной философии, помогает понять, почему ее основные направления суть выражение глубокого кризиса и распада буржуазного мировоззрения. Ибо философия является составной частью идеологии и испытывает ее судьбу в силу общности порождающих их социальных условий. Основные тенденции буржуазной идеологии как всеобщие векторы современного буржуазного сознания действуют и в сфере философского знания. Современной буржуазной философии присуща антикоммунистическая (антимарксистская и антиматериалистическая) направленность — и при этом черты мистификации, мимикрии, стремление встать «над» материализмом и идеализмом, «гуманизировать» марксизм и т. д. Аналогичным образом в ней находит отражение кризис традиционных буржуазных ценностей, фиксирующийся в специфически теоретических антиномиях сциентизма и антисциентизма, рационализма и иррационализма и пр. Как и буржуазной идеологии, современной буржуазной философии свойствен плюрализм, проявляющийся не только в чрезвычайной множественности направлений, но и в их теоретическом синкретизме, эклектическом смешении субъективного и объективного идеализма, спекулятивности и «реализма», логицизма и психологизма и т. п.

Советские философы учитывают то обстоятельство, что далеко не всем философским течениям свойственна прямая апологетика буржуазного строя. Но даже в случае идейно-политического индифферентизма связь того или иного учения с социально-классовой ситуацией нередко опосредуется «использованием» его в существующей пропагандистско-идеологической системе. Не случайно «отчуждение», «несчастное сознание», «открытое общество» и т. д. — эти понятия давно уже стали популярными символами идеологического манипулирования массовым сознанием в буржуазном обществе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКА

Духовное наследие стран Востока стало объектом специального и систематического изучения русских ученых уже с первой половины XIX в. Лучшие представители отечественного востоковедения, труды которых в области исследования письменных памятников прошлого как важнейшего источника по истории культуры стран зарубежного Востока получили всеобщее признание, заложили традицию тщательного изучения первоисточников, серьезного и вдумчивого отношения к многовековому культурному достоянию народов Востока. Исследование философской мысли восточных народов к началу XX в. сосредоточилось главным образом вокруг вопросов, связанных с буддизмом, получившим особое распространение в соседних с Россией странах. Труды В. П. Васильева, И. П. Минаева, С. Ф. Ольденбурга, Ф. И. Щербатского, основанные на скрупулезном критическом изучении оригинальных буддийских текстов, представляют собой выдающиеся достижения отечественной и мировой ориенталистики.

После победы Октября изучение философии народов Востока поднялось на качественно новую ступень. Общий подъем науки и культуры в Советском Союзе способствовал активизации исследовательской работы и преодоления односторонности дореволюционного востоковедения. В настоящее время исследование исторического процесса становления и эволюции философского знания стран указанного региона — часть комплексного и многоаспектного изучения истории и культуры народов Азии и Африки. В центр внимания специалистов было поставлено изучение философской мысли восточных народов как существенного компонента философских знаний человечества. Опираясь на положение марксизма о том, что развитие общественных идей обусловлено в конечном счете изменениями, происходящими в экономическом базисе общества, советские ученые сосредоточили свое внимание на выявлении общего и особенного в историко-философском процессе стран Востока, определении как общих закономерностей, присущих развитию философского познания народов Востока и Запада, так и характерных (в том числе национальных) черт философского творчества народов отдельных регионов Востока, обусловленных спецификой их исторического развития.

В изучении философии стран Востока в Советском Союзе отчетливо выделяются два периода: первый — примерно с 20-х до середины 40-х годов, второй — по настоящее время.

Первый период можно охарактеризовать как попытку начального теоретического освоения историко-философского материала народов Востока с позиций марксистско-ленинской теории. Плодотворная работа в востоковедных центрах многих крупных ученых, чья научная деятельность начиналась еще в дореволюционный период (В. М. Алексеева, В. В. Бартольда, Б. Я. Владимирцева, В. А. Гордлевского, А. Е. Крымского, И. Ю. Крачковского, Н. И. Конрада, Н. Я. Марра, С. Ф. Ольденбурга, А. А. Семенова, В. В. Струве, А. Э. Шмидта, Ф. И. Щербатского, А. Я. Якубовского и др.), способствовала упрочению лучших традиций русского востоковедения и сохранению накопленного им ценного опыта. На первом этапе основное внимание уделялось в первую очередь изучению философского наследия двух крупнейших стран Востока — Индии и Китая.

Стремление выработать новый подход к исследованию индийской духовной культуры характерно для деятельности Ф. Щербатского и его учеников, работавших в 20—40-е годы в Ленинграде. В годы Советской власти вышли в свет три фундаментальных труда Ф. Щербатского, утвердившие его в качестве крупнейшего авторитета в мировом востоковедении по вопросам буддийской философии. Проследившая эволюцию буддийского мировоззрения на протяжении полутора тысяч лет, он рассматривал буддийскую философию на фоне всей культурной традиции Древней Индии, с одной стороны, и идей западноевропейской общественной мысли нового и новейшего времени — с другой. Его труды, продемонстрировавшие солидные философские традиции и высокий уровень теоретического мышления древних индийцев, во многом способствовали пониманию рационального содержания древнеиндийской мысли и содействовали развенчанию европоцентристских концепций, обвинявших индийских ученых в неспособности к «самостоятельному» философскому мышлению и сводивших индийские философские трактаты к собраниям сугубо схоластических и мистических учений. Ф. Щербатский познакомил Европу с прекрасно разработанной системой буддийской эпистемологии, с ее оригинальной силлогистикой. Его работы утверждали и поныне статус восточной философии в мировом философском процессе: отныне серьезный анализ последнего не мог проводиться без обращения к достижениям философского знания в Индии. Значительный шаг в деле изучения буддийской философии был сделан и О. О. Розенбергом¹.

¹ См.: *Scherbatsky Th. The Central Conception of Buddhism and the Meaning of the World "Dharma"*. Leningrad, 1923; *Scherbatsky Th. The Conception of Buddhist Nirvana*. Leningrad, 1927; *Scherbatsky Th. Buddhist Logic (Bibliotheca Buddhica, 26)*. Leningrad, 1930—1932. V. 1, 2. *Розенберг О. О. Проблемы буддийской философии: Введение в изучение буддизма*, Пг., 1918, Ч. II,

В те же годы Ф. Щербатским и его учениками (А. И. Востриковым, Е. Е. Обермиллером, М. И. Тубьянским) были осуществлены издания переводов важнейших философских памятников буддизма как с санскрита, так и с тибетского языка, на котором сохранились многие произведения древнеиндийской мысли, утраченные в оригинале. В начатой еще в 1897 г. серии «Библиотека буддизма» под руководством Ф. Щербатского и С. Ольденбурга в 20—30-е годы были изданы научно комментированные переводы этого весьма обширного по объему и исключительно сложного по содержанию комплекса источников². Хотя центральной областью деятельности Ф. Щербатского и его учеников была философия северного буддизма, уже тогда они сделали первые шаги к освоению и иных, в том числе таких сложных и малоизученных проблем, как, например, вопросы истории древнеиндийского материализма³.

В 20—40-е годы предпринимаются первые шаги в исследовании богатейшего наследия *китайской философии*. Первая в советской литературе обобщающая работа, в которой были рассмотрены все основные направления, школы и наиболее крупные представители китайской мысли, начиная с древнейших времен и кончая 30-ми годами нашего столетия, принадлежит А. А. Петреву⁴. Заслуга его состояла в попытке изложить размышления китайских мыслителей о первоосновах бытия, истинной природе человека, идеальном обществе на современном философском языке, представить движение теоретического мышления в Китае как историко-философский процесс. Тем самым А. Петров создал предпосылки для понимания истории китайской философии как неотъемлемой части всемирного процесса развития философского знания. Кроме того, он дал обобщенную оценку взглядов мыслителей различных направлений и эпох. Два его фундаментальных исследования, посвященных крупнейшим мыслителям Китая в период раннего средневековья (Ван Би и Ван Чуну), являли собой пример сочетания историко-философского подхода с синтологическим анализом⁵. А. Петров также критически рассмот-

² См.: Sphutartha Abhidharmakocavyakhya. The Work of Yacomitra/Ed Prof. S Levi and Prof. Th. Stcherbatsky. Pg., 1918. (Bibliotheca Buddhica, 21); Abhisamayalankara — prajnaparamita — upadesasastra of Bodhisattva Maitreya. Fasc. 1/Ed. exp. and transl. by Th. Stcherbatsky and E. E. Obermiller (Bibliotheca Buddhica, 23); Leningrad, 1929; Indices verborum Sanskrit-Tibetan and Tibetan-Sanskrit to Nyayabindu of Dharmakirti and the Nyayabindutika of Dharmatara/Compiled by E. E. Obermiller a. o. Leningrad, 1927—1928. V. 1—2; Madhyanta Vibhanga. Discourse on Discrimination between Middle and Extremes/Transl. by Th. Stcherbatsky. L.; 1927, (Bibliotheca Buddhica, 30).

³ См.: Щербатской Ф. И. К истории материализма в Индии // Восточ. зап. 1927. Т. 1. С. 1—10.

⁴ См.: Петров А. А. Очерк философии Китая // Китай. М.; Л., 1940.

⁵ Петров А. А. Ван Би: Из истории китайской философии. М.; Л., 1936; Он же. Ван Чун — древнекитайский материалист и просветитель. М., 1954.

рел методологические принципы дореволюционной синологии⁶.

К 30-м годам относится также работа Ю. К. Щуцкого — исследование и перевод труднейшего для понимания древнекитайского трактата «И цзин»⁷. Ему удалось, обнаружив в тексте этого памятника несколько пластов, выделить в нем его содержательную сторону, уходящую в глубокую древность. Перевод Ю. Щуцкого и до сегодняшнего дня остается образцом подлинно научного прочтения древних текстов.

Хотя философская мысль народов Ближнего и Среднего Востока стала предметом специального и систематического исследования в основном в послевоенные годы, в трудах 20—40-х годов (В. В. Бартольда, Е. А. Беляева, Е. А. Бертельса, Б. Н. Заходера, И. Ю. Крачковского, Н. В. Пигулевской, А. Я. Якубовского и др.) содержатся ценные наблюдения об особенностях философского мышления в этом регионе⁸. В эти же годы был собран и обобщен важный в познавательном отношении конкретный материал по истории ислама, давший необходимую основу для дальнейших исследований различных областей духовной культуры в регионах распространения ислама⁹. Собственно философский процесс в странах Ближнего и Среднего Востока впервые в советское время получил отражение в довоенной «Истории философии»¹⁰.

В целом советские ученые в 20—40-е годы проделали значительную работу по изучению историко-философского процесса в странах Востока. Изменение теоретических и методологических основ востоковедения, накопление опыта историко-философских исследований, проводимых с позиций марксистско-ленинской методологии, расширение тематики работ, создание новой источниковедческой базы заложили фундамент для дальнейших работ как по изучению философской мысли в отдельных регионах Востока, так и для построения первых схем историко-философского процесса народов зарубежного Востока в целом.

⁶ См.: Петров А. А. Философия Китая в русском буржуазном Китаеведении // Библиогр. Востока. Л., 1935. Вып. 7.

⁷ См.: Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен». М., 1960.

⁸ См.: Бартольд В. В. Культура мусульманства. Пг., 1918; Он же. Мусульманский мир. Пг., 1922; Он же. Учение мусульманского «Ренессанса» // Зап. коллегии востоковедов. Л., 1930. Т. V; Якубовский А. Я. Иран на грани VIII века // Тр. первой сессии арабистов. М.; Л., 1937; Беляев Е. А. Историко-социологическая теория Ибн-Халдуна // Историк-марксист. 1940. № 4/5; Заходер В. Н. История восточного средневековья. М., 1944; Крачковский И. Ю. Таха Хусейн о доисламской поэзии арабов и его критики // Избр. соч. М.; Л., 1956. Т. III; Пигулевская Н. В. Сирийская культура. Маадакитское движение // Изв. АН СССР. Сер. история и философия, 1944. Т. 4; Бертельс Е. А. Избранные труды. М., 1960—1965. Т. 1—3.

⁹ См.: Происхождение ислама: Хрестоматия. М.; Л., 1931; Смирнов Н. А. Современный ислам. М., 1930; Он же. Мусульманское сектантство. М., 1930. Толстов С. П. Очерки первоначального ислама // Сов. этнография. 1932. № 2.

¹⁰ См.: История философии. М., 1940, Т. 1, С. 433—450.

Следующий этап в исследовании философского знания восточных народов начинается в нашей стране с середины 40-х годов. Расширение межгосударственных и культурных связей со странами Азии и Африки, происходящие в них глубокие социально-политические сдвиги потребовали от советских востоковедов постановки целого ряда принципиально новых задач, что закономерно привело как к расширению круга проблем историко-философских исследований, так и к более углубленной их разработке.

Для изучения развития философской жизни в странах зарубежного Востока большое значение имели осуществленные с конца 40-х годов в большом масштабе публикации *письменных памятников*. Увидели свет «Древнекитайская философия» и «Древнеиндийская философия», в которых были помещены источники, наиболее адекватно характеризующие уровень теоретического мышления китайского и индийского народов в древний период их истории¹¹. В известной степени этапной можно считать публикацию переводов источников по арабо-мусульманской философии¹². В 1969 г. в первом томе «Антологии мировой философии» были изданы систематизированные по темам извлечения из важнейших памятников древней и средневековой мысли народов зарубежного Востока¹³. Введение в научный оборот новых источников подготовило базу для расширения научных изысканий, связанных с развитием философской формы освоения действительности в странах Азии и Африки.

В указанный период советские ученые добились успехов в раскрытии вклада *древнеиндийских* мыслителей в мировую философскую науку. В центре внимания востоковедов-индологов находились такие выдающиеся памятники санскритской письменности, как Ригведа, Атхарваведа, упанишады, брахманы, араньяки, Законы Ману, Артхашастра, Махабхарата, Бхагавадгита и др.¹⁴ Вышли в свет публикации и переводы первостепенных по значимости памятников буддийской философии и культуры¹⁵.

¹¹ См.: Древнеиндийская философия. Начальный период. М., 1963; 2-е изд. 1972; Древнекитайская философия. М., 1972—1973. Т. 1—2.

¹² См.: Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1961.

¹³ См.: Антология мировой философии. М., 1969. Т. 1, ч. I—II. Значительное количество памятников по философии, этике и религии стран Востока издано в серии «Памятники литературы Востока» (с 1965 г. переименованной в серию «Памятники письменности народов Востока»), а также в серии «Литературные памятники».

¹⁴ Махабхарата. М.; Л., 1950—1967, 1976. Кн. I, II, IV, V. Артхашастра. М.; Л., 1959; Махабхарата. Ашхабад, 1959—1967. Т. I—IX; Законы Ману. М., 1960; Брихадараньяка упанишада. М., 1964; Упанишады. М., 1967; Ригведа: Избр. гимны. М., 1972; Атхарваведа: Избранное. М. 1976; Чхандогья упанишада. М., 1976; Махабхарата: Филос. тексты. Ашхабад, 1977; Бхагавадгита // Семенов В. С. Бхагавадгита в традиции и современной научной критике. М., 1985.

¹⁵ См.: Дхаммапада, М., 1960; Васубандху, Абхидхармакоша, Улан-Удэ, 1980, ч. I—III,

Раскрытие глубокого философского смысла этого комплекса источников и их непреходящего культурно-исторического значения сыграло большую роль в развитии историко-философских исследований. В работах был дан научно-критический анализ прогрессивных направлений древнеиндийского философского знания в теснейшей связи с идеологической борьбой и научными достижениями древности, выявлены его позитивное содержание, атеистические, рационалистические и светские традиции, подвергнуты сравнительному анализу различные философские школы и течения как внутри индийской культуры, так и в более широких рамках философской мысли западной и восточных цивилизаций.

Характеристика литературы, источников и проблематики древнеиндийской и средневековой философии представлена в первой главе монографии В. В. Бродова; истории материалистической традиции древности и раннего средневековья, исследованной главным образом на материале системы санкхья, посвящена книга Н. П. Анিকেева; одна из основных систем индийской философии — вайшешика — рассмотрена в работах Е. И. Гостевой и В. Г. Лысенко; попытка сравнительного анализа воззрений греческого мыслителя Платона и учения упанишад предпринята в книге С. Я. Шейнман-Топштейн¹⁶. Истолкование некоторых текстов, существенных для понимания ряда систем индийской философии, проведено В. С. Семенцовым; мировоззрение одного из основателей науки о художественной литературе в Древней Индии освещено в книге Э. Н. Темкина; расширился круг работ по анализу буддийской концептуальной системы и интерпретации ее основополагающих источников¹⁷. Целостную теоретическую реконструкцию веданты (одной из влиятельнейших философских школ Индии), охватывающую период от глубокой древности до первых десятилетий нашего столетия, впервые в историко-философской науке осуществил В. С. Костюченко¹⁸. В первой части монографии показано развитие и обогащение ведантистской мысли, ее эволюция от первых зачатков философских идей до тех понятий и положений, сформулированных в Брахмасутрах Бадараяны, которые и сформировали «ведантистский минимум», определили его специфику, обозначили теоретические рамки веданты, ограничивающие ее от других школ и учений.

¹⁶ См.: Бродов В. В. Индийская философия нового времени. М., 1967; Анিকেев Н. П. О материалистических традициях в индийской философии: древность и раннее средневековье. М., 1965; Гостева Е. И. Философия Вайшешика. Ташкент, 1963; Лысенко В. Г. «Философия природы» в Индии: атомизм школы вайшешика. М., 1986; Шейнман-Топштейн С. Я. Платон и ведийская философия. М., 1978.

¹⁷ См.: Семенцов В. С. Проблемы интерпретации брахманической прозы. М., 1981; Он же. «Бхагавадгита» в традиции и современной научной критике. М., 1985; Молодцова Е. Н. Способы видения мира древними индийцами. М., 1972; Жоль К. Сравнительный анализ индийского логико-философского населения. Киев, 1981.

¹⁸ Костюченко В. С. Классическая веданта и неоведантизм. М., 1983.

В обобщающей работе Г. М. Бонгард-Левина рассмотрено возникновение и развитие основных философских учений, научных знаний и религиозных течений в древней Индии¹⁹. Появились исследования исторического развития отдельных школ через его отражение (путем полемики и внутренней «соотнесенности») в иных синхронных школах и традициях. Статьи в целом ряде сборников сконцентрированы вокруг наиболее важных моментов философской проблематики древней Индии²⁰.

В политико-идеологическом плане осуществленная исследовательская работа имела исключительно важное значение: она очистила материалистическую линию в философии Древней Индии от различного рода идеалистических и мистических наслоений, свойственных буржуазной историко-философской науке. По существу это означало утверждение научного подхода к истории древнеиндийской мысли.

Со второй половины 40-х годов быстрыми темпами стало развиваться и изучение *древнекитайской философии*. За последние тридцать лет достигнуты определенные успехи в издании переводов памятников философской мысли Древнего Китая. К уже имевшимся на русском языке текстам Ван Би «И цзин» и «Дао дэ цзин», переводам глав из «Мэн-цзы», «Чжуан-цзы», «Сюнь-цзы», «Мо-цзы», «Шан цзюньшу», «Хуайнань-цзы» добавились переводы из «Луньюй», «Ли цзи», «Го юй», «Цао чжуань», «Люй ши Чунью», из произведений неоконфуцианцев. При этом перевод на русский язык глав из трактатов «Сюнь-цзы», «Мо-цзы», «Гуань-цзы», «Шан цзюньшу», «Хуайнань-цзы» был осуществлен впервые. В 40—80-е годы было опубликовано значительное количество монографий и статей по древнекитайской философии. Исследования Ян Хиншуна, Ф. С. Быкова, В. В. Малявина, Л. С. Переломова, Л. Е. Померанцевой, М. Л. Титаренко, В. Ф. Феоктистова опираются на солидную источниковедческую базу — филологический анализ текстов древних памятников²¹.

¹⁹ См.: *Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. Философия. Наука. Культура.* М., 1980.

²⁰ См.: *Индия в древности.* М., 1964; *Индийская культура и буддизм.* М., 1972; *Санскрит и древнеиндийская культура.* М., 1979; *Древний и средневековый Восток: история, философия.* М., 1983; *Древняя Индия: язык, культура, текст.* М., 1985; *Санскритологические исследования.* М., 1985; *Древняя Индия. Историко-культурные связи.* М., 1982; *История и культура Центральной Азии.* М., 1983; *Философские вопросы буддизма.* Новосибирск, 1984; *Психологические аспекты буддизма.* Новосибирск, 1986. Изданы в русских переводах фундаментальные работы следующих ученых: *Радхакришнан.* Индийская философия. М., 1956—1957. Т. I—II; *Рой М.* История индийской философии. М., 1958; *Чаттопадхья Д.* История индийской философии. М., 1968; *Он же.* Индийский атеизм. М., 1973.

²¹ См.: *Быков Ф. С.* Зарождение политической и философской мысли в Китае. М., 1966; *Феоктистов В. Ф.* Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. М., 1976; *Померанцева Л. Е.* Поздние даосы о природе, обществе и искусстве: («Хуайнань-цзы». II в. до н. э.). М., 1979; *Переломов Л. С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981; *Титаренко М. Л.* Древнекитайский философ Мо Ди, Его школа и учение. М., 1985; *Малявин В. В.* Чжуан-цзы. М., 1986.

Книга Ян Хиншуна, посвященная критическому анализу философского кредо даосизма²², наряду с другими его работами помогла воссоздать сложную картину становления и развития материалистической мысли. Обобщающий характер имеет работа Ф. С. Быкова, в которой рассмотрен процесс формирования всех основных философских школ Древнего Китая, исследованы воззрения их основоположников и наиболее видных представителей. Л. С. Переломов раскрыл основные мировоззренческие принципы легизма, его социальные установки как по отношению к подданным китайского государства, так и к некитайским народностям. В. Ф. Феоктистову удалось не только лишь охарактеризовать суть философского учения крупнейшего китайского мыслителя древности, но и показать, как осуществлялся синтез конфуцианства и легизма. В исследовании М. Л. Титаренко, посвященном моистской школе, рассмотрены не только социально-политические и этические воззрения ее представителей, но и гносеологические взгляды моистов, конфуцианцев, даосов, легистов. Л. Е. Померанцева на основе анализа трактата «Хуайнань-цзы» показала характер синкретического мышления древних китайцев. В. В. Малявин продемонстрировал тонкое понимание во многом метафоричного учения классика даосизма Чжуан-цзы. Проблемы древнекитайской философии рассматриваются также в целом ряде статей и в работах, посвященных литературе и истории²³.

Исследование В. С. Спирина²⁴ находится на стыке философии и филологии. Открытие им на основе системно-структурного подхода явления универсального параллелизма расширяет возможности дешифровки древних текстов, облегчая работу по адекватной интерпретации содержания классических произведений китайской философии.

В вышедших в первой половине 80-х годов сборниках статей²⁵ освещаются малоизученные аспекты мировоззренческих основ конфуцианства, даосизма и буддизма. В них рассматриваются философские основания традиционной китайской идеологии,

²² См.: Ян Хиншун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.; Л., 1950.

²³ См.: Буров В. Г., Титаренко М. Л. Философия Древнего Китая // Древнекитайская философия. М., 1972. Т. 1; Проблематика истории древнекитайской философии рассматривается в ряде статей В. А. Кривцова, посвященных эстетической мысли Древнего Китая. См., например: Кривцов В. А. Эстетические взгляды древнего и средневекового Китая // Основы марксистско-ленинской эстетики. М., 1960; Он же. Эстетические взгляды Ван Чуна // Из истории эстетической мысли древности и средневековья. М., 1961; Позднева Л. Д. Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая. М., 1967; Федоренко Н. Т. Древние памятники китайской литературы. М., 1978; Штейн В. М. Гуань-цзы. Перевод и исследование. М., 1959; и др.

²⁴ См.: Спирин В. С. Построение древнекитайских текстов. М., 1976.

²⁵ См.: Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики. М., 1982; Дао и даосизм в Китае. М., 1982; Проблемы человека в традиционных китайских учениях. М., 1983.

ее понятийно-терминологический аппарат, проблемы взаимосвязи природы и человека в учениях китайских философов различной ориентации, анализируются классические тексты, связь конфуцианских принципов с социально-политической практикой, процесс формирования и развития даосизма в общем контексте истории духовной культуры Китая.

Исследования советских ученых позволили сформировать более четкое представление о многих проблемах древнекитайской философии: о сущности и критериях нравственного поведения, нравственном идеале, о соотношении между общественным долгом и личным интересом, о принципах государственного управления и др. В этих трудах конкретизируется представление о характере мировоззрения таких мыслителей, как Конфуций, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Сюнь-цзы, Мо-цзы и его последователи, Хань Фэй-цзы, Шан Ян.

В целом появившиеся в последние тридцать лет исследования выявили высокий уровень теоретического мышления народов Индии и Китая и с определенной полнотой раскрыли закономерности развития философского мышления в этих странах в древнейший период.

Известные успехи были достигнуты советскими учеными и в области изучения *средневековой* философии народов Востока. Тем не менее многие важнейшие проблемы философской медиэвистики в целом ряде регионов до сих пор остаются еще малоизученными и ждут своего обстоятельного рассмотрения.

Некоторое отставание наблюдается, в частности, в области исследования философии *средневековой* Индии. Почти не изучены проблемы мировоззрения таких видных мыслителей, как Нанак, Кабир, Чайтанья и других, стремившихся к созданию синтезированных религиозно-философских систем на основе объединения религиозных учений, стоявших во главе широких общественных движений этого времени. Лучшее всего изучена на сегодняшний день ведантистская традиция: в монографии В. С. Костюченко показана дивергенция веданты, оформление ее различных течений — адвайты, вишишта-адвайты и двайты; есть работы, характеризующие борьбу между ведантой Шанкары и тремя неортодоксальными учениями (локаятой, джайнизмом, буддизмом)²⁶.

Сравнительно недавно началось изучение мировоззрения Шанкары (VIII—IX вв.), оказавшего значительное влияние на развитие философии веданты, которая стала со временем самой представительной системой индийской идеалистической философии. Определенное внимание отдельным философским направле-

²⁶ См.: Гуру Нанак: К 500-летию со дня рождения поэта и гуманиста Индии. М., 1972. Анализ философских идей Тулси Даса (XVI в.) посвящена ст.: Баранникова А. П. Философские идеи Тулси Даса // Общее собрание АН СССР. 10—15 июля 1947 г. М., 1948; Костюченко В. С. Классическая веданта и неведантизм; и др.

ниям уделено в коллективном труде «История Индии в средние века» (М., 1969), в работах по истории и литературе этого периода.

Вопросам *средневековой китайской философии* посвящены монографические исследования Н. И. Конрада, Я. Б. Радуль-Затуловского, В. Г. Бурова. Н. Конрад еще в 50-е годы изучал военно-политические доктрины военных деятелей Древнего Китая Сунь-цзы и У-цзы²⁷, одновременно проанализировал их исходные мировоззренческие принципы, обратил внимание на элементы диалектических идей в их высказываниях. В 60-е годы Н. Конрад написал ряд статей²⁸, в которых выдвинул концепцию о китайском ренессансе, связанном с именами таких философов, как Хань Юй, Чжан Цзай, братья Чэн. С их деятельностью он связывал распространение в Китае идей гуманизма.

В книге Я. Б. Радуль-Затуловского²⁹ рассмотрен ряд основных положений конфуцианской философии, а также неоконфуцианства. В. Г. Буров проанализировал натурфилософские и общественно-политические воззрения видного китайского материалиста XVII в. Ван Чуаньшаня³⁰, которые рассматриваются им на широком историческом фоне развития средневековой китайской философии. Монография А. И. Кобзева³¹ посвящена видному китайскому философу Ван Янмину. Автор исследует его синтетические учения в широком контексте основных проблем истории китайской философии в плане соотношения конфуцианства с даосизмом и буддизмом. Появились работы, в которых рассматриваются проблемы буддийской философии в Китае, основные положения отдельных школ китайского буддизма³². Философским сюжетам известное внимание уделялось и в трудах по литературе и истории³³. Проблемы китайской философии средневекового периода рассматривались также в статьях ряда авторов³⁴.

²⁷ См.: Конрад Н. И. Сунь-цзы. Трактат об искусстве. М.; Л., 1950.

²⁸ См.: Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1972.

²⁹ См.: Радуль-Затуловский Я. Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.; Л., 1947.

³⁰ См.: Буров В. Г. Мировоззрение китайского мыслителя XVII в. Ван Чуаньшаня. М., 1976.

³¹ Кобзев А. И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М., 1983.

³² См.: Философские вопросы буддизма. Новосибирск, 1984; Янгутов Л. Е. Философские учения школы хуаянь. Новосибирск, 1984.

³³ См.: Фишман О. Л. Китайский сатирический роман: (Эпоха Просвещения). М., 1966; Крель Ю. Л. Сыма Цянь — историк. М., 1970; Лалина В. Г. Политическая борьба в средневековом Китае. М., 1970; Она же. Учение об управлении государством в средневековом Китае. М., 1985; Малаякин В. В. Жуань Цзи, М., 1979; Бержин Л. Е. Се Линьъюнь. М., 1980.

³⁴ См.: Крицков П. А. Китайский космогонический трактат XI в. // Вopr. философии. 1958. № 12; Гусаров В. Ф. Некоторые положения теории Хань Юя // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования, Ежегодник 1972, М., 1972.

В исследованиях, хронологически охватывающих почти двадцать веков, излагаются взгляды крупных средневековых мыслителей как даосского, так и конфуцианского направлений, делается попытка раскрыть содержание онтологических систем средневекового конфуцианства, развитие его этико-политической доктрины и связанную с этим модификацию представлений конфуцианцев об источнике морали, соотношении общественных норм и индивидуальных потребностей, нравственной цели и средств ее реализации, о смысле жизни и идеале человека; выявлен характер решения теоретико-познавательных проблем; рассмотрены социально-политические идеи данной эпохи.

Вместе с тем нельзя не отметить, что вне поля зрения ученых остались еще многие проблемы: по существу только началось изучение неодаосизма; лишь в самое последнее время появились работы по китайскому буддизму; нет исследований, специально посвященных Ли Чжи, Хуан Цзунси, Гу Янью и др.; до сих пор еще нет адекватного представления о сущности мировоззрения таких представителей неоконфуцианства, как братья Чэн и Чжу Си.

Изучение средневековой японской философии (как на стадии ее зарождения в IX—XII вв., так и на последующих этапах ее развития) в нашей стране началось относительно недавно³⁵. В наиболее авторитетных изданиях, таких, как шеститомная «История философии» (разделы написаны Я. Б. Радуль-Затуловским), философская мысль Японии представлена периодом XVII—XVIII вв., т. е. уже с начала разложения феодальных отношений³⁶. Я. Б. Радуль-Затуловский анализирует воззрения таких крупнейших мыслителей, как Каибара Экикэн, Андо Сэаки, Муро Кюсо, Ямагата Банто и других важнейших представителей материализма, боровшихся с конфуцианской идеалистической философией и буддийской религией³⁷. Вышли в свет работы, посвященные отдельным аспектам японской философии, в частности монография Т. П. Григорьевой³⁸, а также монография Ю. Б. Козловского, посвященная методологии историко-философского исследования восточной философии³⁹.

Существенно продвинулось за последние тридцать лет изучение философии стран *Арабского Востока* в средние века. В по-

³⁵ Горегляд В. Н. Буддизм и японская культура VIII—XII вв. // Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. М., 1982; Изнагович А. Н. Буддизм и даосизм в Японии // Дао и даосизм в Китае. М., 1982; Он же. Среда обитания в системе японской культуры. М., 1985.

³⁶ См.: История философии: В 6 т. М., 1959—1965. Т. 1.

³⁷ См.: Радуль-Затуловский Я. Б. Андо Сэаки — философ-материалист XVIII в. М., 1961; Он же. Конфуцианство и его распространение в Японии; Он же. Из истории материалистических идей в Японии в XVII в.—первой половине XIX в. М., 1972.

³⁸ См.: Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М., 1979.

³⁹ Козловский Ю. Б. Методологические проблемы изучения философской мысли стран Дальнего Востока // Филос. науки. 1986, № 5.

следние десятилетия впервые на русском языке увидели свет сочинения таких мыслителей как аль-Фараби, Ибн Сина, Бируни, Ибн Рушд, Ибн Халдун, аль-Газали⁴⁰.

По мере расширения изучения философской мысли Востока все более отчетливо осознавалось важное значение средневековой арабоязычной философии. Представляемая как определенное типологическое единство, она прежде всего выделяется своим глубоко светским, неконфессиональным духом мышления. Это выявленное в исследованиях советских ученых необычное в целом для интеллектуальной ситуации средневековья обстоятельство позволяет исследователям вносить коррективы в саму структуру традиционных историко-философских представлений. Изучение арабоязычной философии средневековья является многоаспектным, широкоохватывающим по объему ставящихся задач и целей исследованием.

Естественно, не все аспекты темы «Средневековая философия в странах Ближнего и Среднего Востока» разработаны на сегодняшний день пропорционально и с должной тщательностью. Наибольшее внимание уделено творчеству отдельных крупных мыслителей, создателей целых философских систем — таких, как аль-Фараби, Ибн Сина, Бируни, Ибн Рушд, Ибн Халдун⁴¹, правда, рассматривались воззрения и некоторых других мыслителей, а также различные иные течения в духовной жизни средневекового Арабского Востока (исмаилизм, мутазилизм)⁴². Ценный в

⁴⁰ См.: *Ибн Сина*. Даниш-намэ. Сталинабад, 1957; *Он же*. Канон врачебной науки: В 4 т. Ташкент, 1954—1960; *Аль-Бируни*. Избр. произведения. Ташкент, 1957. Т. II; *Аль-Фараби*. Философские трактаты. Алма-Ата, 1970; *Он же*. Социально-этические трактаты. Алма-Ата, 1973; *Он же*. Логические трактаты. Алма-Ата, 1975; *Он же*. Комментарии к «Альмагесту» Птолемея. Алма-Ата, 1975; *Ибн Сина*. Избр. филос. произведения. М., 1980; *Абу Али ибн Сина*. Избр. произведения. Душанбе, 1980; *Аль-Газали*. Оживление религиозных наук. М., 1980.

⁴¹ В СССР существует значительная по объему литература по средневековой философии народов Ближнего и Среднего Востока в виде монографий, коллективных трудов и статей в различных сборниках и периодических изданиях как на русском языке, так и на языках народов СССР (в основном национальных языках республик Средней Азии, Казахстана, Азербайджана). Укажем лишь монографические исследования и некоторые принципиально важные статьи на русском языке: *Болтаев М. И.* Вопросы гносеологии и логики в произведениях Ибн Сины и его школы. Душанбе, 1965; *Вациева С. М.* Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мухаддима». М., 1965; *Булгаков П. Г.* Жизнь и труды Бируни. Ташкент, 1972; *Гафуров Б. Г.*, *Насымжанов А. Х.* Аль-Фараби в истории культуры. М., 1975; *Игнатенко А. А.* Ибн Халдун. М., 1980; *Сагадеев А. В.* Ибн Рушд. М., 1974; *Он же*. Ибн Сина. М., 1980; *Хайруллаев М. М.* Фараби: эпоха и учение. Ташкент, 1975; *Шарипова А. А.* Великий мыслитель Абу Райхан Бируни. Ташкент, 1972; *Шидфар Б. Я.* Ибн Сина. М., 1980; *Фролова Е. А.* Проблема веры и знания в арабской философии. М., 1983; *Насымжанов А. Х.* Аль-Фараби. М., 1982.

⁴² См.: *Пигулевская Н. В.* Города Ирана в раннем средневековье. М.; Л., 1956; *Макоевский А. Ф.* Атомистика на Ближнем Востоке // *Вопр. философии*. 1957. № 3; *Закеев А.* Философия ан-Наззема. Баку, 1961; *Он же*. Философия «братств чистоты». Баку, 1964; *Мустафаев Д. В.* Философские и этические воззрения Низами. Баку, 1962; *Петрушевский И. И.* Ислам в Иране в VIII—XI вв. Л., 1966; *Чолоян В. К.* Восток — Запад: преемственность в философии античного и средневекового

познавательном отношении естественнонаучный и философский материал собран в различных коллективных трудах⁴³. Одной из первых попыток дать целостную картину средневековой философии арабоязычного Востока явилась монография С. Н. Григоряна «Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока», (М., 1966). Прошедшие с тех пор годы в истории философской медиэвистики ознаменовались дальнейшим и весьма значительным расширением фронта источниковедческой и исследовательской работы. Определенное обобщение этот этап в изучении средневековой философии на Арабском Востоке получил в соответствующих разделах труда В. В. Соколова «Средневековая философия» (М., 1979). Современное состояние исследований позволяет поставить вопрос о создании фундаментального труда, специально посвященного средневековой арабской философии как существенно значимому пласту в истории мировой философской мысли. Многие для этого дают работы Сагадеева⁴⁴.

В общем и целом исследования, проведенные в последние десятилетия, четче выявили суть и основные потенции того типа мышления, которое характерно для средневекового Арабского Востока, резко обозначили определяющие моменты его своеобразия. Взятые в совокупности, они конкретизируют основополагающее для марксистской интерпретации истории средневековой арабоязычной философии положение о творческом характере деятельности ее представителей, ни в коей мере не сводимой лишь к комментированию исходного для них мыслительного материала — идей, концепций и доктрин греческой философии. Если прежде это положение высказывалось в общей форме, то в настоящее время оно раскрыто в анализе отдельных проблем (история перипатетизма в арабоязычном средневековье, отношение средневековых арабоязычных мыслителей к платонизму и неоплатонизму⁴⁵, восприятие ими идей стоицизма, история атомиз-

общества. М., 1968; *Бертельс А. Е. Насири Хосров и исмаилизм*. М., 1969; *Турсунов А. А. От мифа к науке*. М., 1973; *Додихудоев Х. Очерки философии исмаилизма*. Душанбе, 1976; *Пигулевская Н. В. Культура сирийцев в средние века*. М., 1979.

⁴³ См.: Из истории науки и культуры средневекового Востока. М., 1960; Из философского наследия народов Востока. Ташкент, 1972; Аль-Фараби. Научное творчество. М., 1975; Абу Али ибн Сина: К 1000-летию со дня рождения. Ташкент, 1980; Ибн Сина и средневековая философия. Душанбе, 1981; О логическом учении аль-Фараби. Алма-Ата, 1982; Из истории философии освободившихся стран. М., 1983.

⁴⁴ См.: *Сагадеев А. В. От Авиценны к Ибн-Сине: опыт адекватной реконструкции восточноперипатетической мысли // Абу Али ибн-Сина: К 1000-летию со дня рождения; Он же. Очеловеченный мир в философии и искусстве мусульманского средневековья // Эстетика и жизнь*. М., 1974. Вып. 3; *Он же. Учение Ибн-Рушда о соотношении философии, теологии и религии и его истоки в трудах аль-Фараби // Аль-Фараби. Научное творчество; Он же. Наследие ислама: история и современность // Уотт У. М. Влияние ислама на средневековую Европу*. М., 1976; *Он же. Знание и познавательное отношение к действительности в средневековой мусульманской культуре // Розенталь Ф. Торжество знания*. М., 1979.

⁴⁵ См.: *Шаймухамбетова Г. Б. Арабоязычная философия средневековья и классическая традиция*. М., 1979.

ма и др.), насыщается текстуально верифицируемым содержанием.

Период позднего средневековья в странах Ближнего и Среднего Востока еще не стал объектом углубленного изучения советских историков философии. Особенности исторического развития региона (крестовые походы, монгольские нашествия, турецкое владычество, колониализм) обусловили своеобразие духовной культуры, выразившееся в господстве религиозной идеологии. Это обстоятельство пагубно сказалось на развитии философской мысли, которая в указанный период как таковая не осознавалась и в существенно трансформированном виде была представлена в трудах отдельных представителей суфизма. Исследованию этого направления посвящены монографии Е. Э. Бертельса, Г. М. Керимова, статьи других авторов⁴⁶.

Средневековая философия народов Востока, знание которой, в частности, необходимо для понимания существа многих философских течений современности, несомненно нуждается в более обстоятельном, серьезном и многоплановом рассмотрении.

Всестороннее изучение закономерностей и особенностей сложнейших общественно-политических и культурно-идеологических процессов, происходящих в странах Востока в новое и новейшее время, находится в центре внимания советских востоковедов.

Изучение индийской философии нового и новейшего времени обогатилось рядом работ, вскрывающих существо воззрений мыслителей и общественно-политических деятелей XIX—XX вв. (Рама Мохана Рая, Свами Вивекананды, Ауробиндо Гхоша, Мохатмы Ганди, Дж. Неру и др.), сыгравших большую роль в разработке идейных основ национально-освободительного движения в Индии. Широкий спектр философских и социально-политических идей мыслителей, опиравшихся в идейно-теоретическом обосновании своих учений на одни и те же понятия традиционной индийской философии, потребовал выявления демократических, рационалистических элементов в общей структуре их философских построений, уяснения теснейшей связи их теорий с потребностями антиколониального движения. Освещению основных моментов истории философской и социологической мысли Индии нового времени (1850—1917 гг.) посвящена работа В. В. Бродова⁴⁷. Критический анализ идеалистической системы видного философа Ауробиндо Гхоша, принимавшего активное участие в антиколониальной борьбе в начале века, дан в монографии В. С. Костюченко. Ему же принадлежит и исследование

⁴⁶ См.: Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература: Избр. произведения. М., 1965. Керимов Г. М. Аль-Газали и суфизм. Баку, 1968; Кулисаде З. О некоторых противоречиях в определении и оценке суфизма в нашей литературе // Изв. АН АзССР. Сер. обществ. наук, 1965. № 5; Степаняц М. Т. Исторические судьбы суфизма // Вopr. философия. 1980. № 5; и др.

⁴⁷ См.: Бродов В. В. Индийская философия нового времени. М., 1967.

мировоззрения крупнейшего мыслителя XIX в. Свами Вивекананды. В. С. Костюченко представил процесс так называемой «политизации веданты», продемонстрировав теснейшую связь интерпретации классического наследия мыслителями ведантистской ориентации с потребностями крепнувшего освободительного движения⁴⁸. Мы имеем сейчас обстоятельное исследование философских, этических и эстетических воззрений М. К. Ганди, лидера и идеолога индийского антиколониального движения на завершающем его этапе⁴⁹. Увидели свет работы, содержащие новый подход к творчеству ряда индийских философов; больше внимания стало уделяться таким малоизвестным и слабо изученным течениям общественно-философской мысли, как, например, философский натурализм. Появились комментированные переводы новых источников — например, философской поэмы Бахтавара «Сунесар» (начало XIX в.), в которой изложена концепция шунья — одна из важнейших категорий древнеиндийской диалектики — и дана ее интерпретация в натурфилософском и этическом плане⁵⁰.

В обобщающих монографиях А. Д. Литмана рассмотрены вопросы онтологии, гносеологии, сущности философии и ее соотношение с религией, проблема человека, а также наиболее общие вопросы морали и теории ценностей в философских системах, возникших и развивающихся после обретения Индией политической независимости. В полемически заостренной форме обсуждена совокупность проблем, ключевых для истории индийской теоретической мысли, показана мировоззренческая и методологическая несостоятельность подходов ряда зарубежных ученых к освещению развития философского процесса в Индии новейшего времени⁵¹. Историко-философская проблематика этого периода представлена также в коллективных монографиях, в разделах трудов по истории Индии, в ряде статей⁵².

Специальную область исследований составляет изучение современной *пакистанской философской и социологической мысли*,

⁴⁸ См.: Костюченко В. С. Интегральная веданта. М., 1970; Он же. Вивекананда. М., 1977. Он же. Классическая веданта и неоведантизм.

⁴⁹ См.: Комаров Э. Н., Литман А. Д. Мировоззрение Мохандаса Карамчанда Ганди. М., 1969.

⁵⁰ Литман А. Д. Традиции философского натурализма в Индии и мировоззрение Дев Атмы. М., 1982; Бахтавар. Сунесар/Пер., вступ. статья и коммент. И. Д. Серебрякова. М., 1978; Литман А. Д. Сарвепалли Радхакришнан. М., 1983.

⁵¹ См.: Литман А. Д. Философская мысль независимой Индии. М., 1966. Он же. Современная индийская философия. М., 1985.

⁵² См.: Рабиндранат Тагор: К 100-летию со дня рождения (1861—1961). М., 1961; Общественно-политическая и философская мысль Индии. М., 1962; Гордон-Полонская Л. Р. Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана. М., 1963; Мировоззрение Джавахарлала Неру. М., 1973; Из истории прогрессивной общественной и философской мысли в Индии. Ташкент, 1978; Философское наследие народов Востока и современность. М., 1983; Философия и религия на зарубежном Востоке. М., 1985; Литман А. Д. Индуизм и современная индийская философия // Индуизм. Традиции и современность. М., 1985.

ее специфических особенностей, различных теорий «исламского» пути развития и пр.⁵³

Новому и новейшему периоду в истории китайской философии посвящены работы В. Г. Бурова, Э. Я. Баталова, А. Г. Крымова, Н. Г. Сенина и др.⁵⁴ В работах Н. Г. Сенина рассматривается широкий спектр проблем, связанных с кризисом традиционной феодальной философии и появлением в Китае идей, заимствованных из-за границы. Он же в систематизированном виде изложил мировоззрения Сунь Ятсена, проанализировал его философские взгляды. Книга А. Г. Крымова посвящена вопросам распространения марксизма в Китае, анализу развития общественной мысли накануне создания КПК. Э. Я. Баталов явился пионером изучения современной китайской философии (Ху Ши, Фэн Юлапъ, Лян Шумин). В монографии В. Г. Бурова дана широкая панорама развития китайской философии (как буржуазной, так и марксистской) в 20—70-е годы нынешнего столетия.

В упомянутых исследованиях показано, что поиск путей решения социальных и национальных проблем породил идеологию реформизма, попытки сочетать новейшие социологические и философские теории, почерпнутые на Западе, с традиционными представлениями об идеальном обществе, уходящими в глубокую древность. Все это привело к оригинальным концепциям, имевшим буржуазно-либеральный, либо буржуазно-революционный (революционно-демократический) характер. Советские ученые проделали также определенную работу по изучению проблемы развития в Китае идей марксизма-ленинизма. Историко-философская проблематика затрагивалась также в статьях и работах более широкого плана, в коллективных трудах, посвященных истории Китая, в ряде сборников⁵⁵.

Определенная работа проделана и по изучению философской мысли Японии в новое и новейшее время. В частности, по истории буржуазной философии довоенного периода исследовано основное течение «классического» японского идеализма 20-х — начала 40-х годов — философия так называемой киотской школы. В работах Ю. Б. Козловского дан критический анализ философской концепции ее основателя и крупнейшего представителя — Нисиды Китаро, им же рассмотрена концепция известного фило-

⁵³ См.: Степаняц М. Т. Философия и социология в Пакистане. М., 1964.

⁵⁴ См.: Сенин Н. Г. Общественно-политические и философские взгляды Сунь Ятсена. М., 1956; Крымов А. Г. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае в 1900—1917 гг. М., 1972; Буров В. Г. Современная китайская философия. М., 1980; Борох Л. Н. Общественная мысль Китая и социализм: Начало XX в. М., 1984.

⁵⁵ См.: Кривцов В. А., Краснова В. А., Ли Дачжао. От революционного демократизма к марксизму-ленинизму: Из истории борьбы за победу марксизма-ленинизма в Китае. М., 1957; Тихвинский С. Л. Движение за реформы в Китае и Кан Ювэй. М., 1959; Илюшечкин В. П. Крестьянская война тайпинов. М., 1967; Новая история Китая. М., 1972; Китай. Поиски путей социального развития. М., 1979; Делюсин Л. П. Спор о социализме. 2-е изд. М.; 1980; и др.

софа-идеалиста довоенной Японии Вацудзи Тэцуро⁵⁶. В монографии Б. В. Поспелова анализируются философские взгляды Нисида Китаро, Танабэ Хадзимэ, Мики Киёси⁵⁷. Критическому рассмотрению философии Мики Киёси посвящена монография Н. Т. Соловьева и А. А. Михалева⁵⁸. В процессе анализа концепций Нисида, Танабэ, Мики авторы прослеживают влияние на их взгляды западноевропейской идеалистической философии и прежде всего экзистенциализма. Н. Т. Соловьев и А. А. Михалев, а также К. А. Гамазков касаются и вопроса о распространении марксистской философской мысли в Японии в первой половине XX в., характеризуют деятельность «общества по изучению материализма» и воззрения его основателей — выдающихся философов-марксистов Японии Тосака Дзюн и Нагата Хироси⁵⁹.

Критический анализ современной послевоенной буржуазной философии Японии представлен в монографиях Ю. Б. Козловского⁶⁰. Автор, изучая основные направления и тенденции развития современной японской буржуазной философии, критически рассмотрел взгляды Уэяма Сюмпэй, Судзуки Тору, Итии Дзиро, Цуруми Сюнсуке, Имамита Томонобу, Канэко Такэдзо и др., раскрыл специфические особенности развития японского экзистенциализма, прагматизма, неопозитивизма. В указанных выше монографиях Ю. Б. Козловского и Б. В. Поспелова дан критический анализ концепций ведущих представителей буржуазной японской социальной философии и социологии.

В этих монографиях кратко характеризуются также взгляды наиболее видных философов-марксистов: Кодзай Есисигэ, Мори Коити, Ивасаки Тикацугу, Сибата Синго и др. Анализу философской концепции Мори Коити посвящена работа В. М. Гайдара⁶¹.

В 60-х годах появились первые исследования по истории общественно-политической и философской мысли других народов Азиатского континента. В частности, развитию философской мысли в Корее посвящены работы А. М. Ушкова⁶², философии

⁵⁶ См.: Козловский Ю. Б. Распространение экзистенциализма в Японии // Современный экзистенциализм. М., 1966.

⁵⁷ См.: Поспелов В. В. Очерки философии и социологии современной Японии. М., 1971.

⁵⁸ См.: Соловьев Н. Т., Михалев А. А. Философские взгляды Мики Киёси и общественная мысль Японии в конце 20-х — начале 30-х годов. М., 1975.

⁵⁹ См.: Гамазков К. А. Из истории распространения марксизма-ленинизма в Японии. М., 1971.

⁶⁰ См.: Козловский Ю. Б. Философия экзистенциализма в современной Японии. М., 1972; Он же. Современная буржуазная философия в Японии. М., 1977.

⁶¹ См.: Гайдар В. М. Японский марксизм в борьбе против идеалистического мировоззрения // Вопр. философии. 1977. № 8.

⁶² См.: Ушков А. М. Развитие философской науки в КНДР // Вопр. философии. 1959. № 8; Он же. Некоторые вопросы истории философской школы в Корее эпохи феодализма // Там же. 1962. № 5.

Индонезии — А. Ф. Коробкова, А. И. Ионовой, А. Б. Беденького⁶³.

В исследованиях последних десятилетий критическому анализу подвергался весь комплекс общественных изменений, происшедших в странах Ближнего и Среднего Востока в конце XIX — начале XX в. Развитие общественной мысли XIX—XX вв. в Сирии и Египте рассмотрено З. И. Левиным⁶⁴; критике современной буржуазной социологии Ирана посвящена монография Г. Б. Гусейнова⁶⁵; та же проблема применительно к Турции раскрыта Ю. Рустамовым⁶⁶.

Концентрация внимания на проблемах общественно-политического характера обусловлена в известной мере особенностями современной общественной жизни стран Ближнего и Среднего Востока. Рассматривая эти проблемы, советские авторы стремятся выяснить взаимосвязь религии и философии, особенности религиозной идеологии в странах Востока, критически подойти к анализу «мусульманских» философских, политических, социально-экономических и этических концепций. В исследованиях⁶⁷ показано, что процесс секуляризации в данном регионе встречает объективные трудности, обусловленные чрезвычайным разнообразием конкретно-исторических условий, сложившихся в различных странах этого региона.

Определенную концептуальную завершенность получило изучение религии ислама в работах М. Т. Степанянц⁶⁸. Проблемы религии автор рассматривает в их соотносительности с процессом секуляризации, что открывает возможность адекватного истолкования сущности происходящих процессов не только в сфере социально-политической, но и в области идеологии и культуры.

Предметом исследования советских ученых в последние годы стала и философская мысль в странах тропической Африки. Работы в этой области ведутся в общем контексте изучения культурно-идеологической ситуации в африканских странах, для которых характерно все большее размывание национализма и рас-

⁶³ См.: Коробков А. Ф. Буржуазная общественно-политическая и философская мысль Индонезии. М., 1972; Ионова А. И. «Мусульманский национализм» в современной Индонезии (1945—1965). М., 1972; Беденький А. Б. Идеология национально-освободительного движения в Индонезии, 1917—1942 гг. М., 1978; Ионова А. И. Ислам в Юго-Восточной Азии: проблемы современной идейной эволюции. М., 1981.

⁶⁴ См.: Левин З. И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте. М., 1972; Он же. Развитие арабской общественной мысли. 1917—1945 гг. М., 1979.

⁶⁵ См.: Гусейнов Г. Б. Критика современной буржуазной социологии Ирана. Баку, 1973.

⁶⁶ См.: Рустамов Ю. Современная турецкая буржуазная социология. Баку, 1967.

⁶⁷ См.: Дорошенко Е. А. Шитское духовенство в современном Иране. М., 1975; Мустафаев Г. И. Идеология ислама и ее роль в начале XX в. Баку, 1973.

⁶⁸ См.: Степанянц М. Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока (XIX—XX вв.). М., 1974; Она же. Мусульманские концепции в философии и политике. М., 1982.

хождение между различными направлениями общественной мысли⁶⁹.

Исторические процессы, происходящие в странах Востока в последнее время, требуют создания обобщающих трудов, в которых всесторонне и глубоко анализировались бы общие закономерности и специфические особенности развития историко-философского процесса в этих странах. На протяжении последних двух десятилетий уже получили освещение такие вопросы, как состояние и тенденции развития философии в условиях политической независимости, становление и развитие идеологии национально-освободительного движения, рост популярности и влияние идей марксизма-ленинизма, особенности идейной борьбы на современном этапе и др.⁷⁰ Растет число работ, в которых дается научно-критический анализ и оценка значимости культурного (в том числе и философского) наследия народов зарубежного Востока в острейшей идейной борьбе современности⁷¹. Советские авторы глубоко исследуют исторически сложившиеся формы взаимосвязи философии и религии, место религиозных доктрин в развитии современных философских концепций, проблему реформации религии на Востоке⁷². Особую значимость

⁶⁹ Ерасов Б. Т. Тропическая Африка: идеология и проблемы культуры. М., 1972; *Он же*. Бытие, мир и человек в африканской философии // Философия и религия на зарубежном Востоке. XX век. М., 1985; См.: Мосейко А. И. Идеология в странах тропической Африки. М., 1984; Илларионов Н. С. Идеология и общественный прогресс в странах тропической Африки. М., 1979.

⁷⁰ Идеологические проблемы национально-освободительного движения. М., 1966; Идеи Октября и идеология национально-освободительного движения. М., 1968; Современные идеологические проблемы в странах Азии и Африки. М., 1970; Негорырые вопросы идеологической борьбы в странах Азии и Африки. М., 1971; Ленинизм и развитие демократической мысли народов Востока. Баку, 1973; Развивающиеся страны: проблемы и идеологические течения. М., 1978; Хорос В. Г. Идейные течения народного типа в развивающихся странах. М., 1980; Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX—XX вв.). М., 1973; Брутенц К. И. Современные национально-освободительные революции. М., 1974; Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1978; Ульяновский Р. А. Очерки национально-освободительной борьбы: Вopr. теории и практики. М., 1976; Громыко А. А. Африка: прогресс, трудности, перспективы. М., 1981; Прижаров Е. М. Восток после краха колониальной системы. М., 1982; Актуальные проблемы идеологии национально-освободительного движения в странах Азии и Африки. М., 1982; Восток: рубеж 80-х годов. М., 1983; Актуальные проблемы философской и общественной мысли зарубежного Востока. Душанбе, 1983; Идеологические процессы и массовое сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1984; Зарубежный Восток и современность. М., 1974; Полонская Л. Р., Вафа А. X. Восток: идеи и идеологи. М., 1982; и др.

⁷¹ См.: Борьба идей в современном мире. Развивающиеся страны: проблемы и тенденции. М., 1978. Т. 3; Современная идейная борьба вокруг философского наследия народов Востока. М., 1981; Философское наследие народов Востока и современность. М., 1983; Ерасов Б. С. Социокультурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1982.

⁷² Философия и религия на зарубежном Востоке. XX век; Религия и общественная мысль народов Востока. М., 1971; Религия и общественная мысль стран Востока. М., 1974.

приобрела в последнее время разработка теоретико-методологических проблем исследовательской работы⁷³.

При всей весомости достижений в области исследования философского процесса в странах Востока целый ряд важнейших проблем все еще ждет своего дальнейшего углубленного изучения. То воздействие, которое оказывают философские традиции, сложившиеся в древности, на различные стороны современной общественной жизни стран Востока, настоятельно требует фундаментального изучения дихотомии «традиция — современность», диктует необходимость многопланового анализа философского наследия народов Востока.

Многое предстоит еще сделать для уяснения богатой философской традиции буддийского вероучения; в стороне остаются пока что многие проблемы древнеиндийских идеалистических учений; мало изучена эстетическая мысль Индии; требуется дальнейшая разработка проблем классовой ориентации конфуцианской этики, а также мировоззренческой сущности учения ранних даосов; нет общепринятой оценки положений социально-политической доктрины легистов в Древнем Китае; в значительной степени открытым остается вопрос о влиянии средневековой арабской философии на западноевропейскую.

Выявление специфики религиозного и философского сознания, их места и роли в традиционных культурах Востока; разработка теоретических проблем атеизма восточных народов продолжают оставаться одними из наиболее актуальных тем исследования. Существенным пробелом является почти полное отсутствие переводов на русский язык памятников средневековой философской мысли многих стран, в первую очередь Индии и Японии.

Весьма важной проблемой является выбор терминологии для адекватного перевода понятий восточных философий. Нуждаются в дальнейшем исследовании философские концепции эпохи Возрождения и Просвещения в истории Востока, относительно которых существуют различные точки зрения. Наконец, важное значение имеет всесторонний научно-критический анализ сложного и противоречивого комплекса философских идей и учений, сопутствующих процессу национального возрождения стран Востока, освободившихся от многовековой колониальной зависимости.

⁷³ Актуальные проблемы философской и общественной мысли зарубежного Востока.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Формирование советской историографии русской философии началось в условиях острой идейной полемики, в первую очередь с апологетами свергнутой российской буржуазии, пытавшимися доказать, что большевики якобы порвали с культурными традициями русского общества; чуть позднее появилась тенденция противоположного, смеловеховского характера, представители которой доказывали, в частности, что большевики и есть истинные наследники «русского национального сознания», разрушающие чуждую им западную культуру и реализующие «мессианское назначение» России. Марксистско-ленинская концепция истории философии в России с самого начала активно противостояла и другим тенденциям буржуазной и мелкобуржуазной идеалистической историографии русской философии¹. Особенно энергично советским философам-марксистам пришлось бороться с немарксистскими трактовками историко-философского процесса в России в период, когда в советском обществе открыто и активно действовали еще ряд известных представителей русской идеалистической философии.

1

В первые годы после Октября буржуазные философы продолжали пропаганду идеалистических и религиозно-мистических воззрений, в значительной мере придерживаясь программы сбор-

¹ Впервые понятие «русская философия» у исследователей-марксистов появилось в 20-е годы. Раньше никто из марксистов этим понятием не пользовался. Еще в начале 20-х годов в связи с антисоветской деятельностью представителей русской буржуазной идеалистической философии самое понятие «русская философия» выступало как своего рода симптом национальной ограниченности, как выражение всего антинаучного, идеалистического, реакционного, что было в общественной мысли дореволюционной России. Ярким примером нигилистического отношения к понятию «русская философия» может служить статья И. Горичевского «Несколько слов о так называемой русской философии». «Настоящее русской философии,— писал И. Боричевский, имея в виду современных ему философов-идеалистов,— не допускает никаких сомнений; перед нами не наука, хотя бы только „возможная в будущем“, перед нами один из тех убожков сверхнаучной метафизики и религиозной публицистики, которые столь показательны для умирающей идеологии падающего классового общества. Будущее так же мало принадлежит „русской“ философии, как и ее западноевропейской сестре» (Книга и революция. 1922. № 3. С. 88). Идеалистической «русской философии», как если бы не было никакой другой русской философии, противопоставлялась «философия русской положительной науки» (Сеченов, Мечников, Тимирязев). Однако несколько лет спустя понятие «русская философия» стало использоваться советскими марксистами также и в положительном смысле. В первой марксистской философской хрестоматии — «Книге для чтения по

ника «Вехи», сущность которой выражалась тезисом о том, что «философия есть один из путей объективирования мистики, высшей же и полной формой такого объективирования может быть лишь положительная религия»². Приспосабливаясь к новой обстановке, используя легальные возможности, определенная часть буржуазной интеллигенции консолидировалась вокруг возрождающихся старых³ и создающихся новых⁴ философских обществ и союзов. Деятельность этих обществ сводилась во многом к устной пропаганде (чтению и обсуждению докладов), однако некоторые из них печатали работы своих членов. Так, петроградское Философское общество выпустило несколько номеров журнала «Мысль».

Активизировалась деятельность частных издательств («Основы», «Берег», «Наука и жизнь»)⁵; оживилась периодическая печать философов-идеалистов⁶. В начале 20-х годов в Москве, Петрограде и в других городах выходили сочинения Л. Карсавина, Н. Лосского, П. Сорокина, Е. Трубецкого, С. Франка, И. Лацшина, А. Белого, Н. Бердяева, П. Флоренского и др.

Характерной особенностью буржуазной философии в первые годы Советской власти было то, что она эволюционировала в сторону религиозно-мистического мирозерцания. «Буржуазия, чувствуя свой конец, ухватилась за мистику»⁷ — так писал в 1922 г. А. Белый, который сам от Вл. Соловьева через неокантианство и антропософию Р. Штейнера ранее пришел к своеобразной системе символизма⁸.

Показательна в этом отношении и проблематика Философского общества при Петроградском университете, на заседаниях которого в течение 1921—1922 гг. были прочитаны доклады Н. Лосского «Бог в системе органического миропонимания», С. Зусмана-Гарта «О бессмертии души», М. Маржецкого «О гра-

истории философии» (1925), составленной А. М. Дебориним, — есть раздел под названием «Русская радикальная философия XIX века», в котором помещены фрагменты работ А. И. Герцена, М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова и Н. Г. Чернышевского.

² Вехи. М., 1909. С. 21.

³ Возобновилась деятельность Московского Психологического общества и Петроградского Философского общества.

⁴ Возникли Вольная академия духовной культуры в Москве; Философский кружок при Петроградском университете; Философская секция Исторического научно-исследовательского института; частный Богословский институт в Петрограде; Философское общество при Донском университете; Костромское философское общество; Саратовское философско-историческое общество.

⁵ В 1924 г. в Москве было зарегистрировано 220, а в Петрограде 99 частных издательств. Часть из них («Гранат», «Кнебель», «Сабашниновы», «Мир» и др.) сотрудничали с Госиздатом, работая по его заданиям и заказам. См.: Мысль, 1919, № 4. С. 111.

⁶ «Мысль», «Мысль и Слово», «Начала», «Наш век», «Вестник литературы», «Летопись дома литераторов».

⁷ Белый А. Петербург. М., 1935. С. 103.

⁸ См. статью А. Белого «Эмблематика смысла» // Символизм, М., 1910,

де божием», Л. Карсавина «Мираж прогресса», Д. Болдырева «Созерцание и разум, бытие и познание» и т. д. Даже в далеком от философии журнале «Артельное дело» С. Аскольдов и Л. Карсавин в 1921 г. поместили статью, посвященные памяти Ф. М. Достоевского, в которых акцентировали внимание на религиозно-мистических идеях писателя.

По своим философским истокам и установкам русский идеализм 20-х годов был неоднороден. Активно функционировали неокантианцы А. Введенский, И. Лапшин, неогегельянец И. Ильин; Н. Лосский и С. Франк обосновывали идеи религиозно-мистического интуитивизма; Н. Бердяев развивал идеи религиозного экзистенциализма.

Анализ многочисленных книг⁹ и статей русских идеалистов позволяет сделать вывод о том, что центральное место в них отведено попыткам идеалистического истолкования сущности мира, закономерностей исторического развития человечества, общественного прогресса. В своих работах Н. Лосский, Л. Карсавин, Н. Бердяев, С. Франк и др. настойчиво утверждали, что в основе бытия лежит духовное, идеальное начало, некая надмирная метафизическая сущность, иными словами — бог. Если Л. Карсавин прямо утверждал, что всякая более или менее глубокая философская система приводит к идее «абсолютного бытия», или «Бога»¹⁰, то Н. Лосский и С. Франк излагали свои религиозные воззрения в несколько завуалированной форме «конкретного идеал-реализма» или «монистического реализма». Мы, писал С. Франк, предлагаем более «продуманное философское мышление», согласно которому «существует, кроме психического и материального, еще третий род бытия, который мы можем назвать идеальным... Идеальное бытие есть вневременное и внепространственное»¹¹. Под этим «третьим родом бытия» мысли-

⁹ См.: Аскольдов А. С. Гносеология. Пг., 1919; Бердяев Н. А. Народ и классы в русской революции. Ниж. Новгород, 1917; Он же. Кризис искусства. М., 1918; Он же. Судьба России. М., 1918; Булгаков С. Н. На пиру Богов. Киев, 1918; Неапов В. Родное и вселенское. М., 1918; Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. М., 1918. Т. 2; Карсавин Л. П. Католичество. Пг., 1918; Он же. Восток, Запад и русская идея. Пг., 1922; Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение философии. Пг., 1922; Лосский Н. О. Введение в философию. П., 1918; Он же. Основные вопросы гносеологии. Пг., 1919; Он же. Материя в системе органического мировоззрения. Пг., 1922; Он же. Логика. П., 1922; Лазарев В. Освальд Шпенглер и его взгляды на искусство. М., 1922; Новгородцев П. И. Политические идеалы древнего мира. М., 1919; Свентицкий В. Н. Война и церковь. Ростов н/Д., 1919; Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1918; Он же. Из прошлого. М., 1918; Флоренский А. П. О мнимостях в геометрии. М., 1922; Он же. Символическое описание // Феникс. Кострома, 1922; Кн. 1; Он же. Число как форма. М., 1923; Франк С. Л. Очерк методологии общественных наук. М., 1922; Он же. Введение в философию в сжатом изложении. Пг., 1922; Шпет Г. Философское мировоззрение Герцена. Пг., 1921; и др.

¹⁰ Мысль. 1922. С. 59.

¹¹ Франк С. Введение в философию в сжатом изложении. С. 61.

лась «сфера более высокая», «сверхмировое бытие», Бог¹². «Философия по существу есть не логика, не теория познания, — утверждал С. Франк, — а богопознание. Единственный предмет философии есть Бог»¹³. Эти воззрения ничем по сути дела не отличались от более откровенных вариантов религиозно-идеалистического философствования.

Подобные религиозно-мистические философские концепции лежали в основе выводов о сущности социально-исторического процесса, носящих реакционный характер. Л. Карсавин, например, заявлял, что «история есть частный случай теофании» (самораскрытия божественности). Развитие общественности и государственности, по его мнению, заключается «во взаимопроникновении церкви и государства, во взаиморастворении их, то есть в осуществлении истинного тела Христова»¹⁴.

В первые годы Советской власти буржуазные идеологи потратили много усилий на то, чтобы доказать случайный характер социалистической революции в России. В революции, утверждали они, повинен «коммунистический атеизм Маркса и Энгельса»; марксизм чужд русскому народу, он представляет собой нечто «наносное», «пришрое». Марксизм, по утверждению Н. Бердяева, С. Франка, П. Новгородцева и других, не имеет ничего общего с особенностями исторического развития России, так как для материализма в России не было никаких реальных предпосылок, и русскому народу извечно «свойственно ощущение святости и божественности всего сущего»¹⁵.

Философы-идеалисты стремились убедить общественное мнение в том, что религиозность является «коренным свойством» русского народа, что философские учения И. Киреевского, А. Хомякова, Вл. Соловьева представляют высший тип национального философствования, в то время как идейно-философское наследие В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева изображалось лишенным философского интереса, всякой оригинальности и самостоятельности¹⁶.

Все особенности и черты русской идеалистической философии, сложившиеся и оформившиеся в конце XIX — начале XX в.¹⁷, остались по сути неизменными и после Октябрьской революции. Новым было лишь то, что в едином антиматериали-

¹² См.: Лосский Н. Материя в системе органического мировоззрения. С. 7.

¹³ См.: Проблемы духовной культуры и религиозной философии. Берлин, 1923. С. 7.

¹⁴ Карсавин Л. Восток, Запад и русская идея. С. 70.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Радлов Э. Очерк истории русской философии. Пг., 1922.

С. 19, 42; Г. Шпет. Очерк развития русской философии. Пг., 1922. Ч. 1. С. 37.

¹⁷ Подробная характеристика русской религиозно-идеалистической философии, ее основных концепций дана в четвертом томе «Истории философии в СССР», М., 1971. Гл. III. С. 51—113.

стическом, антисоциалистическом, антиреволюционном союзе объединились все направления русского идеализма начала XX в.

Оригинальные, талантливые личности и философы, крупные специалисты в области истории философии, некоторые из которых стояли на уровне мировой философской мысли, русские идеалисты в своих религиозно-философских исторических концепциях отразили социальную позицию сошедшего в России с исторической арены класса.

В унисон пессимистическому мировоззрению русских философов-идеалистов звучала книга О. Шпенглера «Закат Европы», на которую они обратили особое внимание. В 1922 г. под названием «Освальд Шпенглер и закат Европы» вышел сборник статей Н. Бердяева, Я. Букшпана, Ф. Степуна и С. Франка, в котором Н. Бердяев, например, писал, что «Закат Европы» — это книга, дающая «ощущение кризиса, перелома, конца целой исторической эпохи». Крушение социальных порядков, ломка старого буржуазного мира и рождение нового, социалистического общества представлялись русским буржуазным философам наступлением безысходного «сумрака и мрака» в истории, отождествлялись с крахом и развалом культуры вообще.

Деятельность представителей идеалистической философии, распространение ими своих идей наносили большой идеологический ущерб молодой Советской республике. В создавшихся условиях необходимо было организовать систематическую идейно-воспитательную работу в антиидеалистическом, антирелигиозном, материалистически-атеистическом духе.

Советские философы-марксисты и видные партийные теоретики и публицисты *В. В. Адоратский, А. В. Луначарский, В. И. Невский, И. И. Скворцов-Степанов, Е. М. Ярославский, А. М. Деборин, П. И. Лебедев-Полянский* и др. развернули в 20-е годы энергичную и аргументированную критику религиозно-мистических построений «представителей мозга народа русского» (как именовали себя буржуазные философы-идеалисты).

В своих выступлениях 20-х годов советские философы-марксисты акцентировали внимание на выяснении реакционных социально-классовых основ русской буржуазной философии первых послеоктябрьских лет, ее контрреволюционной, как правило, ориентации. Они проанализировали причины усиления в русской буржуазной философии религиозно-мистических тенденций, подчеркивая, что в период ломки, крушения капиталистического мира и рождения социалистического общества представители буржуазной интеллигенции были поставлены перед необходимостью решать вопрос: принять революцию или отвергнуть ее? Большинство русских философов-идеалистов пошло по второму пути. Отвергая новое, извращая идеи научного социализма, они отождествляли гибель буржуазно-помещичьих порядков с закатом культуры и цивилизации вообще.

В первых же померах журнала «Под знаменем марксизма» был напечатан разбор сборника «Освальд Шпенглер и закат Европы»¹⁸, подвергнуты критике взгляды русских «шпенглеристов» на перспективы социального развития России и попытки доказать возможность «преодолеть» социализм, опираясь на так называемое «русское мессианство», объединить русский народ «под одним великим и всеразрешающим куполом церкви»¹⁹.

Журнал «Красная новь» также посвятил критике этого сборника ряд статей²⁰. Их авторы выразили общее мнение, что оценка книги Шпенглера в сборнике «Освальд Шпенглер и закат Европы» носит явно апологетический характер. Отмечалась общность идей критикуемого сборника с идеями «Вех», которые призывали русскую интеллигенцию к религиозному смирению, эгоцентризму сознания. «Бердяевы и Франки, бывшие „веховцы“, остановили свой взор, немощный и блуждающий в брэнном мире, на... Шпенглере, чтобы сказать просто и ясно: назад к „Вехам“, к старым „вехам“ 1909 года!»²¹

«Новым» в воззрениях бывших веховцев являлась попытка ссоединения культурологических идей О. Шпенглера с воззрениями несколько модернизированного славянофильства. «Перед авторами встала доистине соблазнительная мысль — доказать, что гибнет Европа, та Европа, которую стремятся обновить новыми социальными силами, причем гибнет она „по-славянофильски“, или показать, что в недрах Запада возымели силу „славянофильские“ идеи и настроения, по крайней мере они составили культурное явление Германии»²².

Одним из объектов марксистской критики в 20-е годы были сочинения Л. Карсавича²³, излагавшего так называемую философию всеединства.

В боге, или совершенном всеединстве, заключено, по Карсавину, не только наше настоящее, но прошедшее и будущее или, иначе говоря, бог всевременен. Вся тварь есть абсолютное ничто, и только в причастности абсолютному всеединству она становится чем-то, начинает обладать жалким подобием всевременности. Человеческая душа актуально переживает настоящее, более бледно прошедшее, а, погружаясь в себя, может воспринимать и будущее. «Всякая более или менее продуманная философская си-

¹⁸ См.: Деборин А. Гибель Европы или торжество империализма // Под знаменем марксизма. 1922. № 1/2; Ваганян В. Наши российские шпенглеристы // Там же.

¹⁹ См.: Под знаменем марксизма. 1922. № 1/2. Ст. 30—32.

²⁰ См.: Грасис К. Вехисты о Шпенглере // Красная новь. 1922. № 2; Вобров С. Контуженный разум // Там же.

²¹ Красная новь. 1922. № 2. С. 198.

²² Там же.

²³ Ваганян В. Ученый мракобес // Под знаменем марксизма. 1922. № 3; В. В. С крестом и богом против материализма // Там же. № 4; Невский В. Нострадамусы XX века // Там же; Преображенский П. Ф. Философия, нап служанка богословия // Печать в революция. 1922. Кн. 6.

стема приводит нас к идее абсолютного бытия или Бога и мыслит это абсолютное бытие, как совершенное, простое всеединство»²⁴. Для типа карсавинского философствования характерен, например, его трактат «О свободе», основное содержание которого сводится к изощренным философско-религиозным различиям между «истинной свободой», свойственной «творению» в его «богобытии», «свободой тварной», которой обладает «всеединство твари», и, наконец, «тварной эмпирически-индивидуальной свободой».

Эти философские взгляды Л. Карсавина были подвергнуты резкой критике со стороны советских философов-марксистов, причем развернутой критике подвергались не только социально-политические выводы из его философских воззрений, но глубоко и продуманно критиковалась их собственно теоретическая сущность. «Если философия в своем стремлении стать обладательницей вечных и общезначимых истин должна дать онтологическое обоснование своей гносеологии, а онтология в своем последовательном развитии принуждена будет упереться в богословский тупик, то можно сказать, что судьбы философии как строгой науки в значительной мере предопределены. Она становится служанкой богословия»²⁵.

Объектом марксистской критики в 20-е годы стали также идеи С. Франка. Основная мысль его заключалась в том, что «управляющая общественным бытием объективная система идей, взятая отвлеченно, как чистая идеальность вообще, вневременна: нормы или заповеди общежития, хотя реально возникают и проходят во времени, по смыслу своему так же независимы от времени, как истины математики и логики»²⁶. Он разрабатывал типичные идеи буржуазной философии права, утверждая, что «право есть общая имманентная форма всех общественных отношений именно в качестве живой идеи, образующей самое существо общественного бытия»²⁷.

С критикой идеи С. Франка выступили С. С. Кривцов, В. В. Адоратский, И. К. Луппол.

Критикуя идеализм С. Франка, В. Адоратский, например, справедливо писал, что «человеческую мысль, абстракцию, являющуюся более или менее слабым отражением объективной действительности в области общественных отношений, своеобразно извращенным отражением действительных общественных отношений между людьми, существующих на деле, — он объявляет самостоятельной сущностью и приписывает ей решающее значение»²⁸.

²⁴ Карсавин Л. П. О свободе. Пг., 1922. С. 59.

²⁵ Печать и революция. 1922. Кн. 6. С. 70, 72.

²⁶ Франк С. Л. Очерки методологии общественных наук. С. 83.

²⁷ Там же. С. 31.

²⁸ Печать и революция. 1922. Кн. 6. С. 240.

Хотя иногда авторы-марксисты 20-х годов руководствовались соображением, что во многих положениях буржуазных критиков марксизма их реакционность и ненаучность выступают настолько явно, что всякая критика и противопоставление им правильных положений становятся совершенно излишними²⁹, все же, как правило, их критические аргументы отличались теоретическим содержанием.

Следует отметить вместе с тем, что в целом в марксистской критике идеалистических философских направлений первых лет после Октября на раскрытие логико-гносеологических основ философских учений русских идеалистов не всегда обращалось достаточное внимание. Этот аспект сравнительно слабо просматривался в выступлениях советских марксистов. Но зато в этих выступлениях была своя сильная сторона: советские философы сумели показать главную линию в эволюции русского идеализма после Октября. В конечном итоге, справедливо подчеркивали они, представители русской идеалистической философии солидарны в признании необходимости религиозного отношения к миру и жизни, в провозглашении того, что в своей деятельности человек должен руководствоваться не «временными» и «преходящими» критериями, а критериями «безусловными», «абсолютными», «религиозными». В статье «Сумерки идеалистической философии» Г. К. Баммель верно замечал, что распространение после Октября мистики и поповщины было по существу одной из идеологических диверсий буржуазии, пытавшейся через своих идейных защитников узаконить мысль, что без религии народ жить не может³⁰. Анализ философских сочинений русских идеалистов³¹ позволил советским ученым сделать правильный вывод о том, что для концепций русских идеалистических философов было характерно глубокое разочарование в силе разума, в возможностях и роли науки и что поэтому они вполне закономерно тяготели к иррационализму и мистике³².

Однако многие представители интеллигенции, в том числе и среди философов, активно и плодотворно работали на ниве новой

²⁹ См.: Мещеряков Н. Волна мистики (из настроений современной эмиграции) // Печать и революция. 1922. Кн. 2(5).

³⁰ Там же. № 7.

³¹ Журнал «Печать и революция» имел специальный раздел для рецензирования новых книг по философии. На страницах этого журнала только в 1922—1923 гг. были отрецензированы книги: Бердяев Н. Смысл истории. Берлин, 1923; Гершензон М. О: Ключ веры. Пг., 1922; Он же. Гольфстрем. М., 1922; Грузенберг С. О. Психология творчества. Минск, 1923; Лапшин И. И. Философские взгляды А. Н. Радищева. Пг., 1922; Он же. Философия изобретения и изобретения философии; Франк С. А. Введение в философию в сжатом изложении; Шпет Г. Философское мировоззрение Герцена; Яковенко Б. Философия большевизма. Берлин, 1924; и др. Хорошо было поставлено рецензирование также в журналах «Большевик», «Под знаменем марксизма», «Красная новь», «Коммунистический интернационал», «Революция и культура».

³² См.: Под знаменем марксизма. 1922. № 3. С. 44—50.

советской науки. Тем более что партия и Советское правительство путем привлечения специалистов к работе помогало им правильно сориентироваться в своих идейно-теоретических позициях³³.

Дальнейшее развитие русской идеалистической философии в основном связано с эмиграцией. У большинства буржуазных философов наметилась в этот период определенная тенденция к отходу от привычных для них абстрактно-метафизических тем к более конкретным темам социально-политического плана, от академического тона изложения к тону «обличающей» воинствующе антисоветской проповеди. Последующая эволюция философских воззрений русских идеалистов опять привела часть из них к прежнему тону академического философствования и сопряженным с ним темам, к более объективному осмыслению своего философского прошлого. Например, Н. Бердяев в одной из своих последних книг — «Самопознание» (1949) писал: «Особенная чувствительность к марксизму у меня осталась и доньше. Марксизм означил совершенно новую формацию, он был кризисом русской интеллигенции... В марксизме меня больше всего пленил историко-софический размах, широта мировых перспектив. По сравнению с марксизмом старый русский социализм представлялся явлением провинциальным. Марксизм конца 90-х годов был несомненным процессом европеизации русской интеллигенции, приобщением ее к западным течениям, выходом на большой простор» (с. 125). Подобное признание, конечно, не говорит о коренной перемене в мирозерцании Бердяева и его окружения, но свидетельствует об отходе от позиции откровенного, воинствующего антисоветизма, от позиции полного неприятия марксизма.

* * * * *

В первые годы новой экономической политики в связи с оживлением капиталистических отношений в экономике у буржуазных элементов возродилась надежда на постепенное «перерождение» Советской власти, надежда на «эволюцию» социалистического государства в буржуазное. Идейно-политическим выражением этих настроений явилось «сменовеховство». В вышедшем

³³ Г. И. Челпанов, Э. Л. Радлов, Г. Г. Шпет, А. С. Ахманов, П. П. Блонский, А. Ф. Лосев, П. А. Флоренский и др. принимали участие в научной и общественной жизни Советской России. Г. Челпанов в течение ряда лет был директором Московского психологического института. Позиция, занимаемая им, допускала распространение марксистского мировоззрения на социальную, но не на общую психологию; последняя, по Челпанову, должна быть свободна от какой бы то ни было философии. В 1928 г. на соискание звания академика был выдвинут Э. Радлов. См.: Известия. 1928. 5 окт. В системе ГОЭЛРО работал П. Флоренский, бывший в годы Советской власти редактором в одном из авторов «Технической энциклопедии», П. Блонский стал известным советским психологом и педагогом. А. Лосев — видный советский философ, крупный специалист и автор многих трудов по истории античной эстетики.

в 1921 г. в Праге сборнике «Смена вех» бывшие кадеты А. Бобрищев-Пушкин, Ю. Ключников, Н. Устрялов и другие заявили о поражении контрреволюции и призвали интеллигенцию во имя патриотизма, во имя «русского национального дела» сменить «вехи», приступить к совместной работе с Советской властью.

«Сменовеховцы» питали надежду, что в связи с нэпом революция уже закончена и на смену ей идет «мирная эволюция». Они полагали, что в России происходит «спуск на тормозах», расценивали нэп как сдвиг в пользу буржуазии, как сдачу позиций пролетарской революции. «Сменовеховство» было не только литературным явлением³⁴, а прежде всего общественно-политическим течением³⁵.

В области философии «сменовеховцы» часто выражали свою неприязнь к материализму и марксизму, но устоявшейся, определенной философской платформы не имели. Например, один из идеологов сменовеховства — С. С. Чахотин пророчил «общий развал материализма» и марксизма, который якобы не выдерживает «напора научной мысли»³⁶. Сам факт Октябрьской революции расценивался «сменовеховцами» как проявление чего-то мистического: «Мистика подлинная и глубокая... раскрывается во всем, что сделало из России страну Советов», — писал в сборнике «Смена вех» Ю. Ключников³⁷.

Идеологическое воздействие сменовеховцев на определенные круги интеллигенции нельзя было недооценивать. На XI съезде партии В. И. Ленин специально остановился на «сменовеховстве», отметив, что «враг говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая перед нами стоит». Классовый характер идеологии «сменовеховцев» был раскрыт в решениях XII Всероссийской конференции РКП(б) (1922 г.). В резолюции «Об антисоветских партиях и течениях» указывалось, что сменовеховское течение может играть объективно-прогрессивную роль, сплачивая те группы эмиграции и русской интеллигенции, которые „примирились“ с Советской властью и готовы работать с ней для возрождения страны. Но вместе с тем нельзя ни на одну минуту забывать, говорилось в резолюции, что и в сменовеховском течении сильны буржуазно-реставраторские тенденции, что сменовеховцам обща с меньшевиками и эсерами та надежда, что после экономических уступок придут политические в сторону буржуазной демократии и т. п.³⁸

³⁴ Литературным органом левого крыла сменовеховцев была газета «Накануне» (издавалась в Берлине до 1924 г.). По темам философии и духовной культуры в газете специализировались Н. Русов и Э. Голлербах — оба ученики В. В. Розанова.

³⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 94.

³⁶ См.: Накануне. Берлин, 1922. № 135.

³⁷ Смена вех. Прага, 1921. № 1. С. 8.

³⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 590.

Если как идеологическое течение «сменовеховство» было недолговременно, то другое, так называемое евразийское, течение³⁹ имело более длительную историю, существуя вплоть до 40-х годов. Первая публикация евразийцев появилась в 1921 г. в Софии под заголовком «Взгляд на Восток». Евразийство предлагало признать наличие азиатских элементов в русской культуре и духовной жизни, отказаться видеть в Западной Европе носительницу единственно возможной прогрессивной культуры, а в подражании Европе — единственно возможным для России путь культурного развития. Эмигрантские идеологи религиозного толка обвиняли евразийцев в стремлении вырвать Россию из числа христианских наций и вернуть к темным векам монгольского ига. Но это обвинение было совсем необоснованным, так как большинство евразийцев полагало, что будущую русскую культуру нужно строить на «христианских основах». П. Н. Савицкий, один из основателей евразийства, утверждал, что православие является главной ценностью для христианина-евразийца. В этом отношении евразийцы очень походили на своих критиков справа. Вместе с тем в их мировоззрении встречались элементы, отличавшие их от других течений в русской эмигрантской мысли после Октября. На словах евразийцы положительно оценивали некоторые аспекты социалистического строительства, иногда даже считая, что опыт коммунистического строительства есть органическое звено в цепи развития евразийских народов.

К евразийскому течению примкнуло большое число философов, историков и социологов (*Г. Вернадский, П. Савчинский, П. Савицкий, Н. Трубецкой, Л. Карсавин, Н. Алексеев, Н. Кленнин* и др.). В ряде книг и статей Г. Флоровский, С. Франк, И. Ильин и А. Карташов выразили солидарность с евразийцами.

В марксистской литературе 20-х годов философия евразийства была подвергнута резкой критике⁴⁰.

«Особенность нового философского направления,— писал *Н. Иванов (Омский)* о евразийцах,— состоит в том, что оно отрицает и берет под обстрел не только материалистическое мировоззрение. Они не приемлют также и буржуазно-деистического или даже такого теистического мировоззрения, которое не решается заявить о себе прямо, а стыдливо затушевывает свою истинную сущность. Обычному философскому идеализму евразийцы противопоставляют почти ничем не прикрытое богословие»⁴¹. Особенно он подчеркивал воинствующий антиматериализм и антимарксизм евразийцев; «Марксизм, как материалистическое мировоззрение, белые критики пытаются представить в виде безжизненного, аб-

³⁹ Помимо евразийского течения, в 20-е годы существовали и другие, но они не имели такого влияния, как «сменовеховство» и «евразийство».

⁴⁰ См.: *Иванов (Омский) Н.* Критика марксизма русскими эмигрантами // Против новейшей критики марксизма. М.; Л., 1929.

⁴¹ Против новейшей критики марксизма. С. 245.

страктного и крайнего рационализма. Это делается ими обычно при теоретическом опровержении его. Но когда ставится вопрос о преодолении его в действительности, то они признают его жизненность и призывают... „с еще неслыханной прямоотой и непреклонной решимостью начать и вести борьбу со всем, что хотя бы в малейшей степени связано с материализмом и атеизмом... Нужно в буквальном смысле искоренять его. Было бы поверхностной и бессильной попыткой бороться только с наиболее резкими проявлениями исторического материализма и атеизма и с одним коммунизмом“⁴².

* * * * *

Если обобщить выступления советских философов-марксистов (В. Адоратский, В. Невский, В. Быстрянский, Г. Баммель, И. Луппол, Н. Карев, В. Ваганян, С. Кривцов, П. Преображенский, Н. Мещеряков и др.) против идеалистической философии в первые годы Советской власти, то в этих выступлениях можно заметить следующие основные направления: 1) выявление связи русского идеализма послеоктябрьских лет с общей линией эволюции развития мировой идеалистической философии начала XX в., вступивший в стадию кризиса и упадка; 2) установление преемственной связи с консервативными и реакционными течениями в русском идеализме XIX в.; 3) стремление показать противоположность теоретических логико-гносеологических основ идеалистических воззрений и принципов философии марксизма; 4) критика реакционных, как правило, контрреволюционных социологических и социально-политических выводов из философии русского идеализма; 5) фиксация основной линии в эволюции философских воззрений русских идеалистов в сторону все большего иррационализма, мистики, слияния с религией.

Идейно-теоретическая борьба «против идеализма, каким бы флагом он ни прикрывался, против мистики, против идеологии загнивающих классов, за марксизм, за материализм»⁴³ развернулась под руководством Коммунистической партии и являлась составной частью той большой работы по пропаганде марксистско-ленинской диалектико-материалистической философии, которая развернулась в нашей стране с 20-х годов. Борьба советских философов-марксистов за преодоление влияния русской идеалистической философии в первые годы Советской власти явилась одним из важных условий утверждения в стране марксистско-ленинского мировоззрения.

⁴² Против новейшей критики марксизма. С. 273.

⁴³ Большевик. 1924. № 10. С. 57.

2

Интерес советских ученых-марксистов к истории русской общественной и философской мысли возрос в связи с постановкой в 20-х годах проблемы ленинского этапа в развитии марксизма. Почему именно Россия стала родиной ленинизма? В поисках все более полного ответа на этот вопрос советские историки стали интенсивно изучать прошлое России, прежде всего 40—90-е годы XIX в., которые рассматривались как основные этапы развития русской общественной мысли, время, когда формировались теоретические предпосылки для распространения марксизма в России, а затем и для становления ленинизма. Необходимо было осмыслить и адекватно применить в исследовательской практике высказанную В. И. Лениным в работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» мысль, имеющую огромное методологическое значение: «В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым „последним словом“ Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»⁴⁴.

Как потребности идеологической борьбы с немарксистскими взглядами, так и внутренние задачи философской науки того времени предопределили преимущественный интерес историков к *прогрессивным, материалистическим идеям и течениям в истории русской философии, течениям, предшествовавшим марксизму и ленинизму в русском освободительном, революционном и социалистическом движении*. Предшественники российской социал-демократии — основная тема исследований 20-х годов в области истории общественной мысли и революционного движения. Речь шла прежде всего о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов»⁴⁵.

Соответственно и русская философия XIX в. представляла перед исследователями теми своими сторонами, которые имели вполне определенную ценность для современности. «Русская радикальная философия XIX в.» или «русская предмарксистская радикальная философия» — такими терминами в 20-е годы именовали объект своих исследований советские историки русской мысли. В круг русских мыслителей, подлежащих изучению

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 7—8.

⁴⁵ Там же. Т. 6. С. 25.

в первую очередь, входили: В. Г. Белинский, А. И. Герцен, М. А. Бакунин, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев, П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев, Н. К. Михайловский, а также некоторые их предшественники и современники (А. Н. Радищев, И. П. Пнин, декабристы, петрашевцы).

Преимущественное внимание к данному кругу мыслителей не означает, однако, что это был всепоглощающий интерес. О весьма серьезных намерениях советских философов 20-х годов по изучению историко-философского процесса в России в более широких пределах свидетельствует тот факт, что уже в 1928 г. в планах Института философии Коммунистической академии предусматривалась *обобщающая работа по истории русской философии*. В проекте одного из томов намеченной к изданию «Философской энциклопедии» мы находим план раздела под названием «Русская философия». Перед нами первая, к сожалению оставшаяся нереализованной в те годы, «схема» историко-философского процесса в России, отражающая коллективное мнение советских историков философии 20-х годов. По тогдашним представлениям история русской философии должна была отражать темы: 1) Отголоски французского материализма в России; 2) Влияние немецких классических идеалистов в России; 3) А. И. Герцен; 4) Н. Г. Чернышевский; 5) Д. И. Писарев; 6) Естественнонаучный материализм в России (И. М. Сеченов и др.); 7) Позитивизм и эволюционизм (Н. К. Михайловский, П. Л. Лавров и др.); 8) Религиозный онтологизм школы В. С. Соловьева; 9) Л. Н. Толстой и толстовство; 10) Лейбницеанство (Л. М. Лопатин); 11) Неокантианство (А. И. Введенский и И. И. Лаппин); 12) Эмпириокритицизм в России (В. В. Лесевич и др.); 13) История философии на Украине; 14) Эмпириомонизм (А. А. Богданов); 15) Марксизм в России (общий очерк); 16) Г. В. Плеханов; 17) В. И. Ленин; 18) Марксизм на Украине; 19) Философия в СССР после Октября⁴⁶. Приведенная схема в известной степени ориентирует нас в вопросе о том, чем занимались и чем собирались заниматься в 20-х — первой половине 30-х годов советские историки русской философии.

20-е — первая половина 30-х годов — своеобразный период в историографии русской философии также и в плане тех *общих принципов*, которыми руководствовались советские историки философии. Влияние методологических установок Г. В. Плеханова — вот то первое, что бросается в глаза, когда знакомишься с литературой тех лет. Влияние плехановской концепции русской общественной мысли и плехановских оценок отдельных русских философов было в первые послеоктябрьские годы огромно, но не исключительно. Уже с первой половины 20-х годов излагались, комментировались и сравнивались с плехановскими идеями ленин-

⁴⁶ См.: Вестн. Ком. акад. 1928. № 30/6. С. 275—276, 279.

ские характеристики и оценки декабристов, русского Просвещения, революционного демократизма и утопического социализма 40—60-х годов XIX в., народничества, философии А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Л. Н. Толстого и др. Статья В. И. Ленина «Памяти Герцена» использовалась для оценки философских взглядов Герцена. Ленинская оценка Н. Г. Чернышевского как великого русского гегельянца и материалиста стала входить в советскую литературу с середины 20-х годов. В юбилейных тезисах для докладчиков, составленных комиссией ЦИК СССР к 100-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского, в сборнике «Ленин о Чернышевском» (1928) нашли отражение многие характеристики, сформулированные В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме» и других его трудах.

Далеко не все ленинские идеи, касающиеся историко-философского процесса в России, были надлежащим образом продуманы, поняты и правильно применены в исследованиях 20-х — первой половины 30-х годов. Успехи молодой советской историографии русской философии становились тем большими, чем успешнее шло освоение ленинского философского наследия (особенно ленинской методологии истории философии) и преодолевалась односторонность некоторых плехановских установок и оценок русской общественной мысли.

Наибольшее воздействие на историографию русской философии 20-х годов оказали идеи Г. В. Плеханова об определяющем влиянии международного фактора при формировании основных направлений русской общественной мысли. Под влиянием плехановской методологии формировались наиболее общие представления о характере и основных тенденциях развития прогрессивной философии в России XIX в.

Россия повторила определенные европейские фазы развития, русская мысль отразила наиболее существенное в европейской мысли, — в таком контексте история русской мысли представлялась как часть всемирной истории мысли, и такое видение господствовало в советской марксистской литературе до середины 30-х годов. Для того чтобы иметь правильное представление о русской философии того или иного периода, необходимо проанализировать идейные течения Запада этого времени — этот тезис не вызывал в 20-х — первой половине 30-х годов возражений, более того, в повторении Россией западноевропейского пути усматривались огромные преимущества русской мысли, которыми объяснялась в конечном итоге победа социалистической революции в России. Доказывалось, что русская мысль по-своему повторила развитие, проделанное в Германии немецкой классической философией. «Гегельянство» А. И. Герцена, В. Г. Белинского, «фейербахианство» Н. Г. Чернышевского, естественнонаучный материализм Д. И. Писарева и марксизм Г. В. Плеханова — так рисовались этапы развития русской мысли, которые формировали

теоретические предпосылки восприятия и развития марксизма в России. В соответствующем контексте выступали и проблема взаимодействия русской и мировой философии и тема *самостоятельности русской философии*.

С первой половины 20-х годов советские авторы стремились доказать, что в лице В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского передовая русская общественная и философская мысль не отставала или, по крайней мере, стремилась не отставать от передовых теорий Запада⁴⁷. На юбилейных торжествах, посвященных столетию со дня рождения Н. Г. Чернышевского, в декабре 1928 г. тема самостоятельности и оригинальности как передовой русской мысли того времени, так и философских взглядов выдающегося русского мыслителя отчетливо прозвучала у многих докладчиков. Например, А. М. Деборин говорил, что после того, как русские мыслители, опираясь на Фейербаха, подвергли критике гегелевскую систему, «русская философская мысль, так или иначе, оплодотворялась немецкой философией, развиваясь дальше до известных пределов самостоятельно. Новый толчок она получила уже значительно позже от учения Маркса и Энгельса, не будучи в состоянии самостоятельно преодолеть достигнутый ею предел в 40-х, а затем в 90-х годах»⁴⁸. «Самая жестокая и придирчивая критика никогда не сможет умалить огромное значение Чернышевского как самостоятельного, оригинального мыслителя и великого борца за народное дело»⁴⁹. Если в области социалистической теории, доказывал А. М. Деборин, русские мыслители 40-х годов не ушли дальше западноевропейских утопистов, то в области философии они сделали большие успехи. Они не поднялись до исторического материализма, а к диалектическому материализму лишь подходили. «Но уже одно то, что наши мыслители *вплотную* подходили к диалектическому материализму, составляет их огромную заслугу и поднимает их очень высоко над многими западноевропейскими учеными и мыслителями»⁵⁰.

Господствовавший в то время взгляд на взаимосвязь русской и мировой философской мысли, на решение вопроса об относительной самостоятельности русской философии, о характере влияния на нее мировой философии, вся совокупность принципов, определявших теоретическое и методологическое лицо тогдашней историографии русской философии, не поддается однозначной оценке. Методологические принципы, применявшиеся в 20-х — первой половине 30-х годов молодой советской историографией

⁴⁷ См.: *Нельский О.* Движение русской общественной мысли от идеализма к марксизму (Белинский — Чернышевский — Плеханов) // Группа «Освобождение труда». 1924. № 2.

⁴⁸ *Деборин А. М.* Философские взгляды Н. Г. Чернышевского // *Летопись марксизма*. 1928. № 7/8. С. 7.

⁴⁹ Там же. С. 3.

⁵⁰ Там же, С. 8—9.

русской философии, были органической частью тогдашней методологии исследований мирового историко-философского процесса, одним из основных элементов которой являлось требование излагать всемирную историю философии прежде всего по основным ее течениям, нашедшим отражение в тех или иных странах, а не просто по странам и регионам. Соответственно представлялась и русская философия. Если, скажем, в истории мировой философии XIX — начала XX в. выделяются течения и направления: вульгарный материализм, лассальянство, неокантианство, махизм и т. д., то каждому из них подбирался «русский эквивалент»: «вульгарный материализм на русской почве», «лассальянство на русской почве», «неокантианство в России», «махизм на русской почве» и т. д.

Рассмотрение истории философской мысли в России в тесной связи с мировой философией — большое достоинство молодой советской историографии русской философии 20-х — первой половины 30-х годов. Такой подход позволял обратить внимание на некоторые узловые моменты эволюции передовой философской мысли к диалектическому материализму как во всемирном, так и в русском масштабе и поставить вопрос о русском материализме 40—60-х годов XIX в. как одном из звеньев всемирного историко-философского процесса, звене, без которого нельзя понять развитие диалектического материализма в конце XIX — начале XX в. Только исходя из бесспорного факта теснейшей связи передовых течений русской философии XVIII—XIX вв. с мировой философией можно было правильно решить вопрос об относительной самостоятельности русского историко-философского процесса, о степени самостоятельности и оригинальности русских мыслителей. Первые шаги советской историографии русской философии на этом пути заслуживают положительной оценки.

Однако при этом следует сделать и очень существенные оговорки. В эти годы еще не уделялось должного внимания внутренней логике истории русской общественной и философской мысли: эту историю стремились представить преимущественно как видоизменение, отражение, повторение западноевропейской мысли или как негативную реакцию на нее. Из того бесспорного факта, что в России получали распространение многие философские идеи, возникшие за рубежом (гегельянство, шеллингианство, фейербахианство, вульгарный материализм, позитивизм и т. д.), делался ошибочный вывод о том, что все существенное и главное в русской философии в целом можно понять лишь сквозь призму западноевропейских философских систем, как их отголосок или модификацию. Между тем даже в тех случаях, когда речь шла о восприятии, ассимиляции философских идей, возникших первоначально на Западе, этот процесс был в первую очередь детерминирован внутрироссийским социокультурным контекстом, внутренней логикой развития русской общественной мысли в целом,

определялся ее традициями и преемственностью: внутренней логике развития русской общественной мысли подчинялось движение как оригинальных, так и заимствованных философских идей. Недоучет внутренней логики развития русской мысли в целом вел к одностороннему рассмотрению историко-философского процесса в России, к недооценке его самостоятельности и оригинальности, а часто попросту к ошибочной квалификации сути философии того или иного мыслителя.

В 20-х годах очень сложной (с точки зрения практической реализации) оказалась проблема соотнесения всякого исторического исследования с современностью, с потребностями текущей общественно-политической и идеологической жизни страны. Вполне осознанную в те годы необходимость «актуализации» историко-философских исследований, ценностного по существу анализа истории русской философии и в первую очередь партийно-классового подхода к ней необходимо было соотнести с научно-объективной методологией познания прошлого. Незавершенность этого комплекса проблем в теоретическом плане, а также неполное проведение этих принципов в практике исследовательской работы наложили свой отпечаток на тогдашние труды по истории отечественной философии.

Хотя выходили книги и статьи, которые во многих аспектах до сих пор могут служить примером осознанных стремлений к органическому сочетанию объективного, конкретно-исторического и партийно-классового анализа, у многих авторов в тот период такого органического сочетания не получилось. Идержки преимущественно ценностного подхода проявлялись у них, в частности, в том, что вольно или невольно философские взгляды того или иного мыслителя соотносились не с теми конкретно-историческими условиями, в которых эти взгляды порождались и функционировали, но ставились в зависимость от степени их сходства или различия с современными исследователю системами идей. Такая методология нередко открывала простор как для значительной модернизации наследия мыслителей, так и переоценки одних и недооценки других.

Другой весьма распространенной чертой сочинений тех лет по истории русской философии был вульгарный социологизм.

Задача целостного воспроизведения историко-философского процесса в России в 20-х — первой половине 30-х годов наметилась лишь в первом приближении. Однако в те годы возможности для ее реализации еще не сложились. Исследованию подвергались лишь отдельные аспекты этого процесса, отдельные течения, персоналии и проблемы. Некоторые авторы (в их числе И. К. Луппол — один из наиболее активных исследователей русской философии XVIII—XIX вв.) недооценивали степень развитости философских традиций русской мысли, односторонне толковали высказывание В. И. Ленина о том, что «в передовых тече-

ниях русской мысли нет такой великой философской традиции, какая связана у французов с энциклопедистами XVIII века, у немцев с эпохой классической философии от Канта до Гегеля и Фейербаха»⁵¹, не рассматривая это высказывание в связи с другим ленинским тезисом, согласно которому «у главных направлений передовой общественной мысли России имеется, к счастью, солидная материалистическая традиция»⁵². С количественной точки зрения, доказывали они, число мыслителей материалистического направления в России невелико. До Октябрьской революции, утверждал Луппол, условия были таковы, что философы-материалисты не могли быть многочисленны. Но, с другой стороны, подчеркивалась и мысль о том, что у русского материализма, особенно XIX в., есть особые достоинства качественного порядка: он эволюционировал в сторону диалектического материализма⁵³. Идея закономерного и поступательного развития к марксизму русского материализма вплоть до Н. Г. Чернышевского (последнему в эти годы отводилась особая и в определенном смысле даже исключительная роль как предшественника марксизма в России в области философии) стала господствующей.

Основным критерием типизации русских материалистов было тяготение или просто их принадлежность к главным материалистическим течениям мировой философии.

Из мыслителей XVIII в., примыкавших к лагерю материалистов, изучались в первую очередь А. Н. Радишев⁵⁴ и И. П. Пнин⁵⁵. Тогда же началось изучение наследия материалистов-декабристов⁵⁶. В. Г. Белинский⁵⁷, А. И. Герцен⁵⁸, Н. А. Добролюбов⁵⁹,

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 128.

⁵² Там же. Т. 45. С. 24.

⁵³ См.: Луппол И. К. Пути философской мысли в СССР // Вестн. Ком. акад. 1927. Кн. XXIV. С. 214; Из истории философии XIX века. М., 1933. С. 137, 345.

⁵⁴ См.: Луппол И. К. Трагедия русского материализма XVIII века: (К 175-летию со дня рождения А. Н. Радищева) // Под знаменем марксизма. 1924. № 6/7; Семенов В. П. Радишев. Очерки и исследования. М.; Пг., 1923.

⁵⁵ См.: Луппол И. К. Русский гольбахинец конца XVIII в. // Под знаменем марксизма. 1925. № 3; Он же. И. П. Пнин и его место в истории русской общественной мысли // Пнин И. Соч. М., 1934.

⁵⁶ См.: Декабристы: К столетию заговора. 1825—1925. М., 1925; Вороницын И. П. Декабристы и религия. М., 1928; Луппол И. К. Философские взгляды декабриста Якушкина // Луппол И. К. Историко-философские этюды. М.; Л., 1935.

⁵⁷ См.: Ваганяк В. Плеханов и Белинский: К 75-летию со дня смерти // Под знаменем марксизма. 1923. № 6/7; Коган П. Белинский и его время. М., 1923; Венок Белинскому: Новые страницы Белинского, речи, исследования, материалы. М., 1924; Вороницын И. П. В. Г. Белинский и религия. М., 1928; Щукин С. Е. В. Г. Белинский и социализм. М., 1929; Лебедев-Полянский В. В. Г. Белинский. Н. А. Добролюбов. М., 1931.

⁵⁸ См.: Левин К. А. И. Герцен. Личность. Идеология. М., 1918; Фриче В. М. А. И. Герцен (1812—1870). М., 1920; Вороницын И. П. А. И. Герцен и религия. М., 1928; Стеклов Ю. А. И. Герцен (1812—1870). Л., 1930.

⁵⁹ См.: Лебедев-Полянский В. Н. А. Добролюбов. М.; Л., 1926; Он же. В. Г. Белинский. Н. А. Добролюбов. М., 1931; Панкевич П. Я. Историко-социологические

Н. Г. Чернышевский⁶⁰ в глазах исследователей 20-х годов — представители самой высокой формы материализма в России в до-марксистский период.

При известных расхождениях в оценке материализма в России XIX в. основной тенденцией было стремление представить его преимущественно как русское фейербахянство. Об этом прямо писал, например, И. Луппол. Из существенных «исключений» из этого «правила» отметим следующие: И. Вороницын сомневался в том, стал ли В. Г. Белинский к концу жизни последователем Фейербаха, т. е. материалистом вообще; вслед за Г. В. Плехановым Ю. М. Стеклов не признавал материалистом А. И. Герцена 40-х годов, полагая, что герценовская философия — новый тип философии, составляющий «промежуточное звено между гегелевским идеализмом и новейшим материализмом».

Наиболее тщательно разбирался в 20-х — первой половине 30-х годов материализм Н. Г. Чернышевского. Общепринятым стал тезис о том, что по сравнению с В. Г. Белинским и А. И. Герценом Н. Г. Чернышевский сделал большой шаг вперед в направлении материалистического мировоззрения, что он был самым крупным, самым оригинальным русским философом-материалистом, что его выступление на поприще философии имело в России исключительное общественное значение, которое сравнивалось, в частности, с влиянием «Сущности христианства» Фейербаха в Германии. Но при анализе материализма Н. Г. Чернышевского выявились и весьма существенные расхождения. Одни называли главу русских шестидесятников последовательным фейербахянцем в том же смысле, в каком для определенного периода фейербахянами назывались К. Маркс и Ф. Энгельс (В. Лебедев-Полянский, Б. Козьмин, В. Кирпотин). При этом у представителей этой тенденции можно было одновременно встретить и оценку Чернышевского как оригинального философа, а не робкого ученика и популяризатора идей великого немецкого материалиста, и мысли о том, что русский философ работал и в таких областях, где Фейербах не проявил себя, что Чернышев-

взгляды Н. А. Добролюбова // Под знаменем марксизма. 1928. № 12; *Он же*. Философское мировоззрение Н. А. Добролюбова // Марксистский сборник. Минск, 1929; *Стеклов Ю.* Жизнь и деятельность Н. А. Добролюбова (1836—1861). Л., 1930.

⁶⁰ См.: *Ильинский В. Г.* Н. Г. Чернышевский как философ. Саратов, 1926; *Доборин А.* Философские взгляды Н. Г. Чернышевского // *Летопись марксизма*, 1926. № 7/8; *Стеклов Ю.* Философские воззрения Н. Г. Чернышевского // Под знаменем марксизма. 1927. № 5; *Он же*. Историко-философские взгляды Н. Г. Чернышевского // *Красная новь*. 1927. № 7; *Ярославский Е.* Николай Гаврилович Чернышевский. 1828—1928. М., 1928; *Фролов И.* Николай Гаврилович Чернышевский (его жизнь, революционная деятельность и научные взгляды). М.; Л., 1928; *Луначарский А. В.* Н. Г. Чернышевский. Статьи. М.; Л., 1928; *Кирпотин В.* Чернышевский и диалектика // Под знаменем марксизма. 1928. № 11; *Каценбоген С. Э.* Философские воззрения Чернышевского. Саратов, 1928; *Кирпотин В.* Чернышевский и марксизм. Л., 1929; *Нейский В. И.* Н. Г. Чернышевский: Популяриный биографический очерк. М., 1931; *Горев В. И.* Н. Г. Чернышевский. Мыслитель и революционер. М., 1934.

ский стремился соединить материализм и диалектику. Признавая влияние на Чернышевского других мыслителей, эти авторы считали тем не менее, что решающее влияние оказал на него Фейербах, что и определило основное содержание и теоретический уровень мировоззрения Н. Г. Чернышевского. В отличие от них Ю. Стеклов, признавая, что Чернышевский довел до крайних логических выводов основные начала феербаховского материализма, доказывал, что не совсем верно говорить о нем только как об ученике Фейербаха, что на мировоззрение русского мыслителя оказали большое влияние французский материализм, английский сенсуализм, а также философия Декарта и Спинозы, что он самостоятельно фактически дошел до материалистической диалектики. На большом влиянии спинозизма на Н. Г. Чернышевского настаивал С. Каценбоген, полагавший, что Спиноза якобы помог Чернышевскому усвоить материалистическую онтологию, понять несостоятельность дуализма и увидеть в мире единую и единственную материальную субстанцию, тогда как Фейербах способствовал лишь выработке антропологического принципа как исходного методологического пункта воззрений на гносеологию и проблемы религии. Наконец, А. М. Деборин не признавал Н. Г. Чернышевского только последователем Фейербаха потому, что усматривал у него попытки самостоятельного, оригинального синтеза материализма Фейербаха и диалектики Гегеля, подобно тому как это делали, по его мнению, К. Маркс и Ф. Энгельс. Фактически А. М. Деборин столь же односторонне оценивал философский материализм Н. Г. Чернышевского, как и Ю. М. Стеклов.

Наряду с феербахианской разновидностью русского материализма второй половины XIX в. выделялись также естественнонаучный, вульгарный, а также механистический материализм. На позитивное историческое значение естественнонаучного материализма Фохта, Бюхнера, Молешотта в России первые указания в советской литературе появились уже в начале 20-х годов, когда остро встал вопрос о союзниках в борьбе за атеизм. Из русских мыслителей к естественнонаучному, механистическому материализму были отнесены Д. И. Писарев, М. А. Антонович, В. А. Зайцев⁶¹. В связи со все возрастающим в 20—30-х годах интересом к философским вопросам естествознания началось изучение и наследия выдающихся русских естествоиспытателей⁶².

Наиболее последовательно оценку Д. И. Писарева как представителя естественнонаучного, механистического материалиста,

⁶¹ См.: *Превеслав В. Ф. Нигилизм Писарева в социологическом освещении* // Д. И. Писарев. М., 1929; *Кирлотин В. Радикальный разночинец Д. И. Писарев*. Л., 1929.

⁶² См.: *Франкфурт Ю. В. Рефлексология и марксизм*. М.; Л., 1926; *Проппер Н. И. Рефлексологическое направление в физиологии* // *За марксистско-ленинское естествознание*. 1932. № 3/4; *Кекечев Н. Х. И. М. Сеченов*. М., 1933.

сближавшегося с позитивизмом, хотя и не ставшего агностиком, дал В. Кирпотин. Он противопоставил материализм Д. И. Писарева и материализм Н. Г. Чернышевского. Такое противопоставление русского естественнонаучного материализма русскому фейербахянству, «писаревцев» и «добролюбовцев» стало широко распространенным в те годы явлением. Разграничение в гносеологическом аспекте двух форм материализма 60-х годов XIX в. не мешало, однако, тому, что в широком мировоззренческом плане лагерь русских материалистов-шестидесятников представлялся как единый, противостоящий философскому идеализму и религиозному мировоззрению. «Реализм 60-х годов» — эта формула стала той обобщающей скобкой, которая позволяла увидеть мировоззрение шестидесятников-материалистов как целое. Наиболее полное определение «реализма 60-х годов», его философских основ, в частности, дал Б. П. Козьмин. Последний считал, что в сфере философии общее двух направлений 60-х годов мы находим в материалистических основах, независимо от того, был ли это фейербахянский материализм Чернышевского и Добролюбова или упрощенческий механистический материализм Писарева и Ткачева⁶³.

В советской историографии русской философии 20-х — первой половины 30-х годов от внимания исследователей не ускользнуло и то обстоятельство, что уже к середине 60-х годов в русской философии наступил момент, когда материализм «писаревского» толка стал брать верх над более высокой формой материализма — материализмом Н. Г. Чернышевского. И здесь впервые в советской литературе возник вопрос о дальнейших исторических судьбах русского материализма 40—60-х годов XIX в. «Переход от материализма Чернышевского к материализму Писарева, — констатировал В. Я. Кирпотин, — свидетельствовал о начавшемся снижении философского уровня русской общественной мысли»⁶⁴. Поворот в истории русского материализма на рубеже 60-х и 70-х гг. охватывался некоторыми авторами и в других понятиях. Высказывалась, например, мысль о том, что в этот период в России произошла смена эпохи «реализма» эпохой «реально-идеалистической»; на смену материализму 60-х годов в 70-е годы пришел позитивизм и агностицизм; властителями дум и наиболее адекватными выразителями новой эпохи стали, мол, П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский.

В принципе такая констатация положения вещей была верной и являлась по существу очень важным историко-философским обобщением. Те исследователи, которые не смогли уловить этого радикального поворота в развитии передовой русской мысли, допускали крупные ошибки. Очень характерной в этом отношении

⁶³ См.: Козьмин Б. И. От «девятнадцатого февраля» к «первому марта»: Очерки по истории народничества. М., 1933.

⁶⁴ Кирпотин В. Радикальный разночинец Д. И. Писарев. С. 79.

представляется попытка И. Книжника-Ветрова доказать, что философия П. Л. Лаврова — это по сути материализм, хотя и не вполне выдержанный, что Лавров изложил якобы антропологию в духе Фейербаха да еще раньше Н. Г. Чернышевского и т. д. Наоборот, правы были те исследователи, которые считали, что основная тенденция в философии П. Л. Лаврова, вполне созвучная общему духу новой эпохи, — позитивистская, а в конечном счете — идеалистическая, что в антропологии последнего сходство с Фейербахом просматривается лишь в отдельных пунктах⁶⁵, что Н. К. Михайловский, как и все народники, отошел от материализма Н. Г. Чернышевского в сторону позитивизма⁶⁶. Из ученых, обращавших особое внимание на материалистические тенденции в мировоззрении идеологов народничества, следует назвать, кроме И. Книжника-Ветрова, Б. И. Горева и Б. П. Козьмина.

Из наиболее видных представителей русской диалектической мысли в советской историографии русской философии 20-х — первой половины 30-х годов более или менее основательно изучались А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский. Суждения о диалектических идеях других русских мыслителей (а также суждения встречались в работах о В. Г. Белинском, М. А. Бакуине, Н. К. Михайловском) носили менее систематический характер.

А. И. Герцена как диалектика довольно высоко ценил Ю. М. Стеклов, полагавший, что русский мыслитель сумел понять сущность диалектического метода, хотя придавал ему скорее идеалистическое, нежели материалистическое толкование⁶⁷. Если сопоставить эту мысль Ю. М. Стеклова с его же взглядом на герценовскую онтологию как переходную от идеализма к материализму, то вырисовывается одна из интерпретаций ленинской оценки философских взглядов А. И. Герцена 40-х годов XIX в. (на статью В. И. Ленина «Памяти Герцена» Ю. Стеклов ссылался). «В крепостной России 40-х годов XIX века, — писал В. И. Ленин об А. И. Герцене, — он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя „алгебру революции“. Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из „Писем об изучении природы“ — „Эмпирия и идеализм“, — написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуидеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом»⁶⁸.

⁶⁵ См.: *Кирпичин В.* Радикальный разночинец Д. И. Писарев.

⁶⁶ См.: *Горев Б. И.* Николай Константинович Михайловский. М., 1931.

⁶⁷ См.: *Стеклов Ю. А. И.* Герцен.

⁶⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 256.

Если А. И. Герцен в 40-х годах пошел дальше идеалистической диалектики Гегеля, к материализму, то значит ли это, что он уже был к 1844 г. материалистом и что ему удалось соединить материализм с диалектикой, или же он еще не был последовательным материалистом? Ю. М. Стеклов фактически придерживался второй возможной интерпретации ленинских высказываний об А. И. Герцене, т. е. полагал, что Герцен подошел к диалектическому материализму, еще не будучи вполне материалистом. Оставалось, правда, неясным, как он оценивал степень подхода к диалектическому материализму в 50—60-е годы, когда А. И. Герцен существенно изменил свое отношение к гегелевской диалектике.

А. М. Деборин также квалифицировал А. И. Герцена как первоклассного мыслителя, полагая, что он вплотную подошел к диалектическому материализму еще в 1844 г., в период, когда диалектическими материалистами не были даже К. Маркс и Ф. Энгельс⁶⁹. Высокие оценки достигнутого уровня диалектики стали тем основанием, по которому А. И. Герцен рассматривался как предшественник марксизма-ленинизма в России, несмотря на то что его философско-исторические и социалистические взгляды расценивались в этот период очень невысоко⁷⁰.

Весьма существенные разногласия в литературе 20-х годов встречались во взглядах на диалектику Н. Г. Чернышевского. Авторы, тяготеющие к плехановской точке зрения, исходили из мысли о том, что Н. Г. Чернышевский не понял сущности диалектики, главной ее черты (тезиса о единстве противоположностей как источнике развития), а следовательно, диалектики как цельного метода у него не было, но он двигался к нему, и поэтому речь может идти лишь об отдельных, более или менее значительных элементах диалектики, в том числе и элементах диалектики материалистической (В. Я. Кирпотин, И. В. Фролов, Д. Б. Рязанов, Б. И. Горев). С плехановской точкой зрения не соглашался А. М. Деборин, полагавший, что Н. Г. Чернышевский понимал сущность диалектики как науки о наиболее общих законах развития природы, истории и мышления, и что он не просто двигался к диалектическому материализму, но стремился синтезировать диалектический метод Гегеля и материализм Фейербаха, не достигнув, правда, такого синтеза и не поднявшись до диалектического материализма. Диалектика Н. Г. Чернышевского, по А. М. Деборину, проникнута идеалистическими элементами, поскольку он придавал некое самостоятельное значение логическому развитию понятий. Согласно А. М. Деборину, в области

⁶⁹ См.: Деборин А. Философские воззрения Н. Г. Чернышевского // Летопись марксизма. 1928. № 7/8.

⁷⁰ См.: Кирпотин В. Идеиные предшественники марксизма-ленинизма в России. М., 1931.

философии Чернышевский ближе к марксизму, чем в какой бы то ни было другой.

Наконец, существовала точка зрения, последователи которой в еще большей степени, нежели Деборин, сближали философские взгляды Н. Г. Чернышевского с диалектическим материализмом. Например, Ю. М. Стеклов доказывал, что Н. Г. Чернышевский самостоятельным путем дошел якобы до материалистической диалектики, что он понимал существо ее метода. Ю. М. Стеклов полемизировал (хотя, разумеется, безуспешно) с Г. В. Плехановым, а негласно и с В. И. Лениным, который, высоко оценивая Н. Г. Чернышевского, поскольку «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников»⁷¹, считал вместе с тем, что «Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»⁷².

Подобно тому как одной из основных тем при изучении истории философского материализма в России была эволюция русского материализма в направлении материализма диалектического, *философско-исторические* концепции передовых русских мыслителей рассматривались чаще всего под углом зрения степени их близости к материалистическому пониманию истории, соотношения элементов идеализма и материализма в их взглядах. Пожалуй, наиболее показательным примером здесь могут служить дискуссии вокруг философско-исторических взглядов Н. Г. Чернышевского.

В исследованиях философско-исторических взглядов Чернышевского противостояли друг другу две тенденции. Одна — плехановская по происхождению — покоилась на мысли о том, что философско-исторические взгляды Чернышевского развивались в направлении исторического материализма, но не вышли в целом за пределы идеализма и утопизма, несмотря на наличие в них существенных элементов материалистического понимания истории. К этой тенденции склонялись А. М. Деборин, В. Я. Кирпотин, И. В. Фролов и др. Сторонники другой точки зрения (Ю. М. Стеклов и др.) максимально сближали мировоззрение Чернышевского с марксизмом. Ю. М. Стеклов утверждал, что в произведениях Чернышевского материалистические взгляды на историю преобладали над идеалистическими и у него в отличие от марксизма отсутствует лишь систематизация и определенность некоторых терминов.

Как показал исторический опыт, во все периоды развития советской историографии большой интерес вызывал вопрос о со-

⁷¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 384.

⁷² Там же.

отношении двух периодов русской прогрессивной мысли — 40—60-х и 70-х годов XIX в.

В статье «От какого наследства мы отказываемся?» В. И. Ленин выяснил три качественно различных, но в то же время преемственно связанных друг с другом периода передовой русской общественной мысли: «просветители», народники и «ученики» (т. е. русские марксисты)⁷³. 40—60-е годы XIX в., как считал В. И. Ленин, — это период, «когда писали наши просветители»⁷⁴. Сформулировав три характерных черты всякого просветительства⁷⁵, а также три характерных черты всякого народничества⁷⁶, В. И. Ленин очень тонко проанализировал механизм перехода от «просветительского» периода к народническому. Идеи и оценки ленинской статьи «От какого наследства мы отказываемся?» получили очень широкое распространение в советской литературе рассматриваемого периода.

В 1933 г. в XXV Ленинском сборнике частично были опубликованы замечания В. И. Ленина на книгу Г. В. Плеханова «Н. Г. Чернышевский», из которых одно имеет особое значение: «Из-за теоретического различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов просмотрел практически-политическое и классовое различие либерала и демократа»⁷⁷.

Если раньше под влиянием плехановских оценок исследователи Н. Г. Чернышевского, как правило, подчеркивали просветительство главы русских шестидесятников, то после опубликования ленинских критических замечаний в адрес Г. В. Плеханова они стали тщательнее изучать его революционный демократизм; ряд авторов стал квалифицировать его как вождя революционно-демократического направления в русском просветительстве 60-х годов XIX в.

В литературе 20-х — первой половины 30-х годов стали известны также ленинские высказывания о Н. Г. Чернышевском (и Герцене) как предтечах народничества. Тем не менее в рассматриваемый период наследие этих мыслителей анализировалось главным образом в перспективе «просветительской» эпохи как эпохи, качественно отличной от времени, когда действовали народники. В то время о *народниках* писали очень много⁷⁸. Выска-

⁷³ См.: Там же. Т. 2. С. 540.

⁷⁴ Там же. С. 520.

⁷⁵ См.: Там же. С. 519.

⁷⁶ См.: Там же. С. 528—529.

⁷⁷ Там же. Т. 29. С. 560.

⁷⁸ См.: Горев В. И. М. А. Бакунин. Его жизнь, деятельность, учение. М., 1919; Полонский В. Михайл Александрович Бакунин. Жизнь, деятельность, мышление. М., 1922. Т. 1; Павлович М. Ленин как разрушитель народничества // Под знаменем марксизма. 1923. № 4/5; Горев В. И. Лавров и утопический социализм // Под знаменем марксизма. 1923. № 6/7; Он же. Н. К. Михайловский и марксизм: (К 20-летию со дня смерти) // Под знаменем марксизма. 1924. № 1; Книжник-Верров И. П. Лавров. Л., 1925; Стеклое Ю. Мироззрение Бакунина. М.; Л., 1927; Генкина Э. Тов. Теодорович в плену у народнической методологии: (По поводу книги

зывались интересные, в ряде моментов не потерявшие своей актуальности до сих пор мысли о «механизме» перехода от «просветительского» периода к народническому. «Выдвижение Писарева в центр общественного внимания в 1863—1867 гг. и было главнейшим проявлением пачавшейся перестройки в теоретических воззрениях левых течений в России. Пропаганда Писарева подготовляла триумф „Исторических писем“ Лаврова. У Писарева явно пробивались тенденции к субъективному объяснению истории»⁷⁹, — доказывал, например, В. Я. Кирпотин. Из такой констатации положения вещей вырисовывалась во многом верная историческая перспектива для теоретической квалификации философских и философско-исторических построений народников сравнительно с просветителями, революционерами-демократами и социалистами 40—60-х годов. Выяснялось, что «идеал-реалистические» позитивистские, субъективистские в своей основе их концепции в теоретическом отношении были ниже концепций шестидесятников группы Чернышевского. Таким образом, вырисовывалась и определенная логика в развитии философских взглядов в передовых течениях общественной мысли России XIX в. Напротив, к чему вел недоучет широкой исторической перспективы, общих закономерностей смены различных фаз в истории прогрессивной общественной мысли России XIX в., особенно отчетливо видно на примере работ Б. И. Горева о Н. К. Михайловском.

В стремлении к объективному анализу философского наследия Н. К. Михайловского с марксистских позиций Б. Гореву отказать нельзя. Он первым вспомнил о Н. К. Михайловском, в то время основательно уже забытом. Значение работ Б. Горева об идеологе либерального народничества состоит, в частности, в том, что он, не без влияния ленинских взглядов на народничество, внес определенные коррективы в излишне прямолинейные оценки Г. В. Плеханова, высказанные в пылу полемики с народниками в 90-х годах XIX в.

Как и Г. В. Плеханов, Б. И. Горев считал социологические и философско-исторические взгляды Н. К. Михайловского эклектичными, но оттенял его материалистические склонности или даже, как он выразился, незаконченный, неуверенный, зародышевый, «марксистобразный» исторический материализм русского народника. Признавая, что Н. К. Михайловский враждебно относился к историческому материализму, Б. И. Горев не без ост-

т. Теодоровича «Историческое значение партии „Народная воля“») // Пролет. революция. 1930. № 9; Горев Б. И. Анархизм в России (от Вануина до Махио). М., 1930; Теодорович И. А. 1 марта 1881 года. М., 1931; Малаховский В. На два фронта: (К оценке народольчества). М., 1931; Горев Б. И. Ниюлай Константинович Михайловский; Козьмин Б. П. П. Н. Ткачев // Ткачев П. Н. Избр. соч. М., 1932. Т. 1; Он же. От «девятнадцатого февраля» к «первому марта»; Ярославский Е. К. Маркс и революционное народничество. М., 1933.

⁷⁹ Кирпотин В. Радикальный разночинец Д. И. Писарев. С. 250.

пований доказывал, что Михайловский отнюдь не являлся таким законченным типом исторического идеалиста и субъективиста, каким его изображали в свое время в конце 90-х годов отдельные полемисты-марксисты⁸⁰. Н. К. Михайловский, справедливо отмечал Б. И. Горев, не отрицал определенной закономерности исторического процесса, ценил историческое значение объективного фактора вообще, экономического в частности и т. д. Б. И. Горев писал, что многие из возражений Н. К. Михайловского были направлены против таких вульгаризаторов марксизма, будущих апологетов капитализма, как М. И. Туган-Барановский, что против Г. В. Плеханова, наоборот, у Н. К. Михайловского не нашлось почти никаких возражений по существу. Такая характеристика во многом совпадала с ленинскими оценками Н. К. Михайловского. Но правомерно настаивая на необходимости по достоинству оценить рациональные, особенно материалистические моменты в философско-исторических взглядах Н. К. Михайловского, Б. И. Горев, однако, как бы смазывал основную историческую перспективу; в частности, тот факт, что в широком историческом контексте во взглядах Н. К. Михайловского преобладал и не мог не преобладать «идеал-реализм» на позитивистской основе с ориентацией в сторону субъективного идеализма. Б. И. Горев признавал, что по сравнению с Н. Г. Чернышевским Н. К. Михайловский сделал в философии шаг назад, так как придерживался субъективного метода в своих исторических взглядах. Но Б. И. Горев не видел того, что субъективизм Н. К. Михайловского не случайная, а исторически неизбежная ступень развития философских принципов в российском освободительном движении 70-х годов. Субъективизм русского народника понимался им лишь в том смысле, что человек может и должен влиять на ход общественного развития, отнюдь не подрывая закономерности этого развития. Кроме того, субъективистскую концепцию «правды-истины», «правды-справедливости» Б. И. Горев отождествил с классовым подходом к общественным наукам.

Многие исследования и статьи 20-х годов, посвященные народникам: работы Ю. М. Стеклова о М. А. Бакунине, Б. И. Горева о М. А. Бакунине и Н. К. Михайловском, И. Книжника-Ветрова о П. Л. Лаврове, И. А. Теодоровича о «Народной Воле», Б. П. Козьмина о Ткачеве — характеризуются в большей или меньшей степени стремлением сосредоточиться на «рациональных» моментах в философско-исторических построениях народников, на их «сильных» сторонах, на идеях, в которых усматривалось сходство и определенная идейная преемственность между народничеством и марксизмом. В таком подходе были свои плюсы. Однако порой взгляды идеологов народничества неправомер-

⁸⁰ См.: Горев Б. Н. К. Михайловский и марксизм: (К 20-летию со дня смерти).

но сближались с марксизмом-ленинизмом. Отдельные авторы без всяких оснований превращали, скажем, П. Н. Ткачева в непосредственного предшественника ленинизма.

Изучение истории русского философского идеализма в 20-х — первой половине 30-х годов только что началось, причем перед исследователями сразу возник ряд специфических трудностей. Историк 20-х годов работал в обстановке исключительно острой идеологической битвы: в стране шла ожесточенная борьба с религией за атеизм; буржуазия струвистского толка проповедовала культ и идеализацию прошлого, как выражался П. Б. Струве, «в его целом и его непрерывности», хотя сам он сознательно поднимал на щит лишь религиозно-философскую мысль. Как и зачем изучать ее марксистам? Как отнестись к философии, скажем, славянофилов, Ф. М. Достоевского, Льва Толстого, П. Я. Чаадаева?

Одним из первых советских авторов, обратившихся к истории славянофильства, был Н. Л. Рубинштейн⁸¹. Он поставил перед собой задачу рассмотреть славянофильскую доктрину во всей ее сложности, выделить как охранительную ее сторону, так и прогрессивные ее элементы. Н. Л. Рубинштейн усматривал даже материалистические моменты в славянофильской схеме исторического развития России и полагал, что отдельные исторические представления славянофилов были гораздо научнее, чем взгляды по этим же вопросам дворянских либералов Б. Н. Чичерина и С. М. Соловьева.

Но в целом в 20-х годах изучение наследия русских идеалистов велось далеко не всегда успешно. Пример тому — изучение философских взглядов Ф. М. Достоевского⁸² и Л. Н. Толстого⁸³. В обстановке того времени многие авторы, выступавшие от имени марксизма, не сумели сочетать принцип историзма с потребностями актуальной и чрезвычайно острой идеологической борьбы. Они замечают, например, что горячий призыв Ф. М. Достоевского к обновлению христианской религии был чужд официальной религии и церкви, но квалифицируют эту проповедь как бегство от борьбы, от неразрешимых противоречий жизни в реакционную, беспочвенную и убаюкивающую религиозную фантастику⁸⁴.

⁸¹ См.: Русская историческая литература в классовом освещении. М., 1927.

⁸² См.: Гроссман Л. Путь Достоевского. Л., 1924; Попов П. С. «Я» и «Оно» в творчестве Достоевского. М., 1928; Ф. М. Достоевский. М., 1928; Покровский Г. А. Мученик богоискательства: (Ф. Достоевский и религия). М., 1929.

⁸³ Луначарский А. В. Толстой и Маркс. Л., 1924; Ярославский Е. О Л. Н. Толстом и «толстовцах». М., 1928; Бондарев Д. А. Толстой и современность. М.; Л., 1928; Гельфанд М. Толстой и толстовщина в свете марксистской критики. Саратов, 1928; Квятко Д. Ю. Философия Толстого. М., 1928; Аксельрод Л. И. [Вступ. ст.] // Толстой Л. Н. Полное собрание художественных произведений. М., 1927. Т. 1; Лев Толстой кан столп и утверждение поповщины: Противотолстовская хрестоматия // Атеист. 1929.

⁸⁴ См.: Покровский Г. А. Мученик богоискательства... С. 95.

И тогда Ф. М. Достоевский предстает перед читателем слишком однозначно и прямолинейно: как родоначальник мистицизма в русской литературе, проповедник «очищенного христианства», «обновленной религии»; провозвестник (непосредственно и через Вл. Соловьева) тех реакционно-мистических настроений, которые были распространены в России до Октябрьской революции.

Несколько сложнее обстояло дело с характеристикой и оценкой философских взглядов Л. Н. Толстого. Всем были известна судьба Л. Толстого, его взаимоотношения с самодержавием и православной церковью. В общей форме было понятно, что победивший пролетариат чтит великих революционеров и тех мыслителей, которых буржуазия преследовала за свободу их мысли, что он ценит тех, кто гнушался церкви как одного из царских департаментов. Но когда в 20-х годах остро встал вопрос о реакционных деяниях толстовцев, то прошлое Льва Толстого, его критика тогдашнего строя стали казаться отдельным публицистам явно обесцененными. Реальности актуальной борьбы за сознание широких крестьянских масс толкали к выводам, далеким от конкретного историзма: «Толстовское философское наследие предоставляет богатый арсенал всевозможных средств идейно-морального воздействия на отсталые массы трудящихся»⁸⁵; толстовство может стать знаменем для скрыто враждебных Советской власти элементов; Толстой представляет отрицательную культурную величину и т. д.

Известно, что В. И. Ленин в своих статьях дал образцы диалектического анализа такой сложной и противоречивой фигуры, как Лев Толстой. Об этом немало писалось и в 30-х годах. В эти годы встречались попытки в духе ленинской критики вскрыть не только реакционные, собственно «толстовские», но и прогрессивные для XIX в. стороны мировоззрения великого писателя. Другие же авторы считали, что «отделить Толстого-идеалиста от Толстого-реалиста, провести границу между его художественными и философскими или публицистическими произведениями — значит рассматривать его односторонне»⁸⁶.

Философские и философско-исторические концепции *дворянско-либеральных и либерально-буржуазных* течений в России затрагивались в литературе в 20-х — первой половине 30-х годов лишь эпизодически.

Изучение философских концепций деятелей русского либерализма также наталкивалось в эти годы на ряд специфических трудностей. Именно в этот период возникла тенденция к непропорциональной экстраполяции совершенно правильного тезиса о контрреволюционности русской либеральной буржуазии в период после революции 1905 г. на предшествующие десятилетия, что пред-

⁸⁵ Гельфанд М. Толстой и толстовщина... С. 63.

⁸⁶ Квитко Д. Ю. Философия Толстого. С. 8.

определяло негативные оценки русской дворянско-либеральной и буржуазно-либеральной философской и философско-исторической мысли.

Некоторые факты из истории русского либерализма должны были наталкивать авторов 20-х годов на определенные размышления. Например, один из рецензентов журнала «Под знаменем марксизма», по-видимому под влиянием работ В. В. Воровского, отмечал, что «в истории марксизма в России Н. И. Зибер занимает исключительное положение»⁸⁷. Он упрекал автора рецензируемой книги за то, что тот не подчеркнул огромного влияния Н. И. Зибера на первое поколение русских марксистов. Но вопрос, кем был Н. И. Зибер по своей классовой ориентации и почему этот представитель либерально-буржуазной мысли занимает такое исключительное место в истории русской общественной и философской мысли, так и остался без ответа.

В социокультурном контексте 20-х годов понятен и резко критический пафос авторов, писавших о русском идеализме начала XX столетия. Отдельные оценки тех или иных направлений русского идеализма этого периода обращают на себя внимание. Отмечалось, например, что в буржуазных и либерально-буржуазных кругах начала XX в. «не осталось и следа от того заигрывания с марксизмом, которое наблюдалось в конце 90-х годов», что в это время в русском идеализме происходила своеобразная «смена философских вех»: рационалистические течения все больше вытеснялись религиозно-мистическими, что «пеокаптанство, бывшее официальной философией буржуазии в пору ее либеральных увлечений, теперь оказывалось недостаточным, и многие представители буржуазной интеллигенции (например, Франк и др.) пошли направо, к интуитивизму, к соловьевской школе православной философии, куда теперь вливались и отдельные струи эмпиризма, слившегося с интуитивизмом». Доказывалось, что «на крайнем правом фланге общеправославного фронта борьбы в 1907—1909 гг. стала школа Соловьева—Лопатина с доктринами православной ортодоксии или так называемого еретического православия, с заметным уклоном в сторону католицизма (В. С. Соловьев), представлявшая собой идеологию феодально-монархических кругов»; из примыкавших к этой школе называлась «школа русских лейбплицанцев», в особенности ее казанская группа, а также «варшавская школа»; «левее» размещалась «группа буржуазно-кадетских философов» (Н. А. Бердяев, П. Б. Струве, С. Н. Булгаков, Б. А. Кистяковский, М. И. Туган-Барановский и др.), а затем «широкое направление махизма в грех его разновидности — «махизм в чисто буржуазных кругах» (В. В. Лесевич), «махизм как идеология мелкой буржуазии» (В. М. Чер-

⁸⁷ *Материалист* — Рец. на кн.: Л. М. Клейнборг. Н. И. Зибер // Под знаменем марксизма. 1923, № 10. С. 266.

пов, у которого элементы неокантианства причудливо переплетаются с основоположениями махизма) и, наконец, так называемый марксистский махизм, т. е. проповедь махизма «под видом неомарксизма со стороны ряда социал-демократов» (А. А. Богданов, П. С. Юшкевич, Н. В. Валентинов), богостроительские тенденции (А. В. Луначарский, В. А. Базаров, М. Горький) и т. д.

Примечателен сам факт, что в начале 30-х годов писали об этой странице истории русской философии. При всех издержках теоретического и методологического характера — это все же первые страницы, написанные советскими исследователями по истории философского идеализма в России на рубеже XIX—XX вв., первая попытка дать классификацию течений идеалистической философии этого периода⁸⁸.

* * * * *

20-е — первая половина 30-х годов — *период становления советской историографии русской философии, первый, начальный этап ее развития*. С высоты конца 80-х годов видно, что в эти годы в количественном отношении сделано, конечно, не очень много. И далеко не все, что было сделано, оказалось безупречным в идейном и теоретическом отношении, выдержало испытание временем.

В 20-х — первой половине 30-х годов ряд факторов способствовал становлению и развитию молодой историко-философской дисциплины, но возникали и трудности, которые приходилось преодолевать первым советским исследователям истории русской философии: в общем идейно-психологическом климате переходного периода от капитализма к социализму с его острой классовой борьбой еще не сложилось вполне благоприятных условий для такой работы в широких масштабах. Пока в идейной жизни советского общества первых послеоктябрьских лет одним из основных участков идеологического фронта оставалась борьба против великодержавного шовинизма, пока некоторые слои общества находились под влиянием настроений «национального нигилизма», источником которых был, в частности, троцкизм, а также пролеткультовская концепция «социалистической культуры», противостоящая старой культуре, «развивавшейся на национальной основе и в рамках отдельных государств», концепция «чисто классовой» культуры, сознательно разрушавшей с национальным во имя общепролетарских, «общечеловеческих задач», вполне благоприятные условия для разработки истории русской философии как одного из типов национальной философии еще не сложились. Такие условия начали складываться примерно к середине 30-х годов. Тогда и начался новый период в развитии советской историографии русской философии.

⁸⁸ См.: Из истории философии XIX в. М., 1933. С. 349—350.

* * * * *

Период с середины 30-х и примерно до середины 60-х годов представляет собой второй из основных этапов развития советской историографии русской философии. В эти годы значительно возрос поток литературы. Были опубликованы многие философские первоисточники, переизданы многие старые; защищены сотни диссертаций по истории русской философии. Постепенно молодая дисциплина не только окончательно утвердилась как самостоятельная отрасль историко-философской науки, но заняла в 40-х — начале 50-х годов важное положение среди прочих философских дисциплин.

Во второй половине 30-х — начале 50-х годов подавляющее большинство работ было, как и в предыдущие годы, посвящено исследованию философского наследия русских материалистов. Вышел в свет ряд монографий, брошюр и статей, в которых в обобщенном виде излагается история материализма в России⁸⁹.

Особенно много выходило работ, посвященных отдельным мыслителям: материалистам XVIII — первой четверти XIX в., в частности М. В. Ломоносову⁹⁰ и А. Н. Радищеву⁹¹, мыслителям второй половины XVIII в.⁹² и материалистам-декабри-

⁸⁹ См.: *Иовчук М. Т.* Развитие материалистической философии в России в XVIII—XIX вв. М., 1940; Краткий очерк истории философии. М., 1940; *Васецкий Г. С., Иовчук М. Т.* Очерки по истории русского материализма XVIII и XIX вв. М., 1942; *Васецкий Г. С.* Основные черты естественнонаучного материализма в России. М., 1944; *Иовчук М. Т.* Основные этапы и особенности развития русской философии. М., 1946; *Он же.* Формирование философской и общественно-политической мысли в России XV—XVIII веков. М., 1946; Из истории русской философии/Под ред. И. Я. Щипанова. М., 1949; 2-е изд. М., 1951; Из истории русской материалистической философии/Под ред. Г. С. Васецкого. М., 1949; Из истории русской философии XVIII—XIX веков/Под ред. Г. С. Васецкого, М. И. Сидорова. М., 1952; *Щипанов И. Я.* Русская материалистическая философия XVIII—XIX веков и ее историческое значение. М., 1953.

⁹⁰ См.: *Васецкий Г.* Философские и общественно-политические взгляды М. В. Ломоносова // Фронт науки и техники. 1938. № 6; *Бурмистенко И.* Философские взгляды М. В. Ломоносова // Под знаменем марксизма. 1938. № 9; *Васецкий Г. М. В. Ломоносов.* Его философские и социально-политические взгляды. М., 1940; *Кузнецов Б. Г.* Ломоносов. Лобачевский. Менделеев. Очерки жизни и мировоззрения. М.; Л., 1945; *Кауфман Я. И.* Основные черты естественнонаучного материализма М. В. Ломоносова. Харьков, 1947; *Недров Б. М.* О философском значении естественнонаучных открытий М. В. Ломоносова // Вопр. философии. 1951. № 5; *Горбунов М.* Общественно-политические и философские взгляды М. В. Ломоносова и А. Н. Радищева. М., 1953.

⁹¹ См.: *Бегяев Я.* Политические и философские взгляды А. Н. Радищева // Под знаменем марксизма. 1938. № 8; *Горбунов М.* Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева. М., 1952; *Щипанов И. Я.* Общественно-политические и философские воззрения А. Н. Радищева // Из истории русской философии; *Он же.* Общественно-политические и философские взгляды А. Н. Радищева (1749—1802). М., 1950; *Кружков В. А. Н. Радищев — великий патриот и революционер // Большевик.* 1952. № 17; *Светлов Л.* Великий русский писатель-революционер и философ // Пропагандист и агитатор. 1952. № 17; и др.

⁹² См.: *Преснов А.* Общественная мысль в России в конце XVIII в. // Исторический журнал. 1938. № 9; *Нечкина М. В.* Вольтер и русское общество // Большевик. 1944. № 22; *Коган Ю. Я.* Свободомыслие Я. П. Козельского // Вопр. истории ре-

стам⁹³, материалистам 40—60-х годов XIX в.— В. Г. Белинскому⁹⁴, А. И. Герцену⁹⁵, Н. Г. Чернышевскому⁹⁶, Н. А. Добролюбо-

лигии и атеизма. 1950. № 11; Орлов В. Русские просветители 1790—1800 годов. М., 1950; Виленская Э. С. Об особенностях формирования русской освободительной мысли в XVIII веке // Вопр. философии. 1951. № 1; Макогоненко Г. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М., 1951; Он же. А. Н. Радищев и русская общественная мысль XVIII века // Вестн. АН СССР. 1952. № 9; Беляевский М. Т. Николай Поповский // Вопр. философии. 1952. № 2; Гагарин А. П. Первая философская диссертация, защищенная в Московском университете // Вестн. МГУ. 1952. № 7; Щипанов И. Я. Общественно-политические и философские воззрения русских мыслителей второй половины XVIII века // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952. Т. 1; и др.

⁹³ См.: О работе И. Д. Якушкина «Что такое человек» // Вопр. философии. 1949. № 3; Габов Г. И. Материализм в философских взглядах декабристов // Вопр. философии. 1950. № 3; Он же. Общественно-политические и философские взгляды декабристов. М., 1953; Смирнов Л. Ф. К вопросу о мировоззрении декабристов // Изв. АН БССР. 1951. № 3; Щипанов И. Я. Социально-политические и философские воззрения декабристов // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951, Т. 1; и др.

⁹⁴ См.: Карабан С. И. В. Г. Белинский. Его философские, эстетические и критические взгляды. Минск, 1936; Иовчук М. Философские и социально-политические взгляды В. Г. Белинского/Фронт науки и техники. 1938. № 3; Он же. В. Г. Белинский. М., 1939; Лебедев-Полянский П. И. В. Г. Белинский. Литературно-критическая деятельность. М.; Л., 1945; Щипанов И. Я. Философские и общественно-политические воззрения Белинского. М., 1948; Великий русский мыслитель В. Г. Белинский/Под ред. З. В. Смирновой. М., 1948; Иовчук М. Т. В. Г. Белинский — классик русской философии // Изв. АН СССР. 1948. Сер. истории и философии. № 4; Чагин Б. А. Общественно-политические и философские взгляды В. Г. Белинского. Л., 1948; Смирнова З. В. Мировоззрение Белинского. М., 1948; Она же. Общественно-политические и философские взгляды В. Г. Белинского. М., 1952; Щипанов И. Я. В. Г. Белинский — великий мыслитель и революционный демократ // Из истории русской философии и др.

⁹⁵ См.: Пилер Л. О. Мировоззрение Герцена: Историко-философский очерк. М.; Л., 1935; Чесноков Д. И. Герцен и его «Письма об изучении природы» // Под знаменем марксизма. 1938 № 2; Он же. Философские взгляды Герцена // Учен. зап. Сverdлов. пед. ин-та, 1938. Вып. 1; Иовчук М. Т. Философские и социально-политические взгляды А. И. Герцена // Сов. наука. 1940. № 3/4; Коган Л. А. Выдающийся русский диалектик // Большевик. 1940. № 21; Васецкий Г. С. Классическое философское произведение Герцена // Большевик. 1944. № 21; Иовчук М. Т. А. И. Герцен; (Философские и социально-политические взгляды). М., 1945; Чесноков Д. И. Мировоззрение Герцена. М., 1948; Иовчук М. Т., Щипанов И. Я. А. И. Герцен — классик русской философии XIX века // Из истории русской философии; Теряев Г. В. А. И. Герцен — великий русский мыслитель и революционный демократ. М., 1952; и др.

⁹⁶ См.: Григорян М. Материализм Чернышевского // Под знаменем марксизма. 1936. № 10; Асмус В. Н. Г. Чернышевский как диалектик // Там же. 1939. № 5; Войтинская О. Н. Г. Чернышевский — воинствующий материалист // Книга и пролет. революция. 1939. № 7/8; Либшиц М. Философские взгляды Чернышевского // Лит. критик. 1939. Кн. 10/11; Каценбоген С. З. Н. Г. Чернышевский как философ // Учен. зап. Сverdлов. пед. ин-та. 1939. Вып. 2; Луптол И. Н. Г. Чернышевский и философия // Под знаменем марксизма. 1940. № 1; Иовчук М. Т., Евграфов В. Е. Великий демократ и патриот русского народа: (К 50-летию со дня смерти Н. Г. Чернышевского). Киев, 1940; Садовник А. Л. Теория познания Н. Г. Чернышевского // Н. Г. Чернышевский. Л., 1941; Розенштейн Д. М. Н. Г. Чернышевский и классическая немецкая философия // Там же; Евграфов В. Е. Диалектика Н. Г. Чернышевского // Большевик. 1945. № 11/12; Он же. Классическое произведение Чернышевского по эстетике // Там же. № 15; Смирнова З. В. Важнейшие произведения

ву⁹⁷, Д. И. Писареву⁹⁸, М. А. Антоновичу⁹⁹, Н. П. Огареву¹⁰⁰, петрашевцам¹⁰¹, материалистам-естествоиспытателям XIX и XX вв.¹⁰²

Философские взгляды В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского и их единомышленников — наиболее важная область советской историографии русской философии 30—50-х годов. Ряд новых сравнительно с прош-

Н. Г. Чернышевского // Пропагандист. 1945. № 12; *Наумова М. Чернышевский и Фейербах // Большевик. 1944. № 22; Розенталь М. М. Философские взгляды Н. Г. Чернышевского. М., 1948; Войтинская О. С. Чернышевский в борьбе за материализм. М., 1948; Евграфов В. Е. Философские взгляды Н. Г. Чернышевского // Из истории русской философии; Баскаков В. Г. Борьба Н. Г. Чернышевского за материализм // Вопр. философии. 1949. № 3; Иовчук М. Т. Материалистическое мировоззрение Н. Г. Чернышевского — высшее достижение домарксистской философии // Вестн. АН СССР. 1953. № 7; и др.*

⁹⁷ См.: *Наумова М. А. Философские основы критики Добролюбова // Тр. МИФЛИ. 1937. Т. 1; Коган Л. А. Материализм Добролюбова // Под знаменем марксизма. 1938. № 2; Он же. Этические взгляды Добролюбова // Фронт науки и техники. 1938. № 3; Он же. К вопросу о формировании мировоззрения Добролюбова // Лит. критик. 1938. Кн. 9/10; Он же. Атеизм Добролюбова // Под знаменем марксизма. 1939. № 1; Иовчук М. Т. Философские и социально-политические воззрения Н. А. Добролюбова // Большевик. 1945. № 5; Он же. Философские и общественно-политические воззрения Н. А. Добролюбова // Из истории русской философии; Кружков В. С. Мировоззрение Добролюбова. М., 1950; *Наумова М. А. Общественно-политические и философские взгляды Н. А. Добролюбова. М., 1950; 2-е изд. 1951; 3-е изд. 1953; и др.**

⁹⁸ *Кружков В. С. Философские взгляды Д. И. Писарева // Под знаменем марксизма. 1938. № 4; Он же. Д. И. Писарев: Филос. и социально-политические взгляды. М., 1942; Он же. [Предисловие] // Д. И. Писарев. Избр. филос. и общественно-политические ст. М., 1944; 2-е изд. 1949; Коган Л. А. Атеизм Писарева // Под знаменем марксизма. 1938. № 7; Сафронюв В. Политические и философские взгляды Д. И. Писарева // Под знаменем марксизма. 1943. № 3; Плоткин Л. А. Писарев и литературно-общественное движение шестидесятых годов. М., 1945; Маслин А. Н. Мировоззрение Д. И. Писарева // Из истории русской философии; и др.*

⁹⁹ См.: *Коган Л. А. Материализм М. А. Антоновича // Под знаменем марксизма. 1939. № 5; Он же. М. А. Антонович и «Вехи» // Вопр. истории. 1949. № 1; Кружков В. С. Материалистические воззрения М. А. Антоновича // Под знаменем марксизма. 1946. № 4/5; Он же. [Предисловие] // Антонович М. А. Избр. филос. соч. М., 1945; Щипанов И. Я. Философские воззрения М. А. Антоновича // Из истории русской философии; и др.*

¹⁰⁰ См.: *Тараканов Н. Г. [Вступ. ст.] // Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952.*

¹⁰¹ См.: *Григорян М. Фурьеризм в России // Фронт науки и техники. 1938. № 3; Троян Н. Философские воззрения петрашевцев // Под знаменем марксизма. 1943. № 11; Евграфов В. Е. [Вступ. ст.] // Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953.*

¹⁰² См.: *Васецкий Г. С. К. А. Тимирязев. Общественно-политические и философские взгляды. М., 1940; Он же. Д. И. Менделеев. М., 1940; Максимов А. А. Очерки по истории борьбы за материализм в русском естествознании. М., 1947; Каганов В. М. Мировоззрение Сеченова. М., 1948; Острянин Д. Ф. Мировоззрение И. И. Мечникова. М., 1948; Каганов В. М. Философские воззрения И. М. Сеченова // Из истории русской философии; Тараканов Н. Г. Борьба И. П. Павлова против идеализма в естествознании // Там же; *Васецкий Г. С. Философские воззрения К. А. Тимирязева // Там же; Он же. Философские взгляды Д. И. Менделеева // Там же; Белов П. Т. Учение И. В. Мичурина — диалектический материализм в биологии // Там же; Миклушинский С. Р. И. Е. Дядьковский. Мировоззрение и общественные взгляды. М., 1951; Кравец И. Н. Т. Ф. Осиповский — выдающийся русский философ-материалист в естествознании // Вопр. философии. 1951. № 5; и др.**

лым периодом моментов характерен для исследований в этой области.

В середине 30-х годов, когда значительно усилилась критика имевших место в прошлом попыток выводить русскую социал-демократию и большевизм непосредственно из народничества, перед историками философии была поставлена задача — правильно показать соотношение мыслителей-демократов круга Белинского — Чернышевского с народничеством и марксизмом¹⁰³. В условиях обозначившегося тогда сугубо критического отношения к народничеству одним из акцентов в исследованиях о мыслителях круга Белинского — Чернышевского стало желание показать в их мировоззрении то, что отличает их от народников. В этой связи стали еще более активно, нежели в предшествующий период, использоваться ленинские оценки русского просветительства 40—60-х годов XIX в. из статьи «От какого наследства мы отказываемся?». Философия В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского рассматривалась во многих трудах в качестве теоретического основания их революционно-просветительской и революционно-демократической общественно-политической программы¹⁰⁴.

С конца 1943 г. в оценке философских взглядов В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова наступил очень существенный поворот: начала оформляться концепция, согласно которой философия этих мыслителей представляется как классическая русская философия¹⁰⁵. Постепенно эта концепция несколько модифицировалась: философия мыслителей круга В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского стала выступать как философия русской революционной демократии 40—60-х годов XIX в. или просто *русская материалистическая философия XIX в.*

Основные усилия историков русской философии второй половины 30-х — начала 50-х годов были направлены на то, чтобы

¹⁰³ См.: *Таль Е.* [Выступление зав. отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) на заседании, посвященном 5-летию постановления ЦК о жур. «Под знаменем марксизма»] // *Под знаменем марксизма.* 1936. № 2/3. С. 7.

¹⁰⁴ См.: *Кружков В. С.* Выдающийся русский просветитель 60-х годов: (О Д. И. Писареве) // *Книга и пролет. революция.* 1938. № 8/9; *Преснов А.* Русские просветители 60-х гг. XIX в. // *Ист. журн.* 1939. № 4; *Иовчук М. Т.* Революционный демократизм В. Г. Белинского // *Под знаменем марксизма.* 1939. № 7; *Богословский Н.* Великий революционер-демократ и просветитель: (О Н. Г. Чернышевском) // *Мол. гвардия.* 1939. № 10/11; *Иовчук М. Т.* Революционные просветители — предшественники марксизма в России // *В помощь марксистско-ленинскому образованию.* 1940. № 17; и др.

¹⁰⁵ См.: *Кружков В., Федосеев П.* Основные черты русской классической философии // *Большевик.* 1943. № 6; *Иовчук М. Т.* Классики русской философии XIX в.: (Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов) // Там же. 1944. № 12; *Он же.* Основные черты русской классической философии XIX века. М., 1944; *Кружков В. С.* О русской классической философии XIX века. М., 1945; *Смирнова З. В.* Классики русской философии Белинский и Герцен. М., 1945; и др.

показать самостоятельность и оригинальность русских мыслителей, вклад русских философов-материалистов в мировую философию, выявить внутривосточную идейно-философскую преемственность, материалистическую философскую традицию, раскрыть связь передовых философов-материалистов с освободительным и революционным движением в России, с развитием естественных и общественных наук, с передовыми направлениями русской литературы, искусства и критики. При всех издержках, сопутствовавших решению этих задач (так, например, нередко недооценивалась связь отечественной философии с западноевропейской), исследователи добились определенных положительных результатов.

Исследуя историю материализма в России, авторы второй половины 30-х — начала 50-х годов значительно продвинулись вперед в понимании соотношения естественнонаучного и философского материализма в русской философии, а также вопроса о существовании и значении деизма и теории двойственной истины в мировоззрении передовых русских философов XVIII — начала XIX в. К сожалению, со второй половины 40-х годов в литературе нередко появлялась тенденция к смазыванию исторически обусловленной непоследовательности первых русских материалистов — М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева и других мыслителей, к подтягиванию их до уровня цельного философского материализма.

В широком историческом контексте вполне правомерен вопрос о тенденциях в русской материалистической философии XIX в. к преодолению ограниченностей и недостатков некоторых предшествующих зарубежных философских систем, к выходу за рамки антропологизма (типа антропологизма Фейербаха) и метафизического метода. Советские историки второй половины 30-х — начала 50-х годов немало сделали, чтобы показать, что русские философы-материалисты шли гораздо дальше своих предшественников в преодолении созерцательности материализма XVIII в., особенно в сфере философско-исторических или общественно-политических идей. Вместе с тем стали встречаться и утверждения о том, что в учениях о природе и человеке, в гносеологии и методологии русские материалисты XIX в. вполне вышли за пределы созерцательности домарксистского материализма. При этом в качестве доказательства такого «выхода» приводился иногда тот факт, что передовые русские мыслители, особенно В. Г. Белинский и А. И. Герцен, в конце 30-х — начале 40-х годов активно использовали в полемике с метафизическими материалистами XVIII в. гегелевские диалектические идеи, не учитывая в полной мере того обстоятельства, что в период, когда эти мыслители встали вполне на материалистические позиции, они в значительной мере пересмотрели свое былое отношение к гегелевской диалектике. Если в работах второй половины 30-х годов призна-

валось, что подобно материализму Фейербаха материализм В. Г. Белинского носит антропологический, созерцательный и ограниченный характер, то в литературе 40-х — начала 50-х годов встречались утверждения, согласно которым материализм Белинского вообще свободен от созерцательности и метафизичности, присущей фейербахианскому материализму.

Наиболее общим позитивным итогом исследований, проведенных в рассматриваемый период, является доказательство того, что в русской философии 40—60-х годов материализм был влиятельным направлением, мощь которого последовательно нарастала, подготавливая почву для распространения в России философии марксизма.

По сравнению с предшествующим периодом вторая половина 30-х — начало 50-х годов были весьма плодотворными в изучении *истории диалектических идей в России*, особенно диалектики В. Г. Белинского, А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского.

В конце 30-х — первой половине 40-х годов в историографии русской философии преобладала точка зрения, согласно которой метод Н. Г. Чернышевского — это гегелевский метод, но усовершенствованный и переработанный в материалистическом духе. Подобные идеи выдвигались многими авторами¹⁰⁶. Но во второй половине 40-х годов в трактовке диалектики передовых русских мыслителей 40—60-х годов стали все больше и больше проявляться крайности, шедшие по линии противопоставления диалектики классиков русской философии XIX в. диалектике немецкой классической философии¹⁰⁷. Хотя не все исследователи разделяли такие крайние взгляды¹⁰⁸.

Тот бесспорный факт, что во второй половине 30-х — начале 50-х годов, как и в предшествующие десятилетия, история материализма в России была основным объектом исследования, не означает тем не менее, что в эти десятилетия в других областях не велось серьезной работы. Примерно до середины 40-х годов в советской историографии русской философии работа велась по довольно широкому кругу проблем *истории не только материалистической, но и идеалистической мысли в России*.

В 30-х — начале 40-х годов в советской литературе господствовал совершенно верный тезис о том, что в *истории русской*

¹⁰⁶ См.: *Иовчук М. Т.* Развитие материалистической философии в России в XVIII—XIX веках. М., 1940. С. 89; *Асмус В. Н. Г.* Чернышевский как диалектик // Под знаменем марксизма. 1939. № 5. С. 83; *Розенштейн Д. М. Н. Г.* Чернышевский и классическая немецкая философия // Н. Г. Чернышевский: Тр. науч. сес. к 50-летию со дня смерти. Л., 1941. С. 86; *Евграфов В. Е.* Диалектика Н. Г. Чернышевского // Большевик. 1945. № 11/12.

¹⁰⁷ См.: Из истории русской философии. М., 1949. С. 46, 322.

¹⁰⁸ См.: например, трактовку диалектики А. И. Герцена в книге: *Чеснокова Д. И.* Мирозозрение Герцена. М., 1948. С. 178, 179, 181 и трактовку диалектики Чернышевского В. Е. Евграфовым в книге: Из истории русской философии. М., 1949. С. 425.

философии было две основных линии, две тенденции — материалистическая и идеалистическая. В первой в советской историографии русской философии сводной работе по истории материализма в России М. Иовчук справедливо писал: «Было бы неправильно думать, что в России была только материалистическая линия в философии. Нет, материализм в России сложился и развивался в борьбе с религиозно-идеалистической философией, причем эта религиозно-идеалистическая философия в XVIII—XIX вв. была господствующей»¹⁰⁹.

Однако начиная примерно с середины 40-х годов фронт исследований по истории русской философии стал сужаться. Почти совсем прекратилась работа по изучению основных направлений русского идеализма. Общее направление развития историографии русской философии этих десятилетий было связано с материализмом; изучением материализма в эти годы занималось подавляющее большинство исследователей.

Как же складывалась картина изучения тех периодов, направлений и персоналий, которые в рассматриваемое время не относились к основному объекту исследований историков русской философии?

В конце 30-х годов по существу впервые в советской историографии русской философии началось изучение с марксистских позиций *философской мысли древней и средневековой Руси*. Основоположником его выступил О. В. Трахтенберг, подготовивший материалы для двух изданий сборника «Из истории русской философии».

Политическое звучание темы мировой роли русского государства, начиная с конца 30-х годов и особенно в годы Отечественной войны, а в связи с этим и интерес к истории становления централизованного государства на Руси стимулировали обращение исследователей к таким русским государственным деятелям XVI — первой половины XVIII в., как Иван Грозный и Петр I¹¹⁰.

Русская идеалистическая философия первой половины XIX в. изучалась первоначально по преимуществу в рамках темы «*Западничество и славянофильство*»¹¹¹ (Д. И. Чесноков, Э. А. Каменский и др.).

¹⁰⁹ Иовчук М. Т. Развитие материалистической философии в России в XVIII—XIX вв. С. 5.

¹¹⁰ См.: Бахрушин С. Иван Грозный. М., 1942; Сыромятников В. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М.; Л., 1943. Ч. 1; Покровский В. С. История русской политической мысли. М., 1951—1952. Ч. 1—3; Ветяев Я. Д. Социально-политическая и философская мысль России эпохи петровских преобразований. М., 1946; и др.

¹¹¹ См., напр.: Барер И. Западники и славянофилы в России в 40-х годах XIX в. // Ист. журн. 1939. № 2; Чесноков Д. И. Герцен и философские споры западников и славянофилов в начале 40-х годов XIX в. // Учен. зап. Сverdлов. пед. ин-та. 1939. Вып. 2; Каменский Э. А. О воззрениях Грановского на исторический процесс // Изв. АН СССР. Сер. история и философия. 1946. Т. III. № 6.

С середины 30-х годов в связи с публикациями новых «Философических писем» П. Я. Чаадаева появляются иные оценки его философии. Некоторые авторы представляли его в качестве мыслителя, примыкавшего (при известных оговорках) к диалектическому и просветительному направлению¹¹². В конце же 40-х годов стали, напротив, встречаться сугубо негативные оценки его философии.

Немарксистская философская мысль в России конца XIX — начала XX в. представлена в литературе 30-х — начала 50-х годов довольно бедно. Не только дворянско-помещичья и буржуазная, но и народническая философская мысль почти не изучалась, хотя о существовании ее не забывали, подвергая ее критике¹¹³. Среди историков русской философии второй половины 30-х — начала 50-х годов в отношении к буржуазно-либеральной и буржуазно-демократической, народнической философии в России возобладал сугубо критический подход. Во взглядах К. Д. Кавелипа и Б. Н. Чичерина, например, не усматривалось ничего другого, кроме теоретического обоснования контрреволюционной позиции русской буржуазии и ее пресмыкательства перед царизмом. В лучшем случае либерализм XIX в. квалифицировался как замаскированная форма реакционных сил. Философские концепции либералов объявлялись наиболее опасными для революционно-демократического лагеря, хотя в действительности контрреволюционным русский либерализм стал лишь в ходе революции 1905 г.

Развернувшаяся в советской литературе второй половины 30-х годов критика народничества имела определенное положительное значение, поскольку она позволила преодолеть имевшие в свое время место тенденции к сближению народничества и марксизма, в частности попытки вывести ленинизм из того или иного народнического учения (ткачевизма, народовольчества и т. д.). Вместе с тем в процессе критики народничества и его мировоззрения проявились крайности. Возникшая тогда формула «народничество — злейший враг марксизма» очень неадекватно отражала действительное качественное различие типов народнического и марксистского мировоззрения, не учитывала все нюансы реальной исторической практики взаимоотношений между народ-

¹¹² См.: Асмус В. О новых «Философских письмах» Чаадаева // Лит. наследие. 1935. № 22—24; Соловьева В. Чаадаев и его «Философские письма» // Под знаменем марксизма. 1938. № 1; Каменский Э. А. П. Я. Чаадаев: (Русская мысль на пути от дворянского просветительства к идеологии демократии). М., 1946.

¹¹³ См.: Генкина Э. Марксизм в борьбе с народничеством. М., 1936; Ярославский Е. Разгром народничества. М., 1939; Резников М. О. Разгром Лениным субъективной социологии народничества // Сов. наука. 1939. № 6; Городецкий Е. Н. Политическая реакция 80-х годов XIX в. Борьба марксизма с народничеством. М., 1940; Шестаков М. Г. Разгром В. И. Лениным идеалистической социологии народничества. М., 1951.

ничеством и марксизмом, в которой наблюдались не только противостояние и борьба, но также частичные организационные и идейные контакты, влияние марксизма на народничество и т. д.

Если говорить о круге наиболее важных проблем методологического характера и наиболее существенных обобщениях, впервые или по-новому поставленных в историографии русской философии второй половины 30-х — начала 50-х годов, то таких проблем и обобщений окажется довольно много. К этому времени относится первая попытка теоретического осмысления предмета истории русской философии. М. Иовчуком были предложены критерии разграничения проблематики истории философии и истории русской публицистики, критики и естествознания¹¹⁴. Что же касается *классификации течений и направлений русской философии*, то в данном случае необходимо принимать во внимание не только теоретико-познавательные критерии, но прежде всего классово-социальную ориентацию мысли тех или иных философов. Можно утверждать, что такой методологический принцип оформился в советской историографии русской философии с середины 30-х годов. В этой связи совершенно правомерными представляются попытки выделения в истории русской философии течений и направлений, которые в конечном счете выражали интересы основных классов и социальных групп российского общества. Столь же правомерными были и соответствующие квалификации прогрессивных и регрессивных, консервативных и реакционных течений.

К 40-м годам относятся и первые опыты теоретического обоснования *периодизации истории русской философии*¹¹⁵. Поскольку эмпирическая основа для теоретических обобщений по проблеме периодизации была еще сравнительно узка, то трудно было ожидать особенно больших удач в этой области. Но в плане собственно теоретическом несомненным плюсом было выявление той главной проблемы, которую предстояло разрешить любому, кто предпримет попытку периодизации: проблемы согласования внутренней логики и этапов развития самой философии, как относительно самостоятельной области знаний, с логикой и основными этапами гражданской истории общества.

Радикальный характер методологической перестройки советской историографии русской философии, начавшийся с середины 30-х годов, проявился в первую очередь в решительном повороте внимания исследователей к *внутренним, национальным условиям и факторам развития русской философии*. Прежние тезисы о том, что русская мысль повторила, отразила опыт западноевро-

¹¹⁴ См.: *Иовчук М. Т.* Основные этапы и особенности развития русской философии // Вестн. АН СССР. 1946. № 10. С. 32; Из истории русской философии. М., 1949. С. 11.

¹¹⁵ См.: *Иовчук М. Т.* Основные этапы...

пейской мысли, что она является продуктом зарубежных влияний или реакцией на нее, были подвергнуты справедливой, хотя порой чрезвычайно резкой критике. Социально-экономические условия, соотношение классовых сил внутри русского общества, уровень развития культуры в стране стали рассматриваться теперь в качестве основных причин и факторов, определяющих и объясняющих сущность философских идей, возникавших и функционировавших в русском обществе. Перенос центра тяжести с внешних факторов развития русской философии на внутренние, отказ от прежних интерпретаций теории влияний, от схем филиации идей оказали в общем и целом плодотворное методологическое воздействие на историографию русской философии, привели к ряду новых решений и обобщений, хотя здесь не обошлось и без существенных издержек, особенно по части трактовок диалектики взаимосвязей русской и западноевропейской философии.

Еще в 20-х годах, как мы видели, в историографии русской философии развивался тезис о том, что в начале 40-х годов XIX в. Россия вступила на путь «известной самостоятельности» в области философского творчества, что передовые русские мыслители, испытав влияние западноевропейской философии, пошли дальше самостоятельным путем, что наиболее выдающиеся из них были вполне самостоятельными и оригинальными мыслителями. Стремление авторов 40-х годов переосмыслить по-новому *тему самостоятельности и оригинальности русской философии*, их усилия, идущие в плане критики недостатков прошлого в этой сфере и поиски более адекватных решений, заслуживают безусловно положительной оценки. И можно лишь сожалеть, что в деле методологической разработки всего комплекса проблем, связанного с темой самостоятельности и оригинальности русской философии, сделано было не очень много. Одним из тормозящих факторов явилось то обстоятельство, что во второй половине 40-х — начале 50-х годов зарубежные влияния на русскую философию стали часто затушевываться, а нередко и вовсе игнорироваться.

Если в 20-х годах *тема внутрирусской идейно-философской преемственности и традиции* практически не обсуждалась, то во второй половине 30-х годов положение радикально меняется. Возникла плодотворная концепция, согласно которой передовые русские мыслители находились не только под влиянием прогрессивной западноевропейской философии, но и под влиянием предшественных передовых течений в русской мысли. Однако с середины 40-х годов начал наблюдаться определенный крен, а именно все настойчивее стал высказываться безоговорочный тезис, что русские философы развивались прежде всего и больше всего под влиянием их русских предшественников, внутрирусской философской традиции. Мировая же философская традиция

оставалась при этом в тени, значение ее, таким образом, уменьшалось.

Решительный отказ от распространенных прежде теорий влияний, подчеркивание самостоятельного, оригинального характера русской философии, естественно, вызывали необходимость новых постановок *темы взаимосвязи русской и мировой философии*. В начале 40-х годов в советской литературе подчеркивалась мысль о том, что вклад России в общую сокровищницу мировой культуры не менее велик, чем вклад ряда других прославленных в этом отношении стран и что во многих случаях по целому ряду важнейших проблем русские философы XIX в. шли впереди самых передовых мыслителей своей эпохи. Советские историки русской философии справедливо отвергли прежние постулаты о полной тождественности философии передовых русских мыслителей с философией зарубежных мыслителей, о сводимости сути идей того или иного русского философа соответственно к вольтерьянству, руссоизму, гольбахизму, шеллингизму, фихтеизму, гегельизму, фейербахизму и т. д. и т. п. Плодотворной стала и мысль о сознательном, творческом и критическом отношении русских деятелей к зарубежному философскому опыту, а также мысль о том, что по ряду проблем русская философия пошла дальше современной ей немарксистской философии на Западе, преодолевая те или иные ее недостатки.

Как уже отмечалось выше, особенно интересные мысли были высказаны насчет преодоления русскими философами (как материалистами, так и некоторыми идеалистами) *созерцательности предшествующей им западноевропейской философии, в том числе и немецкой классической философии*. Правда, проблема эта решалась преимущественно в одном плане: за преодоление созерцательности предшествующей философии принималось прежде всего то обстоятельство, что русские мыслители в своих социально-политических устремлениях шли дальше своих западноевропейских предшественников в вопросе о связи теории с практикой, о методе преобразования социальной действительности, о революционном способе перехода от одних форм общественного развития к другим. В этой связи на первый план выдвигались мысли об отличиях, например, взглядов Фейербаха и русских материалистов на значение классовой борьбы в обществе, на человека как общественное существо и т. д. Но собственно философская задача, а именно тема активности познающего субъекта оставалась пока по существу вне поля зрения.

Говоря о периоде 20-х — первой половины 30-х годов, мы отмечали возникшее тогда у некоторых исследователей противоречие между стремлением к актуализации историко-философских исследований, вылившимся иногда в «селективный», «выборочный» подход к истории, и конкретным историзмом. В противоположность этому сознательная *борьба за преодоление*

антиисторизма и вульгарного социологизма стала очень заметной темой во всей идейно-философской жизни страны второй половины 30-х — 50-х годов. О необходимости воплотить ленинские принципы *конкретного историзма* в историко-философских исследованиях в эти годы писалось немало и для реального воплощения их в жизнь также было сделано немало. Но, несмотря на определенный прогресс в понимании сути методологии конкретного историзма, и в рассматриваемый период наблюдалось противоречие между конкретно-историческим и ценностным, если говорить современным языком, подходом к изучению истории русской философии. Как показано и доказано в советской литературе, не всем и не всегда удавалось вполне адекватно воплотить *ленинский принцип органического сочетания классово-партийного подхода к общественным явлениям и объективного конкретно-исторического метода исследования*.

Итоговую картину развития советской историографии русской философии второй половины 30-х — начала 50-х годов нельзя описать и оцепить однозначно. С одной стороны, перед нами явные признаки поступательного движения научной дисциплины в целом: выдвижение историографии русской философии на передовые позиции идеологической борьбы с враждебными марксистско-ленинской и советской идеологии течениями, большие масштабы работы по публикации источников, огромные с количественной точки зрения масштабы популяризаторской деятельности, существенное расширение круга исследуемых мыслителей, течений и направлений, радикальная перестройка методологических принципов, в целом способствовавшая разработке истории русской философии как типа историко-философского процесса в рамках одной отдельной страны, целый ряд совершенно новых постановок проблем, новых обобщений и выводов как по отдельным мыслителям, так и по истории русской философии в целом.

С другой стороны, в историографии русской философии этого периода встречалось также немало ошибок. Было бы неверным объяснять эти ошибки только объективными или только субъективными причинами. Как и в любой другой научной дисциплине, в любой другой исторический период объяснение должно искать прежде всего в соответствующем социокультурном контексте, но вместе с тем видеть за теми или иными ошибками и определенные гносеологические предпосылки.

В документах партии подчеркивается неправомерность нигилистического подхода к оценке исторического прошлого нашей страны, забвения, игнорирования успехов, достигнутых советским народом в какой-либо из исторических периодов. Вместе с тем в них подчеркивается и неправомерность попыток смягчения тех отрицательных явлений, которые возникали в прошлом. Меры, принятые партией в 50-е годы по дальнейшему развитию науки

в СССР, стали решающей основой, на которой зиждятся успехи всех общественных наук в стране, в том числе в историографии русской философии во второй половине 50-х годов и последующий исторический период.

* * * * *

С середины 50-х годов в исследованиях по истории русской философии наблюдаются определенные изменения. В ходе творческих дискуссий, прошедших во второй половине 50-х — первой половине 60-х годов, были уточнены понятие предмета истории философии и вопросы периодизации развития русской философии, характер взаимовлияний русской и мировой философской мысли, и в частности отношение русской прогрессивной философской мысли к классической немецкой философии, роль и место различных направлений, в частности народничества, в развитии русской общественной мысли и другие проблемы истории русской философии.

Дискуссии и обсуждения историко-философских проблем, которые проходили в 50—60-е годы, были вызваны не столько стремлением дать известную оценку проделанной работе, сколько потребностями решить важные методологические проблемы, вставшие перед историками русской философии в связи с подготовкой крупных обобщающих исследований.

Вторая половина 50-х — начало 60-х годов ознаменовались выходом в свет целого ряда *обобщающих историко-философских работ*, в которых история русской философии получила обстоятельное изложение¹¹⁶. Важным шагом на пути создания обобщающего научного исследования процесса развития русской философии явился выход в свет 2-томной работы под редакцией С. Г. Васецкого, М. Т. Иовчука, А. Н. Маслина, А. Ф. Окулова, Э. В. Смирновой и И. Я. Щипанова «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР». В этом исследовании процесс развития русской философии был представлен значительно полнее, чем в исследованиях предыдущих лет. Русская философия излагается в «Очерках» начиная с IX в. и кончая XIX в. Основное внимание уделялось показу тех материалистических и диалектических идей, которые выдвинули русскую философию на передовые позиции и подготовили почву для восприятия марксизма. В «Очерках» была проведена идея преемственности в развитии передовой философской мысли России, сделана попытка проследить зарождение и развитие

¹¹⁶ См.: Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР: В 2 т. М., 1955—1956; Московский университет и развитие философской и общественно-политической мысли в России. М., 1957; История философии: В 6 т. М., 1957—1965; Краткий очерк истории философии. М., 1960; Галактионов А. А., Нихандров П. Ф. История русской философии. М., 1961.

материалистической традиции, показать идейные связи и влияния русских и зарубежных мыслителей.

Русская революционно-демократическая мысль была представлена в «Очерках» не только главными своими именами; были проанализированы также философские взгляды Н. П. Огарева, И. В. Шелгунова, М. Л. Михайлова, Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичей, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. В. Флеровского. Получили освещение и философские идеи петрашевцев. Достоинством «Очерков» явился и тот факт, что в них широко были представлены философские воззрения передовых русских ученых-естествоиспытателей, которые в значительной степени способствовали победе в общественной мысли России материалистических идей. Вместе с тем в «Очерках» нашли отражение и такие идеалистические философские учения, как славянофильство, философские концепции Чаадаева, Станкевича, Грановского. Указывая на определенные недостатки «Очерков», рецензенты тем не менее отмечали, что их авторам «удалось показать самостоятельность русской философской мысли, выявить тот вклад, который был внесен русскими философами в сокровищницу мировой культуры»¹¹⁷.

Хотя «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» явились практически первым солидным и многогранным исследованием многовекового процесса развития философской мысли народов СССР и в их подготовке приняли участие почти все видные историки философии народов СССР, они не были свободны от целого ряда недостатков, обусловленных главным образом общим уровнем развития историко-философской науки. Дело в том, что в этот период не был еще до конца преодолен схематизм, свойственный трудам 40-х — начала 50-х годов, в результате чего в ряде глав не удалось достаточно убедительно показать своеобразие философских идей русских мыслителей, которое свидетельствовало бы о развитии ими материализма и диалектики. К тому же и предмет истории философии толковался несколько расширительно: специфика философии подчас не была достаточно четко определена, в результате чего чисто философские проблемы подменялись зачастую изложением политических, литературоведческих, естественнонаучных идей. В «Очерках» практически отсутствовало систематическое изложение идеалистической философии, что привело к обеднению в целом философской мысли России. Не преодолена была в «Очерках» и односторонне-негативная оценка некоторых идеологических течений прошлого, в частности народничества, был допущен также и ряд фактических неточностей, приукрашивание и недооценка взглядов отдельных мыслителей.

¹¹⁷ Покровский С. А., Папаригопуло С. В. О принципиальных ошибках в освещении истории русской общественной мысли // *Вопр. истории.* 1956. № 6. С. 132.

Несмотря на указанные недостатки, отмеченные в литературе 50-х годов¹¹⁸, «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» сыграли важную роль в развитии исследований истории русской философии. Выход в свет такого обобщающего труда наглядно показал как достижения советской историко-философской науки, так и «узкие» места, неисследованные и слабо изученные области русской философской мысли. Широкое обсуждение «Очерков» учеными страны дало новый толчок не только исследованиям в области истории русской философии, но и решениям методологических проблем истории философии, в первую очередь таких, как толкование предмета истории русской философии и периодизация историко-философского процесса.

Эти вопросы были поставлены и обсуждены на научном совещании в Отделении экономических, философских и правовых наук АН СССР в 1957 г., посвященном вопросам истории общественной мысли XVIII—XIX веков. В совещании принимали участие ученые Отделения исторических наук АН СССР, Московского университета, Академии общественных наук при ЦК КПСС и других научных учреждений. В докладе А. И. Пашкова «О принципах периодизации истории русской общественной мысли» было выдвинуто предложение положить в основу периодизации развития общественной мысли общую периодизацию исторического процесса по общественно-экономическим формациям. Это предложение, основанное на том марксистско-ленинском положении, что общественная мысль, являясь надстройкой над экономическим базисом, определяется в конечном счете экономическими отношениями общества, было принято и для периодизации истории философии. А. Пашков поставил также вопрос о предмете истории общественной мысли и философии, высказав убеждение, что таким предметом должны быть не только научные теории и концепции, но и донаучные взгляды и теории, и антинаучные, в борьбе с которыми создавались научные материалистические воззрения. М. Т. Иовчук поддержал точку зрения, согласно которой основу периодизации развития философской мысли составляет развитие общественно-экономической жизни, борьба классов. Никакое внешнее влияние, подчеркивал М. Т. Иовчук, не может обуславливать характер развития об-

¹¹⁸ См.: Ф. Т. Обсуждение «Очерков истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» на Всесоюзном координационном совещании // *Вопр. философии*. 1956. № 6. С. 170—174; *Козак Л. Н.* Новый труд по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР // Там же. С. 175—179; *Галактионов А. А., Никандров П. Ф., Федотов В. П.* О серьезных недостатках в освещении истории отечественной философии // Там же. С. 180—185; *Ладьяженский А. М.* Об освещении народничества // Там же. С. 190—191; Обсуждение «Очерков по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» // *Вопр. истории*. 1956. № 6. С. 194—201.

щественной мысли в той или иной стране, ибо этот характер зависит от потребностей и условий классовой борьбы.

Участники совещания подчеркнули необходимость уточнения формулировки предмета научной истории философии, данной в докладе А. А. Жданова на философской дискуссии в 1947 г., согласно которой история философии трактовалась как история зарождения, возникновения и развития научного материалистического мировоззрения и его законов. Такое определение предмета истории философии уводило от анализа идеалистических философских концепций, от исследования всех сложностей борьбы материализма и идеализма на протяжении всей истории философской мысли. На совещании были затронуты также вопросы о специфике революционного демократизма и о различных лагерях в идеологической борьбе в России середины XIX — начала XX в.

В предложениях, составленных комиссией Отделения экономических, философских и правовых наук АН СССР и одобренных Бюро отделения 7 мая 1957 г., ставилась задача «перенести центр тяжести в научных исследованиях по истории философии на создание серьезных монографических исследований по различным периодам истории философии, направлениям философской мысли и философским системам»¹¹⁹.

Вышедшие вскоре первые два тома *«Истории философии»* под редакцией М. А. Дынина, М. Т. Иовчука, Б. М. Кедрова, М. Б. Митина, О. В. Трахтенберга дали ответ на ряд методологических вопросов, в том числе на вопрос о предмете истории философии. Во введении к 1-му тому авторы писали: «Предметом истории философии как науки является история развития философской мысли на различных ступенях развития общества, прежде всего история зарождения, формирования, развития основных философских направлений — материализма и идеализма, их взаимной борьбы»¹²⁰. Таким образом, односторонняя ориентация на изложение лишь материалистических концепций была преодолена, что позволило авторам *«Истории философии»* дать более полную картину развития философской мысли.

История русской философии, изложенная в первых пяти томах *«Истории философии»* (1957—1961), получила более правильное освещение, чем это имело место в предыдущих исследованиях, в том числе и в *«Очерках по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР»*. Опираясь на основополагающие указания В. И. Ленина о наличии в России солидной материалистической традиции, авторы *«Истории фи-*

¹¹⁹ История общественной мысли XIX—XX вв. АН СССР. Вопросы советской науки: Зап. Отд-ния экон., филос. и правовых наук АН СССР о состоянии изучения истории отечественной и зарубежной общественной мысли. М., 1958. С. 20.

¹²⁰ История философии. М., 1957. Т. 1. С. 10.

лософии» более последовательно, чем в предыдущих изданиях, проанализировали процесс зарождения и развития собственно философской мысли в России, предприняли успешную попытку преодолеть как ложные утверждения об ученической зависимости русской философии от западноевропейской, так и не менее ошибочные утверждения о полной независимости развития русской философской мысли от зарубежных влияний. В «Истории философии» показываются взаимные связи и взаимовлияния русской и западноевропейской философской мысли, а также русской и всей мировой общественной мысли, преодолеваются сильные в прошлом тенденции к приукрашиванию и модернизации взглядов передовых русских мыслителей. Однако верные принципиальные установки авторов «Истории философии» не всегда успешно реализовывались в изложении отдельных тем. Подчас анализ собственно философских взглядов подменялся изложением общественно-политических и естественнонаучных воззрений, что было и в прошлом. Эти недостатки характеризовали в той или иной мере и изложение истории западноевропейской, американской и восточной философии. Тем не менее 6-томная «История философии» (включая и разделы, посвященные истории отечественной мысли) подвела итог предшествующим исследованиям и дала толчок дальнейшему движению в этой области.

Вышедший в 1957 г. под редакцией И. Я. Щипанова коллективный труд ученых философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова «*Московский университет и развитие философской и общественно-политической мысли в России*», подготовленный в связи с 200-летним юбилеем Московского университета, несмотря на узконаправленный характер исследования, оказал известное влияние на развитие историко-философских исследований. Конкретный анализ воздействия прогрессивных учебных Московского университета на развитие материалистической традиции в России убедительно свидетельствовал в пользу той точки зрения, что составить полную картину развития философии невозможно без привлечения к исследованию тех естественнонаучных и гуманитарных идей, которые наиболее активно воздействовали на философско-мировоззренческую проблематику.

В 1961 г. вышла в свет книга А. А. Галактионова и П. Ф. Никандрова «История русской философии». Это было практически первое советское издание, систематически излагающее курс истории русской философии начиная с XI в. и до распространения в России марксизма. Достоинством книги было стремление авторов избежать расширительного толкования предмета истории философии. Однако в практическом воплощении это стремление привело к непропорционально суженной трактовке истории русской философии, ибо из рассмотрения были исключены эстетические и этические концепции, естественнонаучные идеи, игравшие в истории русской прогрессивной философской мысли значительную

роль. В историю русской философии не включались философские воззрения таких крупных мыслителей, как Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой, как выдающиеся ученые-естествоиспытатели второй половины XIX в. и др.

Как уже говорилось, для второй половины 50-х — начала 60-х годов характерно обилие дискуссий и обсуждений. Подготовка многотомных историко-философских исследований потребовала решения многих методологических проблем, многих спорных и нерешенных вопросов. Среди наиболее важных методологических проблем следует выделить вопрос о предмете истории философии и общественной мысли, о периодизации их истории. В ходе этих обсуждений было высказано много верных и ценных положений¹²¹.

Особенно сложным был вопрос о *периодизации истории русской философии*. Не подвергая сомнению принципиальное положение об обусловленности развития философской мысли экономическими отношениями общества, ряд авторов пытался конкретизировать решение этой проблемы¹²². Так, М. И. Сидоров в своей монографии высказал не вызывающую в принципе возражений мысль о том, что «периодизация освободительного движения в России, разработанная в трудах В. И. Ленина, должна быть основой периодизации истории философии народов СССР»¹²³. Эту мысль уточнил и развил применительно к истории философии А. И. Новиков, отметивший, что «было бы упрощением механически переносить ленинскую периодизацию освободительного движения на историю общественной мысли и такого ее важнейшего элемента, как философия»¹²⁴. Расхождения среди историков русской философии проявились там, где возникла необходимость датировки существования отдельных философских направлений, школ, концепций. Особенно сложным, как показало обсуждение, был вопрос об определении времени существования философии Просвещения, трудности возникли при датировке пачала развития материализма как философской традиции, при определении отношения философии революционных демократов к антропологическому материализму и т. д.

¹²¹ См.: Вестн. АН СССР. 1946. № 10. С. 29—47; Вопр. философии. 1952. № 4. С. 95—98; и др.

¹²² См. выше о совещании в Отделении экономических, философских и правовых наук АН СССР. См. также: *Иовчук М. Т.* К вопросу об исторических ступенях развития материализма в домарксистский период // Вестн. МГУ. Сер. обществ. наук. 1956. № 4, вып. 2; *Новиков А. И.* В. И. Ленин о материалистических традициях в русской философии. Л., 1957; *Он же.* Ленинизм и прогрессивные традиции русской общественной мысли. Л., 1965; *Щипанов И. Я.* В. И. Ленин и русская философия // Филос. науки. 1960, № 3; *Сидоров М. И.* В. И. Ленин и вопросы истории русской материалистической философии. М., 1962; и др.

¹²³ *Сидоров М. И.* В. И. Ленин и вопросы истории... С. 36.

¹²⁴ *Новиков А. И.* Ленинизм и прогрессивные традиции... С. 65.

Продолжительная дискуссия велась в эти годы об идеологии народничества, о соотношении революционно-демократических и народнических идей¹²⁵.

Эта дискуссия лишь косвенно затрагивала собственно философские вопросы и велась в основном среди историков и литературоведов, но проблема соотношения революционно-демократической и народнической идеологии живо интересовала и историков русской философии, которые принимали участие в этом обсуждении.

В 40-е годы преобладала точка зрения, отождествлявшая народническую идеологию в целом с идеями либеральных народников 90-х годов и распространявшая ленинскую критику либерального народничества на народническую идеологию вообще. Такое отождествление привело к абсолютному противопоставлению взглядов революционных демократов 60-х годов и народнической идеологии, к отрицанию преемственной связи и общности их воззрений. С критикой этой точки зрения в 50-е годы выступил журнал «Вопросы истории»¹²⁶. Б. П. Козьмин, в частности, убедительно доказывал, что народнические взгляды вполне совместимы с революционным демократизмом, что народничество, понимаемое в широком смысле как идеология мелкобуржуазной демократии в эпоху ломки феодальных отношений, включает в себя и революционность, и демократизм¹²⁷.

Стремление преодолеть точку зрения, отрицающую прогрессивность народнической идеологии, привело некоторых ученых к мысли об абсолютной противоположности взглядов революционных и либеральных народников, к утверждению о единстве идейных позиций революционеров 60-х и 70-х годов. В. В. Широкова писала, например, что «правы те исследователи, которые называют народников 70-х годов революционными демократами», что «три черты просветительства, составляющие суть наследства¹²⁸, относятся также и к революционерам 70-х годов (кроме разве „европеизации“)¹²⁹. И далее: «Шестидесятники и семидесятники

¹²⁵ См. материалы дискуссии в журналах: *Вопр. истории*. 1956. № 5, 10; 1960. № 2; 1965. № 12; *История СССР*. 1957. № 2; 1960. № 1; 1961. № 5; 1962. № 2, 3; 1963. № 5, 6; 1966. № 4; 1967. № 1; *Вопр. литературы*. 1960. № 2, 4, 7, 10; 1961. № 2; *Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз*. 1960. Т. XIX, вып. 2; *Вопр. философии*. 1963. № 3; 1965. № 4; *Коммунист*. 1966. № 16; 1972. № 16; а также в книгах: *Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС: История СССР*. М., 1962; *История и историки: Историография истории СССР*. М., 1965; *Седов М. Г. Героический период революционного народничества*. М., 1966; *Троицкий Н. А. К вопросу о периодизации разночинского или буржуазно-демократического этапа в русском освободительном движении*. М., 1966.

¹²⁶ См.: *Вопр. истории*. 1956. № 5, 10; и др.

¹²⁷ См.: *Козьмин Б. П. Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России // Исторические записки*. М., 1959. Т. 65.

¹²⁸ См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.* Т. 2. С. 472.

¹²⁹ *Широкова В. В. Еще раз о революционных демократах и народниках // История СССР*. 1962. № 3. С. 74, 75.

сходятся в главном и разнятся в „шелухе“, а либеральные народники резко отличаются от тех и других по существу и только в „теоретической вздорности“ сходятся с семидесятниками и то не всегда, не во всем»¹³⁰.

В дискуссии высказывалась и противоположная точка зрения, отрицающая вообще революционность любой народнической теории¹³¹.

В ходе дискуссии были высказаны и верные мысли сторонниками как одной, так и другой точки зрения. Г. И. Ионова и А. Ф. Смирнов, например, справедливо подчеркивали, что народничество представляет собой в идеологическом плане единое течение, приобретающее прогрессивные или реакционные черты в зависимости от реальной исторической обстановки¹³². В. И. Ленин по этому поводу писал: «Бывши в свое время явлением прогрессивным, как первая постановка вопроса о капитализме, народничество является теперь теорией *реакционной и вредной*, сбивающей с толку общественную мысль, играющей на руку застою и всяческой азиатчине»¹³³. Но при этом Г. Ионова и А. Смирнов противопоставляли народническую идеологию взглядам революционных демократов 50—60-х годов, хотя они и верно отмечали более последовательный и научных характер идеологии революционных демократов по сравнению с народническими концепциями.

Дискуссия о народничестве не привела к единой точке зрения, но в ходе ее произошло известное сближение полярных позиций, и народническая идеология, в том числе и философские взгляды наиболее видных теоретиков народничества, стали объектом разносторонних монографических исследований.

С середины 50-х годов начал постепенно расширяться круг историко-философских исследований. Именно в этот период появились новые публикации, посвященные философской мысли Древней Руси, философским взглядам мыслителей XVIII в., монографические исследования философских воззрений передовых русских естествоиспытателей, философских взглядов ближайших соратников и последователей великих русских революционных демократов В. Г. Белинского, А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского.

Исследования *древнерусской* литературы велись в эти годы главным образом литературоведами и историками, но философ-

¹³⁰ Широкова В. В. Еще раз о революционных... С. 76—77. Сходную точку зрения высказывали также П. Ткаченко (Вопр. история. 1956. № 5); А. Белкин, Ф. Кузнецов, Э. Виленская, Б. Итенберг (Вопр. литературы. 1960. № 2, 4, 10); В. Ф. Захарина (История СССР. 1963. № 5); и др.

¹³¹ См.: Эльсберг Я. Упрощенные решения // Вопр. литературы. 1960. № 2; Он же. Лавров — предшественник социал-демократии и марксизма? // Там же. 1961. № 2.

¹³² См.: Ионова Г. И., Смирнов А. Ф. Революционные демократы и народники // История СССР. 1961. № 5. С. 112—140.

¹³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 531.

ская проблематика активно вторгалась в ткань литературоведческих и общен исторических работ¹³⁴.

Некоторые философские вопросы, поднятые в этих работах, стали объектом острой полемики. Одним из них был вопрос о характере и классовой направленности русских ересей XIV—XVI вв. Зачастую принято рассматривать любое оппозиционное по отношению к господствующей в эксплуататорском обществе идеологии идейное течение как прогрессивное. Ереси XIV—XVI вв., направленные против официальной религиозной ортодоксии, не были в этом отношении исключением. Однако исследования 50—60-х годов показали, что вопрос о классовой обусловленности ересей, а следовательно, и вопрос об их прогрессивности или реакционности решается не просто и не однозначно. Особенно острые разногласия выявились по поводу определения характера новгородско-московской ереси конца XV — начала XVI в. Ряд историков (Я. С. Лурье, Г. Н. Моисеева и др.) выступили с опровержением точки зрения на нестяжательство как на идеологию крупной феодальной знати Новгорода и Москвы. Они доказывали, что секуляризация монастырских земель, за которую выступали нестяжатели, была выгодна не крупным землевладельцам, а поместному дворянству, и отсюда делали вывод, что рассматривать нестяжательство как выражение реакционных, сепаратистских настроений боярских кругов неправильно. Историк русской философии И. Я. Щипанов, напротив, утверждал, что идеология нестяжателей с ее ориентацией на

¹³⁴ См.: *Бачманов В. С., Плотников А. М.* К изучению философской мысли Древней Руси XI—XV вв. // *Вестн. ЛГУ. Сер. экономики, философии, права.* 1956. № 5, вып. 1; *Зимин А. А.* Матвей Башкин — вольнодумец XVI в. // *Вопр. истории религии и атеизма.* 1956. Сб. 4; *Он же.* К изучению взглядов И. С. Пересветова // *Тр. Отдела древнерусской литературы (ИРЛИ).* М.; Л., 1960. Т. 16; *Саккетти А. Л., Сальничко Ю. Ф.* О взглядах И. Пересветова // *Вопр. истории.* 1957. № 1; *Лурье Я. С.* К вопросу об идеологии Нила Сорского // *Тр. Отдела древнерусской литературы (ИРЛИ).* М.; Л., 1957. Т. 13; *Он же.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л., 1960; *Алексеев М. П.* Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. // *Славянская филология.* М., 1958. Т. 1; *Он же.* Явления гуманизма в литературе и публицистике Древней Руси (XVI—XVII вв.) // *Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике.* М., 1960; *Клибанов А. И.* Книги Ивана Черного: (К характеристике мировоззрения новгородско-московских еретиков) // *Исторические записки.* М., 1958. Т. 62; *Он же.* Реформационное движение в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960; *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958; *Он же.* Культура русского народа X—XVII веков. М.; Л., 1961; *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960; *Козлов Н. С.* Развитие общественно-политической и философской мысли в эпоху русского средневековья IX—XVI вв. М., 1961; *Соколов М. В.* Борьба вокруг философско-психологических вопросов в России в XIV—XVI вв. // *Из истории русской психологии.* М., 1961; *Моисеева Г. Н.* Об идеологии «нестяжателей» // *История СССР.* 1961. № 2; *Мордухович Л. М.* Философские и социальные взгляды Юрия Крижанича // *Из истории межславянских связей.* М., 1963; *Овсянников М. Ф., Смирнова З. В.* Очерки истории эстетических учений. М., 1963; *Шохин К. В.* Очерк истории развития эстетической мысли в России: (Древнерусская эстетика XI—XVII вв.). М., 1963.

ветхозаветное учение выражала идеологию реакционного боярства, боровшегося против создания централизованного русского государства и против поддерживавшей идею централизации русской православной церкви. Обсуждение этого вопроса на страницах печати к выработке единой точки зрения не привело.

Философские проблемы затрагивались и в исследованиях, посвященных *русской культуре XVII в.* В работах М. П. Алексеева было рассмотрено влияние идей западноевропейского гуманизма, в частности идей Эразма Роттердамского и Яна Амоса Комеńskiego на русскую литературу XVII в., показаны идейные контакты России и Западной Европы в XVI—XVII вв. Серьезный анализ изменений социально-экономических условий России XVII в. и связанных с ними изменений народного сознания, появления идей свободы и достоинства человеческой личности дан А. И. Клибановым. К сожалению, к исследованию общественного сознания Древней Руси историки русской философии не проявляли такого же внимания, как историки и литературоведы, хотя историки философии Ленинградского (В. С. Бачманов и А. М. Плотников) и Московского (Н. С. Козлов) университетов выпустили в свет две работы, носящие скорее постановочный и обобщающий характер, нежели исследовательский. Надо в то же время отметить серьезное исследование развития эстетической мысли Древней Руси, выполненное К. В. Шохиним, а также характеристику эстетической мысли в России XVII в., данную А. А. Баженовой в написанной ею главе в книге М. Ф. Овсянникова и З. В. Смирновой «Очерки истории эстетических учений» (М., 1963).

Философская мысль в эпоху петровских преобразований и в целом *философская мысль XVIII столетия* долгие годы оставалась недостаточно изученной. Исключение составляли только философские идеи М. В. Ломоносова и А. Н. Радищева, которые в советской историко-философской литературе всегда были объектом пристального внимания.

Во второй половине 50-х годов Л. А. Петров в Иркутске и Я. Д. Бетяев в Саранске опубликовали исследования по истории философской мысли во времена петровских преобразований¹⁸⁵. Эти исследования в известной мере способствовали заполнению «белых пятен» в истории русской философии, однако в них еще не был поднят огромный архивный материал, требовавший серьезной источниковедческой и переводческой работы, выполнить которую советские исследователи смогли только в 70-е годы.

Изданные к 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова работы, посвященные его философским взглядам, значительно

¹⁸⁵ См.: Петров Л. А. Философские взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира // Тр. Иркут. ун-та. Сер. философии. 1957. Т. 20, вып. 1; Бетяев Я. Д. Общественно-политическая и философская мысль в России в первой половине XVIII в. Саранск, 1959.

более подробно и обстоятельно, чем это было прежде, показали его вклад в становление русской материалистической традиции¹³⁶. Книгу Г. С. Васецкого о мировоззрении М. В. Ломоносова можно выделить как исследование, впервые с такой полнотой показавшее, что даже в условиях господства религиозной идеологии, прикрываясь идеей двойственности истины и находясь на позициях деизма, великий ученый может развивать идеи материализма, утверждая их в сознании своих современников. Особое внимание Г. Васецкий обратил на идеи патриотизма, на борьбу М. В. Ломоносова за приоритет отечественной науки, которая делает деятельность М. В. Ломоносова бесценной для развития России.

Значение вклада М. В. Ломоносова в развитие отечественной науки глубоко и всесторонне показано в книгах С. И. Вавилова и Б. Г. Кузнецова.

В 50—60-е годы не утихал спор об оценке общественно-политических позиций А. Н. Радищева. В 1955 г. в журналах «Вопросы философии» и «Вопросы истории» появился ряд статей, в которых подвергалась сомнению точка зрения о революционном демократизме А. Н. Радищева. Некоторые авторы выступили также с утверждением об отходе А. Н. Радищева в последние годы жизни от идеи революционного преобразования общественных отношений и переходе его на позиции просвещенного абсолютизма¹³⁷. Вопрос о том, считать ли А. Н. Радищева идеологом крестьянской революции и революционным демократом или стоящим по своим идейным позициям ближе к дворянским революционерам, которые были «страшно далеки от народа» и боялись самостоятельного революционного выступления народных масс, нашел отражение и в вышедших в свет монографических исследованиях.

Так, в 1956 г. вышла в свет книга Г. П. Макогоненко «Радищев и его время», в которой автор, характеризуя А. Н. Радищева как дворянского революционера, в то же время называет его и приверженцем крестьянской революции. К дворянским революционерам причисляется А. Н. Радищев и в вышедшей в свет в 1958 г. книге Л. Б. Светлова «Александр Николаевич Радищев», в которой автор утверждал, что ленинская оценка декабристов, данная в статье «Памяти Герцена», применима и к А. Н. Радищеву. К оценке фигуры А. Н. Радищева как дворян-

¹³⁶ См.: *Азаренко Е.* Мировоззрение М. В. Ломоносова. Минск, 1959; *Вавилов С. И.* Михаил Васильевич Ломоносов. М., 1961; *Васецкий Г. С.* Мировоззрение М. В. Ломоносова. М., 1961; *Кузнецов Б. Г.* Творческий путь Ломоносова. М., 1961; *Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова.* М.; Л., 1961; *Морозов А. А.* М. В. Ломоносов. Путь к зрелости. 1711—1741. М.; Л., 1962; и др.

¹³⁷ См.: *Вопр. философии.* 1955. № 4; 1956. № 3—5; 1957. № 6; 1958. № 5; *Вопр. истории.* 1955. № 9; XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4; *Исторические записки.* М., 1960. Т. 66.

ского революционера склонялись в ряде своих работ А. А. Галактионов и П. Ф. Никандров.

Философская мысль XIX в. в советской историко-философской литературе всегда занимала ведущее положение. Развитие философского материализма в трудах революционных демократов, облегчившее в огромной степени восприятие русскими революционерами философии марксизма, было на протяжении десятилетий ведущей темой историко-философских исследований. Однако философская мысль первой трети XIX в. долго оставалась слабо изученной. Даже философские идеи такого выдающегося политического движения начала XIX в., как движение декабристов, не были предметом тщательного анализа. Среди многочисленных исследований идеологии декабристов чрезвычайно редки были издания, анализирующие их философские взгляды. В конце 50-х — начале 60-х годов были опубликованы лишь одна монография и несколько статей о мировоззрении *декабристов*¹³⁸.

Больше внимания уделялось философским воззрениям видного русского мыслителя первой половины XIX в. *П. Я. Чаадаева*. В статьях Ф. И. Берелевича, М. М. Григорьяна, В. А. Малинича, Э. В. Смирновой, Л. А. Филиппова, П. С. Шкуринова анализировались его философские воззрения.

В 1960 г. было издано первое монографическое исследование философии П. Я. Чаадаева¹³⁹. В нем подчеркивалось, что А. И. Герцен и Г. В. Плеханов в принципе верно оценили место П. Я. Чаадаева в развитии русской общественной мысли и характер его философских идей. Автор особо подчеркнул общественную значимость выступления П. Я. Чаадаева, его социальную направленность, отметил близость П. Я. Чаадаева к общественным идеалам А. Н. Радищева и декабристов.

Важным событием в историко-философской жизни конца 50-х годов явилось издание 67-го тома «Литературного наследства», в котором были опубликованы новые материалы о революционных демократах¹⁴⁰. Особенно ценной для понимания философских воззрений Н. Г. Чернышевского была полная публи-

¹³⁸ См.: *Никандров П. Ф.* Мировоззрение П. И. Пестеля. Л., 1955; *Гильман М. И.* Теория естественного права и общественно-политические воззрения декабристов // Учен. зап. Казан. ун-та. Философия. 1957. Т. 32, вып. 1; *Кошурников А. А.* Декабрист И. Д. Якушкин. Жизнь и мировоззрение // Учен. зап. Свердлов. пед. ин-та. Обществ. науки. 1957. Вып. 14; *Аксентьев А. В.* Атеизм декабристов Северного общества // Тр. Ставропол. пед. ин-та. 1959. Вып. 15; *Русин В. И.* Атеистические взгляды декабристов Южного тайного общества // Изв. Крым. пед. ин-та. 1959. Т. 30; *Коган Л. А.* Философско-исторические взгляды Д. Л. Крюкова // *Вопр. философии*. 1961. № 7; *Шарунич А. П.* Декабрист Александр Вестужев // *Вопросы мировоззрения и творчества*. Минск, 1962.

¹³⁹ См.: *Шкуринов П. С.* П. Я. Чаадаев. Жизнь, деятельность, мировоззрение. М., 1960.

¹⁴⁰ См.: *Революционные демократы: Новые материалы* // *Литературное наследство*. М., 1959. Т. 67.

кация пометок В. И. Ленина на страницах книги Ю. М. Стеклова «Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность (1828—1889)». Оценивая эту публикацию, Б. Рюриков высказал мысль, что при изучении философских взглядов Н. Г. Чернышевского нельзя упускать из виду тот факт, что Н. Г. Чернышевский был революционным демократом и «поэтому неправильно рассматривать Чернышевского, чем грешил Плеханов, только по аналогии с утопистами и просветителями прошлых времен»¹⁴¹. Отмечая, что в изображении Ю. Стеклова революционные демократы лишь пассивно отражали настроения крестьянства, Б. Рюриков подчеркнул значение слов В. И. Ленина о том, что деятельность революционных демократов была основана на стремлении «поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества»¹⁴².

Активизации исследований творчества великих русских революционных демократов способствовали отмечавшиеся в 60-е годы два знаменательных юбилея: в 1961 г.—150-летие со дня рождения В. Г. Белинского, а в 1962 г.—150-летие со дня рождения А. И. Герцена. Из исследований о В. Г. Белинском¹⁴³ можно выделить работы В. И. Степанова и А. Л. Хайкина как наиболее обстоятельно раскрывающие собственно философские взгляды мыслителя. В работе В. И. Степанова был обобщен опыт исследования взглядов В. Г. Белинского, проделанный советскими учеными, и дана общая оценка его философской эволюции. Правда, надо сказать, что эволюция В. Г. Белинского к материализму была представлена в книге несколько прямолинейно, без учета сложностей эпохи «примирения» с действительностью. Не был проанализирован в работе и последний период в идейных исканиях В. Г. Белинского, связанный с поиском реальных путей движения России к социализму. Остались фактически за пределами исследования этические взгляды мыслителя. Работа же А. Л. Хайкина явилась первым в советской литературе монографическим исследованием именно этических воззрений великого русского революционного демократа.

В фундаментальном исследовании М. Я. Полякова дана была довольно обстоятельная картина развития философских взглядов В. Г. Белинского в период деятельности кружка Н. В. Станкевича, хотя автор и преувеличивал расхождение в политической ориентации кружков Станкевича и Герцена — Огарева, утверж-

¹⁴¹ Рюриков Б. Новые материалы о русских революционных демократах // Коммунист. 1959. № 11. С. 113.

¹⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 272.

¹⁴³ Степанов В. И. Философские и социологические воззрения Белинского. Минск, 1959; Кириллов В. Достоевский и Белинский. М., 1960; Поляков М. Я. Виссарион Белинский. Личность — идеи — эпоха. М., 1960; В. Г. Белинский. Пенза. 1981; Нечаева В. С. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1836—1841. М., 1961; Хайкин А. Л. Этика Белинского. Тамбов, 1961; Дьяков И. Я. Мироззрение В. Г. Белинского. Благовещенск, 1962; Белинский и современность. М., 1964.

дая, что если А. И. Герцен и Н. П. Огарев обсуждали проблемы современности с позиций революционности, то в кружке Н. В. Станкевича они решались с умеренно-просветительских позиций. Недостаточно четко освещен в книге и вопрос о «примирении» В. Г. Белинского с российской действительностью. Кроме того, автор явно преувеличил влияние М. А. Бакунина на В. Г. Белинского в этот период.

Из книг об А. И. Герцене¹⁴⁴ следует выделить исследования А. И. Володина, в которых убедительно показаны причины, приведшие дворянина А. И. Герцена к социалистическим теориям.

Философские воззрения Н. Г. Чернышевского нашли отражение в ряде работ, в частности в выпусках, подготовленных саратовскими учеными: «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы» (Саратов, 1958, 1961, 1962, 1965, 1968, 1971, 1975). Вышедшая же в 1956 г. книга В. Г. Баскакова «Мировоззрение Чернышевского» содержала серьезные ошибки и модернизацию в оценке его философии.

В 1958 г. в Якутске была издана книга И. М. Романова «Мировоззрение Н. Г. Чернышевского в 1872—1883 гг.», автор которой привлек новый материал о деятельности Н. Г. Чернышевского в ссылке и показал, что тяжелые условия жизни не сломили русского революционера, не изменили его взглядов: Чернышевский продолжал настойчиво работать и отстаивать философский материализм как наиболее верное философское учение о мире.

В 50—60-е годы были изданы коллективные труды и монографии, анализирующие различные аспекты философии революционных демократов, раскрывающие влияние философского материализма и диалектики на развитие революционной социалистической мысли, показывающие идейную борьбу в середине XIX в.¹⁴⁵

Определенные сдвиги в исследовании истории русской философии были сделаны в эти годы в освещении деятельности и философских воззрений соратников и учеников великих русских революционных демократов¹⁴⁶.

¹⁴⁴ См.: *Эльсберг Я. А.* И. Герцен. Жизнь и творчество. 3-е изд. М., 1956; 4-е изд. 1963; *Володин А. И.* В поисках революционной теории (А. И. Герцен). М., 1962; *Терлея Г. В.* А. И. Герцен — великий мыслитель, предшественник русской социал-демократии. М., 1962; *Пирумова Н. М.* Александр Герцен. Жизнь и деятельность. М., 1962; Проблемы изучения Герцена. М., 1963; и др.

¹⁴⁵ См.: *Борщевский С.* Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы. М., 1956; *Русская прогрессивная философская мысль XIX века (30—60-е годы)*. М., 1959; *Пустовойт П. Г.* Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» и идейная борьба 60-х годов XIX века. М., 1960; *Пантин И. К.* Материалистическое мировоззрение и теория познания русских революционных демократов. М., 1961; *Малчин В. А., Сидоров М. И.* Предшественники научного социализма в России. М., 1963.

¹⁴⁶ См.: *Иовчук М. Т.* Философские и социологические взгляды Огарева. М., 1957; *Яковлев М. В.* Мировоззрение Н. П. Огарева. М., 1957; *Кирпюгин В. Я.* Философские и эстетические взгляды Салтыкова-Щедрина. М., 1957; *Слабкий А. С.* Миро-

В 1957 г. впервые в советской литературе появились исследования философских взглядов ближайшего соратника и сподвижника А. И. Герцена Н. П. Огарева. Несмотря на неполноту привлеченного материала, авторам удалось убедительно показать оригинальность вклада Н. П. Огарева в развитие русской материалистической философии, его революционность и демократизм. Они сумели доказать, что Н. П. Огарев является не слабой и несамостоятельной «тенью» А. И. Герцена, как об этом твердила либерально-буржуазная историография, а оригинальным мыслителем, боевым революционером-демократом, который оказывал активное влияние на своего знаменитого друга-соратника. Н. П. Огарев не уступал А. И. Герцецу в глубине постижения закономерностей социального развития, его деятельность придала лондонскому центру революционной борьбы против самодержавия более демократическую направленность. Однако этим исследованиям недоставало четкости при определении времени перехода Н. П. Огарева на позиции революционного демократизма.

В 1963 г. к 150-летию со дня рождения Н. П. Огарева издал свое исследование о нем В. А. Путищев, который привлек большой биографический материал, обстоятельно проанализировал художественное творчество и революционную деятельность Н. П. Огарева, но, излагая особенности его философских воззрений, не добавил существенно нового по сравнению с исследованиями М. Т. Иовчука и М. В. Яковлева.

Из книг, анализирующих мировоззрение соратников и учеников Н. Г. Чернышевского, следует выделить монографию А. Н. Маслипа, которая явилась как бы итоговой исследовательской работой, проведенной советскими историками русской философии в 50-е годы по изучению материалистической философии русских революционных демократов. Им были проанализированы философские воззрения Д. И. Писарева, М. А. Антоновича, Н. В. Шелгунова, Н. А. Серно-Соловьевича, А. А. Слепцова и охарактеризованы наиболее общие черты философии русских революционных демократов.

Период с конца 50-х годов характеризуется повышением внимания советских историков философии к анализу философских материалистических идей, развиваемых русскими *естество-*

воззрение Н. В. Шелгунова. Харьков, 1959; *Маслин А. П.* Материализм и революционно-демократическая идеология в России в 60-х гг. XIX в.: (Д. Писарев, М. Антонович, Н. Шелгунов, Н. Серно-Соловьевич, А. Слепцов). М., 1960; *Наумова М. А.* Социологические, философские и эстетические взгляды Н. А. Добролюбова. М., 1960; *Лейнова М. И.* Мировоззрение М. А. Антоновича. М., 1960; *Богатов В. В.* Социологические взгляды Н. Серно-Соловьевича. М., 1961; *Плоткин Л. Д.* И. Писарев. Жизнь и деятельность. М.; Л., 1962; *Путищев В. А.* Н. П. Огарев. Жизнь, мировоззрение, творчество. М., 1963; *Станис Л. Я.* Основные черты мировоззрения. Д. И. Писарева. М., 1963; и др.

испытателями¹⁴⁷. В опубликованных в эти годы исследованиях было подчеркнута огромное значение естественнонаучных открытий, естественнонаучных знаний в целом для обоснования философского материализма. Меньше внимания было уделено анализу диалектических идей в русском естествознании.

С конца 50-х годов начинается серьезное переосмысление роли и места *Ф. М. Достоевского* в развитии русской художественной культуры. До 50-х годов в оценке творчества *Ф. М. Достоевского* существовали две противоположные линии, обусловленные сложностью этого выдающегося явления в русской общественной мысли. Философские идеи *Ф. М. Достоевского* на протяжении более полувека использовались реакцией для нападок на социализм и материализм, но гуманизм и реализм его художественного творчества сближали его с общедемократической культурой передовых сил России. Отсюда следовала попытка отделить его художественное творчество от его мировоззренческой базы, противопоставить их. А из такого противопоставления вытекали две линии в оценке его места в истории общественной мысли России: одна — сближавшая *Ф. М. Достоевского* периода 1860—1870-х годов с правительственным лагерем, а другая — с лагерем *В. Г. Белинского*.

Во второй половине 50-х годов появляются многочисленные исследования, главным образом литературоведов, в которых творчество *Ф. М. Достоевского* получает более обстоятельное освещение, а оценки философских идей в значительной мере освобождаются от односторонности и схематизма¹⁴⁸. Все более явно проступает в этих исследованиях тенденция рассматривать творчество *Ф. М. Достоевского* в его реальной сложности, выявляя в нем гуманистические идеи и полное противоречий стремление найти достойные человека формы существования.

Меньше внимания уделяется в эти годы мировоззренческим вопросам творчества *Л. Н. Толстого*. Лишь эстетические и эти-

¹⁴⁷ См.: *Компанеев А. Н.* Мировоззрение *А. Г. Столетова*. М., 1956; *Забродский Г.* Мировоззрение *Д. И. Менделеева*. М., 1957; *Кедров В. М.* День одного великого открытия. М., 1958; *Иониди П. П.* Мировоззрение *Д. И. Менделеева*. М., 1959; *Карлюк А. С.* Борьба материализма и идеализма в отечественной физике: (2-я половина XIX — начало XX в.). Минск, 1959. Ч. I; 1960. Ч. II; *Тараканов Н. Г.* *И. П. Павлов — великий русский мыслитель-материалист*. М., 1960; *Белое П. Т.* Материализм *Сеченова*. М., 1963; и др.

¹⁴⁸ См.: *Борщевский С.* Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы; *Ермилов В. В.* *Ф. М. Достоевский*. М., 1956; *Заславский Д. И.* *Ф. М. Достоевский*. М., 1956; *Шкловский В.* За и против: (Заметки о Достоевском). М., 1957; Творчество *Ф. М. Достоевского*. М., 1959; *Кирпотин В.* Достоевский и Белинский. М., 1960; *Он же.* *Ф. М. Достоевский. Творческий путь (1821—1859)*. М., 1960; *Гроссман Л.* *Ф. М. Достоевский*. М., 1962; *Гус М.* Идеи и образы *Ф. М. Достоевского*. М., 1962; *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1963; *Голосовкер Я. Э.* Достоевский и Кант. М., 1963; *Долгинин А. С.* Последние романы Достоевского. М.; Л., 1963; *Фридендер Г. М.* Реализм Достоевского. М.; Л., 1964; и др.

ческие идеи Л. Толстого получают освещение в исследовательской литературе¹⁴⁹.

С начала 60-х годов расширяется круг исследований *русской идеалистической философии*, появляются исследования русской религиозно-философской мысли¹⁵⁰. Впервые в качестве самостоятельного направления появляются работы по критике извращенной истории русской философской мысли буржуазными учеными и фальсификаций ее идеологами империализма¹⁵¹.

Во второй половине 50-х — начале 60-х годов продолжалась чрезвычайно важная для развития научно-исследовательской деятельности работа по *изданию источников* по истории русской философии. В эти годы завершилась работа по изданию полных собраний сочинений В. Г. Белинского, А. И. Герцена, М. В. Ломоносова, Л. Н. Толстого, сочинений Д. И. Писарева в четырех томах, вышел в свет второй том избранных социально-политических и философских произведений Н. П. Огарева. В 1958 г. были опубликованы материалы А. И. Герцена из зарубежных коллекций (Литературное наследство, т. 64), в 1961—1964 годах издано собрание сочинений Н. А. Добролюбова в девяти томах. Помимо завершения начатой в таком большом объеме в 40-е годы работы по публикации важнейших произведений классиков русской философской мысли XIX в., во второй половине 50-х — начале 60-х годов были опубликованы материалы, проливающие свет на многие аспекты философской борьбы в XIX в. Большое значение, например, для исследований философских воззрений декабристов имели публикации сочинений П. А. Вяземского, П. И. Пестеля, В. Ф. Раевского, К. Ф. Рыльева¹⁵².

В 1959 г. были изданы «Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX века», которые дали возможность широкому кругу исследователей ознакомиться с наиболее важными идеями естествознания начала XIX в., влиявшими на развитие философской мысли. Определенное значение

¹⁴⁹ См.: *Куприянова Е. Н.* Молодой Толстой. Тула, 1956; *Бурсов Б. И.* Лев Толстой. Идеальные искания и творческий метод. 1847—1862. М., 1960; *Мейлах В.* Уход и смерть Льва Толстого. М.; Л., 1960; *Эйхенбаум Б.* Лев Толстой. Семидесятые годы. М., 1960; *Арденс Н. Н.* Творческий путь Л. Н. Толстого. М., 1962; *Шкловский В. Б.* Лев Толстой. М., 1963; и др.

¹⁵⁰ См.: *Кован Л. А.* К критике философии Владимира Соловьева // *Вопр. философии.* 1959. № 3; *Горлянский В. А.* Основные черты «философии православия» и критика их русскими революционерами-демократами // *Филос. науки.* 1962. № 5; *Чуева И. П.* Критика идей интуитивизма в России. М.; Л., 1963; и др.

¹⁵¹ См.: *Против современных фальсификаторов истории русской философии.* М., 1960; *Карякин Ю. Ф., Плазмак Е. Г.* Мистер Кон исследует «русский дух». М., 1961; *Малинин В. А.* Основные проблемы критики идеалистической истории русской философии. М., 1963; *Яковлев М. В.* Марксизм в современной буржуазная история философии. М., 1964.

¹⁵² См.: *Восстание декабристов: Документы.* М., 1956. Т. 7; «Русская правда» П. И. Пестеля и сочинения ей предшествующие. М., 1958; *Раевский В. Ф.* Сочинения. Ульяновск, 1961; *Рыльев К. Ф.* Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. М., 1956; *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813—1848). М., 1963.

для понимания борьбы в области философии имели и публикации материалов Т. Н. Грановского, Н. А. Серно-Соловьевича, И. М. Сеченова, Н. К. Михайловского и революционного народничества 70-х годов¹⁵³.

Из работ XVIII в. в начале 60-х годов были опубликованы сочинения Ф. Прокоповича и Н. И. Новикова¹⁵⁴. Наибольшей новизной, однако, отмечались публикации источников раннего периода развития русской философской и общественной мысли¹⁵⁵. Эти публикации, с одной стороны, явились результатом многолетних исследований советскими историками и литературоведами раннего периода русского литературного творчества, а с другой — давали в руки широкому кругу исследователей русской общественной мысли документальные материалы для дальнейшего анализа и обобщений развития русских мировоззренческих идей.

Вся обширная работа по подготовке и изданию произведений русских ученых, общественных деятелей, мыслителей, проведенная в 40-х — начале 60-х годов, явилась необходимой предпосылкой для дальнейшего развития исследований истории русской философской мысли во второй половине 60-х — 80-х годах.

* * * * *

Исследования истории русской философии во второй половине 60-х — начале 80-х годов, будучи непосредственным продолжением работы в этой области в предшествующие годы, вместе с тем приобретают и новые черты. Они становятся методологически более обоснованными, а выводы опираются, как правило, на систему более убедительных аргументов и фактов. Расширяется и круг тем историко-философских исследований.

Важным организующим и стимулирующим работу историков русской философии фактором стала подготовка пятитомной «Истории философии в СССР», в вышедших в свет первых четырех томах которой дана наиболее полная на сегодняшний день картина развития русской философской мысли¹⁵⁶. Существенной

¹⁵³ См.: Сеченов И. М. Неопубликованные работы, переписка и документы. М., 1956; Михайловский Н. К. Литературно-критические статьи. М., 1957; Грановский Т. Н. Лекция по истории средневековья. М., 1961; Серно-Соловьевич Н. А. Публицистика. Письма. М., 1963; Революционное народничество 70-х годов XIX века: Сб. документов и материалов: В 2 т. М., 1964—1965.

¹⁵⁴ См.: Н. И. Новиков и его современники: Избр. соч. М., 1961; Прокопович Ф. Сочинения. М.; Л., 1961.

¹⁵⁵ См.: Сказание Авраамия Палицына. М., 1955; Пересветов И. Сочинения. М.; Л., 1956; Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959; Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960; Мерило Праведное: По рукописи XIV в. М., 1961.

¹⁵⁶ См.: История философии в СССР: В 5 т. М., 1968. Т. 1—3; 1971. Т. 4.

опорой при написании этого труда стали достижения советских историков философии, которые к середине 60-х годов накопили большой новый фактический материал и выработали новые методологические приемы исследования и изложения философских идей. Кроме того, был привлечен и значительный новый материал, не нашедший к моменту подготовки этого обобщающего труда монографической разработки. Отличительной особенностью этого труда стало то, что в нем был последовательно проведен марксистско-ленинский принцип историзма в разработке историко-философского наследия, непосредственно отразившийся на понимании предмета истории философии. Так, в изложении истории русской философии XVIII — начала XX в. авторам удалось избежать неисторического подхода к предмету философии.

Отказываясь от необоснованного расширения предмета исследования, авторы в то же время не исключили из анализа те аспекты естественнонаучного знания, эстетики, этики и других отраслей знания, которые непосредственно воздействовали на формирование философских понятий. Поэтому в изложении поступательного хода развития русской философии авторам удалось показать все богатство философских идей в тот или иной период русской истории. В первых четырех томах «Истории философии в СССР» более полно, чем во всех предыдущих изданиях, показана борьба материализма и идеализма, при этом конкретно-исторический подход к анализу различных философских концепций позволил показать не только тормозящее влияние идеалистических философских систем на развитие философского познания действительности, но и реальный вклад отдельных идеалистических концепций в общее философское освоение окружающего человека мира и его собственных познавательных способностей.

Главным направлением исследования, как и в предыдущих обобщающих трудах, в «Истории философии в СССР» был анализ возникновения и развития русской материалистической традиции. Авторы труда отстаивают точку зрения, согласно которой философия как самостоятельная отрасль знания продолжает формироваться в России до середины XVIII в. И лишь с середины XVIII в. в ней оформляются две противоположные тенденции — материалистическая и идеалистическая, а формирование четко выраженных философских направлений — материализма и идеализма — окончательно завершается в XIX столетии. Рассматривая развитие материалистической традиции в России XIX в., авторы труда характеризуют антропологический материализм как наиболее адекватную для своего времени форму материалистического монизма¹⁵⁷. Обоснование материалистического монизма при помощи достижений естествознания второй поло-

¹⁵⁷ См.: История философии в СССР. М., 1966. Т. 3. С. 617.

вины XIX в. рассматривается авторами как важнейшее достижение русской материалистической философии¹⁵⁸.

Показывая движение к соединению материализма с диалектикой в философии революционных демократов, авторы труда логично подводят читателя к выводу о том, что марксистская философия пришла в Россию на подготовленную почву и лишь отсутствие развитых экономических отношений и пролетариата как класса задержало этот процесс.

В «Истории философии в СССР» впервые в таком объеме представлены темы, прежде мало разрабатывавшиеся советскими историками философии: философская мысль в Киевской Руси, философские идеи общественных движений XIV—XVI вв., идеалистические философские учения, противостоящие марксистской диалектико-материалистической философии в конце XIX — начале XX в. Однако сложность борьбы между материализмом и идеализмом в этот период раскрыта явно недостаточно.

Работа над этим фундаментальным обобщающим исследованием показала, что далеко еще не все вопросы как теоретико-методологического характера, так и касающиеся накопления фактического материала были решены. В этом фундаментальном труде нет достаточно убедительного ответа на вопрос о преемственности в развитии материалистической традиции. Если вопрос о национальных истоках материалистических идей в России был решен более или менее убедительно и идея о заимствованном характере материализма опровергнута окончательно, то сам механизм преемственности не был раскрыт в полной мере. Отсюда возникли сложности с периодизацией историко-философского процесса. Относительная самостоятельность развития философских идей требует выделения каких-то специальных критериев, которые помогали бы более убедительно определять этапы, периоды в развитии философской мысли. В частности, остались неясности в трактовке проблематики философии русского просвещения, в том числе и вопрос о датировке этого феномена.

Оценивая место «Истории философии в СССР» среди других аналогичных изданий, роль этого труда для советской историко-философской науки, нельзя не признать, что выход в свет первых четырех томов этого издания свидетельствует о значительном прогрессе в научно-исследовательской работе по истории отечественной, в том числе русской, философской мысли, о больших успехах, достигнутых историками русской философии в исследовании духовного наследия русского народа.

Сравнимым по значению с «Историей философии в СССР» трудом, в котором история русской философии была представлена столь же полно, является изданная в 60-х годах «Философ-

¹⁵⁸ См.: Там же. С. 300.

ская энциклопедия»¹⁵⁹. Правда, характер этого издания не позволил дать стройную логику развития философских идей в России, однако статьи, посвященные изложению отдельных философских направлений в русской философии, философских воззрений русских мыслителей, дают хотя и сжатую, но довольно полную характеристику философских идей, оказавших влияние на развитие русской философской мысли. Многие статьи, посвященные тем или другим философским направлениям, содержат специальную часть, характеризующую развитие этих направлений в России. В ряде случаев полнее, чем в «Истории философии в СССР», представлена русская идеалистическая философия конца XIX — начала XX в., однако оценка отдельных ее представителей свидетельствует о нерешенности еще многих вопросов.

В 1970 г. вышла в свет еще одна обобщающая работа А. А. Галактионова и П. Ф. Никандрова¹⁶⁰, которая явилась развитием идей, изложенных авторами в книге «История русской философии» (М., 1961). Ценность их новой работы возросла благодаря методологическому введению и историографическому очерку, в котором авторы дали краткую картину основных направлений исследований русской философии. Авторы поставили целью показать общую картину развития русской философской мысли, раскрыть ее специфику, охарактеризовать те проблемы, вокруг которых велась наиболее острая борьба основных философских направлений. Как и в предыдущем своем исследовании, авторы стремились ограничиться рассмотрением только «собственно философских и социологических идей», т. е. изложить историю русской философии, исходя из понимания предмета философии, как он сложился в настоящее время. Но при этом из поля зрения выпали именно те разделы философского знания, в которых русская материалистическая философия была наиболее сильна и через которые она оказывала влияние на развитие общественной мысли в целом. Ведь значительные шаги в направлении к материалистическому пониманию истории были сделаны русскими мыслителями-материалистами в области эстетики при обосновании неизбежности революционного преобразования общества на социалистических началах, а в утверждении философского материализма много было сделано учеными-естествоиспытателями. Достаточно вспомнить только М. В. Ломоносова и И. М. Сеченова, чтобы понять невозможность полного раскрытия роли материалистических идей в русской общественной мысли без обращения к анализу влияния естественнонаучного материализма на философско-мировоззренческую

¹⁵⁹ См.: Философская энциклопедия. М., 1960—1970. Т. 1—5.

¹⁶⁰ См.: Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Русская философия XI—XIX веков. П., 1970.

проблематику в целом. Таким образом, оправданное стремление избежать расширительного толкования предмета истории философии при неисторическом понимании самого предмета философии привело на деле к обеднению русской материалистической традиции, ибо сам предмет философии на протяжении веков не оставался неизменным, и это нельзя не учитывать в историко-философском исследовании.

Отмеченные недостатки не умаляют того факта, что «Русская философия XI—XIX веков» А. А. Галактионова и П. Ф. Никандрова сыграла свою роль в осмыслении общего хода развития русской философской мысли.

Во второй половине 60-х — начале 80-х годов дальнейшее развитие получили исследования *истории общественной мысли древней и средневековой Руси*, в которых определенное отражение получила и философская проблематика. Помимо монографических исследований и статей в периодической печати¹⁶¹, вышел в свет целый ряд коллективных работ, а также периодических и продолжающихся изданий, в которых мировоззренческие вопросы нашли самое широкое освещение¹⁶².

¹⁶¹ См.: *Щипанов И. Я.* Некоторые принципиальные вопросы истории русской философии // Филос. науки. 1965. № 6; *Он же.* Некоторые принципиальные вопросы истории русской философии. М., 1967; *Лурье Я.* Филологическая практика и философская теория // Рус. лит. 1966. № 3; *Иванов А. И.* Литературное наследие Максима Грека: Характеристика, атрибуция, библиография. Л., 1969; *Казакова Н. А.* Очерки по истории русской общественной мысли: Первая треть XVI в. Л., 1970; *Короткая Л. Л.* На путях к атеизму. Антицерковная традиция в древнерусской литературе. Минск, 1971; *Курсков Ю. В.* Прогрессивные тенденции развития общественной мысли и проекты государственных преобразований России 40—60-х годов XVII в. Иркутск, 1974; *Плугин В. А.* Мировоззрение Андрея Рублева: (Некоторые проблемы). М., 1974; *Древнерусская живопись как исторический источник.* М., 1974; *Робинсон А. Н.* Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974; *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII в. М., 1975; *Он же.* Русская историческая мысль и Западная Европа XVII — первой четверти XVIII в. М., 1976; *Носова Г. А.* Язычество в православии. М., 1975; *Кузакон В. К.* Очерки развития естествонаучных и технических представлений на Руси в X—XVII веках. М., 1976; *Симонов Р. А.* Математическая мысль Древней Руси. М., 1977; *Симицына Н. В.* Максим Грек в России. М., 1977; *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII веках: Греч. рукописи в России. М., 1977; *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980; *Становление философской мысли в Киевской Руси.* М., 1984; *Философские идеи в духовной культуре Киевской Руси // Исторические традиции философской культуры народов СССР и современность.* Киев, 1984; *Идейно-философское наследие Илариона Киевского.* М., 1986. Т. 1—2; и др.

¹⁶² См.: Многочисленные публикации в периодических изданиях: Археографический ежегодник. М.; 1962—1972, 1974—1986; Византийский временник; Литература Древней Руси; Памятники культуры. Новые открытия; Труды Отдела древнерусской литературы. (Ин-т рус. лит.). См. также: *Культура Древней Руси.* М., 1968; *Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма.* М., 1970; *Очерки русской культуры XIII—XV веков.* М., 1969; *Духовная культура.* М., 1970; *Андрей Рублев и его эпоха.* М., 1971; *Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси.* М., 1972; *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе.* М., 1972; *Музыкальная эстетика России XI—XVIII веков.* М., 1973; *Общество и государство феодальной России.* М., 1975; *Культура*

Особого внимания заслуживают труды академиков Д. С. Лихачева, Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова, в которых заложены целые направления исследований русской духовной культуры эпохи средневековья¹⁶³.

Исследования историков и литературоведов открыли целый пласт мировоззренческих идей, свидетельствующий о богатых идейных связях русской культуры с западноевропейской культурой, о глубоких антицерковных традициях и свободомыслии на Руси. Ценность этих исследований заключается еще и в том, что одним из результатов их явилось открытие и публикация многих литературных источников, которые до той поры были практически недоступны широкому кругу исследователей¹⁶⁴. Работа историков и литературоведов содействовала оживлению и чисто философских исследований: этические воззрения древней Руси были исследованы М. Н. Пеуновой, а эстетические А. А. Баженовой¹⁶⁵. Однако, несмотря на проделанную учеными работу, древний период развития русской философской мысли до сих пор остается одним из самых слабо изученных периодов. Советскими философами еще не выявлено и не исследовано все богатство философских идей, которые лежали в основе и литературного процесса, и исторического мышления, и государственного строительства.

Конец 60-х — 70-е годы ознаменовались выходом в свет целого ряда фундаментальных исследований по истории философской мысли XVIII в.¹⁶⁶ Особая ценность этих исследований со-

турное наследие Древней Руси. М., 1976; Средневековая Русь. М., 1976; Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. Ч. 2: Духовная культура; и др.

¹⁶³ См.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967; Он же. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970; Он же. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973; Лихачева В. Д., Лихачев Д. С. Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971; Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976; Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; Он же. Языческое мировоззрение русского средневековья // Вопр. истории. 1974. № 1; Он же. Антицерковное движение стригильников // Там же. 1975. № 3; Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968; Он же. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973; и др.

¹⁶⁴ См.: Изборник 1076 года. М., 1965; Крижанич Ю. Политика. М., 1965; Синайский патерик. М., 1967; Изборник: (Сб. произведений литературы Древней Руси). М., 1969; Судные списки Максима Грека и Исаки Собакки. М., 1971; Успенский сборник XII—XIII веков. М., 1971; Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Елифанна. Л., 1975; Выголексинский сборник. М., 1977. Многие источники опубликованы также в виде приложений к исследованиям в периодических изданиях.

¹⁶⁵ См.: Очерки истории русской этической мысли. М., 1976; Баженова А. А. Русская эстетическая мысль и современность. М., 1980.

¹⁶⁶ См.: Рабинович В. И. Революционный просветитель Ф. В. Каржавин. М., 1966; Федосов И. А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М. М. Щербатов. М., 1967; Заповед А. В. Новиков. М., 1968; Кулакова Л. И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII в. Л., 1968; Уткина Н. Ф. Естественнонаучный материализм в России XVIII в. М., 1971; Щипанов И. Я. Философия русского Просвещения: Вторая половина XVIII в. М., 1971; Ермуратский В. Н. Дмитрий Кантемир — мыслитель и государственный деятель. Кишинев, 1973; Общественно-политическая и философская мысль России первой половины XVIII ве-

стоит в том, что они вводят в научный оборот новые источники, новые имена, продвигают вперед осмысление закономерностей историко-философского процесса. Указанные монографические работы (главным образом книги В. М. Ничик, Н. Ф. Уткиной, И. Я. Щипанова), а также многочисленные статьи раскрывают богатые философские традиции нашего народа, тесную связь и взаимовлияния передовой русской и западноевропейской философии и в то же время оригинальность исторического пути развития русской философской мысли. Благодаря этим исследованиям деятельность выдающихся русских мыслителей XVIII в. — М. В. Ломоносова и А. Н. Радищева — вписывается в закономерный поступательный процесс развития русской философской мысли. Они уже не выглядят как одинокие предтечи бурного развития материалистической философии XIX в., а возвышаются как гиганты на прочном основании, подготовленном всем ходом духовного развития русского народа. Исследование В. М. Ничик привело к серьезной корректировке наших представлений о характере развития философской мысли в Киево-Могилянской и Славяно-греко-латинской академиях, дало возможность говорить о зарождении на рубеже XVII—XVIII столетий отдельных ростков антифеодальной культуры. В работе Н. Ф. Уткиной убедительно показана связь философских идей с развивающимся естественнонаучным знанием. И. Я. Щипанов привел многочисленные факты идейной борьбы передовой антикрепостнической просветительской идеологии против религиозно-мистической идеологии в конце XVIII в., показал значение теоретической деятельности Н. Н. Попова, Д. С. Аничкова, С. Е. Десницкого, И. А. Третьякова, Я. П. Козельского, Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, П. С. Батурина, А. Я. Поленова, П. А. Словцова для утверждения материалистической традиции в России. В целом исследования 70-х годов позволили со всей убедительностью утверждать, что на всем протяжении XVIII в. в русской философии шла неухабная борьба между материалистическими и идеалистическими идеями, что материалистическая тенденция в русской философии неуклонно набирала силу, проявившись в гении М. В. Ломоносова и А. Н. Радищева во всей своей полноте.

Философские и общественно-политические позиции А. Н. Радищева, как и прежде, оставались предметом споров и обсуждений. В 1966 г. идейная борьба вокруг наследия А. Н. Радищева была подвергнута детальному разбору в книге Ю. Ф. Карякина и Е. Г. Плимака¹⁶⁷, которые утверждали, что А. Н. Ра-

ка: Лекции/Подгот. Л. А. Петровым. Иркутск, 1974; Ничик В. М. Феофан Прокопович. М., 1977; Она же. Из истории отечественной философии конца XVII — начала XVIII в. Киев, 1978.

¹⁶⁷ См.: Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу! 175 лет борьбы вокруг идейного наследия Радищева. М., 1966.

дищев был дворянским революционером и его борьба за демократическую революцию вовсе не означала, что он выступал как революционный демократ. По мнению авторов, в последние годы жизни А. Н. Радищев переживал острый духовный кризис — он отказался от идеи крестьянской революции и стал возлагать все свои надежды на реформы сверху с помощью просвещенного монарха. Эта последняя мысль была подвергнута критике в печати¹⁶⁸.

В том же 1966 г. вышла в свет книга Д. С. Бабкина¹⁶⁹, в которой подчеркивался революционно-демократический характер идейных позиций Радищева, крестьянский демократизм и неистребимая вера в возможность победоносной крестьянской революции в России. В книге Г. Шторма¹⁷⁰ Радищев представлен сторонником народной революции и одновременно дворянским революционером.

В 1975 г. с разбором всех точек зрения на вопрос об общественно-политических позициях А. Н. Радищева выступил С. С. Степанищев, который одной из целей своей монографии поставил «доказать, что основоположником революционно-демократического направления в общественной мысли, литературе и освободительном движении, первым крестьянским профессиональным революционером, идеологом народной революции в России, ранним предшественником русских марксистов, бесстрашным борцом за народное счастье, великим гуманистом и патриотом был А. Н. Радищев¹⁷¹. Автор решительно отстаивал точку зрения на Радищева как на последовательного революционного демократа и критиковал авторов, считавших Радищева не крестьянским, а дворянским революционером.

Однако, как и прежде, аргументы оппонентов не привели к единой точке зрения. О том, что вопрос о квалификации общественно-политических взглядов А. Н. Радищева до сих пор не получил окончательного решения, свидетельствует и опубликованная в 1977 г. книга «А. Н. Радищев и литература его времени» (XVIII век. Л.: Наука, 1977. Сб. 12).

В 1978—1979 гг. с обоснованием концепции «антропологической природы» философских взглядов А. Н. Радищева выступил П. С. Шкуринов¹⁷². Усматривая специфику философских взглядов

¹⁶⁸ См.: Шторм Г. Против мнимого новаторства // Коммунист. 1968. № 10. С. 118—126.

¹⁶⁹ Бабкин Д. С. А. Н. Радищев. Литературно-общественная деятельность. М.; Л., 1966.

¹⁷⁰ Шторм Г. Потаенный Радищев: (Вторая жизнь «Путешествия из Петербурга в Москву»). М., 1965; 2-е изд., испр. и доп. 1968; 3-е изд., перераб. и доп. 1974.

¹⁷¹ Степанищев С. С. Развитие общественной мысли в трудах русских революционных демократов: (Анализ социально-политических, атеистических и этических идей А. Н. Радищева, В. Г. Белинского, Н. П. Огарева). Минск, 1975. С. 5.

¹⁷² См.: Шкуринов П. С. О специфике философских воззрений А. Н. Радищева // Филос. науки. 1978. № 4; 1979. № 1, 4.

А. Н. Радищева в антропологическом подходе к общественным явлениям, он не сводит этот подход к натуралистическому миропониманию, но показывает связи философских воззрений А. Н. Радищева со спинозизмом и эволюционизмом, с материалистическими идеями естествознания и революционными, демократическими, антикрепостническими идеями передовой части русского общества.

Как и в предыдущие годы, ведущее место в историко-философских исследованиях занимал XIX в.

В связи с отмечавшимся в 1975 г. 150-летием восстания *декабристов* оживились исследования как их идеологии в целом, так и философских идей¹⁷³. Появились и монографические работы, посвященные отдельным представителям декабристского движения¹⁷⁴. С работами, анализирующими философские воззрения декабристов, выступили А. И. Володин, В. М. Зверев, Л. А. Коган, В. И. Русин, И. Я. Щипанов¹⁷⁵. Но все же монографических разработок философских идей этого выдающегося политического движения России первой половины XIX в. не было создано. Между тем философские взгляды декабристов нуждаются во всестороннем и тщательном анализе, ибо проведенные исследования показали, что очень многие участники декабристского движения были знакомы с передовыми философскими учениями Западной Европы.

Резкие возражения в печати вызвала опубликованная в 1965 г. книга А. А. Лебедева о *П. Я. Чаадаеве*. Неприемлемыми и антиисторичными были признаны его взгляд на П. Я. Чаадаева как на «родоначальника русского индивидуализма», а также его попытка усмотреть в Н. Г. Чернышевском продолжателя чаадаевского индивидуализма¹⁷⁶. При этом главное значение «Философических писем» А. Лебедев усматривал не в критике существующего общества (на что указывал еще А. И. Герцен), а в утверждаемой будто бы в них социально-этической утопии.

¹⁷³ См.: *Ланда С. С.* Дух революционных преобразований: Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816—1825. М., 1975; *Печкина М. В.* Декабристы. М., 1975; *Никандров П. Ф.* Революционная идеология декабристов. Л., 1976; и др.

¹⁷⁴ См.: *Эйдельман Н.* Лунин. М., 1970; *Лебедев Н. М.* Пестель — идеолог и руководитель декабристов. М., 1972; *Замалеев А. Ф.* М. А. Фонвизин. М., 1976.

¹⁷⁵ См.: *Зверев В. М.* Декабристы и философские искания в России первой четверти XIX века // *Декабристы и русская культура*. Л., 1975; *Коган Л. А.* П. Ф. Душнов-Выгодовский как мыслитель // *Филос. науки*. 1972. № 1; *Он же.* Из философии раннего декабризма // Там же. 1980. № 6; *Русин В. И.* Социологические взгляды декабристов // Там же, 1975. № 5; *Он же.* Философские и социологические взгляды декабристов. Симферополь, 1975. (Деп. в ИНИОН АН СССР 27.09.76, № 943); *Щипанов И. Я.* Философские идеи декабристов // *Вестн. МГУ. Сер. философии*. 1975. № 6; *Володин А. И.* Декабристские традиции и формирование социально-философских идей русской революционной демократии. М., 1976.

¹⁷⁶ См.: *Лебедев А. А.* Чаадаев. М., 1965. С. 199, 251.

Приписывая П. Я. Чаадаеву глубокий скептицизм и неверие в будущее России, А. Лебедев утверждал, что после «Философических писем» П. Я. Чаадаев остановился в своем развитии, хотя известно, что в «Апологии сумасшедшего» П. Я. Чаадаев признавал сгущение им красок в «Письмах», говорил о великом будущем и великих событиях в прошлом России. Академик Н. М. Дружинин справедливо подверг критике точку зрения А. Лебедева на индивидуализм и скептицизм П. Я. Чаадаева, подчеркивая, что П. Я. Чаадаев во главу угла ставил социальный вопрос и вопрос о судьбе России, о ее будущем волновал П. Я. Чаадаева больше, нежели идея самосовершенствования¹⁷⁷.

Существенный шаг вперед в изучении философской мысли начала XIX в. был сделан в конце 60 — начале 70-х годов изданием монографических исследований развития эстетической мысли. Подготовлен этот шаг был большой работой по публикации источников по истории эстетики в России¹⁷⁸.

Русская эстетика начала XIX в. была отчасти рассмотрена еще в работе М. Ф. Овсянникова и З. В. Смирновой, посвященной исследованию всемирной истории эстетических учений¹⁷⁹. Дальнейшую монографическую разработку история русской эстетики начала XIX в. получила в своих работах Ю. В. Манна и П. В. Соболева¹⁸⁰. В работе Ю. Манна дана как бы серия творческих портретов таких представителей русской философской мысли, как Д. В. Веневитинов, Н. И. Надеждин, И. В. Киреевский, В. Ф. Одоевский, С. П. Шевырев, Н. В. Станкевич, В. П. Майков, объединенных одним направлением — «философской эстетики», в котором искусство трактовалось как часть философской системы, как особая образная форма познания. П. В. Соболев исследует развитие эстетики как определенной формы общественного сознания. В противоположность Ю. Манну, утверждавшему, что эстетика как «философское наукоучение» об искусстве, становится в России только во второй половине 20-х годов XIX в. и вплоть до середины века существует в неразрывном единстве с литературной критикой, теорией и историей литературы, П. Соболев на основе анализа многих малоизвестных, а порой и неизвестных до него источников доказывает, что уже с самого начала XIX в. эстетика существует как самостоятельная, причем философская, дисциплина, курсы которой чита-

¹⁷⁷ См.: Дружинин Н. П. Я. Чаадаев и проблема индивидуализма // Коммунист. 1966. № 2. С. 126. См. также: Берелевич Ф. И. К историографии идеологии П. Я. Чаадаева // Учен. зап. Тюмен. гос. пед. ин-та, Тюмень, 1969. Т. 91; и др.

¹⁷⁸ См.: История эстетики: В 5 т. М., 1969. Т. 4, 1-й полутом: Русская эстетика XIX века; Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: В 2 т. М., 1974.

¹⁷⁹ См.: Овсянников М. Ф., Смирнова З. В. Очерки истории эстетических учений. М., 1963.

¹⁸⁰ См.: Манн Ю. В. Русская философская эстетика (1820—1830-е гг.). М., 1969; Соболев П. В. Очерки русской эстетики первой половины XIX века: Курс лекций. Л., 1972. Ч. 1—2.

ются в Московском, Харьковском, Казанском университетах, в Петербургском педагогическом институте, в лицеях и гимназиях.

Философские идеи русского Просвещения первой трети XIX в. нашли обстоятельное освещение в работах З. А. Каменского¹⁸¹, который проанализировал огромный ранее не исследованный материал. По мнению З. Каменского, в первой четверти XIX в. доминировала деистическо-материалистическая школа философии русского Просвещения, во второй — идеалистическая.

Большой общественный резонанс имела развернувшаяся в конце 60-х годов дискуссия о *славянофилах*. До тех пор в литературе господствовала точка зрения Г. В. Плеханова, который рассматривал славянофильство как помещичью идеологию, противостоящую революционно-демократическим идеям. В целом ряде работ славянофильство трактовалось как реакционное идейное течение, позиции которого мало чем отличались от теории «официальной народности»¹⁸². В 1965 г. в «Вестнике Ленинградского университета», а в 1966 г. в журнале «Вопросы философии» появились статьи А. А. Галактионова и П. Ф. Никандрова, в которых авторы подвергли решительному пересмотру устоявшееся мнение о славянофилах. Стремясь преодолеть быстрое невнимание к идеологии славянофильства и отрицая характеристику его как реакционного учения, авторы задались целью доказать, что славянофильство является своеобразной формой национального самосознания¹⁸³. Всячески подчеркивая противопоставлением различных точек зрения на общину, государство, национальность, недостаточно подчеркивали консервативные и реакционные элементы классовой позиции славянофилов, т. е. именно то, что могло дать ключ к пониманию их места в истории русской общественной мысли. С критикой такой точки зрения на славянофильство выступил в журнале «Философские науки» В. А. Малинин¹⁸⁴.

Однако спорные проблемы в оценке славянофильской идеологии далеко не были решены. Вопрос об оценке славянофильства возник вновь уже на страницах журнала «Вопросы литературы». Основной пафос ряда статей сводился к утверждениям о прогрессивности многих элементов славянофильской идеологии, причем нередко игнорировалась общеполитическая и обще-

¹⁸¹ См.: Каменский З. А. Философские идеи русского Просвещения (деистическо-материалистическая школа). М., 1971; *Он же*. Русская философия начала XIX века и Шеллинг. М., 1980; *Он же*. Московский кружок Любомудров. М., 1980.

¹⁸² В 1940 г. в Институте истории АН СССР была проведена дискуссия о славянофильстве, которая не оказала существенного влияния на его устоявшуюся оценку. См.: Историк-марксист. 1941. № 1.

¹⁸³ См.: Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Славянофильство и его национальные истоки и место в истории русской мысли // *Вопр. философии*. 1966. № 6. С. 121.

¹⁸⁴ См.: Малинин В. А. О социальных и теоретических истоках славянофильства // *Филос. науки*. 1967. № 1. С. 77—85.

политическая направленность деятельности славянофилов. К тому же многие участники дискуссии почти не касались оценок славянофильства Г. В. Плехановым и вместо анализа конкретных проявлений славянофильской идеологии и философии, воздействия их на русское общественное движение при оценке характера славянофильской идеологии исходили главным образом из предвзято подобранных отдельных высказываний В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. Г. Чернышевского, в которых эти выдающиеся деятели русского освободительного движения давали положительную оценку отдельным тезисам славянофилов. Некоторые литературоведы (А. Иванов, В. Кожин, Л. Фришман и др.) утверждали, что революционные демократы признавали «позитивную функцию славянофильства».

Выступая против подобного подхода к оценке славянофильской идеологии, С. Дмитриев¹⁸⁵, С. Машинский и некоторые другие участники дискуссии отмечали, что славянофильская идеология и идеология революционного демократизма были непримиримыми по существу, в главном, что не исключало положительной оценки революционными демократами отдельных положений славянофилов (апологии общины и вообще артельных форм жизни в противовес буржуазному индивидуализму, критики зависимости церкви от светской власти, критики деспотизма и т. п.). Эта положительная оценка отдельных тезисов славянофильской идеологии была возможной вследствие внутренней противоречивости их воззрений, о чем писал Н. Г. Чернышевский. Но в целом, подчеркивал С. Машинский, идеология славянофилов носила антиреволюционный характер, и все их упования на народ, на народные начала исходили из того, что они понимали народное начало как «по существу своему *антиреволюционное начало, начало консервативное*» (К. Аксаков)¹⁸⁶. С. Машинский правильно подчеркнул религиозную основу идеологии славянофилов, их иррационализм и антиматериализм. Однако в целом дискуссия слабо затронула собственно философские воззрения славянофилов, которые должны стать объектом специального монографического анализа. За последние годы можно назвать лишь одну монографию литературоведа Ю. З. Янковского, в которой частично затрагиваются философские воззрения ранних славянофилов¹⁸⁷, специального же исследования философских воззрений славянофилов, их места в борьбе философских идей XIX в. до сих пор нет.

Конец 60—70-е годы отмечены рядом исследований, существенно углубивших понимание идейной эволюции великих рус-

¹⁸⁵ См.: Дмитриев С. Подход должен быть конкретно-исторический // Вопр. литературы. 1969. № 12. С. 81.

¹⁸⁶ Цит. по: Машинский С. Славянофильство и его истолкователи // Там же. С. 117.

¹⁸⁷ См.: Янковский Ю. З. Патриархально-дворянская утопия, М., 1981.

ских революционных демократов и развития русской материалистической философии в целом. Важное значение для качественного улучшения историко-философских исследований имели широко отмечавшиеся в нашей стране 100-летие со дня рождения В. И. Ленина и состоявшийся в 1967 г. Всесоюзный симпозиум по истории философии, на котором были обсуждены многие методологические проблемы историко-философских исследований. Тезисы ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», а также целый ряд коллективных трудов, вышедших в связи с этой знаменательной датой, позволили углубить понимание роли и значения ленинских идей для осмысления процесса развития русской материалистической традиции¹⁸⁸.

Важное значение для понимания роли ленинского подхода к анализу истории русской философской мысли, ленинских методологических идей имела также вышедшая в середине 60-х годов книга А. И. Новикова¹⁸⁹.

В эти годы вышел в свет ряд исследований, освещающих как отдельные проблемы философии революционных демократов в целом¹⁹⁰, так и развитие материалистической философии каждым из великих революционных демократов в отдельности. Во многих работах развитие русской социалистической мысли анализируется в связи с философским материализмом и диалектикой русских революционных демократов. Интересные выводы были сделаны в этих работах и по поводу философских идей отдельных представителей русской революционно-демократической идеологии.

Так, глубокий анализ идейной эволюции В. Г. Белинского позволил А. И. Володину, как нам представляется, показать, что идеи диалектики помогли В. Г. Белинскому идти в направ-

¹⁸⁸ См.: Ленин как философ. М., 1969; В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. Л., 1969; Иосчук М. Т. Ленинизм, философские традиции и современность. М., 1970; Ленинизм и современные проблемы историко-философской науки. М., 1970; В. И. Ленин и история философии народов СССР. М., 1970; Ленинские принципы анализа истории философии. М., 1970; и др.

¹⁸⁹ См.: Новиков А. И. Ленинизм и прогрессивные традиции русской общественной мысли. Л., 1965.

¹⁹⁰ См.: Володин А. И. Начало социалистической мысли в России. М., 1966; Он же. Гегель и русская социалистическая мысль XIX века. М., 1973; Водомозов Г. Г. От Чернышевского к Плеханову: (Об особенностях развития социалистической мысли в России). М., 1969; Новиков А. И. Нигилизм и нигилисты: Опыт критической характеристики. Л., 1972; Федоров М. Г. Русская прогрессивная мысль XIX в. от географического детерминизма к историческому материализму. Новосибирск, 1972; Новиков А. И. Диалектика русских революционных демократов и ее место в истории домарксистской диалектики. М., 1973; Пангин И. К. Социалистическая мысль в России; переход от утопии к науке. М., 1973; Гегель и философия в России. 30-е годы XIX в. — 20-е годы XX в. М., 1974; Малинин В. А. История русского утопического социализма (от зарождения до 60-х годов XIX в.). М., 1977; Лишиц Г. М. Атеизм русских революционных демократов. Минск, 1979; Сухов А. Д. Атеизм передовых русских мыслителей. М., 1980.

лении от утопизма к научному пониманию развития общества. А. Володин показал ошибочность вывода В. С. Нечаевой¹⁹¹ и некоторых других исследователей о разрыве В. Г. Белинского с философией Гегеля в начале 40-х годов¹⁹². По мнению А. И. Володина, благодаря диалектическому методу при анализе событий 1845—1847 гг. В. Г. Белинский отказался от утопических идей «философского социализма» и перешел на позиции историзма¹⁹³.

Дискуссия о теоретическом наследии революционных демократов, проведенная журналом «Вопросы литературы» (1973—1977 гг.), привлекла внимание историков отечественной философии острой постановкой вопроса об эволюции воззрений В. Г. Белинского в последние годы жизни¹⁹⁴.

Е. М. Филатова в своей книге о Белинском высказала мнение, что В. Г. Белинский, признавая преждевременность социалистической революции в России, вовсе не отказался от революционных традиций¹⁹⁵. Сбросив «мистическое верование в народ», свойственное, с одной стороны, жаждущим возврата к патриархальной жизни славянофилам, а с другой — мечтающему о социалистическом перевороте М. А. Бакунину, В. Г. Белинский ищет разрешения стоящих перед Россией проблем на путях экономического развития. И это является не свидетельством кризиса его воззрений, а результатом реалистического подхода к действительности, которая не давала никаких надежд на скорый переворот. Вся эволюция философских воззрений В. Г. Белинского свидетельствует об избавлении от утопических мечтаний, о постепенном приближении его к идеям материалистического понимания истории.

70-е годы ознаменовались также известными успехами в освоении богатства философских идей А. И. Герцена¹⁹⁶. Здесь прежде всего следует назвать работы А. И. Володина и З. В. Смирновой, которые, глубоко проникнув в лабораторию герценовской мысли, сумели раскрыть логику его духовного развития.

¹⁹¹ См.: *Нечаева В. С.* В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1842—1848. М., 1967.

¹⁹² См.: *Володин А. И.* Гегель и русская социалистическая мысль XIX века. М., 1973. С. 45—46.

¹⁹³ См.: Там же. С. 175—176.

¹⁹⁴ См.: *Егоров Б.* Перспективы, открытые временем // *Вопр. литературы.* 1973. № 3; *Прийма Ф.* «Большая дорога» Белинского и перепутья его исследователей // *Рус. лит.* 1974. № 1; *Он же.* Новые заплатки на старой концепции // Там же. 1975. № 3; *Гей Н.* Некоторые проблемы изучения Белинского // *Вопр. литературы.* 1974. № 11; *Поляков М.* Между историей и современностью // Там же. 1976. № 6; *Наследие революционных демократов и современность* // Там же. 1977. № 4.

¹⁹⁵ См.: *Филатова Е. М.* Белинский. М., 1976. С. 119—125.

¹⁹⁶ См.: *Володин А. И.* Герцен. М., 1970; *Смирнова З. В.* Социальная философия А. И. Герцена. М., 1973; *Павлов А. Т.* От дворянской революционности к революционному демократизму: (Идейная эволюция А. И. Герцена). М., 1977.

Оживились в 70-е годы и исследования философских идей *Н. Г. Чернышевского*, особенно в связи с отмечавшимся в 1978 г. 150-летием со дня его рождения¹⁹⁷.

Детальный анализ значения работ *Н. Г. Чернышевского* в развитии учения о понятиях, суждениях, умозаключениях дан в исследовании *И. С. Сереброва*. Но, раскрывая сущность применения *Н. Г. Чернышевским* материализма и диалектики к вопросам логики, он, однако, обошел вопрос о соотношении формальной и диалектической логики в трудах *Н. Г. Чернышевского*, и таким образом, его место в становлении диалектической логики как науки осталось за пределами исследования.

Интересные, но весьма спорные мысли об этике *Н. Г. Чернышевского* содержатся в книге *А. А. Лебедева*, который, справедливо противопоставляя моральные принципы, выдвигаемые *Н. Г. Чернышевским* против религиозной морали, не смог адекватно оценить понятий «общего блага», «интересов большинства» для содержательной интерпретации этической концепции *Н. Г. Чернышевского* о разумном эгоизме.

Исследованию не затрагивавшихся ранее проблем в идейном наследии *Н. Г. Чернышевского* посвящена книга *А. И. Володиной*, *Ю. Ф. Карякина* и *Е. Г. Плимака*. Рассмотрев отношение *Н. Г. Чернышевского* к диалектике революции и реформы, авторы показали неоднозначность оценки *Н. Г. Чернышевским* роли реформ в общественной жизни. В отличие от просветительского оптимизма *Н. Г. Чернышевский*, считают авторы, понимал всю сложность и противоречивость поступательного хода истории, неизбежность отходов назад, и в этом отношении его мысли были идентичными мыслям основоположников марксизма, ибо они понимали невозможность чисто поступательного развития революции, видели неизбежность «спадов» в революционном процессе, положительную роль «зла» в истории.

В коллективных трудах, изданных в связи с 150-летием со дня рождения *Н. Г. Чернышевского*, был подведен определенный итог исследованиям теоретического наследия великого русского революционного демократа. В докладе академика

¹⁹⁷ См.: *Розенфельд У. Д.* *Н. Г. Чернышевский. Становление и эволюция его мировоззрения.* Минск, 1972; *Серебров И. С.* *Логика научного познания в трудах Н. Г. Чернышевского.* Л., 1972; *Лебедев А. А.* *Разумные эгоисты Чернышевского: Филос. очерк.* М., 1973; *Соловьев Г. А.* *Эстетические воззрения Чернышевского и Добролюбова.* М., 1974; *Володин А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г.* *Чернышевский или Нечаев? (О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50—60-х гг. XIX в.).* М., 1976; *Демченко А. А.* *Н. Г. Чернышевский. Научная биография.* Саратов, 1978. Ч. I; *Философия Н. Г. Чернышевского и современность.* М., 1978; *Волж С. С., Никоненко В. С.* *Материализм Н. Г. Чернышевского.* Л., 1979; *Н. Г. Чернышевский и его наследие.* Новосибирск, 1980; *Н. Г. Чернышевский и его эпоха.* Л., 1980; *Н. Г. Чернышевский и современность.* М., 1980; *Н. Г. Чернышевский в общественной мысли народов зарубежных стран.* М., 1981; *Дискуссионные проблемы исследования наследия Н. Г. Чернышевского.* М., 1984; и др.

П. Н. Федосеева на торжественном заседании, посвященном этой дате, была дана обобщенная характеристика философии Н. Г. Чернышевского, главной отличительной чертой которой является соединение материализма с идеей революции, с практической революционной деятельностью. Действенно-преобразующий характер философии Н. Г. Чернышевского, несовместимость ее с созерцательностью и пассивным характером антропологической философии, уводящим в область абстрактного просветительства, говорят об отличии философии Н. Г. Чернышевского от антропологизма Л. Фейербаха и вообще от созерцательных материалистических концепций философии буржуазного Просвещения¹⁹⁸. Общепринятой такая концепция философии Чернышевского еще не стала; сохраняется взгляд на его философию как на антропологическую философию, тем не менее аргументация в пользу такого понимания философии Н. Г. Чернышевского дает, как нам представляется, четкое направление дальнейшим исследованиям философских взглядов выдающегося русского мыслителя.

Новым вкладом в марксистскую литературу о Н. Г. Чернышевском являются коллективные труды о нем, подготовленные Институтом философии АН СССР. В них впервые широко рассмотрено влияние идей Н. Г. Чернышевского и его соратников как в России, так и за ее пределами, их распространение на Западе и Востоке¹⁹⁹.

В эти годы были продолжены исследования философских взглядов соратников и учеников великих русских революционных демократов, главным образом *Д. И. Писарева* и *Н. П. Огарева*²⁰⁰. Вышли в свет также работы, посвященные исследованию философских идей передовых русских ученых, внесших серьезный вклад в развитие материалистической традиции²⁰¹.

¹⁹⁸ См.: *Федосеева П. Н.* Н. Г. Чернышевский — великий русский мыслитель и революционер // Н. Г. Чернышевский и современность. М., 1980. С. 20—21.

¹⁹⁹ См.: Н. Г. Чернышевский в общественной мысли народов зарубежных стран. М., 1981; Н. Г. Чернышевский в общественной мысли народов СССР. М., 1984.

²⁰⁰ См.: *Маслин А. Н.* Д. И. Писарев в борьбе за материализм и социальный прогресс. М., 1968; *Демидова Н. В.* Писарев. М., 1969; *Рудницкая Е. Л.* Н. П. Огарев в русском революционном движении. М., 1969; *Она же.* Шестидесятник Николай Ножин. М., 1975; *Симкин Я. Р.* Жизнь Дмитрия Писарева. Личность и публицистика. Ростов н/Д, 1969; *Конкин С. С.* Эстетические и литературно-критические взгляды Писарева. Саранск, 1973; *Он же.* Н. П. Огарев. Эволюция философских взглядов. М., 1974; *Он же.* Николай Огарев. Жизнь, идейно-творческие искания, борьба. Саранск, 1975; *Тараканов Н. Г.* Н. П. Огарев. Эволюция философских взглядов. М., 1974; *Кружков В. С.* Н. А. Добролюбов. Жизнь. Деятельность. Мироззрение. М., 1976; *Коротков Ю. Н.* Писарев. М., 1977; *Лебедев А. А.* Мыслящий пролетариат Писарева. М., 1977.

²⁰¹ См.: *Ярошевский М. Г.* Иван Михайлович Сеченов. Л., 1968; *Белов П. Т.* Философия выдающихся русских естествоиспытателей второй половины XIX — начала XX в. М., 1970; *Смирнов Г. В.* Менделеев. М., 1974; *Лице Н. А.* Философское и научное значение идей Н. И. Лобачевского. Рига, 1976; и др.

70-е годы отмечены выходом в свет исследований, в которых специально анализируется роль *философии позитивизма* в русской философской мысли XIX в.²⁰² Н. Ф. Уткина рассмотрела функционирование идей позитивизма в русской философии как на материале работ русских революционных демократов и идеологов народничества, так и на материале русского естествознания. Ей удалось показать как то, что привлекало в позитивизме деятелей русского освободительного движения и ученых, так и то, что в позитивизме было неприемлемым для русской философской мысли в целом, почему позитивизм, несмотря на довольно широкое распространение, не стал в России влиятельным философским течением. В книге П. С. Шкуринова вопрос рассматривается в несколько ином плане: исследуется генезис идей позитивизма в России, прослеживается восприятие этих идей различными слоями русского общества, воздействие их на различные области русской общественной мысли. Выход в свет этих работ свидетельствует о расширении проблематики философских исследований, о все более глубоком проникновении историков философии в закономерности историко-философского процесса.

Определенный шаг вперед был сделан в рассматриваемый период в изучении *философских идей народничества*²⁰³.

В нашей литературе весьма распространенным был взгляд об отходе народников в целом от материалистической философии революционных демократов, об увлечении позитивизмом, об эклектизме их философских воззрений²⁰⁴. В ряде исследований 70-х годов высказывается уже иная точка зрения: признается «снижение философского уровня» по сравнению с передовой философской мыслью 40—60-х годов, но не полный поворот народников от материализма к идеализму. Обращается внимание на то, что многие революционные народники постоянно подчеркивали свою связь с идеями Н. Г. Чернышевского, влияние Н. Г. Чернышевского на формирование их революционных убеждений. В. В. Богатов, например, в своей монографии о П. Л. Лаврове стремился доказать, что Лавров принадлежал к лагерю философского материализма, принципиально не прини-

²⁰² См.: Шкуринов П. С. Критика позитивизма В. И. Танеевым. М., 1965; Уткина Н. Ф. Позитивизм, антропологический материализм и наука в России (Вторая половина XIX в.). М., 1975; Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX века. М., 1980.

²⁰³ См.: Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Идеологи русского народничества. Л., 1966; Богатов В. В. Философия П. Л. Лаврова. М., 1972; Малинин В. А. Философия революционного народничества. М., 1972; Хорос В. Г. Народническая идеология и марксизм: (Конец XIX в.) М., 1972; Виленская Э. С. Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х — начала 80-х годов XIX века. М., 1979; Шахматов Б. М. П. Н. Ткачев. Этюды к творческому портрету. М., 1981.

²⁰⁴ См.: Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Идеологи русского народничества.

мал, как объективный, так и субъективный идеализм в понимании мира природы.

Концепция идейной преемственности и близости революционных народников к воззрениям революционных демократов 40—60-х годов содержится и в книге В. А. Малинина, который исследовал философию революционного народничества в целом, включая и социологические их взгляды, где шаг назад по сравнению с революционером 60-х годов был особенно заметен. Подчеркивая отсутствие строгого монизма в философских воззрениях революционных народников, В. Малинин считает, что все-таки можно сделать вывод об их принадлежности к лагерю материализма, а не идеализма, о явной противоположности их воззрений как официальным доктринам религиозного идеализма, так и всевозможным направлениям «теоретического идеализма».

О близости философских позиций одного из идеологов народничества — П. Н. Ткачева к «школе Чернышевского», о неприятии им как философского идеализма, так и позитивистских концепций говорится в упомянутом выше исследовании Б. М. Шахматова.

Исследование идеологии революционных демократов 40—60-х годов и народников 70—80-х годов тесно связано с анализом процесса *проникновения идей марксизма в Россию*. Уже в 40—60-е годы идеи марксизма оказали определенное влияние на русских революционных демократов. Многие народники различных течений и направлений искали в К. Марксе союзника своим взглядам. Вопрос о проникновении идей марксизма в Россию так или иначе затрагивается во многих работах, связанных с анализом идеологии народничества, а в книгах В. Ф. Пустарнакова, А. И. Володина, В. Н. Бурлак исследуется специально²⁰⁵.

В. Ф. Пустарнаков, обстоятельно рассмотрев различные формы ассимиляции народниками идей К. Маркса, в том числе фальсификаторские приемы их исследования в народнической литературе, а также попытки использовать отдельные марксистские идеи для апологии капитализма рядом буржуазных либералов конца 60—90-х годов, особенно «легальными марксистами», доказывает, что идеи К. Маркса уже в 70—80-е годы XIX в. оказали существенное влияние на основные направления русской мысли, стимулировали движение передовых течений русской мысли к марксизму, способствовали становлению марксизма как самостоятельного течения русской общественной и философской мысли и составной части рабочего движения. Вместе с тем он стремится доказать, что философские идеи

²⁰⁵ См.: Пустарнаков В. Ф. «Капитал» К. Маркса и философская мысль в России: (Конец XIX — начало XX в.). М., 1974; Володин А. И. «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и общественная мысль России XIX века: (Ист.-филос. очерки). М., 1978; Бурлак В. И. Отражение идей марксизма в русской прогрессивной общественной мысли 1840—1860-х годов, М., 1980.

«Капитала» не сразу были поняты как важнейший методологический инструмент познания социальной действительности даже первыми русскими марксистами, в том числе Г. В. Плехановым, и что только В. И. Ленин раскрыл все философское богатство «Капитала» и методологическое значение Марксовых идей для решения коренных проблем философии и практически-политических проблем революционного обновления мира.

В книге А. И. Володина раскрывается влияние идей марксизма в России через посредство книги Ф. Энгельса «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом». Автор на огромном историческом материале показал, что процесс интернационализации философии марксизма имеет общие черты, которые проявлялись в конце XIX в. таким же образом, как и в наше время.

В. Н. Бурлак проследила первые отклики на работы К. Маркса и Ф. Энгельса с 40-х до 70-х годов XIX в., когда антибуржуазная направленность марксистских идей привлекала внимание русских революционеров.

В 60—70-е годы начинается более активный процесс вовлечения в орбиту историко-философских исследований русских идеалистических философских концепций, наибольшим вниманием среди которых пользуются взгляды Ф. М. Достоевского²⁰⁶. Наряду с историками литературы активные позиции в исследовании идей Ф. М. Достоевского начинают занимать и историки философии. Кроме отмеченных выше монографий, в периодической печати и в коллективных трудах публикуются анализирующие философские взгляды Ф. М. Достоевского статьи А. П. Белика, А. И. Володина, Б. В. Емельянова, Ю. Ф. Каря-

²⁰⁶ См.: *Кирпюгин В.* Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966; *Он же.* Разочарование и крушение Родиона Раскольникова: Книга о романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». М., 1970; *Он же.* Достоевский-художник. М., 1972; *Он же.* Достоевский и Белинский. 2-е изд., доп. М., 1976; *Чирков Н. М.* О стиле Достоевского. Проблематика. Идеи. Образы. М., 1967; *Кудрявцев Ю. Г.* Бунт или религия: (О мировоззрении Ф. М. Достоевского). М., 1969; *Он же.* Три круга Достоевского: (Событийное. Социальное. Философское). М., 1979; *Арденс Н. Н.* Достоевский и Толстой. М., 1970; *Бельчиков Н. Ф.* Достоевский и процесс петрашевцев. М., 1971; *Гус М.* Идеи и образы Достоевского. 2-е изд., доп. М., 1971; *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972; *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. М., 1972; *Она же.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. М., 1975; *Белик А. П.* Читая Достоевского и Чехова. Статьи и разговоры. М., 1973; *Белик А. П.* Художественные образы Ф. М. Достоевского. Эстетические образы. М., 1974; *Пруцков Н. И.* Историко-сравнительный анализ произведений художественной литературы. Л., 1974; *Кашина Н. В.* Эстетика Ф. М. Достоевского. М., 1975; *Карякин Ю. Ф.* Самообман Раскольникова: Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». М., 1976. См. также исследования и материалы в след. изданиях: *Идеи социализма в русской классической литературе.* Л., 1969; *Достоевский и его время.* Л., 1971; *Неизданный Достоевский.* М., 1971, (Лит. наследство. Т. 83); *Достоевский — художник и мыслитель.* М., 1972; *Достоевский.* Материалы и исследования, Л., 1974, Вып. 1; 1976, Вып. 2; 1978. Вып. 3; 1980, Вып. 4.

кина, Н. В. Кашиной, Ю. Г. Кудрявцева, Б. Г. Кузнецова, В. В. Михайлова, И. М. Михайловой, Э. Ю. Соловьева и других философов, хотя до сих пор ведущие позиции в интерпретации философских идей Ф. М. Достоевского продолжают занимать историки литературы.

На рубеже 60—70-х годов Н. И. Прудков и некоторые другие историки литературы попытались применить ленинские методологические идеи к анализу творчества Ф. М. Достоевского²⁰⁷. При этом были сделаны выводы о специфическом характере демократизма Ф. М. Достоевского. Ф. М. Достоевский, утверждают Н. И. Прудков, Г. М. Фридендер и некоторые другие исследователи его творчества, не принадлежал ни к лагерю реакционно-охранительному, ни к революционно-демократическому, тем не менее отражал логику и чувства определенной части народной России, страдания и искания которой получили выражение в его творчестве.

В работах 70-х годов укрепляется тенденция рассматривать Ф. М. Достоевского как мыслителя-гуманиста, близкого по духу демократическому лагерю, для которого идеи социального равенства, социальной справедливости не утратили своей привлекательности, несмотря на его отрицательное отношение к существовавшим социалистическим учениям в 60—70-е годы. В то же время порой затушевываются реакционные стороны мировоззрения великого писателя.

В ряде философских исследований разоблачается несостоятельность экзистенциалистских интерпретаций творчества Ф. М. Достоевского, попытки истолковать его воззрения в духе иррационализма.

Менее исследованной остается философская концепция Л. Н. Толстого. За двадцатилетний период (50—70-е годы) более или менее основательно изучены только эстетические и этические воззрения великого русского мыслителя, что же касается воссоздания его философской концепции в целом, то имеющиеся монографии о его творчестве на это не претендуют²⁰⁸. Лишь в отдельных статьях В. Ф. Асмуса, Н. С. Козлова, Г. В. Краснова, Л. И. Кучиной и некоторых других историков русской философии даны характеристики отдельных сторон философии Л. Толстого, главным образом его философии истории.

²⁰⁷ См.: Прудков Н. И. Ленинское понимание «эпохи подготовки революции» и историко-литературная наука // Наследие Ленина и наука о литературе. Л., 1969. С. 216.

²⁰⁸ См.: Шмелевский В. Б. Лев Толстой. 2-е изд. М., 1967; Куприянова Е. Н. Эстетика Л. Н. Толстого. М.; Л., 1966; Николаев М. П. Л. Н. Толстой и Н. Г. Чернышевский. Тула, 1969; Арденс Н. Н. Достоевский и Толстой. М., 1970; Шифман А. И. Лев Толстой и Восток. 2-е изд. М., 1971; Ломунов К. Н. Эстетика Льва Толстого. М., 1972; Он же. Лев Толстой в современном мире. М., 1975; Розанова С. А. Толстой и Герцен. М., 1972; Чуприна И. В. Нравственно-философские искания Л. Толстого в 60-е и 70-е годы. Саратов, 1974; Лакшин В. Толстой и Чехов. М., 1975.

В 60—70-е годы круг *философских идеалистических учений XIX—начала XX в.*, вовлекаемых в орбиту исследований, начинает постепенно расширяться. Появляются новые исследования русской религиозно-философской мысли, различных философских концепций российского либерализма²⁰⁹.

Исследование В. А. Кувакина впервые в советской историко-философской литературе дает обстоятельный монографический анализ произведений таких несхожих и в то же время единых в отрицании материалистической марксистской философии деятелей, как В. Розанов, Д. Мережковский, Н. Бердяев, С. Булгаков, Л. Шестов, показывает классовую природу и историческую обреченность философских концепций «нового религиозного сознания».

Исследования различных идеалистических направлений русской философской мысли способствуют воссозданию истории развития этой мысли во всей ее полноте, в динамике борьбы материализма и идеализма. Однако степень исследованности русской идеалистической философии еще не позволяет говорить об отсутствии «белых пятен» в этой области, ибо нет монографических исследований философии таких крупных общественных течений, как русское масонство, славянофильство, нет исследований философских идей русской православной ортодоксии, остаются слабо исследованными период философских исканий русской буржуазной интеллигенции в начале XX в. и многие другие направления идеалистической философии дореволюционной России. Эти проблемы стали предметом обсуждения на Всесоюзной конференции «Методологические и мировоззренческие проблемы истории философии» (1986)²¹⁰.

Заметно активизировалось изучение истории русской *социологической мысли*. Проблемы философии истории, оценка взглядов на развитие общества всегда были составной частью историко-философского исследования, но в конце 60-х годов история социологической мысли, социологических учений начинает выделяться в особую область, появляются коллективные труды и

²⁰⁹ См.: *Водвинский Е. И.* Русское неокантианство конца XIX — начала XX веков. Л., 1966; *Кутаев В. А.* От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50—60-х гг. XIX в. М., 1972; *Шкоринин В. П.* Этический иррационализм в России: (Крит. анализ). Ростов н/Д, 1973; *Зорькин В. Д.* Из истории буржуазно-либеральной мысли России второй половины XIX — начала XX в. (В. Н. Чичерин). М., 1975; *Религия и церковь в истории России*. М., 1975; *Кувакин В. А.* Критика экзистенциализма Бердяева. М., 1976; *Он же.* Религиозная философия в России. Начало XX века. М., 1980; *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978; *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978; *Социальная философия в России в XIX веке*. М., 1985; и др.

²¹⁰ См.: *Проблемы исследования истории философии народов СССР (Тез. докл.)*. М., 1986.

монографии, посвященные специально анализу русской социологической мысли²¹¹.

Одним из новых и перспективных направлений в общественной мысли, привлекающих все большее внимание советских исследователей, является *история народного вольнодумства* в России, тесно связанного с ростом освободительного движения и демократическими и революционными традициями в русской и мировой культуре. Исследуя этот пока еще малоосвещенный не только нашей, но и зарубежной литературой идейно-теоретический массив, советские ученые выявили и охарактеризовали большое количество ранее неизвестных архивных источников — рукописных трактатов русских крепостных мыслителей-вольнодумцев, имеющих своеобразную философско-историческую направленность и пронизанных антикрепостническими идеями²¹².

Значительным и исключительно актуальным направлением научной работы историков русской философии стала *борьба против фальсификаторских измышлений* идеологов империализма об идейном прошлом русского народа. Объективно вся работа советских историков русской философии по исследованию и популяризации идей русской материалистической философии была, как и в прошлые годы, направлена против идеалистических интерпретаций истории русской философии. Однако в послевоенные годы и особенно с середины 50-х годов идеологическая борьба вокруг идейного наследия русского народа приняла особенно острый характер, а фальсификаторские приемы стали значительно более тонкими и изощренными, что вызвало необходимость специальных работ, разоблачающих приемы и методы извращения подлинной истории русской философской мысли. Такая работа была проведена уже в 6-томной «Истории философии». В 60—70-е годы вышел целый ряд специальных

²¹¹ См.: Казаков А. П. Теория прогресса в русской социологии конца XIX века (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, М. М. Ковалевский). Л., 1969; Шпадарук И. П. Русская секция I Интернационала и ее социологические воззрения. Минск, 1970; Федоров М. Г. Русская прогрессивная мысль XIX в. от географического детерминизма к историческому материализму. Новосибирск, 1972; Бочкарев Н. И. В. И. Ленин и буржуазная социология в России. М., 1973; Социологическая мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX — нач. XX в. Л., 1978.

²¹² См.: Коган Л. А. Крепостные вольнодумцы (XIX век). М., 1968; Он же. Связь философских идей в русском народном свободомыслии XIX в. с традициями передовой культуры // Филос. науки. 1963. № 1; Он же. Идеи равенства в русском народном свободомыслии второй половины XVIII — начала XIX века // Там же. 1964. № 1; Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма, М., 1977; Он же. Народная социальная утопия в России. XIX век. М., 1978; Он же. Народная социальная утопия в России в XIX веке // Вопр. философии. 1972. № 11; Мирошниченко П. Я. Народные пословицы, поговорки, приметы, загадки как источник по истории сознания крестьянства периода разложения и кризиса крепостничества. Донецк, 1977; Он же. О народных истоках утопического социализма в России: (Ист. аспект проблемы): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1979.

исследований, в которых фальсификаторским замыслениям противопоставлен убедительный научный анализ, опирающийся на всю совокупность данных, полученных советскими историками философии в ходе исследовательской работы²¹³.

Исследования истории русской философии советскими учеными, опирающиеся на скрупулезный анализ фактов, проникнутые марксистско-ленинской методологией, создают объективную картину развития русской философской мысли.

²¹³ См.: *Мелентьев Ю. С.* Революционная Россия и Запад. М., 1965; *Партийность историко-философских исследований и критика антикоммунизма.* М., 1972; *Критика современных буржуазных фальсификаций истории философии народов СССР.* М., 1974; *Новиков А. И.* История философии и современная идеологическая борьба. Л., 1974; *Маслин М. А.* Критика буржуазных интерпретаций идеологии русского революционного народничества. М., 1977; *Джангирян В. Г.* Критика англо-американской буржуазной историографии М. А. Бакунина и бакунизма. М., 1978.

РАЗДЕЛ СЕДЬМОЙ

ФОРМИРОВАНИЕ

НАУЧНО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО

МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ПРОБЛЕМАТИКА

ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ

РЕСПУБЛИКАХ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

РОЛЬ ОБЩЕСОЮЗНЫХ НАУЧНЫХ

И ФИЛОСОФСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РАЗВИТИИ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

НАРОДОВ СССР¹

К моменту Великой Октябрьской социалистической революции Центральная Россия стояла на значительно более высоком уровне политического, социально-экономического и культурного развития сравнительно с подавляющим большинством национальных окраин, что предопределило особую роль центральных научных и философских учреждений, особенно Москвы и Ленинграда, в становлении и развитии марксистско-ленинской философской науки в национальных регионах страны. Эта роль была обусловлена в первую очередь тем обстоятельством, что именно в центре был сосредоточен основной отряд российского

¹ Узловые теоретические проблемы развития марксистско-ленинской философской науки в СССР в целом, в том числе в союзных и автономных республиках, освещены в соответствующих главах 1-й и 2-й книг V тома «Истории философии в СССР». В главах данного раздела рассматриваются общие и специфические закономерности процесса формирования научно-материалистического мировоззрения и проблематики философских исследований в союзных и автономных республиках. В этой главе затрагиваются главным образом те аспекты развития социалистической философской культуры народов СССР, которые непосредственно связаны с проводимой в плановом порядке деятельностью общесоюзных научных и философских учреждений по оказанию союзным и автономным республикам материальной, кадровой, научно-организационной помощи в развитии их философской культуры, с процессом координации философских исследований в общесоюзном масштабе.

рабочего класса, возглавляемого партией, класса, стоявшего в силу исторических условий — условий классовой борьбы в предшествующие Октябрью десятилетия — на более высоком уровне идейно-политического сознания, класса, способного не только воспринимать марксистско-ленинское мировоззрение, но и активно распространять его на непролетарские массы, оказывать национальным окраинам всестороннюю помощь, в том числе помощь в построении новой социалистической философской культуры.

Но помощь Центра России не могла бы быть эффективной и действенной, если бы местные партийные органы и местные научные учреждения не принимали активного, творческого участия в решении грандиозной общесоюзной программы повсеместного утверждения единой советской социалистической философской культуры, оставались бы в роли пассивно воспринимающих учеников, не опирались бы в своей работе на прогрессивное, свобододолюбивое, антиклерикальное, революционное, социалистическое, материалистическое и атеистическое наследие своей национальной общественной и философской мысли, художественной литературы и искусства. Особенно активно и творчески участвовали в осуществлении общесоюзной программы создания новой социалистической философской культуры народы, которые еще в дооктябрьский период имели солидные национальные прогрессивные традиции общественной и философской мысли.

Накануне и после Октября В. И. Ленин и другие деятели большевистской партии исходили из того, что в сравнительно отсталых национальных регионах можно создать необходимые условия для активного участия всех народов России в общероссийском революционном процессе и последующем социалистическом строительстве. Речь шла не о том, чтобы, как это пытаются доказать некоторые современные «советологи», «насиловать», вопреки воле самих народов поднять их на современный уровень развития, а о том, чтобы путем кропотливой агитационно-пропагандистской, воспитательной и организаторской работы в широких массах трудящихся убедить их в истинности и благотворности идей Великой Октябрьской социалистической революции, помочь им побороть своих классовых врагов, превратив их в убежденных и сознательных сторонников и активных строителей нового социалистического общества. «Победа Октября навсегда покончила с национальным гнетом и неравноправием наций и народностей. Огромную роль сыграло объединение на добровольных началах свободных равноправных народов в едином многонациональном государстве — Союзе Советских Социалистических Республик. В ходе социалистического строительства обеспечен быстрый экономический, социальный и культурный прогресс бывших национальных окраин. Ушла в прош-

лое национальная резня, нормой жизни стали братская дружба, тесное сотрудничество и взаимопомощь всех народов СССР»².

Для национально-государственного строительства в первые послеоктябрьские годы программное значение приобрела резолюция X съезда РКП(б) (1921) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». Формулируя задачу установления принципиально новых отношений между великороссами и нерусскими народами бывшей царской империи, съезд исходил из того факта, что «политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убивать среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности русифицировать их. Результаты такой политики — неразвитость и политическая отсталость этих народов»³. Съезд исходил также из того, что лишь Украина, Белоруссия, часть Азербайджана, Армении уже прошли «в той или иной степени период промышленного капитализма», но что «остается около 30 миллионов по преимуществу тюркского населения», «не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт... или не вполне еще ушедших дальше полупатриархального-полуфеодалного быта... но уже вовлеченных в общее русло советского развития»⁴.

В соответствии с этой оценкой X съезд РКП(б) сформулировал задачи на будущее: «Теперь, когда помещики и буржуазия свергнуты, а Советская власть провозглашена народными массами и в этих странах, задача партии состоит в том, чтобы *помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке...*»⁵ (курсив наш. — Авт.).

Помощь «ушедшей вперед Центральной России» народам

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, М., 1986. С. 125.

³ Десятый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1963, С. 603.

⁴ Там же. С. 604.

⁵ Там же. С. 603—604.

национальных окраин во всех областях политической, социально-экономической и культурной жизни стала фактически одним из программных принципов деятельности КПСС.

Состоявшийся в январе 1918 г. 3-й Всероссийский съезд Советов юридически оформил создание РСФСР как федерации советских национальных республик. Внутри Российской федерации стали образовываться автономные республики и автономные области⁶.

В Постановлении ЦК КПСС в связи с 60-летием образования СССР со всей полнотой охарактеризована роль РСФСР в создании СССР: «Решающую роль в создании единого союзного государства сыграла РСФСР, вокруг которой на добровольных началах сплотились все советские республики. Будучи первым многонациональным Советским государством, РСФСР явилась прообразом Союза ССР. Русский народ, не считаясь с трудностями и лишениями, оказывал бескорыстную помощь другим народам страны в отстаивании их революционных завоеваний, внес неограниченный вклад в преодоление отсталости бывших национальных окраин»⁷.

В декабре 1922 г. 1-й Всесоюзный съезд Советов утвердил декларацию об образовании СССР в составе: РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР (в Закавказскую федерацию входили Грузинская, Армянская и Азербайджанская ССР, образовавшиеся в 1920—1921 гг.).

Продолжительным был процесс национально-государственного строительства в Средней Азии и Казахстане. Ряд лет большая часть этих регионов входила в состав РСФСР⁸.

⁶ В 20—30-х годах в составе РСФСР образовались автономные республики: Башкирская (1919), Татарская (1920), Дагестанская (1921), Якутская (1922), Бурятская и Карельская (1923), Чувашская (1925), Удмуртская и Мордовская (1934), Калмыцкая (1935), Марийская, Коми, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская (1936), которые первоначально оформились как автономные области. В 1944 г. в состав РСФСР в качестве АО вошла Турвинская Народная Республика (в 1961 г. область была преобразована в АССР).

В настоящее время в составе РСФСР 16 автономных республик, 5 автономных областей (Адыгейская, Горно-Алтайская, Еврейская, Карачаево-Черкесская, Хакасская) и 10 национальных округов (Агинский Бурятский, Коми-Пермяцкий, Корякский, Ненецкий, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Усть-Ордынский, Бурятский, Ханты-Мансийский, Чукотский, Эвенкийский, Ямало-Ненецкий). СССР в целом объединяет ныне 35 национальных государств (15 союзных, 20 автономных республик) и 18 национальных государственных образований (8 автономных областей, 10 автономных округов).

⁷ О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик: Постановление ЦК КПСС от 19 февр. 1982 г. М., 1982. С. 4.

⁸ С 1918 по 1924 г. в состав РСФСР входила Туркестанская АССР, на территории которой (а также на территории среднеазиатских Бухарской и Хорезмской народных советских республик, созданных в 1920 г.) впоследствии образовались Узбекская и Туркменская ССР (1924), а затем Таджикская ССР (в 1924—1929 гг.— АССР). В состав РСФСР первоначально входили также Казахстан (в 1920—1930 гг. в качестве АССР) и Киргизия (в 1924—1926 гг. как АО, в 1926—1936 гг. как АССР),

В 1940 г. в состав СССР вошли в качестве союзных республик Латвия, Литва, Эстония и Молдавия (до этого автономная ССР в составе УССР).

Поскольку социалистическое строительство началось у разных народов СССР в разное время, при разных начальных уровнях социально-политического, экономического и культурного развития, оно и развертывалось в различных регионах в разном темпе, с различными регионально-национальными особенностями. Партия вполне осознавала невозможность применения в национальных регионах страны методов, пригодных для более развитой Центральной России. X съезд партии записал в своей резолюции: «Всякое механическое пересаживание на восточные окраины экономических мероприятий Центральной России, годных лишь для более высокой степени хозяйственного развития, должно быть отвергнуто»⁹. Проблема заключалась в том, чтобы четко определить *последовательность, очередность решения тех или иных задач социалистического строительства применительно к конкретным национальным регионам*, соблюдая требование учета места и времени. Особенно важно было учесть специфическую действительность в Средней Азии, Казахстане и других регионах, в которых особенно сильны были пережитки феодализма и даже дофеодалных, патриархально-родовых общественных отношений. В силу специфических социальных отношений в восточных национальных регионах здесь на первых порах приходилось поначалу решать еще задачи буржуазно-демократического этапа революции.

Все это сказывалось на темпах и формах культурного строительства в различных национальных регионах, в том числе в сфере распространения и утверждения в них марксистско-ленинской философии.

* * * * *

С целью оказания помощи местным партийным и советским организациям и учреждениям в первые послеоктябрьские годы были созданы специальные партийные и государственные органы. Так, в октябре 1919 г. для оказания помощи Туркестанской АССР создается Туркестанская комиссия ВЦИК и СНК РСФСР, преемником которой стало Туркестанское бюро ЦК РКП(б) (1920—1922), а затем Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) (1922—1934).

Особенно большую роль в деле оказания помощи местным партийным и советским организациям, в том числе в распространении и утверждении идей марксистско-ленинской философии в первые годы после Октября, сыграли областные и краевые Бюро ЦК РКП(б), назначавшиеся Центральным Комитетом партии

⁹ Десятый съезд РКП(б). С. 805.

для руководства всеми сторонами политической, хозяйственной и идеологической работы на местах в условиях, когда местные партийные организации были слабыми и не имели еще опыта руководства. Таких бюро ЦК было создано восемь: Сибирское, Кавказское (с 1921 г. разделено на Юго-Восточное и Кавказское), Уральское, Туркестанское, Дальневосточное, Северо-Западное и Киргизское (Казахское). В Бюро ЦК РКП(б) (затем ВКП(б)), являвшихся полномочными представителями ЦК партии на местах, в разное время работали известные партийные и советские деятели — А. Е. Бадаев, А. С. Бубнов, К. Е. Ворошилов, Ф. И. Голощекин, С. И. Гусев, С. М. Киров, В. М. Косарев, С. В. Косиор, В. В. Куйбышев, А. И. Микоян, Г. К. Орджоникидзе, Я. Э. Рудзутак, М. В. Фрунзе и др.

В первые послеоктябрьские годы у разных народов сложились далеко не одинаковые условия для распространения и утверждения диалектического и исторического материализма также потому, что разные регионы были по-разному обеспечены марксистски подготовленными философскими кадрами. Профессиональное творчество в широких масштабах в сфере философской теории возможно лишь при развитой системе высшего образования и научных учреждений, при наличии необходимого числа марксистски подготовленных теоретических кадров, при более или менее значительном слое интеллигенции. Этих условий в первые послеоктябрьские годы не было даже в Центральной России.

В первые послеоктябрьские годы марксистская прослойка в интеллигенции оставалась незначительной даже в Москве и Ленинграде.

В конце 1929 г. в СССР насчитывалось чуть более 24 тыс. научных работников. Из них членов КПСС — 7—8%¹⁰. В 1928 г. в тогдашней Академии наук СССР, преемнице старой императорской, а затем Российской АН, насчитывалось всего два коммуниста (из 500 научных работников). На протяжении 20-х — первой половины 30-х годов положение изменилось. В 1934 г. в АН работало 200 членов партии (из 1500 ученых)¹¹.

Научные, в том числе марксистски подготовленные, кадры распределялись по стране неравномерно: к концу 20-х годов более 3/4 научных работников приходилось на Москву и Ленинград. Такая ситуация диктовала соответствующие научно-организационные формы помощи центральных научных и философских учреждений республиканским учреждениям. Откомандирование из центра марксистски подготовленных кадров стало в первые послеоктябрьские годы важной формой помощи в борьбе за повсеместное распространение и утверждение марк-

¹⁰ См.: Вестн. Ком. акад. 1929. Кн. 35/36, С. 381.

¹¹ См.: Вестн. АН СССР, 1934, № 3, С. 1.

сизма и его философии, за перестройку философской культуры на социалистических принципах. Роль РСФСР, ее научных и философских, в первую очередь московских и ленинградских, учреждений в деле помощи другим народам страны кадрами оказалась исключительно большой. На заседании 25 мая 1918 г. во время обсуждения идеи создания Коммунистической академии Совнарком РСФСР поставил в качестве одной из задач: «Немедленно принять меры к выяснению, набору и использованию русских преподавательских сил»¹².

В качестве одной из важнейших задач стала также задача воспитания марксистских национальных кадров в системе центральных научных и учебных заведений.

Дело воспитания национальных кадров на советской основе и распространения идей марксизма в национальных регионах Советской России в первые послеоктябрьские годы начал Народный комиссариат по делам национальностей (1917—1923), в котором работали комиссариаты и отделы: украинский, белорусский, армянский, латышский, мусульманский (позднее татаро-башкирский), горцев Кавказа, киргизский, чувашский, эстонский, калмыцкий, вотский (удмуртский), зырянский (коми), еврейский, польский, немецкий, южных славян, чехословацкий. При Наркомнаце начали функционировать так называемые восточные курсы, на базе которых в дальнейшем (в 1921 г.) был создан Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ).

Всеми просветительными, а также научными учреждениями РСФСР в начале 20-х годов руководил Наркомпрос, в рамках которого действовал специальный комитет по вопросам просвещения национальных меньшинств. Еще до образования СССР Наркомпрос РСФСР стал оказывать помощь другим советским республикам. В 1921 г. при нем были созданы постоянные представительства наркомпросов Украины, Белоруссии и других республик.

Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции, в октябре 1918 г., была открыта Социалистическая академия общественных наук (с 15 апреля 1919 г. она называлась Социалистической академией, а с 17 апреля 1924 г.— Коммунистической академией)— высшее научно-исследовательское и учебное учреждение нового, социалистического типа, принципиально отличное от старой Российской Академии наук.

В соответствии с решениями XII съезда партии (1923) деятельность Социалистической академии вышла за рамки обществознания; она стала постепенно превращаться в научно-методический центр, объединяющий всю научно-исследовательскую работу в стране. С начала 20-х годов Социалистическая акаде-

¹² Вестн. Ком. акад. 1923. № 4. С. 7.

мия — центральное научное учреждение страны, призванное объединить марксистские теоретические силы для проведения исследований, относящихся, как говорилось в Положении об Академии, к «области социальных наук, философии и естественных наук, поскольку последние соприкасаются с науками социальными»¹³.

Начинала Коммунистическая академия (представлявшая до февраля 1936 г. параллельный Российской Академии специализированный центр марксистско-ленинской академической науки) с весьма скромных позиций. На 1 января 1925 г. в ней насчитывалось всего 20 сотрудников, на 1 мая 1926 г. — 67 научных сотрудников, из них 44 старших и 23 младших¹⁴. И все же она сразу стала важным центром подготовки кадров для всех регионов страны. С осени 1921 г. при академии открываются курсы по изучению марксизма (с контингентом слушателей от 70 до 130 человек)¹⁵. Так, на 1 января 1926 г. на этих курсах училось 120 человек. Среди них — русские, украинцы, евреи, армяне, латыши, татары, азербайджанцы, грузины, узбеки, башкиры, эстонцы, литовцы, киргизы, балкарцы¹⁶. Постепенно академия расширяла свое влияние на развитие науки, в том числе философии, в республиках. В первой половине 30-х годов были открыты ее отделения в Ташкенте и Тбилиси. В конце 20-х годов в Коммунистической академии начала действовать аспирантура, ставшая важным источником формирования философски подготовленных научных работников. В 1931 г. контингент аспирантов составлял уже 2800 человек¹⁷.

В апреле 1929 г. закончилось юридическое оформление Института философии Коммунистической академии — непосредственного предшественника нынешнего Института философии АН СССР. Поначалу он был очень невелик по масштабам: в момент оформления в нем состояло 37 «действительных членов» (именно так именовалась в те годы категория наиболее видных ученых, являвшихся внештатными сотрудниками Института философии), 17 старших и 5 младших научных сотрудников, причем в штате насчитывалось всего 8 человек. Малочисленным Институт философии оставался вплоть до второй половины 30-х годов. Но кадры для республик он готовил и в те годы. С осени 1929 г. в нем начала работать философская аспирантура, в которой обучались и республиканские кадры.

С ноября 1919 г. в составе Социалистической академии действует кабинет теории, истории и практики марксизма, на базе которого в 1921 г. по решению оргбюро ЦК РКП(б) при

¹³ Вестн. Соц. акад. 1922. № 1. С. 35.

¹⁴ См.: Вестн. Ком. акад. 1926. № 16. С. 282.

¹⁵ См.: Там же. 1927. № 20. С. 310.

¹⁶ См.: Там же. 1928. № 15. С. 338.

¹⁷ См.: Там же. 1931. № 4. С. 10.

Соцакадемии создается Научно-исследовательский институт К. Маркса и Ф. Энгельса, который, объединившись в 1931 г. с Институтом В. И. Ленина (создан в 1923 г.) и Комиссией по истории Октябрьской революции и РКП(б)—Истпартом (создан в 1920 г.), положил начало современному Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Филиалы Института марксизма-ленинизма, которые создавались в республиках с начала 30-х годов, стали еще одним каналом помощи центральных научных и философских учреждений в деле распространения марксизма-ленинизма и создания новой социалистической философской культуры.

Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции, в июне 1919 г., в Москве на базе курсов агитаторов и инструкторов при ВЦИК (в дальнейшем школа советской работы, Центральная школа советской и партийной работы) образовался Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова (1919—1935) — первое высшее партийное учебное заведение, положившее начало целой системе комвузов. Наиболее значительными в этой системе, кроме Свердловского университета, были Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ, 1921—1938) и Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ, 1921—1936). О масштабах подготовки кадров в комвузах в первые годы их деятельности можно судить по таким цифрам: в 1929 г. в СССР насчитывалось 16 комвузов с 7 тыс. слушателей; в течение первого десятилетия в Свердловском университете обучалось 19 тыс. человек, из которых 10 тыс. прошли полный курс; несколько тысяч партийных, профсоюзных и комсомольских работников было подготовлено в КУТВ и КУНМЗ. В 1922 г., через год после создания Коммунистического университета трудящихся Востока, в нем училось 933 человека¹⁸; первый выпуск КУНМЗ составил 352 человека.

Примечателен национальный состав слушателей центральных комвузов. Так, в 1924 г. в КУТВ обучалось 1015 человек (из них 151 женщина), представлявших 62 национальности Союза: народности Северного Кавказа представляли 205 человек, Закавказья — 71, Средней Азии — 186, Сибири — 108, народности Севера — 78, Поволжья — 201. Наиболее многочисленные группы — татары (108), буряты (62), узбеки (62), казахи и киргизы (57), осетины (34), туркмены (32), чеченцы (31), армяне (29)¹⁹.

С самого начала комвузы наряду с Коммунистической академией стали, как выражались в 20-е годы, центрами «большой концентрации коммунистических сил». Общественные науки

¹⁸ См.: Братское единство народов СССР. Киев, 1976. С. 275.

¹⁹ См.: Коммунистический Университет Трудящихся Востока. М., 1924, С. 4—5.

играла доминирующую роль в их программах. По программе комвузов изучался исторический материализм (включавший в те годы и проблематику диамата), причем он выступал как «стержневой предмет». На третьем курсе комвузов преподавалась также история философии²⁰. Следовательно, комвузы уже по характеру своей программы, по месту в ней философской проблематики выступали в качестве важного источника распространения марксистской философии по всей стране. Правда, при этом нельзя забывать и то обстоятельство, что уровень философской подготовки в КУТВ и КУНМЗ в 20-е годы был еще не очень высоким. Иначе и не могло быть. В эти учебные заведения поступали слушатели с недостаточной общей подготовкой. Так, в партячейке КУТВ в 20-е годы до 70% членов имели низшее образование. Многие слушатели плохо знали русский язык, что сказывалось и на усвоении философских дисциплин. Г. Пегельман, известный деятель Компартии Эстонии, активно работавший в КУНМЗ, писал еще в 20-е годы: «Студенты в значительной мере только на третьем курсе начинают овладевать языком (русским) научных трудов, с трудом пробиваясь хотя бы через такие „дебри“ как, например, „Эмпириокритицизм“ Ленина или „Людвиг Фейербах“ Энгельса»²¹.

Высшим учебным заведением, созданным для подготовки марксистских кадров как для научно-исследовательских учреждений страны, так и для преподавания в вузах и комвузах, стал Институт Красной Професуры. Он был создан по декрету СНК РСФСР от 11 февраля 1921 г. за подписью В. И. Ленина. Его возглавлял М. Н. Покровский (до 1932 г.), совмещавший эту должность с обязанностями Председателя Президиума Коммунистической академии. О масштабах деятельности ИКП в деле подготовки кадров говорят такие цифры: набор слушателей 1926 г. составлял 76 человек, 1927 — 106; 1928 — 130; 1929 — 140; 1930 — 554; 1931 — 1720. За первые 10 лет ИКП выпустил 427 специалистов²². За 1921—1928 годы философское отделение ИКП подготовило 42 специалиста.

В декрете «О плане организации факультетов общественных наук Российских университетов» от 4 марта 1920 г. СНК РСФСР предусмотрел учреждение научных институтов по основным отраслям знания для разработки различных общественных дисциплин и для подготовки научных работников по этим наукам. На основании этого решения при факультете общественных наук тогдашнего 1-го МГУ возник Институт научной философии. В 1924 г. он вошел в состав Российской ассоциации научно-ис-

²⁰ См.: Материалы программно-методической и воспитательной работы КУТВ, 1922—1923. М., 1923. Вып. 1. С. 36.

²¹ Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнад. М., 1924. С. 63.

²² См.: Вестн. Ком. акад. 1931. № 12. С. 16.

следовательских институтов общественных наук (РАНИОН), созданной по решению ученого совета Наркомпроса от 15 мая 1924 г. и призванной руководить научно-исследовательской и преподавательской деятельностью тех гуманитарных учреждений, в которых наряду с марксистами работала старая профессура. В РАНИОН входило 12 НИИ. Аспирантура РАНИОН стала еще одним каналом распространения марксистской философии в стране. Желавшие поступить в аспирантуру должны были сдать экзамены по диалектическому и историческому материализму. Марксистская философия включалась также в учебную программу.

В первые послеоктябрьские годы на марксистско-ленинских мировоззренческих и методологических принципах постепенно перестраивается Российская Академия наук (с июля 1925 г. Академия наук СССР). В 1930 г. на заседании Президиума АН СССР был поставлен вопрос об организации на периферии отделений Академии наук. В 1932 г. открываются Таджикская и Казахская базы АН СССР, в 1933 г.— Закавказский филиал с отделениями в Грузии, Азербайджане, Армении, которые в 1935 г. превратились в три самостоятельных филиала: грузинский, азербайджанский, армянский. Академическая аспирантура (начавшая работу с 1929/30 года) и докторантура (действующая с 1934/35 года) также стали источником марксистской подготовки кадров как для центральных, так и для республиканских научных учреждений.

В 30-е годы крупным общесоюзным центром по подготовке философских кадров стал Московский институт истории, философии и литературы (МИФЛИ) (1931—1941). Первоначально это был Историко-философский институт, образованный на базе факультета истории и философии Московского университета, в котором имелись философское и антирелигиозное отделения, а также отделение истории и методологии искусства. В 1934 г. в состав института были включены отделения Коммунистического университета преподавателей общественных наук. В преобразованном институте стал функционировать факультет философии. В 1931—1937 гг. действовал также Ленинградский институт истории, философии и лингвистики.

Мощным каналом распространения марксистско-ленинской философской культуры с первых послеоктябрьских лет стали центральные издательства. Постановлением ВЦИК и СНК от 14 декабря 1922 г. создано специальное Восточное издательство, на которое возложены следующие задачи: «1) содействие культурному развитию восточных народов путем издания литературы и 2) координация и руководство издательской деятельностью на восточных языках по всему Союзу»²³. В следующем, 1923 г. создано Центральное Западное издательство²⁴.

²³ Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац. С. 217.

²⁴ См.: Там же. С. 223.

Поскольку во всех республиках Союза в 20-х — первой половине 30-х годов подготовленных в области философии национальных кадров было очень мало, большую роль играли командированные из Центральной России кадры и выпускники центральных учебных заведений. Так, например, одной из первоочередных задач для Белоруссии конца 20-х годов выступало «пополнение марксистскими силами извне, с помощью главным образом Москвы...»²⁵. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других республиках.

В вузах Москвы, Ленинграда, других центральных городов в 20-х — первой половине 30-х годов учатся многие из будущих известных грузинских и армянских советских философов и ученых.

Ученые и философы из Москвы, Ленинграда, других городов РСФСР сыграли большую роль в организации преподавания философии и научно-исследовательской работы в Азербайджане (профессора А. Д. Гуляев, В. Н. Беляев, С. В. Васильев и др.), с их помощью были созданы первые философские кафедры, разрабатывался курс лекций по философским дисциплинам²⁶. В 1920 г. по приглашению Наркомпроса Советского Азербайджана в Баку переезжает А. О. Маковельский, тогдашний профессор Казанского университета. На протяжении многих лет А. О. Маковельский читал в вузах Азербайджана лекции по истории философии, истории социально-политических учений, логике, психологии, руководил философскими кафедрами²⁷, способствуя тем самым подъему философской культуры в республике.

Историческую роль в развитии философской культуры народов Средней Азии и Казахстана сыграл созданный в 1920 г. декретом СНК РСФСР за подписью В. И. Ленина Туркестанский государственный (впоследствии Среднеазиатский) университет в Ташкенте, который стал центром воспитания кадров во всей Средней Азии. Первоначальный штат Туркестанского университета комплектовался в Москве. Преподавание философии в САГУ начали ученые, приехавшие из Москвы. С 1929 г. кафедру диалектического материализма в университете возглавлял будущий известный советский философ Б. Э. Быховский.

Когда в 1922 г. было создано Ташкентское отделение Коммунистического университета трудящихся Востока, из Москвы в это отделение было направлено 40 преподавателей.

С весны 1929 г. на общественных началах стала действовать Среднеазиатская ассоциация марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, реорганизованная в 1932 г. в Среднеазиатское отделение Коммунистической академии. Уже в

²⁵ Вестн. Ком. акад. 1929. № 2. С. 241.

²⁶ См.: Вопр. философии. 1973. № 4. С. 123.

²⁷ См.: Там же. 1970. № 3. С. 183.

первый год работы в ассоциации насчитывалось около 200 человек, из них 150 членов партий. В ассоциации работало, в частности, много выпускников ИКП. На базе местного общества воинствующих материалистов-диалектиков была создана философская секция, в которую вошли работники кафедр диалектического материализма среднеазиатских вузов. В философской секции СААНИУ в 20—30-е годы значительную роль играли философы, приехавшие в Среднеазиатские республики из Центральной России. Так, группу по истории материализма и современной философии возглавлял Б. Э. Быховский. В секции действовали также группы по истории философии, диалектического материализма и исторического материализма. При философской секции также под руководством Б. Э. Быховского²⁸ была организована группа по изучению философии Востока. При секции работал философский семинар для научных сотрудников и аспирантов СААНИУ, а также семинар по изучению «Науки логики» Гегеля. Секция руководила подготовкой аспирантов вузов и втузов Ташкента по диалектическому и историческому материализму. Повышению уровня философской культуры Узбекистана способствовали организованные секцией циклы популярных лекций²⁹.

Во второй половине 20-х — начале 30-х годов появляются первые научные контакты между центральными и республиканскими научными учреждениями, налаживается научное сотрудничество между ними, координация их работы. Философские учреждения Москвы и Ленинграда начинают оказывать в плановом порядке помощь теоретического и методологического характера в форме научных командировок.

Во второй половине 20-х годов научные командировки представляли собой исторически новую форму научной деятельности, новую форму не только организационной, но и научной связи центральных научных учреждений с республиканскими, посредством которой со стороны центральных органов оказывалось идейное воздействие на местные научные центры.

Первоначально выезды философов из Москвы в республики исчислялись единицами. Но тем не менее они приносили свои плоды. Один из руководителей Коммунистической академии — В. П. Милютин в 1926 г. сообщал, что поездки представителей академии в Харьков и сделанные там в Институте марксизма-ленинизма доклады увенчались успехом и имели свои положительные следствия. После этих поездок по предложению академии там началась, например, работа по изучению национального вопроса³⁰.

²⁸ См.: Вестн. Ком. акад. 1930. № 42. С. 152.

²⁹ См.: Там же.

³⁰ См.: Там же. 1926. № 16. С. 290.

В эти же годы стали практиковаться научные командировки в центр — еще одна невиданная дотоле форма научной деятельности. В конце 20-х годов в целях повышения квалификации научных работников решено «расширить практику научных командировок внутри Союза ССР, особенно из провинции в Москву, для работы во всеююзных марксистско-ленинских учреждениях, в частности в Институте Маркса-Энгельса, в Институте Ленина и Комакадемии»³¹.

В Устав Коммунистической академии, утвержденный Президиумом ЦИК СССР 26 ноября 1926 г., записывается пункт, согласно которому Коммунистическая академия «привлекает к общей работе родственные по цели учреждения и отдельных научных работников марксистов как в пределах Союза ССР, так и за рубежом, а равно оказывает означенным учреждениям и лицам всестороннюю помощь»³². О том значении, которое придавалось во второй половине 20-х годов научно-организационным связям центральных и республиканских научных учреждений, свидетельствует тот факт, что в постановлении ЦК ВКП(б) «О научных кадрах» (1929) предусмотрены специальные меры по расширению таких научных контактов.

Уже в работе первой всеююзной конференции марксистско-ленинских учреждений (март 1928 г.) приняли участие представители Украины, Белоруссии и ЗСФСР. На этой конференции республиканские работники говорили о необходимости установления повседневной организационной и научной связи своих учреждений с Комакадемией, о том, как они нуждаются в помощи центральных учреждений. Один из местных работников заявил: «Эта помощь нам абсолютно нужна, крепко нужна, потому что без этой помощи нам приходится довольно трудно. У нас из старой большевистской гвардии мало работников, которые имели бы теоретический багаж. Помощь в этом отношении нам в высшей степени нужна»³³.

Когда было принято решение о созыве второй Всесоюзной конференции марксистско-ленинских учреждений, представители Украины, Белоруссии и ЗСФСР вошли в состав оргкомитета. Конференция записала в свою резолюцию пункт о том, что Коммунистической академии поручается «возбудить перед соответствующими учреждениями вопрос о создании единого планирующего центра научно-исследовательской работы во всеююзном масштабе, не предпреляя форм осуществления этой плановой увязки»³⁴. Коммунистическая академия была призвана «более энергично выполнять роль всеююзного планирующего и руково-

³¹ См.: Вестн. Ком. анад. 1929. № 4. С. 263.

³² Там же. 1927. № 19. С. 269.

³³ Там же. 1928. № 2. С. 254.

³⁴ Там же, 1929, № 2. С. 250.

дящего центра в марксистско-ленинской научно-исследовательской работе...»³⁵.

Вскоре после конференции ЦК ВКП(б) принял специальное постановление «О мерах по укреплению научной работы в связи с итогами 2-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений», в котором, в частности, говорилось: «В целях дальнейшего развертывания и укрепления научной работы считать необходимым: 1) организовать центр (или постоянное совещание), планирующий научно-исследовательскую работу во всесоюзном масштабе... 2) по линии марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений роль такого планирующего центра возложить на Ком. Академию...»³⁶

Постановление ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма» (1931) побудило Комакадемию, и в частности ее Институт философии, существенно интенсифицировать работу по оказанию помощи местным философским учреждениям. В начале 30-х годов Институт философии принял решение оказать помощь методологического характера Украинскому институту марксизма-ленинизма (Харьков), Белорусской академии наук (Минск), Северо-Кавказскому институту марксизма (Ростов н/Дону), Кафедре марксизма-ленинизма при Украинской академии наук (Киев), Азербайджанскому государственному научно-исследовательскому институту (Баку)³⁷.

Понятия «методологический контроль», «методологическое руководство», «идеологическое руководство», которые стали применяться в начале 30-х годов, — свидетельство начала своеобразного нового этапа во взаимоотношениях центральных и местных философских учреждений. Уже в 1931 г. констатировалось, что «Коммунистическая академия приобретает все больше и больше значение единственного в Союзе методологического научного центра»³⁸ и что «местные и особенно научно-исследовательские учреждения национальных районов все больше и полнее проявляют стремление увязать свою работу с работой Коммунистической академии в целом или с отдельными ее институтами и получить методологическое руководство»³⁹.

Контакты с местными учреждениями Комакадемия рассматривала не просто как свою научно-организационную работу, но и как содержательную форму пропаганды марксизма-ленинизма в масштабах всей страны. В начале 30-х годов новой формой пропаганды марксизма-ленинизма стали так называемые «декадни Комакадемии», которые прошли в Белоруссии, на Урале,

³⁵ См.: Вестн. Ком. акад. 1929. № 2. С. 250.

³⁶ Там же. № 3. С. 282.

³⁷ См.: Там же. 1931. № 4. С. 112.

³⁸ Там же. С. 124.

³⁹ Там же. № 12. С. 77.

на Северном Кавказе, в Средней Азии и т. д., а также «декадни» республиканских учреждений в Москве. К примеру, в мае 1932 г. в Тбилиси состоялся «декадник Комакадемии в Закавказье», который имел целью «укрепить связь Коммунистической академии с научно-исследовательскими институтами республик Закавказской Федерации, помочь местным работникам в марксистско-ленинской разработке проблем советского строительства, экономики, техники, сельского хозяйства, истории философии, мирового хозяйства»⁴⁰. В рамках этого декадника Комакадемия предусмотрела также мероприятия по пропаганде в республиках Закавказья диалектического материализма⁴¹.

К середине 30-х годов Институт философии Коммунистической академии стал приобретать качества центрального философского учреждения, координирующего всю философскую работу в стране. Особенно это стало заметно после объединенного заседания в июне 1933 г. институтов философии и других философских учреждений Москвы, Ленинграда, Украины и Белоруссии с целью дальнейшей координации философской работы в стране⁴².

С точки зрения сегодняшнего дня все, что происходило тогда, в эти годы, в сфере философской культуры, имело весьма скромные масштабы. У самих центральных философских учреждений страны имелись ограниченные возможности влияния на идейно-философскую жизнь и философскую культуру национальных республик. До некоторых регионов это влияние почти не доходило. Повсеместно ощущалась острая нехватка марксистски образованных философских кадров. В большинстве национальных республик самостоятельные философские учреждения еще не конституировались. Научно-исследовательская работа в области философии в заметных масштабах началась лишь в немногих республиках (Украина, Белоруссия, Грузия). В других республиках если и проявлялась активность в сфере философии, то это была, как правило, активность в научно-популяризаторской области. Социалистическая философская культура в республиках в эти годы делала лишь первые шаги. Во всех событиях, связанных со становлением и развитием в переходный период социалистической философской культуры в стране в целом и в отдельных национальных республиках, нельзя не заметить факта капитального исторического значения: все шаги социалистической философской культуры в республиках связаны с политической и практической линией КПСС по осуществлению ленинской национальной политики по преодолению политической, социально-экономической и культурной отсталости бывших

⁴⁰ Там же. 1932. № 4/5. С. 121.

⁴¹ См.: Там же. С. 124.

⁴² См.: Под знаменем марксизма. 1933. № 4,

национальных окраин с помощью партийных и государственных органов, с помощью, как говорилось в резолюции X съезда РКП(б), «ушедшей вперед Центральной России».

* * * * *

Развитие философской культуры в СССР во второй половине 30-х — начале 60-х годов существенно отличается от предшествующего периода. Расширилась сеть философских учреждений, многократно умножилось количество марксистски подготовленных философских кадров и т. д. Наиболее важные изменения были связаны с достижением полной и окончательной победы социализма в СССР.

Начавшаяся в последние предвоенные годы пропаганда философских знаний не только через систему вузов и НИИ, но и через сеть партийного и комсомольского просвещения и различного рода кружков и семинаров приобрела весьма широкие масштабы. Общий тираж популярных философских брошюр стал исчисляться миллионами. В эти годы количественно и качественно выросла прослойка населения СССР с высшим образованием и прослойка научных работников, которая по преимуществу является потребителем философской продукции. В 1939 г. в стране насчитывалось 1,2 млн человек, имевших высшее образование, в 1959 г. — 3,8 млн⁴³. В 1940 г. численность научных работников (включая научно-педагогические кадры) составляла 98,3 тыс. человек, в 1960 г. — 354,2 тыс. человек, из них 10,9 тыс. докторов и 98,3 тыс. кандидатов наук⁴⁴.

Война нанесла тяжелый удар по системе высшего образования в западных районах страны, но эвакуация вузов на Восток позволила укрепить систему высшего образования в национальных республиках Средней Азии и Казахстана, Поволжья и Сибири. В послевоенные годы вузовская система в стране была не только в короткие сроки восстановлена, но и получила дальнейшее развитие. Уже в первый послевоенный учебный год в СССР работали 772 вуза с 560 тыс. студентов, т. е. их было почти столько, сколько до войны. И в послевоенные годы общесоюзные научные центры оказали национальным республикам огромную помощь в развитии системы высшего образования. В плановом порядке в первые послевоенные годы в вузы ранее оккупированных районов направлялись сотни преподавателей, значительная помощь оказывалась также вузам восточных национальных республик.

В 40—50-х годах проходило и в основном закончилось формирование в стране системы академических научных учреждений; филиалы АН в республиках преобразовывались в само-

⁴³ См. Народное хозяйство СССР в 1984 г.: Стат. сб. М., 1984. С. 29.

⁴⁴ См. Там же, С. 103.

стоятельные академии наук республик, образовывались новые филиалы и базы. В 20-х годах в СССР работали лишь две республиканские АН (на Украине и в Белоруссии). В 40-х — начале 60-х годов создаются академии наук в Грузии и Литве (1941), в Узбекистане и Армении (1943), в Казахстане и Азербайджане (1945), в Латвии и Эстонии (1946), в Таджикистане и Туркмении (1951), в Киргизии (1954), в Молдавии (1961).

В самом механизме формирования системы академических учреждений страны — АН СССР → филиал (или база) → республиканская Академия наук — была заложена планомерная организационная, финансовая, кадровая, методологическая помощь центральных научных и философских учреждений республикам. Академия наук направляла для организации научных исследований в республиках свои высококвалифицированные кадры.

В системе академических учреждений страны на протяжении 40-х — первой половины 60-х годов в большинстве республик оформились специализированные философские учреждения, секторы, отделы философии или самостоятельные институты философии.

В конце 40-х — начале 50-х годов крупным центром подготовки философских кадров, в том числе и для союзных республик, становится философский факультет МГУ. В 1951 г. на факультете обучалось 1150 человек, из них 489 человек — на философском отделении, 168 — на психологическом, 272 — на заочном, 69 — в экстернате; в аспирантуре факультета обучалось 152 человека, не считая аспирантов-заочников⁴⁵. Подготовку философских кадров для республик вел также Ленинградский университет. Кроме того, в послевоенные годы философские кадры готовились также в Высшей партийной школе и в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Период второй половины 30-х — начала 60-х годов радикально отличается от предшествующего степенью обеспеченности как центральной части России, так и национальных республик профессиональными философскими кадрами, разрабатывающими научные философские проблемы, преподающими философию и популяризирующими ее в широких слоях общественности. Правда, философских кадров достаточной степени квалификации в эти десятилетия, а особенно в первые послевоенные годы, очень и очень не хватало для удовлетворения реальных потребностей. Согласно выборочной проверке (1945 г.) по 465 периферийным кафедрам социально-экономических наук, в том числе 9 кафедрам философии, 58,3% преподавателей философии не имели ученой степени, лишь 1% преподавателей-обществоведов имел степень доктора наук, 15,8% — кандидата наук⁴⁶.

⁴⁵ См.: *Вопр. философии*. 1951. № 3. С. 214.

⁴⁶ См.: *Вестн. высш. шк.* 1945. № 4, С. 11.

Хотя, как и в 20-е годы, философские кадры, приехавшие на работу в республики, играли весьма значительную роль также в 30—50-х годах, основная тенденция этого периода состояла в непрерывном повышении в республиках удельного веса кадров местных национальностей. Это — один из результатов последовательной, непрерывной, планомерной кадровой политики, вытекающей из ленинской национальной политики. В этом отношении очень примечательно решение Президиума АН СССР, принятое в 1943 г., в разгар Великой Отечественной войны. Президиум АН СССР обязал филиалы АН в Туркмении, Таджикистане и Киргизии развернуть подготовку научных кадров из представителей коренных национальностей через аспирантуру центральных институтов и систематические командировки научных сотрудников в Москву для научной работы, в частности для подготовки диссертаций⁴⁷.

Результаты кадровой политики сказались самым благоприятным образом. В филиалах и на базах Академии наук быстро росли кадры местной национальности. Например, к моменту реорганизации Армянского и Азербайджанского филиалов в республиканских Академиях наук (1943 и 1945) — армяне составляли 85%, а азербайджанцы — 45% общего состава научных сотрудников академий. В Казахстане, Таджикистане, Туркмении и Киргизии процент научных работников местной национальности также неизменно повышался.

Количественные и качественные изменения в философской культуре страны в целом, а также в отдельных республиках привели к тому, что во второй половине 30-х — первой половине 60-х годов появились новые формы научных контактов центральных философских учреждений с республиканскими, новые формы координации в научно-исследовательской, научно-педагогической, популяризаторской работе. По-новому встал и вопрос о помощи республикам со стороны центральных научных и философских учреждений.

Важнейшим каналом идейно-политического и методологического влияния на местные научные учреждения, формой идеологического и методологического руководства, научной и научно-организационной помощи философским учреждениям республик стали в эти десятилетия такие общесоюзные мероприятия, как всесоюзные совещания идеологических и научных работников, а также работников высшей школы. Так, в августе 1945 г. Комитет по делам высшей школы провел в Москве III Всесоюзное совещание — курсы руководителей кафедр социально-экономических наук (первое такое совещание состоялось в 1938 г.) с участием руководителей кафедр марксизма-ленинизма, политической экономии, философии и истории СССР. В курсах участ-

⁴⁷ См.: Вестн. АН СССР. 1943. № 11/12. С. 116—117.

вовало 1200 человек, в том числе 819 руководителей кафедр. Работала специальная философская секция⁴⁸. Как на всех всесоюзных совещаниях, на всесоюзных курсах 1945 г. ставились и решались прежде всего наиболее общие идеологические и теоретические проблемы, в том числе проблемы идейно-философской жизни страны. В то же время эти курсы мыслились и как форма конкретной научной помощи ее участникам со стороны центральных научных и философских учреждений. Участникам этих курсов, работавшим над диссертациями, ведущие московские ученые дали более 500 консультаций.

В послевоенные годы сложилась практика проведения региональных совещаний идеологических и научных работников по обсуждению наиболее важных партийных решений. Так, в 1947 г. по решению ЦК ВКП(б) Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Министерство высшего образования провели совместно с ЦК компартий республик, обкомами ВКП(б) серию республиканских и межобластных совещаний руководителей кафедр и преподавателей общественных наук высших учебных заведений СССР в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Тбилиси, Ташкенте, Ростове, Куйбышеве, Свердловске и Иркутске. С докладами на тему «О задачах преподавания общественных наук и идейно-политическом воспитании студентов высших учебных заведений в связи с решением ЦК ВКП(б) по идеологической работе» выступали ответственные работники Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Министерства высшего образования⁴⁹.

В последующие годы такого рода всесоюзные мероприятия стали проводиться систематически. Академия наук СССР провела в 30—50-е годы ряд мероприятий с целью ориентировать идеологически и методологически местные научные учреждения и координировать научно-исследовательскую работу в стране. Вскоре после войны создается Совет по координации научной деятельности академий наук союзных республик.

После Великой Отечественной войны стал расти в качестве координирующего центра философских исследований Институт философии АН СССР. Для оказания помощи в организации научно-исследовательской работы в республиках и для согласования планов их работы налаживалась двусторонняя связь сотрудников ИФАН и республиканских философских учреждений. После всесоюзной философской дискуссии 1947 г. по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» особенно остро встал вопрос об объединении вокруг Института философии работников «периферии» (в это время такое понятие еще было правомерным), о превращении его в подлинно всесоюзное научное учреждение.

⁴⁸ См.: Вести. высш. шк. 1945. № 4. С. 15.

⁴⁹ См.: Там же. 1947. № 4. С. 19.

С конца 40-х годов существенно увеличились масштабы философских исследований в республиках по основным отраслям философского знания и вместе с тем началась известная специализация республиканских институтов по нескольким теоретическим философским направлениям. При этом показательно, что исследования местных философских учреждений в области истории философии не ограничивались работой над историей общественной и философской мысли той или иной республики, но разрабатывались общие актуальные вопросы марксистско-ленинской философии, что имело очень большое значение для последующего развития философской культуры в союзных республиках.

В конце 40-х — начале 50-х годов на страницах центральной философской печати республиканские философские учреждения нередко критиковались за слабую разработку узловых проблем философской теории, за ограниченность преимущественно историко-философской проблематикой. Отмечалось, что почти совершенно не участвуют в общесоюзной философской работе даже наиболее крупные республиканские институты философии. Но постепенно республиканские философские учреждения стали активнее выходить на всесоюзную арену и вместе с головным институтом философии решать коренные проблемы марксистско-ленинской философской теории.

В конце 40-х годов появилась еще одна существенно новая форма творческого сотрудничества Института философии АН СССР с республиканскими философскими учреждениями — участие республиканских философов в коллективных трудах Института философии. Правда, поначалу работа эта проходила в очень скромных масштабах. В 1953 г. журнал «Вопросы философии» констатировал «совершенно недостаточное привлечение к работе Института философии АН СССР философских кадров, работающих на периферии»⁵⁰. К тому времени философы из ряда республик приняли участие лишь в подготовке материалов для одного коллективного труда института, вышедшего впоследствии под названием «Очерки философской и общественно-политической мысли народов СССР». Проблему участия республиканских философов в трудах общесоюзного значения журнал сформулировал следующим образом: «В союзных республиках имеются философы, которые могли бы принять участие в разработке общих проблем марксистско-ленинской философии и выполнить для Института философии ряд работ по тем разделам плана, которые требуют пополнения»⁵¹.

Вторая половина 50-х годов стала тем рубежом, начиная с которого координационная деятельность головного института

⁵⁰ *Вопр. философии*, 1953, № 5, С. 266.

⁵¹ Там же.

Философии постепенно совершенствовалась. Стали проводиться координационные совещания, согласование и обмен планами научной работы, обсуждения программ, методик и направлений исследований. В эти годы философы многих союзных республик начали активно разрабатывать узловые проблемы марксистско-ленинской философской теории. Многолетние усилия центральных научных и философских учреждений стали приносить свои плоды: уровень социалистической философской культуры в большинстве национальных республик вырос настолько, что философы этих республик смогли активно выходить на «общесоюзную арену», т. е. выпускать труды, вполне сопоставимые по уровню с лучшими трудами, выходящими в Москве и Ленинграде, в других философских центрах.

Дабы избежать неоправданного дублирования и параллелизма в работе республиканских и центральных философских учреждений, П. Н. Федосеев в 1955 г., в то время директор Института философии АН СССР, поставил вопрос о специализации республиканских философских институтов, отделов, секторов академий наук союзных республик и кафедр вузов. На координационном совещании в 1956 г. он высказал тезис, согласно которому головной Институт философии должен не планировать и координировать всю философскую работу в стране, т. е. быть своеобразным «философским Госпланом» или «философским министерством», а координировать лишь ведущие проблемы философской науки и оказывать местным философским учреждениям и кафедрам всемерную помощь в организационной, издательской и иных областях. Возможности оказания такой помощи республиканским философским учреждениям значительно расширились с появлением при Президиуме АН новых научных советов по основным направлениям научно-исследовательской работы, в том числе в сфере философии.

Возникшая идея специализации республиканских философских учреждений отнюдь не означала ограничения проблематики их деятельности. Наоборот, как и прежде, центральные философские учреждения стимулировали расширение разрабатываемой в республиках философской проблематики. А это несомненно оказывало положительное воздействие на рост их философской культуры.

Для второй половины 50-х годов в истории взаимоотношений центральных философских учреждений с республиканскими характерно еще одно качественно новое явление. Понятия «окраина», «провинция», «периферия» стали утрачивать свой былой смысл, в стране началось формирование новых философских центров со своей национально-региональной спецификой в исследовательской проблематике. В конце 50-х — начале 60-х годов такие центры были созданы в Киеве, Тбилиси, Алма-Ате, в других столицах республик. Примечательно для них то, что они

возникли под влиянием и, как правило, при непосредственной помощи ученых Москвы. Казахский советский философ Ж. М. Абдильдин, рассказывая об образовании «казахстанской группы», оригинальность и своеобразие которой проявились в сфере теории материалистической диалектики, и в частности диалектической логики (Ж. М. Абдильдин, М. И. Баканидзе, А. Х. Касымжанов, Л. К. Науменко, Г. А. Югай и др.), писал: «В формировании этой группы, в определении ее исследовательской тематики и отправных точек зрения на предмет и задачи своего исследования большую научную и организационную помощь оказали известные советские философы П. Н. Федосеев, Б. М. Кедров, Ф. В. Константинов, П. В. Коппин, М. М. Розенталь, Е. П. Ситковский, Э. В. Ильенков и др., творческие связи которых с работниками философской науки Казахстана с тех пор продолжали неуклонно укрепляться и развиваться»⁵².

В деле развертывания оригинальных философских исследований на Украине большую роль сыграл П. В. Коппин, бывший с 1962 по 1968 г. директором Института философии АН УССР. В 1955—1961 гг. в Институте философии АН БССР работал крупный советский философ академик Г. Ф. Александров, что также позитивно сказалось на содержании деятельности белорусских философов.

Если к концу 50-х — началу 60-х годов философская культура в национальных республиках достигла таких рубежей, что в некоторых из них начали формироваться новые философские центры всесоюзного значения, то эти поистине исторические события в советской философской культуре оказались возможны потому, что в предшествующие десятилетия Коммунистическая партия, Советское правительство, а также центральные научные и философские учреждения страны оказывали национальным республикам систематическую, целенаправленную, разностороннюю и огромную по масштабам помощь. Разумеется, не всегда объем этой помощи соответствовал возникавшим потребностям. С современной, ретроспективной точки зрения ясно видно, что далеко не все удалось сделать в рассматриваемые десятилетия в деле подъема уровня философской культуры всех народов СССР до уровня философской культуры ее наиболее развитых центров, особенно Москвы; определенный разрыв в этом отношении сохранялся вплоть до начала 60-х годов. Об этом свидетельствует статистика участия философов различных регионов страны в центральном философском журнале «Вопросы философии».

На кафедре марксистско-ленинской философии Ростовского государственного университета были проанализированы «Некоторые количественные параметры журнала „Вопросы философии“».

⁵² Там же. 1975. № 5. С. 152—153.

фии“ за 15-летний период (1952—1966)». Выводы, сделанные авторами статистического анализа о географическом распределении 3500 статей и 2000 авторов, весьма показательны. Список 15 городов, представленных в журнале, помимо Москвы, выглядит следующим образом (использованы и данные за 1967 г.): Ленинград — 195 статей (141 теоретический материал); Киев — 73 и 42; Свердловск — 71 и 35; Тбилиси — 39 и 21; Ростов — 27 и 11; Алма-Ата — 26 и 13; Ереван — 22 и 20; Баку — 20 и 12; Душанбе — 20 и 10; Харьков — 19 и 18; Новосибирск — 16 и 11; Тарту — 15 и 10; Томск — 15 и 10; Минск — 14 и 2; Иваново — 13 и 6⁵².

Статистика показывает, что «в ведущих теоретических разделах журнала... в последние годы наблюдается рост процента статей, написанных периферийными авторами...»⁵⁴. Но все-таки в конце 50-х — начале 60-х годов Москва оставалась главным философским центром: 70% публикаций приходится на долю авторов из Москвы и только 30% — на периферию. «В период 1956—1964 годов эта величина в 30% остается неизменной (с небольшими колебаниями), а в последние годы показывает тенденцию к росту»⁵⁵. Если же взять данные не только по Москве, но по РСФСР, то окажется, что в конце 50-х — начале 60-х годов эта республика оставалась, как и в прежние десятилетия, безусловно, ведущей в «философском производстве» всей страны. Следовательно, она оставалась республикой реально способной оказывать и оказывавшей в этой сфере помощь другим республикам.

* * * * *

Результатом революционно-преобразующей деятельности народов СССР под руководством Коммунистической партии явилась полная и окончательная победа социализма в нашей стране, появление новой социальной и интернациональной общности людей — советского народа, устранение былого национального неравноправия, утверждение фактического и юридического равенства, дружбы и братства всех наций и народностей, выход страны на новые исторические рубежи. В настоящее время в порядок дня выдвинулись задачи «всестороннего совершенствования социалистического общества, более полного и эффективного использования его возможностей и преимуществ»⁵⁶. На современном этапе исторического развития КПСС «исходит из того, что последовательное проведение ленинской национальной политики, всемерное укрепление дружбы народов — составная часть совершенствования социализма, проверенный обществен-

⁵² См.: Там же. 1968. № 6. С. 152.

⁵⁴ См.: Там же.

⁵⁵ Там же. С. 151—152.

⁵⁶ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 128.

ной практикой путь к дальнейшему процветанию нашей многонациональной социалистической Родины»³⁷. В числе задач по совершенствованию национальных отношений КПСС предусматривает «развитие социалистической по содержанию, многообразной по национальным формам, интернационалистской по духу единой культуры советского народа на базе лучших достижений и самобытных прогрессивных традиций народов СССР»³⁸. Достижение высокого уровня развития философской культуры в стране в целом, во всех национальных республиках, сближение уровней этих культур, их выравнивание также является одним из признаков развития единой культуры советского народа. В настоящее время в СССР нет ни одной народности, у которой за годы Советской власти не выросла бы своя национальная интеллигенция. На этой базе во всех национальных регионах сформировалась своя философская общественность.

За последние полтора десятилетия в стране еще более усовершенствовалась и развилась сеть научных учреждений академий наук союзных республик. В настоящее время в 13 союзных республиках есть специальные академические философские учреждения (институты философии). В Таджикистане и Эстонии функционируют отделы философии.

В декабре 1971 г. в Москве состоялся Учредительный съезд Философского общества СССР. Создание этого общества явилось немаловажным событием. До его создания наблюдалась известная разобщенность между философами, работавшими в системе вузов и академий наук. Создание философского общества способствовало большей консолидации всех философских сил на местах.

В настоящее время основными формами помощи центральных философских учреждений в подготовке национальных кадров являются обучение на философских факультетах МГУ, ЛГУ и других центральных вузов РСФСР, обучение в целевой аспирантуре и докторантуре. В самые последние годы стал получать развитие институт стажировки местных научных и научно-педагогических кадров в системе центральных научных учреждений АН СССР для повышения их квалификации.

На более высокий уровень, нежели в предшествующие десятилетия, поднялась координационная работа в области философии в масштабах всей страны. В 60-х годах Институт философии активно проводил в жизнь идею сочетания проблем, характерных для данной республики, с общеполитическими. В 1969 г. тогдашний директор Института философии АН СССР П. В. Копнин рекомендовал философским учреждениям союзных республик работать в двух основных направлениях: «1) разрабатывать

³⁷ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 157.

³⁸ Там же.

проблемы, связанные со спецификой республик, например проблемы истории философской мысли, вопросы национальных взаимоотношений и т. п.; 2) разрабатывать определенные общеполитические проблемы, вопросы диалектического и исторического материализма»⁵⁹. Работая в этих двух направлениях, философские учреждения союзных республик сохраняют тем самым интернациональный характер всей научно-исследовательской работы в сфере марксистско-ленинской философии, а вместе с тем свою регионально-национальную специфику, связанную с особенностями той или иной республики.

Поскольку повсюду на местах выросли квалифицированные философские кадры, окрепли специализированные философские учреждения, в настоящее время характер взаимоотношений центра с национальными республиками стал существенно иным по сравнению с прошлыми десятилетиями, стали иными формы помощи, которую оказывают центральные научные и философские учреждения республиканским: все более и более исчезает былая односторонняя связь центр → периферия; все более теряет свой смысл само понятие «философской периферии», все большее значение приобретают двусторонние, обоюдодополнительные философские связи между центральными и республиканскими учреждениями, взаимопомощь в научно-исследовательской и популяризаторской работе. На качественно новый уровень поднялась координационная деятельность центральных и республиканских философских учреждений. Теперь все чаще обсуждаются вопросы о совместных исследованиях головных научных учреждений страны и научных работников союзных республик.

В последние годы в широкую практику вошли специальные координационные совещания, крупные научные конференции, специализированные симпозиумы, коллоквиумы; более систематическими стали обмен научной информацией и планами научно-исследовательской работы, согласование исследовательской тематики, широко практикуется участие философов союзных республик в трудах, подготавливаемых центральными философскими учреждениями, и, наоборот, философов из Москвы, Ленинграда, других городов РСФСР в республиканских трудах; обмен опытом через научные командировки стал обычным явлением в деятельности всех философских учреждений страны.

В декабре 1984 г. в Институте философии АН СССР состоялось III Всесоюзное координационное совещание руководителей философских учреждений СССР, которое подвело итоги проведенной координационной работы и выработало план «Координации основных направлений научно-исследовательской деятельности философских учреждений страны на 1986—1990 годы». На совещании отмечалось, что в настоящее время Институт фи-

⁵⁹ См.: *Вопр. философии*, 1989, № 8, С. 155.

лософии АН СССР является головным философским учреждением страны, более полно и эффективно, нежели в прошлом, осуществляющим координационные функции, в частности, на уровне республиканских институтов философии. На этом совещании была обоснована новая концепция совместной работы головного и региональных институтов философии, согласно которой под координацией следует понимать не только и не столько совместное написание трудов, сколько договоренность о важнейших направлениях исследований, известном разделении труда, обсуждении проблем и взаимной информации, имея в виду следующие основные направления современного философского поиска в стране: 1) философия, мировоззрение и повышение трудовой и общественно-политической активности трудящихся, 2) философия, специальные науки и ускорение научно-технического прогресса, 3) философия и научный коммунизм, развитие общества и совершенствование управления, 4) философия, культура и будущее цивилизации, 5) философия как наука, ее история и внутренняя логика ее развития.

Постановка общесоюзной координационной работы в области философии на такой высокий уровень — одно из доказательств мощного подъема философской культуры во всех республиках в нынешний исторический период.

* * * * *

Расцвет философской культуры народов СССР, непрерывный рост многонациональных философских кадров, постоянное укрепление материальной и организационной базы для научно-исследовательской и популяризаторской работы в области философии — одна из закономерностей общественного развития страны за годы Советской власти. В стране развернута широкая сеть специализированных научно-исследовательских философских учреждений и высших учебных заведений, в которых ведется преподавание философских дисциплин, и также научно-исследовательская работа. Бурный рост философской культуры во всех союзных и автономных республиках, широкое и повсеместное распространение философских знаний, приобщение к ним новой, огромной по своим масштабам аудитории, непрерывный подъем в республиках популяризаторской и научно-исследовательской работы во всех отраслях марксистско-ленинской философии является одним из ярких проявлений тех огромных достижений, которых добились народы СССР за годы Советской власти.

Если вспомнить об исходных рубежах, с которых начиналось наступление на культурном фронте, то сухие статистические данные о росте специализированных философских учреждений, о повсеместном росте философских кадров приобретают огромный исторический смысл: за годы Советской власти наша страна прошла путь от почти повсеместной поголовной неграмотности

в большинстве национальных регионов до распространения основ философских знаний не только в среде интеллигенции, но и в широких слоях населения.

Успехи в развитии философской культуры народов СССР, которыми мы ныне гордимся, пришли не сразу. Социалистическое строительство в стране, одним из компонентов которого стало формирование новой культуры, началось в неодинаковых для наших народов исторических обстоятельствах. Не все советские республики двинулись по новому пути одновременно, и стартовали они с неодинаковых позиций; у разных народов был различный (но в целом весьма низкий) уровень развития экономики и культуры, и двигались они к новым рубежам разными темпами. Но каким бы специфическим ни было развитие отдельных советских народов, развитие их философской культуры шло по общим законам общественного развития, сначала в переходный период от капитализма к социализму, затем по законам развития социалистического общества.

Опыт Советского Союза показывает, что народам, у которых в прошлом прочные философские традиции еще не сложились, приходится преодолевать в процессе становления социалистической философской культуры огромные трудности. Но тот же опыт подсказывает, что в условиях социализма эти трудности вполне преодолимы в короткие исторические сроки. Народы СССР преодолели эти трудности, опираясь на помощь великого русского народа, на материальную базу, научные и философские учреждения РСФСР — первой среди равных республик Союза.

Ныне сближение уровней философской культуры в различных регионах страны выступает все более явной закономерностью развития духовной жизни советского общества. Нет по существу ни одной отрасли философского знания, в разработке которой в той или иной степени не участвовали бы философы из союзных и автономных республик. Когда-то философы из союзных республик сравнительно редко выступали на страницах центральных философских журналов. Теперь, как об этом свидетельствуют номера журнала «Вопросы философии», специально посвященные философской науке в той или иной республике, им по плечу подготовка интереснейших работ по самым сложным проблемам философской теории. Более того, в ряде случаев ученые с бывшей философской периферии выступают ныне пионерами в разработке новых проблем марксистско-ленинской философской теории. Вместе с философами Москвы, Ленинграда, других философских центров они активно участвуют в работе международных философских конгрессов.

Общий подъем уровня философской культуры в стране проявляется также в повышении во всем объеме выходящей в республиках философской литературы удельного веса трудов исследо-

вательского характера по сравнению с работами популярными, комментаторскими.

Было время, когда в силу необходимости ликвидации элементарной политической неграмотности или малограмотности не только широких беспартийных и партийных масс, но и партийного актива, в интересах распространения и утверждения в стране основных принципов политики и идеологии партии и Советского государства, в условиях острой нехватки марксистски подготовленных кадров популяризаторская и комментаторская работа по проблемам марксистско-ленинской теории, в том числе и философии, выдвигалась на первый план. Исторически это был неизбежный этап. Сейчас преподавательская, популяризаторская, пропагандистская деятельность философов союзных и автономных республик стала еще более интенсивной и многогранной, чем прежде. И в будущем этот участок работы останется одним из наиболее важных. По тому, как будет поставлено дело в этой сфере, можно будет судить и о дальнейшем развитии философской культуры в республиках. Однако уже наступило время, когда период развития философии в союзных и во многих автономных республиках по преимуществу, а иногда и исключительно комментаторский и популяризаторский закончился. Ныне многие философы союзных и автономных республик вносят в общесоюзную сокровищницу философских знаний свой оригинальный, творческий вклад.

Одной из важнейших закономерностей философской жизни нашей страны в современный период является ее всевозрастающая интернационализация. С первых дней своего существования советская философия является интернациональной по принципам, хотя, разумеется, развитию марксистско-ленинской философии в СССР, взятой в широком контексте всей философской культуры, были присущи и некоторые специфические особенности, объясняемые в частности своеобразием предшествующего национального философского наследия, а также историческими условиями развития общества, первым вставшего на неизведанный путь социализма. Сейчас же интернациональный характер советской философии, всей философской культуры в стране стал очевидным. Во всех республиках бок о бок трудятся философы самых различных национальностей. В центральных же философских учреждениях страны среди ведущих советских философов работают многие представители разных национальностей. Советские философы, к какой бы национальности они ни принадлежали и в какой бы области философии ни работали, делают одно общее дело — разрабатывают проблемы философии марксизма-ленинизма как единого интернационального учения.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

УКРАИНСКАЯ, БЕЛОРУССКАЯ, МОЛДАВСКАЯ
СОВЕТСКИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСПУБЛИКИ

1

Украинская ССР

Великая Октябрьская социалистическая революция осуществила коренной переворот в духовной жизни украинского народа. Она создала широкие возможности для развития науки, литературы, философской мысли на Украине.

Победа Великого Октября вызвала ожесточенное сопротивление со стороны свергнутых эксплуататорских классов. Ненависть к Советской власти, революционному марксизму привела к созданию общего фронта, начиная от монархистов и кончая мелкобуржуазными партиями эсеров и меньшевиков. Опасную реакционную силу на Украине представляли различные буржуазно-националистические группировки.

В связи с тем что идеологи буржуазии и ревизионисты искаженно освещали Октябрьскую революцию, наиболее острым и злободневным вопросом идеологической борьбы с первых дней существования Советской власти стал вопрос о характере Великой Октябрьской социалистической революции, о сущности государственной власти после перехода ее в руки революционного народа, о функциях диктатуры пролетариата. Внимание работников идеологического фронта было сосредоточено на вопросах, связанных с принципиальным различием между буржуазной и социалистической революциями, с условиями осуществления социалистической революции, ее движущими силами, ролью пролетариата, его партии и союзников в революции.

Защите основополагающих идей марксистско-ленинского учения огромное значение придавала Коммунистическая партия Украины. Решения и резолюции руководящих органов Компартии Украины, отображающие и конкретизирующие постановления высших органов партии — съездов КПСС и ее Центрального Комитета, — были конкретной программой творческой деятельности украинских марксистских кадров, деятелей науки и культуры, всего украинского народа.

Большую роль в идейной и культурной жизни республики сыграли выдающиеся партийные и государственные деятели — В. П. Затонский, Э. И. Квиринг, С. В. Косиор, Д. Э. Мануильский, Г. И. Петровский, П. П. Постышев, Н. А. Скрыпник, А. Г. Шлихтер, В. Я. Чубарь, И. Э. Якир, Я. А. Яковлев и др. Много внимания уделяли они теоретическому обобщению практики социалистического строительства, творческой разработке марксистско-

ленинской теории о закономерностях перехода от капитализма к социализму. Такие произведения Д. Мануильского, как «Национально-колониальный вопрос» (Харьков, 1924), «Энгельс в борьбе за революционный марксизм» (М., 1935), «История пролетарской революции на Украине» (Харьков, 1923), «За ленинскую философию» (Харьков, 1931), Н. Скрыпника «Ленин как ученый» (Харьков, 1932), В. Затонского «Национальная проблема на Украине» (Харьков, 1926) и др., сыграли важную роль в борьбе за чистоту марксистско-ленинского учения, в пропаганде марксистско-ленинских идей среди трудящихся республики.

В первые же годы Советской власти на Украине партия обратила серьезное внимание на создание специальных центров по разработке и пропаганде теоретических вопросов марксистско-ленинского учения. В 1921 г. в Харькове была создана кафедра марксизма и марксоведения. Это была первая на Украине организация, призванная разрабатывать теоретические, в том числе и философские, проблемы марксизма. В конце 1922 г. эта кафедра была реорганизована в Украинский институт марксизма-ленинизма (УИМЛ), в составе которого функционировало философско-социологическое отделение. В последующем (1931 г.) это отделение было преобразовано в Институт философии и естествознания, а в 1933 г.— в Институт философии, которые входили в состав Всеукраинской ассоциации марксистско-ленинских научно-исследовательских институтов (ВУАМЛИН).

В 1919 г. была создана Всеукраинская академия наук. Поскольку в ее составе вначале не было каких-либо специальных философских учреждений, проблемы философии в той или иной мере разрабатывались представителями других общественных наук. В социально-экономическом, историко-филологическом и других отделениях АН УССР изучались проблемы, связанные с переосмыслением с позиций диалектического и исторического материализма истории Украины, ее культуры, литературы и искусства. Ряд видных украинских ученых обращается к разработке истории украинской философской и общественно-политической мысли (Д. И. Багалей, Н. Ф. Сумцов). В 1926 г. при АН УССР была создана кафедра марксизма-ленинизма. Во главе ее философско-социологической секции встал С. Ю. Семковский. Члены секции занимались разработкой методологических проблем естествознания, истории диалектики, социологией государства и права, исследованием различных форм общественного сознания. В 1924 г. начала работать Комиссия философии при АН УССР, обратившая особое внимание на исследование философских вопросов естествознания и критику буржуазной идеологии, в частности буржуазного национализма и фашизма.

Многие представители общественных наук, сложившиеся как ученые еще в предреволюционное время, после Октябрьской революции искренне стремились воспринять и усвоить новое миро-

воззрение — диалектический и исторический материализм. Происходит мучительный процесс переоценки ценностей, который несомненно сыграл большую роль в активизации творческой философской мысли в республике. Попыткой освободиться от старых, идеалистических пут является работа А. М. Гилярова «Схема истории философии в освещении исторического материализма» (1926). Под его руководством несколько лет работал семинар социальной философии, занимавшийся проблемами методологии общественных наук, литературы, искусства, соотношения диалектического материализма и логики, критики буржуазной философии и социологии. К участию в семинаре привлекаются молодые ученые. Члены семинара В. Ф. Асмус, М. А. Дынник, П. И. Перливи издадут ряд монографических исследований.

Большое значение для развития исследований в области диалектического материализма на Украине, как и во всей стране, имели выход в свет в 1922 г. статьи В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма», а в 1925 г. фрагмента «О диалектике», издание в 1925 и 1929 гг. книги Ф. Энгельса «Диалектика природы», а в 1929—1930 гг. «Философских тетрадей» В. И. Ленина.

Большую роль в пропаганде марксистско-ленинских знаний сыграла украинская партийная пресса: журналы «Большовик України», «Прапор марксизму», «Безвірник», республиканские и областные газеты.

Несмотря на все более широкое распространение ленинских трудов среди трудящихся и особенно учащейся молодежи, находилось еще немало враждебно настроенных, преимущественно оппортунистических деятелей, в том числе и в среде членов партии, которые пытались отрицать ленинский этап в развитии философии марксизма, принизить значение В. И. Ленина как гениального теоретика марксизма, отводя ему роль «политика-практика». Поэтому актуально было не только признание мысли о том, что теория социалистической революции, диктатуры пролетариата органически входит в содержание ленинского идейного наследия, но и утверждение идеи о том, что философские труды В. И. Ленина составляют новый, ленинский, этап в развитии марксистской философии. Исключительно важное значение в этой связи имела постановка партией вопроса о необходимости глубокого изучения всеми трудящимися ленинского теоретического наследия. В соответствии с решениями XIII съезда ВКП(б) IX съезд КП(б)У (1925 г.) ставит вопрос о необходимости в ближайшее время издать произведения В. И. Ленина на украинском языке.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина о необходимости развертывания материалистической и атеистической пропаганды, непримиримого отношения к каким-либо проявлениям идеалистической и религиозной идеологии, философы Украины в начале 20-х годов выпускают в свет ряд книг, хрестоматий, брошюр, про-

пагандирующих основные положения диалектического и исторического материализма. Среди них «Марксистская хрестоматия» (1922) С. Семковского, «Хрестоматия ленинизма» (1925) под редакцией С. Гопнер и Э. Квиринга и др. В конце 20-х — начале 30-х годов на Украине появляется ряд значительных коллективных произведений, освещающих важнейшие проблемы диалектического и исторического материализма¹. Достижения в разработке проблем диалектического и исторического материализма были обобщены и систематизированы в ряде учебных пособий для высшей школы. Одним из них была книга В. Бойко «Диалектический материализм» (Харьков, 1929—1930. Ч. 1—2). Дальнейшим шагом в подготовке обобщающих работ по диалектическому материализму стало издание в 1932 г. учебника «Диалектический материализм», в котором были учтены итоги философской дискуссии начала 30-х годов.

В ряде работ конца 20-х годов на Украине, как и в стране в целом, имели место недооценка диалектики как философской науки, механистические отступления от диалектического материализма. Подвергая критике механистический уклон, некоторые советские философы, в том числе и работавшие на Украине, призывали к разработке актуальных проблем диалектики. Однако, пытаясь материалистически переработать диалектику Гегеля, некоторые из них скатывались в другую крайность, превращая диалектический материализм в абстрактно-схоластическую схему, оторванную от общественно-исторической практики и развития современного естествознания.

Постановления ЦК ВКП(б) «О журнале „Под знаменем марксизма“» и ЦК КП(б)У «О работе Украинского института марксизма-ленинизма» содействовали преодолению этих отступлений, нацелив советских философов на разработку актуальных проблем, связанных с практикой социалистического строительства.

Значительную работу проводили украинские ученые по переосмысливанию с позиций марксистской философии достижений естественных наук. Многие естествоиспытатели, стоявшие ранее на позициях стихийного материализма, стали на путь усвоения диалектического материализма как философской основы современного естествознания. В работах философов и естествоиспытателей Украины содержалось довольно глубокое понимание философского смысла новых физических теорий — теории относительности, квантовой механики, квантовой электродинамики. Широкую известность среди философов и естествоиспытателей получили работы С. Семковского «Теория относительности и материализм» (Харьков, 1924), «Диалектический материализм и прин-

¹ См.: Возникнувший материализм. Харьков, 1929; Критика современной буржуазной науки и марксизм. Харьков, 1929; Философия и политика, Харьков; Киев, 1930; Марксизм и естествознание, Харьков, 1933.

цип относительности» (М.: Л., 1926), «Физика и химия как науки в свете марксизма» (Киев, 1933). В этих работах по существу впервые в советской литературе сделана попытка дать марксистский анализ фактического содержания теории относительности. Однако в них имелись и серьезные недостатки. В частности, недооценивалось значение трудов В. И. Ленина для дальнейшего развития современного естествознания. Серьезное значение для утверждения марксистского мировоззрения среди естествоиспытателей имели также работы В. А. Юринца («Философско-социологические очерки», 1930) и В. П. Затонского («Социалистическое строительство и химия», 1933) и др.

Интенсивный процесс овладения диалектико-материалистическим мировоззрением происходил в 20-х годах в среде украинских ученых-биологов. Академики В. Н. Любименко, Д. К. Третьяков, Н. Г. Холодный, профессор А. А. Коршиков настойчиво отстаивают и пропагандируют материалистические основы теории Дарвина. При этом дарвинизм в их работах рассматривается не как самодовлеющее учение, а как естественнонаучная основа диалектического материализма. Так, А. Коршиков усматривает задачу своей работы «Теория эволюции в историческом изложении» (Харьков; Одесса, 1930) в том, чтобы «показать эволюционную теорию не просто как научную теорию, а как составную часть материалистического мировоззрения». Творчески развивает эволюционную теорию Дарвина выдающийся ученый в области микробиологии и физиологии растений Н. Холодный («Фитогормоны». Киев, 1939; «Дарвинизм и эволюционная физиология». Ереван, 1943; Железобактерии. М., 1953; и др.).

Утверждению диалектико-материалистических идей в биологии, борьбе против идеалистических толкований закономерностей развития живой природы способствовали также работы А. А. Богомольца в области патологической физиологии, А. В. Палладина в области биохимии мускульной деятельности и головного мозга, А. М. Никольского в области зоологии, М. Ф. Кащенко в области выведения новых сортов растений и их акклиматизации.

Большое внимание уделяли украинские философы критике буржуазной философии, разоблачению различного рода извращений марксистско-ленинской теории. Показательна в этом отношении работа П. Демчука «Разложение современной буржуазной философии» (Харьков, 1931). Критике современной буржуазной философии, социологии и международного ревизионизма были посвящены многие статьи, опубликованные в республиканских журналах. В 1927—1929 гг. в журнале «Червоний шлях» были опубликованы статьи против прагматизма, бергсонизма, каутскианства и других идеалистических течений (Н. Билярчик, В. Державин, Я. Блудов, Т. Степовой).

В годы Великой Отечественной войны философы Советской Украины выполнили большую работу по разоблачению человеко-

монография «Торжество идеологии дружбы народов на Украине» (Киев, 1953) и книга И. Е. Кравцева «Пролетарский интернационализм, отечество и патриотизм» (Киев, 1965). Важное значение в исследовании проблем интернационального воспитания трудящихся придается критике извращений марксистско-ленинского учения о нациях, разоблачению реакционности шовинизма и буржуазного национализма. Реакционный характер идеологии украинского буржуазного национализма разоблачает книга В. Е. Евдокименко «Критика идейных основ украинского буржуазного национализма» (Киев, 1967).

В эстетических исследованиях украинских философов преобладали проблемы, связанные с вопросами специфики художественного творчества⁷, с анализом принципов народности и партийности искусства, роли передового мировоззрения в творчестве⁸. С позиций марксистско-ленинского учения о диалектике свободы и необходимости анализировались закономерности художественно-эстетического воспроизведения жизни. Анализ ленинских эстетических идей, эстетические взгляды Г. В. Плеханова, В. В. Воробского стали предметом специальных работ. Исследовалось философско-эстетическое наследие прошлого⁹. В поле зрения украинских философов находятся многие проблемы эстетики: теоретические проблемы художественного освоения действительности, влияние эстетического на мораль, на формирование нового отношения к труду, важнейшие категории марксистско-ленинской эстетики, специфика проявления прекрасного в различных сферах человеческой деятельности, проблемы технической эстетики. Положительная разработка проблем марксистско-ленинской эстетики сочетается с критическим анализом современных буржуазных эстетических концепций регресса искусства, вытеснения его наукой и техникой и т. д.

В конце 50-х — первой половине 60-х годов усилилось внимание украинских философов к проблемам этики. В этой области ведется научный анализ принципов коммунистической морали, разоблачается антинародный характер буржуазной морали, исследуются пути преодоления пережитков капитализма в сознании советских людей. Характерной чертой исследований становится интерес к теоретическим проблемам этики, к изучению различных аспектов основных этических категорий¹⁰.

⁷ См.: *Кубланов Б. Г.* Гносеологическая природа литературы и искусства. Львов, 1958; *Кудин В. А.* Эстетика. Киев, 1962.

⁸ См.: *Гончаренко Н. В.* Проблема народности литературы и искусства в марксистско-ленинской эстетике. Киев, 1959; *Антоненко В. Г.* Роль передового мировоззрения в творчестве писателей. Киев, 1959; *Искусство на службе коммунистического воспитания.* Киев, 1962.

⁹ *Переверий В. Ф.* Украинская революционно-демократическая эстетика. Киев, 1964.

¹⁰ См.: *Федоренко Е. Г.* Основы марксистско-ленинской этики. Киев, 1965; и др.

Большая работа проводилась в эти годы в области истории философской и социологической мысли на Украине. Положено начало углубленному изучению истории философской и общественно-политической мысли на Украине в XVII—XVIII вв. Издано наиболее полное собрание сочинений украинского философа-гуманиста Г. С. Сковороды (Киев, 1961. Т. I—II). Значительное внимание уделялось исследованию революционно-демократической мысли на Украине. В частности, был подготовлен цикл работ, посвященных различным аспектам мировоззрения великого украинского поэта Т. Г. Шевченко¹¹. Освещены философские, общественно-политические, эстетические и атеистические взгляды И. Я. Франко, Леси Украинки, М. М. Коцюбинского, П. А. Грабовского, Панаса Мирного, М. Павлыка и др.

В 1966 г. Институтом философии АН УССР под руководством Д. Ф. Острянина издан «Очерк истории философии на Украине», в котором впервые в систематическом виде освещено развитие философской мысли на Украине с древнейших времен и до наших дней. Наряду с уже исследованными проблемами истории философии на Украине большое внимание в «Очерке» уделено таким малоосвещенным вопросам, как развитие идеалистических течений в XVIII—XIX вв., борьба за материализм в естествознании, утверждение и развитие марксистско-ленинской философии на Украине в послеоктябрьский период.

Среди других проблем истории философии важное место занимают методологические вопросы историко-философского исследования, идейные связи украинских философов с передовой философской мыслью славянских народов¹².

Значительная исследовательская работа по выявлению исторических путей возникновения и развития атеизма проводилась сотрудниками отдела атеизма Института философии АН УССР, кафедры атеизма Киевского университета, работниками других кафедр вузов республики. Широко практикуются социологические исследования в области атеизма. В целом ряде работ обосновываются методы и средства борьбы против религиозных пережитков в сознании советских людей.

Особенно плодотворно философская мысль на Украине начала развиваться с середины 60-х годов. Важное значение для расширения и углубления философских исследований в республике имело постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (1967), а также конкретизировавшее его приме-

¹¹ См.: *Новиков М. И.* Общественно-политические и философские взгляды Т. Г. Шевченко. М., 1961; *Назаренко И. Д.* Общественно-политические, философские и атеистические взгляды Т. Г. Шевченко. М., 1961; *Шаблюевский Е. С.* Т. Г. Шевченко и русские революционные демократы. М., 1962; *Кириллюк Е. П.* Т. Г. Шевченко. Биография. Киев, 1964; и др.

¹² См.: *Из истории философской мысли на Украине.* Киев, 1965.

нительно к задачам развития философской науки в УССР постановление ЦК Компартии Украины «О мерах по дальнейшему развитию научных исследований в области марксистско-ленинской философии и улучшению ее преподавания в вузах республики» (1969).

В свете этих постановлений усилия ученых Института философии АН УССР, кафедр философии вузов республики были направлены на теоретическое решение фундаментальных философских проблем, непосредственно связанных с практикой коммунистического строительства и задачами идеологической борьбы. Прежде всего, расширился фронт научных исследований на магистральных направлениях марксистско-ленинской философии — диалектического и исторического материализма. В Институте философии начали разрабатываться актуальные проблемы теории научного коммунизма и социальной психологии. Более разнообразной стала тематика по этике и научному атеизму, усилилась критика буржуазной философии и идеологии антикоммунизма, получили дальнейшее развитие конкретные социологические исследования.

В центре научной деятельности Института философии АН УССР и ряда вузовских кафедр находятся исследования диалектического материализма как научного мировоззрения и революционного метода познания и преобразования мира; материалистической диалектики как методологии современной науки и общественно-исторической практики; исторического материализма как общесоциологической теории и методологии познания общественных явлений и прогнозирования социальных процессов. Значительно расширилась научная проблематика, охватывающая исследования диалектики современного общественного развития, глубинных социальных процессов, закономерностей развития социалистического общества, его перерастания в коммунизм.

В частности, коллектив Института философии АН УССР уделил особое внимание исследованию философско-социологических проблем научно-технической революции. В результате комплексного исследования подготовлен и издан ряд фундаментальных монографий: «Научно-техническая революция: личность, деятельность, коллектив. Социально-психологический аспект» (1975); «Современная научно-техническая революция и искусство» (1975); «Философско-социологические проблемы современной научно-технической революции» (1976); «Научно-техническая революция и современное естествознание» (1978); «Научно-техническая революция и формирование атеистического мировоззрения» (1980). В них раскрыта сущность НТР как специфического общественно-исторического явления, проанализированы различные аспекты соединения ее достижений с преимуществами социалистического строя, показана несовместимость тех возможностей, которые несет с собою НТР, с капиталистическими общественными

ми отношениями, вскрыта диалектика социально-исторического и научно-технического прогресса. Дальнейшее развертывание НТР рассматривается сквозь призму ее влияния на все формы практического и духовного освоения человеком мира, на формирование и развитие социалистического образа жизни, на социально-психологическое состояние общества.

Большое внимание в 70—80-е годы уделялось также вопросам, связанным с закономерностями формирования нового человека, становления духовного мира личности, ее способностей и потребностей, утверждением принципов трудового, нравственного, интернационально-патриотического воспитания трудящихся, особенно подрастающего поколения.

В области диалектического материализма и его методологической функции в естественных и общественных науках исследовались актуальные проблемы теории и истории материалистической диалектики.

Большую научную ценность представляет цикл работ по теме «Мировоззренческие проблемы материалистической диалектики и методология социального познания», подготовленный коллективом исследователей. Цикл включает монографии В. И. Шинкарука «Единство диалектики, логики и теории познания. Введение в диалектическую логику» (1977); «Человек и мир человека. Категории „человек“ и „мир“ в системе научного мировоззрения» (1977); В. П. Иванова «Человеческая деятельность — познание — искусство» (1977); В. Г. Табачковского «Критика идеалистических интерпретаций практики» (1976); А. И. Яценко «Целеполагание и идеалы» (1977); «Социально-исторические и мировоззренческие аспекты философских категорий» (1978); «Категории диалектики, их развитие и функции» (1980); М. А. Булатова «Философские категории и понятия» (1981); В. В. Косолапова «Методология и логика исторического исследования» (1977) и «Методология социального прогнозирования» (1981). В развитие идей этого цикла в 80-е годы опубликованы работы: «Диалектика деятельности и культуры» (1983); «Категории философии и категории культуры» (1983); «Категориальные структуры познания и практики» (1986) и др. Важнейшей задачей этих исследований было выяснение сущности и основных функций диалектики. В них раскрывается социально-историческое и мировоззренческое содержание марксистско-ленинской диалектики, показывается происхождение категорий на основе предметной деятельности человека и форм социального общения. На базе анализа данных психологии, языкознания, истории техники и других наук разработана типология категорий. В контексте идеи развития показана внутренняя связь различных типов категоризации, исследованы способы систематизации категорий (центрированная, линейная, круговая, структурная), определены границы взаимовлияния категориальных структур мышления и язык-

ковых форм. В этом плане исследованы соотношение логических категорий и понятий, формы существования понятий (дефиниция, концепция, теория), их важнейшая роль в системе мыслительных форм.

Значение научных результатов, полученных в работах по мировоззренческим проблемам диалектики, категориальной структуре научного мировоззрения и методологии социального познания, не ограничивается областью сугубо мировоззренческих вопросов. Рассмотрение каждого из вопросов в монографиях упомянутого цикла завершается выводами методологического характера. В то же время все проблемы диалектико-материалистической методологии выводятся на уровень фундаментальных мировоззренческих положений. Тем самым программа выполненных исследований по мировоззренческим проблемам диалектики обеспечивает осмысление коренных проблем теории диалектики как целостной мировоззренческой и методологической системы.

Кроме того, исследовались и некоторые другие важные аспекты диалектического материализма. В частности, продолжено дальнейшее изучение диалектического материализма как общего метода познания и преобразования действительности¹³. Исследование способов применения законов и категорий материалистической диалектики к анализу современного уровня научного познания и форм научного мышления привели к созданию коллективных работ «Материалистическая диалектика и концепция дополнительности» (1975); «Диалектический материализм и естественнонаучная картина мира» (1976). Изучение специфических приемов и методов научного исследования в области естественных и гуманитарных наук легло в основу монографий «Логика и гуманитарные науки» (1971); Н. П. Депенчука «Материалистическая диалектика и методы биологического исследования» (1973); М. В. Поповича «Философские вопросы семантики» (1975); «Философский анализ особенностей развития современного естествознания» (1984); «Методологические аспекты пограничных проблем естествознания» (1984); «Методологические аспекты естественнонаучных исследований» (1985); «Методологический анализ физического познания» (1985) и др.

Сотрудниками института проанализирована структура современного научного знания в коллективных монографиях «Мето-

¹³ См.: Материалистическая диалектика и актуальные вопросы общественной практики и научного познания. Киев, 1973; Диалектический материализм — методологическая основа теоретического естествознания. Киев, 1976; Диалектический и исторический материализм — философская основа коммунистического мировоззрения. Киев, 1977; Материалистическая диалектика и структура естественнонаучного знания. Киев, 1980; *Евтушенко А. И.* Философия и коммунистическое мировоззрение. Львов, 1980; Научная картина мира: логико-гносеологический аспект. Киев, 1983; *Шинкарук В. И., Яценко А. И.* Гуманизм диалектико-материалистического мировоззрения. Киев, 1984; и др.

дологические вопросы современной биологии» (1970), «Методологический анализ теоретических и экспериментальных оснований физики гравитации» (1973), «Гносеологический анализ структуры естественнонаучного знания» (1981) и др. Осуществлено логико-методологическое исследование такой важной формы научного знания, как научная теория, раскрыты принципы ее организации и закономерности развития¹⁴. Серьезный вклад в разработку методологических вопросов современного естествознания внесли такие известные ученые, как Б. Е. Патон, В. М. Глушков, К. М. Ситник, Р. В. Чаговец, А. С. Давыдов, А. П. Маркевич, М. А. Голубец, И. З. Штокало.

В области исторического материализма и его применения как методологии анализа общественных явлений, в теории научного коммунизма, конкретной социологии и социальной психологии проведена дальнейшая разработка категориального аппарата, отображающего особенности социального познания и общественной практики, в частности, категорий «задача», «предвидение», «прогнозирование», «управление» и т. д. В монографических работах «Социальное управление, планирование, прогнозирование» (1970); «Социальные проблемы управления социалистическим обществом» (1972); В. И. Куденко «Социальная задача как категория исторического материализма» (1972) и «Общественная проблема: генезис и решение» (1984) и др. исследованы методологические основы прогнозирования направлений развития социальных явлений, специфика прогнозирования в условиях социализма, его роль в социальном управлении.

Бесспорную научную ценность представляет подготовленный Институтом философии АН УССР цикл работ «Методологические проблемы социального познания и управления»: «Методологические проблемы социального предвидения» (1977); «Вопросы прогнозирования общественных явлений» (1978); «Социальное познание и социальное управление» (1979); «Категории исторического материализма: их роль в познании и преобразовании социальной действительности» (1985) и др. Этот первый на Украине коллективный труд по теории и методологии социального познания и управления вносит существенный вклад в исследование фундаментальных проблем исторического материализма, в разработку методологических основ социального предвидения, управления и сознательной организации общественной жизни. Широкое теоретическое обоснование такого подхода, впервые предпринятое в советской науке, отвечает актуальным задачам

¹⁴ См.: Крымский С. Б. Научное знание и принципы его трансформации. Киев, 1974; Логико-философский анализ понятийного аппарата науки. Киев, 1977; Актуальные проблемы логики и методологии науки. Киев, 1980; Логико-гносеологические исследования категорий структуры мышления. Киев, 1980; Понимание как логико-гносеологическая проблема. Киев, 1982; Доказательство и понимание. Киев, 1986; ■ др.

коммунистического строительства. Полученные результаты обогащают методологический арсенал марксистско-ленинского общественнознания.

В эти годы было продолжено исследование социальной структуры советского общества, закономерностей ее развития и путей совершенствования в процессе коммунистического строительства¹⁵. Изучались социальные характеристики производственного коллектива и его профессиональной структуры, проблемы престижности массовых профессий и профориентации молодежи.

Серьезным вкладом в научную разработку проблем социалистического образа жизни явилось издание ряда коллективных монографий: «Социалистический образ жизни и формирование нового человека» (1979), «Гуманистическая природа социалистического образа жизни» (1982), «Стиль жизни личности» (1982), «Жизнь как творчество» (1985) и др. В них всесторонне и основательно раскрыты важнейшие вопросы, касающиеся социально-исторических основ, сущности и тенденций развития социалистического образа жизни, показаны его коренные преимущества перед образом жизни, господствующим в буржуазном мире, дана критика различного рода фальсификаторов.

Большое внимание философы УССР уделяют, как и прежде, изучению теоретических вопросов национальных отношений, социалистического интернационализма, советского патриотизма, дружбы народов, а также критике украинского буржуазного национализма¹⁶.

Проводятся научные исследования проблем коммунистического воспитания. Глубоко освещаются общие закономерности трудового, морального, эстетического, атеистического и интернационального воспитания трудящихся¹⁷.

Исследовательская работа в этот период ознаменовалась подготовкой и публикацией ряда работ, имеющих не только научно-теоретическое, но и прикладное, практическое значение, в частности в борьбе с религиозной идеологией, в пропаганде научно-атеистических знаний. Религия как форма общественного

¹⁵ См.: Социальные проблемы производственного коллектива. Киев, 1972; *Ширяев Ю. И.* Становление социальной однородности советского общества. Киев, 1973; Методологические аспекты общественного познания. Киев, 1982; и др.

¹⁶ См.: Строительство коммунизма и проблемы сближения наций. Киев, 1969; Интернациональное и национальное в социалистическом обществе. Киев, 1976; Становление советского народа и развитие социалистических наций. Киев, 1978; Диалектика становления коммунистического труда. Киев, 1978; и др.

¹⁷ См.: Строительство коммунизма и проблемы интернационального воспитания. Киев, 1969; Искусство, художественное начало, общество. Киев, 1971; Религиозная психология и формирование научно-атеистического мировоззрения. Киев, 1973; *Мазапа В. И.* Художественное творчество как познание. Киев, 1974; Атеизм и культурный прогресс. Киев, 1977; Утверждение научно-материалистического мировоззрения. Киев, 1977; *Онищенко А. С.* Социальный прогресс, религия, атеизм. Киев, 1977; Критика философской апологии религии. Киев, 1985; Мировоззренческая культура личности. Киев, 1986; и др.

сознания¹⁸, эволюция религии¹⁹, атеизм и культура²⁰, атеизм и современная научно-техническая революция²¹, причины существования религиозных пережитков и пути их преодоления²², критика современных форм религии, особенно унитарства²³, — таковы основные проблемы соответствующих исследований, вышедших в республике в 70-е годы.

Во второй половине 60-х — в 80-е годы ученые УССР осуществляли плодотворную работу по исследованию актуальных вопросов истории философской и социологической мысли. Изучен и освещен процесс распространения марксистских философских идей на территории дореволюционной Украины, показано торжество идеологии марксизма-ленинизма в послеоктябрьский период и творческое развитие марксистско-ленинской философии в новых исторических условиях²⁴, разработаны актуальные вопросы марксистско-ленинской методологии историко-философского исследования²⁵. В 1973 г. издано на украинском и русском языках полное собрание сочинений великого украинского мыслителя Г. Сковороды. Ряд аспектов его мировоззрения получил новое освещение в книге «Философия Григория Сковороды» (1972). Впервые проведено систематическое изучение наследия Ф. Прокоповича, завершён перевод с латинского языка на украинский ряда его философских курсов, осуществлено издание его философских произведений в трех томах. Осуществлен научный анализ философского наследия профессоров Киево-Могилянской Академии²⁶. Все это дало возможность с большей научной глу-

¹⁸ См.: Дулуман Е. К. Идея бога. М., 1970; Он же. Религия как социально-исторический феномен. Киев, 1974; Лобовик В. А. Обыденное религиозное сознание: Гносеол. анализ. Киев, 1971; Танчер В. К. Русское православие: (Крит. очерк). Киев, 1977.

¹⁹ См.: Идеальный кризис религии и религиозный модернизм. Киев, 1974; Яроцкий П. М. Кризис иеговизма: (Крит. анализ идеологии и эволюции обыден. религ. сознания). Киев, 1979.

²⁰ См.: Духовная культура и религия. Киев, 1972; Антоненко В. Г. Искусство, религия, действительность. Киев, 1973; Атеизм и культурный прогресс. Киев, 1977; Соц В. А. Духовная культура и атеистическое воспитание. М., 1978; Проблема человека в религиозной философии: Социал. аспект. Киев, 1978; и др.

²¹ Дулуман Е. К., Кирюшко Н. И., Яроцкий П. Л. Научно-техническая революция и формирование атеистического мировоззрения. Киев, 1980.

²² См.: Дулуман Е., Лобовик В., Танчер В. Современный верующий. М., 1970; Танчер В. К. Религиозные пережитки и их преодоление. Киев, 1979; и др.

²³ См.: Дмитрук К. Е. Под штандартами реакции и фашизма. Киев, 1976; Танчер В. К. Критика социального фидеизма. Киев, 1972; Яроцкий П. Л. Антикоммунизм социально-политической доктрины иеговизма. Киев, 1976.

²⁴ См.: Торжество ленинских философских идей на Украине. Киев, 1969.

²⁵ См.: Марксистско-ленинская мысль в СССР: исторический путь и проблемы его исследования. Киев, 1978; Идеальные связи прогрессивных мыслителей братских народов. Киев, 1978; Исторические традиции философской культуры и современность. Киев, 1984; и др.

²⁶ Ничик В. М. Из истории отечественной философии конца XVII — начала XVIII в. Киев, 1978; Горский В. С. Историко-философское толкование текста, Киев, 1981.

биной осветить неразрывную связь и взаимное влияние братских культур русского, украинского и белорусского народов, подвергнуть аргументированной критике буржуазно-националистические фальсификации истории отечественной философии.

Философами Украины создан ряд работ, посвященных критике различных направлений современной буржуазной философии, социологии, идеологии антикоммунизма²⁷. Глубоко раскрыты социально-классовые корни связи буржуазного национализма с антикоммунизмом, его идеологического и политического альянса с сионизмом (см. Ю. И. Римаренко «Буржуазный национализм и его «теория» нации», 1974).

Значительный вклад в творческую разработку актуальных вопросов философской науки вносят преподаватели философского факультета Киевского университета²⁸ и философских кафедр крупнейших университетских центров республики — Харькова, Одессы, Львова²⁹.

Конечно, застойные явления, имевшие место в общественных науках и социальной практике на рубеже 70—80-х годов, негативно сказались и на содержании философских исследований, проводимых в это время в УССР. Склонность к оторванному от жизни теоретизированию, к преувеличению достижений в ущерб объективному научному анализу реальных процессов нередко приводила к тому, что многие публикации по диалектическому и историческому материализму, теории научного коммунизма и социологии, этике и эстетике, атеизму и критике буржуазной философии не находили надлежащего выхода в практику учебно-воспитательной, пропагандистской и контрпропагандистской деятельности, не способствовали действительному разрешению накопившихся в обществе противоречий. Невольно сужались предметное поле и содержательная наполненность философских

²⁷ См.: *Аветисян А. А.* Антикоммунизм и его философия духовных ценностей. Киев, 1972; *Ледников Е. Е.* Критический анализ номиналистических и платонистических тенденций в современной логике. Киев, 1973; Критика буржуазных теорий конвергенции капитализма и социализма. Киев, 1974; *Табачковский В. Г.* Критика идеалистических интерпретаций практики. Киев, 1976; *Гордиенко А. Т.* В борьбе за человека. Киев, 1976; *Верников М. Н.* Методологический анализ кризиса философского идеализма: На материалах польской философии конца XIX — первой трети XX в. Киев, 1978; Буржуазные концепции культуры: кризис методологии. Киев, 1980; Идеалистическая философия и идеологические доктрины современной буржуазии. Киев, 1983; Современная буржуазная философия человека. Киев, 1986.

²⁸ *Босенко В. А.* Диалектика как теория развития. Киев, 1966; *Костюк Н. Т.* О сущности жизни. Киев, 1967; *Бычко И. В.* Познание и свобода. М., 1969; Методологическая функция диалектики в современном естествознании. Киев, 1978; Методологические проблемы обществознания. Киев, 1980; *Острячич Д. Ф.* Борьба за материализм и диалектику в отечественном естествознании. Киев, 1981; *Луцай В. С.* Интеграция современного знания. Киев, 1984; и др.

²⁹ *Бухалов Ю. Ф.* Некоторые вопросы научного познания. Харьков, 1978. На укр. яз.; *Ужов А. И.* Системный подход и общая теория систем. М., 1978; *Попова И. М.* Сознание и трудовая деятельность. Одесса, 1985; *Олексюк М. М.* Философско-атеистические взгляды С. Тудора, Львова, 1962. На укр. яз.; и др.

разработок, ограничивалась их практическая действенность. Философы, отмечалось в постановлении ЦК Компартии Украины от 17 февраля 1987 г. «О ходе перестройки в институтах секции общественных наук АН УССР в соответствии с требованиями XXVII съезда КПСС», во многом заняты отдаленными от практики вопросами в ущерб исследованию актуальных проблем современности, недостаточно анализируют противоречия социалистического общества. Не достигнуто ожидаемое повышение эффективности исследований социологов.

Конкретной программой дальнейшего развития марксистско-ленинской философии, основой для определения направления научно-исследовательской работы являются исторические решения XXVII съезда КПСС. Сосредоточив усилия на выполнении первоочередных задач, поставленных партией перед философской наукой, на реализации теоретических положений и установок, содержащихся в материалах XXVII съезда партии и январского Пленума ЦК КПСС, ученые республики решают ряд новых фундаментальных проблем философской науки, имеющих важное теоретическое и практическое значение.

Предметом специального интереса философов Советской Украины в настоящее время является дальнейшая творческая разработка мировоззренческих и методологических проблем, изучение исторического материализма как методологии социального познания и революционного действия, исследование диалектики перерастания социалистического общества в коммунистическое, глубокое познание историко-философского процесса на Украине в неразрывной связи с историей отечественной философии вообще, разоблачение буржуазной, националистической и ревизионистской идеологии.

2

Белорусская ССР

Белоруссия до победы Великого Октября была отсталой окраиной царской России. На ее территории не было ни одного высшего учебного заведения, подавляющая масса населения была неграмотной.

Великая Октябрьская социалистическая революция ознаменовала эпоху коренных преобразований в стране, утверждение отношений равенства, сотрудничества наций, положила начало формированию новой экономической и социальной общности народов Союза Советских Социалистических Республик. Претворение в жизнь теоретических принципов марксизма, революционное изменение идеологических основ мышления трудящихся масс обусловили расцвет многонациональной философской науки в нашей стране, в том числе и философской мысли в Белоруссии.

Систематическая научно-исследовательская работа в области философии в БССР начинается с открытия Белорусского государственного университета в 1921 г. В числе его кафедр была организована и кафедра диалектического материализма, а через несколько лет кафедра исторического материализма в Коммунистическом университете. Заметную роль в научных исследованиях по марксистско-ленинской философии сыграло возникшее в те годы научное общество, объединявшее в своих рядах философов, экономистов, историков, правоведов. В заявлении организаторов общества для печати говорилось: «Знамя нашего товарищества — диалектический материализм».

Коммунистическая партия Белоруссии развернула борьбу против религиозно-идеалистической идеологии, буржуазного национализма, против многих других враждебных социализму течений. В утверждении революционного мировоззрения в сознании широких масс трудящихся огромную роль сыграли труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, которые начали издаваться на белорусском языке в 20-е годы.

В начале 20-х годов в Белоруссии началась популяризация основ марксистской философии. В 1922 г. в Минске вышел первый курс марксистской философии, автором которого был профессор С. Я. Вольфсон. Эта книга была принята в качестве учебника в вузах нашей страны и за несколько лет выдержала семь изданий³⁰.

В ходе дальнейшего развертывания философских исследований их тематика разнообразилась и углублялась. В круг разрабатываемых проблем включались исследования по истории философии и методологии науки³¹.

Особое внимание уделялось изучению трудов В. И. Ленина. Освещались многие проблемы, связанные с анализом философского материализма и диалектики в творчестве В. И. Ленина, его планов о революционном преобразовании сельского хозяйства и социалистической реконструкции деревни, его идей по национальному и культурному строительству³².

³⁰ См.: Вольфсон С. Я. Диалектический материализм. Минск, 1922.

³¹ См.: Вольфсон С. Я. Великий социалист: Краткий очерк жизни Г. В. Плеханова. Минск, 1924; Шаповалов М. Плеханов и Ленин. Минск, 1925; Быховский В. Был ли Спиноза материалистом? Минск, 1927; Панкевич П. Я. Некоторые проблемы психологии в освещении Маркса и Энгельса // Полюмя. 1927. № 5; Он же. Философское мировоззрение Н. А. Добролюбова // Марксистский сборник. Минск, 1929; Сиротин Е. Ньютон как основоположник современного физического миропонимания. Минск, 1928.

³² Быховский В. Материализм и диалектика в творчестве Ленина // Под знаменем марксизма. 1924. № 2; Каценбоген О. Ленин и Кастрьчницкая революция // Чырвоны сцяг. 1925. № 5/6; Ленин и пролетарская культура // Там же. № 2; Выдра Р. Ленин и революционизирование крестьянского хозяйства // Большевик Белоруссии. 1928; Сербента В. Наш сцяг — ленинізм // Полюмя. 1929. № 1; Он же, Ленинізм і соцыялістычная рэканструкцыя вёскі // Там же. 1930, № 1.

Задачи в области философской работы, поставленные В. И. Лениным перед марксистами в его статье «О значении воинствующего материализма», вызвали широкий отклик в Белоруссии.

Философы Белоруссии выступили против различного рода критиков марксизма, а также и тех, кто свой отход в лагерь идеализма маскировал «левой» фразой. В Белорусском университете состоялся диспут, посвященный критическому разбору «Смены вех». С марксистских позиций была дана всесторонняя и глубокая критика выступлений митрополита Введенского.

В условиях напа и под влиянием буржуазного наступления на марксизм белорусские националисты, повиннистические элементы, основываясь на мелкобуржуазном крестьянском укладе, культивировали чуждые белорусскому народу идеи. В области культуры, науки классовая борьба подменялась национальной, идеализировалась «самобытность» белорусов, проводились идеи о «единой» белорусской нации, о близости белорусской культуры культуре буржуазного Запада. В целях разоблачения националистической идеологии и исправления ошибок в культурном строительстве ЦК КП Белоруссии неоднократно принимал соответствующие решения, которые мобилизовали на активную борьбу с проявлениями буржуазной идеологии, указывали конкретные пути претворения в жизнь ленинской национальной политики, акцентировали внимание на классовом характере культуры, ее партийности³³.

Культурная революция в Белоруссии, несмотря на ее некоторые особенности, развивалась по общим законам, обусловленным социалистическим способом производства, закономерностями переходного от капитализма к социализму периода. Ученые Белоруссии в ряде выступлений в печати разоблачали взгляды А. Богданова и Л. Троцкого по вопросам строительства пролетарской культуры. Начиная с середины 20-х годов в специальных работах, в печати, в публичных выступлениях ученых, государственных и партийных деятелей освещались как общие, так и отдельные стороны культурного строительства³⁴.

В философских исследованиях в республике, начавшихся в 20-е годы, одно из первых мест занимают вопросы марксистской диалектики³⁵.

Однако ведя борьбу против ревизионизма, идеализма, механистического направления, против уклонов в национальном воп-

³³ См.: *Кнорин В.* К итогам XI съезда РКП(б) // Вперед. 1922. № 1; *Червяков А.* Год без Ленина в Белоруссии // Полямя. 1925. № 1; Матэрыялы да справаздачы ЦК КП(б)Б. Мінск, 1930.

³⁴ См.: *Кнорин В.* Проблемы культурной революции // Известия. 1928. № 2; *Пичета А. Н.* Две культуры на Белоруссии // Сов. строит. 1928. № 3/4.

³⁵ См.: *Вольфсон С. Я.* Диалектический материализм; *Выбра Р.* Материалистическая диалектика. Гомель, 1923; *Он же.* Теория общественного развития. Гомель, 1928; *Быховский Б.* Очерк философии диалектического материализма. Минск, 1930.

росе, против «богдановщины» и «троцкизма» в культурном строительстве, философы в своей научно-исследовательской и пропагандистской работе нередко допускали серьезные ошибки. С. Вольфсон, например, в середине 20-х годов в ряде вопросов смыкался с группой А. Деборина, Б. Быховский одно время являлся сторонником А. Варьяша и М. Рейснера. На открытых позитивистских позициях стоял профессор В. Н. Ивановский. Но эти ошибки постепенно преодолевались по мере того, как усваивались идеи ленинской программной статьи «О значении воинствующего материализма». В борьбе за утверждение марксистского мировоззрения огромную роль сыграл выход в свет «Диалектики природы» Ф. Энгельса, ленинский конспект «Науки логики» Гегеля.

В начале 30-х годов в Белоруссии создается Институт философии в системе Академии наук, организуется аспирантура, на философскую работу приходят молодые кадры. Научные исследования поднимаются на более высокую ступень. На первый план выдвигаются вопросы развития Советского государства, закономерностей развития социалистического общества. Философы в эти годы все чаще обращаются к проблемам взаимосвязи философии и естествознания, коммунистической морали, атеизма, семьи. Больше внимания уделяется защите и обоснованию марксистско-ленинской философии, критике идеологии фашизма, историко-философским вопросам³⁶. Предметом многих работ становятся проблемы национальных отношений, формирования социалистических наций, пролетарского интернационализма. Объясняется это тем, что в конце 20-х — начале 30-х годов активизировались белорусские буржуазные националисты, которые стремились оторвать Белоруссию от Союза Советских Социалистических Республик и тем самым лишить белорусских трудящихся великих исторических завоеваний Октябрьской революции. Националисты утверждали, что в БССР слабо развиты классовые противоречия, что белорусскому народу якобы несвойственны расслоение и классовая борьба, что в республике отсутствует кулацкая верхушка в деревне; они отрицали руководящую роль рабочего класса в строительстве социализма, подчеркивали большую будто бы революционность белорусского крестьянства по сравнению с рабочим классом, проводили мысль, что белорусскому народу в силу его «самобытности» чужда диктатура пролетариата (Игнатовский, Довнар-Запольский и др.).

³⁶ См.: Вольфсон С. Я. Культура и идеология загнивающего капитализма. М.; Л., 1935; Ильюшин И. М. Ленинская критика кантианства и неокантианства // Записки Бел. Академии наук. Минск, 1931. № 5; Быховский Б. Э. Нарысы філасофіі дзяцелтычнага матэрыялізму. Мінск, 1931; Рудзіцкі Л. Да пытання аб узаемазалежнасці вана-номіі і права // Марксісцкі зборнік. Мінск, 1931. Кн. 2; Бурстын Ц. Крытыка прац У. Н. Івановскага // Из лекций по методологии науки. Працы БДУ. 1932. № 2; Карбан С. И. В. Г. Белинский. Его философские, эстетические и критические взгляды. Минск, 1936; и др.

Философам БССР пришлось вести борьбу против белорусских буржуазных националистов. К этому периоду относятся работы С. Вольфсона «Против расовых теорий», И. Ильюшина «Карл Маркс и национальный вопрос», «Ленин в борьбе за пролетарский интернационализм», Р. Выдры «Фальсификация марксизма современным социал-фашизмом» и др. Неоднократно выступал с критикой националистических позиций Игнатовского и Довнар-Запольского В. Сербента.

Философские кадры республики активно боролись за утверждение марксистско-ленинской идеологии у трудящихся, уделяя серьезное внимание обобщению практики социалистического строительства. В теоретических журналах систематически публиковались статьи, освещающие развитие экономики и культуры Советской Белоруссии.

В довоенный период философы республики внесли определенный вклад в изучение проблем классовой борьбы, Советского государства, культуры, национальных отношений, отдельных вопросов философии естествознания, материалистической диалектики, а также в дело пропаганды марксизма-ленинизма среди широких масс трудящихся.

В годы Великой Отечественной войны белорусские ученые, в том числе и философы, вместе со всем народом сражались против немецко-фашистских захватчиков, находясь либо в рядах Советской Армии, либо в партизанских отрядах; многие принимали самое активное участие в идеологической борьбе против врага, разоблачая чужденеволюционную фашистскую идеологию расизма, геополитики, биосоциологизма и энергично пропагандируя идеи дружбы и патриотических традиций освободительной борьбы народов нашей многонациональной Родины.

Победоносное завершение Великой Отечественной войны ознаменовало собой переход страны к мирному созидательному труду. В первые послевоенные годы перед философами встали задачи по преодолению остатков буржуазной идеологии, критике идеологических извращений, разоблачению реакционных теорий, связанных с происками католического духовенства. Большое значение приобрели вопросы марксистского освещения культурного наследия белорусского народа. Появление стран народной демократии и кризис империализма обусловили необходимость обобщения закономерностей функционирования социалистического государства, раскрытия общественных противоречий и закономерностей развития коммунистического рабочего движения, анализа форм классовой борьбы.

Бурное развитие наук о природе, математики, появление кибернетики также поставило много сложных проблем, решение которых предполагало не только философское обобщение достижений современного естествознания, но и серьезную разработку его теоретико-методологических оснований.

Деятельность философов во второй половине 40-х — первой половине 50-х годов в основном ограничивалась научной пропагандой, изданием брошюр и публикацией статей в периодической печати³⁷. Некоторые проблемы более обстоятельно освещались в отдельных монографиях и сборниках³⁸.

Центральный Комитет Компартии Белоруссии и правительство республики провели значительную работу по укреплению научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений БССР. Кадры восстановленного Института философии АН БССР пополнились новыми силами ученых, прибывших из других республик. Была значительно расширена аспирантура при Институте философии АН БССР. Увеличена подготовка философских кадров для республики в Академии общественных наук при ЦК КПСС, Институте философии АН СССР, Московском университете, в учебных заведениях Ленинграда, Киева и других городов.

Важную роль в подготовке и формировании национальных кадров сыграли Отделение философии, логики и психологии Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина, а также создание в послевоенной Белоруссии кафедры диалектического и исторического материализма в политехническом, медицинском, технологическом институтах, а позже — в педагогическом, народного хозяйства, механизации и электрификации сельского хозяйства, радиотехническом. Кафедры философии, организованные при Академии наук БССР и Институте сельского хозяйства Министерства сельского хозяйства БССР, проводят обучение марксистско-ленинской философии аспирантов всех профилей. Положительную роль в философском образовании играют открывшиеся во всех высших учебных заведениях кафедры научного коммунизма. Значительный отряд философов работает в областных городах — Бресте, Витебске, Гомеле, Гродно, Могилеве.

Период со второй половины 50-х годов характеризуется интенсивным развитием философской науки в республике, ростом

³⁷ См.: *Левін Г. А.* Значэнне марксіскага філасофскага матэрыялізму для палітыкі нашай партыі // *Большавік Беларусі*. 1946. № 10; *Ільющын І. М., Смирнов А. Ф., Борисенко В. В.* Передовая общественно-политическая и философская мысль в Белоруссии в XIX веке // *Изв. АН БССР. Сер. обществ. наук*. 1951. № 3; *Лушчыцкі І.* Вялікія рэвалюцыянеры-дэмакраты і перадавая грамадска-палітычная думка ў Беларусі // *Большавік Беларусі*. 1952. № 5; *Пивцаўкіч Г. І.* Дыалектыка неабходнасці і случайнасці ў законамёрным развіцці жывой прыроды // *Изв. АН БССР*. 1954. № 1; *Кірюшын П. М.* Энгельс і вопросы логікі // Там же. 1957. № 1; *Чымбура І.* Карл Маркс — вялікі асновапаложнік навуковага камунізма // *Камуніст Беларусі*. 1953. № 3.

³⁸ См.: *Іовчук М. Т.* Основные черты русской классической материалистической философии XIX века. Минск, 1949; *Кірюшын П. М.* Расизм — орудие империалистической реакции. Минск, 1949; *Вопросы марксистско-ленинской философии*. Минск, 1955.

специализированных кадров, их теоретической зрелости. Так, за 1957—1967 гг. в республике вышло в свет 50 монографий, свыше 120 брошюр, около 815 статей. Повысилось качество исследований по общественным наукам, в том числе и в области философии.

Важнейшей особенностью исследований, связанных с раскрытием закономерностей становления и развития социалистической общественно-экономической формации, является их целенаправленность, актуальность, преодоление оторванности от практики социалистического строительства. Особенность работ этих лет состоит в том, что анализ общественных процессов, социальных сдвигов в нашем обществе проводится в основном на материалах Белорусской ССР, полученных в результате конкретно-социологических исследований на промышленных предприятиях, в колхозах, совхозах, на стройках республики.

В процессе научных исследований используется и такая форма работы, как научно-теоретические конференции, которые помогают вскрывать и обобщать новые явления в экономической, социальной и духовной сфере жизни общества, помогают освободиться от начетничества, способствуют проникновению в глубинные процессы коммунистического строительства³⁹. В 1966 г. в Минске состоялась Всесоюзная конференция по проблеме «Изменения социальной структуры советского общества», два тома материалов которой — «Проблемы изменения социальной структуры советского общества» и «Классы, социальные слои и группы в СССР» вышли в свет в 1968 г. в Москве.

Развитие исследований в области исторического материализма на основе конкретно-социологического метода позволяет более глубоко и всесторонне обобщить исторический опыт социалистического строительства в Белоруссии, полнее отразить новый уровень развития экономики, производительных сил, общественных отношений, государственного строительства, духовной жизни народа, национальных отношений⁴⁰. Так, в русле уже названной проблемы «Изменение социальной структуры советского общества в процессе строительства коммунизма» опубликованы коллективные монографии, отражающие реальные социальные процессы

³⁹ Тематика конференций 60-х годов: «Коммунизм и личность»; «Воспитание в труде — основа формирования коммунистического общества»; «Становление коммунистических отношений в деревне»; «Внутриклассовые изменения в крестьянстве»; «Технический прогресс и изменение характера труда»; и др.

⁴⁰ См.: Формирование и развитие белорусской социалистической нации. Минск, 1958; Развитие белорусской социалистической культуры. Минск, 1961; От социализма к коммунизму. Минск, 1963; Головнев А. И. Национальная культура и коммунизм. Минск, 1967; Он же. Интернациональное и национальное в развитии социалистической культуры. Минск, 1974; Головнев А. И., Мельников А. П. Сближение национальных культур в процессе коммунистического строительства. Минск, 1979; Панкратов В. Н. Диалектика становления и развития коммунистической формации. Минск, 1968.

в БССР⁴¹. В других работах по этой теме рассматриваются на материалах Белорусской республики процессы преодоления классовых и внутриклассовых различий, а также различий между городом и деревней, между людьми физического и умственного труда; анализируются и вопросы социальных последствий технического прогресса, свободного времени, условий формирования и воспитания нового человека, повышения производительности труда и др.⁴²

Философами республики предпринят критический анализ социальных и гносеологических корней буржуазной идеологии, а также *современных философских и социологических концепций*. В ряде работ подвергается анализу и разоблачению идеология антикоммунизма, социал-реформизма и современного ревизионизма⁴³.

Исследования по марксистской социологии отличает их возросший теоретический уровень, связь с практикой социалистического строительства, стремление к анализу и обобщению новых явлений и тенденций в этом процессе.

В конце 50-х и в 60-е годы значительно возросло количество

⁴¹ См.: Социальные изменения рабочего класса Белоруссии в процессе строительства коммунизма. Минск, 1964; Строительство коммунизма и социальные изменения в крестьянстве Белоруссии. Минск, 1966; Структура советской интеллигенции. Минск, 1970.

⁴² См.: Гусев А. Д. Общество и личность. Минск, 1963; Яцкевич А. Ф. Ленинские идеи о производительности труда и строительстве коммунизма. Минск, 1963; Буслов К. П. О критерии внутриклассовых различий. Минск, 1966; Капелля Е. Х. Преодоление существенных различий между умственным и физическим трудом. Минск, 1966; Он же. Производительные силы: структура, функции, типология. Минск, 1976; Внутриклассовые изменения крестьянства. Минск, 1966; Буслов К. П. Социально-историческое развитие классов в СССР. Минск, 1979; Он же. Формирование социального в человеке. Минск, 1980; Боровский М. И. О критерии нравственности. Минск, 1970; Он же. Детерминизм и нравственное поведение личности. Минск, 1974; Он же. Человек будущего воспитывается сегодня. Минск, 1977; Лаптев С. Д. Семья и духовное развитие личности. Минск, 1972; Он же. Нравственное развитие личности в семье. Минск, 1977.

⁴³ См.: Давидюк Г. П. Основные черты современного ревизионизма. Минск, 1961; Он же. Теория «формируемого общества» на службе западногерманского империализма. Минск, 1970; Сикорский В. М. Мировой революционный процесс и современный социал-реформизм. Минск, 1965; Ежемов Л. Ф. Диалектика и революция. Минск, 1969; Он же. Ленинизм и современная идеологическая борьба. Минск, 1970; Он же. Философия антимарксизма и диалектика. Минск, 1981; Антонович И. И. По диктату монополий. Минск, 1973; Он же. Социальная патология капитализма. Минск, 1974; Он же. Социальное кредо буржуазного гуманизма. Минск, 1976; Он же. Социология США: проблемы и поиски решений. Минск, 1976; Он же. Буржуазная социологическая теория. Крат. очерк основ, направлений, концепций, категорий. Минск, 1980, Ч. I; 1981. Ч. II; Бовш В. И. Антикоммунизм — главное идейно-политическое оружие империалистической реакции. Минск, 1971; Он же. Футурология и антикоммунизм. Минск, 1977; Он же. Антикоммунизм перед судом современности. Минск, 1983; Гусев А. Д. США: кризис социальной политики. Минск, 1974; Он же. Два мира — две социальные политики. Минск, 1975; Он же. Социальная политика США: классовая сущность, проблемы, противоречия. Минск, 1980; Бельсун В. Я. Торжество без оружия. Минск, 1980; Семенюк В. А. Сионизм в политической стратегии империализма, Минск, 1981; и др.

и улучшилось качество исследований по марксистско-ленинской диалектике и философским вопросам естествознания. Исследовались основные законы и категории материалистической диалектики. На материале развития неорганической и органической природы, общественной жизни и мышления вскрывалась диалектическая противоречивость явлений, анализировались содержание и взаимосвязь категорий материалистической диалектики. Ряд исследований посвящен вопросам происхождения сознания, перехода от всеобщего свойства отражения к ощущению и высшим формам отражения, диалектике синтеза и анализа. Среди важнейших исследований, посвященных названной проблематике, работы Г. Ф. Александрова, В. М. Ковалгина, П. Ф. Протасени, В. И. Горбача, Е. М. Бабосова, Д. И. Широканова⁴⁴.

Дальнейшим развитием наук о природе выдвинуты вопросы классификации различных форм движения материи, соотношения прерывности и непрерывности, целостности систем и структурных уровней организации материи, проблемы формализации, гносеологической символизации, информации, вероятности, нуждающиеся в философско-методологическом анализе. Большое значение приобрели также методологические проблемы науки в целом. Их решение нашло свое отражение в монографиях, научных сборниках, изданных в Белорусской ССР⁴⁵.

Интенсификация философских исследований в республике связана с разработкой мировоззренческой проблематики. В этих исследованиях раскрывается сущность борьбы материализма с идеализмом в естествознании, подчеркивается связь материалистической диалектики и естествознания, показывается значение материалистического мировоззрения для развития науки⁴⁶. В раз-

⁴⁴ См.: Ковалгин В. М. Проблема ощущений и рефлекторная теория. Минск, 1959; Он же. Развитие В. И. Лениным марксистского учения о законах диалектики. Минск, 1960; Широканов Д. И. Диалектика необходимости и случайности. Минск, 1960; Морозов В. Д. Закон отрицания отрицания. Минск, 1960; Противоречивый характер развития. Минск, 1961; Протасени П. Ф. Происхождение сознания и его особенности. Минск, 1959; Бабосов Е. М. Диалектика анализа и синтеза в научном познании. Минск, 1963; Петушкова Е. В. Качественные особенности отражения в неживой природе. Минск, 1963; Горбач В. И. О видах противоречий. Минск, 1964; Морозов В. Д. Проблемы развития в философии и естествознании. Минск, 1969.

⁴⁵ См.: Диалектический материализм как методология естественнонаучного познания. Минск, 1965; см. также: Маневе А. К. К критике обоснования теории относительности. Минск, 1960; Жбанкова И. И. О развитии в неорганической природе. Минск, 1964; Толкачев А. А. Единство строения и движения материи. Минск, 1964; Волкова Э., Филлюков А. И. Философские вопросы теории вида. Минск, 1965; Жуков Н. И. Информация: (Филос. анализ информации — центрального понятия кибернетики). Минск, 1966.

⁴⁶ См.: Дарвинизм и генетика. Минск, 1958; Пузиков П. Д. Философские основы эволюционного учения Ч. Дарвина. Минск, 1959; Карлюк А. С. Борьба материализма и идеализма в отечественной физике. Минск, 1959. Ч. I; 1960. Ч. II; Левин Г. А. Вопросы теории познания в произведении В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Минск, 1960; Степанов Б. И. Современная физика и диалектический материализм. Минск, 1960; Лукашев К. И. Наука раскрывает тайны природы. Минск, 1965; Уваров Л. В. Образ, символ, знак: (Анализ соврем. гносеол. символизма),

работке философских вопросов естествознания активное участие принимают академики Белорусской академии наук, крупные специалисты в области физики (Б. И. Степанов, М. А. Ельяшевич, Н. А. Борисевич, Ф. И. Федоров), в области математики (Н. П. Еругин, Ф. Д. Гахов, Д. А. Супруненко, В. П. Платонов), в области геологии (К. И. Лукашов), в области генетики (Н. В. Турбин) и другие.

По проблемам логики к началу 60-х годов в республике работало лишь несколько человек. Уровень исследований во многом еще не удовлетворял требованиям современной науки. В дальнейшем наметились известные сдвиги в разработке проблем диалектической и формальной логики. Вышел в свет ряд монографий отдельных авторов, а также коллективное исследование по гносеологическим проблемам формализации⁴⁷.

В 60-е и последующие годы наблюдалась активизация исследований по вопросам эстетики и ее истории⁴⁸, а также проблем этики⁴⁹. Правда, сначала результаты усилий в названных областях свидетельствовали порою об абстрактном подходе к решаемым проблемам. Однако в дальнейшем в работах по данной проблематике постепенно преодолевались черты схематизма, наблюдался поворот к решению сложных проблем нравственного и эстетического воспитания трудящихся на конкретном материале социалистической действительности.

В научных исследованиях важное место занимает атеистическая тематика. Изданы монографии, брошюры, значительное количество статей по различным сторонам антирелигиозной пропаганды. Большую научную работу в республике еще в 20—30-е

Минск, 1963; *Он же*. Символизация в познании. Минск, 1971; *Морозов В. Д., Морозов В. В.* Диалектика: системы и развитие. Минск, 1978; *Зеленков А. И.* Принципы отрицания в философии и науке. Минск, 1981.

⁴⁷ См.: *Манев А. К.* Предмет формальной логики и диалектика. Минск, 1964; *Пузиков П. Д.* Аналитическая способность мышления. Минск, 1965; Гносеологические проблемы формализации. Минск, 1969; *Берков В. Ф.* Вопросы как форма мысли. Минск, 1972; *Он же*. Научная проблема. Минск, 1979; *Он же*. Структура и генезис научной проблемы. Минск, 1983.

⁴⁸ См.: *Ладыгина А. Б.* Народность советской музыки. Минск, 1961; *Она же*. Искусство и современность. Минск, 1964; *Старовойтов В. И.* Искусство как форма общественного сознания. Минск, 1963; *Крюковский Н. И.* Логика красоты. Минск, 1965; *Он же*. Кибернетика и законы красоты. Минск, 1977; *Ціжэцкі М. Я. У. І. Левін* і пытанні вэстэтыкі публіцыстычнага слова. Минск, 1968; *Майхрович А. С.* Об эстетическом освоении действительности. Минск, 1973; *Он же*. Эстетические взгляды Якуба Коласа. Минск, 1970; *Колон В. М.* Демократическая эстетика Белоруссии. Минск, 1971; *Он же*. Эстетическая мысль Советской Белоруссии. Минск, 1978.

⁴⁹ См.: Воспитание в труде — основа формирования человека коммунистического общества. Минск, 1963; Основы марксистско-ленинской этики. Минск, 1965; *Тарасенко А. А.* Общественные интересы и личность. Минск, 1980; *Тараткевич М. В.* Человек. Среда. Потребности: Диалектика формирования разумных потребностей. Минск, 1980; Комплексный подход и идейно-нравственному воспитанию. Минск, 1979; *Липченко С. Д.* Нравственное развитие личности в семье. Минск, 1977; Роль культуры в формировании личности. Минск, 1980.

годы провел академик Н. М. Никольский, оставивший крупные труды по истории религии, культовой обрядности⁵⁰.

До недавнего времени большинство работ по атеизму страдало иллюстративностью, «просветительством», отсутствием аналитического подхода к материалу. В 60-е годы в исследованиях по научному атеизму произошел явный поворот в сторону их большей аналитической глубины⁵¹. Группа белорусских ученых осуществляет конкретно-социологические исследования причин религиозности и форм ее проявления у различных групп населения республики, проводит анализ причин живучести религиозных пережитков, намечает пути их преодоления, а также вырабатывает рекомендации по улучшению атеистического воспитания масс⁵².

В довоенный период духовное наследие белорусского народа почти не изучалось. По истории философии было издано всего лишь несколько работ. Долгие годы существовала версия, перекочевавшая из книг буржуазных ученых, будто в Белоруссии отсутствовала философская мысль. В послевоенные годы в книгохранилищах Вильнюса, Ленинграда, архивах Минска, Могилева, Гродно был обнаружен ряд интересных материалов, свидетельствующих о философском творчестве ряда ранее неизвестных или малоизвестных мыслителей, труды которых заслуживают тщательного изучения. Наряду с известными мыслителями Ф. Скориной, С. Будным, В. Тяпинским, М. Смотрицким, К. Лыщинским, С. Маймоном, А. Довгирдом установлен ряд имен ученых, которые также внесли значительный, оригинальный вклад в развитие философской мысли Белоруссии.

Со второй половины 50-х годов заметно оживилось изучение и критическое освоение философских и общественно-политиче-

⁵⁰ См.: *Никольский Н. М.* Мировой и социальный переворот по воззрениям раннего христианства. М., 1922; *Он же.* Дохристианские верования и культы днепровских славян. М., 1929; *Он же.* История русской церкви. М.; Л., 1931; *Он же.* Политеизм и монотеизм в европейской религии. Минск, 1931. На белорус. яз.; *Он же.* Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов. Минск, 1948; *Он же.* Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск, 1956.

⁵¹ См.: *Карлюк Н. С.* Очерки по научному атеизму. Минск, 1961; *Лившиц Г. М.* Религия и церковь. Минск, 1961; *Он же.* Происхождение и реакционная сущность иудаизма. Минск, 1962; *Он же.* Происхождение и сущность иудейских и христианских религиозных предрассудков. Минск, 1963; *Бабосов Е. М.* Современный католицизм и наука. Минск, 1964; *Молохов В. А., Платонов Р. П.* Современное православие. Минск, 1966; *Молохов В. А.* Философия современного православия. Минск, 1968.

⁵² См.: *Пытанні рэлігіі.* Минск, 1960; *Причины существования и пути преодоления религиозных пережитков.* Минск, 1965; *Основы научного атеизма.* Минск, 1967; *Баттизм и баптисты.* Минск, 1969; См. также: *Алексютювич Н.* Свет во мраке. Минск, 1960; *Ковалгин В.* Как религия мешает познать и преобразовать мир. Минск, 1960; *Прокошина Е.* Вопросы атеизма в белорусской общественной мысли. Минск, 1960; *Лившиц Г.* Что такое «священные книги»? Минск, 1962; *Давидюк Г.* Несовместимость религиозной идеологии и коммунизма. Минск, 1963; *Навольский Р.* Семья и религия. Минск, 1963; *Буслов К.* О назначении человека и смысле его жизни. Минск, 1966; *Семенюк В.* Судный день. Минск, 1966; *Навольский Р.* Якому богу пакланяюцца баптысты. Минск, 1966.

ских взглядов виднейших деятелей белорусской культуры, а также представителей естественнонаучного направления в области философии дореволюционного периода. Немало сделано уже в изучении идеологии революционно-демократического движения в Белоруссии. Эти исследования раскрыли тесную связь белорусской прогрессивной культуры с передовой русской культурой, влияние идеологии революционной демократии России на развитие освободительного движения в Белоруссии, показав тем самым сложную и богатую историю философской мысли белорусского народа⁵³. Коллективом сотрудников Института философии и права АН БССР совместно с преподавателями высших учебных заведений подготовлен и издан труд по истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии, в котором представлены основные этапы развития философской и общественно-политической мысли Белоруссии XVI — начала XIX вв.⁵⁴.

Научная разработка вопросов истории философской и общественно-политической мысли в Белоруссии непосредственно связана с исследованием истории философии⁵⁵ и философии других народов⁵⁶.

Перу Г. Ф. Александрова, работавшего последние годы своей жизни в Институте философии АН БССР, принадлежит ряд оригинальных исследований по истории социологических учений. В его книгах дан марксистский анализ важнейших идейных течений в странах Древнего Востока, подвергнуты критике фальсификаторские приемы и псевдонаучные концепции, касающиеся этих идей. Работы Г. Александрова оказали благотворное влияние на повышение уровня теоретических исследований в республике.

Значительная работа проведена по изучению распространения марксистской мысли в Белоруссии в дореволюционный период и превращения марксизма-ленинизма в господствующую идеоло-

⁵³ См.: *Алексютович Н. А.* Сварына, яго дзейнасць і светапогляд. Мінск, 1955; *Лушчыцкі І.* Нарысы па гісторыі філасофскай і грамадска-палітычнай думкі ў Беларусі ў другой палавіне XIX веку. Мінск, 1958; *Порецкі Я. И.* Симон Будный — передовой белорусский мыслитель XVI в. Минск, 1961; *Смірноў А. Ф.* Кастусь Каліноўскі. Мінск, 1963; *Дирэктаренко М. А.* Материалистическое содержание агрономических взглядов М. В. Ритова. Минск, 1964; *Коршунов А.* Афанасий Филиппович. Минск, 1965; *Прокошина Е. С.* Мелетий Смотрицкий. Минск, 1966; *Она же.* Очерк свободомыслия и атеизма в Белоруссии в XIX в. Минск, 1973; и др.

⁵⁴ См.: Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: Избр. произведения XVI — начала XIX в. Минск, 1962.

⁵⁵ См.: *Степанов В. И.* Философские и социологические воззрения В. Г. Белинского. Минск, 1959; *Азаренко Е. К.* Мирозозрение М. В. Ломоносова. Минск, 1959.

⁵⁶ *Александров Г. Ф.* История социологических учений. Древний Восток. М., 1959. Т. 1; *Он же.* Очерк истории социальных идей в Древней Индии. Минск, 1959; *Клевеченя А. С.* Стефан Руднянский. Минск, 1968; *Он же.* Мирозозрение Владислава Спасовского. Минск, 1969; *Он же.* Очерки по истории марксистско-ленинской философской мысли в Польше. Минск, 1978; *Терновой О. С.* Хосе Марти. М., 1966; *Он же.* Философия Кубы (1790—1878). Минск, 1972.

гию в Советской Белоруссии⁵⁷. Итоги этих исследований нашли отражение в труде «Из истории борьбы за распространение марксизма в Белоруссии (1883—1917 гг.)» (Минск, 1958). Вышла в свет монография о развитии марксистско-ленинской философии в Белоруссии за годы Советской власти. Вопросам философской и социологической мысли Белоруссии посвящен ряд статей И. Лушицкого, В. Сербенты, Н. Алексютевича, Э. Дорошевича, А. Бирало, В. Протасевича, Г. Киселева и др.

Разработка многоплановой философской проблематики немислима без глубокого и всестороннего изучения трудов В. И. Ленина. На исследование ленинского философского наследия были направлены в конце 50-х — начале 60-х годов усилия многих ученых республики. В научных сборниках, монографиях раскрывается неисчерпаемость ленинской мысли по вопросам теории и практики коммунистического строительства, творческой активности масс, научного предвидения, разоблачения буржуазных антимарксистских концепций исторического процесса⁵⁸. В исследовании К. Буслова «Проблемы социального прогресса в трудах В. И. Ленина (1917—1923 гг.)» раскрывается историческое значение разработанной В. И. Лениным теории социалистической революции в общественном прогрессе.

В конце 50-х годов впервые в истории советской философской литературы в Белоруссии была создана работа «О „философских тетрадах“ В. И. Ленина» (1959), в которой получили разностороннее освещение вопросы развития марксистской диалектики, процесса познания, анализа единства диалектики, логики и гносеологии. В ряде исследований, проведенных в 60—70-е годы, разрабатывались вопросы ленинской теории отражения, роли законов и категорий диалектики в естествознании⁵⁹. В основу коллектив-

⁵⁷ См.: *Ефремова О. И.* Ленинская «Искра» и ее роль в распространении марксизма в Белоруссии. Минск, 1956; *Буслов К. П.* Развитие марксистской философской науки в БССР за 40 лет // *Вопр. философии.* 1958. № 1; *Он же.* Развитие марксистской философской науки // *Наука у Беларускай ССР за 40 год.* Минск, 1958; *Купчик Н. С., Широкопанов Д. И.* Белоруссия // *История философии.* М., 1959. Т. IV; *Ефремова О. И.* Борьба за победу марксистских идей в рабочем движении. Минск, 1962; *Буслов К. П.* Белоруссия // *Марксистско-ленинская философия и социология в СССР и европейских социалистических странах.* М., 1965; *Ефремова О. И.* Из истории общественной мысли Белоруссии конца XIX — начала XX в. Минск, 1972; *Она же.* Газета «Звезда» и ее роль в распространении марксизма в Белоруссии (авг.—нояб. 1917 г.). Минск, 1977.

⁵⁸ См.: Вопросы марксистской философии в трудах В. И. Ленина. Минск, 1958; *Капич Н. Ф.* В. И. Ленин о творческой активности масс в строительстве коммунизма. Минск, 1960; *Кайханидзе А. Е.* Ленинская теория и программа по национальному вопросу. Минск, 1962; *Васильев Ю. А.* В. И. Ленин и некоторые вопросы научного предвидения в общественной жизни. Минск, 1962; *Савастюк А. И.* В. И. Ленин о победе социализма в СССР. Минск, 1970; *Он же.* Основные противоречия нашей эпохи и мировой революционный прогресс. Минск, 1980.

⁵⁹ См.: *Александров Г. Ф., Горбач В. И., Ковалгин В. М.* Развитие В. И. Лениным марксистского учения о законах диалектики. Минск, 1960; *Левин Г. А.* Вопросы теории познания в произведении В. И. Ленина «Материализм и эмпириокрити-

ной работы «Проблемы гуманизма в трудах В. И. Ленина» (Минск, 1970) лег анализ ленинского идейного наследия и практики социалистического строительства. Механизм проявления социальных законов в условиях советской действительности также на базе ленинского идейного наследия вскрывается в монографии А. Ф. Яцкевича «Ленинизм и законы общества» (Минск, 1971).

В конце 60-х — начале 80-х годов белорусские философы, опираясь на научную методологию марксизма-ленинизма, достижения естествознания, технических и общественных наук, направили свои усилия на углубленную разработку *фундаментальных проблем диалектического материализма, теории познания, логики и методологии научного исследования.*

Существенное место при освещении проблем диалектического материализма было отведено проблемам диалектических противоречий (В. И. Горбач), развития материи, взаимосвязи категорий диалектики (Д. И. Широканов), роли моделирования в познании явлений действительности, природы теоретической деятельности человека, закономерностей развития научных теорий, вопросам теории познания, логики и методологии научного исследования, проблемам структурной организации материи, категории пространства, времени, движения, эвристической функции основных логических принципов и идей современной символической (математической) логики, классификации типов развивающихся систем, противоположностей, противоречий и отрицаний (А. К. Манев)⁶⁰.

цизм». Минск, 1960; Диалектический материализм как методология естествонаучного познания. Минск, 1965; Волкова Э. В., Филюков А. И. Философские вопросы теории вида. Минск, 1966; Волкова Э. В., Широканов Д. И., Филюков А. И., Леско А. И. Роль категорий диалектики в изучении биологических явлений. Минск, 1967; Жбанкова И. И. Проблема взаимодействия. Минск, 1971; Садовский Г. И. Диалектика мысли. Минск, 1980; Филюков А. И. Эволюция и вероятность. Минск, 1972; Он же. Генезис вероятностных идей в эволюционном учении. Минск, 1980; Манев А. К. Движение, противоречие, развитие. Минск, 1980.

⁶⁰ См.: Горбач В. И. Проблемы диалектических противоречий. М., 1972; Широканов Д. И. Взаимосвязь категорий диалектики. Минск, 1969; Пузиков П. Д. Анализ и синтез — от мысли к вещи. Минск, 1969; Харин Ю. Закон отрицания отрицания. Минск, 1970; Он же. Диалектика социального отрицания. Минск, 1972; Жбанкова И. И. Проблемы взаимодействия. Минск, 1971; Манев А. К. Преемственность в развитии категорий пространства, времени и движения. Минск, 1971; Он же. Философский анализ зеноновских апорий. Минск, 1972; Он же. Философский анализ антиномий науки. Минск, 1974; Он же. Движение, противоречие, развитие. Минск, 1980; Широканов Д. И. Диалектика познания и категория субстанции. Минск, 1974; Петрущук А. И. Творческая активность субъекта в познании. Минск, 1975; Буслова М. К. Моделирование в процессе познания. Минск, 1975; Горачевич Т. А. Проблемы конечного и бесконечного в космологии. Минск, 1975; Трофименко А. П. Вселенная и развитие. Минск, 1982; Лукашевич В. К. Модели и метод моделирования в человеческой деятельности. Минск, 1983; Славинский Ч. С. Всеобщее и специфическое в диалектических противоречиях. Минск, 1975; Слямнев М. А. Простое и сложное в природе и познании. Минск, 1976; Он же. Свобода научного творчества. Минск, 1980; Морозов В. Д. Научно-техническая революция и диалектика. Минск, 1976; Степин В. С. Становление научной теории. Минск, 1976; Вопросы диалектического материализма. Минск, 1973; Берков В. Ф. Противоречия в науке. Минск, 1980,

Гносеологические и методологические проблемы науки стали предметом обсуждения и в коллективных работах: «Творчество в научном познании» (Минск, 1976), «Проблемы уровней и систем в научном познании» (Минск, 1971), «Диалектическая концепция понятия» (Минск, 1982), «Идеалы и нормы научного исследования» (Минск, 1981). Белорусские философы участвуют и в разработке философских проблем математики и кибернетики⁶¹.

Проблемам организации и управления в области науки, закономерностям развития современной науки, социальным вопросам экологии посвящены крупные коллективные работы белорусских авторов. Здесь следует назвать прежде всего такие монографии, как «Наука: организация и управление» (Минск, 1977); «Динамическое равновесие человека и природы» (Минск, 1977); «Закономерности развития и методы познания современной науки» (Минск, 1978); «Социальные аспекты экологии» (Минск, 1983) и др. В этих исследованиях обобщены процессы развития современной науки и техники, опыт их взаимосвязи с развитием общественного производства, показана существенная роль организации научных исследований в развитии знания, повышении их эффективности.

В 70-е годы одним из важных направлений в исследованиях белорусских философов стало углубленное изучение проблем диалектики, принципов диалектического материализма как методологической основы решения теоретических вопросов в конкретных областях научного знания, исследование методов научного познания, многогранной функции философских принципов и категорий⁶². Существенные результаты достигнуты в разработке методологических вопросов биологической науки. Философский анализ биологических проблем демонстрирует эвристичность принципов и категорий диалектики, раскрывает диалектический характер развития биологического знания, органичную связь успехов современной биологии с достижениями других наук. Обсуждаются социально-политические аспекты генной инженерии⁶³.

⁶¹ См.: *Жуков Н. И.* Философские основы кибернетики. Минск, 1970; *Он же.* Информация: (Филос. анализ информации — центрального понятия кибернетики). 2-е изд. Минск, 1971; 3-е изд. 1976; *Он же.* Философские проблемы математики. Минск, 1977; *Храмович М. А.* Научный эксперимент, его место и роль в познании. Минск, 1972; *Дмитриев Е. В.* Диалектика содержания и формы в информационных процессах. Минск, 1973; *Щербицкий Г. И.* Системный характер информации. Минск, 1978.

⁶² См.: *Жбанкова И. И.* Философские принципы в научном познании. Минск, 1974; *Гуцаленко Л. А.* Диалектика воплощения прекрасного. Минск, 1973; *Степич В. С., Елсукое А. И.* Методы научного познания. Минск, 1974.

⁶³ См.: *Садковский Г. И.* Ленинская концепция понятия и эволюция понятия «вид». Минск, 1970; *Волкова Э. В.* Организация и вид. Минск, 1972; *Водопьянов П. А.* Устойчивость в развитии живой природы. Минск, 1974; *Турбин Н. В.* Генетическая инженерия: реальность, перспективы и осторожность // *Вопр. философии,*

Белорусские ученые принимают участие в комплексной разработке проблем развития науки, социальных последствий научно-технической революции. В монографии Е. М. Бабосова «Социальные аспекты научно-технической революции» (Минск, 1976) исследована типология революционных переворотов в истории науки, техники и производства, дана характеристика сущностных черт НТР, показаны ее специфические особенности и основные направления на современном этапе. Философские и социально-политические проблемы, выдвинутые научно-технической революцией, исследуются в коллективном труде «Научно-техническая революция и новые горизонты советского человека», в монографиях В. Д. Морозова «Научно-техническая революция и диалектика» (Минск, 1976), Ю. А. Харина «Диалектика социального отрицания», А. П. Воёдопьянова «Экологические последствия научно-технического прогресса» (Минск, 1980) и др.

Закономерности развития социалистического общества, особенности дальнейшего развития белорусской социалистической нации, культуры получили освещение в ряде работ философов республики. Коллективный труд «Белоруссия в Союзе Советских Республик» (Минск, 1972) посвящен анализу формирования и развития белорусской социалистической нации, успехам социалистического строительства в республике за 50 лет СССР. В ряде монографий рассматриваются проблемы социалистической культуры, духовного развития белорусского народа⁶⁴.

В монографии К. П. Буслова «Социальное единство, противоречия, ответственность» (Минск, 1972) глубоко анализируется проблема формирования социального единства социалистического общества как существенного фактора развития последнего при признании такой же роли неантагонистических противоречий социализма. Автор показывает, что в условиях социалистического общества без подлинного экономического, политического и духовного единства всего народа невозможно функционирование социальной общности как целостной системы, ее закономерное развитие, движение к коммунизму. В 1979 г. вышла монография К. П. Буслова «Социально-историческое развитие классов в СССР», посвященная изучению динамики преодоления классовых и внутриклассовых различий, перехода от классовой дифференциации к однородному обществу в нашей стране. В этом направлении плодотворно работают Е. Х. Капелян, Г. И. Пивцайкин, А. Е. Чигирь и другие философы Белоруссии.

1975. № 1; Розицкий П. Ф. Принципиальные вопросы современной генетики // Коммунист. 1978. № 9.

⁶⁴ См.: Марцелов С. В. К духовному расцвету. Исторический опыт строительства белорусской советской культуры. Минск, 1974; Головнев А. И. Интернациональное и национальное в развитии социалистической культуры. Минск, 1974; Марцелов С. В. Художественная культура Белоруссии на современном этапе. Минск, 1978; Гринин В. В., Ладыгина А. Б. Искусство: диалектика преемственности. Минск, 1979.

Одним из главных итогов развития нашей страны является *советский образ жизни*. Он анализируется в коллективной монографии «Гуманизация общественных отношений и возрастание активности трудящихся» (Минск, 1975), в книге Е. М. Бабосова «Образ жизни, рожденный Октябрем» (Минск, 1978), посвященной экономическим, социально-политическим и духовным основам советского образа жизни, в коллективной монографии «Советский образ жизни: структура, содержание, динамика» (Минск, 1980).

Обстоятельный анализ возрастающего влияния научно-технической революции на формирование гармонически развитой личности проведен в книге «Научно-техническая революция и новые горизонты советского человека» (Минск, 1978). Важные вопросы этой проблемы обсуждаются также в коллективной монографии «Научно-техническая революция и формирование нового человека» (Минск, 1978).

В 70—80-е годы на новый уровень поднялась разработка *проблем атеизма и атеистического воспитания*. Исследования по данной проблематике устремлены к изучению конкретных религиозных систем, вероисповеданий, моральных и эмоционально-психологических сторон различных вероучений.

В работах Г. М. Лившица «Свободомыслие и атеизм в древности и средние века» (Минск, 1973), «Религия и церковь в истории общества» (Минск, 1980), «Критика идеализма и религии в трудах Г. В. Плеханова» (Минск, 1981) и ряде других видное место отводится критике модернистских, приспособленческих тенденций религии в условиях научно-технической революции, разоблачению попыток реакционных идеологов использовать те или иные религии в политических целях. В книгах Е. М. Бобосова «Гейярдизм: попытка синтеза науки и христианства» (Минск, 1970) и «Научно-техническая революция и модернизация католицизма» (Минск, 1971) подвергаются критике современные тенденции приспособления религии к достижениям современной науки. Вышли монографии Я. Н. Мараша «Ватикан и католическая церковь в Белоруссии» (Минск, 1971), Г. А. Мартиросова «Религиозные иллюзии и правда жизни» (Минск, 1975) и других авторов.

Известную разработку получили вопросы *истории общественной и философской мысли в Белоруссии*. Продолжается исследование истории свободомыслия и атеизма в Белоруссии. За последние годы вышли «Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии (до 1917 г.)» (Минск, 1973), «Очерки истории марксистско-ленинской философии в Белоруссии (1919—1968 гг.)» (Минск, 1968), «Идеи гуманизма в общественно-политической и философской мысли Белоруссии» (Минск, 1977). Анализируются философские и социологические взгляды идеологов радикально-реформационного движения в Белоруссии и Литве в эпоху Возрождения, философско-социологическое наследие белорусского на-

рода в XVII—XVIII вв., философия просвещения в Белоруссии, мировоззрение белорусских революционных демократов⁶⁵. Белорусские авторы приняли участие в подготовке обобщающих материалов о развитии философской и общественно-политической мысли Белоруссии как в республиканских, так и во всесоюзных изданиях⁶⁶.

На нынешнем этапе общественного развития перед философской наукой встали новые задачи. Разрабатывая мероприятия по выполнению решений XXVII съезда КПСС и других постановлений партии, ЦК Компартии Белоруссии ориентировал ученых республики, в частности экономистов, философов, правоведов, социологов, на исследование процессов развития социализма в новых условиях, социалистического образа жизни, преимуществ социализма в использовании достижений научно-технической революции, в воспитании гармонично развитой личности. Продолжается углубленное исследование философского наследия основоположников марксизма-ленинизма.

3

Молдавская ССР

В конце 1917 — начале 1918 г. Советская власть установилась на всей территории Молдавии. Однако буржуазно-помещичья Румыния при поддержке империалистов западных стран вскоре оккупировала Бессарабию (в том числе территорию Молдавии,

⁶⁵ См.: *Подожкин С. А.* Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы: (Вторая половина XVI — начало XVII в.). Минск, 1970; *Мохнач Н. Н.* Идеиная борьба в Белоруссии в 30—40-е годы XIX в. Минск, 1971; *Он же.* Скорина и Будный. Минск, 1974; *Дорошевич Э. К.* Философия Просвещения в Белоруссии. Минск, 1971; *Купчин Н. С.* Идеи материализма и диалектики в трудах естествоиспытателей: (Вторая половина XIX — начало XX в.). Минск, 1972; *Дубровский В. В.* Казимир Нарбут. Минск, 1979; *Майхрович А. С.* Белорусские революционные демократы. Минск, 1977; *Цукерман А. Я.* Философская мысль в Белоруссии середины XVIII века. Минск, 1980.

⁶⁶ См.: *История философии.* М., 1959. Т. IV; 1961. Т. V; *История философии в СССР:* В 4 т. М., 1968—1971; *Буслов К. П.* Развитие марксистской философской науки в БССР за 40 лет // *Вопр. философии.* 1958. № 1; *Он же.* Белоруссия // *Марксистско-ленинская философия и социология в СССР и европейских социалистических странах.* М., 1965; *Буслов К. П.* Основные достижения общественных наук // *Академия наук Белорусской ССР.* Минск, 1979; *Буслов К. П., Манеев А. К.* Развитие философской мысли в Белоруссии за годы Советской власти // *Вопр. философии.* 1968. № 1; *Манеев А. К.* Развитие философской мысли в БССР // *Наука БССР за 50 лет.* Минск, 1968; *Клевеченя А. С., Купчин Н. С.* Исследование истории философской мысли в Белоруссии // *Вопр. философии.* 1974; № 12; *Кузьменков В. П., Савастюк А. И.* Основные направления философских исследований в Белоруссии // *Вопр. философии.* 1974. № 12; *Бабосов Е. М., Купчин Н. С., Савастюк А. И.* 50 лет АН БССР: Филос. наука Сов. Белоруссии. Минск, 1979; *Шыракану Д. І.* Актуальныя праблемы дыялектычнага матэрыялізму і філасофскіх пытанняў прыродазнаўства ў даследаваннях беларускіх філосафаў // *Весці Акадэміі навук БССР. Сер. грамадскіх навук.* 1979. № 1; *Бабосов Е. М.* Академия наук на современном этапе // *Академия наук Белорусской ССР.*

расположенную между Днестром и Прутом) и восстановила здесь власть эксплуататорских классов. 12 октября 1924 г., выражая пожелания молдавского населения районов, прилегающих к левому берегу Днестра, третья сессия ВУЦИК приняла одобренное ЦК РКП(б) и СНК СССР решение об образовании Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики (МАССР) в составе УССР.

Благодаря бескорыстной помощи со стороны братских советских республик трудящиеся МАССР в кратчайший исторический срок ликвидировали свою экономическую и культурную отсталость. К середине 30-х годов здесь были осуществлены коренные социалистические преобразования: индустриализация, коллективизация сельского хозяйства и культурная революция. Были открыты вузы и первое научно-исследовательское учреждение — Молдавский научный комитет (с 1934 г. — Научно-исследовательский институт).

В ходе социалистического строительства марксистско-ленинское учение овладевало умами все большего числа рабочих, крестьян и интеллигентов Советской Молдавии. Громадную роль в этом сыграло массовое издание на молдавском языке работ К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина.

В годы коренных социалистических преобразований особое значение приобрела критика взглядов «правых» и «левых» уклонов и защита ленинского положения о возможности построения социализма в СССР.

В центре внимания партийной организации Молдавии находились также вопросы *атеистической работы*. Большую роль в развертывании атеистической пропаганды сыграло республиканское совещание в Молдавском обкоме партии (май 1925 г.). Атеистическая пропаганда, говорилось в резолюции совещания, «должна давать верующим... твердое материалистическое мировоззрение»⁸⁷. Существенный вклад в борьбу с религиозной идеологией в республике внес Союз безбожников МАССР, объединивший в 1929 г. 425 кружков, насчитывавших 10 000 членов⁸⁸. Широкому распространению атеистических идей в Советской Молдавии способствовал перевод на молдавский язык важнейших работ Е. Ярославского, И. Кривелева, Н. Румянцева, Н. Лебедева и других советских атеистов.

Успехи культурной революции в МАССР тесно связаны с усвоением и пропагандой принципов марксистско-ленинского литературоведения и эстетики, чему способствовало распространение в республике изданных в крупных научных центрах СССР сборников «Маркс и Энгельс об искусстве» (1933), «Ленин о культуре и искусстве» (1938), работ А. В. Луначарского, П. И. Лебеде-

⁸⁷ АИИП при ЦК КПМ. Ф. 49. Оп. 49-4. Св. 15. Ед. хр. 432. Л. 13.

⁸⁸ См.: Там же. Оп. 49-7. Св. 3, Ед. хр. 181. Л. 36.

ва-Полянского и других советских ученых. В начале 30-х годов впервые были изданы на молдавском языке работа В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» и его статьи о Л. Н. Толстом.

Культурная революция выдвинула на передний план ряд сложных теоретических вопросов, связанных с развитием искусства: пути формирования социалистического искусства, роль классического наследия в создании новой культуры, характер новаторства в художественном творчестве, приобщение широких народных масс к искусству.

Следует отметить, что в МАССР, как и во всей стране, вокруг этих вопросов происходила острая борьба. Правильному их решению противились сторонники богдановско-пролеткультовских теорий и «абстрактного искусства». Часть творческих работников недооценивала художественную форму и страдала национальной ограниченностью⁶⁹. Художественная литература, писал критик И. Вайнберг, должна спуститься до уровня неграмотных крестьян⁷⁰. Вульгарно-социологические взгляды на искусство и литературу некоторое время пропагандировал на страницах издававшегося в Москве журнала «Красная Бессарабия» писатель и критик С. Лехтцир⁷¹.

Решающую роль в преодолении ошибочных взглядов сыграли важнейшие партийные документы: решения XIII съезда РКП(б), резолюция ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (1925), постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (1932), решения VII конгресса Коминтерна (1935), резолюции Молдавского обкома КП(б)У «О национально-культурном строительстве в МАССР» (1930), «О состоянии литературной организации Молдавии» (1932), «О журнале „Октомврие“» (1933).

Существенный вклад в пропаганду марксистско-ленинских философских идей в МАССР внес И. В. Очинский. В статьях «О философском ленинском наследии»⁷², «Конкретное и абстрактное в диалектическом материализме»⁷³, «Проблема формы и содержания»⁷⁴ и др. И. Очинский пропагандировал ленинские идеи по вопросам материалистической диалектики, раскрывал значение ленинского этапа в философии марксизма, проводил ленинский принцип партийности философии. В его работах «О теоретических основах троцкизма»⁷⁵, «Философские корни правого уклона»

⁶⁹ См. об этом: Чиботару С. С. Формирование социалистического реализма в молдавской литературе. М, 1974. С. 89.

⁷⁰ См.: Вайнберг И., Лехтцир С. Ынтребарь литераре. Тираспол, 1930. П. 51.

⁷¹ См.: Лехтцир С. Современная молдавская литература // Красная Бессарабия, 1930. № 10.

⁷² См.: Радянська школа. 1930. № 9/10.

⁷³ См.: Там же. № 11/12.

⁷⁴ См.: За політехнічну освіту. 1931. № 3/4.

⁷⁵ См.: Радянська школа. 1930. № 9/10.

(Киев, 1930) и др. подвергаются критике философские основы концепций «правых» и «левых» уклонистов, их социальная направленность. Среди историко-философских работ молдавского философа выделяются «Философия Чернышевского»⁷⁶, представляющая собой определенный вклад в изучение мировоззрения великого русского мыслителя с марксистско-ленинских методологических позиций. «Зачатки материализма в творчестве и жизни Г. С. Сковороды»⁷⁷, являющаяся одной из первых попыток с марксистских позиций осветить мировоззрение украинского философа, «Философия Гегеля» (Луганск, 1930), в которой излагается марксистско-ленинская оценка воззрений выдающегося немецкого философа, «Эмпириокритицизм на Украине (Лесевич)»⁷⁸, посвященная популяризации бессмертного труда В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», и «Основоположник диалектического материализма»⁷⁹, написанная к 50-летию со дня смерти К. Маркса. Ряд вопросов эстетики и научного атеизма рассматриваются в работах И. Очинского «Эстетические воззрения Ивана Франко»⁸⁰, «Механистический материализм и религия»⁸¹, «Ленин и антирелигиозная пропаганда» (Тирасполь, 1932; совместно с К. Д. Очинской) и др. Его же брошюра «Два мира» (Тирасполь, 1932) посвящена критике буржуазного общества.

Труды И. Очинского не лишены недостатков⁸². Однако, взятые в целом, они способствовали утверждению марксистско-ленинской идеологии не только в МАССР, но и на Украине.

Иное положение сложилось в бессарабских районах Молдавии, до 1940 г. находившихся в условиях оккупации. Здесь официальной философией был идеализм. Против идеализма в Румынии (и Бессарабии) выступали члены Бессарабского комитета РКП(б) (в 1922 г. влившегося в состав Коммунистической партии Румынии) и другие прогрессивные мыслители. Идеи марксизма-ленинизма в Бессарабии пропагандировали не только марксистские газеты и журналы, но и прогрессивные румынские общественные деятели: поэт и публицист Н. Д. Кочя, П. Константинеску-Яшь. Передовые идеи в естествознании отстаивали А. Н. Дониц, Н. Н. Морощан, А. Г. Барладян, Ф. С. Поручик и др. С критикой принципов буржуазной эстетики выступали молдавские писатели и публицисты Е. Буков, А. Лупан, В. Панфил, Н. Костенко и др.⁸³

⁷⁶ См.: Червоний шлях. 1929. № 2.

⁷⁷ См.: Прапор марксизму. 1929. № 1.

⁷⁸ См.: Науч. зап. Луган. ин-та нар. образования. Луганск, 1931. Ч. II.

⁷⁹ См.: Октомврие. 1933. № 3.

⁸⁰ См.: Прапор марксизму. 1929. № 5.

⁸¹ См.: За політехнічну освіту. 1931. № 1/2.

⁸² См.: Урсул Д. Т., Топилина В. М. И. В. Очинский. Кишинев, 1979. С. 47, 67, 68, 70, 79, 82, 97 и др.

⁸³ См.: Чиботару С. С. Формирование социалистического реализма в молдавской литературе. С. 180, 183, 189, 214, 216, 243, 252.

В 1940 г. в истории молдавского народа произошло важнейшее событие — Бессарабия была воссоединена с Союзом ССР. Большая часть этого края объединилась с МАССР. Образовалась Молдавская Советская Социалистическая Республика. Трудящиеся массы правобережной Молдавии приступили к осуществлению коренных социалистических преобразований. Этот процесс, прерванный войной и оккупацией (1941—1944), в основном завершился к 1950—1951 гг.

Строительство социализма и утверждение марксистско-ленинской идеологии в освобожденных районах Молдавии осуществлялись в борьбе с остатками и рецидивами мировоззрения эксплуататорских классов. Антисоветскую пропаганду здесь вели некоторые члены бывших румынских националистических организаций, которым помогали остатки буржуазных партий, а также руководители ряда религиозных сект (иннокентьевцев, «свидетелей Иеговы» и др.). Сразу же после изгнания оккупантов со всей территории Молдавии Коммунистическая партия Молдавии развернула активную борьбу с враждебной идеологией. В целях приобщения широких масс трудящихся к сокровищнице марксистско-ленинских философских идей в послевоенные годы продолжался перевод произведений основоположников марксизма-ленинизма на молдавский язык. В 1949—1950 гг. были изданы на молдавском языке 49 произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина⁸⁴.

В первой половине 50-х годов на молдавском языке было издано 25 работ В. И. Ленина тиражом 315 тыс. экземпляров, что почти в два раза больше, чем за предыдущие 25 лет⁸⁵. В соответствии с решением III съезда КП Молдавии (1951 г.) были начаты перевод на молдавский язык и издание сочинений В. И. Ленина в 40 томах, завершённое в 1963 г. Секретариат ЦК КПМ 14 марта 1966 г. принял постановление «Об издании Полного собрания сочинений В. И. Ленина». Завершение выполнения этого постановления относится к началу 1978 г., когда вышел в свет 55-й том Полного собрания сочинений В. И. Ленина на молдавском языке. В целом же за годы Советской власти труды В. И. Ленина издавались на молдавском языке 240 раз, а тираж их достиг 2 млн экземпляров⁸⁶.

В 50-е годы окрепли и коренным образом улучшили свою работу философские кафедры вузов республики. В 1956 г. в составе Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР был создан сектор истории философской и общественно-политической мысли Молдавии, в 1969 г. преобразованный в самостоятельный Отдел философии и права Академии наук Молдавской ССР. Кафедры и Отдел философии и права при по-

⁸⁴ См.: Бессмертное ленинское наследие. Кишинев, 1979. С. 49.

⁸⁵ См.: Там же. С. 81.

⁸⁶ См.: Там же. С. 88.

мощи Института философии АН СССР и других философских учреждений страны вырастили хорошо подготовленные кадры, проделавшие большую работу в различных областях философии.

Перед философами республики встала трудная и вместе с тем неотложная задача: разработать научную историю философской и общественно-политической мысли Молдавии. Решение ее являлось составной частью развернувшегося после окончания Великой Отечественной войны процесса критического освоения культурного наследия молдавского народа, широким фронтом приступить к созданию своей социалистической культуры. В 50—80-х годах советские философы Молдавии написали ряд трудов, впервые с марксистско-ленинских позиций освещающих философские и общественно-политические взгляды крупнейших молдавских мыслителей прошлого⁸⁷.

Советские философы Молдавии доказали, что вопреки утверждениям буржуазных исследователей, здесь так же, как и в других регионах страны, распространялись революционно-демократические идеи. Крупнейшим молдавским революционером и демократом был писатель, публицист и политический деятель Алеку Руссо. В ряде работ большое внимание уделено анализу особенностей его революционно-демократических воззрений, защите им идеи дружбы и братства народов⁸⁸.

В многочисленных статьях философов Молдавии рассмотрены философские и политические воззрения молдавских писателей и умеренных просветителей первой половины XIX в. Г. Асаки, К. Стамати, А. Донича, А. Хыждеу, К. Негруци (А. К. Суслов, В. М. Смелых), ученых-естествоиспытателей 30—50-х годов XIX в. Я. Чихака, Т. Стамати, К. Вырнава, А. Денгинка (Н. А. Агасьева, В. М. Смелых), буржуазного либерала М. Когэлничану (С. Д. Рошка), революционных народников Н. П. Зубку-Кодряпу и З. Ралли-Арборе (А. И. Бабий, Н. П. Скурту). В 1979 г. в Кишиневе вышла в свет монография А. И. Бабия и Л. Ф. Мокряка «Философские воззрения естествоиспытателей Молдавии начала XX века», в которой впервые детально анализируются философские и социологические взгляды А. Д. Коцовского, А. Г. Барладяна, П. П. Тутышкина и И. К. Шентелича-Херцеско.

Ряд философов республики (А. И. Бабий, В. Н. Ермуратский, П. А. Ковчегов, В. М. Смелых) поместили соответствующие раз-

⁸⁷ См.: Урсул Д. Т. Философские и общественно-политические взгляды Н. Г. Милеску-Спафария. Кишинев, 1955; *Он же*. Николай Ганрилович Милеску-Спафарий. М., 1980; Коробан В. П., Руссев Е. М. Жизнь и творчество Иоанна Некулче. Кишинев, 1956. На молд. яз.; Ермуратский В. Н. Общественно-политические взгляды Дмитрия Кантемира. Кишинев, 1956; *Он же*. Дмитрий Кантемир — мыслитель и государственный деятель. Кишинев, 1973; Бабий А. И. Дмитрий Кантемир. М., 1984.

⁸⁸ См.: Коробан В. П., Ковчегов П. А. Общественно-политические и литературно-критические воззрения Алеку Руссо. Кишинев, 1953; Ковчегов П. А. Общественно-политические и философские взгляды Алеку Руссо. Кишинев, 1962. На молд. яз.

дела в «Очерках по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР», в шеститомной «Истории философии», в книге «Марксистско-ленинская философия и социология в СССР и европейских социалистических странах» (М. 1965), а также в I—IV томах «Истории философии в СССР». Особое внимание они уделили раскрытию прогрессивного влияния передовой русской мысли на молдавскую, многовековой духовной связи русского и молдавского народов.

Проделанная работа позволила нашим философам создать коллективный труд «Из истории общественно-политической и философской мысли в Молдавии» (Кишинев, 1970. На молд. яз.), в котором впервые дается относительно полное, стройное и последовательное изложение истории развития философских и общественно-политических идей в Молдавии в XVI — начале XX в., вскрываются общие и специфические особенности этого сложного процесса.

Все больше внимания уделяется молдавскими учеными вопросам *идейных связей молдавского, русского и украинского народов*. Результатом соответствующих исследований явился сборник статей «Из истории молдавско-русско-украинских философских связей XVII—XX вв.» (Кишинев, 1977), а также монография Ф. М. Верцана «Молдавия и Россия: преемственность общественно-политической и философской мысли» (Кишинев, 1984).

В 1975 г. в Кишиневе начала выходить на молдавском языке серия брошюр «Молдавские мыслители»⁸⁹.

В настоящее время философы Молдавии работают над «Очерками по истории философской и общественно-политической мысли Молдавии» на русском языке.

Положено начало созданию источниковедческой базы историко-философских исследований в республике. Вышла в свет книга «Н. П. Зубку-Кодряну. Сочинения» (Кишинев, 1978, на молд. яз.), включающая почти все написанное этим революционным народником. Готовятся к печати избранные произведения Н. Г. Милеску-Спафария и Д. Кантемира.

Появились первые публикации, опровергающие современных буржуазных фальсификаторов истории философской и общественно-политической мысли Молдавии⁹⁰.

⁸⁹ См.: Ковчегоя П. А. Алену Руссо (1975); Урсул Д. Т. Н. Г. Милеску-Спафарий (1976); Бабий А. И. Н. П. Зубку-Кодряну (1976); Смелых В. М. Константин Стамати (1977); Ермуратский В. Н. Дмитрий Кантемир (1978); Руссов Е. М. Мирон Костин (1978); Он же. Ион Некулче (1980); Левинца С. Ф. Алексей Матеевич (1979); Полович К. Ф. Михаил Эминеску (1980); Осадченко И. Е. Костане Негруци (1981); Бобыня Г. Э. Константин Стамати-Чурн (1983); Булгару М. Д. Георге Асакш (1983); Камерзан А. Ф. Богдан Петричейку Хыждеу (1986).

⁹⁰ См.: Бабий А. И. Против современных буржуазных фальсификаторов истории философской и общественно-политической мысли Молдавии // Против бур-

Исследование истории общественно-политической и философской мысли молдавского народа широко развернулось в республике, но некоторые работы оказались не свободными от неточных, ошибочных положений. Ошибочные выводы отдельных литературоведов и философов были подвергнуты принципиальной критике на страницах партийной печати⁹¹, на IX пленуме ЦК КПМ (1959 г.)⁹², IX съезде КПМ⁹³, в республиканских газетах⁹⁴. Решения и публикации партийных органов дали новый толчок критическому изучению литературного и философского наследия молдавского народа.

Большое внимание в республике уделяется *исследованию ленинского этапа в развитии марксистской философии*. В этом плане представляют интерес работы А. В. Щеглова⁹⁵, в которых раскрывается борьба В. И. Ленина с субъективизмом народников, буржуазным объективизмом «легальных марксистов», вульгарным материализмом «экономистов» и меньшевиков, подробно анализируются ленинские труды «Материализм и эмпириокритицизм», «О значении воинствующего материализма» и прослеживается развитие диалектического и исторического материализма в СССР после смерти В. И. Ленина. Вышла в свет монография Д. Т. Урсула и В. М. Топилоиной «И. В. Очинский (1888—1970)» (Кишинев, 1979).

Ряд работ философов Молдавии посвящен *критике буржуазной философии конца XIX—XX в.*⁹⁶

В поле зрения философов Молдавии находится также историко-философский процесс в Социалистической Республике Румынии⁹⁷.

После XX съезда КПСС философы республики в гораздо боль-

жуванных фальсификаторов истории и культуры молдавского народа. Кишинев, 1972; и др.

⁹¹ См.: Коммунист Молдавии. 1959. № 3; 1972. № 3.

⁹² См.: Сов. Молдавия. 1959. 25 сент.

⁹³ См.: Там же. 1960. 29 янв.

⁹⁴ См.: Молдова Социалистэ. 1979. 28 мар.

⁹⁵ См.: Щеглов А. В. Из истории борьбы В. И. Ленина за диалектический материализм. Пермь, 1960; *Он же*. Развитие марксистской философии в трудах В. И. Ленина. М., 1963; *Он же*. Советская философия в 20—40-х гг. (в период от смерти В. И. Ленина до XX съезда КПСС). Кишинев, 1965; *Он же*. В. И. Ленин о партийности марксистской философии. Кишинев, 1969; *Он же*. Основные черты ленинского этапа в философии. Кишинев, 1977. На молд. яз. См. также: Некоторые аспекты ленинского философского наследия. Кишинев, 1971. На молд. яз.

⁹⁶ См.: Некоторые вопросы истории философии. Кишинев, 1972; Михайл Н. Г. Критика гносеологии неорационализма. Кишинев, 1973; Заветур А. А., Ижичукый Л. М. Марксизм теория личности и фальсификация ее современными ревизионистами. Кишинев, 1975. На молд. яз.; *Он же*. Борьба за человека или против него. Кишинев, 1980; Штейнман Л. Б. Критика современной буржуазной философии. Кишинев, 1976. На молд. яз.; Вабий А. И., Бергинер Г. В. Закат еще одного буржуазного мифа о человеке. Кишинев, 1982.

⁹⁷ См.: Мазылу А. Д. Историко-философская наука в МолдССР. (1944—1969). Кишинев, 1973.

шей степени, чем раньше, стали заниматься вопросами диалектического и исторического материализма. Значительное внимание уделили они исследованию различных категорий диалектического материализма: «отражения», «развития», «деятельности» (А. Д. Урсул), «пространства» и «времени» (Р. А. Аронов), «возможности», «действительности» и «вероятности» (Н. П. Васильев), «определенности» и «неопределенности» (П. И. Визир)⁹⁸. Были подвергнуты анализу и некоторые категории исторического материализма⁹⁹.

Определенные результаты в разработке отдельных вопросов гносеологии нашли свое отражение в сборнике «Проблемы теории познания» (Кишинев, 1972), в котором рассматривается ряд вопросов теории познания в трудах молдавских мыслителей и естествоиспытателей эпохи феодализма и капитализма, дается критика кантианства в Молдавии конца XIX — начала XX в., раскрывается теоретико-познавательное значение категории «система», подвергаются критическому анализу взгляды неорационалистов на взаимоотношение теории и эксперимента, субъективного и объективного, показывается отрицательное влияние религиозных взглядов на познание верующими окружающей действительности.

Теории познания диалектического материализма посвящен ряд работ молдавских исследователей¹⁰⁰.

Большое место в научной работе философов Молдавии занимают труды по *философским проблемам естествознания*. В книгах по философским проблемам физики наряду с детальным рассмотрением проблемы соотношения философии и естествознания, подвергнуты принципиальной критике ошибочные воззрения современных позитивистов¹⁰¹.

В 1978 г. в Кишиневе опубликована монография И. Г. Кодряну «Философские вопросы математического моделирования». Интерес-

⁹⁸ См.: Урсул А. Д. Отражение и информация. М., 1973; Визир П. И., Урсул А. Д. Диалектика определенности и неопределенности. Кишинев, 1976; Визир П. И. Основные категории материалистической диалектики. Кишинев, 1977. На молд. яз.; см. также: Румлянский П. М. Материя и основные формы ее существования. Кишинев, 1977. На молд. яз.; Погольша Н. Н. Основные законы материалистической диалектики. Кишинев, 1978. На молд. яз.

⁹⁹ См.: Дежичев В. А. Общественное бытие и общественное сознание. Кишинев, 1970; Пахопол С. Л. Общее и особенное в культурной революции. Кишинев, 1970.

¹⁰⁰ См.: Мальков И. Е. Взаимосвязь познания и практики. Кишинев, 1975; Михай Н. Г. Научное познание мира и неорационализм. Кишинев, 1976; Сабощук А. П. Конструктивная активность и образность мышления. Кишинев, 1978; Он же. Об источнике и генезисе психического образа. Кишинев, 1981; Он же. О чувственных предпосылках мышления. Кишинев, 1984.

¹⁰¹ См.: Михай Н. Г. Диалектический материализм и современная физика. Кишинев, 1968. На молд. яз.; Румлянский П. М. Философия и физика микромира, Кишинев, 1973.

ные исследования созданы по философским вопросам биологии¹⁰².

Наряду с разработкой философских проблем естественных наук развернулось исследование интегративных тенденций в современной науке и технике, комплексных проблем НТР. Именно в Молдавии была издана первая монография, положившая начало новому комплексному направлению исследований философских проблем космонавтики,— книга А. Д. Урсула «Социализм и коммунизм — стартовая площадка советских космических кораблей» (1964), основные идеи которой были развиты в последующих монографиях упомянутого автора: «Освоение космоса (философско-методологические и социологические проблемы)» (М., 1967), «Человечество. Земля. Вселенная. Философские проблемы космонавтики» (М., 1977), «Космонавтика и социальная деятельность» (Кишинев, 1985; соавтор — А. А. Дронов), «Эволюция, космос, человек. (Общие законы развития и концепция антропокосмизма)» (Кишинев, 1986; соавтор — Т. А. Урсул).

Развитие современной науки привело к появлению новых категорий, методов, понятий, подходов и других средств научного познания. Развитию категорий современной науки и особенно анализу интегративно-научных тенденций посвящены монографии А. Д. Урсула «Философия и интегративно-общенаучные процессы» (М., 1981), В. С. Готта, Э. П. Семенюка, А. Д. Урсула «Категории современной науки» (М., 1984) и ряд других работ этих авторов.

В 60—80-х годах широкое развитие в Молдавии получили исследования в области *исторического материализма и научного коммунизма*¹⁰³. В этих работах исследуются диалектика развития

¹⁰² См.: Держачева Л. П. Вопросы методологии науки о жизни: (Из истории отечеств. биологии 20—30-х годов XX столетия). Кишинев, 1974; Она же. Философия и наука о жизни: (Из истории отечеств. науки 20—30-х годов XX в.) Кишинев, 1978; Она же. Проблемы философии в творчестве академика Н. И. Вавилова. Кишинев, 1986; Илларионов Н. С., Илларионова Н. В. Редукционизм в истории науки, Кишинев, 1982.

¹⁰³ См.: Адамов О. В. О некоторых современных реформистских и ревизионистских «теориях» перехода от капитализма к социализму. Кишинев, 1961; Бабий А. И., Ермурацкий В. Н. Расцвет культуры молдавского села. Кишинев, 1962; Заветур А. А. Социализм — будущее всего человечества. Кишинев, 1963. На молд. яз.; Урсул Д. Т. О формировании коммунистических производственных отношений. Кишинев, 1963. На рус. и молд. яз.; Он же. Развитие общественных отношений в Советской Молдавии. Кишинев, 1967; Енгелис Г. С. Духовный облик колхозного крестьянства: Опыт социол. исследования на материалах Молдавской ССР. Кишинев, 1967; Он же. Преобразование социальной структуры сельского населения. Кишинев, 1974; Заветур А. А. Формирование и развитие социальной структуры социализма в Молдавии. Кишинев, 1972. На молд. яз.; Верцан В. М. В. И. Ленин о преемственности в процессе становления коммунистической формации. Кишинев, 1974. На молд. яз.; Пляхатов П. Н. Диалектика превращения науки в производительную силу. Кишинев, 1975; Еремей Г. М. Новые горизонты молдавской культуры. Кишинев, 1976; Платон М. С. Молдавское село сегодня и завтра. Кишинев, 1977; Заветур А. А. Социальная струк-

производительных сил и производственных отношений в социалистическом обществе, закономерности преодоления существенных различий между городом и деревней, людьми физического и умственного труда, стирания классовых различий, развития национальных отношений, совершенствования идеологических процессов. При этом наряду с рассмотрением теоретических вопросов авторы уделяют значительное внимание изучению и обобщению конкретного опыта Молдавской ССР по устранению этих социальных различий с учетом местных специфических особенностей, а также тем процессам в социально-экономической, политической и духовной жизни, которые способствуют сближению социалистических наций, укреплению дружбы советских народов.

В ряде работ молдавских ученых¹⁰¹ исследуется роль *аграрно-промышленных предприятий и объединений в совершенствовании производственных отношений в стране* в условиях научно-технического прогресса.

Исследуются пути становления *социалистической интеллигенции Молдавии* и ее роль в строительстве нового общества¹⁰⁵.

В начале 60-х годов группа философов республики совместно с сотрудниками Института философии АН СССР приступила к конкретному изучению изменения социально-экономического и культурного облика молдавского села Копанка за годы Советской власти. Результаты исследования обобщены в книге «Копанка 25 лет спустя» (М., 1965). В ней на большом фактическом материале показано ускорение темпов социалистического строительства в правобережной Молдавии в послевоенные годы благодаря братской помощи, оказанной ей народами СССР.

тура Молдавии. Становление социально-политического единства. Кишинев, 1977; Тарасов О. Ю. Наука и ее организация в МССР (1966—1970). Кишинев, 1977; XXV съезд КПСС и проблемы развития науки. Кишинев, 1977; Некоторые вопросы строительства социализма и коммунизма. Кишинев, 1977; Развитие социалистических общественных отношений. Вопросы научного коммунизма. Кишинев, 1978; Калин И. П. Партийное руководство воспитательным процессом. Кишинев, 1979; Рошка А. Н. Свободное развитие каждого. Кишинев, 1980. На молд. яз.; Победа Н. А. Производственный коллектив и культура рабочего. Кишинев, 1982; Она же. Преодоление социально-культурных различий. Кишинев, 1985; Дмитренко С. М. Производственная адаптация сельского мигранта. Кишинев, 1982; Кац Э. М. Сельская молодежь: проблемы выбора профессии. Кишинев, 1982; Корбу В. М. Коммунистическое воспитание населения современного села. Кишинев, 1983.

¹⁰⁴ См.: Интеграция сельскохозяйственного и промышленного производства на современном этапе. Кишинев, 1974; Правовое положение аграрно-промышленных предприятий и объединений. Кишинев, 1974; Брыляев В. А. Влияние культурно-технического уровня рабочих на отношение к труду. Кишинев, 1976; Тимуш А. И. Социальные процессы на селе. Кишинев, 1975; Он же. Научно-технический прогресс и социальное развитие села. Кишинев, 1977; Интеграционные процессы и совершенствование общественных отношений на селе. Кишинев, 1979; и др.

¹⁰⁵ Бурка Г. И. Интеллигенция Советской Молдавии. Кишинев, 1971. На молд. яз.; Корбу В. М. Становление и развитие сельской интеллигенции в Советской Молдавии. Кишинев, 1974; Корбу В. М., Застур К. А. Интеллигенция современного молдавского села, Кишинев, 1978. На молд. яз.; и др.

Важное значение в Молдавской ССР придается исследованию проблем развития наций и национальных отношений¹⁰⁶.

В ответ на активизировавшуюся в послевоенные годы пропагандистскую деятельность служителей религиозных культов философы Советской Молдавии развернули большую работу в области научного атеизма. Уже в конце 40-х годов здесь вышла брошюра Н. Д. Поморцева «Наука и религия» (Кишинев, 1949). В 60-е годы в вузах и некоторых средних специальных учебных заведениях был введен курс «Основы научного атеизма». Из года в год возрастало число лекций на научно-атеистические и естественнонаучные темы, читаемых по линии общества «Знание». Вышли в свет на молдавском языке в виде отдельных изданий работы В. И. Ленина «Социализм и религия» и «Об отношении рабочей партии к религии» (1954), сборники «В. И. Ленин. О религии» (1955) и «В. И. Ленин. Статьи о Толстом» (1960), атеистические труды Е. Ярославского и других советских атеистов.

Возросло число трудов по научному атеизму, написанных местными авторами и опубликованных в Кишиневе. Среди них серия брошюр и монографий, посвященных критике религии вообще¹⁰⁷, в том числе критике православия, иудаизма, религиозного сектантства, клерикального антикоммунизма, религиозных традиций, показу атеистических тенденций в молдавском фольклоре, пропаганде опыта атеистического воспитания учащихся¹⁰⁸.

¹⁰⁶ См.: Грекул А. В. Формирование и развитие молдавской социалистической нации. Кишинев, 1955; *Он же*. Расцвет молдавской социалистической нации. Кишинев, 1974. На молд. яз.; Борщевич И. Г. Об особенностях интернационализации общественной жизни при капитализме и социализме, М., 1966; Урсул Д. Т. Расцвет и сближение советских наций. Кишинев, 1971. На молд. яз.; Ильяшенко К. Ф. В семье единой. Кишинев, 1972; Шемяков Д. Е. Интернациональное воспитание трудящихся МССР. Кишинев, 1976. На молд. яз.; Маринеску Д. И. Двуязычие — фактор сближения социалистических наций и народностей. Кишинев, 1977. На молд. яз.; Загтур А. А., Чобу Е. И. Торжество идей Великого Октября на молдавской земле. Кишинев, 1977; *Бабейко Ф. С.* Общение народов и социальный прогресс: вопросы теории и методологии. Кишинев, 1983; *Балан Е. М.* Патриотическое и интернациональное воспитание сельской молодежи. Кишинев, 1986; Национальное и интернациональное в современном мире. Кишинев, 1980.

¹⁰⁷ См.: Симонов А. В. Происхождение и классовая сущность религии. Кишинев, 1958; Научное и религиозное мировоззрение. Кишинев, 1965; и др.

¹⁰⁸ См.: Рябошапка З. Религиозные и антирелигиозные истории. Кишинев, 1957. На молд. яз.; Малацкий Ф. С. Иудаизм, его сущность и происхождение. Кишинев, 1958; *Он же*. Современный иудаизм. Кишинев, 1964; *Он же*. «Пророческий социализм» и сионистский вариант «социализма». Кишинев, 1973; Зеленчук В. С., Лоскутова Л. Д. Против вредных традиций прошлого. Кишинев, 1960; Богезату Г., Савина М., Тимофте Г. Народ о религии и духовенстве. Кишинев, 1961. На молд. яз.; Гажос В. Атеистическое воспитание на уроках истории. Кишинев, 1963. На молд. яз.; Малиновский Т. И. Человек, бог и наука. Кишинев, 1964; Парно И. К. Были ли созданы небо и Земля? Кишинев, 1965; Страницы истории религии и атеизма в Молдавии. Кишинев, 1970; Гольденберг М. А. Мифы сионизма. Кишинев, 1972; *Он же*. Социально-политическая доктрина сионизма, Кишинев, 1973; *Он же*. Кле-

Появились труды источниковедческого характера и антологии атеистических произведений¹⁰⁹.

В отдельных работах освещаются важные этапы истории русской и западноевропейской атеистической мысли¹¹⁰.

Значительный интерес представляют исследования, в которых освещаются основные черты атеистического мировоззрения вообще¹¹¹. Интересные работы посвящены раскрытию путей преодоления религиозных пережитков в республике¹¹².

Конкретно-социологические исследования, проведенные в 60—70-х годах в ряде районов и городов Молдавской ССР, показали успешность проводившейся атеистической пропаганды.

Возрастание роли морального фактора в период строительства коммунизма вызвало необходимость изучения процессов формирования коммунистической морали, изменения духовного мира советских людей. В работах философов Молдавии проблемы этики разрабатывались как в общетеоретическом плане, так и в плане решения задач коммунистического воспитания трудящих-

рикаральный антикоммунизм. Кишинев, 1979; *Он же*. Тупики сионизма. Кишинев, 1979; *Он же*. Сионизм. Липо и маски. М., 1985; *Быску Ф. А.* Процесс преодоления православия в Молдавии. Кишинев, 1974; *Он же*. Атеистическое воспитание учащихся общеобразовательных школ. Кишинев, 1983; *Он же*. Атеистическое воспитание работающей молодежи. Кишинев, 1985; *Бабий А. И., Гольденберг М. А.* Религия и антикоммунизм. Кишинев, 1975; *Они же*. Религия и идеологическая борьба. Кишинев, 1978. На молд. яз. *Гажос В. Ф.* Эволюция религиозного сектантства. Кишинев, 1976. На молд. яз.; *Зеленчук В. С., Попович Ю. В., Лоскутова Л. Д.* Традиции и современность. Кишинев, 1977. На молд. яз.; Атеистическое воспитание молодежи и вопросы этики. Кишинев, 1979; и др.

¹⁰⁹ См. сб. «Отец Киселица и присные» (Кишинев, 1965. На молд. яз.), включающий отрывки из атеистических и антицерковных произведений К. Стамати, К. Негруци, А. Руссо, М. Эминеску, К. Стамати-Чури; сб. «Из истории атеистической мысли в Молдавии» (Кишинев, 1967. На молд. яз.), содержащий отрывки из трудов Д. Кантемира, Амфилохия Хотянского, Н. П. Зубку-Кодрану, З. Ралли-Арбуре, В. Л. Лашкова, А. Г. Барладяна; сб. документов «Реакционная роль религии и церкви» (Кишинев, 1969); *Попович К. Ф.* Антиклерикальные и атеистические мотивы в молдавской классической литературе. Кишинев, 1966. На молд. яз.; *Он же*. Молдавские классики о духовенстве и религии. Кишинев, 1969. На молд. яз.; *Бабий А. И.* Свободомыслие, антиклерикализм и атеизм в истории Молдавии. Кишинев, 1974; и др.

¹¹⁰ См. кн. Л. К. Гришанова «Бойкая, живая, талантливая» (Кишинев, 1966), посвященную разбору атеистических воззрений П. Гольбаха; *Ружина Л.* Маяковский против религии. Кишинев, 1967.

¹¹¹ См.: *Гришанов Л. К.* Гуманистическая сущность атеизма. Кишинев, 1970. На молд. яз.; *Он же*. Атеизм как утверждение бытия человека. Кишинев, 1973; Некоторые вопросы атеизма. Кишинев, 1970. На молд. яз.; Научный атеизм и религия. Кишинев, 1971. На молд. яз.; и др.

¹¹² См.: *Штюжа В. Г.* Быт и религия. М., 1966; *Кригануца Л. Н., Табунцик Ф. В.* Религиозные пережитки и пути их преодоления. Кишинев, 1967; Социальные проблемы сельского быта в Молдавии. Кишинев, 1971; Атеизм в наступлении. Кишинев, 1974. На молд. яз.; *Табакару Д. Н.* Религиозное сознание и действительность. Кишинев, 1977. На молд. яз.; *Цуркан И. М.* К духовной свободе. Кишинев, 1977; *Цыганаш Д. П.* Атеистическое воспитание: проблемы эффективности. Кишинев, 1978; *Бабий А. И., Гольденберг М. А., Табакару Д. Н.* Преодоление религии и утверждение атеизма в Молдавской ССР. Кишинев, 1983; и др.

ся. Результаты исследований Г. Г. Квасова в этой области опубликованы в его работах «О коммунистическом социальном идеале личности» (в сб. «Актуальные проблемы теории и практики коммунистического строительства». М., 1964), «Коммунистический идеал и его роль в воспитании трудящихся» (М., 1965) и др.

В республике ведется работа по изучению актуальных вопросов формирования коммунистического отношения к труду и социальных аспектов труда¹¹³. Однако проведенных исследований и соответствующих публикаций явно недостаточно. Разработка этической проблематики является, пожалуй, самым отстающим участком философских исследований в республике.

В Молдавской ССР ведутся исследования в области эстетики¹¹⁴.

Из года в год крепнут связи философов Молдавии с философами других союзных республик. Молдавские философы и социологи поддерживают научные связи с институтами философии АН СССР, АН УССР и АН БССР, Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова, Академией общественных наук при ЦК КПСС, Институтом социологических исследований АН СССР, Институтом истории естествознания и техники АН СССР и другими научными учреждениями и философскими факультетами университетов. Эти связи идут по линии подготовки для республики философских кадров, получения консультаций в головных научных учреждениях, совместного написания работ, участия в конференциях, совещаниях, всесоюзных научных советах и т. д.

В Молдавии состоялся ряд научных сессий, конференций и семинаров (в том числе всесоюзных и международных), в которых широкое участие приняли философы из других союзных республик и зарубежных социалистических стран. Таковы республиканская научная сессия «Марксистско-ленинская наука и

¹¹³ См.: Труд и коммунистическая сознательность. Кишинев, 1968; Солтан И. О. Политическая учеба и развитие общественно-политической активности работников промышленных предприятий. Кишинев, 1973; Чубатый В. М. Формирование нового человека: (На материалах правобережных районов МССР, Черновицкой и бывшей Измаильской областей УССР). Кишинев, 1975; Тимуш А. И. Слушатели и читатели: мнения, интересы, стремления. Кишинев, 1978; Проблемы коммунистического воспитания. Кишинев, 1978; и др.

¹¹⁴ См.: Сулов А. К. Эстетические взгляды молдавских просветителей первой половины XIX века (Г. Асаки, К. Негруци, А. Руссо и В. Александри). М., 1958; Он же. Предмет марксистско-ленинской эстетики. Кишинев, 1975. На молд. яз.; Мезенцев П. А. Эстетическое восприятие. Кишинев, 1958; Шапошников Ф. И. М. М. Божий. Киев, 1963. На укр. яз. См.: также: Меланик Т. Г. Прекрасное в художественных произведениях. Кишинев, 1972; Он же. Содержание и форма художественного произведения. Кишинев, 1972. На молд. яз.; Чокану И. Некоторые вопросы эстетики. Кишинев, 1973. На молд. яз.; Бабий А. И., Чайковский В. Я. Ленинская теория отражения как метод исследования специфики искусства. Кишинев, 1978; Визигей Е. В. Эстетика и жизнь. Кишинев, 1980. На молд. яз.; Цели И. Я. Русская философско-эстетическая мысль в борьбе против позитивизма и религии (середина XIX — начало XX в.). Кишинев, 1982.

борьба против современного антикоммунизма, против реакционных фальсификаций опыта национально-государственного строительства в СССР» (Кишинев, 1972)¹¹⁵, республиканская научно-теоретическая конференция «Актуальные проблемы марксистско-ленинской критики буржуазной философии, ревизионизма, национализма и религиозных учений» (Тирасполь, 1972)¹¹⁶, международный философский семинар «Социализм и молодежь» (Кишинев, 1976, 1979), всесоюзная научно-теоретическая конференция «Социально-политические, экономические и правовые проблемы сближения двух форм социалистической собственности и совершенствования на этой основе руководства сельским хозяйством» (Кишинев, 1978)¹¹⁷.

Международные научные связи молдавских философов выражаются в их участии в международных конгрессах и симпозиумах. Д. Т. Урсул, Н. Г. Михай и О. Ю. Тарасов участвовали в работе XV Всемирного философского конгресса (Варна, 1973), П. И. Визир — в работе XVI Всемирного философского конгресса (Дюссельдорф, 1978).

В Молдавской ССР имеются определенные достижения в области подготовки философских кадров. При кафедрах философии Кишиневского государственного университета, Кишиневского политехнического института и в Академии наук МССР имеется аспирантура по философии.

Философы Молдавии — активные участники всесоюзных научных обществ. В 1972 г. создано Молдавское отделение Философского общества СССР. В настоящее время индивидуальными членами Общества являются свыше 150 преподавателей и научных сотрудников, а коллективными членами — ряд вузов и кафедр философии и научного коммунизма. При Бюро Отделения организованы секции научного коммунизма, истории философии, диалектического и исторического материализма, научного атеизма, философских проблем естествознания. В 1977 г. создано Молдавское отделение Советской социологической ассоциации. Оно объединяет 101 коллективный (кафедр, лабораторий, ведомств, промышленных предприятий) и 125 индивидуальных членов. Молдавское отделение ФО СССР и Молдавское отделение ССА проделали немалую работу по объединению философских сил республики, совершенствованию планирования научно-исследовательских работ в области философии, научного коммунизма, социологии, обсуждению подготовленной к печати и опубликованной научной продукции, проведению конференций, совещаний по различным философским проблемам. В Советской Молдавии

¹¹⁵ Материалы конференции опубликованы в сб.: Факты и домыслы. Кишинев, 1973.

¹¹⁶ См.: Там же.

¹¹⁷ Материалы конференции опубликованы в сб.: Интеграционные процессы и совершенствование общественных отношений на селе, Кишинев, 1979.

систематически совершенствуются формы и методы пропаганды марксистско-ленинских философских знаний.

Развитие философской и общественно-политической мысли в Советской Молдавии и успехи в идеологической работе полностью опровергают измышления современных «советологов» о том, что молдавскому народу якобы чуждо марксистское мировоззрение. Большие успехи, достигнутые трудящимися Советской Молдавии во всех областях жизни, неопровержимо свидетельствуют о том, что они вместе со всем советским народом имеют одну общую идеологию — марксизм-ленинизм.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

ЗАКАВКАЗСКИЕ СОВЕТСКИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСПУБЛИКИ

1

Грузинская ССР

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала мощное влияние на грузинскую общественность. Вопросы о судьбе революции и путях дальнейшего развития страны стали предметом широкого обсуждения. В процессе коренных революционных преобразований каждая политическая партия старалась теоретически обосновать свои практические задачи и устремления. Поэтому не случайно, что в Грузии, кроме марксистской философии, распространялись в эти годы разные идеалистические течения. Возросшим интересом к философским проблемам было обусловлено создание в 1928 г. философского факультета при Тбилисском университете и учреждение «Философского общества имени И. Петрици», задачей которого являлось распространение в Грузии философских знаний, изучение мировой и древнегрузинской философской литературы.

С установлением Советской власти в Грузии (1921) Коммунистическая партия развернула борьбу против идеалистических философских течений, особенно так называемого «синтетизма», возродившихся субъективно-идеалистических взглядов А. Джорджадзе, ревизионистски-идеалистических взглядов организации «молодых марксистов» и др. Отстаивая марксистско-ленинскую философию, Коммунистическая партия Грузии усматривала в ней великую идеологическую силу в борьбе за победу социализма, упрочение диктатуры пролетариата. «Когда пролетариату приходится строить социализм в окружении капиталистических

стран,— писал орган ЦК Компартии Грузии,— необходимым является создание „идеологического фронта“. Нашим верным оружием на этом фронте является материалистическая философия, материалистическое понимание истории. Правда, наша экономическая основа пока еще не социалистическая, но правда и то, что эта основа изменяется и в ее изменении большую роль играют идеи. Поэтому все формы идеологии, философия, наука, искусство должны быть применимы для обоснования и построения коммунистического общества»¹.

В этой острой идеологической борьбе неопечимую роль сыграло издание на грузинском языке (1924) труда В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма».

В пропаганде марксистско-ленинской философии и воспитании национальных кадров идеологического фронта большую роль сыграли видные деятели большевистской партии Г. К. Орджоникидзе, Ф. Е. Махарадзе, М. Д. Орахелашвили и другие марксисты-ленинцы.

В 1931 г. был открыт грузинский филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б), который провел большую работу по переводу на грузинский язык основных философских трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, Собрания сочинений В. И. Ленина. В 30-х годах были изданы «Капитал», «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии», «Материализм и эмпириокритицизм», «К вопросу о диалектике», ленинский конспект книги Гегеля «Наука логики», философские труды Г. В. Плеханова. Решительную борьбу против идеализма, за чистоту марксистской философии, необходимость глубокого изучения ленинского философского наследия вели в эти годы Ф. Махарадзе, М. Торошелидзе, К. Горделадзе, Г. Мушишвили, Ш. Дудучава, И. Вашакмадзе и др.

Ф. Махарадзе в своих трудах «Идеологический фронт» (1923), «О задачах Института марксизма-ленинизма» (1931) и др., критикуя идеализм и метафизику, подчеркивал революционную сущность марксистской философии, ее связь с практикой социалистического строительства. Марксистская философия, по его мнению,— единственная научная философия, которая восприняла и развила дальше все то положительное, что было достигнуто веками передовой человеческой мыслью. Марксистская философия, утверждал он, это «цельное мировоззрение, которое подытожило достижения прошлой философии, естествознания и вообще всего человеческого знания. Оно рассеяло туман, с помощью которого в разные эпохи господствующие классы угнетали трудящиеся массы»².

¹ Коммунизмс дроща (Знамя коммунизма), 1923, № 3.

² Махарадзе Ф. Задачи Института марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б), Тбилиси, 1931, С. 20.

Подчеркивая роль и практическое значение марксистской философии в строительстве нового общества, И. Вашакмадзе писал, что борьба за марксистскую философию и за диалектический материализм является составной и необходимой частью борьбы за коммунизм³.

В труде «Органическое направление в социологии» К. Горделадзе критиковал попытки механистического извращения марксистской философии, доказывая, что механицисты, сводя социальные задачи к органическим, повторяют ошибки «органической социологии». Для их взглядов характерны эклектика, схоластика, неисторический подход к изучаемым явлениям. На примере критики В. И. Лениным Н. И. Бухарина К. Горделадзе проанализировал сущность механицизма в философии и показал коренное отличие от него диалектического материализма.

В трудах грузинских философов 20—30-х годов большое внимание уделялось вопросу отношения марксистской философии к философскому наследию прошлого. При обсуждении итогов философской дискуссии 1930 г. суровой критике были подвергнуты ошибочные утверждения о марксистской философии как о якобы простом соединении материализма Спинозы—Фейербаха и диалектики Гегеля. Перед грузинскими философами встали задачи исследования отношения марксистской философии к домарксовской, существа ленинского этапа в философии марксизма и перестройки всей исследовательской работы на теоретических и методологических основах марксизма-ленинизма.

По мере движения грузинского общества к социализму, ломки старых и утверждения новых взглядов, изменения в идеологической обстановке вследствие широкого распространения идей марксизма-ленинизма известные грузинские философы Ш. Нудубидзе, Д. Узнадзе, С. Данелия, К. Бакрадзе, К. Капанели и др. начали отходить от своих прежних идеалистических взглядов и переходить на позиции марксистской философии. Показателем этого поворота являются опубликованные в 30-х годах труды Ш. И. Нудубидзе «Марксизм и эмпириомонизм», «Чернышевский как мыслитель», его критические исследования по новейшей буржуазной философии; исследования Д. Узнадзе по теории установки, С. Данелия — по античной философии, К. Капанели — по эстетике, К. Бакрадзе — по немецкой классической философии, М. Гогиберидзе — по домарксовской диалектике и материализму и т. д. Критикуя домарксовскую диалектику и домарксовский материализм, попытки субъективно-идеалистической ревизии диалектического материализма, грузинские философы раскрывали революционную сущность марксистской диалектики, показывали последовательный характер марксистского материализма⁴.

³ См.: Большевик. 1930. № 4.

⁴ См.: Гогиберидзе М. Развитие проблем диалектики и материализма до Маркса; Тбилиси, 1928. На груз. яз.; Он же. Ленин как философ. Тбилиси, 1929. На груз. яз.

Несмотря на ряд ошибок, допущенных при толковании вопросов марксистско-ленинской философии, труды грузинских философов 30-х годов сыграли положительную роль в развитии в Грузии марксистской философской мысли, в воспитании новых кадров философов. Воспитанию кадров марксистско-ленинской философии способствовало открытие Института марксизма-ленинизма, философских кафедр при Тбилисском университете.

В 40-х годах значительно расширился круг вопросов, разрабатываемых грузинскими философами⁵. В 1946 г. при Академии наук Грузинской ССР был образован Институт философии, ставший в республике центром научно-исследовательской работы в области философии. При кафедрах философии были открыты аспирантуры, готовящие кадры по разным отраслям философии.

В центре внимания грузинских философов вопросы диалектического и исторического материализма. В работах *по диалектическому материализму*, особенно в трудах, вышедших в 60—70-е годы⁶, раскрывается сущность марксистской диалектики как учения о всеобщих законах развития и как метода познания, дается анализ диалектической природы логического, доказывается, что истинная сущность диалектики раскрывается лишь в свете научного развития материалистической теории.

Особое внимание уделяется исследованию категорий диалектического материализма и теории познания. В частности, исследуется диалектическая взаимосвязь категорий формы и содержания, свободы и необходимости, общего и единичного, сущности и явления, необходимости и случайности, а также пространства, времени и движения. В отдельных исследованиях раскрывается неразрывная связь диалектического метода и материалистической теории в системе диалектико-материалистической философии.

В исследованиях по теории познания раскрывается сущность ленинского понимания единства диалектики, логики и теории познания, диалектического характера истины, таких кардинальных вопросов диалектики, как, например, различие, противоре-

Дудучава Ш. Философские взгляды В. И. Ленина. Тбилиси, 1925. На груз. яз.; *Мушвицели Г.* Материалистическая диалектика. Тбилиси, 1932; *Вашакмадзе И.* Задача марксистско-ленинской теории. Тбилиси, 1930. На груз. яз.; *Бакрадзе К.* Проблема диалектики в немецком идеализме (от Канта до Гегеля). Тбилиси, 1929. На груз. яз.; и др.

⁵ См.: Труды грузинских авторов по философии. Тбилиси, 1954—1960. Кн. 1—7;

⁶ См.: *Церегети С.* О природе законов науки. Тбилиси, 1956. На груз. яз.; *Омжв.* Некоторые вопросы ленинского понимания истины. Тбилиси, 1962. На груз. яз.; *Мачитадзе Г.* Диалектика формы и содержания. Тбилиси, 1958. На груз. яз.; *Акбардия К.* О взаимосвязи диалектического метода и материалистической теории. Тбилиси, 1962. На груз. яз.; *Бакурадзе О.* Свобода и необходимость. Тбилиси, 1964. На груз. яз.; *Циццадзе Г.* О взаимоотношении необходимости и случайности. Тбилиси, 1965. На груз. яз.; *Некоторые категории диалектического материализма.* Тбилиси, 1963. На груз. яз.; *Мегрелидзе К.* Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1973; *О предмете философии.* Тбилиси, 1973; и многие другие.

чие, самодвижение, отрицание, доказательство путем отрицания и т. д.

В области исторического материализма опубликован ряд исследований⁷, в которых главное внимание уделяется изучению закономерности развития социалистического общества, проблем социализма и коммунизма. Прослеживаются изменения производительных сил и производственных отношений, форм собственности, преодоление существенных различий между городом и деревней, физическим и умственным трудом, взаимоотношение форм общественного сознания, вопросы государства, изменения классовой структуры советского общества, роли личности и народных масс в истории и т. д. В исследованиях доказывалось, что исторический материализм должен быть построен как система философских категорий в специфической форме их проявления в общественной жизни.

Начиная с 60-х годов значительное внимание грузинских философов уделяется конкретно-социологическим исследованиям, в частности вопросам культурно-технического развития рабочего класса, проблемам становления коммунистической нравственности⁸.

В трудах грузинских философов большое внимание уделяется критике современной идеалистической буржуазной социологии, в частности неопозитивистской, психологического направления в социологии, ревизионистскому извращению исторического материализма и т. д. Разрабатываются вопросы марксистско-ленинской теории ценностей. В этом отношении значительным событием явился Всесоюзный симпозиум в Тбилиси (1965), на котором в докладах грузинских философов обосновывалось положение, что ценностное отношение к действительности характеризуется определенной спецификой, являющейся особым предметом философского исследования. Наряду с этим в докладах была дана критика буржуазных аксиологических теорий, доказывалось, что продуктивным научным методом решения аксиологических проблем является метод марксистско-ленинской философии.

Введение в высших учебных заведениях факультативных курсов эстетики, этики и научного атеизма дало большой толчок развертыванию научно-исследовательской работы в этих областях.

⁷ См.: Исторический материализм. Тбилиси, 1957. На груз. яз.; *Лаарцулиани С.* О закономерности развития социалистического способа производства. Тбилиси, 1961. На груз. яз.; *Каландадзе Д.* К вопросу о единстве объективного и субъективного в познании и общественной жизни. Тбилиси, 1964. На груз. яз.; О закономерностях развития социалистического общества. Тбилиси, 1964. На груз. яз.; *Джигоев О.* Природа исторической необходимости. Тбилиси, 1967; *Он же.* Историческая необходимость: ее природа, познание и реализация: Докт. дис. Тбилиси, 1972.

⁸ См.: *Вацейшвили А.* К вопросу повышения культурно-технического уровня рабочего класса в СССР. Тбилиси, 1962. На груз. яз.; *Бицадзе Ш.* О коммунистической морали. Тбилиси, 1956. На груз. яз.; и др.

Исследования в области эстетики имеют в Грузии глубокие традиции⁹. Еще в 30-е годы были опубликованы труды по эстетике, затрагивающие ее коренные вопросы. Работа в этом направлении особенно усилилась с 50-х годов. В опубликованных трудах рассматриваются такие важные проблемы, как сущность прекрасного, отношение искусства к действительности, связь эстетической и познавательной ценностей в искусстве, предмет и категории марксистско-ленинской эстетики, задачи эстетического воспитания народа в период строительства нового общества.

В работах по этике и научному атеизму¹⁰ исследуются коренные вопросы этики, гносеологические и социальные корни религии и т. д.

Важное место в научно-исследовательской работе грузинских философов занимают проблемы истории философии. В этом направлении разрабатываются вопросы истории грузинской философии, всеобщей истории философии, современной буржуазной философии и истории марксистско-ленинской философии.

Философия в Грузии имеет древнейшие традиции, поэтому не случайно, что интерес к истории грузинской философской мысли возник еще до революции. Однако подлинно научное исследование грузинской философии было начато лишь после 30-х годов, и датируется оно публикацией первых трудов Ш. И. Нуцубидзе.

Деятельность Ш. Нуцубидзе в области философии начинается еще до революции. В первые годы после революции им был опубликован ряд монографических исследований по вопросам философии, особенно по теории истины и по логике¹¹. Несмотря на идеалистический характер этих трудов, они способствовали постановке в Грузии новых философских проблем. При Тбилиском университете Ш. Нуцубидзе были организованы философские семинары, в которых воспитывались грузинские философы М. Гогиберидзе, К. Бакрадзе, А. Бочоришвили, С. Церетели,

⁹ См.: Капанели К. Грузинский дух в эстетических образах. Тбилиси, 1926. На груз. яз.; Нуцубидзе Ш. Теория искусства. Тбилиси, 1929. На груз. яз.; Чагчавадзе Н. О некоторых особенностях художественного отражения действительности. Тбилиси, 1955; Он же. Искусство и действительность. Тбилиси, 1971; Он же. Принципы эстетического воспитания. Тбилиси, 1971; Джигладзе Г. Вопросы эстетической теории. Тбилиси, 1961. На груз. яз.; Шария П. Критический обзор литературно-эстетической теории экзистенциализма. Тбилиси, 1968; Он же. Критика основных направлений современной буржуазной эстетики. Тбилиси, 1969; Какабадзе З. М. Феномен искусства. Тбилиси, 1980.

¹⁰ См.: Сахаров С. О христианской религии. Тбилиси, 1956. На груз. яз.; Ванвзладзе Г. Этика. Тбилиси, 1964; и др.

¹¹ См.: Нуцубидзе Ш. И. Логика. Кутаиси, 1919. На груз. яз.; Он же. Логика. Тбилиси, 1923. На груз. яз.; Он же. Введение в философию. Тбилиси, 1920. На груз. яз.; Он же. Основы алетологии. Тбилиси, 1922. На груз. яз.; Он же. Познание как философская проблема. Тбилиси, 1923. На груз. яз.; Он же. Кант в перспективе человеческого мышления. Тбилиси, 1925. На нем. яз.; и др.

Г. Каландаришвили и др., которые впоследствии сыграли большую роль в развитии философской мысли в Грузии.

С конца 30-х годов исследовательская работа Ш. Нуцубидзе сосредоточивается главным образом на изучении истории грузинской философии¹². Его многолетняя работа в этой области была подытожена в его «Истории грузинской философии», с изданием которой история грузинской философии стала самостоятельной научной дисциплиной. В «Истории грузинской философии» Ш. Нуцубидзе определены основные этапы грузинской философии с древнейших времен до 30-х годов XIX в. и выявлены ее главные направления. Критикуя антинаучные взгляды «европоцентристов» и фашистских идеологов, отрицавших самостоятельность и историческое значение философии народов Востока, в частности Закавказья, Ш. Нуцубидзе доказывает неправильность противопоставления так называемого западного мышления восточному.

В исследованиях Ш. Нуцубидзе особое место занимает вопрос о Петре Ивере и тайне Псевдо-Дионисия Ареопагита. Опираясь на многочисленные аргументы, ученый доказывает, что подлинным автором ареопагистских книг является грузинский мыслитель Петр Ивер. Выводы Ш. Нуцубидзе по данному вопросу важны не только для истории грузинской, но и для всей истории средневековой и новой философии.

В трудах Ш. Нуцубидзе по-новому ставится вопрос о древнем памятнике «Книга о причинах», внесенем в средневековую философию идеи пантеизма и негативной диалектики, элементы аристотелевского учения. По его утверждению, «Книга о причинах» не арабского происхождения, как это считали раньше, но была переведена на арабский язык с сирийского, а на сирийский с сочинения Петра Ивера.

Ш. Нуцубидзе исследует также вопрос об идейных связях грузинской философии с арабской, индийской и восточной мыслью вообще. Книга «Мудрость Балавара», относящаяся к VII столетию, является, считает он, сочинением грузинского философа Иоана Месха; греческий же вариант этого текста был составлен, по его мнению, Евфимием Иверским. Подробно анализирует Ш. Нуцубидзе и взгляды И. Петрици, грузинского философа XII в., проследживает ход развития философии в Грузии вплоть до первой четверти XIX в.

Вопросам истории грузинской философии посвящены труды И. Д. Панцхавы, в которых дан анализ элементов диалектики в

¹² См.: Нуцубидзе Ш. Руставели и восточный Ренессанс. Тбилиси, 1946; Он же. О тайне Псевдо-Дионисия. Тбилиси, 1942; Он же. Еще раз о тайне Псевдо-Дионисия // Тр. Тбил. ун-та. 1955. Т. 59; Он же. Петр Ивер и проблемы ареопагитики. Тбилиси, 1957; Он же. История грузинской философии. Тбилиси, 1959; Он же. К происхождению греческого романа «Варлаам и Иосаф». Тбилиси, 1956; Он же. Петр Ивер и античное философское наследие. Тбилиси, 1963; и др.

философии Грузии XI—XII вв., труды Г. М. Каландаришвили, исследующего историю логики в Грузии, и Ш. В. Хидашели, рассматривающего своеобразие основных философских направлений в феодальной Грузии¹³.

Опираясь на положение Ф. Энгельса о том, что основной вопрос философии в условиях средневековья решался как вопрос, создан ли мир богом или существует от века, Ш. Хидашели вскрывает две противоположные мировоззренческие линии в средневековой грузинской философии, которые являются своего рода прототипом линий идеализма и материализма.

В трудах ряда грузинских философов дан марксистский анализ развития философских и социологических идей в Грузии XIX—XX вв., раскрывается усиливающаяся с начала XIX в. связь грузинских мыслителей с русской передовой мыслью. Так, грузинские мыслители-философы начала XIX в. И. Хелашвили, И. Багратиони, Д. Багратиони и др., во взглядах которых содержалась сильная струя материалистической тенденции, испытывали влияние прогрессивных русских мыслителей.

В 30-х годах XIX в., отмечают грузинские исследователи, значительный шаг вперед был сделан С. Додашвили. Отвергая априоризм Канта и субъективизм Фихте, он воспринял элементы диалектики. Достигнутые С. Додашвили результаты были использованы грузинской революционной демократией 60-х годов XIX в.— движением во главе с И. Г. Чавчавадзе, которое возникло в тесной связи с русским революционно-демократическим движением и под его влиянием. Философские взгляды революционных демократов (И. Чавчавадзе, Н. Николадзе, Г. Церетели и др.) носили материалистический характер. В ряде случаев они применяли диалектику, хотя не могли подняться до диалектического материализма.

Исследования историков философии показывают, что с 70-х годов в Грузии получили распространение народническая социология и естественнонаучное (материалистическое) течение, которое в конце XIX в. сблизилось с субъективным идеализмом.

В конце XIX в. в Грузии широко распространяется марксистская философия, развивавшаяся в борьбе с субъективным идеализмом, возглавляемым А. Джорджадзе. Грузинские марксисты — Ф. Махарадзе, А. Цулукидзе, М. Давиташвили и их единомышленники, защищая марксистскую философию от идеалистов и ревизионистов, применяли ее в конкретных условиях Грузии¹⁴.

¹³ См.: *Панцхава И. Д.* Элементы диалектики в грузинской философии XI—XII веков. Тбилиси, 1937; *Каландаришвили Г.* Очерки по истории логики в Грузии. Тбилиси, 1952; *Хидашели Ш. В.* Иоанн Петрици. Тбилиси, 1956. На груз. яз.; *Он же.* Основные мировоззренческие направления в феодальной Грузии. Тбилиси, 1962.

¹⁴ См.: *Гуцушвили П.* Карл Маркс в грузинской публицистике и общественной мысли до 1898 г. Тбилиси, 1956. На груз. яз.; *Абзиганидзе Г.* Очерк по истории грузинской общественной мысли XIX в. Тбилиси, 1959. На груз. яз.; *Куквава Т.*

В многочисленных трудах грузинских философов (Ш. Нупубидзе, С. И. Данелия, М. Гогиберидзе, К. С. Бакрадзе, С. Б. Церетели, Г. М. Каландаришвили и др.) рассмотрены *основные вопросы истории философии*.

Во многих трудах С. И. Данелия¹⁵ дан глубокий анализ проблем античной и новой философии, специальное внимание уделяется исследованию вопроса об обосновании греками научного знания и философии, исследуется философия Декарта, Спинозы, Лейбница, Гельвеция, Конта и других мыслителей.

Вопросы новой и новейшей истории философии рассмотрены в монографических исследованиях Ш. И. Нупубидзе. Большое внимание уделяется им определению места Канта в истории философии. В этой связи он исследовал роль рационализма и эмпиризма в формировании философии Канта.

Исследованием вопросов всеобщей истории философии занимался М. Гогиберидзе¹⁶. Еще в 30-х годах он попытался дать систематический анализ развития материализма и диалектики, начиная с древних греков и до Гегеля. В 1941 г. вышел его первый том «Истории философии», в котором развитие философских идей с древности до XVIII в. рассматривалось в связи с ходом исторического развития, как результат изменения общественно-экономических отношений, на почве которых эти идеи рождались и развивались.

Проблемы истории философии, особенно немецкого идеализма, разработаны в трудах К. Бакрадзе, С. Церетели и других.

Согласно концепции К. Бакрадзе, в период от Канта до Гегеля идеалистическая философия развивается, сохраняя диалектическое единство философских систем, причем каждая из них не является самодовлеющей, но представляет часть целого. Диалектический метод в классической немецкой философии идеалистичен, поэтому он внутренне противоречив. Задача послегегелевской философии заключалась в преодолении этого противоречия,

Очерки по истории грузинской общественной и философской мысли первой половины XIX в. Тбилиси, 1956. На груз. яз.; *Кутелия А. Важа Пшавела — мыслитель и гуманист*. Тбилиси, 1947. На груз. яз.; *Рагиани П. Илья Чавчавадзе. Философские и социально-политические воззрения*. Тбилиси, 1954; *Горгиладзе Л. Из истории грузинской общественной мысли*. Тбилиси, 1961. На груз. яз.; *Бакурадзе О. Из истории распространения марксистской философии в Грузии*. Тбилиси, 1959. На груз. яз.; *Авалиани С. Философские взгляды И. Тархнишвили*. Тбилиси, 1956; *Газвидзе В. Основные направления философской мысли в Грузии XIX века*. Тбилиси, 1964. На груз. яз.; *Кутелия А. Философские и общественно-политические взгляды Акакия Церетели*. Тбилиси, 1972.

¹⁵ См.: *Данелия С. Философия Ксенофана Колофонского*. Тбилиси, 1928. На груз. яз.; *Он же. Философия Сократа*. Тбилиси, 1938. На груз. яз.; *Он же. Проблема причинности в философии Спинозы*. Тбилиси, 1955; *Он же. Античная философия до Сократа*. Тбилиси, 1961. На груз. яз.

¹⁶ См.: *Гогиберидзе М. Развитие проблем диалектики и материализма до Маркса*. Тбилиси, 1928. На груз. яз.; *Он же. История философии*. Тбилиси, 1941, Т. 1. На груз. яз.

освобождении диалектики от идеализма и ее материалистической переработке. Анализ этих вопросов посвящена, в частности, книга К. Бакрадзе «Система и метод в философии Гегеля», в которой раскрывается внутреннее противоречие гегелевской диалектики и показывается, что в философии Гегеля диалектика органически связана с его системой. Поэтому Маркс не мог взять гегелевскую диалектику без переработки ее на материалистической основе и без того, чтобы отбросить все то отрицательное, что было характерно для диалектики Гегеля¹⁷.

С. Церетели в анализе развития диалектики от Канта к Фихте и от Фихте к Гегелю доказывает, что Фихте путем применения диалектики как метода доказательства разрабатывал теорию диалектики и подготавливал почву для идеалистической диалектики Гегеля, хотя диалектика Фихте, как и вообще идеалистическая диалектика, содержит внутренние, неразрешимые для идеализма противоречия.

В коллективном труде «История философии», изданном Тбилиским университетом, охватывается период развития философской мысли с древнейших времен до шестидесятых годов нашего века.

В историко-философских исследованиях грузинских философов большое внимание уделяется критике современной буржуазной философии¹⁸.

В работах Ш. Нуцубидзе раскрыта научная несостоятельность ряда течений буржуазной идеалистической философии 20-х годов XX в.: трансцендентально-логической, трансцендентально-психологической, имманентной школ, эмпириокритицизма Маха и Авенариуса. Сущность всех этих школ составляет стремление идти от Канта «вправо», к субъективизации каптовской философии.

В «Очерках по истории современной буржуазной философии» (1960) и в других работах К. Бакрадзе вскрывается реакционная сущность махизма, имманентной философии, неокантианства, гуссерлианства.

В работах других авторов дана критика неопозитивизма, прагматизма и других течений современной буржуазной философии

¹⁷ См.: Бакрадзе К. Система и метод в философии Гегеля. Тбилиси, 1958; Церетели С. Наукоучение Фихте и диалектика // Тр. Тбил. ун-та. 1942. Т. 25. На груз. яз.; Каландаришвили Г. М., Тавадзе И. Ленин о «Науке логики» Гегеля // История философии. Тбилиси, 1962. На груз. яз.

¹⁸ См.: Нуцубидзе Ш. Введение в философию. Тбилиси, 1920. На груз. яз.; Бакрадзе К. Очерки по истории новейшей и современной буржуазной философии. Тбилиси, 1960; Он же. Экзистенциализм. Тбилиси, 1962. На груз. яз.; Бегиашвили А. Метод анализа в современной буржуазной философии. Тбилиси, 1960; Он же. Современный позитивизм. Тбилиси, 1961; Авалиани С. Философия Рейхенбаха. Тбилиси, 1961. На груз. яз.; Он же. Философия естествознания современного позитивизма; (Крит. анализ). Тбилиси, 1964. На груз. яз.; Тавадзе Г. Теория познания немецкого неокантианства. Тбилиси, 1963. На груз. яз.

и социологии, а также современного философского ревизионизма¹⁹.

Большое внимание уделяется в Грузии разработке *истории марксистско-ленинской философии*. В трудах грузинских авторов раскрывается революционная сущность марксистской философии и ее коренное отличие от домарксовской философии, доказываются, что история марксистской философии — это история формирования диалектического и исторического материализма в борьбе с разными течениями идеалистической философии. В трудах грузинских авторов раскрывается сущность ленинского этапа, того, нового, что внесли в философию В. И. Ленин и его ученики²⁰.

Одним из центральных вопросов в исследовательской работе грузинских философов является *проблема логики*. В области диалектической, формальной и символической логики работали К. С. Бакрадзе, С. Б. Церетели, Г. М. Каландаришвили, З. М. Микеладзе, Г. Н. Бачулашвили и др.

В Грузии исследование проблем логики имеет большую историческую традицию. Поэтому не случайно, что после Октябрьской революции проблемы логики привлекли большое внимание грузинских философов. В 20-х годах были опубликованы учебники по логике Ш. Нуцубидзе. Впоследствии по вопросам логики было опубликовано значительное число работ, состоялся ряд дискуссий, на которых обсуждался, в частности, вопрос об отношении формальной и диалектической логики²¹. Две точки зрения отражены по этому вопросу в трудах Ш. Нуцубидзе, С. Данелия, К. Бакрадзе, С. Церетели и др.

По мнению Ш. Нуцубидзе, в вопросе об отношении формальной и диалектической логики задача состоит в том, чтобы приблизить (путем постепенных изменений формы, правил и т. д.) формальную логику к движению действительности; следовательно, формальная логика «с поправками» должна в процессе своего развития приблизиться к диалектической логике не с тем, чтобы стать ее частью, а чтобы предельно ей уподобиться.

По мнению С. Данелия, формальная логика не противоречит диалектической, поскольку первая — наука об обязательном порядке последовательности мыслей, тогда как вторая — наука о необходимой связи вещей.

¹⁹ См.: *Бегашвили А. Ф.* Метод анализа в современной буржуазной философии. Тбилиси, 1960; *Он же.* Современная английская лингвистическая философия. Тбилиси, 1965; *Он же.* Неопозитивизм и экзистенциализм. Тбилиси, 1975; *Джигоев О.* Материалистическое понимание истории и буржуазная философия. Тбилиси, 1974; и др.

²⁰ См.: *Гагоидзе В.* Критика Марксом идеалистической диалектики Гегеля и формирование материалистического диалектического метода до 1848 года. Тбилиси, 1952; *Бакрадзе О.* К вопросу о формировании философских взглядов К. Маркса. Тбилиси, 1956; и др.

²¹ См.: *Нуцубидзе Ш.* Логика. Тбилиси, 1923. На груз. яз.; *Он же.* Формальная и диалектическая логика. Тбилиси, 1951; *Данелия С.* О некоторых спорных вопросах логики с точки зрения истории философии. Тбилиси, 1952.

В многочисленных своих трудах по логике К. Бакрадзе²² отстаивает мысль, что существует одна логика, предметом которой являются правила выведения или последовательности мыслей, формы и законы мышления. Существование двух логик подразумевает существование различных предметов, а это означает, что тогда одна из них не будет логикой. Если же допустить тождественность предмета, тогда об одном и том же предмете не может быть различных наук. То, что называется диалектической логикой, не что иное, как марксистская методология познания.

Утверждения К. Бакрадзе оспаривают С. Церетели, Л. Гокиели и др.

В трудах С. Церетели²³ развивается мысль о том, что логическая связь есть связь различных моментов. Она синтетична, с необходимостью содержит в себе определенное отрицание и представляет единство противоположных моментов. Основным законом, объясняющим сущность синтетически-логического, должен быть закон единства противоположностей, так как он и есть выражение синтетической связи, моментами которой являются тождество, единство, отрицание, противоречие. Диалектическая логика опирается на общее содержание. Общее содержание — это единство моментов предмета, его сущность, которая выражается в понятии. Частное по содержанию — одна сторона общего по содержанию. Единство общего и отдельного лежит в основе всех форм логического мышления.

По мнению С. Церетели, формально-логическая необходимость представляет собой необходимость конечного. Конечное логическое есть то, что утверждается и отрицается другим; бесконечное же то, отрицание чего утверждает его же. Подобная необходимость выявляется в каждой форме синтетической логической связи. Но утверждение чего-либо его же отрицанием есть вполне определенное умозаключение, сторонами и моментами которого являются все известные в формальной логике суждения и умозаключения. Оно и есть доказательство и начало всякого доказательства как системы знания. Формально-логическое есть определенная сторона диалектико-логического; диалектическая логика — высшая логика, являющаяся подлинно философской наукой.

В трудах Л. Гокиели²⁴ исследуются отношения философии и математики, парадоксы теории множеств, проблемы обоснования математики, значение философских категорий (количества, существования и др.) для математики и др. В книге «Логика»

²² См.: Бакрадзе К. С. Логика. Тбилиси, 1951; и др.

²³ См.: Церетели С. О диалектической природе логической связи. Тбилиси, 1956. На груз. яз.; Он же. Рациональное зерно в теории умозаключения Гегеля. Тбилиси, 1959. На груз. яз.; Он же. Начало доказательства. Тбилиси, 1963. На груз. яз.; Он же. Диалектическая логика. Тбилиси, 1965. На груз. яз.; Он же. Диалектическая логика. Тбилиси, 1971.

²⁴ См.: Гокиели Л. О природе логического. Тбилиси, 1958; Он же. Логика. Тбилиси, 1965.

рассматриваются понятия, предмет, формальный аппарат логики и математическая логика. Гокиели оспаривает справедливость утверждения о математизации логики. То, что именуется математической логикой, представляет собой применение математики к логике, а не внутреннее включение математики в логику. Весьма важно осмыслить то, что математика, применяясь к логике, вовсе не делается соучастницей предмета логики. Правила математической логики, относящиеся как таковые к математике и ее предмету, характеризуют действие формального аппарата логики, а не сам логический процесс вывода. Оформлять формальный аппарат математики в особый вид логики значит или характеризовать математическую науку как философскую или признать, что предмет логики изучается двумя — философской и математической — науками, и тем самым встать перед неразрешимым противоречием.

В трудах Г. Каландаришвили²⁵ исследованы важнейшие проблемы логики: история логики в Грузии, вопросы формальной и диалектической логики. В рамках последней Г. Каландаришвили рассматривает понятие движения в широком смысле, как выражение диалектики изменения вообще, подразумевая при этом как простое механическое движение, так и диалектику развития мира в целом. Под «логикой понятия» автор подразумевает основное содержание диалектической логики, а именно диалектическую субординацию категорий, суждений и умозаключений. Диалектика движения мира рассматривается им как отражение в диалектической субординации категорий, суждений и умозаключений.

Дискуссии по вопросам логики, в которых грузинские философы принимают активное участие, и опубликованные ими труды по вопросам логики способствуют развитию логической науки в стране.

В ряде работ по проблемам логики²⁶ исследуется предмет символической логики. Доказывается, что символическая логика, являясь наукой о структуре форм мышления, есть новый этап в развитии формальной логики (Б. Уридия). Исследуется сущность понятия в символической логике, общие черты логических форм и методов их исследования (К. Саная). В вопросе об определении суждения обращается внимание на его структуру и

²⁵ См.: *Каландаришвили Г.* Ленин о логике Гегеля. Тбилиси, 1956; *Он же.* Проблемы отражения движения в логике понятий. Тбилиси, 1965; и др.

²⁶ *Кебурия Д.* Вопросы теории суждения. Тбилиси, 1968. На груз. яз.; *Саная К.* Современная теория понятия. Тбилиси, 1970. На груз. яз.; *Он же.* Что такое логика научного познания? Тбилиси, 1979. На груз. яз.; *Уридия Б.* О предмете символической логики. Тбилиси, 1972. На груз. яз.; *Он же.* Проблема теории определения. Тбилиси, 1979. На груз. яз.; *Вопросы логики.* Тбилиси, 1973. На груз. яз.; *Джибути Г.* К природе индуктивного умозаключения. Тбилиси, 1975. На груз. яз.; *Гозуабаев Г.* Критический анализ логических теорий значимости. Тбилиси, 1979. На груз. яз.

внутреннюю диалектику. Под структурой суждения понимается его субъективно-предикативный состав с отрицанием традиционного-логического их понимания. Взаимоотношения элементов суждения рассматриваются как «раздвоение единого», в чем и отражается объективная диалектика предмета и его определения (Д. Кебурия). В анализе индуктивного умозаключения подчеркивается, что переход от единичного к общему осуществляется лишь на основе допущения предпосылки общего (Г. Джибути).

Большая работа ведется в Грузии по разработке философских проблем естествознания, философских проблем *психологии*²⁷. В этой области особое место занимают исследования Д. Узнадзе, автора материалистической теории установки.

Учение Д. Узнадзе о психологии установки в его сегодняшнем виде является серьезной попыткой построения психологической науки на принципах марксистской философии. Основные положения психологии изложены им в связи с попыткой решения проблемы целесообразности поведения живого организма. Опровергая механистические и виталистические теории, Д. Узнадзе пришел к выводу, что со стороны внешнего мира именно те явления вызывают целесообразный характер поведения, которые его причинно обуславливают. Поэтому главным становится вопрос: каким образом поведение в одно и то же время и в одних и тех же внешних условиях получает целесообразный характер и причинную определенность?

Целесообразное состояние субъекта обозначается у Д. Узнадзе установкой, и он считает, что целесообразный характер и причинная обусловленность поведения непосредственно определяются этой установкой. Следовательно, по мнению Д. Узнадзе, активность живого организма определяется объективными условиями жизни, но путем той внутренней модификации организма, которую можно назвать установкой.

Установка, однако, не является лишь физиологическим феноменом. Это совершенно новая сфера психического, которая осталась незамеченной. Характерным для установки является то, что, будучи психической природы, она определяет течение сознательных психических процессов таким образом, что сама непосредственно не становится осознанной. Этим открытием Д. Узнадзе дал совершенно новое научное понимание бессознательного, которое опровергает идеалистические теории о нем.

Философские проблемы психологии рассматриваются также в трудах А. Бочоришвили²⁸, среди которых центральными явля-

²⁷ Узнадзе Д. Анри Бергсон. Тбилиси, 1920; *Он же*. Экспериментальная основа психологии установки. Тбилиси, 1961; *Он же*. Психологические исследования. М., 1966; *Он же*. Труды. Тбилиси, 1956—1967. Ч. 1—5.

²⁸ См.: Бочоришвили А. Принципиальные вопросы психологии. Тбилиси, 1957. Ч. I; 1959. Ч. II; 1962. Ч. III. На груз. яз.; Психологизм и антипсихологизм в психологии. Тбилиси, 1964. На груз. яз.; К методологии психологии. Тбилиси, 1966. На груз. яз.; Бочоришвили А. Философия, психология, эстетика. Тбилиси, 1979; и др.

ются вопросы о предмете психологии и о содержании понятий психики и сознания, бессознательной психики, примарного и секундарного сознания, психологизма и психологии, метода психологии и т. д. А. Бочоришвили отличает психику или переживания как предметы психологии от сознания; их отождествление, по его мнению, ведет или к психологизму или к логизму. Психика как предмет психологии есть явление сознания, а сознание есть форма существования психики. В таком понимании отношения психики и сознания А. Бочоришвили усматривает возможность избавления от психологизма в психологии и необходимости допущения бессознательного психического.

Одной из новых сфер деятельности грузинских философов в 70-е годы стали труды по философской антропологии²⁹. С конца 60-х годов научная работа по философии в Грузии стала особенно интенсивной. Кафедры философии, созданные в высших учебных заведениях, окрепли и все интенсивнее включаются в разработку важнейших философских проблем. Показателем роста философского уровня в республике является не только увеличение числа публикаций грузинских философов, но также значительное увеличение числа кандидатов и докторов философских наук.

В 70—80-е годы многое сделано по разработке проблем *диалектического материализма*. Особое место занимают вопросы теории познания и методологии научного познания. Здесь рассматриваются вопросы возможности нечестнонаучного познания и доказывается, что философия наряду с исследованием условий научного познания должна заниматься также исследованием условий нечестнонаучного познания (А. Бегиашвили)³⁰. В вопросе истины и критериев истины доказывается, что необходимо исследовать проблемы взаимоотношений черт истины и смысла ее критериев, что смысл практики как критерия истины заключается в том, что она в определенном аспекте обосновывает познание (Дж. Кордзея). В работах Н. Кирвалидзе аргументы «советологов» против практики как критерия истины подвергаются

²⁹ См.: *Какабадзе З.* Человек как философская проблема. Тбилиси, 1970; и др.

³⁰ См.: *Цимингия А.* Проблема объективности знания в марксистской философии. Тбилиси, 1968. На груз. яз.; *Кордзея Дж.* Вопросы истины в философском наследии Ленина. Тбилиси, 1971. На груз. яз.; *Он же.* Практика как основа познания. Тбилиси, 1975. На груз. яз.; *Шушанашивили Г.* Опытные и логические основы познания. Тбилиси, 1974. На груз. яз.; *Вакурия М.* Вопросы марксистской категорологии. Тбилиси, 1972. На груз. яз.; *Мачигадзе Т.* Предмет, свойство, отношение. Тбилиси, 1975; *Гагоидзе В.* Теория познания. Тбилиси, 1975. На груз. яз.; *Джаха Я.* Что такое новое и старое. Тбилиси, 1976; *Канчавели Т.* К критике психологизма в гносеологии. Тбилиси, 1976. На груз. яз.; *Шушанашивили Г.* Теория познания. Тбилиси, 1977—1981. Ч. I—III; *Бегиашвили А.* Как возможно нечестнонаучное познание // *Филос. науки.* 1978. № 1; *Кирвалидзе Н.* Проблема критерия истины в философии. Тбилиси, 1978. На груз. яз.; *Он же.* Проблема критерия истины и «советология». Тбилиси, 1982. На груз. яз.; *Вачулашвили Т.* Диалектика категорий как гносеологическая логика. Тбилиси, 1979; *Сихарулидзе Г.* О характере эмпирического знания // *Изв. АН ГССР,* 1979. № 3,

резкой критике и одновременно дается обоснование критериальной функции практики. Т. Мачитадзе анализирует логико-гносеологическое значение предмета, свойства и отношения, ибо они непосредственно участвуют в специально-научном познании. Обосновываются положения, что в марксистской философии диалектика категорий по существу является гносеологической логикой (Г. Бачулашвили). Исследуется диалектика развития понятий, отношение понятия к чувственным представлениям и суждениям (К. Санаа). Дается анализ места и роли логики в теории познания (В. Гагоидзе). В свете ленинского положения о тождестве диалектики, логики и теории познания исследуется связь теории познания с логикой, диалектикой, психологией и онтологией (Г. Шушанашвили). Анализируется вероятностный характер эмпирического знания, вызванного неопределенностью границ его применения (Г. Сихарулидзе), психологизм, характерный для современных буржуазных гносеологических теорий, основывающихся на субъективизме (Т. Канчавели).

В работах, посвященных проблемам материи и сознания, диалектике развития материального мира, философским проблемам естествознания³¹, доказываемое, что философское определение В. И. Лениным понятия материи было обусловлено не только необходимостью преодоления кризиса в физике, но и материалистическим объяснением истории, обоснованием и защитой материалистического монизма (В. Кацарава); что предметом философии естествознания являются наиболее общие законы природы. В связи с этим исследуются категории материи, пространства, времени, движения, причинности, необходимости, случайности, абсолютно-го, релятивного, наблюдаемости, конечности, бесконечности, понятие псевдоабсолютного, введенное для выражения содержания конкретных научных теорий, для выявления их специфики (С. Авалиани). На примере развития живого организма дается анализ специфики действия причинности, необходимости, взаимодействия, соотношения причин и условий в патологии, биологи-

³¹ *Авалиани С., Мирианашвили М.* Альберт Эйнштейн. Тбилиси, 1972. На груз. яз.; *Вежуа Г.* Философские проблемы современной медицины. Тбилиси, 1972. На груз. яз.; *Он же.* Проблема причинности в философии и медицине. Тбилиси, 1977. На груз. яз.; *О предмете философии.* Тбилиси, 1973. На груз. яз.; *Цинцадзе Г.* О соотношении философии и частных наук. Тбилиси, 1973. На груз. яз.; *Авалиани С.* Философия естествознания. Тбилиси, 1974. На груз. яз.; *Он же.* Абсолютное и относительное. Тбилиси, 1980; *Коридзе Х.* Марксистско-ленинская философия — методология естественных и общественных наук. Тбилиси, 1978. На груз. яз.; *Диалектическая закономерность объективной действительности.* Тбилиси, 1978. На груз. яз.; *Кацарава В.* Ленинское определение понятия материи. Тбилиси, 1978. На груз. яз.; *Акбардия К. К.* Маркс — основоположник учения о взаимосвязи диалектики и материализма. Тбилиси, 1978; *Диалектика, логика и теория познания.* Тбилиси, 1979. На груз. яз.; *Гонашвили А.* Диалектический материализм — общая методология наук. Тбилиси, 1979. На груз. яз.; *Хуцишвили Г.* Проблема бесконечности в свете современной науки. Тбилиси, 1981. На груз. яз.; *Кобахидзе Ш.* Законы диалектики. Тбилиси, 1971; *Диалектика, логика, теория познания.* Тбилиси, 1979.

ческого и социального в медицине (Г. Векуа). Обосновывается мысль, что бытующее положение об отпочковывании частных наук от философии подлежит пересмотру в силу того, что, как утверждается, философия и частные науки как разные виды знания обусловлены и разными причинами. Исследуется методологическая сущность философии, при этом делается вывод, что одни и те же философские категории играют разную методологическую роль в разных частных науках и в одних и тех же науках на разных этапах их развития (Г. Цинцадзе). Анализируется методологическое значение философской проблемы бесконечности (Г. Хуцишвили) и основных законов диалектики (Ш. Кобахидзе). Исследуются смысл понятия развития, проблема общего и единичного, роль понятия структуры при анализе перехода количественных изменений в качественные, проблема реальности, особенно физической реальности в современных естественнонаучных представлениях, категории бесконечности и порядка и т. д. (С. Авалиани). Доказывается, что выявление взаимосвязи диалектики и материализма является одним из великих открытий, сделанных К. Марксом (К. Акбардия).

В философской проблематике в Грузии важное место занимают исследования по *историческому материализму и социологии*³². В них дается анализ социальных явлений с целью познания новых законов и закономерностей, прокладывающих себе путь в условиях научно-технической революции (В. Гагоидзе). Доказывается, что дальнейшее совершенствование социалистических общественных отношений, социалистического образа жизни и формирование нового человека немислимы без познания этой закономерности и бескомпромиссной борьбы с антиподами социализма (Б. Лутидзе). Исследуются особенности социалистиче-

³² См.: Социологические очерки. Тбилиси, 1969. Т. I—II. На груз. яз.; *Квачахия В.* Социология сознания. Тбилиси, 1970; *Лутидзе Б. В. И. Ленин о категориях исторического материализма.* Тбилиси, 1970. На груз. яз.; *Мисабишвили Ш.* Диалектика общего и особенного в социальном развитии. Тбилиси, 1971; *Гонашвили А.* Единство социалистического интернационализма и патриотизма. Тбилиси, 1972. На груз. яз.; *Кешелава В.* Гуманизм действительный и мнимый. М., 1973; *Он же.* Ленин и диалектика современного революционного процесса. М., 1981; *Калаандаришвили В.* Разработка научной теории общественного прогресса. Тбилиси, 1974. На груз. яз.; *Джисоев О.* Материалистическое понимание истории и буржуазная философия. Тбилиси, 1974; Социальные вопросы научно-технической революции. Тбилиси, 1976. На груз. яз.; Традиции и современность. Тбилиси, 1977. На груз. яз.; *Бицадзе Ш.* Обоснование неизбежности пролетарской революции в «Капитале» К. Маркса. Тбилиси, 1977; *Шихашвили Ф. В. И. Ленин о формах социалистической революции.* Тбилиси, 1977. На груз. яз.; *Каргозия Б.* Социологические взгляды Д. Узадзе. Тбилиси, 1978. На груз. яз.; *Менабдишвили Е., Ломтадзе Ч.* Стабильность производственного коллектива и текучесть рабочей силы. Тбилиси, 1978. На груз. яз.; О предмете исторического материализма. Тбилиси, 1979. На груз. яз.; *Гагоидзе В.* Превращение науки в непосредственную производительную силу. Тбилиси, 1979. На груз. яз.; *Он же.* Наука, техника, общество. Тбилиси, 1982. Кн. I; 1985. Кн. II. На груз. яз.; *Мерабишвили М.* Научная организация труда и управления. Тбилиси, 1980. На груз. яз.; *Менабдишвили Е.* Национальные взаимоотношения в трудовом коллективе. Тбилиси, 1980. На груз. яз.

ской экономической и политической системы, обуславливающие освобождение человека от отчужденного состояния и его развитие в сторону максимального раскрытия своих физических и духовных способностей, достижения настоящей человеческой свободы как проявления истинного гуманизма (В. Кешелава). Развитие марксистского гуманизма тесно связано с социально-историческим познанием, с системой целей, идеалов и ценностей, воплощаемых в развитии исторического процесса (О. Джигоев). Доказывается, что особенности социалистического образа жизни обусловлены ее экономическими, политическими и социальными основами (Ч. Ломтатидзе). Эти основы преобразуют и национальные отношения в многонациональных трудовых коллективах (Е. Менабдишвили). Исследуются закономерности развития зрелого социализма, гармонического развития взаимоотношений личности и общества, диалектическая взаимосвязь интернационального и национального, интернационализма и патриотизма, соотношение объективных и субъективных факторов (А. Гонашвили).

В области исследования социологии сознания доказывается необходимость интердисциплинарного комплексного подхода и исследования социальной детерминации общности сознания, структуры общественного сознания, специфических социальных ролей, форм сознания и т. д. (В. Квачахия).

Широким фронтом ведется исследование философских проблем культуры³³. В частности, дается аксиологическое толкование природы культуры: культура рассматривается как мир воплощенных ценностей, как показатель становления человека. На основе такого подхода раскрывается своеобразие феномена культуры. Анализируется соотношение культуры и цивилизации, осмысливается структура культуры, выявляется важное место нравственных ценностей, характеризуется внутренняя связь между культурой и мышлением, культурой и диалектикой, выявляется ценностный смысл ряда признаков нации и национальных культур (Н. Чавчавадзе, Джигоев О. и др.).

Результаты интенсивного исследования проблемы человека изложены в ряде книг³⁴, в которых обсуждаются разнообразные

³³ См.: Дanelia Д. Струя иррационализма в современной буржуазной культуре. Тбилиси, 1979. На груз. яз.; Культура и социализм. Тбилиси, 1979; Культура как предмет философского исследования. Тбилиси, 1979; Культура в свете философии. Тбилиси, 1979; Кервадзе Д. Критика теории локальных цивилизаций. Тбилиси, 1979; Культура и общественное развитие. Тбилиси, 1979; Философские проблемы культуры. Тбилиси, 1980; Чхиквашивили Д. Народ и культура. Тбилиси, 1980.

³⁴ См.: Бочоришвили А. Теоретические основы философской антропологии. Тбилиси, 1976. На груз. яз.; Он же. Что говорят философы о сущности человека? Тбилиси, 1980. На груз. яз.; Балачивадзе Р. Человек, свобода, ответственность. Тбилиси, 1976. На груз. яз.; Брегадзе А., Баградзе А. Критика религиозно-философских концепций человека. Тбилиси, 1977. На груз. яз.; Брегадзе А. О марксистском понимании сущности человека. Тбилиси, 1979. На груз. яз.; Русия Г. Свобода и личность. Тбилиси, 1978. На груз. яз.; Вопросы философской антропологии. Тбилиси, 1970. Ч. I; 1971, Ч. II; 1973, Ч. III; 1977, Ч. IV; 1979. Ч. V, VI,

аспекты этой проблемы: место человека в мире, сущность и структура человека, отношение личности к природе и обществу, способ бытия человека и личности. Доказывается, что предметом философской антропологии является сущность человека, а атрибуты человека являются предметом исследования специальных дисциплин (А. Бочоришвили). Критикуются буржуазно-идеалистические взгляды на сущность человека и доказывается, что растущая популярность в мире капитала религиозной антропологии требует от марксистов противопоставления ей всесторонне разработанной концепции человека, тем более что в наследии классиков марксизма-ленинизма даны основополагающие положения по проблеме человека (А. Брегадзе, А. Бакрадзе, Р. Балачивадзе). С позиций марксистской антропологии исследуются проблемы свободы человека, творческой активности, взаимоотношений потребностей и свободы, измерений человеческого Я. Доказывается, что родовая сущность человека дает возможность обосновать его в виде творческого сущего. Общий механизм реализации этой фундаментальной способности человека дан в форме диалектики опредмечивания и распредмечивания.

Как и в предыдущие десятилетия, проблема истории домарксовской, марксистской и современной буржуазной философии стоит в центре внимания грузинских философов и в 70—80-е годы⁸⁵. В трудах по марксистско-ленинской философии исследуются предпосылки возникновения марксистской философии, процесс формирования и этапы ее развития (В. Кешелава), дается обоснованная критика буржуазных интерпретаций формирования марксистской философии (М. Челидзе), исследуется процесс формирования идей материалистического понимания истории в ранних работах К. Маркса (Т. Канчавели).

В исследованиях о домарксовской философии важным является обоснование истории философии путем анализа соотношения

⁸⁵ См.: Дanelia Д. Рационализм XVII века. Тбилиси, 1968. На груз. яз.; Челидзе М. От наивной диалектики древних греков до марксистской философии. Тбилиси, 1969. На груз. яз.; Кердзевадзе В. Ленинская критика идеализма Джорджа Беркли и Давида Юма. Тбилиси, 1969. На груз. яз.; Буржуазная философия XX века. Тбилиси, 1970. На груз. яз.; Кешелава В. Диалектика Маркса и Энгельса и современная буржуазная философия. Тбилиси, 1971; Он же. Возникновение марксистской философии и основные этапы ее развития. Тбилиси, 1973; Кукава Т. История древнегреческой философии. Тбилиси, 1972. На груз. яз.; Гогоберишвили В. Попытки преодоления иррационализма в современном позитивизме. Тбилиси, 1973. На груз. яз.; Бегиашвили А. Неопозитивизм и экзистенциализм. Тбилиси, 1975; Асатиани Г. Современная буржуазная социология. Тбилиси, 1976. На груз. яз.; Попиашвили А. К марксистской критике этического идеализма И. Фихте. Тбилиси, 1976. На груз. яз.; Киладзе В. Борьба Плеханова против идеализма. Тбилиси, 1976. На груз. яз.; Челидзе М. Формирование марксистской философии и ее буржуазные интерпретации. Тбилиси, 1977. На груз. яз.; Он же. От мифа к философскому мышлению. Тбилиси, 1978. На груз. яз.; Тевадзе Т. Иммануил Кант. Тбилиси, 1979; Мачавариани М. Боэций и Ареопагит. Тбилиси, 1980; Средневековая философия. Тбилиси, 1981. Ч. I. На груз. яз.; Чантладзе Г. Экзистенциализм и проблема творчества. Тбилиси, 1982. На груз. яз.

мифологии и философии Платона (М. Челидзе). Впервые разработаны вопросы соотношения философии Бозция и автора «Ареопагитики» (М. Мачавариани) и проблема аналогии в философии Петрици. Углубляется исследование проблем немецкой классической философии. Исследован по-новому ряд аспектов философии Канта, в связи с чем предложено новое понимание таких понятий критицизма, как «идеализм», «система», «снятие», а также соотношение классической немецкой философии и немецкой литературной классики (Т. Тевзадзе). В работах по современной буржуазной идеалистической философии доказывается, что современная эпоха с особой остротой поставила вопрос о роли научного прогресса, его значении и месте в развитии общества, что старые идеалы западного общества теряют притягательную силу, новых же западное общество выдвинуть не может. Обе эти проблемы находятся в центре внимания как неопозитивизма, так и экзистенциализма, которые пытаются дать их противоположные решения (А. Бегиашвили). Исходя из этой позиции, дается критический анализ неопозитивизма, его попытки преодоления метафизики (В. Гогоберишвили), религиозно-экзистенциалистской концепции творчества Бердяева (Р. Чантладзе) и др.

В исследовании проблем истории философии определенное место принадлежит истории грузинской философии³⁶. Продолжается исследование мировоззрения Ш. Руставели, доказывается, что Руставели является одним из ранних представителей гуманизма в истории мировой культуры, причем основным положением гуманизма является признание ценности, значимости земного мира; это «основное положение» гуманизма признавалось неоплатонизмом, который имел в Грузии XI—XII вв. глубокие традиции (Ш. Хидашели). В «Очерках» по истории грузинской философской мысли исследуются проблемы как древней, так и новой и новейшей истории грузинской философии.

В минувшие десятилетия большая исследовательская работа была проведена по проблемам атеизма, этики и эстетики. Исследования по атеизму подытожены в ряде трудов³⁷, в которых

³⁶ Очерки по истории грузинской философской мысли. Тбилиси, 1969. Т. I; 1973. Т. II; 1974. Т. III; 1977. Т. IV; 1978. Т. V. На груз. яз.; Каргозия Б. Победа социалистической революции и грузинская философская мысль. Тбилиси, 1971. На груз. яз.; Шария П. Некоторые основные вопросы мировоззрения и творчества Ш. Руставели. Тбилиси, 1976; Надибадзе Ф. Основные течения философской мысли XX века в Грузии. Тбилиси, 1980. На груз. яз.; Хидашели Ш. Вопросы мировоззрения Руставели. Тбилиси, 1981. На груз. яз.

³⁷ См.: Основные вопросы научного атеизма. Тбилиси, 1972. На груз. яз.; Процесс преодоления религиозных пережитков в Грузии. Тбилиси, 1972. На груз. яз.; Панджидзе Т. Религия и современность. Тбилиси, 1973. На груз. яз.; Гегешидзе Д. Критика идеологии православной церкви. Тбилиси, 1976. На груз. яз.; Он же. Общественный прогресс и религиозные взгляды современного верующего. Тбилиси, 1977. На груз. яз.; Он же. Атеизм, религия, современность. Тбилиси, 1982. На груз. яз.; Он же. Критика богословской концепции роли и места христианства в ис-

определяется место и роль церкви в истории грузинского народа, анализируются процесс утверждения атеизма в сознании народных масс в Грузии, пути модернизации современного грузинского православия (Д. Гегешидзе); исследуются религиозные чувства и эмоции современного верующего, психологическая сторона его религиозной деятельности (Р. Андриашвили), методы борьбы церкви за человека, соотношение морали и религии, отношение христианства к коммунизму, его приспособленческие тенденции (Т. Панджидзе).

В исследованиях по этике и нравственному воспитанию молодежи³⁸ анализируется метод изложения системы этики, исследуются категории этики, их общечеловеческое значение и соотношение с классовым нравственным сознанием; исследуются особенности, судьба и перспективы нравственного прогресса в условиях научно-технической революции (Г. Бандзеладзе). Доказывается, что развитие нравственности неотделимо от всего естественноисторического процесса развития общества, определяется роль и значение коммунистической морали в борьбе за построение нового общества (В. Давиташвили), исследуется воздействие специфических закономерностей внутрисемейных отношений на нравственное и интеллектуальное развитие человека и общественный прогресс (Д. Киладзе).

В области эстетики³⁹ исследуются проблемы специфического метода эстетики, пригодность исторически применяемых методов эстетики, дается критический анализ объективистских и субъективистских методов и показываются пути снятия их противоположности в соответствующем предмету эстетики модифицированном диалектическом методе (Н. Чавчавадзе). Рассматриваются существенные черты мифа, процесс формирования и развития эстетической модели, замена мифотворящей народной фантазии творческой художественной фантазией и моменты перехода к

тории Грузии. Тбилиси, 1986; *Андриашвили Р.* Психологические факторы атеистического воспитания. Тбилиси, 1979. На груз. яз.; *Гогоберидзе В.* Из истории понимания взаимоотношения веры и знания. Тбилиси, 1979. На груз. яз.

³⁸ См.: *Бандзеладзе Г.* Этика. Тбилиси, 1971; *Он же.* Понятие совести в марксистской этике. Тбилиси, 1975. На груз. яз.; *Он же.* Научно-техническая революция и проблема нравственного процесса. Тбилиси, 1979. На груз. яз.; *Он же.* Теория и практика нравственного процесса. Тбилиси, 1982. На груз. яз.; *Давиташвили В.* Материалистическое понимание истории и мораль. Тбилиси, 1971. На груз. яз.; *Киладзе Д.* Семья, нравственность и интеллект. Тбилиси, 1978. На груз. яз.

³⁹ См.: *Чавчавадзе Н.* К методологии эстетики. Тбилиси, 1977. На груз. яз.; *Джахая Л.* Наука и искусство. Тбилиси, 1977; *Гогоадзе В.* Человек как эстетический феномен. Тбилиси, 1978. На груз. яз.; *Киладзе Д.* Категории эстетики. Тбилиси, 1979. На груз. яз.; *Табидзе О.* Сущность творчества. Тбилиси, 1980. На груз. яз.; *Чхаргитшели А.* О трагическом. Тбилиси, 1980. На груз. яз.; *Он же.* Сущность эстетического воспитания. Тбилиси, 1982. На груз. яз.; *Абашидзе Л.* Эстетические этюды. Тбилиси, 1981. На груз. яз.; *Доборджинидзе Б.* Мифос и творчество Важа Пшавела. Кн. I. Мифическое и художественное сознание. Тбилиси, 1981. На груз. яз.; *Кучава Т.* О возвышенном, Тбилиси, 1981. На груз. яз.

образному мышлению (Б. Добордженидзе); исследуется эстетическая сущность искусства, рассматриваемая как творчество по законам красоты, как эстетическая форма творчества (Л. Абашидзе), гносеологические и социальные аспекты взаимоотношения современной науки и искусства (И. Джахая).

В последние десятилетия в Грузии развернулась большая научно-методическая и учебно-методическая работа. В ряде работ⁴⁰ — в учебниках, методических пособиях — излагается и популяризируется марксистско-ленинская философия в целом и по ее отдельным разделам.

2

Азербайджанская ССР

История развития философской науки в Азербайджане с 1917 г. до наших дней является составной частью истории философии СССР.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции значительно облегчила борьбу азербайджанских большевиков за установление и упрочение Советской власти в Азербайджане. В ожесточенной борьбе с мусаватистами, дашнаками и другими буржуазно-помещичьими партиями большевики Азербайджана успешно защищали и пропагандировали идеи марксистско-ленинской философии. Огромная роль в этом принадлежала большевистской печати: газетам «Бакинский рабочий» (апрель 1917 г. — август 1918 г.), «Гуммет» (июль 1917 г. — июль 1918 г.), «Банвори хоск», «Рабочее слово» (январь — март 1918 г.), «Известия Бакинского Совета» на русском, азербайджанском и армянском языках (с ноября 1917 по июль 1918 г. — орган Советской власти). Марксисты-большевики С. Шаумян, Н. Нариманов, А. Джапаридзе, С. М. Эфендиев и другие, выступая с теоретическими статьями на страницах этих большевистских газет, широко пропагандировали важнейшие положения исторического материализма о классах и классовой борьбе, о социалистической революции, о диктатуре пролетариата, о нации и национальном вопросе, вели напряженную борьбу против антимарксистских, контрреволюционных проповедей буржуазных националистов. На страницах большевистских газет, выходявших в Баку, публиковались статьи и выступления В. И. Ленина, обращения Бакинского комитета

⁴⁰ См.: Диалектический материализм. Тбилиси, 1973. На груз. яз.; Исторический материализм. Тбилиси, 1974. На груз. яз.; Исторический материализм. Тбилиси, 1971; Основы методики преподавания философии. Тбилиси, 1971; *Джахая Л.* Использование наглядных пособий при изучении начального курса философии. Тбилиси, 1976; *Каландаришвили В.* Общественно-экономические формации как ступени общественного прогресса. Тбилиси, 1978. На груз. яз.; *Каргозия Б.* Теория классов и классовой борьбы. Тбилиси, 1979. На груз. яз.; *Благидзе К.* Как изучать книгу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», Тбилиси, 1981. На груз. яз.

большевиков, статьи азербайджанских большевиков, разоблачавшие теорию и тактику мусаватистов, кадетов, дашнаков, эсеров и меньшевиков.

С первых дней Советской власти в Азербайджане Коммунистическая партия республики развернула широкую борьбу за торжество марксистско-ленинских философских идей. Видные руководители азербайджанских марксистов — Нариман Нариманов, Султан Меджид Эфендиев, Самед Агамали-оглы, Рухулла Ахундов и др. — широко пропагандировали идеи диалектического и исторического материализма, умело увязывая их с практическими задачами культурного строительства.

Особое внимание было уделено изучению и пропаганде вопросов диалектического материализма и истории материализма. В труде Н. Нариманова «Путь понимания научного коммунизма» в популярной форме излагались не только основы научного коммунизма, исторического материализма, но и вопросы, касающиеся двух концепций развития, диалектического и метафизического методов мышления, философского материализма, формальной логики и т. д.⁴¹ Всесоюзная дискуссия конца 20-х годов между так называемыми «механистами» и «диалектиками» получила отклик и в Азербайджане.

С. Агамали-оглы защищал и пропагандировал марксистско-ленинское учение о познаваемости мира, разъяснял законы материалистической диалектики, раскрывал содержание таких диалектических понятий, как «переход количества в качество», «скачок», «скачкообразность», «прерывность и непрерывность», «революция и эволюция» и т. д.⁴²

Партийные организации Азербайджана всемерно способствовали подготовке высококвалифицированных философских кадров коренной национальности. В этом деле большую роль сыграл Московский институт красной профессуры. Труды первых выпускников Института красной профессуры; Р. Ахундова — «Текущие разногласия на философском фронте и задача марксистской методологии»; Д. Нагиева — «Материализм Маркса», «Диалектика в теории стоимости К. Маркса», «Проблемы социальной философии Гегеля»; М. Гусейнова — «Вступление в период социализма и классовая борьба», «Французские материалисты XVIII века»; А. Караева — «Ленинская национальная политика в действии на опыте Закавказской федеративной республики»; А. Мамедбекова — «Детерминизм и индетерминизм», «Проблемы исторической закономерности», «Базис и надстройка»; А. Султановой — «Рационалисты XVII века» — были первыми монографиче-

⁴¹ Рукопись этого труда хранится в партархиве Института истории партии при ЦК КП Азербайджана.

⁴² См.: Агамали-оглы С. В защиту нового тюркского алфавита. Бану, 1927; Огъ же. Намус в затворнических обществах исламского мира. Бану, 1929.

скими трудами в Азербайджане в области марксистско-ленинской философии. Первым марксистом азербайджанской национальности, защитившим кандидатскую диссертацию еще в 20-е годы, был А. Г. Караев.

В пропаганде вопросов диалектического материализма в Азербайджане в 20-е годы важную роль сыграл журнал «Ингилаб ве меденийет» («Революция и культура»), имевший начиная с 1928 г. специальный философский отдел, в котором были напечатаны статья М. Гусейнова «Общая характеристика диалектики как науки»⁴³, серия статей М. Кулиева под общим заглавием «Диалектика природы и проблема материи»⁴⁴, статья Д. Рагимова «Основные законы материалистической диалектики»⁴⁵.

В редакционных статьях журнала «Борьба на два фронта», «Об очередных задачах марксистско-ленинской философии», посвященных философской дискуссии конца 20-х — начала 30-х годов, определялись основные задачи философов Азербайджана в свете постановления ЦК ВКП(б) «О журнале „Под знаменем марксизма“» от 25 января 1931 г. В 1931 г. ЦК АКП(б) обсудив работу философского отдела журнала «Ингилаб ве меденийет», принял постановление об улучшении его работы.

Неоценимую роль в борьбе за торжество философских идей марксизма-ленинизма в Азербайджане сыграли перевод и издание на азербайджанском языке важнейших произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина: «Манифест Коммунистической партии», «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», «Государство и революция», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Карл Маркс», «О значении воинствующего материализма», «Материализм и эмпириокритицизм», а также избранных сочинений В. И. Ленина в шести томах. Позднее Азербайджанский филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС издал на азербайджанском языке основные труды К. Маркса и Ф. Энгельса: «Капитал», «Анти-Дюринг», «Диалектика природы», «Нищета философии», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «К критике политической экономии», а также «Философские тетради» В. И. Ленина, «Избранные произведения» К. Маркса и Ф. Энгельса в двух томах, собрание сочинений В. И. Ленина.

В пропаганде марксистской теории и воспитании кадров идеологического фронта в этот период большую роль сыграли труды и выступления видных деятелей большевистской партии Азербайджана: С. М. Кирова, Н. Нариманова, С. М. Эфендиева, Г. Мусабекова и др.

С первых же дней установления Советской власти в Азербайджане ЦК АКП(б) нацелил всю пропагандистскую работу в

⁴³ См.: Ингилаб ве меденийет. 1929. № 7—9.

⁴⁴ См.: Там же. 1931. № 1, 7, 8; 1932, № 1, 2.

⁴⁵ См.: Там же. 1929. № 11, 12.

первую очередь на борьбу с пережитками старого феодально-патриархального и буржуазно-помещичьего уклада жизни. Среди пережитков прошлого религиозные пережитки занимали особое место. Выполняя резолюции XII съезда РКП(б) «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды», ЦК АКП(б) разработал и осуществил мероприятия по усилению атеистической пропаганды, по улучшению ее форм и методов, исходя из конкретных условий. За период своего существования (с 1924 по 1940 г.) Союз воинствующих безбожников (СВБ) Азербайджана подготовил и выпустил десятки книг и брошюр, в числе которых особо ценными были «Религия и пролетариат», «Происхождение орудия (ураза)», «Крестьянство и религия», «Культурная революция и ислам», «Возникновение человека, животных и растений» и т. д.

С. Агамали-оглы еще в 1920 г. выступал со специальной статьей «Коммунизм и религия», в которой разъяснял отношение компартии к религии, подробно анализировал ее гносеологические и социальные корни⁴⁶. Позже в своей книге «Намус в затворнических обществах исламского мира» С. Агамали-оглы подверг критике различные догматы и обряды ислама. В книгах В. Хулуфлу «Панисламизм, империализм и духовенство» (1928), «Религия и женщина» (1930), М. Кулиева «Культурная революция и ислам» (1928), А. Караева «Кому нужен траур?» (1923), М. С. Ордубади «Магеррам и марсиаханы» (1924), «Магеррам и культурная революция» (1929), «Против обряда магеррам» (1930) и др. на основе огромного исторического материала была раскрыта реакционная сущность обряда магеррамлик.

В брошюрах В. Рзаева «Кто такие бехайты?» (1929), А. Мамедова «Бехаизм и ислам» (1929), в статьях «Бехайты»⁴⁷ разоблачалась теоретическая и практическая деятельность бехайтов, раскрывалась истинная сущность бехаистских проповедей о примирении религии с наукой и культурой.

В специфических условиях Азербайджана в переходный от капитализма к социализму период перед партийными организациями республики стояла задача в первую очередь вести борьбу с исламом. В этом деле положительную роль сыграли созданные по решению ЦК КП Азербайджана Клуб материалистов и Общество воинствующих материалистов-диалектиков. В работе Клуба материалистов и Общества воинствующих материалистов-диалектиков принимали активное участие видные партийные и государственные деятели Азербайджана: Н. Нариманов, А. Караев, Р. Ахундов, С. Агамали-оглы, Г. Мусабеков, С. М. Эфендиев, А. Султанов, М. Шахбазов, писатели М. С. Ордубади, Дж. Мамедкули-заде и другие.

⁴⁶ См.: Коммунист. 1920. 25 нояб.

⁴⁷ См.: Ингилаб ве меденийет. 1930. № 2/3; Бакин. рабочий. 1937, 9 авг.

Первая конференция Азербайджанского общества воинствующих материалистов-диалектиков (АзОВМД), созванная по постановлению ЦК АКП(б), состоялась в мае 1932 г. в Баку. Конференция придала исключительно большое значение пропаганде вопросов диалектического материализма.

В 20—30-х годах азербайджанские философы-марксисты, выполняя заветы В. И. Ленина, изложенные в его труде «О значении воинствующего материализма», наряду с изучением и пропагандой вопросов диалектического материализма большое внимание уделяли также изучению идейного наследия материалистов прошлого. В 1928 г. Дж. Нагиев опубликовал статью «О Спинозе»⁴⁸, где он обстоятельно охарактеризовал философское наследие выдающегося голландского философа.

В труде А. Ю. Сеидова «Философия Джона Локка»⁴⁹ не только были исследованы философские взгляды выдающегося английского материалиста, но и проанализированы труды Декарта, Бэкона, Гоббса и др. Изучению философских взглядов французских материалистов XVIII в. были посвящены монографический труд М. Гусейпова «Проблемы материи и движения у французских материалистов»⁵⁰, его статья «Французские материалисты XVIII века»⁵¹, а также работа А. Кязимова «Французские материалисты XVIII века»⁵². Значительный интерес представляет рукопись А. Ю. Эфендиева «Социальная философия Жан-Жака Руссо». К числу ценных философских исследований этого периода относится работа известной революционерки Айны Султановой «Рационалисты XVII века», написанная в то время, когда она была слушателем в Институте красной профессуры⁵³. В своей работе «Материализм и идеализм или новая философия» выпускник Института красной профессуры М. К. Алекберли изложил теорию познания диалектического материализма, подверг аргументированной критике субъективный идеализм и агностицизм.

Интересные статьи по марксистско-ленинской философии в этот период были написаны Михаилом Гусейповым, Джахангиром Нагиевым, Мустафой Кулиевым. В работе «Диалектика природы и проблема материи»⁵⁴ М. Кулиев излагал марксистско-ленинское учение о диалектике, материи, материальности мира.

В переходный от капитализма к социализму период в теоретической деятельности азербайджанских марксистов большое место занимали *вопросы исторического материализма*, непосредственно связанные с задачами социалистического строительства.

⁴⁸ См.: Ингилаб ве медениййет. 1928. № 1.

⁴⁹ См.: ЦГАОР АзССР. Ф. 387. Оп. 1. Ед. хр. 231.

⁵⁰ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 5205. Оп. 1. Ед. хр. 358.

⁵¹ См.: Ингилаб ве медениййет. 1929. № 2, 3—6.

⁵² См.: ЦГАОР АзССР. Ф. 3872. Оп. 1. Ед. хр. 237.

⁵³ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 5205. Оп. 1. Ед. хр. 523.

⁵⁴ См.: Кулиев М. Диалектика природы и проблема материи // Ингилаб ве медениййет. 1931. № 7—12; 1932. № 1, 2.

Н. Нариманов в своих трудах «Ленин и мусульманский восток», «Год работы без Ленина», «Ленин предвидел будущее», «Великий друг угнетенных народов» ярко показал роль великого вождя революции и раскрыл сущность его всепобеждающего учения. Он особо отметил значение ленинского анализа противоречия капитализма и неизбежности победы социалистической революции⁵⁵. С. Эфендиев в специальной статье «Укреплять диктатуру пролетариата» раскрыл сущность и значение марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата⁵⁶. С. Агамали-оглы широко пропагандировал и защищал основные положения исторического материализма, умело применял их к конкретным задачам культурного строительства в Азербайджане⁵⁷. Г. Мусабек-ков в своих работах особо подчеркнул необходимость укрепления союза рабочих и крестьян⁵⁸. В статьях Д. Буниат-заде «Социализм побеждает, социализм победит»⁵⁹, М. Гусейнова «Современные классы и классовая борьба»⁶⁰, Д. Рагимова «Теория классов и классовой борьбы»⁶¹ раскрывались сущность и историческое значение марксистской теории классов и классовой борьбы, анализировались социально-экономические и общественно-политические последствия ликвидации эксплуататорских классов в СССР. В работе М. Гусейнова «Вступление в период социализма и классовая борьба»⁶², написанной им в конце 1931 г., характеризовались классовые сдвиги в СССР, были подвергнуты критике «левые» и правые оппортунисты.

В пропаганде идей исторического материализма азербайджанскими марксистами особое место занимал *национальный вопрос*. В работах Г. Мусабекова⁶³, Н. Нариманова⁶⁴, Н. С. Агамали-оглы⁶⁵, К. Караева⁶⁶, М. Мамедова⁶⁷ разъяснялась сущность марксистского учения о нации, о национальном самоопределении, о социалистических нациях, показано историческое значение образования СССР и Закавказья в осуществлении ленинской национальной политики, особо подчеркивалось значение успешного разрешения национальной политики в Закавказье для народов Ближнего и Среднего Востока. В статьях Д. Гусейнова «Идея независимости и партия мусаватистов», Г. Джабиева «К очередной постановке национального вопроса в Азербайджане»

⁵⁵ См.: Нариманов Н. Ленин и Восток. Баку, 1970.

⁵⁶ См.: Бакин. рабочий. 1933. 6 июля.

⁵⁷ См.: Агамали-оглы. Елмден ве тарихден. Баку, 1927.

⁵⁸ См.: Бакин. рабочий. 1925. 29 янв.

⁵⁹ См.: Там же. 1931. 6 июля.

⁶⁰ См.: Ингилаб ве меденийет. 1932. № 5, 8, 9.

⁶¹ См.: Там же. 1928. № 11, 12.

⁶² См.: ЦГАОР СССР. Ф. 5205. Оп. 1. Ед. хр. 358.

⁶³ См.: Азербайджан. известия. 1921. 25 нояб.

⁶⁴ См.: Бакин. рабочий. 1922. 7 июня.

⁶⁵ См.: Там же. 1925. 28 апр.

⁶⁶ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 5216. Оп. 5. Ед. хр. 132.

⁶⁷ См.: Бакин. рабочий. 1932. 12 марта.

не», «За беспощадную борьбу с тюркским национализмом», М. Кулиева «Мусаватисты в национальном движении», С. Кадырова «Мусават и молодежь» были разоблачены националистические доктрины мусаватистов.

В годы завершения строительства основ социализма и ликвидации эксплуататорских классов важное значение имело разъяснение марксистского учения о классах и классовой борьбе. Этому вопросу была посвящена статья М. Гусейнова «О классах и классовой борьбе в СССР»⁶⁸. В пропаганде исторического материализма наряду с видными партийными советскими деятелями большую роль сыграли также В. Варейкис, А. Мамедбеков, В. Сараджев, Б. Гасанбеков и др.

Большое внимание в 20—30-е годы уделялось изучению философского наследия прошлого. Статьи М. Гусейнова «Томас Гоббс», «Эстетические взгляды французских материалистов XVIII века»⁶⁹, книги А. О. Маковельского «Материализм в древности» (1928), «Левкипп» (1925), «Астрономические учения древних философов» (1926), статьи Дж. Нагиева «Жан Мебюс» (1928), «Истина о Спинозе» (1928) явились первыми марксистскими исследованиями в Азербайджане в области истории философии.

Весьма положительную роль в разработке проблем марксистско-ленинской философии сыграло создание в 1926 г. Государственного ученого совета (ГУСа) и в 1929 г. Азербайджанского государственного научно-исследовательского института (АзГНИИ). В АзГНИИ было создано философское отделение с секциями теоретической философии, методологии общественных наук и педагогики, где были подготовлены книги и статьи А. Х. Чичикалова «Механицизм и меньшевистствующий идеализм» (1932), «Диалектика Гегеля и диалектика Маркса», «Ревизионизм под знаменем марксизма», «Антидиалектика в культурной революции»; А. Ю. Сеидова «Материализм Дж. Локка»; А. Ю. Эфендиева «Социальная философия Жан-Жака Руссо»; А. Кязимова «Французские материалисты XVIII века».

40-е годы ознаменовались более высоким уровнем философских исследований в республике.

В 1944 г. был создан Сектор философии Азербайджанского филиала АН СССР, а в 1945 г. — Институт философии АН Азербайджанской ССР. В 1945 г. на историческом факультете Азербайджанского государственного университета было открыто философское отделение, а в ряде высших учебных заведений — кафедры философии, психологии, логики. Все это способствовало подготовке философских кадров и дальнейшему расширению философских исследований в республике.

⁶⁸ См.: Ингилаб ве меденийет. 1931. № 2, 5.

⁶⁹ См.: Там же. 1932. № 5, 8.

В годы Великой Отечественной войны философы Азербайджана продолжали пропагандировать основные положения материалистической философии. Были опубликованы книги Г. Н. Гусейнова «Диалектика и метафизика» (1941), «Марксистский диалектический метод» (1945).

В послевоенный период начался неуклонный рост изданий учебной⁷⁰ и исследовательской литературы.

Активизировалась научно-исследовательская работа по изучению законов и категорий материалистической диалектики. Был проведен анализ закона отрицания отрицания, что в известной мере восполнило образовавшийся в конце 30-х — начале 40-х годов пробел в интерпретации и обосновании этого закона диалектики⁷¹.

Законам и категориям материалистической диалектики посвящена значительная литература⁷². Большой интерес азербайджанские философы проявляют к разработке проблем теории познания⁷³ и проблемам логики⁷⁴.

За последние годы ряд философов республики предприняли исследования в области философских проблем естествознания, что нашло отражение в книгах по философии математики, философским вопросам физики, биологии⁷⁵.

⁷⁰ Юсиф-заде К. Ю. Марксистский материализм и марксистская диалектика. Баку, 1957.

⁷¹ См.: Багиров З. Н. Закон отрицания отрицания. Баку, 1960.

⁷² См.: Ахмедов Э. М. Марксизм-ленинизм о свободе и необходимости // Тр. АГУ им. С. М. Кирова, 1954. Т. II. На азерб. яз.; Алиев А. С. О проблеме сущности и явления. Баку, 1958; Багиров З. Н. Категория отрицания в марксистской диалектике // Учен. зап. АГУ им. С. М. Кирова, 1959. № 1; Ахмедли Д. Т. Свобода и необходимость. Баку, 1960; Он же. Категория закона в материалистической диалектике. Баку, 1963; Маковельский А. О. Категория причинности и законы природы и общества. М., 1961; Алиев М. Г. Марксизм-ленинизм о характере скачков при переходе старого качества к новому. Баку, 1972.

⁷³ См.: Сеидов Г. С. О происхождении и развитии языка и мышления. Баку, 1958; Ахмедов Э. М. Диалектический материализм о познаваемости мира и его закономерностей // Тр. АЗИНХ им. М. Азизбекова. 1959. Вып. XXI; Мирзаев А. Роль практики в процессе познания // Азербайджан коммуниста. 1959. № 6; Мамедов З. А. Как познается мир? Баку, 1964. На азерб. яз.; Наджафов М. С. Логический процесс познания и его естественнонаучные основы. Баку, 1967. На азерб. яз.; Аллаhverдиев А. Б. Сущность идеализации и ее роль в процессе познания. Баку, 1970; Исмаилова Ф. Г. Обыденный язык и философия. Баку, 1972; и др.

⁷⁴ См.: Маковельский А. О. Формальная логика и диалектика. Баку, 1950; Он же. Чем должна быть логика как наука. Баку, 1951; Он же. К учению о категорическом силлогизме в свете диалектики. Баку, 1954; Он же. История логики. Баку, 1967; Гюлиев М. Теория индукции в ее историческом развитии // Учен. зап. АГУ им. С. М. Кирова, 1964. № 8; Оруджев З. М. К. Маркс и диалектическая логика. Баку, 1964; Он же. Проблемы диалектической логики в экономических исследованиях К. Маркса. Баку, 1965; Он же. Единство диалектики и теории познания в «Капитале» К. Маркса. Баку, 1968; Садыгов Г. Логика. Баку, 1968. На азерб. яз.

⁷⁵ См.: Акперов М. С. Роль математики в познании. Баку, 1967; Он же. Кибернетика и искусство. Баку, 1968; Он же. Математика и философия. Баку, 1971; Мамедов М. А. Необходимость и случайность в живой природе. Баку, 1971; Абдуллаев Г. В., Аллаhverдиев Д. Е., Алиев Ш. С. К вопросу о взаимоотношении философии и естествознания // Вопр. философии. 1973. № 4; Керимов В. М. Роль ленин-

В коллективном монографическом труде «Диалектика и методологические проблемы развития науки» (Баку, 1976) на основе новейших достижений естественных и гуманитарных наук освещаются такие важные проблемы современной методологии научного познания, как эвристическая роль идей и понятий науки, соотношение эмпирического и теоретического уровней знания, интегративная функция науки и синтез знаний, роль общенаучных методов познания и т. д.

Интенсивная разработка проблем диалектического материализма, логики и философских вопросов естествознания способствовала созданию учебного пособия по диалектическому материализму на азербайджанском языке⁷⁶.

В числе проблем исторического материализма особое место занимает проблема изучения закономерностей перехода от социализма к коммунизму. В вышедшем в свет в 1958 г. на азербайджанском языке коллективном труде «Некоторые вопросы развития социалистического общества» авторы, обобщая опыт строительства социализма в Азербайджане, предприняли попытку разработки ряда теоретических проблем дальнейшего развития социалистического общества.

В работах Г. И. Ширалиева, А. М. Гасанова, Дж. Гулиева, В. Г. Насирова, И. С. Алиева, и др. изучаются такие вопросы, как развитие производственных отношений в социалистическом обществе, закономерности, пути и движущие силы развития социалистического общества, образование мировой социалистической системы, рабочее время как фактор всесторонне развитой личности и т. д.

Философы республики в своих работах теоретически обобщают опыт социалистического и коммунистического строительства в Азербайджане, освещают проблемы *классовой структуры* социалистического общества, формирования *национальной интеллигенции*, закономерностей развития *социалистической культуры*⁷⁷.

ской критики физического идеализма в борьбе против идеализма в современной физике. Баку, 1974; *Эфендиев И. К.* Философские проблемы современной медицины. Баку, 1975; *Мамедов А. Б.* Диалектический материализм и проблема пространства и времени в современной физике. Баку, 1976.

⁷⁶ См.: *Касим-заде Ф., Ширалиев Г.* Диалектический материализм. Баку, 1972.

⁷⁷ См.: *Гулиев Д.* Рабоче-крестьянский союз — основа укрепления Советского государства. Баку, 1957; *Рустамов М. А.* Роль марксистско-ленинской идеологии в создании материально-технической базы коммунизма. Баку, 1957. На азерб. яз.; *Он же.* Формирование и развитие азербайджанской советской интеллигенции. Баку, 1963. На азерб. яз.; *Он же.* Закономерности повышения культурно-технического уровня рабочего класса. Баку, 1966. На азерб. яз.; *Кочарли Ф. Г.* Теория культурной революции В. И. Ленина и ее торжество в Азербайджане. Баку, 1960. На азерб. яз.; *Шахир-заде А. С.* От социализма к коммунизму. Баку, 1960; *Он же.* Общественные начала в создании культуры коммунизма. Баку, 1969; *Иманов Г. Р.* Коренное изменение духовного облика азербайджанского крестьянства за годы Советской власти. Баку, 1960. На азерб. яз.; *Он же.* Развитие общественных отношений в деревне. Баку, 1967. На азерб. яз.; *Он же.* Пути стирания классовых различий. Баку, 1970. На

Учеными республики успешно исследуется и проблематика теории *научного коммунизма*⁷⁸, изучаются также вопросы образования и развития азербайджанской социалистической нации, сближения братских культур, дружбы народов⁷⁹.

Ряд работ посвящен проблемам взаимосвязи пролетарского интернационализма и советского патриотизма⁸⁰.

В республике разрабатываются некоторые узловые проблемы теории исторического материализма — проблема базиса и надстройки, ликвидации противоположности между городом и деревней и др.⁸¹

В 50—70-х годах азербайджанскими философами проделана определенная работа по изучению *философского наследия классиков марксизма-ленинизма* в области исторического материализма и научного коммунизма⁸².

азерб. яз.; *Он же*. Изменение социально-классовой структуры Азербайджанской ССР в процессе строительства социализма и коммунизма. Баку, 1971. На азерб. яз.; *Халилов Г. В.* Создание и развитие социалистической интеллигенции в СССР. Баку, 1960. На азерб. яз.; *Исмаилов И. В. И. Ленин о социалистической культуре*. Баку, 1960. На азерб. яз.; *Он же*. Развитие социалистической культуры народов Советского Востока. Баку, 1967. На азерб. яз.; *Он же*. Ленинская теория некапиталистического развития и народности Кавказа. Баку, 1968. На азерб. яз.; *Гаджиев Дж. М.* Роль преодоления существенных различий между городом и деревней во всестороннем развитии личности. Баку, 1966; *Емчиев С. Г.* Закономерности повышения культурно-технического уровня сельского населения в период строительства коммунизма. Баку, 1969.

⁷⁸ См.: *Ширалиев Г. И.* Мировая система социализма. Баку, 1968. На азерб. яз.; *Он же*. Формирование коммунистического быта. Баку, 1971. На азерб. яз.

⁷⁹ См.: *Наджяфов А. Ю.* Формирование и развитие азербайджанской социалистической нации. Баку, 1955; *Он же*. Коммунизм и братство народов. Баку, 1962. На азерб. яз.; *Он же*. Сближение братских культур социалистических наций и их взаимоотношение в период коммунистического строительства. Баку, 1967. На азерб. яз.; см. также: *Дашдамыров А. Ф.* Советский народ и диалектика национального развития. Баку, 1972; *Он же*. Нация и личность. Баку, 1976.

⁸⁰ См.: *Насиров В. Г.* Великая сила советского патриотизма. Баку, 1957. На азерб. яз.; *Он же*. Единство советского патриотизма и социалистического интернационализма. Баку, 1972. На азерб. яз.; *Он же*. СССР — воплощение единства национальной политики и интернациональных интересов. Баку, 1973. На азерб. яз.

⁸¹ См.: *Шахир-заде А. С.* Народ — творец истории. Баку, 1955. На азерб. яз.; *Он же*. Народ — творец культуры СССР. Баку, 1965; *Он же*. Роль народных масс в создании коммунизма. Баку, 1969; *Юсиф-заде Г.* Роль народных масс и личности в истории. Баку, 1955. На азерб. яз.; *Симолян Г. А.* Содержание и сущность антагонизма между физическим и умственным трудом. Баку, 1958; *Рагимов О.* Марксизм-ленинизм о сознательной деятельности народных масс. Баку, 1958; *Симолян Г. А.* Октябрьская революция и вопрос о ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом. Баку, 1960; *Кули-заде З.* Роль надстройки в антагонистическом обществе. Баку, 1961; и др.

⁸² См.: *Расулов Т. А.* Критика В. И. Лениным позитивистской социологии в России в 90-х годах XIX века. Баку, 1959; *Ширинлов А. А.* Торжество ленинских идей. Баку, 1960; *Он же*. Марксизм и современность. Баку, 1968; *Он же*. Гениальное философское произведение В. И. Ленина. Баку, 1969; *Он же*. Развитие теории научного коммунизма в последних трудах В. И. Ленина. Баку, 1973; *Исмаилов А. А.* У истоков великого учения. Баку, 1971; и др.

Сравнительно недавно организован в Институте философии и права АН АзССР отдел конкретных социологических исследований, работающий над проблемой «Советский социалистический образ жизни». По данной проблеме издан ряд работ⁸³. В отделе выполняются работы, посвященные образу жизни рабочего класса, колхозного крестьянства, культуре быта, а также по социальной психологии, социальной лингвистике и социальной информации. Однако в работе отдела имеются серьезные недостатки, о которых говорилось на июльском (1979 г.) Пленуме ЦК Компартии Азербайджана.

За последние годы заметно оживилась работа в области эстетики. В работах А. М. Асланова, Ш. Ш. Мирзоевой, Дж. Кулиева, Б. О. Курбанова, М. Мамедова, З. Мамедова, М. Г. Гурбаналиева, Э. Э. Замановой, Р. Бадалова и др. исследуются такие вопросы эстетики, как специфика искусства, природа эстетического, сущность социалистического реализма, отношение искусства к действительности, связь эстетической и познавательной ценности в искусстве, принцип народности в искусстве, роль литературы и искусства в коммунистическом воспитании и т. д.⁸⁴.

Большой интерес проявляют философы республики также и вопросам *марксистско-ленинской этики*. Усилению научно-исследовательской работы в этой области немало способствовали подготовка и проведение 25—27 апреля 1979 г. в Баку Всесоюзной научно-практической конференции «Формирование активной жизненной позиции: опыт и актуальные проблемы нравственного воспитания», а также введение в высших учебных заведениях курса основ марксистско-ленинской этики. В трудах З. Б. Геюшева, Ф. Ф. Рамазанова, А. Гулиева, А. С. Асланова, Т. Г. Григоряна, К. Курбанова, Ю. Согомонова, М. Алиева, Н. Ландесмана, С. Ш. Пашаева, Р. Д. Азимовой, Н. Г. Наджафова, И. Р. Мамедзаде, Н. С. Сафарова и др. исследуются важнейшие категории, принципы и нормы коммунистической морали, рассматриваются взаимоотношение морали с другими формами общественного сознания, изучаются нравственные аспекты труда,

⁸³ См.: *Шакирзаде А. С.* Советский образ жизни. Баку, 1979.

⁸⁴ См.: *Мирзоева Ш. Ш.* Критика современной реакционной буржуазной эстетики. Баку, 1960; *Она же.* Ленинский принцип партийности в литературе и искусстве. Баку, 1965. На азерб. яз.; *Асланов А. М.* Искусство и воспитание. Баку, 1967; *Он же.* Эстетическое наследие В. И. Ленина и творческие проблемы азербайджанской литературы. Баку, 1968; *Мамедов М.* Категория современности и эстетические проблемы азербайджанской драматургии. Баку, 1967; *Мамедов З. И.* Советская литература и воспитание нового человека. Баку, 1968; *Кулиев Д. С.* Проблема гуманизма в искусстве. Баку, 1969; *Эфендиев А. К.* Предыстория и становление социалистического реализма в азербайджанской литературе. Баку, 1971; *Курбанов Б. О.* Социальная активность искусства. Баку, 1980; *Он же.* Эстетические принципы программной музыки. Баку, 1982; и др.

патриотизма, интернационализма и др.⁸⁵ Создаются труды по истории этики⁸⁶.

Значительная работа проделана азербайджанскими учеными в области *научного атеизма*. Вскрываются социальные и гносеологические корни ислама, прослеживается процесс формирования атеистического мировоззрения азербайджанского народа, подвергаются научной критике догмы исламской морали, анализируются малоизученные проблемы религиозной психологии. В атеистической литературе, изданной за последние годы, подвергаются научной критике реакционно-консервативные и религиозные обычаи, традиции, одновременно подчеркивается важное значение новых передовых обычаев и традиций в атеистическом воспитании трудящихся. Республиканская научно-практическая конференция, проведенная в июле 1974 г. в Баку, подвела некоторые итоги работы по пропаганде и внедрению в жизнь новых социалистических обрядов, ритуалов, праздников, обычаев и традиций. В атеистическом воспитании трудящихся республики известную положительную роль сыграло также выпущенное на азербайджанском языке учебное пособие Н. Махмудова «Основы научного атеизма». Азербайджанские философы проявляют большой интерес к вопросам, связанным с идеологией ислама и ее критикой в Азербайджане во второй половине XIX — начале XX в.⁸⁷

⁸⁵ См.: Григорьян Т. Г. В. И. Ленин об основах коммунистической морали // Учен. зап. АПИ рус. яз. и лит. им. М. Ф. Ахундова. 1957. Вып. 4; Он же. Труд и мораль в социалистическом обществе // Там же. 1958. Вып. 8; Алиев А. С. Человек человеку друг, товарищ и брат. Баку, 1962. На азерб. яз.; Курбанов К. О категории долга. Баку, 1964. На азерб. яз.; Рамазанов Ф. Ф. Критика религиозной морали в общественной мысли Азербайджана. Баку, 1965. На азерб. яз.; Согомонов Ю. О смысле жизни. Баку, 1965; Алиев М., Ландесман П. О нравственном идеале. Баку, 1965. На азерб. яз.; Геюшев З. Б. Моральные ценности. Баку, 1968. На азерб. яз.; Он же. Добродетель и порок. Баку, 1972. На азерб. яз.; Он же. Самосознание. Баку, 1978. На азерб. яз.; Наджафов И. Г. Детерминизм и нравственная свобода. Баку, 1969; Он же. Нравственные аспекты труда в условиях НТР. Баку, 1977; Он же. Этика трудовой деятельности в социалистическом производстве. Баку, 1982; Пашаев С. Ш. Простые нормы морали. Баку, 1974. На азерб. яз.; Азимова Р. А. Категория нравственной самооценки в марксистско-ленинской этике. Баку, 1977; Она же. Нравственное сознание личности. Баку, 1978; и др.

⁸⁶ См.: Геюшев З. Б. Этические взгляды азербайджанских просветителей второй половины XIX века. Баку, 1962; Он же. Вопросы этики в трудах азербайджанских просветителей конца XIX — начала XX в. Баку, 1964; Он же. Этическая мысль в Азербайджане. Баку, 1968; Азнауров А. А. Очерки по этике великих русских революционных демократов. Баку, 1964; Керимова Г. М. Этические взгляды М. Т. Сидги. Баку, 1966; Рамазанов Ф. Ф. Этические взгляды Дж. Мамедкули-заде. Баку, 1969; Он же. Проблема этики в демократической мысли Азербайджана начала XX века. Баку, 1973; Гусейнов М. Д. М. А. Сабир о морали. Баку, 1970; Исмаилов Х. Вопросы этики и воспитания в творчестве Уз. Гаджибекова. Баку, 1970; Вахидов Ф. Вопросы морали и воспитания в трудах Ф. Неман-заде. Баку, 1972; Дамирли Д. Этические взгляды Юсифа Везира Чемазенменли. Баку, 1974; и др.

⁸⁷ См.: Абдуллаев Г. Б. Пережитки исламской религии и пути их преодоления. Баку, 1955. На азерб. яз.; Он же. Ислам, его происхождение и реакционная сущность. Баку, 1960. На азерб. яз.; Он же. Обряд магеррама в исламе. Баку, 1967,

Одно из центральных мест в деятельности азербайджанских философов занимают исследования в области *истории философии*. Они ведут работу по изучению античной философии, истории философии народов Ближнего и Среднего Востока, истории русской философии, истории марксистско-ленинской философии, истории общественно-политической и философской мысли азербайджанского народа.

Многочисленные труды А. О. Маковельского посвящены античной философии. Он специально исследовал философское наследие досократиков, софистов, древнегреческих материалистов — Левкиппа, Эпикура, Демокрита. В его монографическом исследовании «Древнегреческие атомисты» (1946) ярко показана борьба материализма и идеализма в древнегреческой философии, определены роль и значение Демокрита и других древнегреческих атомистов в развитии науки и философии.

А. О. Маковельский опубликовал также работы о Гоббсе, Спинозе, Декарте. В его монографии «Авеста» (1960) всесторонне анализируется «священная книга» зороастризма — доисламской религии некоторых народов Ближнего и Среднего Востока.

Историей древнегреческой философии занимались и другие исследователи в Азербайджане⁸⁸. Наиболее широко рассмотрены прогрессивные традиции средневековой арабоязычной философии,

На азерб. яз.; *Ахундов М. А., Саггаров М. М., Геюшев З. Б., Кочарли Ф. К.* Вопросы и ответы по религии и атеизму. Баку, 1959. На азерб. яз.; Статьи по вопросам атеизма. Баку, 1960. Вып. I, II; *Ахадов А.* Атеистическое воспитание молодежи. Баку, 1961; *Он же.* Роль коммунистического труда в атеистическом воспитании трудящихся. Баку, 1964; *Мамедов М. Д.* Борьба передовых мыслителей Азербайджана против религии и суеверий. Баку, 1962. На азерб. яз.; *Он же.* Джалил Мамедкули-ваде против религии и суеверий. Баку, 1962. На азерб. яз.; *Он же.* Религиозное эстетическое сознание. Баку, 1971. На азерб. яз.; *Саггаров М. М.* О преодолении пережитков капитализма в сознании советских людей. Баку, 1961. На азерб. яз.; *Он же.* Формирование атеистического мировоззрения у азербайджанского народа в период социалистического строительства. Баку, 1964. На азерб. яз.; *Вахтияров А. С.* О религиозных чувствах. Баку, 1964; *Рустамов И. А.* Религия и быт. Баку, 1964. На азерб. яз.; *Аббасов С. Ш.* Моральные догмы ислама и их социальный смысл. Баку, 1966; *Мирзаханов Ф. З.* Роль новых обычаев и традиций в атеистическом воспитании трудящихся. Баку, 1966. На азерб. яз.; *Алиев Я. М.* Атеистические взгляды Джамали Мамедкули-заде. Баку, 1967. На азерб. яз.; *Мамедов Х. Г.* Выдающиеся общественные и политические деятели Азербайджана в борьбе против религии в период строительства социализма. Баку, 1968; *Фарадова Н. Д.* Ислам и быт. Баку, 1968; *Джалилов М. Ф.* Взаимосвязь исламской религии с другими пережитками прошлого. Баку, 1969. На азерб. яз.; *Гасанов А. М.* Критика азербайджанскими просветителями некоторых черт ислама. Баку, 1969. На азерб. яз.; *Он же.* Анализ ислама азербайджанскими просветителями во второй половине XIX — начале XX века. Баку, 1970; *Балаев М. А.* Пережитки культа святых в Азербайджане. Баку, 1970; *Мустафаев Г. И.* Социальная ориентация ислама в Азербайджане начала XX века. Баку, 1973. На азерб. яз.; *Он же.* Идеология ислама и ее критика в начале XX века в Азербайджане. Баку, 1974. На азерб. яз.; *Мехтиева М. Ф.* Социально-политическая сущность идеологии ислама. Баку, 1974.

⁸⁸ См.: *Шакир-заде А. С.* Эпикур. М., 1963.

философские, эстетические, психологические воззрения ее выдающихся представителей⁸⁹. Объектом исследования азербайджанских философов является также философское наследие русского народа, особенно мировоззрение русских революционных демократов, их влияние на развитие общественно-политической мысли в Азербайджане⁹⁰.

Изучается философское наследие Плеханова⁹¹.

Главное внимание азербайджанских философов в области истории философии уделяется изучению истории философии своего народа. Известно, что азербайджанский народ имеет многовековую историю духовной культуры. Тем не менее азербайджанская буржуазная историография оказалась неспособной разработать идейное наследие своего народа, а буржуазные историки из числа европоцентристов либо вообще отрицали познавательную сущность философской мысли народов Востока, в том числе Азербайджана, либо полностью отождествляли ее с богословием. Только в годы Советской власти началось научное исследование истории философской и социологической мысли азербайджанского народа.

В деле изучения многовековой истории философской и общественно-политической мысли азербайджанского народа большая заслуга принадлежит Г. Н. Гусейнову. Начиная с 1939 г. он публикует работы о многих выдающихся представителях философской мысли азербайджанского народа, таких, как Бахманяр, Низами Гянджеви, Мухаммед Физули, А. Бакиханов, Мирза Казем-бек, М. Ф. Ахундов, Г. Б. Зардаби и др.⁹² В 1949 г. вышла его фундаментальная работа «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века», в которой поднят и введен в научный оборот большой архивный и рукописный материал; определены основные этапы развития философской и

⁸⁹ См.: *Закуев А. К.* Состояние философии на Ближнем Востоке в эпоху Низами // Низами. Баку, 1947; *Он же.* К вопросу о названии средневековой арабской, ближневосточной философии // Изв. АН АЗССР. 1950. № 2; *Он же.* Психологические воззрения Насирэддина Туси. XIII в. // Тр. Ин-та истории философии АН АЗССР. 1955. Т. 8; *Он же.* Психология Ибн-Сины. Баку, 1958; *Он же.* Философия Ан-Наззема. Баку, 1961; *Он же.* Философия «братьев чистоты», Баку, 1963; *Он же.* История логики на Ближнем и Среднем Востоке. Баку, 1965.

⁹⁰ См. работы А. А. Азнаурова, Г. Н. Гусейнова, М. М. Касумова, Ф. К. Кочарли, Г. Симоняна, И. А. Рустамова.

⁹¹ См.: *Зенайлов М.* Обоснование и защита Г. В. Плехановым марксистского диалектического метода. Баку, 1962; *Он же.* Г. В. Плеханов, диалектический материализм и современность. Баку, 1970.

⁹² См.: *Гусейнов Г. Н.* Проблема материи в философии М. Ф. Ахундова // Изв. Азерб. филиала АН СССР. 1939. № 6; *Он же.* Атеизм Мирзы Фатали Ахундова // Там же. № 5; *Он же.* О социальных воззрениях Низами // Тр. Ин-та философии АН АЗССР. 1945. № 1; *Он же.* О философском трактате Физули «Матла уль-этгад» // Докл. АН АЗССР. 1947. Т. III, № 3; *Он же.* Азербайджанский философ XI века Абдуль Гасан Бахманяр // Там же. № 5; *Он же.* Мирза Казем-бек о социальной сущности восстания бабидов // Там же. 1948. № 8; и др.

общественно-политической мысли азербайджанского народа в XIX в., охарактеризовано мировоззрение азербайджанских мыслителей XIX в.

Углубленным исследованием философской мысли Азербайджана прошлого века является монография М. М. Касумова «Очерки из истории передовой философской и общественно-политической мысли азербайджанского народа в XIX веке» (1949). Здесь на основе большого материала показывается благотворное влияние передовой русской науки, литературы, общественно-политической и философской мысли на развитие философской и социологической мысли азербайджанского народа в XIX в., детально охарактеризовано мировоззрение передовых представителей и выявлены те положительные и характерные черты их идейного наследия, которые и в наши дни сохранили свою актуальность.

В трудах ряда азербайджанских философов монографически исследуется мировоззрение отдельных видных мыслителей азербайджанского народа⁹³.

Ряд работ посвящен истории средневековой азербайджанской философии. В них исследуются мировоззрение отдельных мыслителей и некоторые общие проблемы истории философии этого периода⁹⁴.

Исследуется также история философской и общественно-политической мысли в Азербайджане в XVII — первой четверти XIX веков⁹⁵.

⁹³ См.: *Вакуев А. К.* Философские взгляды Бахманяра. Баку, 1958; *Маковельский А. О.* «Nizamname». М., 1900; *Нуруллаев Р.* Низами и античная философия, Баку, 1948; *Мирзоев Ш. Ш.* Общественно-политические взгляды Низами; Баку, 1950; *Мустафаев Д. В.* Философские и эстетические воззрения Низами. Баку, 1962; *Рзакули-заде С. Д.* Общественно-политические и философские взгляды Хагани Ширвани, Баку, 1962.

⁹⁴ См.: *Сеид-заде А. А.* Материализм — основа философии Насими // Тр. Ин-та философии и права АН АЗССР. 1946. Т. II; *Он же.* Место учения о четырех элементах в истории философии средневекового Азербайджана // Докл. АН АЗССР. 1957. Т. XIII, № 2; *Он же.* О Зульфигаре Ширвани // Тр. Ин-та философии и истории АН АЗССР. 1957. Т. XI; *Он же.* Из истории культурных связей Азербайджана с Индией в средние века // Изв. АН АЗССР. 1958. № 1; *Закуев А.* Философские воззрения Физули // Тр. Ин-та истории и философии АН АЗССР. 1955. Т. 8; *Мамедов Р.* Общественно-политические и этические взгляды Физули, Баку, 1963; *Насим-заде Ф. Ф.* Эстетические и литературно-художественные взгляды Физули // Изв. АН АЗССР, 1968. № 7; *Он же.* Отношение Физули к религии // Там же. 1964. № 8; *Он же.* Караван печали, или Свет во мраке. Баку, 1968. На азерб. яз.; *Күли-заде З. А.* Хуруфизм и его представители в Азербайджане. Баку, 1966; *Мамедов З. Д.* Логика Урмави. Баку, 1972. На азерб. яз.; *Он же.* Философская мысль в Азербайджане в XI — XII веках. Баку, 1978; *Исмайлов Ш. Ю.* Философия Махмуда Шабустанари. Баку, 1976; *Нули-заде З. А.* Мировоззрение Касима Анвара. Баку, 1976; *Рзакули-заде С. Д.* Мировоззрение Баба Кухи Бакуви. Баку, 1978; *Она же.* Пантеизм в Азербайджане в X—XII веках. Баку, 1982.

⁹⁵ См.: *Амин-заде А. А.* Из истории философской и общественно-политической мысли в Азербайджане. Баку, 1972.

Значительные успехи достигнуты азербайджанскими философами в исследовании истории философской и общественно-политической мысли азербайджанского народа в XIX — начале XX в. Эти исследования доказали наличие солидных материалистических, гуманистических и атеистических традиций в истории философской мысли азербайджанского народа, обстоятельно проанализировали общественно-политические, социологические, философские, этические и эстетические взгляды азербайджанских просветителей и революционных демократов, их атеизм, борьбу против царизма, проследили их идейные связи с передовыми представителями русской, восточной и западноевропейской философской и общественной мысли, одновременно показали влияние передовых азербайджанских мыслителей на развитие демократической мысли на Ближнем Востоке⁹⁶.

Результатом большой исследовательской работы философов республики явилось создание первого тома коллективного обобщающего труда «Очерки по истории азербайджанской философии», в котором освещаются основные этапы развития философской мысли Азербайджана с древнейших времен до XVIII в. включительно.

Изданы избранные философские произведения М. Ф. Ахундова, избранные произведения, статьи и письма Г. Б. Зардаби, подготовлены к печати избранные произведения А. К. Бакиханова, избранные произведения Мирзы Казем-бека, переведен на русский язык и издается основной философский труд Бахманяра «Ат-Тахсил».

Одним из основных направлений в работе азербайджанских философов стало изучение истории распространения марксистско-ленинской идеологии в Азербайджане⁹⁷. Этому вопросу посвящен

⁹⁶ См.: Мамедов З. А. Гасан-бен Зардаби. Баку, 1958; Сеид-заде А. А. Мирза Шафи или Боденштедт? Баку, 1958; Агамиров М. М. Мироззрение М. А. Сабира. Баку, 1962; Мамедов Ш. Ф. Мироззрение М. Ф. Ахундова. Баку, 1962; Он же. Общественно-политические взгляды Г. Б. Зардаби. Баку, 1963; Геюшев Э. В. Мироззрение Г. Б. Зардаби. Баку, 1962; Ахмедов Э. М. Великий азербайджанский мыслитель М. Ф. Ахундов. Баку, 1962; Он же. Миропонимание А. К. Бакиханова. Баку, 1974; Рустамов И. А. Социально-политические и философские взгляды Г. Б. Зардаби. Баку, 1962; Мамедов З. Эстетические взгляды М. Ф. Ахундова. Баку, 1962; Кочарли Ф. К. Нариман Нариманов. Баку, 1966; Он же. Социально-политические взгляды Узеира Гаджибекова. Баку, 1969; Он же. Марксизм-ленинизм и демократическая общественная мысль в Азербайджане. Баку, 1976; Эминов Р. М. Ахундов М. Ф. и развитие прогрессивной общественно-политической и философской мысли в Иране в конце XIX — начале XX века. Баку, 1971; Гасанов Г. И. Из истории философской мысли Азербайджана начала XX в. Баку, 1979; и др.

⁹⁷ См.: Гулиев А. Н. Из истории распространения марксизма в Азербайджане до первой русской революции // Тр. объединенной научной сессии АН СССР и Академии наук Закавказских республик по общественным наукам. Баку, 1957; Яхья-заде М. С. Из истории распространения марксизма в Азербайджане в конце XIX — начале XX в. // Тр. Азерб. филиала Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 1960. Т. XXV; Талыбов А. А. Роль С. М. Эфендиева в распространении идей марксизма-ленинизма в Азербайджане. Баку, 1962; Ахмедов Э. М. Распространение идей

двухтомный труд В. Ю. Самедова «Распространение марксизма-ленинизма в Азербайджане» (1962—1966), где на основе архивного материала воссоздана цельная картина распространения марксизма-ленинизма в Азербайджане, показаны специфические особенности деятельности партийных организаций Азербайджана в распространении марксизма-ленинизма, выявлены материальные предпосылки, идейные условия возникновения и распространения идей марксизма-ленинизма в Азербайджане. В книге большое место отведено освещению роли русских социал-демократов, Бакинской партийной организации, азербайджанских большевиков, азербайджанской большевистской партийной печати в распространении марксизма-ленинизма в Азербайджане.

В республике ведется работа в области изучения истории философской мысли народов зарубежного Востока, в особенности Ирана и Турции⁹⁸.

В последние годы азербайджанские философы активно выступают с критикой современной буржуазной социологии, в том числе реакционных течений в современной буржуазной социологии Ирана и Турции⁹⁹.

Философские кадры Азербайджана, выросшие в основном в годы Советской власти, принимают самое активное участие в идеологической работе, проводимой партийной организацией республики.

3

Армянская ССР

Победа Октябрьской революции нашла широкий отклик в Армении. Во многих районах страны под руководством большевиков состоялись митинги и собрания, участники которых горячо приветствовали социалистическую революцию и призывали всеми силами поддержать Советскую власть. Однако против Советской власти выступала буржуазно-националистическая партия дашнакцутюн, которая ориентировалась на Запад и стреми-

марксистско-ленинской философии в Азербайджане. Баку, 1964; Агамиров М. М. Из истории борьбы за марксистско-ленинскую идеологию в Азербайджане (1905—1907). Баку, 1965; Он же. Марксистско-ленинская философская мысль в Азербайджане в годы реакции. Баку, 1980; Микаилов Н. М. Защита и пропаганда вопросов исторического материализма в Азербайджане (1905—1910). Баку, 1966. На азерб. яз.; и др.

⁹⁸ См.: Агахи А. М. Распространение идей марксизма-ленинизма в Иране. Баку, 1961; Ажин-заде А. А. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие демократической мысли в Иране. Баку, 1964; Башанги Ф. С. Развитие атеистической мысли в современном Иране. Баку, 1972; Заманова Э. Эстетическая мысль в современной Турции. Баку, 1978.

⁹⁹ См.: Джафаров Ш. М. Глубокий кризис буржуазной и реформистской идеологии. Баку, 1962; Рустамов Ю. Критика современной турецкой буржуазной социологии. Баку, 1965; Гусейнов Г. Критика современной буржуазной социологии Ирана. Баку, 1973; Гасанов Э. Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции. Баку, 1966.

лась всеми силами добиться власти в Армении. Иностранная интервенция, предательская политика буржуазно-националистических партий привели к тому, что закавказские народы искусственно отделились от Советской России.

В период господства в Армении (1918—1920 гг.) дашнакского правительства армяне большевики боролись против национализма местных буржуазных партий, разоблачали их антинародную сущность и вели активную деятельность среди масс за установление в Армении Советской власти. Они пропагандировали идеи марксизма-ленинизма, объясняли массам сущность победы Октябрьской революции, программу большевистской партии, исходящую из интересов трудящихся, и т. д. Работа армянских большевиков увенчалась успехом. С помощью Советской России 29 ноября 1920 г. в Армении была установлена Советская власть.

Годы Советской власти в Армении имели решающее значение для коренного преобразования всех сторон жизни армянского народа, в том числе и в области философии.

Философская мысль Советской Армении теснейшим образом связана с философской мыслью Советского Союза и является ее составной частью. В своем развитии она пережила все те основные этапы, которые характерны для становления марксистско-ленинской философии в стране в целом.

В период перехода от капитализма к социализму основными задачами философов-марксистов Армении являлись пропаганда и распространение марксистско-ленинской философии и идеологии среди широких масс, теоретическое обоснование практики социалистических преобразований и борьба с чуждыми марксизму-ленинизму идеями и принципами. Для успешного решения этих задач уже в первые годы Советской власти центральными партийными органами и правительством Армении были предприняты соответствующие меры. Важнейшее значение имело основание Ереванского государственного университета в декабре 1920 г. и Института истории партии в 1923 г. Решением президиума ЦК КП Армении в 1924 г. была создана особая комиссия по организации перевода и издания трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, а в 1929 г. Президиум ЦК КП Армении принял решение приступить к изданию полного собрания сочинений В. И. Ленина на армянском языке. Большое значение имело основание в 1931 г. Института марксизма-ленинизма АрмССР, перед которым была поставлена задача стать одним из главных центров пропаганды идей марксизма-ленинизма и марксистской философии. Для успешного решения этой задачи в структуре института была организована отдельная секция диалектического и исторического материализма. Институт установил теснейшие связи с Коммунистической академией в Москве и Кавказским институтом марксизма-ленинизма в Тбилиси. В подготовке философских кадров большую помощь оказали Институт красной

профессуры и Закавказский коммунистический университет. Их выпускники Г. Г. Габриельян, Г. Г. Асланян и др. успешно работали на идеологическом, в частности на философском, фронте и сыграли значительную роль в подготовке философских кадров. Большую работу в деле пропаганды марксизма-ленинизма в Армении вели А. Ф. Мясникян, С. О. Касьян, А. Г. Иоаннисян, Г. Н. Азатян, А. А. Мравян, А. М. Меликян, Г. Г. Гюликехьян, Л. М. Арисян и мн. др.

В числе работ, вышедших в свет в 20—30-е годы, в которых рассматривались теоретические и практические вопросы марксизма-ленинизма, следует отметить статьи Л. М. Арисяна, опубликованные в журналах «Вестник Комкадемии» и «Под знаменем марксизма». Эти статьи были посвящены критике механицизма, неокантианства, оппортунистической ревизии исторического материализма. Некоторые его философские работы были изданы посмертно отдельной книгой под заглавием «Из истории теории познания» (Ереван, 1977. На рус. яз.).

В 1931 г. было издано учебное пособие по диалектическому материализму выпускника Закавказского коммунистического университета Г. Г. Асланяна, сыгравшее значительную роль в деле пропаганды основных принципов марксистско-ленинской философии.

В начале 30-х годов анализу философских вопросов были посвящены труды Г. Г. Габриельяна и В. Мартяна. В работе «Гегелевская теория развития и марксизм-ленинизм» (Ереван, 1935. На арм. яз.) Г. Г. Габриельян изложил марксистско-ленинское понимание развития и показал его отношение к гегелевской диалектике. В работе «К критике теории и практики национализма» (Ереван, 1930. На арм. яз.) им рассматривались вопросы наций и национальной культуры и была дана критика попыток искажения марксистско-ленинского учения о преемственной связи культур, в частности буржуазной и пролетарской. В брошюре «Закономерности общественного развития» (Ереван, 1932. На арм. яз.) он критиковал некоторые идеалистические, субъективистские и механистические концепции закономерностей общественного развития.

В серии статей под заглавием «Против меньшевистской ревизии марксистско-ленинской философии» (журн. «Ленинян угюв». 1931. № 3—5. На арм. яз.) В. Мартян рассматривал вопросы связи теории и практики, диалектики Гегеля и Маркса, показывая при этом их различие, и др. Он резко критиковал тех, кто пытался принизить роль В. И. Ленина как теоретика-марксиста. Высоко ценя ленинское философское наследие, его значение в развитии марксистской философии, он рассматривал ленинизм как ее новый этап. В статье «Против методологии правого оппортунизма» он раскрыл коренное отличие материалистической диалектики от ревизионистской «теории равновесия», В. Мартян

является также автором трудов, посвященных философии Спинозы, в которых он выступал как против деборинской переоценки, так и аксельродовской недооценки материализма Спинозы и пытался определить место и роль его материализма в истории философии.

Более интенсивное развитие исследований в области философской науки начинается с конца 30-х — первой половины 40-х годов. Этому способствовало создание новых философских кафедр в вузах республики, Сектора философии (1944 г.) в системе АН АрмССР и на базе последнего Института философии и права АН АрмССР (1968 г.). В 1977 г. на базе Отделения общественных наук АН АрмССР были организованы два самостоятельных отделения — истории и экономики и философии и филологии, что способствовало дальнейшему расширению философских исследований в республике.

Начиная с 40-х годов издается множество монографических работ и журнальных статей по проблемам диалектического и исторического материализма, научного коммунизма, научного атеизма, истории философии, в частности истории армянской философии, философских вопросов естествознания, логики, этики, эстетики, критики буржуазной философии и т. д.

В области *диалектического материализма* выделяется в качестве основного направления исследование проблем теории познания. В 50-е годы публикуются труды Т. П. Алексаняна «Роль практики в познании» (Ереван, 1959. На арм. яз.), Г. А. Брутяна «Диалектика процесса познания» (Ереван, 1959. На арм. яз.), К. Б. Вартапетяна «Вопросы марксистско-ленинской теории отражения» (Ереван, 1958. На арм. яз.), Г. М. Вартапяна «Диалектика процесса познания» (Ереван, 1959. На рус. яз.) и др.

В 60—70-е годы на первый план выдвигаются исследования в области философских и методологических проблем анализа языка. Здесь достигнуты значительные результаты благодаря фундаментальным работам академика АН АрмССР Г. А. Брутяна. В трудах «Философия и язык» (Ереван, 1972. На арм. яз.), «Гипотеза Сепира — Уорфа. Лекция, прочитанная в Лондонском университете в 1967 г.» (Ереван, 1968. На рус. яз.), «Языковая картина мира и ее роль в познании» («Методологические проблемы анализа языка». Ереван, 1976. На рус. яз.) Г. А. Брутян выдвинул оригинальную концепцию языковой и концептуальной моделей мира, предложил и обосновал принцип лингвистической дополнительности, который в мировой философской и лингвистической литературе называется его именем.

В этой области следует отметить также труд Л. А. Абрамяна «Гносеологические проблемы теории знаков» (Ереван, 1965. На рус. яз.). Эта работа, являющаяся одной из первых книг в нашей стране по философским аспектам семиотики, посвящена обсуждению ряда гносеологических вопросов, связанных с уточ-

нением содержания центральных понятий семиотики. Особое внимание автор уделяет анализу понятий языкового знака и значения, подвергая критике концепцию «знакового идеализма», конвенционалистское понимание знаковых систем.

На кафедре диалектического материализма и логики Ереванского государственного университета успешно велась работа в области философских проблем языка, в результате которой был издан сборник «Методологические проблемы анализа языка» (Ереван, 1974. На рус. яз.).

Начиная с 1975 г. на этой же кафедре под руководством Г. А. Брутяна ведутся интенсивные работы в области исследования различных аспектов теории аргументации, в частности теории философской аргументации¹⁰⁰. Надо отметить, что кафедра является научным центром теоретической разработки этой проблемы в нашей стране. Подобные исследования за рубежом ведутся главным образом в Пенсильванском (США) и Брюссельском (Бельгия) университетах. Итоги исследований коллектива кафедры были обобщены на научной конференции «Философские проблемы аргументации», которая состоялась в 1984 г. в Ереване¹⁰¹, в которой участвовали более 120 докладчиков из крупнейших научных центров нашей страны.

В 1984 г. издана работа Г. А. Брутяна «Аргументация» (Ереван. На рус. яз.), в которой разработана диалектико-материалистическая теория философской аргументации. В работе раскрываются сущность и природа аргументации, анализируются ее структура и основные компоненты, отношение аргументации к философии, логике, риторике, определяются базисные понятия теории аргументации, подвергаются критике представители ряда буржуазных концепций философской аргументации (Х. Перельман, Г. Джонстон, Ф. Вейсман и др.) и противопоставляется им позитивное решение кардинальных проблем теории философской аргументации.

Различные аспекты философской аргументации исследуются в работах Г. Г. Шакаряна, П. Ц. Агаяна, Э. Б. Маркаряна, М. В. Асатряна, М. С. Даниелян, Р. З. Джиджяна, С. Г. Оганесяна, А. В. Восканяна, В. И. Бахшиняна, Г. П. Григоряна, А. А. Налчаджяна и др.

Важным вкладом в разработку проблемы специфики философского знания является фундаментальный труд Г. А. Брутяна «Очерки по анализу философского знания» (Ереван, 1979. На рус. яз.), в котором рассматриваются специфика философского знания, особенности его категориального аппарата и языка, способы обоснования философских концепций, место логики в

¹⁰⁰ В сб. «Философская аргументация» (Ереван, 1984. На рус. яз.) обобщены результаты научных исследований членов кафедры.

¹⁰¹ Об итогах конференции см.: Кочарян Г. Ж. Философские вопросы аргументации // Филос. науки. 1985. № 6. С. 153—157.

системе этого знания. В книге дается целостное обоснование уже упомянутых идей автора о языковой картине мира, о лингвистической относительности, ее вариантах и «принципе лингвистической дополнительности»¹⁰².

Анализу современного философского знания, в частности проблеме семантического единства его концептуального аппарата, посвящена монография Г. Г. Шакаряна «Проблема детерминации и функционирования философского знания» (Ереван, 1982. На рус. яз.), в которой рассматриваются сдвиги в структуре функционирования философского знания в сторону логико-методологической проблематики и тенденции выделения в последней новой области философской рефлексии в качестве философской теории о творческом мышлении.

В ряде работ по теории познания, логике и методологии науки главное внимание было обращено на проблемы, связанные с гносеологическими трудностями, возникающими в процессе познания, в частности в теоретическом естествознании, и нашедшими выражение в теоретико-познавательных концепциях классической и современной философии.

В книге Г. А. Геворкяна «О роли абстракции в познании» (Ереван, 1957. На рус. яз.) выделение основных ступеней и форм абстрагирования и типов абстракции сочетается с анализом узловых теоретико-познавательных проблем отношения абстрактных копструктов к опыту и действительности и относительной самостоятельности абстрактного мышления.

В книгах Г. А. Геворкяна «Гипотеза и ее роль в познании» (Ереван, 1959. На арм. яз.) и особенно «Вероятное и достоверное знание» (Ереван, 1965. На рус. яз.) рассмотрен весь комплекс проблем, приводящих к агностическим концепциям о принципиальной ограниченности человеческого знания, его вероятном характере, недостоверности научной теории, о существенной статистичности научной картины мира; рассмотрены различные интерпретации вероятности; экспликация понятий и соотношений «вероятность и правдоподобие», «вероятность», «достоверность и истина», «вероятность и детерминизм», а также статус вероятных научных теорий, логическая структура научного предвидения.

Гносеологические проблемы исследуются в книге Г. Г. Шакаряна «Место здравого смысла в процессе познания» (Ереван, 1965. На арм. яз.). Автор считает, что в рациональном мышлении имеются разные ступени абстрагирования и «здравый смысл» является той частью рационального мышления, которая непосредственно связана с чувственным познанием, но отнюдь не включается в него. В другой же его книге — «Гносеологическая

¹⁰² Специфика философского знания рассматривается также в работе Г. А. Брутяна «Философское знание» (Ереван, 1981. На арм. яз.).

сущность метафизики» (Ереван, 1967. На арм. яз.) — исследуются аспекты определения понятия метафизики.

Специально проблеме агностицизма, уточнению его понимания и раскрытию его идеологической функции в классической философии посвящена книга А. М. Экмаляна «Агностицизм и проблема знания и веры в буржуазной философии» (Ереван, 1964. На рус. яз.). Критике агностицизма и софистики посвящены также книги Г. А. Брутяна «Коренная противоположность диалектики софистике» (Ереван, 1953. На рус. яз.), К. Б. Вартапетяна «Критика агностицизма и скептицизма» (Ереван, 1956. На арм. яз.) и В. Г. Осиповой «О природе софистики» (Ереван, 1964. На рус. яз.).

В конце 60-х — начале 70-х годов в республике началась интенсивная разработка проблем логики и методологии науки, в которой основное внимание было уделено теоретико-познавательным вопросам, связанным с логическим анализом, выяснению возможностей и границ формальных методов анализа знания, а также разработке диалектико-материалистического понимания критериев научности концепции и объективного (отчужденного от познающего субъекта) знания¹⁰³.

В книге Г. А. Геворкяна «Очерк современной теории знания» (Ереван, 1978. На арм. яз.) резюмируются те положительные результаты, которые дает логический анализ научного знания, независимо от его логико-эмпиристской интерпретации, и те сдвиги, которые наметились в связи со становлением исторической методологии науки. В этой области надо отметить также исследование Л. Б. Хачатряна «Проблема объективности научного знания» (Ереван, 1979. На арм. яз.), А. С. Манасяна «Проблема развития научного знания» (Ереван, 1973. На рус. яз.) и «Методологические принципы объективности научного знания и единство науки» (Ереван, 1984. На рус. яз.), А. С. Казаряна «Межтеоретические отношения и системность науки» (Ереван, 1979. На рус. яз.), С. С. Меликяна «Методологический анализ ситуаций выбора естественнонаучных теорий» (Ереван, 1979. На рус. яз.), С. А. Аветисяна «Научная картина мира и философия» (Ереван, 1984. На арм. яз.), А. Т. Геворкяна «Философский анализ революций в физике» (Ереван, 1979. На рус. яз.), Р. З. Джиджяна «Методологический анализ процесса открытия и изобретения» (Ереван, 1984. На рус. яз.). В последней монографии выявлены этапы и средства научного и технического поиска, новая интерпретация феномена «озарения» и научной интуиции, а также предложена схема оптимального комплектования групп коллективного творчества.

¹⁰³ См.: Философские вопросы логического анализа научного знания. Ереван, 1969. Вып. I; 1971. Вып. II; 1974. Вып. III. На рус. яз.; Философия и методологические вопросы науки. Ереван, 1978. На рус. яз.

Книга Э. С. Маркаряна «Вопросы системного анализа общества» (М., 1972. На рус. яз.) — одна из первых в советской методологической литературе работ, посвященных исходным методологическим проблемам, связанным с пониманием общества как особой самоорганизующейся адаптивной системы. В ней на фоне общего системного движения современной науки даются исходные системные характеристики человеческой деятельности, культуры как особого способа (технологии) ее осуществления, предлагается многомерная модель общества, в соответствии с которой классифицируется его исходный элементный состав. Другая книга Э. С. Маркаряна — «Интегративные тенденции во взаимодействии общественных и естественных наук» (Ереван, 1977. На рус. яз.) — первая в советской методологической литературе обобщающая монография, специально посвященная характеристике процессов интегративного взаимодействия наук об обществе и природе, в которой ставится задача выявить факторы, обусловившие данные процессы, проанализировать их механизмы и непосредственные проявления.

В ряде работ осуществлен анализ законов и категорий диалектики¹⁰⁴. В 1975 г. был издан первый том книги Г. А. Брутяна «Философия в диалогах» (Ереван. На арм. яз.), в котором в оригинальной форме вопросов и ответов, на материалах достижений естественных и общественных наук и на примере классических произведений армянской и мировой литературы и искусства раскрываются основные проблемы диалектического материализма. Надо отметить, что эта книга имела большой успех и в 1978 г. была переиздана в Софии на болгарском языке, а в 1985 г. в Ереване вышло в свет массовым тиражом второе, дополненное и переработанное издание.

Из многочисленных работ армянских философов в области *исторического материализма* одной из первых является большая статья Г. Г. Асланяна «Необходимость и свобода» (см. Труды Сектора философии АН АрмССР. 1950. Т. I. На арм. яз.), где дается критический анализ волюнтаризма и фатализма, рассматривается политический аспект диалектического решения соотношения объективного хода событий и значения человеческой воли и ряд других вопросов. К этой же проблеме в дальнейшем обращается Г. Е. Мхитарян, который в своей книге «Свобода и необходимость» (Ереван, 1963. На арм. яз.) выявляет особен-

¹⁰⁴ См.: *Абрамян Л. А.* Категория отрицания и современное естествознание. Ереван, 1962. На арм. яз.; *Ананикян К. Г.* Диалектика возможности и действительности. Ереван, 1950. На арм. яз.; *Асатрян М. В.* Закон и условия его действия. Ереван, 1972. На арм. яз.; *Он же.* Закон и его проявления. Ереван, 1977. На арм. яз.; *Он же.* Закон отрицания отрицания. Ереван, 1979. На арм. яз.; *Вартанетян К. В.* Диалектика возможности и действительности. Ереван, 1950. На арм. яз.; *Габриельян Г. Г.* Диалектика содержания и формы. Ереван, 1958. На арм. яз.; *Овсепян А. А.* Закон отрицания отрицания. Ереван, 1964. На арм. яз.; *Шакарян Г. Г.* Основные законы диалектики. Ереван, 1960. На арм. яз.; и др.

ности проявления диалектики свободы и необходимости в условиях социалистического общества.

В ряде работ 50—70-х годов были освещены многие общие и частные вопросы исторического материализма, такие, как социальная психология и идеология, вопрос о противоположности между умственным и физическим трудом, о формировании марксистской концепции человека, о роли народных масс и личности в истории¹⁰⁵.

Роль народных масс в построении социализма и коммунизма раскрывается в работах Х. Н. Момджяна «Социалистическое общество и творческая активность народных масс» (Ереван, 1954. На рус. яз.), С. А. Казаряна «Роль народных масс в строительстве социализма» (Ереван, 1957. На рус. яз.).

Разработка вопроса о роли географического фактора в жизни общества и его истории, критике географического направления в буржуазной социологии посвящена монография А. М. Восканяна «О роли географической среды в развитии общества» (Ереван, 1956. На рус. яз.). В работе делается попытка обобщить также опыт социалистического строительства на основе марксистского анализа фактора географической среды.

В области разработки проблем исторического материализма следует также отметить труды А. А. Овсепяна «К вопросу об общественной психологии» (Ереван, 1969. На арм. яз.) и «Сотношение социального и психологического» (Ереван, 1972).

Значительное место в исследованиях армянских философов занимают проблемы основных характерных черт социализма как общественно-экономической формации, закономерности развития социализма и перехода к коммунизму¹⁰⁶.

Проблеме противоречий социалистического общества и путей их преодоления посвящена работа Г. Г. Габриельяна «Противоречия социалистического общества и пути их преодоления» (Ереван, 1962. На рус. яз.). Работа эта связана с дискуссией по данному вопросу, продолжающейся среди советских философов, экономистов и социологов в последние годы.

Армянские философы делают попытки уточнить объем, со-

¹⁰⁵ См.: *Вартанян К. Б.* Роль народных масс и личности в истории. Ереван, 1954. На арм. яз.; *Даниелян М. С.* О противоположности между умственным и физическим трудом. Ереван, 1957. На рус. яз.; *Самсонов Р. М.* Социальная психология и идеология. Ереван, 1970. На рус. яз.; *Навасардян Р. Г.* Формирование марксистской концепции человека. Ереван, 1976. На рус. яз.; *Мартirosян Ш. С.* Современная экологическая ситуация и общественные системы. Ереван, 1977. На арм. яз.; и др.

¹⁰⁶ См.: *Варганов Р. Г.* Диалектика развития социализма. Ереван, 1964. На арм. яз.; *Он же.* Социализм: ступени развития. Ереван, 1982. На арм. яз.; *Бостаджян К. М.* Основные черты экономического строя социализма. Ереван, 1958. На арм. яз.; *Он же.* Диалектика становления коммунистического способа производства. М., 1967. На рус. яз.; *Хгрян К.* Создание материально-технической базы коммунизма. Ереван, 1962. На арм. яз.; и др.

держание и познавательные функции таких понятий, как социальная система, культура, подвергают анализу проблему культурно-исторической типологии и т. д. В этой области следует прежде всего отметить труды Э. С. Маркаряна. Его работа «Очерки теории культуры» (Ереван, 1968. На рус. яз.) — первая в отечественной философской литературе попытка систематического изложения исходных узловых проблем теории культуры, в которой дается обоснование понятия культуры как специфического способа человеческой деятельности. Основная цель книги Э. С. Маркаряна «О генезисе человеческой деятельности и культуры» (Ереван, 1973. На рус. яз.) — дать характеристику исходных принципов трансформации биологической деятельности наших животных предков в человеческую деятельность и возникновения качественно особого социорегулятивного механизма, выраженного в феномене культуры. В книге обосновывается понимание процесса становления общества как выработки универсальной адаптивно-адаптирующей системы. Монография Э. С. Маркаряна «Теория культуры и современная наука» (Ереван, 1983. На рус. яз.) посвящена систематическому обоснованию общей теории культуры, в которой показываются место и роль этой теории в системе современной науки, ее потенциальные и прикладные возможности, перспективы развития, раскрывается роль общей теории культуры в научном управлении социальными процессами. Особый упор при этом делается на характеристику культурологических предпосылок глобального моделирования.

В отделе культуры Института философии и права АН АрмССР под руководством Э. С. Маркаряна завершено комплексное междисциплинарное исследование систем жизнеобеспечения в этнической культуре, сочетающее философско-методологический уровень анализа культурных явлений с эмпирико-этнографическим. Результаты исследования обобщены в коллективном труде «Культура жизнеобеспечения и этнос» (Ереван, 1983. На рус. яз.), в котором обосновано понимание этнической культуры как выражения локального разнообразия человечества, проанализирована структура этнической культуры, выделен и охарактеризован класс жизнеобеспечивающих компонентов последней, рассмотрены проблемы сравнительно-типологического метода и экологического подхода к изучению этнической культуры и ее локальных вариантов.

Под руководством С. С. Товмасыпа в Институте философии и права АН АрмССР ведутся плодотворные исследования по философским и социальным проблемам научно-технической революции и функционирования и развития науки¹⁰⁷. В этой области

¹⁰⁷ См.: *Экмялян А. М.* Социализм, научно-техническая революция, личность, Ереван, 1977. На рус. яз.; *Мирзоян В. А.* Научно-техническая революция и изменение содержания труда. Ереван, 1977. На рус. яз.; *Научно-техническая революция: философские и социологические проблемы.* Ереван, 1975. На рус. яз.; и др.

следует прежде всего отметить труды С. С. Товмасыана «Качественные фазы развития техники и современная научно-техническая революция» (Ереван, 1970. На рус. яз.) и «Философские проблемы труда и техники» (М., 1972. На рус. яз.). В последней книге дана многоплановая разработка ленинской идеи о двух формах объективного процесса модификации действительности: первая форма — самопроизвольный процесс взаимодействия природных сил; вторая — труд. Вскрывая своеобразие этих форм, автор подчеркивает такие специфические признаки труда, как целесообразное взаимодействие субъекта и объекта, единство идеального и материального действия, всегда опосредованное средствами труда, наличие у труда субъективной потенции. Обосновываются два основных направления развития труда: по горизонтали — вовлечение в орбиту труда новых сфер объективной реальности и по вертикали — переход от использования готовых природных процессов через освоение все более глубинных процессов к созданию чисто искусственных процессов, качественно отличающихся от естественных.

Книга А. М. Экмаляна «Наука: генезис и социальная функция» (Ереван, 1983. На рус. яз.) является первой монографией, специально посвященной теоретическому анализу социальной функции науки. В ней выдвинут новый подход к решению этой крупной научной проблемы, разработка которой органически обусловила обращение автора к анализу генезиса науки. В работе получен ряд новых научных результатов, которые позволяют существенно углубить, уточнить, а в отдельных важных пунктах пересмотреть имеющиеся теоретические представления о труде, о социальной функции и генезисе науки.

Философами республики широко освещаются вопросы теории *научного коммунизма*. В этой области следует отметить прежде всего монографию К. Г. Ананикяна «Возникновение и развитие научного коммунизма» (Ереван, 1965. На арм. яз.), коллективный труд «Научный коммунизм» (Ереван, 1966) — первый самостоятельный учебник по этому предмету на армянском языке, созданный сотрудниками кафедры научного коммунизма Ереванского государственного университета, а также фундаментальные работы Л. М. Карапетяна «Советы общенародного государства» (М., 1964. На рус. яз.), «Коммунизм и демократия» (Ереван, 1968. На рус. яз.), «В. И. Ленин о развитии демократии и преодолении бюрократизма» (Ереван, 1970. На рус. яз.), «Научное управление обществом (социально-философские проблемы)» (Ереван, 1977. На рус. яз.), «Научное управление и демократия» (М., 1979. На рус. яз.), «Основные принципы научного управления социалистическим обществом» (М., 1984. На рус. яз.), посвященные исследованию проблем политической системы социализма и научного управления обществом.

Проблемы войны и мира исследованы в книгах С. А. Кочаряна «Диалектика войны и мира и современность» (Ереван, 1969. На арм. яз.), «Обострение противоречий между империалистическими странами на современном этапе» (Ереван, 1957. На арм. яз.), «Современное движение народов за мир» (Ереван, 1956. На арм. яз.), «Социализм и мир» (Ереван, 1974).

Работы М. А. Арустамяна посвящены разработке проблем закономерностей развития мировой системы социализма¹⁰⁸.

Ряд исследований армянских философов посвящен национальному вопросу¹⁰⁹. В фундаментальных монографиях М. А. Меликяна «К вопросу о формировании армянской нации и ее социалистическом преобразовании» (Ереван, 1957. На арм. яз.) и «Социализм и нации» (Ереван, 1969. На арм. яз.) нация рассматривается как целостное социально-экономическое образование, претерпевающее в процессе строительства социализма качественные изменения, которые приводят к развитию социалистических наций.

Заметное место в научной деятельности философов республики занимают проблемы научного атеизма и критики религиозного мировоззрения¹¹⁰.

Всеобщая история философии — один из разделов преподавания философии в вузах республики и научных исследований. В этой области прежде всего следует отметить труды Х. Н. Момджяна «Лафарг и некоторые вопросы марксистской теории» (Ереван, 1954. На рус. яз.), «Поль Лафарг и философия марксизма» (М., 1978. На рус. яз.), «Философия Гельвеция» (Ереван, 1955. На рус. яз.), М. Т. Кочаряна «Поль Гольбах» (М., 1978. На рус. яз.) и др.¹¹¹ В некоторых работах Л. А. Абрамяна рассмотрены

¹⁰⁸ См.: Арустамян М. А. О некоторых общих закономерностях развития мировой системы социализма. Ереван, 1966. На арм. яз.; *Он же*. Сотрудничество социалистических стран и постепенное выравнивание уровней их развития. Ереван, 1971. На арм. яз.; *Он же*. Об интеграции социалистических стран — членов СЭВ. Ереван, 1977. На арм. яз.; *Он же*. Закономерности развития мировой системы социализма. Ереван, 1980. На арм. яз.

¹⁰⁹ См.: Карапетян Л. М., Сагателян С. Т. Победа ленинской национальной политики и крах буржуазных фальсификаторов. Ереван, 1974. На арм. яз.; Габриельян Г. Г. Закономерности развития наций и национальных культур. Ереван, 1973. На рус. яз.; Асрян О. А. Развитие национальных отношений в период социализма и перехода к коммунизму. Ереван, 1972. На арм. яз.; и др.

¹¹⁰ См.: Севян В. К. Противоположность коммунистической и религиозной морали. Ереван, 1959. На арм. яз.; Гаспарян Н. М. Марксистский атеизм как высшая форма атеизма. Ереван, 1960. На арм. яз.; Вартапетян К. Б. Возникновение религии. Ереван, 1965. На арм. яз.; и др.

¹¹¹ См.: Аволян А. Г. Жизнь и мировоззрение Л. Фейербаха. Ереван, 1959. На арм. яз.; Карапетян А. А. Критический анализ философии Канта. Ереван, 1958. На рус. яз.; *Он же*. Разложение гегелевской философской школы и Фейербах. Ереван, 1958. На арм. яз.; Погосян В. А. Проблема отчуждения в «Феноменологии духа» Гегеля. Ереван, 1973. На рус. яз.; Сваецян К. А. Философское мировоззрение Гёте. Ереван, 1983. На рус. яз.; Тевосян А. М. Кант и армянская философская мысль XIX в. Ереван, 1981. На арм. яз.; Мхитарян Г. Е. История социологических учений. Ереван, 1971. Вып. I; 1974. Вып. II; 1977. Вып. III; 1982. Вып. IV. На арм. яз.; и др.

основные проблемы теоретической философии Капта, раскрыта ее внутренняя противоречивость, а также значение кантовских идей в обсуждении современных проблем гносеологии¹¹². В книге чл.-корр. АН АрмССР В. К. Чалояна «Восток — Запад: преемственность в философии античного и средневекового общества» (М., 1968. На рус. яз.), дополненной и изданной вторично (М., 1979. На рус. яз.) и переизданной в Польше на польском языке (1980), выявляются антиисторичность и антинаучность европоцентристских и востокоцентристских концепций в вопросе о взаимовлиянии культур Востока и Запада.

Опубликован ряд исследований по истории русской передовой общественной и философской мысли и о связях русской и армянской революционной демократии¹¹³.

Одно из важных направлений работы философов Советской Армении — *изучение истории философской мысли армянского народа*. В настоящее время изданы труды Давида Непобедимого (V в.), Езника Кохбаци (V в.), Ваграма Рабуни (XIII в.), Иоанна Воротнеци (XVI в.), Галуста Костндяна (XIX в.).

Ценнейшей сокровищницей древних и средневековых манускриптов, относящихся к различным периодам истории духовной культуры армянского и других, соседних с ним народов, является Матенадаран — Институт древних рукописей. Среди рукописей Матенадарапа есть ряд переводов сочинений представителей других народов, в частности древнегреческих философов. Оригиналы некоторых из них утеряны, но их армянские переводы армянский народ сохранил и сделал всеобщим достоянием.

Одним из зачинателей систематического и профессионального изучения истории армянской философии является чл.-корр. АН АрмССР В. К. Чалоян. Из множества его работ следует выделить монографии «К вопросу об учении Езника Кохбаци — армянского философа пятого века» (Ереван, 1940. На рус. яз.), «Философия Давида Непобедимого» (Ереван, 1946. На рус. яз.), «Армянский Ренессанс» (М., 1963. На рус. яз.; Ереван, 1964. На арм. яз.). Основные принципы историко-философского исследования В. К. Чалояна нашли отражение в его итоговом труде «История армянской философии» (Ереван, 1959. На рус. яз.; 1975. На арм. яз.), охватившем период с древних времен до XVIII в. включительно, а также в исследовании «Развитие философской мысли в Армении» (М., 1974. На рус. яз.).

¹¹² См.: *Абрамян Л. А.* Кантова философия математики. Старые и новые споры. Ереван, 1978. На рус. яз.; *Он же.* Кант и проблема знания. Ереван, 1979. На рус. яз.; *Он же.* Главный труд Канта. Ереван, 1981. На рус. яз.

¹¹³ См.: *Варгапетян К. Б.* Философские взгляды Чернышевского и Добролюбова. Ереван, 1964. На арм. яз.; *Карапетян Р. А.* Этические взгляды Чернышевского. Ереван, 1961. На арм. яз.; *Он же.* Чернышевский в истории армянской философской и общественной мысли. Ереван, 1980. На арм. яз.

Изложение истории армянской философской мысли от древних времен до наших дней содержится в 4-томном труде Г. Г. Габриельяна «История армянской философской мысли» (Ереван, 1956—1965. На арм. яз.). Содержание первых трех томов в сокращенном виде изложено самим же автором в однотомнике на русском языке под названием «Очерк истории армянской философской мысли» (Ереван, 1962). Особую ценность представляют III и IV тома, посвященные истории армянской философской мысли XIX и XX вв. Фактически продолжением этой многотомной истории является труд того же автора под заглавием «Критический обзор армянской философско-исторической мысли» (Ереван, 1966. На арм. яз.). Это философские размышления о сущности истории и об исторических судьбах армянского народа, о роли географического фактора в его истории, о периодизации этой истории, об историческом субъекте (народ, нация) и т. д.

Некоторые исследования Г. Т. Хрлопяна посвящены истории армянской социальной философии эллинистического и раннефеодального периодов и освещению мировоззрения знаменитого армянского ученого VII в. Аваня Ширакаци¹¹⁴.

В книге чл.-корр. АН АрмССР С. С. Аревшатяна «Формирование философской науки в древней Армении (V—VI вв.)» (Ереван, 1973. На рус. яз.) на основе анализа оригинальной и переводной философской литературы V—VI вв. освещается история формирования древнеармянской философии, ее постепенный переход от христианской религиозной проблематики к светской науке. В книге особо выделена роль Месропа Маштоца, Езпика Кохбаца и Давида Непобедимого в развитии профессиональной философской науки, а также значение древнеармянских переводов сочинений Аристотеля, Платона, Порфирия, Филона Александрийского и других античных мыслителей в процессе формирования философской проблематики и специальной философской терминологии. В другой работе С. С. Аревшатяна — «К истории философских школ средневековой Армении» (Ереван, 1980. На рус. яз.) — впервые освещаются идейные контакты и противоборство между Гладзоро-Татевской философской школой и католическими учебно-просветительскими очагами Восточной Армении в XIV в. Особое внимание уделено наследию выдающихся мыслителей — Ованеса Воротнеци, основателя и первого ректора Татевского университета, и его ученика Григора Татеваци, развивавших номиналистическое учение с ярко выраженными материалистическими тенденциями¹¹⁵. В 1984 г. в дни празднования 700-летнего юбилея Гладзоро-Татевского универси-

¹¹⁴ Хрлопян Г. Т. История армянской социальной философии: (Эллинистический и раннефеодальный период). Ереван, 1978. На арм. яз.: Он же. Мировоззрение Аваня Ширакаци. Ереван, 1965. На арм. яз.

¹¹⁵ См.: Аревшатян С. С. Философские взгляды Григора Татеваци. Ереван, 1967.

тета вышла в свет интересная монография С. С. Аревшатяна, посвященная этому крупнейшему очагу науки и просвещения средневековой Армении¹¹⁶.

И плодотворно работает в области изучения истории армянской философии Г. О. Григорян. Им издан ряд монографических работ в этой области, например: «Из истории армянской передовой общественно-политической мысли» (Ереван, 1957. На арм. яз.), в которой излагаются воззрения трех видных деятелей армянского национально-освободительного движения и просвещения — Иосифа Эмина, Шаамира Шаамиряна и Мовсеса Баграмяна. Им опубликованы пространная статья о «Философских взглядах Иоанна Имастасера» (Историко-филологический журнал. Ереван, 1958. № 3), «Философские воззрения Ованеса Еранкаци» (Ереван, 1962. На арм. яз.), «Философия Ваграма Рабуни» (Ереван, 1968. На арм. яз.), «Общественно-философская мысль в армянской Киликии» (Ереван, 1979. На арм. яз.), «Философское учение Иоанна Воротнеци» (Ереван, 1980. На арм. яз.) и, наконец, изданная на русском языке «Философская мысль в Армении в эпоху развитого феодализма», в которой обобщаются все его предыдущие исследования.

В области истории армянской эстетической мысли следует отметить подготовленные под руководством Я. И. Хачикяна сборники «Из истории эстетической мысли в Армении» (Ереван, 1974. Вып. I; 1976. Вып. II. На арм. яз.), коллективную работу «Очерк развития эстетической мысли в Армении» (М., 1976. На рус. яз.), а также монографию Г. З. Апресяна «Из истории армянской эстетической мысли» (Ереван, 1973; 1977. На рус. яз.).

В 1980 г. по решению ЮНЕСКО в нашей стране и за рубежом был широко отмечен 1500-летний юбилей великого армянского философа V—VI вв. Давида Непобедимого (Анахта). Юбилейные сессии состоялись в Ереване, Москве, Тбилиси, а также в Греции, Болгарии, Франции, США и т. д. В международной конференции, организованной АН АрмССР, участвовали многие ученые из союзных республик и из-за рубежа. В Ереване и Москве опубликованы сборники докладов конференций¹¹⁷. В связи с юбилеем были изданы труды Давида Непобедимого на древнеармянском языке и в переводе на современный армянский и русский языки¹¹⁸, а также было издано множество трудов, где были показаны место и роль Давида Непобедимого во всемирной

¹¹⁶ Аревшатян С. С. Гладзорский университет — центр просвещения средневековой Армении. Ереван, 1984. На арм. яз.

¹¹⁷ Давид Непобедимый — великий философ Древней Армении/Под ред. Г. А. Брутяна и др. Ереван, 1983. На яз. оригинала; Философия Давида Непобедимого/Под ред. Г. А. Брутяна и др. М., 1984. На рус. яз.

¹¹⁸ Давид Непобедимый. Философские произведения/Сост. крит. текста и предисл. С. С. Аревшатяна, Ереван, 1980; Давид Анахт. Сочинения/Вступит. ст. пер. с древнеарм. и коммент. С. С. Аревшатяна. М., 1975; Давид Анахт. Сочинения/Пер. на соврем. арм. яз.; предисл. и коммент. С. С. Аревшатяна. Ереван, 1980.

философии и логики¹¹⁹. Следует особо отметить труды академика АН АрмССР Г. А. Брутяна, в которых обстоятельно исследовано логическое учение Давида Непобедимого и намечен обнадеживающий методологический путь для преодоления некоторых трудностей в развитии логического аристотелеведения. В своих работах Г. А. Брутян сумел выявить значение идей Давида Непобедимого для теории определения, а также раскрыть значение взглядов Давида Непобедимого по вопросам логики отношений. Исследования Г. А. Брутяна в этой области были переизданы на иностранные языки.

В ряде работ исследована армянская философская мысль XVI—XVIII вв.¹²⁰

В XIX в. завершается процесс формирования армянской нации, развиваются национальная литература, философия, печать, театральное искусство, усиливается национально-освободительное движение против турецких поработителей. Эти процессы нашли свое отражение в философских и социологических концепциях и воззрениях. На арену выступает целая плеяда выдающихся мыслителей, публицистов, общественных деятелей. Осевой проблемой общественной мысли этой эпохи становятся социологические, социально-политические вопросы, хотя продолжается разработка и гносеологических проблем, а также проблем логики, естественнонаучного материализма и т. д. Из числа значительных исследований по истории армянской общественной мысли XIX в. нужно упомянуть двухтомный труд академика АН АрмССР А. Г. Иоаннисяна «Налбандян и его труд» (Ереван, 1955—1956. На арм. яз.), коллективный труд «Из истории армянской философской и общественно-политической мысли XIX века» (Ереван, 1969. Вып. I; 1980. Вып. II. На арм. яз.), подготовленный научными сотрудниками Института философии и права АН АрмССР. Этому же периоду истории посвящены монографии Э. Ш. Арутюняна «Философская мысль в Армении в первой половине XIX века» (Ереван, 1956. На арм. яз.) и Г. Г. Шакаряна «Мировоззрение Гарагашяна» (Ереван, 1962. На арм. яз.), книги А. М. Тевосяна «Философские и логические воззрения А. М. Гарагашяна» (Ереван, 1962. На арм. яз.), «Армянская логическая мысль в XIX в.» (Ереван, 1976. На арм. яз.) и «Миро-

¹¹⁹ Брутян Г. А. Учение Давида Непобедимого о логике. Ереван, 1980. На арм. яз.; *Он же*. Учение о логике — главное содержание теоретического наследия Давида Непобедимого (Анахта). Ереван, 1980. На арм. яз.; *Он же*. Давид Непобедимый. Ереван, 1980. На арм. и рус. яз.; *Он же*. Логика Давида Непобедимого. М., 1982. На рус. яз.; Аревшатян С. С. Давид Непобедимый — выдающийся философ Древней Армении. Ереван, 1980. На арм. и рус. яз.; Габриельян Г. Г. Давид Анахт. Ереван, 1980. На рус. яз.; Чалоян В. К. Философия Давида Непобедимого и влияние ее на мыслителей последующих веков. Ереван, 1980. На рус. яз.

¹²⁰ См.: Мирзоян Г. К. Симеон Джугаеци. Ереван, 1971. На арм. яз.; *Он же*. Критический анализ армянской философской мысли XVII века. Ереван, 1983. На арм. яз.; и др.

воззрение Н. Русиняна» (Ереван, 1970. На арм. яз.), Р. А. Карапетяна «Степанос Назарянц. Философские взгляды» (Ереван, 1976. На арм. яз.), Э. Г. Рштуни «Разработка методов научного познания в армянской философии (вторая половина XIX в.)» (Ереван, 1979. На арм. яз.), интересное исследование С. С. Товмасына «Эстетические взгляды Ст. Паласаяна» (Ереван, 1959. На арм. яз.), работа Ж. С. Степаняна «Эстетика Микаела Налбандяна» (Ереван, 1967), исследование Г. Х. Акопяна «Из истории армянской атеистической мысли» (Ереван, 1983).

Социально-политические взгляды мыслителей XIX в. освещаются также в трудах видных историков республики: академиков АН АрмССР М. Г. Нерсисяна и А. Р. Иоаннисяна.

Философы Армении постоянно проявляют интерес к вопросам, связанным с историей распространения марксистско-ленинских идей в Армении и Закавказье. Во многих трудах излагаются философские, социологические, политические воззрения Ст. Шаумяна, С. Спандаряна, Ал. Мясникяна и других. В монографии Г. С. Агаджаняна «Вопросы марксистско-ленинской теории в трудах Ст. Шаумяна» (Ереван, 1958. На рус. яз.) анализируется теоретическое наследие Ст. Шаумяна — крупного мыслителя, марксиста-ленинца, выдающегося деятеля и теоретика ленинской партии. Теоретические взгляды Ст. Шаумяна, С. Спандаряна, Ал. Мясникяна стали предметом изучения в трудах Я. И. Хачикяна, Л. А. Абрамяна и др.¹²¹ Критика армянскими марксистами философии махизма явилась предметом исследований В. К. Севяна.

В книге Н. М. Гаспаряна «История философской мысли в Советской Армении» (Ереван, 1963. На арм. яз.) сделана первая попытка дать систематическое изложение истории философской мысли в Советской Армении с 1920 по 1960 г.¹²²

В ряде работ по *философским вопросам естествознания*, принадлежащих перу видных ученых республики — астрофизиков, биологов, медиков, математиков, затрагиваются или специально обсуждаются философские и методологические вопросы данной отрасли науки, научного знания в целом, а также мировоззренческое значение научных открытий.

Следует прежде всего отметить философское и методологиче-

¹²¹ См.: Хачикян Я. И. Борьба Ст. Шаумяна за марксистско-ленинское понимание роли народных масс в истории. Ереван, 1956. На рус. яз.; Абрамян Л. А. Из истории распространения марксизма в Армении. Ереван, 1959. На рус. яз.; и др.

¹²² Об истории философской мысли в Советской Армении см.: Асламян Г. Г., Геворкян Г. А., Григорян Г. О., Хачикян Я. И. Развитие философской мысли в Советской Армении // Вопр. философии. 1967. № 12; Григорян Г. О. Философия в Советской Армении // Ист.-филос. журн. 1970. № 4; Он же. Философия // Достижения науки в Советской Армении/Под ред. акад. В. А. Амбарцумяна. Ереван, 1983; Калашян Л. Х., Карапетян Л. М. Философская наука в Советской Армении // Вопр. философии. 1980. № 11; Товмасын С. С. Философская мысль в Советской Армении // Там же. 1972. № 10; и др.

ское значение научных трудов крупнейшего советского астрофизика, президента АН АрмССР академика В. А. Амбарцумяна. Работами В. А. Амбарцумяна было доказано, что в Галактике существуют сравнительно молодые группы звезд, названные им звездными ассоциациями. Его вывод о том, что в Галактике продолжается процесс образования и развития звезд, имеет большое мировоззренческое значение и, в частности, является естественнонаучным опровержением космогонических концепций об одновременном возникновении всех звезд Галактики. Большую теоретическую ценность представляют высказывания В. А. Амбарцумяна о методологии научного исследования, являющиеся обобщением теории и практики познавательной деятельности в области астрофизики и космогонии.

В своих трудах академик В. А. Амбарцумян выступает и как методолог науки. Им сформулирован принцип инвариантности, значение которого выходит далеко за рамки физической науки. Ему принадлежит также методологическое обобщение методов решения обратных задач в естествознании. Этой проблеме посвящена его работа «Обратные задачи в естествознании», изданная Армянским отделением Философского общества СССР (Ереван, 1983. На арм. яз.), где доказывается, что в отличие от способа прямого решения задач, когда вывод вытекает из данных посылок по закону дедукции, при обратных задачах наша аргументация основывается на данных наблюдений и раскрывает закономерности, скрывающиеся за ними.

В 1973 г. была издана фундаментальная работа академика В. А. Амбарцумяна «Философские вопросы науки о Вселенной» (Ереван. На рус. яз.), в которой рассматриваются проблемы марксистско-ленинской методологии и прогресса науки на современной стадии ее развития, на конкретном материале обосновывается роль материалистической диалектики как методологии и логики развития современного естествознания, раскрывается суть проблемы методологии естественнонаучного поиска. В работе специально рассматривается взаимоотношение естествознания и философии, раскрываются суть революции в естествознании XX в., проблемы субъекта и объекта в познании, единства естественнонаучной картины мира, развития современного естествознания и т. д. Как последовательный сторонник материалистической диалектики, автор книги рассматривает различные аспекты современной физики с точки зрения диалектики развития и диалектики познания.

В области биологических наук целый ряд ведущих исследователей-теоретиков занимается вопросами диалектики развития живой природы¹²³. В исследованиях чл.-корр. АМН СССР

¹²³ См.: Казарян В. О. Физиологические особенности развития двухлетних растений. Ереван, 1954, На рус. яз.; Он же. Физиологические основы онтогенеза растений, Ереван, 1959, На рус. яз.; Он же. Старение высших растений, М., 1969; и др.

А. А. Меграбяна, психиатра-клинициста и теоретика, «О природе индивидуального сознания» (Ереван, 1959. На рус. яз.), «Деперсонализация» (Ереван, 1962. На рус. яз.), «Личность и сознание» (М., 1978. На рус. яз.) затрагиваются специальные общепсихологические проблемы сознания.

В монографии «Проблема пространства и времени в свете теории относительности» (Ереван, 1963. На арм. яз.) С. А. Аветисян рассматривает диалектику развития понятий «пространство», «время», «одновременность», «длительность» и т. д. и дает критику операционалистической и конвенционалистской трактовки этих понятий. С интересом были встречены в республике монографии С. А. Аветисяна «Математика и реальность» (Ереван, 1966. На арм. яз.) и «Соотношение логического и гносеологического в математике» (Ереван, 1973. На арм. яз.), в которых автор специально исследует те трудности, которые возникают при обосновании математики, а также интуитивистскую, логицистскую, формалистическую программы их преодоления.

Опубликован ряд работ А. К. Минасяна по вопросу о соотношении диалектического материализма и современного естествознания¹²⁴, Р. З. Джиджяна о методологических проблемах современной космогонии, в частности методологических разработках бюраканской школы астрофизики¹²⁵, И. Д. Аюпяна¹²⁶, Г. Б. Аракеляна¹²⁷ и др., а также сборник статей под названием «Философские вопросы современного естествознания» (Ереван, 1977. На рус. яз.).

Значительным вкладом в разработку вопросов *формальной логики* явилась книга Г. А. Брутяна «Логика» (Ереван, 1957. На арм. яз.), дополненная и изданная вторично в качестве учебника под названием «Курс формальной логики» (Ереван, 1967. На арм. яз.) и в третий раз под названием «Курс логики» (Ереван, 1977. На арм. яз.). Это первый учебник по логике в Советской Армении на армянском языке. В книге автору удалось не только изложить традиционное учение логики о понятии, суждении и умозаключении, но и дать целостное представление о системах математической логики, а также о связанных с нею методологических и философских проблемах. Специальному рассмотрению проблем математической логики был посвящен труд Г. А. Брутяна «Философское введение в математическую логику» (Ереван, 1968. На арм. яз.).

¹²⁴ См.: Минасян А. К. Переход количественных изменений в качественные в неорганической природе. Ереван, 1958. На арм. яз.; Он же. Некоторые особенности проявления скачков в неорганической природе. Ереван, 1961. На арм. яз.

¹²⁵ См.: Джиджян Р. З. Философские и методологические проблемы науки о Вселенной. Ереван, 1983. На рус. яз.

¹²⁶ См.: Аюпян И. Д. Симметрия и асимметрия в познании. Ереван, 1980. На рус. яз.

¹²⁷ См.: Аракелян Г. Б. О доказательстве в математике. Ереван, 1978. На рус. яз.; Он же. Фундаментальные безразмерные величины. Ереван, 1981. На рус. яз.

Существенным вкладом в дело разработки и пропаганды логического знания является второй том книги Г. А. Брутяна «Философия в диалогах» (Ереван, 1981. На арм. яз.), в котором вопросы формальной логики рассматриваются на богатом материале мировой и отечественной художественной литературы и искусства. В этой же книге автор заложил основы нового исследовательского направления в рамках теории перевода — логические основы переводческого искусства.

Г. А. Брутян основал также новое исследовательское направление в логике — трансформационную логику. В 1983 г. вышла в свет его работа под названием «Трансформационная логика» (Ереван. На рус. яз.), в которой характеризуются сущность и природа трансформационной логики, показывается ее место в системе логических наук. В работе особое внимание уделяется раскрытию базисных понятий концепции трансформационной логики, сущности и роли имплицитных форм и структур мысли, взаимоотношению эксплицитного и имплицитного в сфере логического.

Труды других специалистов в области формальной и математической логики посвящены рассмотрению проблем теории дедуктивной логики и философских вопросов формальной логики в ее историческом развитии¹²⁸, анализу конструктивных логических систем¹²⁹, а также основных понятий математической логики¹³⁰. В работе Р. З. Джиджяна «Расширенная силлогистика» (Ереван, 1977. На рус. яз.) построена аксиоматическая система алгебры логики на основе принципа замещения, получен алгоритм вывода следствий из системы категорических суждений и предложена схема логического автомата.

В области *этики* прежде всего необходимо отметить труды Л. Х. Калашяна «Нравственное и правовое в человеческих взаимоотношениях» (Ереван, 1969. На рус. яз.), «Вопросы взаимоотношения нравственности и права» (Ереван, 1978. На рус. яз.), «Из истории и теории права и нравственности» (Ереван, 1982. На рус. яз.), в которых рассматривается взаимодействие права и нравственности с идеологией и политикой классов и государств, показывается единство основных принципов правовых и государственных норм в социалистическом обществе. Из других работ в этой области следует отметить монографии К. Б. Вартапеняна, М. С. Даниелян и др.¹³¹

¹²⁸ Брутян Г. А. Вопросы теории дедуктивной логики. Ереван, 1972. На арм. яз.; Он же. Философия логики. Ереван, 1979. На арм. яз.

¹²⁹ Заславский И. Д. Симметрическая конструктивная логика. Ереван, 1978. На рус. яз.

¹³⁰ Аветисян С. А. Основные элементы математической логики. Ереван, 1969. На арм. яз.

¹³¹ См.: Вартапенян К. Б. Марксизм-ленинизм о нравственности. Ереван, 1956. На арм. яз.; Он же. О коммунистической морали. Ереван, 1954. На арм. яз.; Даниелян М. С. Некоторые вопросы марксистско-ленинской этики. Ереван, 1962. На рус. яз.

Значительных результатов достигли философы республики в исследовании проблем истории и теории *эстетики*. Разработка этих проблем приняла широкий размах особенно в последние годы. К числу наиболее изученных в этой области вопросов относятся вопросы об объективных критериях оценки произведений искусства, о природе эстетической потребности, о прекрасном и др.¹³² Следует отметить труды Я. И. Хачикяна в этой области¹³³. Его исследования об эстетических воззрениях Шекспира, Гегеля, А. Адамяна, а также посвященные критике абстракционизма, познавательному значению искусства и другие работы получили высокую оценку в республиканской и всесоюзной печати. Под его руководством подготовлен курс «Основы марксистско-ленинской эстетики и этики» для общеобразовательных школ. Я. И. Хачикян составил сборники «Шекспир об искусстве» (Ереван, 1977. На рус. яз.), «Вопросы эстетики искусства» (М., 1978. На рус. яз.), «Сарьян об искусстве» (Ереван, 1980. В соавторстве), «Арам Хачатурян о музыке, музыкантах, о себе» (Ереван, 1980. В соавторстве), а также написал предисловия к этим сборникам.

В республике проделана значительная работа по *критике современной буржуазной философии и социологии*.

Здесь в первую очередь следует отметить работы Г. А. Брутяна, Г. Г. Асланяна, Э. С. Маркаряна, К. А. Свасьяна и др.¹³⁴

¹³² См.: *Товмасян С. С.* К вопросу об объективных критериях оценки произведения искусства. Ереван, 1955. На рус. яз.; *Адамян А. А.* Статьи об искусстве. М., 1961. На рус. яз.; *Он же.* Вопросы эстетики и теории искусства. М., 1978. На рус. яз.; *Калантар А. Л.* К вопросу о прекрасном. Ереван, 1964. На арм. яз.; *Он же.* Красота истины. Ереван, 1980. На рус. яз.; *Аюпджанян Е. С.* О природе эстетической потребности. Ереван, 1973. На рус. яз.; *Она же.* Эстетическое в научном творчестве. Ереван, 1978. На рус. яз.; *Она же.* Диалектика национального и интернационального в искусстве. Ереван, 1980. На рус. яз.; *Нагапетян П. М.* Сциентизм в эстетике модернизма. Ереван, 1979. На рус. яз.; и др.

¹³³ См.: *Хачикян Я. И.* О познавательном значении искусства. Ереван, 1959. На рус. яз.; *Он же.* Что такое абстракционизм? Ереван, 1962. На арм. яз.; *Он же.* Абстракционизм и художественное познание. Ереван, 1968. На рус. яз.; и др. Ряд исследований Я. И. Хачикяна опубликован за рубежом.

¹³⁴ См.: *Свасьян К. А.* Эстетическая сущность интуитивной философии А. Бергсона. Ереван, 1978. На рус. яз.; *Он же.* Проблема символа в современной философии. Ереван, 1980. На рус. яз.; *Асланян Г. Г.* Идея прогресса в буржуазной философии истории. Ереван, 1963. На рус. яз.; *Он же.* XXIV съезд КПСС и идеологическая борьба. Ереван, 1975. На арм. яз.; *Мхитарян Г. Е.* Антинаучная сущность «теории действия» Т. Парсона. Ереван, 1982. На арм. яз.; *Акопян М. М.* XXV съезд КПСС об особенностях идеологической борьбы на современном этапе. Ереван, 1977. На арм. яз.; *Аллахвердян С. Д.* Неопозитивизм в современной социологии. Ереван, 1964. На рус. яз.; *Она же.* Критический очерк социологического номинализма. Ереван, 1978. На рус. яз.; *Погосян В. А.* Критика философских концепций Франкфуртской школы. Ереван, 1979. На рус. яз.; *Гарибджанян Б. Г.* Кризис буржуазного общества и футурология в США. Ереван, 1980. На рус. яз.; *Сантросян М. Г.* Научно-техническая революция и идеологическая борьба. Ереван, 1976. На арм. яз., а также статья Г. П. Григоряна об истории аналитической философии.

В исследованиях Г. А. Брутяна «Семантический идеализм — новейший вариант махизма» (Ереван, 1953. На рус. яз.), «Что такое семантическая философия и кому она служит» (М., 1954. На рус. яз.; Будапешт, 1955. На венг. яз.), «Реакционная сущность современной буржуазной философии» (Ереван, 1959. На арм. яз.), «Теория познания общей семантики» (Ереван, 1959. На рус. яз.), «Критический анализ семантической философии» (Ереван, 1962. На арм. яз.) дано критическое освещение с марксистских позиций основных теоретико-познавательных идей «общей» семантики и ряда других современных буржуазных англо-американских философских школ.

Книга Э. С. Маркаряна «О концепции локальных цивилизаций. Критический очерк» (Ереван, 1962. На рус. яз.) представляет собою критику философско-исторической теории О. Шпенглера и А. Тойнби.

Философы Советской Армении принимают активное участие в международной философской жизни. Академик В. А. Амбарцумян выступал с докладами на пленарных заседаниях Венского и Дюссельдорфского Всемирных философских конгрессов. Академик АН АрмССР Г. А. Брутян участвовал во всех шести всемирных философских конгрессах, на которых был представлен Советский Союз (в 1958 г. в Италии, в 1963 г. в Мексике, в 1968 г. в Австрии, в 1973 г. в Болгарии, в 1978 г. в ФРГ, в 1983 г. в Канаде), на гегелевских международных конгрессах во Франции в 1969 г. и в ГДР в 1981 г. На всех названных конгрессах Г. А. Брутян выступал с докладами, принимал участие в прениях, а на XV и XVI Всемирных философских конгрессах руководил работой некоторых секций. Кроме того, Г. А. Брутян выступал с лекциями во многих известных университетах мира. Чл.-кор. АН АрмССР В. К. Чалоян участвовал в работе XV Всемирного философского конгресса, Я. И. Хачикян — в V, VI и VII Международных конгрессах по эстетике, а также VIII и X гегелевских международных конгрессах, Э. С. Маркарян — в VII Международном социологическом конгрессе, VII, IX, X Международных конгрессах антропологических и этнологических наук, а также в IV, V и VI Международных конгрессах по логике, методологии и философии науки, Л. А. Абрамян — в III Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки, Г. А. Геворкян — в III, IV и V Международных конгрессах по логике, методологии и философии науки; Л. Х. Калашян — в Международном конгрессе ЮНЕСКО «Современный мир и физическая культура», чл.-кор. АН АрмССР С. С. Аревшатян — в XXV Международном конгрессе востоковедов.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

СОВЕТСКИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСПУБЛИКИ
СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

1

Узбекская ССР

Процесс утверждения марксистско-ленинской философской и социологической мысли в Узбекистане, как и во всей Средней Азии, в первые годы Советской власти был сложным и специфическим. Отсталая колониальная экономика, низкий культурный уровень населения, засилье религиозно-феодальной идеологии ислама, активная антисоветская деятельность откровенных и замаскированных контрреволюционных элементов, малочисленность марксистских кадров — все это накладывало свой отпечаток на идеологическую борьбу в Узбекистане.

В тот период в пропаганде идей марксизма-ленинизма огромную роль играла большевистская печать. Уже с 1918 г. в Узбекистане начало выходить на узбекском языке много газет («Иштирокиюн», «Инчилар калкони», «Камбагаллар товуши» и др.) и журналов («Ишчилар дунёси», «Маориф», «Касабачилик харакати», «Коммунист йулдоши» и др.), активно содействовавших коммунистическому воспитанию масс. К 1924 г. в республике издавалось 15 журналов и 16 газет, к 1928 г. — 25 газет (из них на узбекском языке 17), а к 1932 г. — уже 205 газет (из них 132 на узбекском и таджикском языках) и 56 журналов (из них 35 на узбекском языке).

Наряду с другими материалами в периодической печати публиковались научно-популярные статьи и беседы об основных принципах марксистско-ленинской философии, причем особое внимание уделялось разоблачению весьма влиятельной в то время среди народа исламской идеологии.

Почетное место в борьбе за торжество марксистско-ленинских идей принадлежит основоположнику социалистической литературы в Узбекистане Хамзе Хаким-заде Ниязи, а также Садриддину Айни, творчество которого неразрывно связано с жизнью не только таджикского, но и узбекского народа.

Исключительную роль в распространении марксистско-ленинской философии в Узбекистане сыграли переводы на узбекский язык произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Трудящиеся республики впервые получили возможность ознакомиться с такими произведениями, как «Манифест Коммунистической партии» (1929), «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» (1928) и др. Появились работы о Ленине и ленинизме: «Ленин

как мыслитель» (Туркестанская правда. 1924. 4 марта), Е. Федоров «Что такое ленинизм?» (Коммунист. Ташкент, 1925. № 1), Р. Муминов «Ленинизм» (Кизыл Узбекистан. 1925. 27, 28 марта).

В 20-е годы на узбекском и русском языках был выпущен ряд книг и статей по проблемам диалектического и исторического материализма, истории философии и научного атеизма. Из них назовем работы, опубликованные на узбекском языке: «Диалектический материализм» Негмата Хакима (Ташкент, 1925), «О вечности материи» Щербека (Маориф ва укитувчи. 1925. № 11—12), «Диалектика и диалектический способ мышления» А. Хашима (Там же. № 3), «Материализм и идеализм в философии» Х. Мусаева (Там же. № 5), «Философией какого класса является материализм» Носира Саида (Там же), «Философия и физика» Р. Маллина (Там же. 1929. № 2—3) и др.

В философской литературе 20-х годов важное место занимали проблемы исторического материализма, в первую очередь наиболее актуальные тогда вопросы о возможности построения социализма в одной стране, о классах и классовой борьбе, о диктатуре пролетариата, о национальном вопросе. В работах А. Хашима «Общество без государства» (Маориф ва укитувчи. 1925. № 7—8), И. Сиснева «Строительство социализма в Средней Азии» (Коммунистическая мысль. Ташкент, 1926. Кн. 2), Х. Файзи «Проблема построения социализма в одной стране» (Коммунист. Ташкент, 1926. № 1) подчеркивалась роль В. И. Ленина в развитии теории исторического материализма, давалась критика антимарксистских идей.

В 20-е годы появились также отдельные работы популярного характера по истории философии, среди которых особое место занимали работы по истории общественно-философской мысли Узбекистана (о Мирзе Бедиле, Омаре Хайяме, Фараби и Газали), а также отдельные статьи о философских воззрениях А. Н. Радищева, Н. Г. Чернышевского и др.

Большое внимание уделялось атеистической пропаганде в республике. В 1928 г. был создан «Союз безбожников», который повел интенсивную борьбу с религиозными пережитками. Активную роль в ней сыграли философы республики, опубликовавшие немало статей, разоблачающих реакционную сущность религии вообще, ислама в частности¹.

Большую и многостороннюю помощь работникам идеологи-

¹ См.: Абдулхай. Динга хужум (Наступление на религию) // Худосизлар. 1928. № 1; Файзи Х. Руза (Ураза) // Там же. № 4; Булат. Урта Осиёда исломнинг мажбурий суръатда тарқатилиши (О распространении насильственным путем ислама в Средней Азии) // Там же; Хакимов М. Куръон (Коран) // Там же; Мустакаев А. Дин ва миллат масаласи (Религия и вопрос о нации) // Там же; Байджанов Р. Маътаба динга карши тарбия (Антирелигиозное воспитание в школе) // Там же. № 7—8; и др.

ческого фронта Узбекистана оказывали видные философы Москвы, Ленинграда и других научных центров нашей страны. Эта помощь была тем более ценной, что обострение идеологической борьбы в конце 20-х — начале 30-х годов предъявляло повышенные требования к работникам идеологического фронта. В этих условиях философы Узбекистана начали изучение ленинского философского наследия. Подробному анализу огромного вклада В. И. Ленина в развитие марксистской философии были посвящены работы И. М. Муминова «Ленинский этап в развитии диалектического материализма» (Ленин байроги. Самарканд, 1933. 5, 19 февр.) и А. Валиева «За ленинский этап в философии» (Китоб ва инкилоб. 1933. № 1). Борьбу за чистоту марксистско-ленинской философии вели и другие ученые республики. К середине 30-х годов выросло первое поколение узбекских философов, были созданы условия для дальнейшего прогресса в распространении и укреплении марксистско-ленинской философии в Узбекистане.

В годы Великой Отечественной войны появляется ряд публицистических произведений, разоблачающих теорию «высших» и «низших» рас, выдвинутую идеологами фашизма для обоснования захватнических войн и милитаристской политики гитлеровской Германии.

Научно-исследовательская работа по философским вопросам в послевоенные годы сосредоточивается в двух крупных вузах республики: на кафедре марксизма-ленинизма Узбекского (ныне Самаркандского) государственного университета и на кафедре философии Среднеазиатского (ныне Ташкентского) государственного университета.

В начале 50-х годов в результате проведенных на этих кафедрах исследований вырисовываются некоторые общие направления научно-исследовательской работы. Главные из них — изучение и теоретическое обобщение процессов и явлений, связанных с переходом Узбекистана к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, исследование мировоззрения представителей общественно-философской мысли народов Узбекистана.

Этим вопросам посвящены труды ряда ученых: В. Ю. Захидова, работа Х. Г. Расулева², а также кандидатские диссертации Р. П. Пулатова, Р. К. Каримова, Г. Х. Абдуллаева, О. В. Талышкина, А. Ахматова, Я. Раджабова, В. Самышкина и др., защищенные в УзГУ в 1950—1956 гг.

Философы республики в этот период продолжали также ис-

² См.: Захидов В. Ю. Великий мыслитель X—XI веков // Бируни — великий узбекский ученый средневековья. Ташкент, 1960; Расулев Г. О советском патриотизме. Ташкент, 1949.

следование проблемы ленинского этапа развития марксистской философии³.

Решения XXV и последующих съездов КПСС оказали влияние на дальнейшее развитие советской науки во второй половине 50-х — первой половине 60-х годов. Введение курса диалектического и исторического материализма во всех высших учебных заведениях, увеличение числа философских учреждений, количественный и качественный рост философских кадров в нашей стране в целом и в Узбекистане в частности — все это оказало положительное влияние на развитие философской мысли в республике. Если до 1954 г. в Узбекистане имелась лишь одна кафедра философии в Среднеазиатском университете, то начиная с 1955 г. кафедры философии стали создаваться и в других вузах республики. Ныне в вузах и научно-исследовательских учреждениях республики существует более 40 кафедр философии. С 1963 г. в связи с введением научного коммунизма в вузах республики создано более 20 кафедр научного коммунизма. В Ташкентском университете в 1963 г. создано специальное философско-экономическое отделение, на базе которого в 1978 г. возник философско-экономический факультет. Учебная работа на факультете ведется по программе философских факультетов МГУ и ЛГУ.

Важным событием в научной жизни республики явилось создание в мае 1958 г. Института философии и права АН УзССР на базе существовавшего с 1956 г. отделения философии и права АН УзССР.

Распространение философского образования, разработка философских проблем и философской терминологии на узбекском языке, появление квалифицированных специалистов в области философии, социологии, политэкономии позволили приступить к переводу на узбекский язык некоторых основных произведений марксизма-ленинизма. Большим событием в духовной жизни Узбекистана явились переводы на узбекский язык двух томов «Капитала» К. Маркса (1955), «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса (1957), Собрания сочинений В. И. Ленина (1947—1965). Были выпущены отдельными изданиями ленинские работы «О значении воинствующего материализма», «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради» и др. На узбекский язык был также переведен и издан ряд учебных пособий по диалектическому и историческому материализму, опубликованных в Москве и Ленинграде.

Вопросы исторического материализма применительно к условиям Узбекистана рассматривались философами республики о

³ См.: Труды Узбекского государственного университета им. А. Навои, Самарканд, 1957. Вып. 75. Н. с.; Сборник научных работ кафедры философии Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. Ташкент, 1957.

точки зрения раскрытия как общих закономерностей, так и специфических особенностей развития ранее отсталых стран по пути к социализму. Именно в этом плане в республике изучались вопросы формирования и развития узбекской социалистической нации и социалистической культуры народов Узбекистана⁴. В частности, анализировались отдельные аспекты некапиталистического пути развития узбекского народа, процесс взаимного обогащения национальных культур, укрепление идейного единства советских наций. В работах Э. Юсунова уделяется внимание вопросу о том, как во взаимоотношениях города и деревни в дореволюционной Средней Азии переплетались различные противоречия, присущие феодальному и капиталистическому обществу; противоречия между городом и деревней в угнетенных странах выражают не только внутренние социальные противоречия этих стран, но и антагонизм метрополий и колоний. Исходя из этого, автор стремится выявить особенности разрешения этих противоречий на путях некапиталистического развития Средней Азии. Он подчеркивает, что решение национального вопроса создало условия для решения социальных проблем.

В работе А. К. Валиева раскрываются своеобразие проявления основных закономерностей формирования и развития советской социалистической интеллигенции в условиях Средней Азии и трудности на этом пути, подчеркивается, что только после победы Октябрьской революции, благодаря ленинской национальной политике и всесторонней помощи братских народов, в первую очередь русского народа, в республиках Средней Азии стало возможным создание национальной интеллигенции.

Вопросам становления социалистических наций, стирания классовых различий, подъема культурно-технического уровня трудящихся, роли научного прогресса в общественном развитии, особенностей развития духовной культуры колхозной деревни в условиях советского строя и другим вопросам исторического материализма, марксистской социологии были посвящены работы К. Садыкова, О. Умураковой, С. Турсунмухамедова, В. Курбанова, Т. Шарипова, Х. Мильтыкбаева, Г. Абдуллаева, Т. Абдушукурова, М. Абдуллаева, К. Буранова, Х. Гизитдинова, К. Махмудова, М. Ахмедовой, Э. Гульметова, Э. Юсунова и др.

Все большее внимание ученых привлекают проблемы формирования и развития нового быта, вопросы творческого использо-

⁴ См.: *Непомнин В. Я.* Исторический опыт строительства социализма в Узбекистане. Ташкент, 1980; *Абдушукуров Р. Х.* Октябрьская революция, расцвет узбекской социалистической нации и сближение ее с нациями СССР. Ташкент, 1962; *Шермухамедов С.* О национальной форме социалистической культуры узбекского народа. Ташкент, 1961; *Ханазаров К.* Сближение наций и национальные языки в СССР. Ташкент, 1963; *Узбекистан на пути к коммунизму.* Ташкент, 1964; *Юсунов Э.* Уничтожение противоположности между городом и деревней в ранее отсталых странах. Ташкент, 1964; *Валиев А. К.* Формирование и развитие советской национальной интеллигенции в Средней Азии. Ташкент, 1966; и др.

вания народных традиций и возникновения новых, социалистических традиций в процессе сближения наций в СССР⁵.

В последнее время разворачиваются научные исследования и в области изучения вопросов марксистско-ленинской *этики и эстетики*, о чем свидетельствует появление диссертационных работ С. Азимова, У. Таштемирова, Т. Сиддикова, Ю. Джумабаева, М. Рахимова, Ю. Столяровой, Н. Нурматова, М. Усманова, А. Саидходжаевой, Н. Гаибова и др., где делаются попытки наряду с освещением общих вопросов выявить и особенности проявления закономерностей становления новой, коммунистической нравственности, подъема литературы и искусства в условиях некапиталистического развития на примере Советского Узбекистана.

Одной из актуальных научных проблем, имеющих важное практическое значение для Узбекистана, является разработка вопросов *научного атеизма*: изучение и выявление эффективных путей и методов борьбы против религиозных пережитков ислама в сознании трудящихся, критика тенденций приспособления мусульманской религии к современным условиям советской Средней Азии, раскрытие реакционной роли исламистской идеологии в истории развития духовной жизни среднеазиатских народов, научная разработка проблемы развития идей свободомыслия и т. п. (диссертационные работы Т. Тагаева, Т. Джавлиева, М. Умарова, М. Далиева и др.). Критически анализируются формы и направления модернизации вероучения ислама, попытки современного мусульманского духовенства и теоретиков ислама найти новые пути и способы воздействия на сознание трудящихся, которые под влиянием бурного роста науки и социального прогресса все больше и больше отходят от религии (А. Артыков).

В 60-е годы появились исследования, специально посвященные разработке *ленинского наследия в области диалектического материализма, вопросам материалистической диалектики и теории познания*⁶.

О возросшем уровне философских исследований, о расширении тематики в 60-е годы свидетельствовали и опубликован-

⁵ См.: *Наджимов Г.* Отношение марксизма-ленинизма к народным традициям. Ташкент, 1965.

⁶ См.: О работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Ташкент, 1960. На узб. яз.; см. также: *Бабаев Дж. М.* Марксистско-ленинское учение об истине. Ташкент, 1959. На узб. яз.; *Мирошхина Н. М.* В. И. Ленин и вопросы научной абстракции. Ташкент, 1964; *Аюпов А.* Из истории борьбы В. И. Ленина против философского ревизионизма. Ташкент, 1964. На узб. яз.; *Борьба материализма и идеализма в домарксистской философии.* Ташкент, 1966. На узб. яз.; *Гарбер Л. Е.* Исследование В. И. Лениным вопросов диалектики общественного развития: (В период первой мировой войны). Ташкент, 1966; *Никитченко В.* Соотношение категорий сущности и явления в марксистско-ленинской философии. Ташкент, 1966; *Исмаилов Б.* Единство языка и мышления в познании мира. Ташкент, 1966.

ные работы по категориям материалистической диалектики, по философским вопросам естествознания и критике отдельных направлений современной буржуазной социологии (А. Файзуллаевым, М. Батунским, В. Никитченко, К. Ивановой, М. Нурматовым, В. Подойниковым, Д. Алиевой). Появились работы по отдельным вопросам логики и методологическим проблемам современной науки⁷.

Важное место в научно-исследовательской работе ученых республики занимает изучение богатого духовного наследия народов Средней Азии. Научные достижения и прогрессивные общественно-философские идеи ал-Хорезми, ал-Фараби, Ибн-Сины, Бируни, Улугбека, Навои, Бедия, Дониша и других выдающихся мыслителей Средней Азии сыграли большую роль в борьбе против средневековой мистики и мракобесия, за торжество разума и справедливости и внесли определенный вклад в развитие мировой культуры.

В связи с тем что отдельные представители мусульманской историографии, работающие за рубежом, отрицают самобытность среднеазиатской культуры и общественно-философской мысли, рассматривая ее как часть иранской, арабской или турецкой культуры, особенно важной является работа ученых Узбекистана, а также других ученых советской Средней Азии в области марксистского освещения истории естественнонаучной и общественно-философской мысли среднеазиатских народов.

Большое научное и теоретическое значение имело издание в 50—60-е годы Академией наук Узбекистана на русском и узбекском языках (в переводе с арабского) ценнейших памятников средневековой научной мысли Средней Азии: пятитомного «Канона врачебной науки» Ибн Сины (1954—1960), «Математических трактатов» Мухаммеда ал-Хорезми (1964), основателя средневековой математики, ряда фундаментальных трудов ал-Бируни — «Памятники минувших поколений (Хронология)» (1957), «Индия» (1963), «Геодезия» (1966), а также трактатов Фараби, Дониша и др.

В 1957 и 1959 гг. Институтом философии и права АН УзССР были изданы на русском и узбекском языках «Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли народов Узбекистана».

Мировоззрение крупнейшего мыслителя и поэта средневековой Средней Азии и всего Востока Алишера Навои исследует В. Ю. Захидов в книге «Мир идей и образов Алишера Навои» (Ташкент, 1961). Одному из крупнейших представителей прог-

⁷ Мороз В. Н. Пасущные вопросы логики. Ташкент, 1955; Он же. Мысль и предложение. Ташкент, 1960; Ахмедов М. М. Классики марксизма-ленинизма об умозаключениях // Тр. Узб. гос. ун-та. Самарканд, 1960. Вып. 98; Хайруллаев М. М. Логика и правильное мышление. Ташкент, 1961. На узб. яз.; Вопросы марксистско-ленинской философии и логики // Тр. Узб. гос. ун-та, Самарканд, 1963. Вып. 122.

рессивной философской и социологической мысли средневекового Востока — среднеазиатскому мыслителю Абу Наср Фараби были посвящены исследования М. М. Хайруллаева⁸⁻⁹.

Наряду с публикацией историко-философских работ постепенно развертывается изучение истории естественнонаучной мысли народов Средней Азии. В этом отношении важное значение имело крупное исследование известного ученого Т. Н. Кары-Ниязова «Астрономическая школа Улугбека», опубликованное еще в 1950 г. и удостоенное Государственной премии СССР.

В 60-е годы в Узбекистане начинает развертываться работа по изучению истории общественно-философской мысли и современных идейных течений в сопредельных с Узбекистаном странах зарубежного Востока¹⁰.

В эти же годы велась также работа по подготовке учебных пособий по различным областям марксистско-ленинской философии. Наряду с переводом учебных пособий с русского языка издаются и учебные пособия на узбекском языке.

В 1962 г. Институтом философии и права АН УзССР опубликован сборник материалов «Из истории распространения марксистско-ленинских идей в Узбекистане», вышла в свет книга М. Х. Халмухамедова «Распространение идей марксизма-ленинизма в Туркестане» (Ташкент, 1962. На узб. яз.), продолжают исследования в этом направлении (Р. Каримовым, А. Ахмедовым, Х. Зияйтиновой и др.).

Изучение и пропаганда богатого философского наследия В. И. Ленина всегда остается важнейшей задачей всех обществоведов, в том числе и философских кадров. Обществоведы республики уделяют этой задаче пристальное и первоочередное внимание. Закончены переводы на узбекский язык всех философских работ В. И. Ленина, завершён перевод полного собрания его сочинений. За последние годы в республике опубликован ряд интересных исследований, посвященных изучению *ленинского философского наследия и его роли в развитии диалектического материализма, современной науки, в социальном прогрессе, в утверждении материалистического мировоззрения и социалистической идеологии в Узбекистане*¹¹⁻¹².

⁸⁻⁹ См.: Хайруллаев М. М. Абу Наср Фараби. Ташкент, 1961. На узб. яз.; Он же. Фараби и его философские трактаты. Ташкент, 1963; Он же. Мировоззрение Фараби и его значение в истории философии. Ташкент, 1966; Он же. Фараби о психических процессах, обучении и воспитании. Ташкент, 1967. На узб. яз.

¹⁰ Гостеева Е. И. Философия вайшешима. Ташкент, 1963; Очерки истории прогрессивной общественно-философской мысли народов зарубежного Востока. Ташкент, 1971.

¹¹⁻¹² См.: Иванова К. И. Ленин о причинности и критика позитивизма. Ташкент, 1970; Аюлов А. Ленинский этап в развитии марксистской философии. Ташкент, 1971; Нурматов М. В. И. Ленин о диалектическом мышлении. Ташкент, 1971. На узб. яз.; Яковлев В. М. В. И. Ленин и современная борьба за демократию и социализм. Ташкент, 1972; Баратов М. Ленинизм и общественная мысль в Индии. Ташкент,

Философы республики чаще стали обращаться к разработке общеметодологических проблем науки, в связи с чем усилились их контакты с ведущими специалистами центральных философских учреждений. За последние годы значительно усилилось внимание к разработке проблем теории материалистической диалектики, логики научного познания и ленинской теории отражения, появились исследования, монографии и сборники о системе взаимосвязи категорий диалектики, о роли философских категорий в естественнонаучном познании, о задачах философских исследований в условиях научно-технической революции и т. д.¹³

Большое место в исследованиях философов республики последнего периода занимает изучение и обобщение изменений в области социально-экономического развития, которые произошли в Узбекистане. Теоретическую и большую практическую ценность представляют исследования на примере республик Средней Азии путей уничтожения противоположности и стирания различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом, изменений социальной структуры общества и общественного сознания в процессе социалистических преобразований. Способствуя раскрытию диалектики общего и особенного в строительстве социализма в условиях многонационального государства, эти работы помогают выяснению различия и многообразия действия общих закономерностей развития нашего общества¹⁴.

Философы и социологи Узбекистана совместно с представите-

1973. На узб. яз.; Ганиев Л. О «Философских тетрадах» В. И. Ленина. Ташкент, 1974. На узб. яз.; Абдушукуров Р. Х. Развитие Лениным ленинской партии идеологии и политики коммунизма. Ташкент, 1974; Зилутдинова Х. З. Из истории утверждения идей ленинизма в Узбекистане 20—30 гг. Ташкент, 1977.

¹³ Мороз В. Н. Об оборотных и полуоборотных высказываниях. Ташкент, 1971; Философские проблемы естествознания. Ташкент, 1972; Вопросы методики преподавания философии как фактор коммунистического воспитания. Ташкент, 1973; Таганов Р. Диалектико-материалистические основы системно-исторического метода в современной биологии. Ташкент, 1974; Вопросы теории познания. Ташкент, 1974. На узб. яз.; Машилов А., Хасанов М. Философские категории и познание. Ташкент, 1974; Туленов Ж. Т. Система законов и категорий диалектики. Ташкент, 1974; Он же. Проблема гибкости категорий в марксистской диалектике. Законы и категории. Ташкент, 1981; Иванова К. И. Принцип причинности в системе принципов научного познания. Ташкент, 1974; Диалектика и научное познание. Ташкент, 1974; Усманов М. Диалектика в квантовой механике. Ташкент, 1975; Основы марксистско-ленинской философии. Ташкент, 1975; Ахмедов М. Некоторые проблемы диалектической логики. Ташкент, 1976; Ахмедов А. А. Элементы материалистического мирозерцания и диалектики в устном народном творчестве. Ташкент, 1977. На узб. яз.; Диалектика абстрактного и конкретного. Ташкент, 1978. На узб. яз.; Сейтов П. Д. Марксистская диалектика как систематическая наука. Нукус, 1978; Материалистическая диалектика. Законы и категории. Ташкент, 1982; и др.

¹⁴ См.: Гафуров З. Диалектика умственного и физического труда. Ташкент, 1970; Гурасов Х. Национальная политика Коммунистической партии в Туркестане. Таш-

лями других общественных наук проводят значительную работу по изучению общих тенденций ускорения научно-технического прогресса и своеобразия их проявления в условиях Советского Узбекистана¹⁵.

Важнейшим результатом торжества ленинской национальной политики является возникновение за короткий срок социалистической национальной культуры Узбекистана, бурное развитие образования, искусства, литературы. Развитие социалистической культуры органически включает в себя также и освоение культурного наследия прошлого. Богатая практика социальных преобразований ставит перед философами задачу их теоретического осмысления, и наши ученые ведут широкую исследовательскую работу в этой области. Философско-эстетический анализ культуры, духовного развития личности — вот одна из основных сфер исследований в последние годы¹⁶.

мент, 1971; *Ахматов А.* Строительство коммунизма и сближение города и деревни. Ташкент, 1971. На узб. яз.; Некоторые вопросы марксистско-ленинской социологии. Ташкент, 1972. На узб. яз.; Философские и социологические исследования. Ташкент, 1972; *Абдушукуров Р. Х.* Торжество ленинской теории перехода отсталых стран к социализму и коммунизму, минуя капитализм. Ташкент, 1972; *Юсупов Э.* Особенное и общее в уничтожении противоположности между городом и деревней в республиках Советского Востока. Ташкент, 1972; *Шарипов Т.* Новое отношение к труду и закономерности его формирования. Ташкент, 1973; *Джамбаров Н. И.* Закономерности преобразования докапиталистической структуры общественного сознания народов Советского Востока в социалистическую структуру. Ташкент, 1973; Научный коммунизм. Ташкент, 1975; Изменения социальной структуры колхозного крестьянства в период строительства коммунизма. Ташкент, 1975; *Ахмедова М.* Некапиталистический путь развития. Некоторые проблемы теории и практики. Ташкент, 1976; Закономерности прогресса быта и культуры в процессе некапиталистического пути развития. Ташкент, 1976; *Турсунмухамедов С.* Великий Октябрь и изменение социальной структуры Советского Узбекистана. Ташкент, 1977; *Сиятов А.* Пути преодоления социальных различий. Ташкент, 1977. На узб. яз.; *Аббасова О. С.* Системный комплексный подход к управлению социалистическим обществом. Ташкент, 1977; *Нормурадов Б.* Характерные особенности и основные тенденции интернационализации общественной жизни. Ташкент, 1978; *Арифханова З. Х.*, *Чеботарева В. Г.* Решение национального вопроса в Узбекистане. Ташкент, 1979; и др.

¹⁵ См.: *Расулев Х.*, *Эргашев А.* Творческая деятельность масс и научно-техническая революция. Ташкент, 1973; *Абдушукуров Т. Р.*, *Емельян А.* Научно-техническая революция и молодежь. Ташкент, 1974; *Он же.* Социальные последствия современной научно-технической революции. Ташкент, 1976; Философские проблемы научно-технической революции. Ташкент, 1976; и др.

¹⁶ См.: Ленинизм и развитие социалистической культуры. М., Ташкент, 1971; *Умурзакова О. П.* Закономерности сближения быта и традиций социалистических наций. Ташкент, 1971; *Махмудов Т.* Талант художника и общество. Ташкент, 1971; *Хайруллаев М.*, *Шарахматов Д.* Культура и наследие. Ташкент, 1973; *Северский С. Я.* Формирование научного мировоззрения и художественная литература. Ташкент, 1973; *Гаибов Н.* Проблемы развития советских национальных искусств. Ташкент, 1973; *Он же.* Социализм и национальное искусство. Ташкент, 1974; Некоторые вопросы марксистско-ленинской этики и эстетики. Ташкент, 1974; *Шермухамедов С.* Рассвет и сближение национальных культур народов СССР. М., 1974; *Он же.* Актуальные вопросы теории и практики социалистической культуры. Ташкент, 1981; *Дой А.* Эстетика в мире вещей и предметов. Ташкент, 1974; *Вуранов Н.* Диалектика развития социалистической культуры. Ташкент, 1974; *Мозилевский Л. Г.*

Важное место в решении задач коммунистического воспитания занимают вопросы борьбы против пережитков прошлого, критика мусульманской религии, вопросы совершенствования атеистического воспитания, становления и утверждения новых, советских традиций и обычаев в нашей жизни и изучения их воспитательной роли. Изучение этих вопросов все в большей мере проводится на базе расширяющихся конкретно-социологических исследований. В последние годы значительная работа в этом отношении проведена под руководством отдела пропаганды и агитации ЦК КП Узбекистана и Общественного института социологических исследований коллективом Института философии и права с привлечением большого круга идеологических работников и активистов республики. На основе результатов обработки огромного количества собранного материала на ЭВМ разрабатываются рекомендации, конкретные предложения по дальнейшему совершенствованию форм и методов коммунистического воспитания, повышению культуры и улучшению быта трудящихся¹⁷.

Важное место в исследованиях ученых республики занимает *историко-философская проблематика*. Подготовка квалифицированных кадров востоковедов на восточном факультете ТашкГУ дает возможность развертывать исследования в области истории философии народов Ближнего и Среднего Востока. Исследование наследия восточных мыслителей служит укреплению дружбы, культурных связей и научных контактов с народами Востока,

Основы марксистско-ленинской эстетики. Ташкент, 1974. На узб. яз.; *Безмоддин Л. Н.* Художественно-конструктивная деятельность человека. Ташкент, 1975; *Исмаилов Ф.* Историческая обусловленность культуры. Ташкент, 1975. На узб. яз.; Некоторые проблемы марксистско-ленинской эстетики. Ташкент, 1975; *Нурматов М.* Критика и эстетика. Ташкент, 1978. На узб. яз.; *Валиев А. К.* Октябрь, культура, интеллигенция. Ташкент, 1977; *Манджукас Т., Каримов Х.* Эстетика труда. Ташкент, 1977; Некоторые вопросы марксистско-ленинской этики. Ташкент, 1979; Взаимодействие культур и эстетическое развитие личности. Ташкент, 1980; Художественная культура и личность. Ташкент, 1980; Культурная среда и духовное формирование личности. Ташкент, 1981; *Шайхова Х. А.* Формирование новых нравственных отношений у колхозного крестьянства. Ташкент, 1982; и др.

¹⁷ См.: *Солдатов М. Ф.* Трудовое воспитание масс. Ташкент, 1972; *Артыкходжаев М.* Коллективизм людей труда и его развитие в условиях строительства коммунизма. Ташкент, 1972; *Викрицкий В. М.* Формирование научного мировоззрения и нравственное воспитание трудящихся. Ташкент, 1972; *Джаббаров И.* Общественный прогресс, быт и религия. Ташкент, 1973; Новая жизнь — новые традиции. Ташкент, 1973. На узб. яз.; *Абдусамедов А. И.* Становление атеистического мировоззрения в Узбекистане. Ташкент, 1973; Братство народов и интернациональное воспитание. Ташкент, 1974; Атеизм и религия. Ташкент, 1974. На узб. яз.; *Усманов М.* Догматы и обряды ислама. Ташкент, 1975; Коммунистическая нравственность и формирование личности. Ташкент, 1975; *Таштемиров У.* Социалистическая семья. Ташкент, 1977. На узб. яз.; *Азаронян А. С.* Проблемы формирования коммунистического общественного сознания. Ташкент, 1977; *Нормуратов Б.* Характерные особенности и основные тенденции интернационализации общественной жизни. Ташкент, 1979; *Джумусов М.* Вопросы интернационального воспитания. Ташкент, 1980.

улучшению взаимопонимания и выработке общих точек зрения по отдельным проблемам истории восточной философии с учеными и деятелями культуры из арабских стран, Афганистана, Ирана, Индии, Пакистана и т. д.

Широкому использованию и пропаганде трудов ученых Узбекистана способствует тесная связь Института философии и права с республиканским Обществом дружбы и культурных связей с зарубежными странами, в деятельности которого ученые республики принимают самое активное участие. В этом отношении имели большое значение юбилеи выдающихся мыслителей средневековья — Бируни (1973 г.) и Фараби (1975 г.), 1000-летие со дня рождения Ибн-Сины, отмеченное в 1980 г.

В последние годы в республике осуществлены переводы на русский и узбекский языки ценнейших источников по философии средневекового Востока, проведена значительная работа по изучению истории философской мысли и мировоззрения выдающихся мыслителей и ученых — Хорезми, Закария Рази, Фараби, Бируни, Ибн-Сины, Улугбека, Али Кушчи и др.¹⁸

В своих исследованиях наши обществоведы, в том числе философы и социологи, стали уделять больше внимания *критике современной буржуазной философии и идеологии антикоммунизма*. Огромное значение на современном этапе приобретают публикации наших ученых по разоблачению буржуазных фальсификаций национальной политики КПСС. Советские исследователи анализируют исторические успехи социалистического строительства в республиках Средней Азии и Казахстана на

¹⁸ Хайруллаев М. М. Эпоха Возрождения и мыслители Востока. Ташкент, 1971; Он же. Фараби — крупнейший мыслитель средневековья. Ташкент, 1973; Он же. Фараби. Эпоха и учение. Ташкент, 1975; Он же. Абу Наср аль-Фараби. М., 1982; Очерки истории прогрессивной общественно-философской мысли зарубежного Востока. Ташкент, 1971; Шаисламов Ш. Стихотворное произведение Ибн Сины по медицине «Уржуза». Ташкент, 1972. На узб. яз.; Переписка Бируни и Ибн Сины. Ташкент, 1972; Вабаев Дж. М. Основные этапы борьбы идеализма и материализма. Ташкент, 1972. На узб. яз.; Бируни и гуманитарные науки. Ташкент, 1972; Шарипов А. Великий мыслитель Абу Райхан Бируни. Ташкент, 1972; Бируни. Сборник статей к 1000-летию со дня рождения. Ташкент, 1973; Ирисов А. Повесть «Саламан и Ибсал» Абу Али Ибн Сины. Ташкент, 1973. На узб. яз.; Захидов В. Ю. Три титана. Ташкент, 1973; Он же. Огни истории. Ташкент, 1974; Абу Райхан Бируни. Фармакогнозия в медицине. Ташкент, 1973; Клинические записки Абу Вакра Рази и его ученика. Ташкент, 1974. На узб. яз.; Файзуллаев А. Проблемы противоречия в трудах классиков естествознания и философии Средней Азии. Ташкент, 1974; Джумабаев Ю. П., Мамедов М. Этическая мысль в Средней Азии в IX—XV вв. М., 1974; Фараби. Трактаты. Ташкент, 1975. На узб. яз.; Материалы по истории прогрессивной общественной философской в Узбекистане. Ташкент, 1975; Джумабаев Ю. Из истории этической мысли в Средней Азии. Ташкент, 1975; Худайбергенов К. Общественно-политические мысли и философские взгляды каракалпакских мыслителей XIX и начала XX в. Нукус, 1975; Очерки по истории общественно-философской мысли в Узбекистане. Ташкент, 1977; Ирисов А. Абу Али Ибн Сина. Ташкент, 1980; Ибн Сина и естественные науки. Ташкент, 1981.

основе широкого привлечения материалов, показывающих огромные достижения народов этого региона в области развития экономики и культуры в годы Советской власти¹⁹.

Развитие философских исследований в 80-е годы характеризуется дальнейшим развертыванием и дифференциацией тематики, расширением подготовки высококвалифицированных кадров, углублением наметившихся в предыдущие годы основных направлений научно-исследовательских работ.

Значительное расширение, например, наблюдается в эти годы в изучении различных аспектов материалистической диалектики и теории познания на базе обобщения достижений естественных и технических наук, в разработке философских проблем естествознания. В этот период появляются работы А. Файзуллаева, Ж. Туленова, В. Никитченко, М. Хасанова, М. Абдуллаевой, Г. Расулевой, Р. Имамалиевой, А. Файзиева и др., посвященные роли отдельных философских категорий в изучении различных форм движения и осуществления конкретных естественнонаучных исследований, взаимодействия научных дисциплин и т. д. Публикация совместных коллективных исследований ученых республики со специалистами Института философии АН СССР свидетельствует об улучшении координации в этом направлении²⁰.

Разработка проблем исторического материализма, социологии, культуры и научного атеизма в 80-е годы также приобрела более конкретный характер. В частности, появились коллективные и индивидуальные исследования по проблемам научно-технического прогресса, изменения социальной структуры общественной жизни, об особенностях некапиталистического развития (М. Ахмедовой, В. И. Чамкина, В. Кандинова, Т. Д. Сааковой и др.).

Значительное внимание стало уделяться проблемам изучения

¹⁹ См.: Хидоятов Г. Ленинская национальная программа и современная идеологическая борьба. Ташкент, 1972; Он же. Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм. Ташкент, 1978; Аминова А. Аграрная политика Советской власти в Узбекистане и ее фальсификаторы. Ташкент, 1972; Иноятов Х. Ш. Ленинская национальная политика в действии. Ташкент, 1973; Величие советского строя и бессилие его фальсификаторов. Ташкент, 1975; Национальный вопрос и современная идеологическая борьба. Ташкент, 1977; Ниязов П. М. Идеал равенства. Современные буржуазные концепции и реальность. Ташкент, 1977; Инамджанова Г. Национальная государственность Узбекистана и ее фальсификаторы. Ташкент, 1977.

²⁰ Абдуллаева М. Адекватность отражения на эмпирическом уровне. Ташкент, 1982; Туленов Ж. Диалектика и стиль научного мышления. Ташкент, 1983; Он же. Проблема глубины категорий в марксистской диалектике. Ташкент, 1981; Теория отражения и современная наука. Ташкент, 1983; Материалистическая диалектика. Законы и категории. Ташкент, 1982; Расулова Д. Диалектика соотношения биологических и химических форм движения. Ташкент, 1984; Имамалиева Р. Природа связи и формы ее проявления. Ташкент, 1985; Файзиев А. Комплексный подход в научном познании. Ташкент, 1985; Методология и методы научного познания. Ташкент, 1986; Эшметов Н. Х. Диалектика возмимовления и развития междисциплинарных наук. Ташкент, 1986; Соотношение устойчивости и изменчивости, Ташкент, 1987,

основной тенденции развития национальных культур народов СССР, росту их взаимовлияния и взаимообогащения в процессе интернационализации общественной жизни и дальнейшего совершенствования национальных отношений (С. Шермухамедов, Г. Шерматова, Э. Юсупов, К. Ханазаров и др.)²¹.

Вопросы формирования личности в современных условиях, ее воспитания и всестороннего развития и в связи с этим совершенствования различных форм идейно-воспитательной работы: нравственной, эстетической, атеистической и т. д.— также стали более обстоятельно изучаться философами и социологами республики (Х. А. Шайхова, Р. Рахманов, М. Узбяков, И. Джаббаров, М. Усманов и др.).

Продолжалось также и изучение философского наследия и истории научной мысли народов Средней Азии на основе имеющихся в фондах АН УзССР средневековых рукописей, были осуществлены новые переводы с восточных языков на русский и узбекский языки, опубликованы новые исследования, сборники.

В этом отношении необходимо отметить празднование по решению ЮНЕСКО и АН СССР 1200-летнего юбилея крупнейшего ученого и мыслителя средневекового Востока, уроженца Средней Азии Мухаммада ал-Хорезми, с именем которого связано возникновение алгебры и понятия алгоритма. В связи с этим событием был издан ряд трудов Хорезми в переводе с арабского, проведены конференции, опубликованы исследования.

В 80-е годы, кроме того, появились исследования, посвященные взаимовлиянию и развитию философской и научной мысли, культуры Средней Азии, стран Ближнего Востока, Индии и Западной Европы, изучению наследия отдельных ее представителей²².

²¹ Юсупов Э. Становление и развитие великого братства народов СССР. Ташкент, 1982; Юсупов Э., Махмудов Т. До вершин духовного прогресса. Киев, 1984; Шермухамедов С. Русский язык — великое и могучее средство общения советского народа. Ташкент, 1980; Ханазаров К. Решение национально-языковой проблемы в СССР. М., 1982; Рахманов Р. Интернационализм социалистического типа личности. Ташкент, 1982; Кандинов В. Человек и качество труда. Ташкент, 1982; Культура и нравственное совершенствование личности. Ташкент, 1984; Чамжин А. С. Социальное управление комплексным освоением земель Средней Азии. Ташкент, 1985; Узбяков М. З. Строительство социализма и личность. Ташкент, 1986; Шерматова Г. Взаимодействие национальных культур и духовное формирование личности. Ташкент, 1986; Усманов М. Культура и нравственность. Ташкент, 1986. На узб. яз.; Акмурадов Т. Формирование научно-материалистического мировоззрения трудящихся. Ташкент, 1986; Саакова Т. Д. Социальная структура сельского населения Узбекистана. Ташкент, 1986.

²² Мухаммад ал-Хорезми. Математические трактаты. Ташкент, 1983; Он же. Избр. произведения. Ташкент, 1983. На узб. яз.; Булгаков П. Г., Розенфельд В. А., Ахмедов А. Ал-Хорезми. М., 1983; Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми. М., 1983; Джумабаев Ю. Из истории развития этической мысли в Узбекистане. Ташкент, 1982; Великий ученый средневековья ал-Хорезми. Ташкент, 1985; Хайруллаев М. М. Ал-Хорезми и его научное наследие. М., 1983; Он же. Культурное наследие и история философской мысли. Ташкент, 1985; Из истории культурных связей народов Средней Азии и Индии. Ташкент, 1985; и др.

В настоящее время, на новом этапе развития общества, философская наука в Узбекистане, как и в других союзных республиках, достигла определенных успехов и в отдельных отраслях заняла видное место во всесоюзных исследованиях. Она ныне играет важную роль в идейном воспитании трудящихся, молодежи республики, оказывает методологическое влияние на развитие всех общественных дисциплин.

2

Казахская ССР

В марте 1918 г. Советская власть была установлена на большей части территории Казахстана. В трудной борьбе с внешней и внутренней контрреволюцией, в борьбе за искоренение феодальных отношений и пережитков началось строительство социализма. Видные партийные деятели Казахстана — А. Т. Джангильдин, С. М. Цвиллинг, П. А. Кобзев — много сделали для укрепления партийных организаций Казахстана, проводя линию партии на упрочение Советской власти в Казахстане.

В первое пятилетие после Октября Казахстан представлял собой край, где еще не до конца были ликвидированы последствия колонизаторской политики царизма. Байство и кулачество, а вместе с ними и недобитые остатки белогвардейцев и белоказачков, буржуазно-националистические элементы пытались, используя отсталость масс, экономическую зависимость бедноты, помешать социалистическому строительству. Особенно усердствовала буржуазно-националистическая партия «Алаш» и ее лидер А. Букейханов. Вопреки проискам националистов в Казахстане в короткий срок «были созданы самостоятельные большевистские организации в Перовске, Казалинске, Черняеве, Усть-Каменогорске»²³.

ЦК РКП(б) постоянно заботился о формировании и укреплении большевистских организаций в крае и способствовал росту их политического влияния. С этой целью был проведен ряд мероприятий, в числе которых — направление на работу в Казахстан опытных большевиков из числа питерских рабочих, обеспечение партийной литературой и т. д. Периодическая печать и кружки партучебы помогали многим рабочим верно ориентироваться в сложившейся обстановке, занять правильную позицию. Передовая часть коммунистов пропагандировала труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина среди рабочих и служащих, которые еще не могли самостоятельно освоить их. Распространяя и разъясняя идеи марксизма-ленинизма, коммунисты Казахстана утверждали марксистско-ленинскую идеологию и боролись с националистической идеологией алашординцев.

²³ Очерки истории Компартии Казахстана. Алма-Ата, 1963. С. 94.

С утверждением в большинстве районов Казахстана Советской власти Казахстан приступает к строительству социализма. К концу послеоктябрьского пятилетия в Казахстане были созданы руководящие органы партии: облбюро РКП(б), Киробком РКП(б). Партийные и государственные органы укреплялись на местах, создавались и развивалась местная большевистская печать. Уже к маю 1918 г. издавалось восемнадцать газет: «Актюбинский вестник», «Вольное слово» (Кустанай), «Объединение» (Павлодар), «Голос Алтая» (Усть-Каменогорск), «Заря свободы» (Верный) и др. В Оренбурге начали выходить газеты «Казах муны» и «Известия Тургайского областного комиссариата».

После победы Октябрьской революции в нашей стране для повсеместного утверждения марксистско-ленинского мировоззрения как формы сознания, формы становления новой коммунистической личности открылись широчайшие возможности, все более возрастающие в ходе развертывания процессов экономического и социального строительства. Задача пропаганды и утверждения идей марксизма-ленинизма, идей диалектического и исторического материализма среди всех членов общества не могла быть выполнена без творческой разработки философии марксизма-ленинизма, без обобщения данных науки и практики, без принципиальной и конструктивной критики различных идеалистических течений. Единство пропаганды и научного исследования вытекает из самого партийно-классового, демократического духа философии марксизма-ленинизма, из ее действительного характера, выраженного Марксом: «Философы лишь различным образом объясняли мир, дело же состоит в том, чтобы его изменить».

Все стороны общественной жизни, включая экономику, культуру, язык, науку, искусство, быт и т. д., любой нации и народности, входящей в СССР, могут быть правильно осмыслены лишь при учете того глобального характера, который имеет интегративный социальный процесс становления, формирования и развития советского народа как новой исторической общности людей. При всей неодинаковости форм проявления и темпов этого фундаментального процесса отрицать его определяющую роль — значит лишать себя возможности понять развитие всех общественных явлений, в том числе и философии, как формы общественного развития. Становление философской науки в Казахстане в этой связи должно быть понято как составной элемент политического, экономического и культурного развития казахского народа, достигнутого в результате проведения в жизнь ленинской национальной политики.

Предпосылки для утверждения марксистской философии, появления и роста кадров философов в Казахстане были созданы в 20—40-е годы благодаря преобразованиям, проведенным под руководством Коммунистической партии и при всесторонней поддержке русского рабочего класса в развертывании культурной

революции, включившей в себя ликвидацию элементарной неграмотности, формирование собственной национальной интеллигенции, перевод трудов классиков марксизма на казахский язык. Волновали в то время умы исследователей теоретические проблемы как общего, так и специального характера, касавшиеся путей социалистического строительства, возможности победы социализма, некапиталистического пути развития, формирования новой морали и нового человека и т. д., явились предметом идеологической борьбы в Казахстане. Извращая подлинную картину патриархально-родовых отношений, А. Букейханов писал в духе теории «единого потока»: «В быту казахского народа и сейчас есть родовой коммунизм. Казахский бай заботится о бедняке, помогает ему. Так что казахский народ в коммунизм придет раньше и легче остальных культурных народов». На таком «благовидном основании» буржуазные националисты строили свою политику, направленную прежде всего против укрепления дружбы народов, против благотворного революционизирующего социального влияния русского рабочего класса, а значит, и против революционных социально-экономических преобразований, служащих развитию социалистических общественных отношений. Вопреки фактам отвергалось прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Распространялась теория о якобы неспособности казахов к культурному творчеству. Даже в 30-е годы, когда Казахстан уже уверенно шагал по пути гигантских социальных перемен, находились некоторые буржуазные «ученые», считавшие, будто вся история казахского народа представляет собой образец пассивного приспособления к географической среде, будто казахи неспособны к самостоятельному развитию без инокультурного влияния.

В ходе социалистического развития Коммунистическая партийная организация Казахстана разоблачила и осудила эти и подобные им измышления буржуазных шовинистов и националистов.

Партийная организация республики проводила большую работу по пропаганде марксистско-ленинской идеологии в широких массах трудящихся, творчески сочетая общее учение марксизма-ленинизма о закономерностях перехода от капитализма к социализму с ленинской идеей о возможности некапиталистического развития отдельных стран и народов.

В 30-е годы заметную роль в пропаганде и развитии марксистско-ленинской теории и философии в республике играл Казахский научно-исследовательский институт марксизма-ленинизма (КНИИМЛ), который был создан в 1931 г. как филиал Института марксизма-ленинизма ЦК ВКП(б). Совместно с другими организациями, созданными на общественных началах (Общество марксистов-ленинцев, Ассоциация естествоиспытателей, Общество воинствующих материалистов-диалектиков и др.),

этот институт обобщал практику социалистического строительства, освещал проблемы своеобразия социалистической революции в условиях некапиталистического развития ранее отсталого народа. В научно-исследовательской работе активное участие принимали выпускники Института красной профессуры М. Тулепов, И. Исаков, И. Кабулов, А. Лекеров, З. А. Поряднин и другие.

Особое внимание уделялось переводу на казахский язык трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и пропаганде их среди широких слоев населения. Благодаря активной переводческой деятельности М. Джолдыбаева, М. Жангалина, С. Муқанова, Г. Муратбаева, Ж. Арыстанова, А. Лекерова только с 1921 по 1930 г. на казахском языке вышло 31 произведение В. И. Ленина тиражом в 141 500 экземпляров²⁴. Были переведены и изданы «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Развитие социализма от утопии к науке» Ф. Энгельса и ряд других работ. В целом к середине 30-х годов на казахском и уйгурском языках было издано около двух миллионов экземпляров литературы по актуальным вопросам марксистской теории. Все это способствовало формированию казахской философской терминологии, развитию казахской общественно-политической и философской мысли на базе идей марксизма-ленинизма.

В годы Великой Отечественной войны философы республики, как и все работники идеологического фронта, выступали пропагандистами идей дружбы народов, освободительных патриотических традиций как казахского народа, так и других народов Советского Союза в свете ленинского теоретического наследия о защите отечества, защите социалистических завоеваний²⁵. Беспощадно разоблачались фашистская идеология расизма, геополитика и биосоциологизаторские теории²⁶.

В 1946 г. по инициативе Совнаркома КазССР и Президиума Академии наук СССР в республике была создана Академия наук, в высших учебных заведениях организованы кафедры философии, что способствовало значительному росту национальных научных кадров. Философы Казахстана в эти годы выступают с крупными работами по проблемам закономерности социалистического строительства в Казахстане, критикуют пережитки реакционной идеологии, в частности в оценке истории национально-освободительных движений, истории казахской литературы, приступают к исследованиям прогрессивных общественно-философских традиций казахского народа.

Огромное значение в идейном воспитании работников теоретического фронта, местных национальных кадров, деятелей науки и культуры, рабочих, служащих, колхозников имел выпуск

²⁴ См.: Издание и распространение произведений В. И. Ленина. М., 1960, с. 186.

²⁵ См.: Большевик Казахстана. 1941. № 2, 8; 1942. № 9.

²⁶ См.: Там же. 1942. № 8, 9, 10.

в 1947—1965 гг. 4-го издания Сочинений В. И. Ленина на казахском языке. В 1973—1983 гг. был осуществлен перевод на язык коренной национальности Полного собрания сочинений В. И. Ленина. 1-й том «Капитала» К. Маркса вышел в свет на казахском языке в 1963 г. В 1955—1956 гг. на казахском языке были изданы «Избранные произведения» К. Маркса и Ф. Энгельса в двух томах, в 1976—1981 гг. они были расширены, дополнены и изданы в виде трехтомника. В них вошли такие труды, как «Тезисы о Фейербахе», «Развитие социализма от утопии к науке», «Гражданская война во Франции», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», ряд других произведений и письма.

Серьезные успехи в деле изучения и пропаганды марксистской философии и формирования кадров, обладающих высокой философской культурой, связаны с созданием философского факультета в Казахском государственном университете им. С. М. Кирова (1949 г.) и Института философии и права в системе Академии наук Казахской ССР (до 1958 г. существовал как сектор). В создании предпосылок для такого качественного изменения сыграли определяющую роль профессор В. И. Тимоско, первые кандидаты философских наук в республике И. П. Дардыкин, Н. Д. Джандильдин, Б. А. Амантаев, П. В. Пресняков и др. Все эти успехи были связаны с помощью центральных философских учреждений, особенно Института философии АН СССР и философского факультета МГУ.

Внимание ученых института и философов республики направляется как на решение общих проблем философии, так и на социально-философские проблемы, связанные со спецификой республики. Важным направлением исследований является изучение комплекса вопросов, связанных с переходом общества к социализму, *минуя капитализм*. Теоретически осмысливаются ленинские идеи о возможности такого перехода, подчеркивается принцип целостности всех сторон общественной жизни на основе примата материального производства, активной роли человеческой деятельности в процессе создания новых социальных отношений. Теоретические построения подкрепляются конкретным эмпирическим материалом. Круг исследования охватывает закономерности протекания, преобразования производственных отношений, культурной революции, формирования нового сознания, развития языка²⁷. Важное теоретическое и практическое значе-

²⁷ См.: *Кшибеков Д. К.* О закономерностях замены докапиталистических производственных отношений социалистическими. Алма-Ата, 1963; *Джандильдин Н.* Коммунизм и развитие национальных отношений. М., 1964; *Сарсенбаев Н.* Обычай и традиции в развитии. Алма-Ата, 1965; *Сужков М.* Социально-экономические проблемы национальной консолидации. Алма-Ата, 1968; *Амантаев Б. А.* Социализм и коренное преобразование социальной природы казахского крестьянства. Алма-Ата, 1969; *Сарсенбаев Т. С.* Социализм и свобода личности. Алма-Ата, 1969.

ние в плане изучения проблем социального прогресса имел международный симпозиум «Ленинское учение о национально-освободительных революциях и современный этап социального прогресса развивающихся стран», состоявшийся в Алма-Ате в 1969 г.

В проблемном поле *исторического материализма* получает глубокое освещение проблема общих закономерностей развития буржуазного государства при империализме и путях его революционного разрушения²⁸, исследуются содержание понятий «политическая организация общества», «политическая система социализма», рассматривается структура и основные закономерности функционирования политической системы социализма²⁹.

Специальные монографии посвящены проблеме диктатуры пролетариата, выяснению сущности общественного прогресса при социализме, вопросам развития мирового революционного процесса³⁰.

С конца 50-х годов начались интенсивные исследования в области *материалистической диалектики*. С самого начала казахстанские философы, работающие в области материалистической диалектики и диалектической логики, опираются на ленинскую идею о необходимости систематической разработки диалектико-материалистической логики. Философы республики рассматривают ленинский принцип совпадения диалектики, логики и теории познания не только в качестве основного теоретического тезиса, определяющего взаимоотношения дисциплин внутри философской науки, но и в качестве логического и методологического принципа построения и развития современного научно-теоретического знания в любой из его областей. Философы республики приняли активное участие в дискуссии относительно тезиса о совпадении диалектики, логики и теории познания³¹, занялись исследованием фундаментальной проблемы, касающейся самой структуры диалектики как философской науки³². Авторы анализируют проблемы логики и диалектики познания, раскрывают общественную обусловленность познавательного процесса, активность чувственного и рационального познания. В ходе анализа этих проблем ставится вопрос о соотношении диалектической и формальной логики, диалектико-материалистическая концепция

²⁸ Славин Д. М. Империалистическое государство и революционный процесс. Алма-Ата, 1967.

²⁹ Рахметов К. К. В. И. Ленин о сущности общественного прогресса в условиях социализма. Алма-Ата, 1970; 2-е изд. 1973; Славин Д. М. Политическая система социализма и советский образ жизни. Алма-Ата, 1977; и др.

³⁰ Жангельдин Т. Диктатура пролетариата и становление социалистических общественных отношений. Алма-Ата, 1973.

³¹ Касымжанов А. Х. Проблема совпадения диалектики, логики и теории познания. Алма-Ата, 1963.

³² Абдыльдин Ж., Касымжанов А., Науменко Л. и др. Проблемы логики и диалектики познания. Алма-Ата, 1963.

логики противопоставляется современным буржуазным философско-логическим концепциям. Эти исследования, встретившие положительный отклик философской общественности, сыграли впоследствии важную роль. В них были отмечены основные идеи, развитие которых стало задачей дальнейших исследований.

Ведутся исследования в других областях теории познания, анализируются законы и категории диалектики³³.

Развертываются исследования в области *методологических проблем естественных наук*³⁴. Сущность революции в современной математике, связанной с качественным изменением предмета ее исследования и растущей математизацией знания, единство предмета и метода математической науки, выявление общих и специфических закономерностей развития математического познания, форм взаимовлияния и взаимодействия математики и диалектики, роль и функции математики в научном познании, принцип единства и принцип развития в истории геологии, соотношение диалектических и статических законов в квантовой механике, целостность предмета физической географии — все эти проблемы анализируются в работах казахских исследователей.

В сферу их интересов входят и различные факторы, участвующие в процессе познания³⁵.

Анализируются закономерности формирования, построения и функционирования научного знания с позиции диалектики, понятой как логика и теория познания³⁶, раскрывается диалектика субъекта и объекта в сфере практической и научно-познавательной деятельности человека³⁷.

Одним из направлений исследований философов республики является изучение ленинского этапа развития марксистской философии. В частности, разделы, посвященные тем или иным аспектам «Философских тетрадей», нашли отражение в коллективных трудах (см.: Ленин как философ. М., 1970; История марксистской диалектики. Ленинский этап. М., 1973; Гегель в

³³ Туленов Ж. Закон как философская категория. Алма-Ата, 1959; Касымжанов А. Х. Законы и категории диалектики. Алма-Ата, 1966. На каз. яз.; Науменко Л. К. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата, 1968; Орынбеков М. С. Проблема субстанции в марксистской диалектике. Алма-Ата, 1975.

³⁴ Рахматуллин К. Х. Борьба мировоззрений в космологии. Алма-Ата, 1962; Нысанбаев А. Математика и познание мира. Алма-Ата, 1973. На каз. яз.; Он же. Марксистская диалектика и современная наука. Алма-Ата, 1978. На каз. яз.; Ивакин А. А. Становление конкретного историзма в геологии. Алма-Ата, 1974; Сабитов М. С. Диалектика необходимости и случайности в квантовой механике. Алма-Ата, 1973; Мухитанов Н. К. Проблема целостности в физической географии. Алма-Ата, 1974.

³⁵ Сайко В. С. Диалектика эмпирического и теоретического в историческом познании. Алма-Ата, 1975.

³⁶ Абдыльдин Ж., Нысанбаев А. Диалектико-логические принципы построения теории. Алма-Ата, 1973.

³⁷ Абишев К., Акмамбетов Г., Ротницкий В. И. Проблема субъекта и объекта в марксистской философии. Алма-Ата, 1975; Абдыльдин Ж. М., Балгимбаев А. С. Диалектика активности субъекта в научном познании. Алма-Ата, 1977.

философия в России. М., 1974), проблема разработки Лениным диалектического материализма после Октября освещена в «Истории философии СССР» (Т. 5, кв. 1. С. 111—136). На казахском языке в 1976 г. вышли книга «В. И. Ленин — великий мастер диалектики и революционный стратег», в 1986 г. — брошюра «Ленин — великий диалектик».

Предпринято интересное исследование идеи «круга кругов» в том смысле, в котором это намечено в «Философских тетрадах» В. И. Ленина. Суть идеи состоит в разработке диалектики как философской науки, которая строится и развивается как вывод, итог всей истории познания. Исходя из критики В. И. Лениным гегелевской концепции истории философии и набросанных им схем «кругов» в философии, авторы стремятся определить связь истории и логики познания³⁸.

Важным направлением работы философов республики является изучение истории общественно-философской мысли Казахстана. В трудах К. Б. Бейсембиева исследованы социально-политические и философские взгляды выдающихся казахских просветителей Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина, Абая Кунанбаева, Султанмахмута Торайгырова³⁹. «Очерки истории общественно-политической и философской мысли Казахстана» К. Бейсембиева (Алма-Ата, 1976) явились обобщающим исследованием, основанным на базе многочисленных и разнообразных источников. В нем последовательно излагается история казахской общественно-политической и философской мысли, анализируется ее идейное содержание, мировоззренческие особенности и социально-классовая природа существовавших в ней течений и направлений.

К воззрениям Чокана Валиханова, Абая Кунанбаева, Ибрая Алтынсарина обращались и другие историки культуры казахского народа⁴⁰.

В рамках общей проблематики изучения культурного прошлого народов Средней Азии и Казахстана особое значение имеет исследование идейного наследия аль-Фараби.

Большую активность проявили философы Казахстана в период подготовки к празднованию 1100-летия аль-Фараби. Подготовлены и изданы массовым тиражом на казахском и русском языках его труды: «Философские трактаты», «Социально-этиче-

³⁸ Касымжанов А. Х., Кельбуганов А. Ж., Сатыбалдина К. М. Круги в познании. Алма-Ата, 1977.

³⁹ Бейсембиев К. Б. История общественной мысли Казахстана второй половины 19-го века. Алма-Ата, 1957; *Он же*. Идеино-политические течения в Казахстане конца XIX — начала XX века. Алма-Ата, 1961.

⁴⁰ Сегишбаев О. А. Мировоззрение Ч. Валиханова. Алма-Ата, 1959; *Он же*. Традиции свободомыслия и атеизма в духовной культуре навахацкого народа. Алма-Ата, 1973; Габдуллин Б. Этические взгляды Абая. Алма-Ата, 1970; Уразбеков А. Этические воззрения Ибрая Алтынсарина, Алма-Ата, 1974; *Он же*. Этическая мысль в Казахстане. Алма-Ата, 1982.

ские трактаты», «Комментарии к „Алмагесту“ Птолемея», «Логические трактаты», сборник произведений о разуме и науке. Большая работа была проведена в плане философского и историко-научного осмысления творческого наследия аль-Фараби⁴¹. В сентябре 1975 г. в Алма-Ате состоялась Международная научная конференция «Аль-Фараби и развитие культуры и науки стран Востока», в которой приняли участие ученые Казахстана, Москвы, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении, ГДР, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Ирака, Кувейта, Судана, Ирана, Марокко.

В истории развития философско-общественной мысли казахского народа еще слабо изучены фигуры Махмуда Кашгари, Юсуфа Баласагуни, Исмаила аль-Жаухари, Исхака аль-Отрари, Кадыргали Жалаири, Жамала Туркестани.

Руководствуясь историческими решениями XXVII съезда КПСС, философы республики стремятся связать свои исследования с жизнью, глубже изучить проблемы научно-технической революции, разворачивают конкретно-социологические исследования.

Перед учеными Казахстана стоит важная задача: раскрыть ухищрения религиозных идеологов, которые пытаются удержать свои позиции, усилить свое влияние на население. При этом философы республики порой опираются на опыт прогрессивных мыслителей дореволюционного Казахстана⁴². Исследователи ислама своими работами ведут активную и непримиримую борьбу со всякими пережитками, мешающими трудовой и творческой активности советского человека⁴³.

Составной частью реализации ленинских идей о союзе философов-марксистов с естествоиспытателями является участие философов в методологических семинарах научных учреждений Академии наук Казахской ССР, отраслевых научно-исследовательских институтов и вузов в качестве консультантов, докладчиков, соавторов разработок по методологическим проблемам естествознания и обществоведения.

Работы казахстанских философов известны не только в стране, но и за пределами нашей Родины. Ж. М. Абдильдин и А. Н. Нысанбаев выступали с научными докладами на XVI Всемирном философском конгрессе в Дюссельдорфе (ФРГ).

⁴¹ Гафуров Б. Г., Касымжанов А. Х. Аль-Фараби в истории культуры. М., 1975; Сатыбекова С. Гуманизм аль-Фараби. Алма-Ата, 1975; Таукелев А., Сапаралиев Г. Государственно-правовые взгляды аль-Фараби. Алма-Ата, 1975; Иванов А. Учение аль-Фараби о познавательных способностях. Алма-Ата, 1977; Касымжанов А. Х. Аль-Фараби. М., 1982.

⁴² Бейсембиев К. Ислам и критика его мыслителями дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1962.

⁴³ Шүлембаев К. Кризис современного ислама. Алма-Ата, 1974. На каз. яз.; Дюсембин Ж. Религия и знание. Алма-Ата, 1976. На каз. яз.; Гымаутдинов М. Бог и антибог в исламе. Алма-Ата, 1976. На каз. яз.

А. Х. Касымжанов написал раздел в «Истории марксистской диалектики», изданной в Берлине (в 1976 г. на нем. яз.) и в Братиславе (в том же году на словац. яз.). Им же написана работа «Как читать и изучать „Философские тетради“ В. И. Ленина», изданная на финском языке (М., 1977).

Изучение условий сближения наций и укрепления дружбы между народами очень важно для многонационального Казахстана. Поэтому философы Казахстана активно изучают различные аспекты интернационализации общественной жизни, формирования личности⁴⁴, проблемы подвижности населения⁴⁵.

Большую роль в развитии философских исследований в республике играют такие теоретические издания, как «Известия Академии наук Казахской ССР» (серия «Общественные науки») и сборники «Философские науки», издающиеся в Казахском государственном университете им. С. М. Кирова.

Показателем определенного уровня развития философской мысли является участие философов республики во всех всесоюзных и международных симпозиумах, в частности на гегелевских конгрессах. Казахстанским философам был посвящен специальный номер журнала «Вопросы философии» (№ 8 за 1971 г.). Совершенствованию философского образования способствуют переводы на казахский язык массовой философской литературы. Расширилась подготовка философских кадров через аспирантуру. Философы активно работают в различных звеньях сети партийного просвещения. В ряде городов республики усилилась активность философских секций отделения общества «Знание». В вузах республики стали популярны и приобрели действительно массовый характер конкурсы студенческих работ по общественным наукам, в том числе и по философии. Большое значение в повышении философской культуры и улучшения состава кадров имеет деятельность философского отделения философско-экономического факультета Казахского государственного университета имени С. М. Кирова, где готовят также кадры философов для Кубы и Киргизии, Вьетнама, Афганистана, Лаоса.

К концу 70—80-х годов в развитии философской науки в республике обнаружилось элементы схоластичности, повторения известного, стремление дублировать общесоюзные разработки по материалистической диалектике. В качестве примера можно сослаться на книгу «Диалектическая логика» (Алма-Ата, 1986. Под ред. Ж. М. Абдильдина), где изложение ведется в рамках

⁴⁴ Сарсенбаев Т. Проблемы интернационального воспитания личности. Алма-Ата, 1973; Сабитов М. Интеллект, характер, мировоззрение. Алма-Ата, 1975. На каз. яз.

⁴⁵ Сужиков М., Демаков Г. Влияние подвижности населения на сближение наций. Алма-Ата, 1974; Татимов М. Развитие народонаселения и демографическая политика. Алма-Ата, 1978; Елипбаев Н., Рахметов К. Социализм и национальная психология. Алма-Ата, 1978. На каз. яз.

схемы, нашедшей выражение еще в статье А. М. Деборина «Гегель и диалектический материализм», написанной как предисловие к первому тому сочинений Гегеля на русском языке. Потерялось лицо самостоятельной собственной проблематики, в частности связанной со спецификой региона. Получили хождение завышенные идеологические оценки, оставались в тени острые вопросы развития межнациональных отношений, языковой политики, роста национального самосознания.

Развитие философской науки в Казахстане есть составная часть общего развития философской науки в СССР, так как все развитие Казахстана само по себе представляет лишь часть и проявление общего процесса формирования и развития Советского государства.

3

Киргизская ССР

Киргизский народ, как и остальные народы Средней Азии и Казахстана, в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в течение жизни одного поколения прошел огромный путь от средневековой отсталости к успехам новой социалистической культуры, что стало возможным в результате коренных преобразований в экономической, социально-политической и духовной жизни.

Стремительные темпы развития материальной и духовной жизни народа в условиях социализма способствовали быстрому прогрессу во всех областях культуры, в том числе и в области философии. Современная философская культура Киргизии является плодом братского сотрудничества представителей киргизского, русского и других народов нашей страны. Вместе с тем она базируется на произведениях народного творчества, которые содержат разнообразные элементы философской мысли. Развитие философской культуры в Киргизии является результатом освоения достижений и опыта мировой философской культуры, и прежде всего марксистско-ленинской философии.

В соответствии с основными этапами развития нашего общества в истории развития и становления марксистско-ленинской философии в Киргизии можно выделить три этапа.

Основной задачей первого этапа — перехода от капитализма к социализму — была пропаганда, популяризация марксистско-ленинского учения, в том числе и философии, в массах. На этом этапе необходимо было в первую очередь решить следующие задачи: а) ликвидации азбучной и политической неграмотности; б) всемерного развития культурно-просветительной работы; в) создания национальной печати; г) создания и развития научных учреждений; д) организации средних и высших учебных заведений.

Советская печать была и остается одним из действенных средств пропаганды марксистско-ленинских идей. 7 ноября 1924 г. вышел в свет первый номер первой национальной газеты «Эркин Тоо». Этот день вошел в историю киргизского народа как начало письменной литературы. Этот день можно также считать началом печатной формы пропаганды марксистско-ленинских идей в Киргизии на языке коренного населения. Подавляющая часть материалов газеты посвящалась актуальным вопросам социалистического строительства, культурной революции, осуществления ленинской национальной программы партии.

Значительную роль в пропаганде идей марксизма-ленинизма играла газета «Батрацкая правда» (основана в марте 1925 г.), выходящая на русском языке. (С 24 июня 1925 г. газета выходит под новым названием — «Крестьянский путь», а с 9 января 1927 г. — «Советская Киргизия».) На страницах этой газеты постоянно печатались статьи, посвященные отдельным вопросам марксистско-ленинской теории. Так, например, в газете за 1926 г. опубликовано более 46 статей и передовиц, в которых анализировались актуальные положения марксистско-ленинской теории.

Большую работу по пропаганде идей марксизма-ленинизма в Киргизии выполнял журнал «Коммунист», первый номер которого вышел 7 ноября 1926 г. С первых дней его выхода наряду с освещением отдельных вопросов марксистско-ленинской теории в нем постоянно публиковались переведенные с русского на киргизский язык произведения основоположников марксизма-ленинизма. Так, уже в первом номере был напечатан отрывок из книги В. И. Ленина «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме».

В 20—30-х годах большое значение имел перевод на киргизский язык не только произведений классиков марксизма-ленинизма, но и статей философов Москвы, Ленинграда и других городов страны, где имелись наиболее подготовленные кадры. В этом проявлении одна из своеобразных черт пропаганды марксистско-ленинской философии в Киргизии, осуществлявшейся при непосредственной помощи Центрального Комитета партии и Советского правительства, при помощи представителей братских народов. Так, на страницах журнала «Коммунист» за 1939 г. были напечатаны статьи Г. Гака «О работе В. И. Ленина „Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?“», Л. Ильичева «О роли личности в истории», М. Розенталя «Материализм и идеализм», А. Щеглова «Материалистическая диалектика — душа марксизма» и др.

Представители местной интеллигенции начинают выступать в печати со своими первыми статьями пропагандистского характера по вопросам марксистско-ленинской теории. Например, в статье К. Каракеева, озаглавленной «Об улучшении антирелигиозной пропаганды» рассматривалось состояние антирелигиозной пропаганды в Киргизии, показывалось, какой вред при-

носит религия коммунистическому воспитанию трудящихся⁴⁶. Благодаря заботливому партийному руководству киргизская национальная печать крепла год от года. В 1926 г. было создано Киргизское государственное издательство. Были переведены труды классиков марксизма-ленинизма «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, произведения В. И. Ленина «Что делать?», «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» и другие произведения. К 1937 г. к печати было подготовлено более 20 произведений В. И. Ленина⁴⁷.

Подготовка пропагандистов и агитаторов была одной из главных задач. Пропагандисты готовились на различных краткосрочных курсах, в совпартшколах, политкружках и т. д. В распространении идей марксизма-ленинизма в республике большую роль играли дома партийного просвещения, партийные кабинеты, библиотеки. Распространение идей марксизма-ленинизма в Киргизии было также тесно связано с созданием сети средних, средних специальных и высших учебных заведений. Особенно важное значение для усвоения философских знаний имело создание высших учебных заведений: открытие в 1932 г. Киргизского государственного педагогического института, преобразованного в 1951 г. в Киргизский государственный университет; в 1933 г. — Киргизского сельскохозяйственного института; в 1939 г. — Киргизского государственного медицинского института. С организацией высших учебных заведений создаются кафедры марксизма-ленинизма. В их составе трудились преподаватели марксистско-ленинской философии, которые сыграли большую роль в пропаганде и популяризации философских знаний не только среди студенчества, но и среди трудящихся масс.

В конце 30-х и в начале 40-х годов большую практическую работу по пропаганде и популяризации философских знаний в республике проделали партийные работники и преподаватели вузов И. В. Олейник, Н. А. Борткевич, Э. Я. Баузе, В. В. Макеев, К. П. Ярошевский и др.

Философы, работавшие в вузах республики, активно выступали на страницах республиканских газет и журналов. Были опубликованы статьи «Материализм и идеализм»⁴⁸, «Гегель»⁴⁹, «Л. Фейербах»⁵⁰, «Что такое монизм?», «О работе В. И. Ленина „Материализм и эмпириокритицизм“», «Утописты-социалисты, их заслуги и ошибки»⁵¹ и др. Несмотря на отдельные недостатки, статьи, опубликованные в тот период на страницах республи-

⁴⁶ См.: Коммунист. 1939. № 10.

⁴⁷ См.: Сов. Киргизия. 1963. 8 авг.

⁴⁸ См.: Кызыл Кыргызстан. 1939. 10—11 дек.

⁴⁹ См.: Сов. Киргизия. 1939. 5 апр.

⁵⁰ См.: Там же. 8 апр.

⁵¹ См.: Там же. 3 янв.

канских газет и журналов, сыграли большую роль в пропаганде философских знаний среди трудящихся.

Второй этап развития философии — это этап глубокого освоения содержания марксистско-ленинской философии как составной части марксистско-ленинского учения, дальнейшее усиление пропаганды, популяризации марксистской теории в массах, защита ее от нападок буржуазной идеологии, борьба против пережитков прошлого в сознании людей, защита ленинских принципов подхода к оценке культурного наследия, исследование различных аспектов национального вопроса, проблем некапиталистического развития, путей формирования социалистической культуры и т. д.

В грозные годы войны пропагандисты, агитаторы в своих выступлениях в печати и среди трудящихся разоблачали человеконенавистническую, реакционную сущность фашистской идеологии. Большую помощь в этот период развитию местных научных и вузовских организаций, усилению идейно-теоретического уровня пропаганды политических и научных знаний оказали работники вузов и научных учреждений, эвакуированных в республику из центральных и западных районов. В годы войны в Киргизии находились пять научно-исследовательских институтов, в составе которых насчитывалось 235 сотрудников, в том числе два академика и четыре члена-корреспондента Академии наук СССР.

13 августа 1943 г. был открыт Киргизский филиал АН СССР. Первым председателем филиала был академик К. М. Скрябин. В эти годы были проведены (членами-корреспондентами АН СССР С. Е. Маловым, В. М. Жирмунским, профессором А. Н. Бернштамом) работы по изучению экономики и культуры киргизского народа, сыгравшие большую роль в определении основных направлений развития науки и культуры республики.

В послевоенные годы в Киргизии развертываются исследования по всем основным отраслям науки, в том числе и в области философии. Одной из главных задач этого периода стала подготовка теоретических кадров высшей квалификации. В осуществлении этой задачи оказали большую помощь Высшая партийная школа и Академия общественных наук при ЦК КПСС, Институт философии АН СССР, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, подготовившие для Киргизии первых ученых-философов. В ряды философских теоретических кадров в республике первыми вошли М. С. Джунусов, А. А. Алтмышбаев, А. А. Салиев, А. И. Нарынбаев, М. Сейдиматов, В. Я. Гречко, Т. Абдылдаев, К. Молдобаев, А. А. Брудный и др.⁵²

⁵² См.: Джунусов М. С. К вопросу о формировании национальной по форме, социалистической по содержанию культуры. М., 1947; Алтмышбаев А. А. Социологические взгляды Н. Г. Чернышевского. М., 1948.

Благодаря их усилиям были заложены основы научных исследований в области марксистско-ленинской философии, которые способствовали формированию «собственного лица» философской школы в республике.

В послевоенный период философы республики в первую очередь начали активную разработку проблем *истории общественно-политической и философской мысли киргизского народа*⁵³. В этой связи особо важное значение приобрели вопросы защиты ленинских принципов оценки культурного наследия народа. Философы-марксисты подвергли острой критике некоторые ошибочные представления, выдвигавшиеся в работах отдельных исследователей по вопросам культуры киргизов. Суть этих ошибочных представлений заключалась, с одной стороны, в идеализации дореволюционной культуры, а с другой — в нигилистическом отношении к прошлой культуре киргизского народа⁵⁴.

VI съезд КП(б) Киргизии обязал «устранить ошибки и извращения, допущенные в отдельных научных работах»⁵⁵. Целевая направленная работа по устранению отмеченных недостатков и одновременная ориентация на активизацию исследований по проблемам истории общественно-политической мысли киргизского народа, вопросам культурного наследия, не только способствовало созданию обобщающих работ в указанных направлениях, но и оказало существенное влияние на расширение исследований по проблемам борьбы с пережитками прошлого в сознании, проявлениями националистической идеологии и религиозных предрассудков⁵⁶.

Интенсивность разработки национального вопроса объясняется тем, что в эти годы возникла острая необходимость в обобщении исторического опыта решения национального вопроса в нашей стране, в частности в Киргизии. Кроме того, это объясняется и необходимостью освещения проблем формирования киргизской социалистической нации⁵⁷. Исследования различных аспектов национального вопроса способствовали созданию кол-

⁵³ См.: Алтмышбаев А., Джунусов М., Давлеткельдиев А. Передовая общественно-политическая и философская мысль киргизского народа в XIX веке // Коммунист. Фрунзе, 1951. № 5.

⁵⁴ См.: Коммунистическая партия Киргизии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов обкома и ЦК. Фрунзе, 1968. Ч. II. С. 612.

⁵⁵ См.: Там же. С. 613.

⁵⁶ См.: Алтмышбаев А. А., Давлеткельдиев А. Д., Джунусов М. С. Общественно-политическая и философская мысль в Киргизии // Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР. М., 1956. Т. II. С. 818—825; Алтмышбаев А. Из истории развития общественно-политической и философской мысли киргизского народа в конце XIX и начале XX веков // Изв. АН КиргССР. 1957. Вып. IV; Он же. Некоторые пережитки прошлого в сознании людей в Средней Азии и роль социалистической культуры в борьбе с ними. Фрунзе, 1958.

⁵⁷ См.: Салиев А. Перспективы философских исследований // Сов. Киргизия, 1969. 22 нояб.

лективного труда, посвященного консолидации и развитию киргизской социалистической нации⁵⁸.

В 50-е годы разворачивается активная деятельность по исследованию проблем перехода ранее отсталых народов к социализму, минуя капитализм, в частности, изучение вопросов некапиталистического пути развития киргизского народа к социализму. Эта проблема начала разрабатываться в трудах М. С. Джунусова⁵⁹, А. А. Алтымышбаева⁶⁰ и в работах их последователей в последующие годы. «Накопленный к середине 50-х годов материал,— отмечал К. К. Каракеев,— позволил начать фронтальный анализ с точки зрения осуществления закономерностей перехода киргизского народа к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Работы М. С. Джунусова, А. А. Алтымышбаева не только утвердили эту проблему в историографии Киргизии, но и значительно продвинули ее изучение»⁶¹.

Во второй половине 50-х годов получают разработку отдельные проблемы диалектического и исторического материализма⁶².

В рассматриваемый период философы республики принимают активное участие в дальнейшей пропаганде и популяризации философских знаний, выступая с лекциями и докладами, помещая многочисленные статьи, посвященные различным вопросам истории, философии, диалектического и исторического материализма на страницах республиканских газет и журналов.

В конце 50-х годов были достигнуты большие успехи в издании на киргизском языке трудов классиков марксизма-ленинизма. К 90-летию В. И. Ленина были переведены на киргизский язык 37 томов его сочинений по четвертому изданию, а также двухтомник трудов К. Маркса и Ф. Энгельса⁶³. Такие основные

⁵⁸ См.: *Формирование и развитие киргизской социалистической нации*. Фрунзе, 1957.

⁵⁹ См.: *Джунусов М. С.* О некапиталистическом пути развития киргизского народа к социализму. Фрунзе, 1958; *Он же*. Об историческом опыте строительства социализма в ранее отсталых странах. М., 1958; см. также коллективные труды: О закономерностях перехода народов ранее отсталых стран к социализму. Алма-Ата, 1961; *Минуя капитализм: (О переходе к социализму республик Средней Азии и Казахстана)*. М., 1961; и др.

⁶⁰ См.: *Алтымышбаев А.* О некоторых особенностях формы перехода народов Средней Азии к социализму. Фрунзе, 1959; *Он же*. К истории формирования и развития марксистско-ленинского учения о некапиталистическом развитии отсталых народов в эпоху империализма и пролетарской революции // *Тр. Ин-та истории АН КиргССР*. Фрунзе, 1958. Вып. IV; *Он же*. Некоторые особенности формирования и развития социалистической культуры народов Советского Востока. Фрунзе, 1958; и др.

⁶¹ *Каракеев К.* Великий Октябрь и наука Киргизстана. Фрунзе, 1977. С. 148.

⁶² См.: *Давлеткельдиев А.* Развитие учения о социалистическом государстве XX съездом КПСС // *Коммунист*. 1959. № 11; *Асанкулов С.* Марксизм-ленинизм в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей // *Тр. КГПИ*. Фрунзе, 1957; *Т. 6*; *Замятин Н. Я.* Понятие «общественный прогресс» в марксистско-ленинской социологии // *Материалы IV научно-теоретической конференции*. Фрунзе, 1959; и др.

⁶³ См.: *Издание и распространение произведений В. И. Ленина: Сб. ст. и материалов*, М., 1960, с. 164—166.

Философские произведения классиков марксизма-ленинизма, как «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Материализм и эмпириокритицизм», «О значении воинствующего материализма» и ряд других, стали достоянием киргизского читателя.

Важную роль в дальнейшей пропаганде марксистско-ленинских идей, в том числе философских знаний, в широком развертывании научных исследований в республике сыграли организация в 1950 г. Института истории партии при ЦК КП Киргизии, открытие в 1954 г. Академии наук Киргизской ССР и создание в ее составе в 1959 г. Отдела философии и права.

Большую роль в преподавании общественных наук, в том числе марксистско-ленинской философии, сыграло введение с 1956/57 учебного года во всех высших учебных заведениях страны вместо курса «Основы марксизма-ленинизма» трех самостоятельных курсов: диалектический и исторический материализм, история КПСС, политическая экономия.

Главными итогами развития философской науки в республике на втором этапе являются марксистско-ленинский анализ и оценка истории общественно-политической и философской мысли в Киргизии конца XIX и начала XX в.; изучение закономерностей консолидации и развития киргизской социалистической нации; обобщение исторического опыта перехода киргизского народа к социализму, минуя капитализм; исследование форм проявлений пережитков прошлого в сознании людей. В результате марксизм-ленинизм превратился в господствующее мировоззрение.

Третий этап развития марксистско-ленинской философии в Киргизии ознаменован углубленной разработкой намеченных на предыдущем этапе задач и постановкой новых проблем. К ним относятся: дальнейшее изучение проблем истории общественно-политической и философской мысли в Киргизии, а также ее связей с общественной мыслью соседних народов; изучение философских проблем языка и мышления, кибернетики и психологии, вопросов общения; дальнейшее исследование закономерностей перехода ранее отсталых народов к социализму, минуя капитализм и вопросов нации и национальных отношений; проблемы социалистической культуры, различные аспекты формирования потребностей, вкусов народных масс; анализ форм проявлений пережитков прошлого в сознании людей, выявление закономерностей эстетического освоения действительности; исследование проблем этики, научного атеизма и практики современной буржуазной идеологии.

В рассматриваемый период проблемы истории общественно-политической и философской мысли в Киргизии изучались в двух основных направлениях: во-первых, исследование мировоззрения акынов-демократов и критика течения «замаң» в поэ-

зии⁶⁴; история развития свободомыслия киргизского народа⁶⁵, изучение особенностей народного миропонимания в дореволюционный период, во-вторых, изучение особенностей распространения марксистско-ленинских идей в Киргизии⁶⁶.

Наиболее характерным для развития философской науки рассматриваемого периода является изучение проблем диалектического материализма и философских вопросов современного естествознания. Исследования в области диалектического материализма проводились в следующих основных направлениях: изучение философско-психологических проблем мышления и общения, причем особое внимание уделялось методологическим принципам анализа структуры мышления и системному подходу к явлениям психической жизни (сектор диалектического материализма Института философии и права АН Киргизской ССР, руководитель профессор А. А. Брудный); исследование гносеологических аспектов проблемы предмета философии (кафедра диалектического материализма Киргосуниверситета, руководитель доцент С. Джумагулов); разработка различных аспектов проблемы понятия в философии и естествознании (кафедра философии и научного коммунизма Киргизмединститута, руководитель профессор Т. Абдылдаев); изучение диалектики отдельного, особенного и общего в изменении и развитии общественных отношений в условиях строительства социализма (кафедра философии и научного коммунизма Киргизсельхозинститута, руководитель доцент А. Какеев)⁶⁷.

По итогам исследований издан ряд монографий, сборников, брошюр⁶⁸.

Результаты исследований, проводимых в области философских вопросов современного естествознания, обобщены в монографиях Т. А. Абдылдаева и ряде других работ⁶⁹.

⁶⁴ См.: *Молдобаев К.* Принцип народности в творчестве акынов-демократов. Фрунзе, 1963; *Байсержеев Б.* Этические воззрения киргизских акынов-демократов Токтогула Салтыганова и Тоголока Молдо: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Фрунзе, 1965; *Ибраимов К.* Критика социально-политических воззрений заманистов: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Алма-Ата, 1966; и др.

⁶⁵ См.: *Ыбыкеев С.* Из истории свободомыслия киргизского народа: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1965.

⁶⁶ См.: *Алтымышбаев А.* К истории борьбы КПСС за распространение идей марксизма-ленинизма в Киргизии. Фрунзе, 1960; *Он же.* Ленин и пропаганда марксизма в Киргизии (1905—1923 гг.). Фрунзе, 1967; *Какеев А.* Некоторые особенности распространения и утверждения идей марксизма-ленинизма в Киргизии: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1965; и др.

⁶⁷ См.: *Абдылдаев Т.* О состоянии и мерах улучшения разработки проблем материалистической диалектики и философских вопросов естествознания в республике // Материалы совещания по проблемам диалектического материализма и философским вопросам естествознания. Фрунзе, 1974. С. 5—29.

⁶⁸ *Брудный А. А.* Семантика языка и психология человека. Фрунзе, 1972; *Шералиева Р.* Некоторые философские вопросы теории информации. Фрунзе, 1966; *Каракеев Т.* Пути общения людей. Фрунзе, 1971. На кирг. яз.; *Соколов В. М.* О природе человеческого общения. Фрунзе, 1973.

⁶⁹ См.: *Абдылдаев Т. А.* Философские вопросы учения о виде. Фрунзе, 1966; *Понятие «вид» в современной биологии.* Фрунзе, 1971; *Он же.* О соотношении различ-

В рассматриваемый период заметным явлением стала публикация статей исследователей, работающих в области изучения проблем диалектического материализма и философских вопросов современного естествознания, в центральных философских журналах ⁷⁰.

В области исторического материализма исследуются наиболее актуальные проблемы, обусловленные практикой строительства социалистического общества. Интенсивно разрабатываются проблемы перехода ранее отсталых народов к социализму, минуя капитализм ⁷¹.

Дальнейшее развитие получает изучение закономерностей сближения социалистических наций, формирования интернациональных черт быта народов СССР, сближения и развития социалистических культур, анализ проблем национальной психологии и т. д. ⁷²

Национальные отношения изучаются сотрудниками первой в Киргизии социологической лаборатории, организованной А. Табалдиевым при кафедре исторического материализма Киргизского государственного университета (Р. А. Ачилова, К. Ормокеев и др.). Проблемы сближения социалистических наций и интернационализма, вопросы становления социальной однородности, соотношения объективного и субъективного, проблемы национальных традиций исследуются в работах Я. А. Рисс, К. Исмаилова, Н. Я. Замятина, Н. Н. Борзых, С. Есенгельдиева и др.

Одним из интенсивно разрабатываемых направлений является изучение проблем цивилизации ⁷³, вопросов социалистической

ных тенденций в исследовании уровней организации живой природы. Фрунзе, 1975; *Он же*. Характер взаимоотношения общества и природы в условиях научно-технической революции. Фрунзе, 1976.

⁷⁰ См.: *Абдылдаев Т.* Является ли диалектика природы составной частью марксистской философии? // *Вопр. философии*. 1964. № 4; *Он же*. О спорных проблемах теории вида и видообразования // *Филос. науки*. 1965. № 1; *Брудный А.* Коммуникация и семантика // *Вопр. философии*. 1972. № 4; *Шукуров Э.* Концепция дополнительности и проблема генезиса общения // Там же; и др.

⁷¹ См.: *Тепляков А. Т.* Становление и развитие марксистско-ленинского учения о революционном переходе народов к социализму, минуя капитализм: (Состояние исслед. основных аспектов проблемы в работах сов. авторов): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Фрунзе, 1973; *Вейнгольд Ю. Ю.* Некапиталистическое развитие и социальная воля. Фрунзе, 1970; *Джумагулов С.* Особенности общественного прогресса в развивающихся странах, Фрунзе, 1975; *Абдылдаева Г.* Путь к социализму — путь к ускоренному прогрессу. Фрунзе, 1971. На кирг. яз.

⁷² См.: *Нарынбаев А. И.* Закономерности развития национальных отношений в СССР в период строительства коммунизма: (На материалах республик Средней Азии и Казахстана). Фрунзе, 1970; *Табалдиев А.* Диалектика двух тенденций в развитии наций и национальных отношений в советском обществе: (Опыт социол. анализа действия двух тенденций). Свердловск, 1971; *Он же*. Актуальные вопросы социологического исследования национальных отношений // *Филос. науки*. 1971. № 2; *Он же*. Национальное, межнациональное и интернациональное в традициях советского народа // Там же. 1972. № 4.

⁷³ См.: *Каракеев Т.* Семантические аспекты диалектики социального развития (Цивилизация и ее отражение в общественном сознании). Фрунзе, 1978.

культуры, научно-технической революции, социально-психологических аспектов, духовного мира советского народа.

В рассматриваемый период большие успехи достигнуты в области исследований проблем эстетики и вопросов искусствоведения⁷⁴.

Большим достижением исследователей в области эстетики и искусствоведения является издание фундаментального труда «История киргизского искусства» под редакцией члена-корреспондента АН Киргизской ССР А. А. Салиева.

В рассматриваемый период начаты исследования в области этики⁷⁵.

Широкий размах получили исследования в области научного атеизма. Анализируются вопросы формирования атеистического мировоззрения, причины существования и пути преодоления религиозных пережитков, вопросы критики философских и социально-эстетических концепций различных мусульманских, христианских сект: суфизма, исмаилизма, ляди, баптизма, меннонитства, «свидетелей Иеговы» и др. По проблемам научного атеизма работают С. Б. Дорженов, Б. И. Гальперин, М. Абдылдаев, Ю. Петраш, А. Б. Доев, Ш. Базарбаев, А. Ф. Белимов, С. Мамбеталиев, Б. Ногойбаев.

В рассматриваемый период появляются первые работы, посвященные вопросам критики современной буржуазной идеологии и антикоммунизма⁷⁶.

В эти годы создана большая научно-популярная литература на киргизском языке, в которой освещаются отдельные работы классиков марксизма-ленинизма, основные проблемы диалектического и исторического материализма⁷⁷.

В последние годы философами республики подготовлено и издано около 30 коллективных трудов, более 60 книг, посвященных различным проблемам марксистско-ленинской философии⁷⁸.

⁷⁴ См.: Салиев А. Жизнь — в стихах: (Заметки об эстетической природе поэзии). Фрунзе, 1962; Он же. Что такое мысль? Фрунзе, 1970; Он же. Мышление как система. Фрунзе, 1974; Аскароев Т. Эстетическая природа художественной условности. Фрунзе, 1966.

⁷⁵ См.: Кулматов Н. Честность как моральное качество советского человека: Автореф. ... дис. канд. филос. наук. Фрунзе, 1968; Он же. Культура твоего поведения. Фрунзе, 1974. На кирг. яз.; и др.

⁷⁶ См.: Раев Дж. А. Развитие национальных отношений в республиках Советского Востока: (Критика антикоммунизма в национальном вопросе). Фрунзе, 1968; Отунбаева Р. И. Критика фальсификации марксистско-ленинской диалектики Франкфуртской школой (А. Шмидт, О. Негт): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1976; и др.

⁷⁷ См.: Нарынбаев А. И. Некоторые проблемы диалектического и исторического материализма. Фрунзе, 1959; Абдылдаев Т. А. В. И. Ленин и развитие современного естествознания. Фрунзе, 1961; Он же. Актуальные вопросы диалектики. Фрунзе, 1975; Табальдиев А. О традициях. Фрунзе, 1965; Кажеев А. Материя и сознание. Фрунзе, 1969; Философское наследие В. И. Ленина и современность. Фрунзе, 1969; и др.

⁷⁸ См.: Нарынбаев А. Успехи философской науки в Киргизии // Коммунист. 1978, № 3. С. 68. На кирг. яз.

Важную роль в развитии философской науки в республике сыграло открытие в 1964 г. Института философии и права АН Киргизской ССР.

Большое значение для развития философской науки в Киргизии имело постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» от 14 августа 1967 г. В соответствии с ним в вузах республики были созданы философские кафедры.

До революции в Киргизии не было ни одного человека с высшим образованием, а сейчас только в области философии работают более 150 научных работников и преподавателей. Философские кадры республики в основном работают в Институте философии и права АН Киргизской ССР, который является координационным центром всех исследований, проводимых в области философии на кафедрах вузов республики. Философы республики принимают активное участие в проведении всесоюзных, региональных, республиканских теоретических конференций.

О несомненных успехах философов республики свидетельствуют и такие факты: академик АН Киргизской ССР А. Алтымышбаев в 1963 г. выезжал в длительную командировку в Социалистическую Республику Вьетнам, где читал лекции по марксистско-ленинской философии⁷⁹; в 1970 г. кафедра философии Киргосуниверситета была участницей ВДНХ СССР⁸⁰. Кандидат философских наук Р. И. Отунбаева в 1977 г. за свой труд «Марксистско-ленинская критика Франкфуртской школы» удостоена звания лауреата IV Всесоюзного конкурса работ молодых ученых по общественным наукам, посвященного 60-летию Октябрьской социалистической революции⁸¹.

Успехи, достигнутые философской наукой в Киргизии, являются еще одним ярким доказательством развития за годы, прошедшие со дня образования Советской Киргизии, духовного потенциала киргизского народа, убедительным доказательством верности ленинской национальной политики КПСС.

4

Таджикская ССР

В дореволюционном Таджикистане в силу объективных причин социал-демократическое движение не приобрело организационных форм, а пропаганда социал-демократических идей — широкого распространения. Установление Советской власти в Туркестане создало политические предпосылки для широкого

⁷⁹ См.: *Караеве К.* Великий Октябрь и наука Киргизстана. С. 51.

⁸⁰ См.: Сов. Киргизия. 1970. 18 авг.

⁸¹ См.: Вопр. философии. 1977. № 7. С. 184.

распространения марксизма-ленинизма в Северном Таджикистане уже в 1917—1918 гг. В Центральном и Южном Таджикистане условия для распространения марксизма-ленинизма были созданы лишь благодаря победе Бухарской народной революции (1920 г.), которая «была неизбежным и логическим последствием Российской Октябрьской революции семнадцатого года»⁸².

Распространение и утверждение марксистской идеологии в Таджикистане проходило в исторически сложной обстановке, в атмосфере ожесточенной идейной борьбы между марксистско-ленинским мировоззрением, с одной стороны, и религиозно-клерикальной, панисламистской и пантюркистской идеологией — с другой. Мусульманское духовенство, пользовавшееся огромным влиянием, отличалось консерватизмом во всем, особенно в том, что касалось изменения образа жизни и мысли трудового народа, приобщения его к современной науке и культуре.

Особенности развития революции и классовой борьбы в Таджикистане определили специфику распространения и утверждения марксизма-ленинизма. Кардинальным вопросом был вопрос о том, «каким образом применять коммунистическую тактику и политику в докапиталистических условиях, ибо важнейшей характерной чертой этих стран (т. е. республик Средней Азии.— *Авт.*) является то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения»⁸³.

Историческое своеобразие Таджикистана определило основной круг социально-философских проблем, практическое решение которых имело жизненно важное значение.

В условиях Таджикистана «массы народа настолько были ограблены в смысле образования» (В. И. Ленин), что говорить о широком распространении марксистско-ленинской философии в прямом смысле в 20-х годах не приходится. Ведь для широкой пропаганды марксистско-ленинской философии необходим определенный уровень образования в современном смысле слова. Поэтому проблема ликвидации неграмотности была той основной проблемой, решив которую можно было считать, что заложен прочный фундамент для становления социалистической культуры и идеологии. Наряду с организацией системы народного образования партия проделала большую работу по организации печатных органов на таджикском языке, что значительно расширило фронт пропаганды марксистско-ленинских идей, пробудив «в массах стремление к самостоятельному политическому мышлению и к самостоятельной политической деятельности и там, где нет почти пролетариата»^{84—86}.

Партийная организация Таджикистана провела большую работу по идейному перевоспитанию старой интеллигенции, мно-

⁸² Съезды Советов в документах. 1917—1936 гг. М., 1960. Т. II, С. 367.

⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41, С. 244.

^{84—86} Там же.

гие прогрессивно настроенные представители которой, ранее примыкавшие к просветительскому направлению, перешли на позиции Советской власти и успешно работали на различных участках государственного и культурного строительства. Именно эта часть старой интеллигенции сыграла позитивную роль в организации первых шагов системы народного образования, органов печати и культуры.

Возникнув как антифеодалная идеология, просветительство прошло сложный путь становления и развития. Накануне революции резко обострились социальные и классовые противоречия, что не могло не отразиться и на идеях просветительства. В ходе Октябрьской революции и в особенности в период ее победы в Туркестанском крае, а затем в Бухарском эмирате, произошла дифференциация просветительского движения. Обнаружилось, что просветительство по своей социальной сущности и классовой ориентации является далеко не однородным течением. Просветители-демократы во главе с С. Айни воспринимают платформу революции, ее социально-политическую программу. Либерально-реформистское просветительство, переросшее к моменту Октябрьской революции в реакционное идейно-политическое течение пантюркизма и панисламизма, не только отвергает революцию, но и активно выступает против идей марксизма-ленинизма, Советской власти.

Просветители-демократы испытывают благотворное влияние идей марксизма-ленинизма, и на этой основе происходит быстрое созревание их социальных воззрений и их «стыковка» с революционной программой большевистской партии. У просветителей-демократов до революции не было еще ясного классового сознания. Оно вырабатывается ими в ходе классовой борьбы в условиях совершившейся революции. Сближение с революцией, принятие революционной программы партии большевиков способствовало процессу формирования у просветителей-демократов «ясного социал-демократического классового сознания». Это весьма важное обстоятельство, поворотный момент в общественной мысли таджикского народа. С одной стороны, происходит преодоление просветительства как антифеодалной идеологии, а с другой — просветители-демократы поднимаются на более высокий уровень социальной мысли, являющийся новым этапом в развитии общественной мысли народа.

С. Айни, продолжая традиции Ахмада Дониша, радостно воспринял революцию, своей многогранной деятельностью способствуя победе революционных идеалов и Советской власти. Эти идеалы наиболее полно и последовательно выражали собственно политическое кредо самого Айни и его ближайших сподвижников. Их политическая программа требовала насильственного свержения прогнившего до основания монархического режима Бухарского эмирата, построения общества, свободного от социального

и национального гнета. Это можно было осуществить только путем социальной революции.

Сразу после победы революции в начале 1918 г. Айни пишет свой «Марш свободы» на мотив «Марсельезы»⁸⁷. Трудно переоценить идейное воздействие «Марша свободы» Айни, а также сборника его стихов «Искра революции» на умы широких масс трудящихся.

В 1919—1921 гг. стал выходить журнал «Пламя революции» («Шуълаи инкилоб») — орган Самаркандского обкома партии. Появление первого партийного журнала на таджикском языке сделало пропаганду идей марксизма-ленинизма, Октябрьской революции и Советской власти доступной широким слоям трудящихся, способствовало пробуждению политического самосознания масс, облегчало понимание ими задач и целей революции. Журнал в доступной форме раскрывал сущность Советской власти, ее народный характер. В этом отношении весьма примечательна серия статей Айни под общим названием «Что нам дала Советская власть?».

Впервые на страницах этого журнала были опубликованы на таджикском языке такие важные документы Советской власти, как декларация «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», письмо В. И. Ленина «Товарищам коммунистам Туркестана», его выступления на VII и VIII Всероссийских съездах Советов, на V Всероссийском съезде политпросветов⁸⁸ и другие.

Во второй половине 20-х годов был переведен ряд произведений классиков марксизма-ленинизма на таджикский язык, что имело важное политическое и воспитательное значение. В первую очередь переводились и издавались те работы классиков марксизма-ленинизма, которые имели крайне актуальное значение для социалистического строительства в условиях Таджикистана. Издавались главным образом работы, в которых В. И. Ленин разъяснял свою теорию некапиталистического пути развития: национальный и аграрный вопросы, вопросы государственного и культурного строительства и т. д. Среди изданных работ по марксистской философии на таджикском языке в этот период особую роль сыграли тематические сборники произведений Ф. Энгельса и В. И. Ленина⁸⁹.

⁸⁷ См.: Очерки истории таджикской советской литературы. М., 1964. С. 36—37.

⁸⁸ См.: Пламя революции. 1919. № 2, 23, 25, 29; 1921. № 89.

⁸⁹ См.: Ф. Энгельс и В. И. Ленин о Марксе и марксизме: К пятидесятилетию со дня смерти К. Маркса. Душанбе, 1933; Ленин В. И. Великая Октябрьская революция: (Сб. ст.): Душанбе, 1930; Ленин В. И. О диктатуре пролетариата: (Сб. ст.). Душанбе, 1930; Ленин В. И. Пробуждение Азии: (Сб. ст.). Душанбе, 1929; Ленин В. И. Пролетариат и крестьянство: (Сб. ст.). Душанбе, 1930; Ленин В. И. Третий Интернационал и его место в истории: (Сб. ст.). Душанбе, 1928; Ленин В. И. Мировая революция и вопросы Коминтерна: (Сб. ст.). Душанбе, 1930.

В 1933 г. впервые на таджикском языке отдельным изданием выходят такие работы В. И. Ленина, как «Государство и революция», «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» и др.

В распространении научного мировоззрения марксизма-ленинизма среди партийных работников, интеллигенции и учащейся молодежи эти работы, а также серия книг, выходящая с 1924 по 1929 г. под общим названием «Что должен знать каждый работник, входящий в ряды ВКП(б)», и «Руководство по политическому знанию», сыграла исключительно важную роль.

Издания произведений классиков марксизма-ленинизма на таджикском языке и переводы марксистских работ по вопросам диалектического и исторического материализма, научного коммунизма, о Ленине и ленинизме способствовали широкому распространению марксистской философии⁹⁰.

В условиях Таджикистана 20-х и 30-х годов наряду с такой важной формой пропаганды, как печатная и устная, марксистско-ленинская теория находила свое конкретное преломление в политике партии и через нее становилась программой действий народных масс в борьбе за социализм. С организацией высшего образования широкое развитие получает система обучения молодежи марксистско-ленинской философии в вузах и других учебных заведениях⁹¹.

К концу 30-х годов марксистско-ленинское мировоззрение становится господствующим мировоззрением в Таджикистане. Это стало возможным благодаря социалистическому преобразованию социального уклада жизни таджикского народа, в результате культурной революции и благодаря той бескорыстной помощи, которую оказывали таджикскому народу русский и другие братские народы нашей страны.

Научно-исследовательская работа в области марксистско-ленинской философии в республике начинается с 40-х годов, расширяясь и углубляясь в последующие годы. К середине 40-х годов из числа новой, сформировавшейся за годы Советской власти интеллигенции Таджикистана выходят специалисты, которые приступают к марксистскому изучению истории философской и общественно-политической мысли таджикского народа.

Философы Таджикистана, востоковеды Москвы, Ленинграда и других братских республик внесли большой вклад в марксистский анализ научного наследия выдающихся таджикско-персидских мыслителей, перевод и издание на русский язык памятников философской мысли, что с точки зрения современной науки имеет несомненное культурно-историческое значение.

⁹⁰ См.: *Карпинский В. А.* Заветы Ленина для нас. Душанбе, 1926; *Ходоровский И. И.* В. И. Ленин. Душанбе, 1928; *Спокойный Л. Ф.* Диалектический и исторический материализм. Душанбе, 1931; *Федосеев П. Н.* Как возникло человеческое общество. Сталинабад, 1935; *Митин М. Б.* Диалектический материализм — мировоззрение марксистско-ленинской партии. Сталинабад, 1941.

⁹¹ Подробнее см.: *Ашуров Г. А.* Идеи ленинизма и социально-политическая мысль в Таджикистане в 20—30-е годы. М., 1969; *Раджабов З. М.* Очерки истории культурного строительства в Таджикистане. Душанбе, 1976.

Подлинным мыслителем-энциклопедистом эпохи средневековья был Абу Али Ибн Сина (Авиценна). Он оказал большое влияние на развитие научно-философской мысли не только Востока. Через латинских аверроистов его философское наследие оказало влияние и на средневековую философию Европы.

Этим объясняется всевозрастающий интерес ученых к наследию выдающегося таджикско-персидского мыслителя Ибн Сины. С конца 30-х годов ученые Таджикистана приступили к исследованию наследия Ибн Сины⁹². Большой вклад в изучение философских воззрений Ибн Сины внес академик АН Таджикской ССР А. М. Богоутдинов. Он с марксистских позиций проанализировал философские и общественно-политические взгляды мыслителя. Несомненным вкладом А. Богоутдинова в науку явился впервые осуществленный им перевод и издание на русском языке философского труда Ибн Сины «Данишнамэ» («Книга знания»)⁹³. В обстоятельном введении к этому изданию он подытоживает свои многолетние исследования по изучению научного наследия Ибн Сины.

В соответствии с решением XX сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1980 г. в СССР и других странах широко отмечалось 1000-летие со дня рождения Абу Али Ибн Сины. Этот юбилей⁹⁴ способствовал дальнейшему расширению фронта исследований огромного, все еще недостаточно изученного наследия мыслителя. В частности философы Таджикистана внесли существенный вклад в советскую историко-философскую науку, обогатили ее источниковедческую базу изданием философских трудов мыслителя⁹⁵. Впервые на русском языке были изданы

⁹² См.: Айни С. Шайх-ур-раис Ибн Сина. Сталинабад, 1939; Семенов А. А. Абу Али Ибн Сина. Сталинабад, 1945.

⁹³ *Ибн Сина. Данишнамэ (Книга знания)*. Сталинабад, 1957; *Богоутдинов А. М. Очерки по истории таджикской философии*. Сталинабад, 1961; *Он же. Избранные произведения*. Душанбе, 1980.

⁹⁴ В нашей стране 1000-летие со дня рождения Абу Али Ибн Сины отмечалось еще в 1952—1953 гг. Этот юбилей проводился по призыву Всемирного Совета Мира и в соответствии с восточным лунным календарем. В обращении председателя Всемирного Совета Мира Фредерика Жолио-Кюри говорилось: «У народов есть общее состояние, каким являются великие произведения науки, литературы и искусства, сохраняющиеся в течение веков отпечаток гения. Это культурное наследие является для человечества неиссякаемым источником. Оно позволяет людям различных эпох узнавать друг друга, улавливать в настоящем связующую их нить. Оно открывает перед ними перспективы всеобщего согласия и понимания. Оно ежeminутно утверждает в них веру человека в момент, когда более чем когда-либо необходимо взаимопонимание». Всемирный Совет Мира призвал общественность отметить юбилей Ибн Сины, «вся деятельность которого основана на требованиях истины и разума» // Правда. 1952. 22 февр.

⁹⁵ См.: *Ибн Сина (Авиценна). Избранные философские произведения*. М., 1980; *Он же. Избранные произведения*. Душанбе, 1980. Т. 1; *Он же. Избранные произведения*. Душанбе, 1980. Т. 1—2. На тадж. яз.; *Он же. Освещение*. Душанбе, 1980; *Он же. Исхождение и возвращение*. Душанбе, 1980; *Он же. Сатурна предел: (Сб. стихов на русском и таджикском яз.)*. Душанбе, 1980; и др.

такие фундаментальные философские труды Ибн Сины, как «Указания и наставления», занимающие особое место для определения философской концепции мыслителя, «Книга о душе», являющаяся основным трудом мыслителя по проблеме психологии, философский труд «Освещение», имеющий значение для выяснения отношения Ибн Сины к религиозным догмам и течениям. Впервые изданы основные трактаты Ибн Сины, в которых нашли отражение суждения автора трактатов по вопросам философии, теории литературы и музыки, социологии, медицины, диалектики и других наук. Многие из этих работ стали доступны не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Наряду с изданием трудов Ибн Сины осуществлена большая исследовательская работа, которая охватывает широкий круг проблем, связанных с изучением личности мыслителя, его научного наследия, определения его места в истории мировой цивилизации. Эти исследования, основанные на анализе первоисточников, значительно расширили границы наших знаний философских взглядов Ибн Сины, его современников и последователей⁹⁶.

Таджикские ученые исследуют также научное наследие старшего современника Ибн Сины — Фараби, его общественно-политические взгляды, в частности его учение о государстве⁹⁷.

Изучается творческая биография, научная и общественная деятельность Носири Хосрова и связанные с нею проблемы истории возникновения и эволюции исмаилизма, карматства и других еретических с точки зрения ортодоксального ислама течений общественной мысли народов Ближнего и Среднего Востока⁹⁸.

Анализируются философские и социально-политические воззрения Санои и Аттора, их влияние на последующее развитие общественной мысли, в частности на суфийскую догматику⁹⁹.

Обстоятельно и всесторонне рассмотрены философские и естественнонаучные взгляды выдающегося последователя школы

⁹⁶ См.: *Болтаев М.* Вопросы гносеологии и логики в произведениях Ибн Сины и его школы. Душанбе, 1965; *Диноршоев М. Д.* Философская онтология Ибн Сины // *Изв. АН ТаджССР. Сер. Обществ. науки.* 1972. № 2; *Он же.* Ибн Сина о природе познания // *Там же.* № 4; *Завадский Ю. Н.* Абу Али Ибн Сина. Жизнь и творчество. Душанбе, 1980; *Рахматуллаев Н.* Философские взгляды Ибн-Сины // *Указания и наставления*, Душанбе, 1980; *Сироджиев Ф.* Проблемы философской онтологии в книге «Спасение» Ибн Сины. Душанбе, 1980; *Асимов М. С.* Ибн Сина в истории мировой культуры // *Вопр. философии.* 1980. № 7; *Он же.* Величие Авиценны // *Вопр. истории.* 1980. № 8; *Он же.* Авиценна и мировая цивилизация // *Народы Азии и Африки.* 1980. № 5; *Сайфуллаев Н. М.* Теория суждения Ибн Сины // *Изв. АН ТаджССР. Сер. Обществ. науки.* 1980. № 3; *Абу Али Ибн Сина и средневековая философия.* Душанбе, 1981; *Диноршоев М.* Натурфилософия Ибн Сины. Душанбе, 1985.

⁹⁷ См.: *Джахид А. М.* Абу Наср аль-Фараби о государстве. Душанбе, 1966.

⁹⁸ См.: *Вергельс А. Е.* Носири Хосров и исмаилизм. М., 1969; *Ашуров Г.* Философские взгляды Носири Хосрова. Душанбе, 1965.

⁹⁹ См.: *Олимов К.* Мироззрение Санои. Душанбе, 1973; *Мухамедходжаев А.* Мироззрение Фариддина Аттора. Душанбе, 1974.

Ибн Сины Омара Хайяма (Умари Хайёма), внесшего большой вклад в развитие общественно-политической и философской мысли таджикского и персидского народов¹⁰⁰. Научная значимость этих исследований состоит в том, что если раньше Омар Хайям был известен главным образом как автор знаменитых четверостиший, то теперь, в особенности после полного русского перевода и издания его философских и естественнонаучных трактатов¹⁰¹, он стал известен широкой научной общественности как выдающийся ученый и мыслитель.

Изучается в Таджикистане также мировоззрение Джалалиддина Руми (Балхи), научно-поэтическая деятельность которого непосредственно связана с таким сложным, широко распространенным течением общественной мысли, как суфизм¹⁰².

Анализируются философские взгляды ученого-энциклопедиста XIII в. Насреддина Туси, сыгравшего важную роль в развитии философии этого и последующих периодов¹⁰³; освещаются этические взгляды Саади, самого популярного классика персидско-таджикской литературы¹⁰⁴; анализируются общественно-политические и этические взгляды Убайди Закони (XIV в.), известного сатирика, произведения которого были направлены против социальной несправедливости и религии¹⁰⁵, а также философские, общественно-политические, этические и эстетические взгляды Абдурахмана Джами — одного из выдающихся представителей общественной мысли таджикского народа XV в.¹⁰⁶

Значительное внимание уделяется анализу общественно-политических и этических взглядов Абулкадыра Бедилья, крупнейшего фарсиязычного поэта и мыслителя, широко известного в Средней Азии, Индии, Иране и Афганистане¹⁰⁷.

Проведен ряд исследований по истории общественно-политической и философской мысли таджикского народа второй половины XIX и начала XX в., в частности творчества родоначальника просветительства, испытавшего на себе влияние русской культуры, Ахмада Дониша, его современников и последователей — Шахина, Асири, Мирзо Азими Сами, Айни и др., выявлено отношение различных классов и социальных групп

¹⁰⁰ См.: Морочник С. В. Философские взгляды Омар Хайяма. Сталинабад, 1952; Морочник С. В., Розенфельд Б. А. Омар Хайям — поэт, ученый, мыслитель. Сталинабад, 1957.

¹⁰¹ См.: Омар Хайям. Трактаты. М., 1961.

¹⁰² См.: Одилов Н. Мировоззрение Джалалиддина Руми. Душанбе, 1974.

¹⁰³ См.: Диноршоев М. Д. Философия Насреддина Туси. Душанбе, 1968.

¹⁰⁴ См.: Кулматов Н. Этические взгляды Саади. Душанбе, 1968.

¹⁰⁵ См.: Раджабов М. Мировоззрение Убайди Закони. Сталинабад, 1958.

¹⁰⁶ См.: Раджабов М. Абдурахман Джами и таджикская философия XV в. Душанбе, 1968.

¹⁰⁷ См.: Айни Х. С. Мирзо Абулкадыр Бедилья. Сталинабад, 1954; Он же. Бедилья и его поэма «Ирфон». Сталинабад, 1956.

среднеазиатского общества к революции и революционной России¹⁰⁸.

Опубликованный в течение 50—70-х годов специалистами по истории философской и общественно-политической мысли таджикского народа ряд монографий и научных статей и переводов на русский язык сочинений выдающихся мыслителей прошлого (Абу Али Ибн Сины, Омара Хайяма, Джами, Ахмада Дониша и др.) имеет важное научное и культурно-историческое значение. Марксистский анализ истории духовной культуры, широкое изучение философской и общественно-политической мысли таджикского народа послужили важным средством формирования национального самосознания, явились одним из источников создания новой, социалистической по содержанию и национальной по форме культуры. Изучение истории таджикской философии показало единство национального и интернационального, общность закономерностей развития философской мысли таджикского и других народов нашей страны, способствовало их духовному сближению и интернациональному воспитанию.

Наряду с историко-философскими исследованиями все более возрастает интерес философов республики к исследованию диалектического материализма и философских проблем естествознания, что свидетельствует о возросшем уровне философского образования и культуры научных кадров.

Философские вопросы физики были предметом специального анализа в работе «Материя и физическая картина мира» академика АН Таджикской ССР М. С. Асимова¹⁰⁹. В книге рассматриваются историческое развитие взглядов на материю, борьба Ф. Энгельса против механистического ее понимания, подробно анализируется онтологическая и гносеологическая сущность ленинского определения материи. Обстоятельно исследуется сущность и значение революции в естествознании конца XIX и начала XX в. Автор уделяет большое внимание анализу современных представлений о видах материи, ее структурных уровнях, а также вопросу о классификации наук, о связи физики и философии. В книге дается научно обоснованная критика неопозитивизма.

В другой своей работе М. С. Асимов анализирует основные этапы становления и развития философского мышления¹¹⁰. Рас-

¹⁰⁸ См.: *Богоутдинов А. М.* Из истории общественно-политической мысли таджикского народа // *Вопр. философии.* 1951. № 3; *Он же.* Избранные произведения. Душанбе, 1980; см. также: *Раджабов Э.* Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX — начале XX в. Сталинабад, 1957; *Он же.* Выдающийся просветитель таджикского народа Ахмади Дониш. Сталинабад, 1962.

¹⁰⁹ См.: *Асимов М. С.* Материя и физическая картина мира. Душанбе, 1966.

¹¹⁰ См.: *Асимов М. С.* Становление и развитие философского мышления. Душанбе, 1970. На тадж. яз. 2-е изд. 1981.

Сматривая различные философские школы и направления, автор раскрывает специфические законы и внутреннюю логику развития философского мышления, устанавливает связь философии с жизнью, с развитием науки, культуры и общества как целостного организма. Особое внимание уделено анализу проблем становления и развития марксистско-ленинской философии как качественно новому этапу в развитии философского мышления.

Философы республики проработали большую работу по пропаганде идейного наследия В. И. Ленина. Ценные исследования в плане анализа философских идей В. И. Ленина в современной физике провели М. С. Асимов, С. Умаров, М. В. Мостепаненко¹¹¹.

Исследованы ряд актуальных проблем логики, методологии и космологии, предмет и метод теоретико-космологического познания, способы построения и интерпретации современных космологических теорий, характер нынешнего взаимодействия философии и космологии, место последней в системе человеческого знания; рассматриваются мировоззренческие и методологические проблемы космологии; анализируются те проблемы, которые не получили должного освещения в философской литературе: место космологии в системе наук, ее отношение к философии как в прошлом, так и в настоящем, понятия пространства и времени, конечности и бесконечности; с позиции диалектического материализма исследуется мировоззренческое содержание новейших космологических открытий, критически анализируются метафизические и теологические их интерпретации¹¹².

Известно, что Ф. Энгельс ставил вопрос о разработке системы диалектической логики. Он подчеркивал, что именно диалектическая логика выводит различные формы мышления друг из друга, развивает высшие формы из низших, устанавливает между ними отношения субординации. Аналогичную мысль высказывал и В. И. Ленин в своих «Философских тетрадах». Этой проблеме было специально посвящено исследование В. С. Библера¹¹³.

В течение ряда лет круг научных интересов С. Б. Морочника связан с разработкой вопросов диалектического материализма. Им написан ряд работ, в которых обстоятельно анализируются новые, часто остродискуссионные философские проблемы совре-

¹¹¹ См.: Асимов М. С. Выдающиеся произведения марксистской философии. Сталинабад, 1960; Умаров С., Мостепаненко М. Ленин и развитие современной физики. Сталинабад, 1960.

¹¹² См.: Турсунов А. Горизонты космологического знания. М., 1969; Он же. Философия и современная космология. М., 1977; Он же. Новейшее естествознание: актуальные методологические и социальные проблемы // Вопр. философии. 1968. № 12; Он же. Методологические проблемы научной космологии // Там же. 1969. № 4; Он же. От мифа к науке. М., 1973.

¹¹³ См.: Библиер В. С. О системе категорий диалектической логики. Сталинабад, 1958.

менной биологии и медицины¹¹⁴. В этих исследованиях принципиальная критика враждебных марксизму направлений сочетается с позитивным анализом тех проблем, которым идеализм дает ложное толкование. Особенно интересна и плодотворна авторская критика фрейдизма и витализма.

Положительную роль в пропаганде философских знаний сыграла серия работ по актуальным вопросам диалектического материализма, в частности по законам и категориям диалектики¹¹⁵. В ряде работ предметом изучения была логика, ее законы, соотношения формальной и диалектической логики¹¹⁶.

В 50—70-е годы философы Таджикистана активно включаются в разработку актуальных вопросов исторического материализма и научного коммунизма. Анализировался предмет исторического материализма, соотношение исторического материализма с другими общественными науками, в частности с исторической, проблема субъективного фактора¹¹⁷. Выдвинутая В. И. Приписновым точка зрения, согласно которой понятие «механизма действия общественных законов» отражает прежде всего систему, цепочку звеньев, опосредствующих возникновение и осуществление закономерностей связи объективных явлений, нашла поддержку советских философов.

Ряд актуальных вопросов исторического материализма рассмотрен в тематических сборниках «Проблемы исторического материализма» и монографиях¹¹⁸.

В плане комплексного изучения проблемы некапиталистического пути развития большой интерес представляют монографические и коллективные труды философов и других обществен-

¹¹⁴ См.: Морочник С. В. Возможность и действительность — категории материалистической диалектики // *Вопр. философии*. 1954. № 4; *Он же*. Об абстрактных и реальных возможностях // Там же. 1956. № 5; *Он же*. Диалектический материализм о возможности и действительности. Сталинабад, 1957; *Он же*. Диалектический материализм и медико-биологические науки. Душанбе, 1969; *Он же*. Диалектический материализм: (Филос. очерки для врачей и биологов). Душанбе, 1975.

¹¹⁵ См.: *Волгаев М.* Материя и сознание. Сталинабад, 1959; *Раджабов М.* Закон единства и борьбы противоположностей. Сталинабад, 1959; *Морочник С. В.* Материя и формы ее существования. Сталинабад, 1959; *Приписнов В. И.* О диалектическом и историческом материализме. Сталинабад, 1959; *Дерюгин А. М.* Диалектика производительных сил и производственных отношений. Сталинабад, 1959; *Нестерова Н. П.* Основные категории материалистической диалектики. Сталинабад, 1960.

¹¹⁶ См.: *Морочник С. В.* К вопросу о формальной и диалектической логике // *Учен. зап. ТГУ им. В. И. Ленина*. 1954. Т. II; *Волгаев М. Н.* Логика. Душанбе, 1965.

¹¹⁷ См.: *Приписнов В. И.* О предмете исторического материализма. Сталинабад, 1959; *Он же*. О соотношении исторического материализма и исторической науки // *Вопр. философии*. 1961. № 1; *Он же*. Проблема субъективного фактора в историческом материализме. Душанбе, 1966; *Он же*. Механизм действия социальных законов и субъективный фактор. Душанбе, 1972.

¹¹⁸ См.: *Проблемы исторического материализма*. Душанбе, 1967—1977. Вып. 1—5; *Дерюгин А. М.* Формирование мировоззрения трудящихся масс. Душанбе, 1969; *Он же*. Теория и эмпирия в социальных процессах. Душанбе, 1972.

дов республики, в которых наряду с различными актуальными теоретическими вопросами исторического материализма и научного коммунизма большое внимание уделено переходу к социализму народов, не прошедших капиталистическую стадию развития.

В этой связи значительный интерес представляет исследование процесса формирования социалистических общественных отношений в специфических условиях Таджикской республики и их постоянное совершенствование, соотношение общественного бытия и общественного сознания, объективные закономерности исторического развития и сознательная деятельность людей¹¹⁹.

Философы республики исследовали процесс формирования и консолидации таджикского народа в социалистическую нацию¹²⁰. Подчеркивается, что таджикский народ, не прошедший капиталистическую стадию развития, как и многие другие народы нашей страны, консолидировался в социалистическую нацию в ходе социалистического строительства. Опыт построения нового общества в нашей стране показал, что социализм и прогресс наций неотделимы, что социалистический путь — это путь возрождения всех наций и народностей, путь коренного изменения их экономической жизни, социально-классовой природы и духовного облика, путь взаимообогащения наций и национальных культур¹²¹.

За последние годы философы республики провели исследования актуальных вопросов формирования коммунистического отношения к труду, новых форм труда и быта¹²², закономерностей сближения города и деревни, социально-культурных изме-

¹¹⁹ См.: От средневековья к вершинам современного прогресса. М., 1965; *Гафаров М. К.* Духовный облик женщины Советского Востока. Душанбе, 1969; *Бобылев В.* Условия и особенности перехода к социализму ранее отсталых народов. Душанбе, 1973; *Шарипов И.* Предпосылки преобразования общественных отношений в Таджикистане на пути некапиталистического развития. Душанбе, 1973—1976. Т. 1—2; и др.

¹²⁰ См.: *Богоутдинов А. М.* О социалистических нациях Советского Востока // *Вопр. философии.* 1949. № 3; *Он же.* О консолидации таджикской социалистической нации. Сталинабад, 1955; *Он же.* О формировании буржуазных наций на Востоке // *Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период.* Ташкент, 1955; *Он же.* К вопросу о консолидации таджикской нации. Сталинабад, 1957.

¹²¹ См.: *Сабиров К.* Таджикская социалистическая нация — детище Октября. Душанбе, 1967; *Он же.* Формирование и развитие социалистических наций. Душанбе, 1964; *Сабиров К., Шарипов Б.* Коммунизм и культура. Душанбе, 1964; *Шарипов Б.* Таджикская социалистическая культура и тенденции ее развития. Душанбе, 1973; *Мамадов А.* Социалистическая консолидация национальных культур в ее основных аспектах. Душанбе, 1981.

¹²² См.: *Хашимов А.* Формирование новых семейно-бытовых отношений у народов Средней Азии. Душанбе, 1972; *Выборнова В. В.* Теоретические проблемы развития социалистического труда. Душанбе, 1981.

нений, происшедших в таджикской деревне за годы Советской власти¹²³.

Коренные социально-экономические и культурные преобразования в процессе социалистического строительства сыграли решающую роль в преодолении социальных корней религии. Победа социализма означала и победу атеистического мировоззрения. Достижения в области экономики, духовной жизни общества, развития науки и техники существенно изменили психологию и сознание верующего. Теперь духовенство ищет пути сохранения религии в области морали и быта, видя в них последнее убежище для ислама.

В исследованиях таджикских ученых рассматриваются основные факторы и некоторые особенности формирования атеистического мировоззрения в специфических условиях перехода от патриархально-феодальных отношений к социализму. Внедрение в быт новых общесоюзных обрядов и обычаев позволяет вытеснить религиозные пережитки из сферы морали и быта. Проведенный научный анализ происхождения и развития народных обычаев и традиций, их сущности и особенностей также представляет не только теоретический, но и практический интерес¹²⁴.

В последние годы начались исследования по проблемам эстетической мысли таджикского народа. Рассматриваются проблемы художественных традиций в развитии искусства, значение художественного наследия для современного искусства, взаимосвязь национального и интернационального в традициях¹²⁵, проблема происхождения искусства и связанный с этим круг вопросов¹²⁶.

¹²³ См.: *Бобылев В.* Город и деревня на пути к коммунизму. Душанбе, 1967; *Ашуров Д.* Быт тружеников социалистического села. Душанбе, 1963; *Он же.* Облик современной деревни. Душанбе, 1974; и др.

¹²⁴ См.: Учебник по научному атеизму. Душанбе, 1961. На тадж. яз.; *Маджидов Р. М.* Пути преодоления мусульманской религиозной обрядности // *Вопр. философии.* 1964. № 12; *Сафаров А.* Правда о «святых местах» в Таджикистане. Душанбе, 1964; *Он же.* Пережитки культа «святых» в Таджикистане и пути их преодоления. Душанбе, 1965; *Рахимов М.* Новая жизнь — новые обряды. Душанбе, 1965; *Вопросы научного атеизма.* Душанбе, 1966; Пути преодоления религиозных пережитков. Душанбе, 1967; *Додихудоев Х.* Исламизм и его социальная сущность. Душанбе, 1967; *Он же.* Мусульманские секты. Душанбе, 1967; *Базаров А., Маджидов Р.* Проявление пережитков ислама и пути их преодоления. Душанбе, 1968; *Базаров А.* Некоторые особенности и пути формирования атеистического мировоззрения таджикского дехканства. Душанбе, 1971; *Маджидов Р.* Преодоление религиозности в условиях перехода к социализму, минуя капитализм. Душанбе, 1973; *Додухудиев М.* Очерки философии исламизма. Душанбе, 1977.

¹²⁵ См.: *Турсун-заде Ф. М.* Традиции и механизмы художественного развития // *Вопр. философии.* 1970. № 1; *Она же.* Методологическое значение трудов В. И. Ленина для решения национального своеобразие искусства // Там же. 1971. № 12; *Она же.* Художественные традиции и прогресс искусства. Душанбе, 1976.

¹²⁶ *Бляхер Е. Д.* Современная буржуазная эстетика о происхождении искусства // *Вопр. философии.* 1966. № 2; *Он же.* Проблема происхождения искусства в истории советской эстетики // *Вопр. эстетики.* М., 1971. Вып. 9.

Философы республики проводят научно-методическую работу по составлению учебных пособий по диалектическому и историческому материализму, научному коммунизму и атеизму¹²⁷. Говоря об учебниках и учебных пособиях, следует подчеркнуть, что их читают, по ним учится широкий круг читателей. Проводится большая работа по переводу философской литературы с русского языка на таджикский, что свидетельствует о росте национальных философских кадров. Таджикский народ сейчас на родном языке читает произведения классиков марксизма-ленинизма, в том числе их философские труды.

В Таджикистане сформировался отряд философов, внесший свой вклад в развитие советской философской науки. Их труды по актуальным вопросам марксистско-ленинской философии печатаются не только в центральных изданиях нашей страны, но и за рубежом¹²⁸.

В республике, в которой несколько десятилетий назад ликвидация неграмотности была острой социальной проблемой, теперь образовано Философское общество, объединившее в своих рядах свыше 200 квалифицированных специалистов, среди которых много докторов и кандидатов философских наук.

Расширяется сеть философских учреждений Таджикистана, растет число квалифицированных ученых-философов. Благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции таджикский народ получил возможность не только освоить свое собственное философское наследие, но и приобщиться к мировой философской культуре, высшим достижением которой является марксистско-ленинская философия.

¹²⁷ Лекция по диалектическому материализму. Сталинабад, 1961; Исторический материализм. Душанбе, 1965; Некоторые проблемы исторического материализма. Душанбе, 1967; Исторический материализм: (Учебник). Душанбе, 1969; Асимов М., Болтаев М. Диалектический материализм: (Учеб. пособие). Душанбе, 1974. На тадж. яз.; Основы марксистской философии. Душанбе, 1977. На тадж. яз.

¹²⁸ Asimov M. S. Avicenna in the Context of World Civilization // Courier UNESCO. 1980. Oct.; *Idem*. Role of USSR Academy of Sciences in the formation and progress science in the Soviet Republics of Central Asia // XVI International congress of history of science. Aug. 19—27. 1974. Tokyo, 1975; *Idem*. Biruni's astronomical treatises in the Dari language // Indian Journal of History of Science. Calcutta, 1975. Vol. 10. N 2; *Idem*. A poet's bounty Shams-ud-din M. Hafiz. Cairo, 1972. N 3(13). P. 16—19. (A study from USSR); *Aschurov G. A.* Das philosophische Denken in Sowjetadshikistan // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1979. H. 10; *Pripisnov V.* The Mechanism of Operation and the Mechanism of Utilisation of Social Laws // Philosophy in the USSR. Problems of Historical Materialismus. M., 1981. P. 196—210; *Idem*. Das Problem des Wirkungsmechanismus Sozialer Gesetze in der gegenwärtigen Gesellschaftswissenschaft // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1974. N 1; *Idem*. Der Wirkungsmechanismus der gesellschaftlichen Gesetze in Spiegel der Modernen Gesellschaftswissenschaft // Die Gesetzmäßigkeit der sozialen Entwicklung. Berlin, 1975; *Tursunov A.* Od Mytu k Vedc. Praha, 1978; *Idem*. От мита към науката. Sofiya, 1980; *Idem*. The Methodological Aspects of Cosmological Modelling // IV International Congress for Logic, Methodology and Philosophy of Science. Bucharest, 1971.

5

Туркменская ССР

Великая Октябрьская социалистическая революция подорвала старый патриархально-феодальный базис и его надстройку в Туркменистане. Подорвана была и социальная основа реакционной исламской идеологии как важнейшей составной части этой надстройки. По мере становления новой, социалистической экономики формировалась и новая социалистическая надстройка, утверждалось марксистско-ленинское мировоззрение в сознании и культуре туркменского народа. Распространение и утверждение идей марксизма-ленинизма в сознании и культуре туркменского народа происходило в борьбе со старым родовым бытом «туркменчилик», основой которого был вождизм (аксакальство). Положение осложнялось тем, что националистические пережитки, в свою очередь, превращались в местный шовинизм, направленный против национальных групп, имевшихся в отдельных советских республиках.

В ходе борьбы за социализм коммунисты Средней Азии, в том числе и Туркменистана, разоблачали и преодолевали распространившиеся в то время буржуазно-националистические теории «культурно-национальной автономии», «единой тюркской нации», «тюркской республики», «тюркской компартии», «единения турок», «единения мусульман», «общенациональной», «бесклассовой» культуры народов, «родового демократизма», который якобы без классовой борьбы и коренных преобразований социально-экономических отношений приведет народы Востока к коммунизму¹²⁹.

Видную роль в борьбе против идеологии панисламизма и пантюркизма, великодержавного шовинизма сыграли такие видные деятели Коммунистической партии и Советского государства, как М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев, а также воспитанные Коммунистической партией местные марксистско-ленинские кадры — например, Акмаль Икрамов, бывший секретарем Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б). Большую роль в борьбе против классово-враждебной идеологии, в защите марксистско-ленинского учения в целом, и прежде всего ленинской программы и политики Коммунистической партии по национальному вопросу, сыграли в то время такие видные партийные и государственные деятели Советского Туркменистана, как К. С. Атабаев, Курбан Сахатов.

В центре теоретической и агитационно-пропагандистской деятельности КП(б) Туркменистана с момента ее организационного оформления в 1925 г. стояли вопросы марксистско-ленинского уче-

¹²⁹ См.: Марксистско-ленинская философия и социология в СССР и европейских социалистических странах. М., 1965. С. 361.

ния об обществе, о революции, о нациях, о национальной туркменской социалистической государственности, о культурном строительстве и коммунистическом воспитании масс.

В 1930—1931 гг. были переведены на туркменский язык работы В. И. Ленина «О продналоге», «О кооперации». В 1931 г. на туркменский язык был переведен «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. С созданием Туркменпартиздата (конец 1933 г.) был опубликован ряд произведений классиков марксизма-ленинизма на туркменском языке. Среди них такие важнейшие экономические и философские работы В. И. Ленина, как «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Три источника и три составных части марксизма», «Марксизм и ревизионизм». К 1937 г. на туркменском языке было опубликовано 14 работ В. И. Ленина. Ряд работ В. И. Ленина был опубликован также на белуджском и фарсидском языках. В Туркмению поступали труды классиков марксизма-ленинизма также на русском, узбекском, казахском, азербайджанском, татарском и других языках. Такое широкое издание и распространение произведений классиков марксизма-ленинизма являлось убедительным свидетельством все более полного утверждения в Туркмении идеологии марксизма-ленинизма.

В пропаганде идей марксизма-ленинизма в Туркменистане и воспитании трудящихся республики в духе пролетарского интернационализма большую роль играли созданные в те годы при партийных комитетах специальные органы по работе среди национальностей — армян, казахов, узбеков, азербайджанцев, иранцев, белуджей и др.¹³⁰

В разворачивании идейно-теоретической и воспитательной работы важное место занимала партийная и советская печать, в частности газета «Туркменистан» (с 1920 г.), «Туркменская искра» (с 1924 г.), журналы «Большевик» (с 1925 г.), «Туркменоведение» (с 1927 г.). На страницах этих журналов и газет публиковались статьи и речи В. И. Ленина и его соратников — выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства, а также выступления местных партийных и советских работников, деятелей науки, представителей формирующейся советской национальной интеллигенции. Печать регулярно помещала материалы, посвященные актуальным вопросам теории и практики социалистического строительства, в том числе вопросам строительства социалистической культуры. В пропаганде идей марксизма-ленинизма исключительно важную роль играл орган ЦК КП Туркменистана газета «Туркменская искра», выходившая на русском языке, и журнал «Большевик»,

¹³⁰ См.: Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана. Ашхабад, 1965. С. 332.

выходивший на туркменском языке. В этом журнале публиковались статьи, посвященные очередным задачам Коммунистической партии Туркменистана, советскому строительству в Туркменистане, профсоюзам, статьи, пропагандирующие материалы и решения съездов ВКП(б) и Компартии Туркменистана.

Начиная с 1928 г. в некоторых номерах журнала в специальном «Отделе безбожника» («Худайсызлар белуми») стали печататься статьи на научно-атеистические темы. В ряде номеров журнала были опубликованы статьи, направленные против оппортунизма, особенно против троцкизма.

В постановлении ЦК КП(б) Туркменистана от 11 декабря 1933 г. особо подчеркивалось, что одной из основных задач журнала «Большевик» является популяризация учения марксизма-ленинизма¹³¹. На страницах партийной печати стали публиковаться статьи по марксистско-ленинской философии. Особенно большое внимание уделяла партийная печать разоблачению буржуазной идеологии, панисламизма, пантюркизма и исламской идеологии в целом (статьи Г. Хусаинова, секретаря ЦК КП(б) Туркменистана Ибрагимова и др.).

Воспитательной и идейно-теоретической работе компартии способствовала газета «Туркменская искра», несколько номеров которой в 1925 г. были посвящены жизни и деятельности В. И. Ленина. IV Пленум (ноябрь 1928 г.) ЦК КП(б) Туркменистана вскрыл наличие ожесточенной классовой борьбы на идеологическом фронте, поставил перед партийными комитетами в качестве первоочередной задачи усиление борьбы с проявлениями антипролетарской идеологии¹³².

На VIII Ашхабадской городской партийной конференции (январь 1932 г.) был нанесен решительный удар по правому оппортунизму, по рецидивам троцкизма, а также по великодержавному шовинизму и местному национализму.

С середины 30-х годов наряду с общим подъемом уровня духовной культуры туркменского народа в непосредственной связи с общими задачами строительства социализма развивалась философская наука в Туркмении.

В 40—60-е годы была организована систематическая работа по переводу и изданию трудов классиков марксизма-ленинизма. Было осуществлено на туркменском языке многотомное издание сочинений В. И. Ленина, опубликован ряд важнейших произведений К. Маркса и Ф. Энгельса.

¹³¹ См.: *Атнакурдов М. Д.* Очерки по истории печати Советского Туркменистана. Ашхабад, 1962. С. 437—445. На туркм. яз.

¹³² См.: *Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана.* 2-е изд., доп. Ашхабад, 1965. С. 360.

В республике сформировались национальные философские кадры, философские учреждения: Отдел философии и права АН ТССР, кафедры философии в вузах. В 1965 г. в АН ТССР и вузах республики работали более 70 философов.

Философские проблемы разрабатывались в республике по следующим направлениям: диалектического и исторического материализма и научного коммунизма в соответствии с задачами социалистического строительства и развития естественных и общественных наук; истории философской и общественно-политической мысли в Туркменистане; коммунистического воспитания трудящихся и борьбы против вредных пережитков прошлого в сознании людей; критики современной буржуазной философии и социологии.

В области *диалектического и исторического материализма* философами республики в этот период был опубликован ряд исследований об основных законах диалектики и об особенностях проявления этих законов в развитии социалистического общества¹³³.

Одно из основных мест в исследованиях философов республики занимает обобщение опыта некапиталистического развития туркменского народа: от феодально-патриархальных отношений к социализму, минуя капитализм¹³⁴. При этом главное внимание уделяется раскрытию специфических особенностей действия общих закономерностей социалистической революции и социалистического строительства в ранее отсталых окраинах нашей страны, в том числе в Туркменистане.

Анализируются особенности проявления в условиях Туркменистана такой общей закономерности победы социалистической революции и социалистического строительства, какой является союз рабочего класса с трудящимся крестьянством¹³⁵. Специально рассматривается вопрос о многообразии политических форм перехода отсталых народов от докапиталистических отношений к социалистическим¹³⁶.

¹³³ См.: *Чертков В. П.* О марксистском диалектическом методе // *Большевик*. Ашхабад, 1947. № 5; *Лихачев М. В.* О материальности мира и закономерностях его развития // Там же. 1949. № 4; *Ажмурабов К.* От социализма к коммунизму: (О характере качественных изменений в период перехода от социализма к коммунизму). Ашхабад, 1962; и др.

¹³⁴ См.: *Кяризов К. В. И.* Ленин о некапиталистическом пути развития // *Коммунист Туркменистана*. 1959. № 3; *Он же.* От докапиталистических отношений к социализму и коммунизму. Ашхабад, 1964; *Киселев Д. С.* Развитие советской государственности в Туркменистане. Ашхабад, 1964; и др.

¹³⁵ См.: *Зотов В. Д.* Союз рабочего класса и крестьянства — решающая сила революционного преобразования общества // *Изв. АН ТССР*. 1956. № 4; *Он же.* Интернациональный союз рабочего класса и крестьянства — решающая общественная сила социалистического развития советской Средней Азии и Туркменистана // Там же. 1958. № 1; и др.

¹³⁶ См.: *Кяризов К.* От докапиталистических отношений — к социализму и коммунизму. Ашхабад, 1964.

Значительный интерес представляют исследования путей формирования туркменской социалистической нации¹³⁷. Всесторонняя бескорыстная помощь братских народов и наций рассматривается как решающий фактор образования и развития туркменской социалистической нации. Результатом исследований явился вполне определенный вывод о том, что туркменская социалистическая нация сложилась примерно в те же сроки, что и все остальные социалистические нации Советского Союза.

В центре внимания исследований стоят теоретические вопросы взаимосвязи и взаимообусловленности объективных тенденций развития и сближения социалистических наций; анализ всестороннего экономического, социально-политического и культурного развития социалистических наций; условий, сопровождающих этот процесс во всех областях общественной жизни¹³⁸.

Развитие туркменской национальной культуры исследуется в общем русле единого процесса расцвета многонациональной социалистической культуры; рождение общего, интернационального характеризуется как объективная закономерность строительства социализма. Анализируя процессы всестороннего развития социалистических наций, ученые приходят к выводу о закономерном изменении соотношения фактора помощи и взаимопомощи, связанного с ликвидацией фактического неравенства ранее отсталых народов и наций, выравниванием уровня их развития¹³⁹.

Определенная работа проделана в Туркменистане в области исследования ряда других важных вопросов исторического материализма и научного коммунизма, в частности вопросов марксистско-ленинского учения о базисе и надстройке¹⁴⁰, диалектике развития производительных сил и производственных отношений, классов и классовой борьбы¹⁴¹, роли народных масс и личности в истории¹⁴² и др.

В связи с созданием и бурным развитием социалистической промышленности в Туркменистане за годы Советской власти

¹³⁷ См.: *Батыров Ш. Б.* Формирование социалистических наций в СССР. М., 1962; *Мухамедбердыев К., Росляков А. А.* От отсталых племен к социалистической нации // Формирование социалистических наций в СССР. М., 1962; и др.

¹³⁸ См.: *Киселев Д. С.* Развитие советской государственности в Туркменистане; *Абаева М. М.* Сближение социалистических наций и развитие дружбы народов // Коммунист Туркменистана. 1965. № 6; и др.

¹³⁹ См.: *Батыров Ш. Б.* К вопросу о роли русской интеллигенции в развитии ранее отсталых народов // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1962. № 2.

¹⁴⁰ См.: *Чарыев Г., Сосонкин И. Л.* О базисе и надстройке // Большевик. 1952. № 5; *Сосонкин И. Л.* Исторический материализм как наука // Коммунист Туркменистана. 1956. № 2.

¹⁴¹ См.: *Овезбердыев Ч.* Марксистско-ленинская теория классов, классовой борьбы и государства и современный ревизионизм. Ашхабад, 1959.

¹⁴² См.: *Топаз С. Е. В. И. Ленин о роли народных масс как творцов истории.* Ашхабад, 1960.

значительного развития достигли естественные науки. Наши философы свое основное внимание в области философии естествознания сосредоточивают на философских проблемах физики, хотя наряду с этим исследуются и другие философские проблемы естествознания¹⁴³.

В аспекте решения задач коммунистического воспитания трудящихся разрабатывались проблемы марксистско-ленинской этики, эстетики¹⁴⁴ и научного атеизма. Из работ в этой области заслуживает серьезного внимания монографическое исследование К. Муллиева «Коммунистическое воспитание колхозного крестьянства» (Ашхабад, 1965).

Важное значение в условиях Туркменистана, где до революции в сознании масс господствующее положение занимала религиозная идеология ислама, имело и имеет научно-атеистическое воспитание трудящихся и в связи с этим разработка проблем научного атеизма. Исследуются вопросы научного, марксистско-ленинского объяснения происхождения и классовой сущности религии вообще, мусульманской религии в частности, отношения Советского государства и Коммунистической партии к религии, изучаются формы и методы борьбы с религиозными пережитками в сознании людей и многие другие проблемы научного атеизма¹⁴⁵.

Первый шаг по пути систематического изложения основных вопросов научного атеизма в Туркменистане сделан в научно-методическом пособии «Основы научного атеизма», изданном в Ашхабаде в 1964 г. (авторы Д. И. Карлы и А. М. Чиперис).

¹⁴³ См.: *Моллаков В. К* вопросу о понятии причинности и связи состояний // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1963. № 4; *Он же*. Категория причинности, вариационные принципы и законы сохранения // Учен. зап. Туркменского госуниверситета им. А. М. Горького. 1965. Вып. XXXVI; *Атаев Д.* Роль квантовой механики в познании химических процессов // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1965. № 1; *Он же*. Категория структуры и уровня материи // Учен. зап. Туркменского госуниверситета. 1965. Вып. XXXVI; *Чарыев Г. О.* Философское значение достижений радиобиологической науки // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1965. № 1; *Он же*. Методологические проблемы современной медицины // Там же. 1965. № 8.

¹⁴⁴ См.: *Хыдыров Т. Х.* Моральный кодекс строителя коммунизма. Ашхабад, 1964. На туркм. яз.; *Ажиниязов Г.* Замечательная черта советского человека. Ашхабад, 1963. На туркм. яз.; *Ташлиев Ш.* Беседы о нравственности. Ашхабад, 1964. На туркм. яз.; см. также: *Сосонкин И. Л.* Развитие В. И. Лениным марксистской эстетики. Ашхабад, 1960; *Он же*. Эстетика и труд // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1962. № 5; *Он же*. Художественная самодеятельность — важнейший фактор эстетического воспитания трудящихся // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1963. № 1; и др.

¹⁴⁵ См.: *Кулиев Н.* Борьба с пережитками отсталого прошлого в сознании людей в условиях Советского Туркменистана. Ашхабад, 1955; *Он же*. Антинаучная сущность ислама и задачи атеистического воспитания трудящихся в условиях Советского Туркменистана. Ашхабад, 1960; *Карлы Д. И., Байрамсахагов Н.* Религия и труд // Туркменистан коммунисты. 1961. № 11; *Амангельдыев С.* Знание — свет, а религия — тьма. Ашхабад, 1965. На туркм. яз.

Одним из основных направлений научно-исследовательской работы философов республики является изучение проблем богатой многовековой истории философской и общественно-политической мысли в Туркменистане. В этой области значительную работу проделал академик АН ТССР Г. О. Чарыев.

В 1949 г. он завершил крупное исследование философских и общественно-политических взглядов великого туркменского поэта и мыслителя XVIII в. Махтумкули. В последующий период им опубликована целая серия научных работ о мировоззрении Махтумкули¹⁴⁶. В этих работах дается научный анализ богатого духовного наследия мыслителя, раскрываются характерные черты его пантеизма, элементы наивного материализма и стихийной диалектики в его философских воззрениях.

Некоторую работу проделали наши ученые по изучению истории эстетической мысли в Туркменистане¹⁴⁷.

Большое внимание уделяется изучению истории борьбы между демократической и реакционной идеологиями и истории распространения идей марксизма-ленинизма в Туркменистане в конце XIX — начале XX в. Как известно, одним из важнейших прогрессивных последствий добровольного вхождения Туркменистана в состав России в 70-х и 80-х годах XIX в. было приобщение трудящихся масс к революционному движению российского пролетариата, проникновение идей марксизма-ленинизма. В этой связи заслуживают внимания работы, посвященные деятельности ссыльного большевика Д. В. Полуяна по пропаганде идей марксизма в Туркменистане¹⁴⁸.

Говоря об историко-философских трудах ученых республики, особо следует отметить большую работу академика АН ТССР Б. Л. Смирнова по изучению и переводу с санскрита на русский язык выдающегося древнеиндийского философского и литературного памятника — эпоса «Махабхарата»¹⁴⁹. Ценность этой работы состоит в том, что каждый выпуск «Махабхараты» Б. Л. Смирнов снабдил квалифицированными предисловиями и комментариями.

¹⁴⁶ См.: Чарыев Г. О. Магтымгули. Ашхабад, 1961. На туркм. яз.; Он же. Из истории общественной мысли в Туркмении. Ашхабад, 1954; Он же. Общественно-политические взгляды Махтумкули // Совет эдебияты. 1959. № 7. На туркм. яз.; Он же. Гуманизм Махтумкули // Туркменистан коммунисти. 1960. № 9. На туркм. яз.; Он же. Социологические взгляды Махтумкули // Там же. 1960. № 11; Он же. Махтумкули — мыслитель // Махтумкули. Чарджуу, 1961. На туркм. яз.; и др.

¹⁴⁷ См.: Сосонкин И. Л. Махтумкули о целях и задачах искусства // Совет эдебияты. 1959. № 9. На туркм. яз.; Он же. Категория прекрасного и ее понимание Махтумкули // Там же. 1960. № 10; Он же. Проблема трагического в эстетических взглядах великого поэта // Там же. 1960. № 11; Он же. Махтумкули о комическом в действительности и искусстве // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1965. № 4.

¹⁴⁸ См.: Абаева М. Из истории распространения идей марксизма-ленинизма в дореволюционном Туркменистане // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1968. № 1; Она же. Защита и пропаганда марксистско-ленинской философии и научного коммунизма в Туркменистане // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1968. № 3; и др.

¹⁴⁹ См.: Махабхарата. Ашхабад, 1955—1963. Вып. 1—7.

В конце 7-го выпуска помещено послесловие переводчика, в котором дается краткая характеристика идейного содержания древнеиндийской философии, нашедшей свое изложение в томах «Махабхараты», отмечены некоторые важные черты древнеиндийского теизма, пантеизма и атеизма. Здесь же помещен написанный Б. Л. Смирновым по текстам «Махабхараты» очерк развития вишнуизма — одной из основных сект религии индуизма.

Ученые Туркменистана принимали активное участие в борьбе против буржуазной идеологии. Значительная работа в этой области была проделана в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны.

Широко развернулась критика современной буржуазной философии в Туркменистане в послевоенное время, особенно в 50-е и 60-е годы. В работах этого периода подвергаются критике основные направления современной буржуазной философии и социологии — неопозитивизм, неотомизм, экзистенциализм, теория «факторов» и «сфер» общественной жизни, неопозитивистский эмпирический метод, биологическое, психологическое направления буржуазной социологии, религиозно-политическая идеология панисламизма, а также буржуазно-националистическая идеология пантюркизма¹⁵⁰.

В борьбе с буржуазной идеологией, с современной буржуазной философией и социологией особое место занимает критика отдельных буржуазных фальсификаторов, которые клеветуют на народы СССР, советской Средней Азии, в частности на туркменский народ, извращают их историю, социалистическую действительность. Ученые Туркменистана — историки, философы, экономисты — активно разоблачали идеологов капитализма¹⁵¹.

Одной из важнейших проблем современности, вокруг которой сейчас ведется ожесточенная борьба двух идеологий — коммунистической и буржуазной, — является проблема перспектив и путей развития освободившихся от ига империализма афро-азиатских стран. И эта проблема в философской литературе Туркменистана первой половины 60-х годов получила свое освещение¹⁵².

¹⁵⁰ См.: *Сладков Б.* Реакционный характер современной буржуазной философии // Совет Туркменистана. 1957. 8 мая; *Попов Е.* Позитивизм — основное направление в современной буржуазной философии // Тр. Ин-та истории АН ТССР. Ашхабад, 1957. Т. III; *Сосонжин И. Л.* Реакционная сущность современной буржуазной социологии. Ашхабад, 1959; *Топаз С.* Критика современной буржуазной философии и социологии. Ашхабад, 1963.

¹⁵¹ См.: *Новоселов К.* Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии. Ашхабад, 1962; *Ильясов А., Мелькумов В.* Буржуазные фальсификаторы и советская действительность // Коммунист Туркменистана. 1962. № 7; *Ильясов А., Новоселов К.* Кривое зеркало фальсификаторов // Там же. 1964. № 7.

¹⁵² См.: *Зотов В. Д.* Жизненность национальной демократии и слабость буржуазной теоретической мысли // Туркменистан коммуниста. 1963. № 7; *Он же.* Развивающиеся страны и идеологическая борьба. Ашхабад, 1965.

* * * * *

Важным событием идеологической жизни республики в 60—70-е годы явилось завершение в 1972 г. издания на туркменском языке Собрания сочинений В. И. Ленина в 45-ти томах. На туркменском языке были также изданы или переизданы такие важнейшие труды К. Маркса и Ф. Энгельса, как «Манифест Коммунистической партии» (1970), «Капитал» (1962—1966. Т. I—III), «К критике политической экономии» (1969), «Диалектика природы» (1969), «Анти-Дюринг» (1970) и др. В этот период были опубликованы написанные учеными Туркменской ССР учебные пособия по марксистско-ленинской философии¹⁵³.

Одним из основных направлений работы философов республики продолжает оставаться разработка вопросов диалектического и исторического материализма на основе обобщения новейших достижений современного естествознания, в частности физики, астрономии, биологии. Исследуются такие важные философские проблемы, как неисчерпаемость материи, диалектика причинности и связи состояний, вероятностный характер квантовых закономерностей, диалектика необходимости и случайности, элементарного и сложного, проблемы взаимосвязи времени и пространства. В трудах туркменских философов рассматриваются также важные вопросы марксистско-ленинской гносеологии, в частности эвристическая роль философии, математизация процесса познания вообще, биологических исследований в частности, роль логических моделей в процессе раскрытия сущности объектов, структура и разрешение гносеологического противоречия и т. д.¹⁵⁴

По-прежнему основное место в работах туркменских философов занимают исследования социально-философских вопросов практики социалистического строительства в республике. Научная разработка вопросов некапиталистического развития туркменского народа от феодализма к социализму нашла свое дальнейшее углубление и творческое развитие в трудах ученых республики. В этих работах освещаются условия и закономерности формирования социалистического базиса и надстройки, изменения со-

¹⁵³ В качестве учебного пособия для аспирантов и студентов опубликованы: Очерки истории философской и общественно-политической мысли в Туркменистане. Рук. авт. коллектива Хыдыров Т. Х. Ашхабад, 1970; Моллаков В. М., Халлыев Т. Х. Основные законы и категории материалистической диалектики. Ашхабад, 1974. На туркм. яз.; Атаев Д., Моллаков В. М. Материя и сознание. Ашхабад, 1977.

¹⁵⁴ См.: Атаев Д. Физическое представление о неисчерпаемости материи // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1968. № 2; Дурдыбаев Б. Проблема атомизма в квантовых свойствах материи // Там же. 1976. № 1; Он же. Некоторые философские вопросы в становлении квантовой физики // Там же. № 6; Джумадурдыев С. Об эвристической функции философии Бюкова и Декарта // Там же. 1968. № 3; Он же. Эйнштейн о методологических вопросах науки // Там же. 1970. № 1; Моллаков В. М. Диалектический материализм — методология современной науки // Там же. 1976. № 4; Курбанов Р., Шаниязова Б. С. Категория взаимодействия в физике // Там же. 1973. № 5; Сейфуллаев Р. С. К вопросу об определении понятия причинности // Там

циально-классовой структуры общества, особенности утверждения при этом социалистического общественного сознания¹⁵⁵.

Философами республики выполнен и опубликован ряд исследований, в которых на материалах Туркменской ССР освещаются закономерности повышения социальной активности народных масс, возрастания творческой активности колхозного крестьянства, повышения роли советской интеллигенции¹⁵⁶.

Важное место в исследованиях философов республики занимают проблемы дальнейшего развития социалистических наций и национальных отношений. Исследуются пути совершенствования социалистических общественных отношений, раскрываются закономерности взаимовлияния и взаимообогащения культур социалистических наций¹⁵⁷.

Исследуются закономерности изменения социально-классовой структуры социалистического общества, пути преодоления существенных различий между городом и деревней, между людьми физического и умственного труда¹⁵⁸.

Большое внимание уделяется вопросам формирования коммунистической сознательности масс, раскрываются пути и средства воспитания коммунистического отношения к труду и общественной собственности, освещается всевозрастающая роль социалистического производственного коллектива в коммунистическом воспитании, значение социалистического соревнования в духовном обогащении личности, рассматриваются вопросы воспитания трудящихся в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма¹⁵⁹.

же. 1969. № 2; *Мальцева Н. А.* Математизация биологического исследования и ее гносеологические аспекты // Там же. 1974. № 4; и др.

¹⁵⁵ *Какалиев А.* Особенности решения аграрно-крестьянской проблемы в условиях перехода к социализму, минуя капитализм: (На примере ТССР). Ашхабад, 1972; *Кулиев К. М.* Опыт строительства социализма в республиках Средней Азии и его значение для развивающихся стран. Ашхабад, 1972; Пути развития некапиталистических стран. Ашхабад, 1972; *Киселев Д. С.* Теоретические проблемы национальной советской государственности: (На опыте республик Средней Азии). Ашхабад, 1977.

¹⁵⁶ См.: Повышение творческой активности и коммунистической сознательности трудящихся — закономерность строительства коммунизма: Сб. ст. Ашхабад, 1976; *Довлетов Б. Т.* Возрастание социальной активности колхозного крестьянства — закономерность социалистического и коммунистического строительства. Ашхабад, 1977.

¹⁵⁷ См.: *Овезбердыев Ч.* Ленин в судьбах наций. Ашхабад, 1969. На туркм. яз.; *Тачмурадов К.* Некоторые вопросы расцвета и сближения культур народов СССР в процессе строительства коммунизма // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1971. № 3; Социализм и некоторые вопросы развития наций и национальных отношений: Сб. ст. Ашхабад, 1977; *Абаева М. М.* Взаимовлияние и взаимообогащение культур социалистических наций в период строительства коммунизма. Ашхабад, 1976; *Хыдыров Т. Х.* Братская дружба народов — великое завоевание Октября. Ашхабад, 1977. На туркм. яз.

¹⁵⁸ См.: *Данакулиев О. Д.* К вопросу о диалектике процесса преобразования классовой структуры и преодоления классовых различий в условиях Советского Туркменистана. Ашхабад, 1971.

¹⁵⁹ См.: *Жумакулиев И.* Основные средства воспитания коммунистического отношения к труду в производственных коллективах // Изв. АН ТССР. Сер. обществ.

В области научного атеизма философы республики особое внимание уделяют изучению степени религиозности различных групп населения, выявлению и обоснованию действенных и эффективных путей, средств и форм атеистического воспитания трудящихся. На конкретном анализе местных материалов исследованы место атеистического воспитания в системе коммунистического воспитания, степень религиозности городского и сельского населения республики, особенности и формы проявления религиозных пережитков среди женщин и молодежи, модернизаторские тенденции ислама в условиях Туркменистана, переплетение религиозных пережитков с проявлениями буржуазно-атеистического воспитания в условиях совершенствования социализма¹⁶⁰.

За последние годы философами ТССР была проделана определенная работа в области социологических исследований¹⁶¹.

В эстетике в рассматриваемый период на первый план выдвинулись вопросы, непосредственно связанные с практикой коммунистического строительства, возрастания общественной роли социалистического искусства, путей повышения эстетической культуры трудящихся, диалектики национального и интернационального, классового и общечеловеческого в искусстве и др.¹⁶²

наук. 1974. № 6; *Шевченко В. И.* Воспитание патриотизма. Ашхабад, 1974. На туркм. яз.; Проблемы коммунистического воспитания. Ашхабад, 1972. Вып. 1; 1979. Вып. 2.

¹⁶⁰ См.: *Бегмедов С.* Особенности проявления некоторых религиозных пережитков среди городского населения // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1968. № 3; *Баяров Т. К.* К характеристике современного состояния религиозности сельского населения Северного Туркменистана // Там же. 1969. № 2; *Аннамухаммедов Б.* Научно-атеистическое воспитание учащихся в школе. Ашхабад, 1972. На туркм. яз.; *Туйлиев А.* Молодежь, атеизм, печать. Ашхабад, 1973. На туркм. яз.; *Сапармухамедова Б.* Религия, атеизм, женщины. Ашхабад, 1973. На туркм. яз.; *Акмурадov А.* Роль туркменской советской литературы в атеистическом воспитании трудящихся. Ашхабад, 1976; *Аширов И.* Национальный вопрос и религия. Ашхабад, 1976. На туркм. яз.; *Шукуров Н.* Народная мудрость, предрассудки и религия. Ашхабад, 1977. На туркм. яз.; Религиозные пережитки и пути их преодоления в Туркменистане. Ашхабад, 1977; *Кулиев Н.* О новых традициях и пережитках отсталого прошлого. Ашхабад, 1978; *Хайдов А.* Критика религии в туркменской советской литературе. Ашхабад, 1978. На туркм. яз.; *Байрамсахатов Н., Мавлютов Р.* «Священное писание» и действительность. Ашхабад, 1978; *Байрамсахатов Н.* Новый быт и ислам. М., 1979; *Шаниязова Б.* Атеизм и современная космология. Ашхабад, 1979; *Она же.* Роль естественных наук в формировании научно-материалистического мировоззрения у молодежи. Ашхабад, 1982; *Кулиев Н.* Ислам и атеизм. Ашхабад, 1982.

¹⁶¹ См.: *Мусаев О.* Некоторые результаты исследования межнациональных браков и семей в Туркменистане // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1969. № 5; *Атамедов А.* Марксистско-ленинская учеба — важный фактор повышения дисциплины труда // Там же. 1976. № 4; *Атаджанова М. А.* Роль социалистического соревнования в политическом и нравственном воспитании трудящихся // Туркменистан коммунисты. 1979. № 6; *Бердыклычева Н.* Наставничество и трудовое воспитание // Социологические проблемы совершенствования идеологической работы. М., 1978.

¹⁶² См.: *Рыбак Л. А.* Киноискусство — важный фактор эстетического воспитания // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1969. № 1; *Реджепов С. Р.* По законам красоты. Ашхабад, 1971. На туркм. яз.; *Он же.* Эстетическое воспитание молодежи. Ашхабад, 1975. На туркм. яз.; *Он же.* Эстетический идеал и проблема личности. Ашхабад, 1979. На туркм. яз.; *Рахманов А.* Труд как важнейший фактор эстетического воспитания молодежи. Ашхабад, 1974; *Чарыева М. М.* Диалектика националь-

Как уже говорилось, одним из основных направлений философских исследований в республике является изучение богатой многовековой истории философской и общественно-политической мысли туркменского народа. Важным достижением историко-философских исследований явился выход в свет коллективного обобщающего труда «Очерки истории философской и общественно-политической мысли в Туркменистане», в котором прослеживается многовековая история развития общественной мысли с VI в. до наших дней¹⁶³.

Важное место в историко-философских исследованиях последнего периода занимают труды, посвященные анализу мировоззрения туркменских мыслителей XVIII—XIX вв. и начала XX в. Исследуются философские, общественно-политические, этические и эстетические взгляды видных туркменских мыслителей XVIII—XIX вв.— Махтумкули, Андалиба, Сеиди, Зелили, Кемине, Молланепеса, изучены мировоззренческие проблемы туркменского народного творчества, охарактеризованы основные черты мировоззрения туркменских просветителей начала XX в.— М. Атабаева, А. Текинский, Молламурта, Кёрмоллы, Байрама Мамедова, Дурды Клыча¹⁶⁴.

Исследуя историю распространения, утверждения и торжества идей марксизма-ленинизма в Туркменистане, философы проанализировали общественно-экономические, политические и духовные предпосылки, основные особенности и этапы распространения и утверждения идей марксизма-ленинизма, марксистско-ленинской философии в Туркменистане, охарактеризовали деятельность ряда видных пропагандистов марксизма в крае¹⁶⁵.

В работах по критике современной буржуазной философии внимание сконцентрировано на разоблачении клеветнических

ного и интернационального в социалистическом искусстве // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1979. № 2.

¹⁶³ См.: Очерки истории философской и общественно-политической мысли в Туркменистане. Ашхабад, 1970.

¹⁶⁴ См.: Сосонкин И. Л. Из истории эстетической мысли в Туркменистане. Ашхабад, 1969; Чарыев Г. О. Махтумкули — мыслитель. Ашхабад, 1971. На туркм. яз.; Хыдыров Т. Философские и социологические взгляды Кемине // Кемине. 200 лет. Ашхабад, 1971. На туркм. яз.; Ахиязов Г. Из истории свободомыслия и антиклерикализма в Туркменистане. Ашхабад, 1973. На туркм. яз.; Оразов Т. Этические взгляды Махтумкули. Ашхабад, 1974; Шукуров Н. Отражение мировоззрения народных масс в туркменском фольклоре. Ашхабад, 1979. На туркм. яз.; Хыдыров Т. Прогрессивно-демократическая мысль в Туркменистане в начале XX в. Ашхабад, 1979.

¹⁶⁵ Абаева М. М. Свет истины. Ашхабад, 1971; Джумаев Ш. Н. Пропаганда и развитие идей марксизма-ленинизма в Туркменистане в процессе социалистического строительства. Ашхабад, 1972; Хыдыров Т. Распространение идей марксизма-ленинизма в дооктябрьском Туркменистане (1900—1917). Ашхабад, 1971; Он же. Распространение и развитие идей марксизма-ленинизма, марксистско-ленинской философии в Советском Туркменистане (1917—1970). Ашхабад, 1975; Он же. Утверждение идей марксизма-ленинизма в духовной культуре туркменского народа в процессе некапиталистического развития // Марксистско-ленинская мысль в СССР: исторический путь и проблемы его исследования. Киев, 1978.

концепций антикоммунистов о жизни социалистических наций и характере национальных отношений в СССР¹⁶⁶.

В ряде работ туркменских философов раскрывается научная несостоятельность и реакционная сущность буржуазных концепций мирового революционного процесса¹⁶⁷.

В Туркменской ССР, как и в стране в целом, философская наука достигла значительных успехов в разработке актуальных проблем в таких важнейших направлениях, как диалектический и исторический материализм, научный коммунизм, научный атеизм, марксистско-ленинская эстетика, история философской и общественно-политической мысли в Туркменистане, философские вопросы естествознания, критика современной буржуазной философии и социологии.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

СОВЕТСКИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСПУБЛИКИ ПРИБАЛТИКИ

1

Литовская ССР

Мощным толчком, резко усилившим в Литве распространение идей марксизма-ленинизма в целом, марксистских общественно-философских и социологических взглядов в частности, явилась победа Великой Октябрьской социалистической революции. Существенными факторами в этом процессе было создание Коммунистической партии Литвы (октябрь 1918 г.) и образование Ли-

¹⁶⁶ См.: *Муродова Г. О.* Критика антикоммунистических извращений политики КПСС по национальному вопросу // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1975. № 1; Ленинская национальная политика и борьба против ее фальсификаторов. Ашхабад, 1975; *Багдасаров К. А.* Идеологическая борьба по вопросу о праве наций на самоопределение и социалистической государственности в СССР // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1976. № 3; *Он же.* Расчеты «советологов» и социалистическая действительность // Там же. 1979. № 1; *Джумаев Ш. Н.* Социалистические преобразования в Средней Азии и банкротство буржуазных фальсификаторов. Ашхабад, 1977; *Киселев Д. С.* Новая Конституция СССР и правовое положение союзных республик: (Некоторые аспекты критики буржуазных фальсификаторов) // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1978. № 6; *Хыдыров Т.* Интернационализм социалистического образа жизни и критика домыслов антикоммунистов о национальных отношениях в СССР // Там же. 1979. № 3; *Реджепова О. С.* Критика буржуазной фальсификации национальной политики КПСС. Ашхабад, 1980.

¹⁶⁷ См.: *Зотов В. Д.* Социалистические концепции развивающихся стран. Ашхабад, 1971; *Сосонкин И. Л.* «Массовая культура» как форма современной буржуазной идеологии. Ашхабад, 1976; *Багдасаров К. А.* Проблема социалистической революции в современной идеологической борьбе // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1978. № 1.

товской Советской Социалистической Республики (декабрь 1918 г.).

В конце 1918 — первой половине 1919 г. в Литве идеи марксизма в системе общественных взглядов заняли важное место. В то время выдающуюся роль в распространении марксистских общественно-политических и социологических взглядов в республике сыграли руководители и организаторы Коммунистической партии Литвы В. Капсукас и З. Ангаретис. Они опубликовали множество статей, посвященных изложению марксистско-ленинского учения о государстве и диктатуре пролетариата, социалистической революции, классовой борьбе, национальном вопросе и т. д. Так, в 1918 г. в Воронеже были изданы (на лит. яз.) работы З. Ангаретиса «Пути развития философско-исторических взглядов и К. Маркс», «Материалистическое понимание истории» (II выпуск, I выпуск в 1913 г. в Бостоне), «Национальный вопрос» (I и II части).

Излагая основные положения исторического материализма, В. Капсукас и З. Ангаретис критиковали идеалистические концепции, экономический материализм, социологические взгляды литовских буржуазных идеологов, лидеров правых социал-демократов. В работах З. Ангаретиса по национальному вопросу, как и у В. Капсукаса, наряду с марксистско-ленинскими положениями в то время заметны были и ошибки, воспринятые от К. Каутского и Р. Люксембург¹.

В условиях Советской власти в Литве в 1918—1919 г. В. Капсукас, З. Ангаретис и другие литовские марксисты много внимания уделяли вопросам победы Октябрьской революции и строительства социалистического общества в Советской России. Октябрьскую революцию В. Капсукас называл «светочем» всех будущих поколений. Она дает борющемуся пролетариату всего мира столько опыта, столько жизненных сил, сколько не дала ему никакая другая революция².

Идеи марксизма-ленинизма под воздействием Октябрьской революции и победы Советской власти в России стали в Литве настолько популярными, что буржуазия оказалась беспомощной в борьбе против этих идей, вооружающих народные массы, вдохновляющих их революционное творчество.

После подавления Советской власти с помощью иностранной интервенции и установления власти буржуазии в Литве в идейной жизни страны официальным признанием пользовалась лишь буржуазная идеология и философия, а марксистско-ленинская

¹ См.: Капсукас В. Первая пролетарская революция в Литве и Советская власть. Вильнюс, 1958. С. 88—89, 93—96. На лит. яз.; Ангаретис З. Образование КП Литвы и первая пролетарская революция в Литве. Вильнюс, 1962. С. 113—115. На лит. яз.

² См.: Капсукас В. Первая пролетарская революция в Литве и Советская власть. С. 450.

мысль жестоко преследовалась. Господствующей формой буржуазной идеологии сначала была клерикальная, а затем, после переворота 1926 г., — фашистская идеология.

В течение двух десятилетий буржуазного господства в Литве решающие позиции в буржуазной идеалистической философии занимала философия клерикального католицизма. Виднейшими представителями ее были профессор теолого-философского факультета Каунасского университета П. Бучис, П. Даவிдайтис, А. Дамбраускас-Якштас, С. Шалкаускис, профессор Дотнувской сельхозакадемии Ф. Кемешис, епископ К. Палтарокас.

На философию католицизма в Литве большое влияние оказали томизм, и прежде всего взгляды Фомы Аквинского в неотомистском варианте, религиозно-идеалистическая философия В. Соловьева и другие идеалистические системы. Воинствующим защитником и пропагандистом философии католицизма был епископ П. Бучис. Он являлся одним из основателей христианско-демократической партии Литвы, главным организатором теолого-философского факультета Каунасского университета и одним из ректоров университета (1924—1925), поддерживал тесные связи с Ватиканом. Им были написаны несколько десятков книг и сотни статей, посвященных вопросам теологии и философии в августицианском духе: «Критерий веры» (1919), «Человек и животное» (1920), «Краткая апологетика» (1922), «Курс теологической энциклопедии» (1925), «Беседа о душе» (1930), «Основа жизни» (1930) и др., в которых он защищал социально-политические и философско-этические принципы католицизма, выступал против материализма и атеизма, доказывая, что главным источником общественного прогресса является религия.

Ярым защитником философии католицизма был и П. Давидайтис, который редактировал многие клерикальные газеты, длительное время являлся главным редактором клерикально-философских журналов «Космос», «Логос» и «Сотер», был активным деятелем христианско-демократической партии Литвы и идейным вождем клерикальной организации учащейся молодежи «Атейтининкай» («Будушники»). С позиций томизма и неовитализма он пытался опровергнуть материализм и атеизм, доказать несостоятельность дарвинизма. В этих целях он широко использовал и пропагандировал взгляды немецких неовиталистов Г. Дриша, И. Рейнке, О. Гертвига, Э. Васмана, Б. Дюркена, Э. Штольте и др.

Во взглядах на общество П. Давидайтис излагал типичные для того времени идеи католицизма.

Один из лидеров философии католицизма в Литве в неотомистском варианте А. Дамбраускас-Якштас в борьбе с материализмом и атеизмом свое основное внимание сосредоточивал на области естествознания, логики и эстетики. В работах «Что может наука сказать о конце мира» (1920), «Наука и вера» (1930),

«Проблема зла» (1935) и др. он наиболее открыто излагал схоластические идеи томизма, доказывал, что между наукой и религией якобы нет противоречия. Стремясь обосновать божественное происхождение мира и закономерностей его развития, А. Дамбраускас-Якштас воспользовался теорией «тепловой смерти» Вселенной и утверждал, что идея о конечности мира не противоречит ни науке, ни религии. С помощью математических «доказательств» и «аргументов» формальной логики он пытался опровергнуть материализм и дарвинизм, доказать вечность и всемогущество бога.

Некоторый интерес представляют работы А. Дамбраускаса-Якштаса по логике (он написал первый учебник по логике на литовском языке, 1919 г.), а также его критика различных течений формализма в искусстве.

Главными теоретиками философии католицизма в Литве были С. Шалкаускис и П. Курайтис — наиболее последовательные сторонники учения Фомы Аквинского. Уделяя основное внимание методологическим вопросам философии, С. Шалкаускис и П. Курайтис прежде всего пытались обосновать принцип непротиворечивости и гармонии теологии, томистской философии и науки. Этим целям служила также изданная в Каунасе книга немецкого неотомиста А. Штёкля «Очерки истории философии» (1926). С. Шалкаускис и П. Курайтис формально высказывались против того, чтобы философия была служанкой теологии, но фактически были за подчинение философии последней.

Согласно С. Шалкаускису и П. Курайтису, источником философии является знание, теологии же — знание и вера. Изложению онтологических и гносеологических вопросов томизма посвящены работа П. Курайтиса «Основные вопросы гносеологии» (1930) и двухтомная книга «Онтология» (1931—1933). П. Курайтис, который был более ортодоксальным, чем С. Шалкаускис, в сущности, не отличаясь от других неотомистов того времени, излагает философскую доктрину Фомы Аквинского о бытии и его свойствах, акте и потенции, превращении, сущности и экзистенции, субстанции, акциденциях и т. д. С позиций томизма С. Шалкаускис в ряде своих работ³ рассматривает вопросы философии культуры, этики, эстетики, педагогики, национальный вопрос и др. Некоторую ценность представляют его работы по философской терминологии на литовском языке и методике научной работы.

Вопросам социальной доктрины томизма посвящена книга К. Палтарокаса «Социальный вопрос» (1921, II выпуск), которая направлена против экономического учения марксизма и теории материалистического понимания истории. К. Палтарокас рас-

³ См.: Шалкаускис С. Физическое воспитание и его цели. Каунас, 1928. На лит. яз.; Он же. Задачи развития литовской нации. Каунас, 1962; Он же. Очерк философии культуры. Каунас, 1962; и др.

сма­тривал частную собствен­ность как выра­жение естественного права людей, отвергал классовую борьбу и революцию, утверждал, что осуществление социализма невозможно.

С обострением кризиса буржуазного строя и фашистского режима в Литве постепенно происходило сближение двух разновидностей буржуазной идеологии — клерикализма и фашизма. Эту тенденцию наиболее ярко выразил И. Тамошайтис, который редактировал клерикально-фашистский журнал «Эранус» и теоретический журнал литовских фашистов «Вайрас».

Особое место среди литовских буржуазных философов занимает Видунас (Вильнюс Старостас). Он испытал влияние прежде всего древней индийской философии, оккультизма, пантеизма, а также философии В. Соловьева, И. Канта, интуитивизма и отчасти Гегеля. Свои искания ответов в различных философских системах Видунас объяснял тем, что он стремился «вызвать у нации сознательную жизненность и жизненную сознательность»⁴.

В своих философских работах Видунас одним из первых ознакомил читателей с философскими идеями народов Востока, и прежде всего Индии. Довольно сложная и отвлеченная его концепция структуры мира напоминает схему из семи элементов у английского теософа А. Бессант, которая, по-видимому, позаимствовала ее у своей учительницы Е. Блаватской. Такую же схему излагал мистик Парацельс.

В трудных условиях клерикально-фашистской реакции, в борьбе против идеализма и клерикализма развивалась передовая общественно-философская мысль в буржуазной Литве. Большую роль в распространении материалистической философии и атеизма в то время сыграл И. Кайрюкшис, который в книге «Философия естествознания» (1926) изложил материалистические взгляды на материю и сознание, возникновение органической природы из неорганической, происхождение жизни и человека, критиковал идеализм и его неопозитивистскую разновидность. Он опубликовал серию оригинальных и переводных атеистических брошюр «Азбука свободной мысли» (1934), «Куда идешь, католическая молодежь?» (1925), «Литва в тени крестов» (1936) и др. Но в философских взглядах И. Кайрюкшиса имелись элементы вульгарного материализма и метафизики.

Материалистические взгляды в естествознании активно пропагандировали профессор Каунасского университета П. Авижонис, Т. Иванаускас, И. Дагис, В. Лашас и др. П. Авижонис в книгах «Земля и человек» (1918), «Жизнь и ее возникновение на Земле» (1928), а также в статьях ващищал материалистические положения о возникновении и развитии жизни, подвергая критике идеализм и религию. Неутомимым защитником дарвинизма и вра-

⁴ См.: Жемайтчай. Айтология прозы и поэзии писателей жемайтчо. Каунас, 1938, С. 21. На лит. яз.

гом идеалистических концепций антидарвинистов был Т. Иванаускас. И. Дагис в свете диалектического материализма объяснял сущность жизни и развития живой природы, критиковал виталистов и мальтузианство. Определенную роль в распространении материализма в естествознании сыграли астроном П. Славенас и физик В. Чепинскис, хотя последний и делал уступки позитивизму, а также неправильно оценил дарвинизм как метафизическую теорию. Антинаучный характер расизма разоблачали И. Бальджюс, Г. Зиманас и др.

Значительную роль в борьбе против идеализма и религии сыграл прогрессивный журнал «Культура» (1923—1940), в котором было напечатано много статей по материалистической философии и эстетике реализма. В журнале историк И. Гальвидис опубликовал несколько статей по вопросам диалектического материализма («Диалектически-материалистическое мировоззрение», 1931, «Наука познания диалектического материализма», 1932 и др.).

Материалистической философии, развивавшейся в условиях клерикально-фашистского режима в Литве в очень узких рамках легальности, в основном была присуща исторически обусловленная ограниченность: элементы метафизики и механицизма, а во взглядах на общество — идеализма.

В борьбе против клерикализма и религии известную роль сыграло «Общество этической культуры свободомыслящих» и издаваемая им газета «Свободная мысль». Руководителем общества и редактором газеты был И. Шлюпас. Но атеизм, который пропагандировали И. Шлюпас и другие члены общества, в своей сущности был буржуазный: в нем не были раскрыты социальные корни религии, религия объявлялась основным препятствием социального прогресса.

Компартия Литвы, находясь в глубоком подполье, в течение двадцати лет вела непримиримую борьбу против буржуазной идеологии и философии. Через издававшиеся на литовском языке органы печати — «Тиеса» («Правда»), «Наковальня», «Коммунист», «Голос», «Искра» и др. она разоблачала буржуазные социально-политические и социологические концепции, пропагандировала идеи марксизма-ленинизма. Компартия Литвы использовала любые легальные возможности для издания марксистской литературы. В годы фашистской диктатуры коммунистам удалось в легальных типографиях в Каунасе в 1933 г. издать работу В. И. Ленина «Карл Маркс» под названием «О К. Марксе и марксизме», с указанием лишь инициалов (В. И.) автора. В 1943 г. под названием «Три источника», с указанием на перевод с французского языка, была издана работа В. И. Ленина «Три источника и три составных части марксизма». Для выпуска марксистской литературы использовались и нелегальные типографии и издательства за границей (в Тильзите, Кенигсберге,

Берлине, США). Например, в 1931 г. в Бруклине была издана двухтомная работа С. Матулайтиса «Религия и ее социальная роль», в которой в целом с позиций марксизма на широком историческом фоне изложена история христианства, раскрыты ее социальные функции.

За время подпольной деятельности КП Литвы выпустила несколько сот марксистских книг и брошюр, около 300 названий газет и журналов, около 3000 названий листовок. Все это сыграло большую роль в распространении марксистско-ленинских идей.

Выдающуюся роль в распространении в буржуазной Литве марксистских общественно-политических и философских взглядов сыграли В. Капсукас и З. Ангаретис. В период буржуазной диктатуры в Литве, когда у власти была партия христианских демократов (1919—1926), В. Капсукас и З. Ангаретис очень большое внимание уделяли критике политического клерикализма, социально-экономической и политической платформы партии христианских демократов и ее философских истоков. Этим целям посвящены работы В. Капсукаса «Деяния лицемеров» (Анагенск, 1920. На лит. яз.), «Христианские демократы и земля» (Смоленск, 1920. На лит. яз.), «Как ксендзы заботятся о рабочих» (Смоленск, 1920. Вып. IV. На лит. яз.), а также целый ряд статей его и З. Ангаретиса. Критикуя авторов проекта программы партии христианских демократов Литвы (опубликованного в 1907 г.) — литовских томистов, профессоров Петербургской духовной академии И. Мацюлявичюса, А. Дамбаускаса-Якштас и П. Бучиса, В. Капсукас показывает прямую связь теоретических положений этой программы с энцикликами папы Льва XIII «*Regum novarum*», энцикликой, выпущенной в 1878 г., и идеями Фомы Аквинского.

Значительное место в трудах В. Капсукаса и З. Ангаретиса занимают проблемы классов и классовой борьбы, государства, революции и диктатуры пролетариата. Они рассматриваются в книгах В. Капсукаса «Первая пролетарская революция в Литве и Советская власть» (Чикаго, 1934. На лит. яз.; Вильнюс, 1958. Вып. II), «Буржуазная Литва» (на лит. яз.), З. Ангаретиса «История КП Литвы и пролетарская революция в Литве» (М., 1935. На лит. яз.; гектограф; Вильнюс, 1962), «За единство действий народа» (Вильнюс, 1968. На лит. яз.) и др. Руководствуясь марксистско-ленинским учением о классовой борьбе, революции и диктатуре пролетариата, они дали глубокий анализ социалистической революции 1918—1919 гг. в Литве, ее движущих сил, причин поражения и уроков, раскрыли классовую структуру буржуазного общества и классовую природу государства в Литве, разоблачили буржуазную сущность теоретических положений правой социал-демократии, отрицавшей классовую борьбу, революцию и диктатуру пролетариата.

В условиях обостряющегося кризиса буржуазного строя и фашистского режима марксистская общественно-философская

мысль приобрела большую значимость в жизни страны, что явилось благоприятным субъективным фактором, необходимым для победы социалистической революции в Литве в 1940 г.

С восстановлением Советской власти в 1940 г. для марксистской общественно-философской мысли в Литве открылись новые возможности ее дальнейшего развития. Массовыми тиражами начали издаваться произведения классиков марксизма-ленинизма. В Каунасском и Вильнюсском университетах преподавалась марксистско-ленинская философия. Однако этот процесс, как и весь процесс строительства социалистического общества, был нарушен войной, начатой фашистской Германией против СССР. Снова оживилась в Литве фашистская идеология. Но и в ходе войны марксистская мысль проникала в сознание людей, мобилизуя и сплачивая их в борьбе с гитлеровскими оккупантами и буржуазными националистами.

Первые послевоенные годы марксистская философско-политическая мысль в Литве развивалась в трудных условиях ликвидации тяжелых последствий войны и острой классово-борьбы, разжигаемой буржуазными националистами. С восстановлением и развитием народного хозяйства, победой колхозного строя и ликвидацией буржуазно-националистических вооруженных банд марксистское мировоззрение одержало окончательную победу над буржуазным мировоззрением и стало господствующим массовым мировоззрением в Литве. Огромное значение в этой мировоззренческой борьбе имело издание на литовском языке произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, сочинений В. И. Ленина. Компартия Литвы последовательно разоблачала буржуазную идеологию и философию. Беспощадной критике была подвергнута так называемая теория «единого потока» и другие буржуазные концепции.

За годы Советской власти в республике выросли новые кадры в области философии, социологии, логики и психологии. Издан ряд исследований по проблемам истории философской мысли как составной части культурного наследия Литвы⁵, по философским вопросам естествознания⁶, по вопросам диалектического и

⁵ См.: *Жаксас И.* Борьба материализма в буржуазной Литве против религии и идеализма в биологии. Вильнюс, 1956. На лит. яз.; *Расизм и евгеника в буржуазной Литве.* Вильнюс, 1959. На лит. яз.; *Юрчюнис Ю.* Ренессанс и гуманизм в Литве. Вильнюс, 1965; *Мацявичус И. А.* Литва // История философии в СССР. М., 1969—1971. Т. 1—4; *Гензерис Б.* Просветители и их идеи в эстетике. Вильнюс, 1970; *Пячкяйтис Р.* Философия эпохи феодализма в Литве. Вильнюс, 1975; *Источники истории философской мысли в Литве.* Вильнюс, 1980. Т. 1.

⁶ См.: *Павилонис С.* Происхождение человека. Вильнюс, 1955. На лит. яз.; *Наванаскус Т.* Происхождение жизни. Вильнюс, 1958. На лит. яз.; *Ицкович Н.* Философские основы господства человека над природой. Вильнюс, 1959. На лит. яз.; *Он же.* К вопросу о сущности категории относительности и ее взаимоотношении с категорией абсолютности. Вильнюс, 1968; *Григонис И.* Современная физика и философия. Вильнюс, 1969. На лит. яз.

исторического⁷ материализма, по критике современной буржуазной философии⁸, по логике⁹.

По современным вопросам религии и атеизма и их истории издано (в основном на лит. яз.) большое количество книг литовских ученых различных отраслей знаний и деятелей культуры¹⁰.

Откликаясь на призывы ЦК КПСС о необходимости повышения роли нравственного воспитания в комплексной системе коммунистического воспитания, разработки теоретических проблем марксистско-ленинской этики, формирования коммунистического мировоззрения и активной социально-политической позиции лич-

⁷ См.: *Лазурайтис А.* Истина и ценность. Вильнюс, 1979. На лит. яз.; *Павиленис Р.* Язык. Логика. Философия. Вильнюс, 1981. На лит. яз.; *Наука, ее методы и язык.* Вильнюс, 1981. На лит. яз.; *Соловьев В.* Любовь, бран и семья. Вильнюс, 1958. На лит. яз.; *Чедавичюс А.* Классы и классовая борьба. Вильнюс, 1959. На лит. яз.; *Лазурайтис А.* Социалистическая идеология. Вильнюс, 1963. На лит. яз.; *Зимонас Г.* Предпосылки и условия формирования литовской социалистической нации. Вильнюс, 1963. На лит. яз.; *Он же.* Через расцвет — к единству. О закономерностях дальнейшего сближения социалистических наций. Вильнюс, 1968. На лит. яз.; *Он же.* Советский образ жизни. Вильнюс, 1980. На лит. яз.; *Смирнов А.* Расцвет и сближение социалистических наций в СССР. Вильнюс, 1964. На лит. яз.; и др.

⁸ См.: *Минкявичюс Я.* Современный католицизм и его философия // Учен. зап. высших учебных заведений Литовской ССР. Сер. Философия. 1965. Т. V; *Категорис Р.* Современная буржуазная философия: (Анализ. очерк). Вильнюс, 1969. На лит. яз.; *Католицизм и современная идеологическая борьба.* Вильнюс, 1975. На рус. яз.; 1977. На лит. яз.; *Кузмицкис Б.* Современная католическая философия. Вильнюс, 1976. На лит. яз.; *Он же.* Модернизм в современном католицизме. Вильнюс, 1976. На лит. яз.; *Некрашас Э.* Логический эмпиризм и методология науки. Вильнюс, 1979. На лит. яз.

⁹ См.: *Плечкайтис Р.* Введение в логику. Вильнюс, 1968; 2-е изд. 1977. На лит. яз.; *Вайшвила А.* Развитие логики в Литве (1900—1940 гг.). Вильнюс, 1980. На лит. яз.

¹⁰ См.: *Матулис Ю.* Наука в борьбе с суевением и религией. Вильнюс, 1949; *Пакарлис П.* Экономическое и юридическое положение католической церкви в Литве в (XV—XIX вв.). Вильнюс, 1956; *Юргинис Ю.* Казимерас Лыщинскис — основоположник атеизма в Литве. Вильнюс, 1957; *Адомаускас Л.* Тайны священного писания. Вильнюс, 1960; *Рагаускас П.* Вступайте, месса окончена. Вильнюс, 1960; *Он же.* Со времени бна... Вильнюс, 1966; *Дагялис А.* Двудличие. Вильнюс, 1962; *Жюгелсда Ю.* Экспансия католической церкви в Прибалтику и Восточную Европу. Вильнюс, 1962; *Марконис С.* Большая иллюзия. Вильнюс, 1963; *Нюнка В.* От Ватикана первого до Ватикана второго. Вильнюс, 1963; *Он же.* Социальные мифы католицизма. Вильнюс, 1961; *Он же.* Ватикан и антикоммунизм. Вильнюс, 1970; *Рагаускас П.* Не хочу рая. Вильнюс, 1963; Небо, ксендзы и народ. Вильнюс, 1963; *Убийцы под кровом костела.* Вильнюс, 1963; *Кайрюкшис П.* Азбука свободомыслия. Вильнюс, 1964; *Матулайтис С.* Возникновение христианства и его сущность. Вильнюс, 1964; *Он же.* Пармазон, или Страх гнева божьего. Вильнюс, 1965; *Боги умирают.* Вильнюс, 1964; *Религия, атеизм, современность.* Вильнюс, 1966; *Барздайтис Ю.* Атеизм в Литве: Крат. истор. очерк. Вильнюс, 1967. На лит. яз.; *Он же.* Традиции атеизма в Литве. Вильнюс, 1980. На лит. яз.; *Вайрас-Рачкаускас К.* Ксендз-мятежник. Вильнюс, 1967; *Аничас И.* Социально-политическая роль католической церкви в Литве в 1945—1952 гг. Вильнюс, 1971. На лит. яз.; *Он же.* Католический клерикализм в Литве 1940—1944 гг. Вильнюс, 1972; *Минкявичюс Я.* Католицизм и нация. М., 1973; *Люди и религия.* Вильнюс, 1977; *Он же.* Религия в многонациональном мире. Вильнюс, 1978; *Общественная роль религии.* Вильнюс, 1961.

ности, философы республики совместно с другими специалистами подготовили и издали ряд коллективных и индивидуальных работ по этим вопросам¹¹.

По вопросам эстетики и эстетической культуры проведено несколько исследований¹².

С 1960 г. в республике издаются «Ученые записки высших учебных заведений Литовской ССР. Философия» (вышло девять томов), а с 1968 г. — то же издание по философии, социологии, логике, эстетике, этике и научному атеизму — «Проблемос» («Проблемы»).

В системе Академии наук Литовской ССР в 1977 г. создан Институт философии, социологии и права. Институт исследует и координирует в республике разработку философско-методологических проблем коммунистического воспитания, теоретических вопросов нравственной и эстетической культуры общества и личности, критики современной католической философии и клерикального антикоммунизма, марксистско-ленинской оценки философского культурного наследия.

2

Латвийская ССР

Образование Советской власти в Латвии в 1919 г., хотя она просуществовала всего неполных пять месяцев, имело огромное значение в жизни и борьбе латышского пролетариата и всех трудящихся Латвии. Под руководством Коммунистической партии Советская власть ликвидировала остатки феодализма, конфисковала помещичью землю и передала ее трудящемуся крестьянству, национализировала банки, крупные промышленные и торговые предприятия. Значительную помощь Латвии оказали другие социалистические республики, особенно РСФСР и Украина. Развернулось социалистическое строительство, создавалась новая культура.

¹¹ См.: Этика. Вильнюс, 1974; 2-е изд. 1977. На лит. яз.; Этические этюды. Вильнюс, 1977. Кн. I: Этика и гуманизм; 1978. Кн. II: Нравственное самовыражение личности; 1979. Кн. III. Нравственная культура общения; 1980. Кн. IV: Нравственное созревание личности; Нравственная культура. Вильнюс, 1980. На лит. яз.; Культура общения. Вильнюс, 1980. На лит. яз.; Нравственный прогресс и личность. Вильнюс, 1976; Методологические вопросы нравственной культуры социалистического общества и личности. Вильнюс, 1981; см. также: Бальсис А. Становление научного мировоззрения личности. Вильнюс, 1975; Он же. Мировоззрение в жизни общества и личности. Вильнюс, 1981; и др.

¹² См.: Нежнов Г., Статкявичус И. Эстетика. Вильнюс, 1963. На лит. яз.; Шепетис Л. Очерки модернизма. Вильнюс, 1967. На лит. яз.; Он же. Искусство и среда. Вильнюс, 1978; Беллис И. Некоторые черты концепции человека в современной литовской литературе. Вильнюс, 1969. На лит. яз.; Сеземанас В. Эстетика, Вильнюс, 1970. На лит. яз.; Контуры красоты: (Хрестоматия эстетики XX в.). Вильнюс, 1980.

В 1919 г. был издан на латышском языке ряд произведений основоположников марксизма-ленинизма: «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, работа К. Маркса «К критике политической экономии», работы В. И. Ленина «Задачи пролетариата в нашей революции», «Очередные задачи Советской власти» и др. Важным средством массово-политической работы была коммунистическая периодическая печать — газеты и журналы. Все это способствовало широкому распространению марксистско-ленинской идеологии.

Советская республика Латвия пала под натиском объединенных сил немецких, англо-американских империалистов и внутренней контрреволюции, которые снова передали власть латышской буржуазии. Коммунистическая партия Латвии, загнанная в глубокое подполье, продолжала работу по организации и воспитанию широких народных масс. Большое значение имела подпольная большевистская печать. Издательство Коммунистической партии Латвии «Спартак» издало такие труды классиков марксизма-ленинизма, как «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», «Задачи союзов молодежи», «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленина, «Гражданская война во Франции» К. Маркса и ряд других.

До фашистского переворота 1934 г. прогрессивным издательствам Латвии удалось выпустить «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии», статью В. И. Ленина «Карл Маркс» и др.

Овладевать марксистско-ленинской теорией трудящимся Латвии помогали эвакуировавшиеся в Советский Союз прогрессивные силы латышской интеллигенции. Они издали на латышском языке большое число книг по марксизму-ленинизму, среди них первый том «Капитала» К. Маркса, переведенный на латышский язык П. Стучкой, «Избранные произведения» В. И. Ленина, «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса.

Заслуживают внимания лекции по историческому материализму П. Стучки, изданные на латышском языке в 1920 г. в Москве, в которых он защищал и развивал наиболее актуальные вопросы исторического материализма. В них с ленинских позиций Стучка выступил против каутскианцев и других ренегатов по вопросам социалистической революции, разработал важные вопросы соотношения производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки, осветил с марксистских позиций вопросы культурного наследия.

Ранее, в 1919 г., в декабрьском номере журнала *Daģa* («Труд») Стучка поместил статью под названием «Исторический материализм и пролетарская революция», в которой критиковал ряд недалководидных установок Каутского по вопросам пролетарской революции.

В тяжелые дни июля 1918 г. П. Дауге прочел лекции по диалектическому материализму латышским стрелкам в Москве. Часть этих лекций была опубликована в 1919 г. в журнале *Darba rits* («Трудовое утро»).

Более двадцати лет латышская буржуазия вела свою антинародную работу. Особенно старалась она вытравить из сознания народа родство и вековую дружбу латышского и русского народов, их древние культурные связи, то большое влияние, которое оказала прогрессивная русская культура на культуру латышского народа.

Большие надежды в деле одурманивания народа латышская буржуазия возлагала на церковь. При Латвийском университете был открыт теологический факультет с отделениями для лютеран, католиков и православных. Профессора и преподаватели высших учебных заведений буржуазной Латвии, особенно общественных дисциплин, в массе своей были проводниками религиозной идеологии в сознание учащейся молодежи.

В «Обществе религиозных и философских наук», созданном в 1922 г. при Латвийском университете, состояли как теологи и философы теологического факультета, так и профессора и преподаватели других факультетов. Центральными вопросами, обсуждавшимися в этом обществе, были вопросы философии и истории религии, а также вопросы отношений между религией и наукой. Общество издавало «Религиозно-философские труды».

В 1924 г. в связи с юбилеем Канта при Латвийском университете было создано «Кантовское общество», которое в 1936 г. было превращено в «Философское общество». В этом обществе также безраздельно господствовал идеализм.

Среди профессоров философии буржуазного Латвийского университета не было ни одного материалиста. Все они представляли лишь отдельные оттенки идеализма от неокантианцев до спиритуалистов и фиденстов. Одним из организаторов философского отделения Латвийского университета, а также «Общества религиозных и философских наук» был П. Дале. Его философские взгляды представляют смесь идей Платона, Аристотеля, Лейбница, Канта, В. Соловьева, Оствальда и Бергсона. Воинствующим идеалистом был П. Юревич, который в поисках основы для объяснения мира пришел к «интегральному интуитивизму». Он выступал против материализма, каузальности и в этой связи особенно против дарвинизма, превозносил субъективно-идеалистическое учение А. Бергсона. Т. Целмс популяризировал феноменологическую школу Э. Гуссерля как «самую продуктивную». Идеализм, агностицизм и метафизика широко внедрялись во все отрасли науки и культуры буржуазной Латвии. Многие из естествовников, медиков и иных буржуазных специалистов пропагандировали идеализм и спиритуализм.

На медицинском факультете профессор внутренних болезней, он же декан факультета, М. Зиле занялся поисками первофеномена жизни и решил этот вопрос как виталист. Вопросами философии занимался химик А. Янек. В области теории познания он, примыкая к учению Пуанкаре и Бергсона, пришел к «иллюзионизму», согласно которому внешний мир представляет лишь одну видимость. Янек популяризировал и пропагандировал также буддизм. Другой профессор химии, он же последний министр просвещения в ульманисовском правительстве, Ю. Аушкап утверждал, что дух является основным элементом мира. Также профессор химии К. Блахер пропагандировал спиритизм и был руководителем рижского объединения спиритов.

В 1935 г. в университете был введен специальный курс евгеники, который читался приват-доцентом Г. Рейнхардом для студентов всех факультетов. Рейнхард излагал расистскую теорию, выступал против смешанных браков, особенно с евреями и неграми, всячески восхваляя расистские законы фашистской Германии. По примеру гитлеровской Германии и ульманисовское правительство Латвии в 1937 г. подготовило евгенический закон, в связи с чем особенно умножилась евгеническая, расистская и антисемитская литература.

Латышская буржуазия долгие годы отравляла сознание народных масс идеологией буржуазного национализма и шовинизма. Тезис о национальном характере истории, выросший из человеконенавистической расовой теории, использовался латышской буржуазией в борьбе против пролетарского интернационализма. Осуществляя враждебную политику против первой страны социализма — Советского Союза, латышская буржуазия делала все, чтобы возвести высокую стену между латышским и советскими народами. Был прекращен почти всякий доступ советской литературы в Латвию.

Но напрасны были потуги латышских буржуазных националистов посеять вражду между латышским и советскими народами. В своей нелегальной печати и в прогрессивных легальных организациях Коммунистическая партия разоблачала буржуазную ложь о Советском Союзе и информировала трудящихся Латвии о грандиозных достижениях советского народа в социалистическом строительстве. В трудных условиях работы Коммунистическая партия Латвии принимала меры для издания и получения марксистской литературы, организовывала изучение марксистско-ленинской теории. Большой вклад в разработку и защиту марксистско-ленинской теории, марксистской философии, теории государства и права внес П. Стучка, работавший, как и ряд других латышских партийных и общественных деятелей, в Советском Союзе.

- П. Стучка был председателем Верховного суда РСФСР, заведующим секцией всеобщего права и теории государства при Ком-

мунистической академии, профессором и заведующим кафедрой гражданского права Московского государственного университета. П. Стучка написал ряд фундаментальных трудов по вопросам государства и права, например: «Теория государства и советская конституция», «Классовое государство и гражданское право», «Революционная роль советского права», «Ленинизм и государство», «Курс советского гражданского права» в 3-х томах и много статей. Под редакцией П. Стучки вышла «Энциклопедия права и государства» в 4-х томах.

Большое внимание Стучка уделял вопросам сущности диктатуры пролетариата, коренному отличию Советского государства от государства буржуазного, советской демократии от демократии буржуазной.

Значительную работу в области философии в 20—30-е годы провел Я. Стэн. Он опубликовал ряд работ по вопросам марксистско-ленинской философии и международного революционного движения, принимал активное участие в развернувшейся в середине 20-х годов философской дискуссии между «диалектиками» и «механистами». В своих статьях и выступлениях он критиковал «механистов», пытавшихся подменить марксистский диалектический материализм естествознанием. Некоторые его формалистские ошибки, связанные с оценкой отношения диалектического метода Гегеля к марксистской диалектике, не умаляют его заслуг в борьбе против механицизма.

Философскими вопросами естествознания в 30-е годы занимались П. Валескали в области биологии и Э. Карповиц в области химии.

После свержения в 1940 г. фашистского правительства и восстановления в Латвии Советской власти были созданы все условия для развития народного хозяйства, науки, искусства, литературы. В этот период одной из важных задач в области идеологии была задача распространения марксистско-ленинского учения и борьбы против буржуазной идеологии. В сентябре 1940 г. ЦК Компартии Латвии принял «Постановление об организации партийной пропаганды в Латвии». Это постановление сыграло большую роль в массовом изучении и теоретическом обобщении марксистско-ленинской теории применительно к конкретным условиям Латвийской ССР.

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз, оккупация территории Латвийской ССР фашистскими бандами прервала широко развернувшуюся созидательную работу. В тяжелые годы Великой Отечественной войны отважные сыны латышского народа не прекращали пропаганду идей марксизма-ленинизма на оккупированной территории.

В послевоенный период в Латвии развернулась работа по восстановлению народного хозяйства, по построению социализма. В короткий срок республика была превращена в индустриальную

страну с высокоразвитой промышленностью, передовым колхозным и совхозным сельским хозяйством, в страну с широкой сетью учебных и культурно-просветительных учреждений. Значительным событием в жизни латышского народа было создание в 1946 г. Академии наук Латвийской ССР.

В этот период одной из важных задач была борьба против буржуазной идеологии. Во второй половине 40-х годов на страницах общественно-политического журнала латышских коммунистов «Большевик Советской Латвии» (с 1953 г.— «Коммунист Советской Латвии») разоблачалась идеалистическая философия латышских буржуазных националистов, подвергались критике различные реакционные концепции, которые порой протаскивали в лекциях и выступлениях некоторые ученые из среды старой буржуазной интеллигенции. Разоблачалась также фальсификаторская деятельность латышских белоэмигрантов, искажающих историю общественного движения и философской мысли в Латвии¹³.

В Латвии, как и в других советских республиках, огромное значение в деле утверждения марксистского мировоззрения в массах и в борьбе против буржуазной идеологии имело издание на родном языке работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. На латышском языке изданы также основные произведения русских революционных демократов, а также крупнейших русских естествоиспытателей-материалистов.

Важную роль в изучении истории революционного движения в Латвии сыграл подготовленный институтом истории партии при ЦК КП Латвии и вышедший из печати в 1948 г. сборник «В. И. Ленин о революционном движении в Латвии». В этот сборник включено свыше 70 документов В. И. Ленина (статьи, доклады, письма и другие материалы), в которых говорится о революционном движении в Латвии и о деятельности революционной социал-демократии латышского края. Этот институт провел большую научно-исследовательскую работу по изучению истории партии и выпустил в 1962, 1966 и 1980 гг. три тома «Очерков истории Коммунистической партии Латвии», которые охватывают деятельность партии до 1959 г.

Философы, обществоведы Латвийской ССР провели значительную работу по изучению развития прогрессивной общественно-политической и философской мысли в Латвии. На основе анализа документов, архивных материалов, редких публикаций выявлены интересные сведения о жизни и работе многих деятелей про-

¹³ См.: *Пельше А.* Задача интеллигенции в борьбе с латышскими буржуазными националистами. Рига, 1945; *Карповиц Э.* О патриотизме, интернационализме и космополитизме. Рига, 1950. На латыш. яз.; *Мишке В.* Кто такие латышские националисты? Рига, 1953. На латыш. яз.; *Буржуазные националисты — фальсификаторы латвийской истории*, Рига, 1952. На латыш. яз.

лого. Эти исследования раскрывают большое и благотворное влияние передовой русской мысли на формирование прогрессивных деятелей из среды латышского народа.

Коллектив философов Латвийской ССР особенно за последнее десятилетие проделал значительную работу.

Существовавший с 1962 г. при Институте истории Академии наук Латвийской ССР сектор философии значительно вырос и превращен в Институт философии и права. Философские исследования ведутся также сотрудниками кафедр философии высших учебных заведений, особенно Латвийского государственного университета им. Петра Стучки.

Многогранна исследовательская работа философов Латвийской ССР. Она включает вопросы диалектического и исторического материализма, философские проблемы частных наук, историю философии, вопросы эстетики, этики, социологические исследования и т. д.

Большое внимание уделяется исследованию и пропаганде философского наследия В. И. Ленина, особенно анализу ленинских идей в области философии естествознания, ленинскому учению о материи и ее атрибутах, ленинской теории отражения и др.¹⁴

Исследования по философским вопросам естествознания и общественных наук охватывают широкий диапазон. Основные направления этих исследований: методология современной науки, философские вопросы биологии, физики, механики, теории относительности, методологические проблемы математической логики, кибернетики, связь кибернетики с теорией познания.

Изданы три сборника по философским вопросам естествознания, авторами которых являются как философы, так и представители частных наук¹⁵. Опубликована монография о Лобачевском, посвященная философскому анализу трудов великого ученого¹⁶.

Философы Латвии успешно работают над философскими вопросами естествознания и методологии современной науки, разра-

¹⁴ См.: Валескалн П. И. Ленин и наука. Рига, 1969. На латыш. яз.; Он же. К 50-летию статьи В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма» // Изв. АН ЛатвССР. 1972. № 4; Лицис Н. А. Ленинский принцип неисчерпаемости материи — общий метод естественнонаучного познания // Там же. 1970. № 10; Он же. Ленин и философские проблемы естествознания. Рига, 1972. На латыш. яз.; Он же. Ленин о взаимосвязи философии и естествознания // Изв. АН ЛатвССР. 1972. № 5; Он же. Ленинский анализ революции и кризиса в физике и вопросы методологии естествознания // Там же. 1973. № 4; Он же. Ленинская критика «физического идеализма» // Там же. 1974. № 4; Марков В. А. Философские идеи В. И. Ленина и современное естествознание. М., 1977; Чухина Л. А. Методологические проблемы критики буржуазной философии в теоретическом наследии В. И. Ленина и современность // Изв. АН ЛатвССР. 1980. № 4.

¹⁵ См.: Философские вопросы физики и кибернетики. Рига, 1966; Философские вопросы естествознания. Рига, 1972; Кибернетика и философия. Рига, 1977.

¹⁶ См.: Лицис Н. А. Философское и научное значение идей Н. И. Лобачевского. Рига, 1976.

батываются, в частности, философские вопросы математики, физики, химии, кибернетики, освоения космоса¹⁷.

В области теории познания исследуются такие проблемы, как объективность знания в свете современной науки, роль принципов инвариантности в анализе процесса познания, специфика фактуального знания, преемственность в развитии научных представлений. Разрабатываются кибернетические модели познавательных процессов, проблемы искусственного интеллекта¹⁸.

Начиная с 1973 г. организован периодический выпуск тематических сборников «Вопросы теории познания диалектического материализма», объединивших преподавателей вузов республики. Опубликовано четыре выпуска этого сборника, а также два тома ученых записок «Вопросы философского наследия В. И. Ленина» (1970), «Вопросы логики и методологии познания» (1973). В них приняли участие Ю. П. Ведин, А. Ф. Полис, В. Я. Вильчинский, Э. К. Лиепинь, В. Е. Никифоров, В. А. Марков, Б. Я. Самуйлова, Л. И. Пахарь и др. Предметом исследования данного коллектива авторов стали вопросы истины и ее критерия, активность образа, роль факта и инвариантов в структуре научного знания, системное понимание материальной основы ощущения, место категорий отрицания, субстрата и субстанции в процессе познания, а также вопросы, связанные с системным подходом, моделированием, принципом простоты и наглядности в познании и др.

Анализируются вопросы познавательной роли ощущений, единства чувственного и рационального в процессе познания и познавательном образе, наглядность в познании, соотношение категориальной и логической структур мышления, формальные условия истинности, соотношение познания и языка и др.¹⁹

Коллектив кафедры философии Рижского политехнического института работает над проблемами всестороннего гармонического развития личности и формирования научного мировоззрения. Разрабатываются проблемы воспитания нового человека (И. Г. Моргунов), становления дисциплины труда молодого рабочего в производственном коллективе (Л. Д. Боряева), природы материаль-

¹⁷ См.: Марков В. А. Проблема сохранения в философии и естествознании // Проблема сохранения и принцип инерции. Рига, 1970; Он же. Сохранение, инвариантность и симметрия в свете ленинской идеи о всеобщности отражения // Изв. АН ЛатвССР. 1970. № 8; Он же. Эволюция идеи сохранения // Изв. АН ЛатвССР. 1974. № 8; Он же. Философские основания термодинамики. Рига, 1974; Он же. Проблемы материи в свете современной науки. Рига, 1976. На латыш. яз.; Он же. Идея сохранения и ее роль в научном познании. М., 1975; Он же. Проблема сохранения и современная наука. Рига, 1980.

¹⁸ См.: Растринин Л. А., Марков В. А. Кибернетические модели познания. Рига, 1976; Марков В. А. Структуры управления в познавательных процессах // Изв. АН ЛатвССР. 1976. № 12; Он же. Современные проблемы теории познания. Рига, 1979. На латыш. яз.; Растринин Л. А. Кибернетика и познание. Рига, 1978.

¹⁹ См.: Ведин Ю. П. Сущность и структура знания. Рига, 1972; Он же. Структура, истинность и правильность мышления. Рига, 1979; Познание и знание. Рига, 1983.

ных интересов, связи между потребностью и интересом в социально-философском аспекте (А. Н. Горин), развития личности в условиях научно-технической революции (Ф. А. Утина).

Под руководством А. Ф. Полиса разрабатывается проблема соотношения биологического и социального в формировании целостной личности; исследуются вопросы методологических основ изучения диалектики биологического и социального, соотношения биологического, психического и социального в гармонически развитой личности²⁰.

Над изучением особенностей духовной деятельности человека работал И. А. Мейкшан, исходя из положения о взаимной связи нейрофизиологического, психического и логического.

Под руководством В. А. Штейнберга (Э. А. Вебер, В. А. Марков, А. М. Мауринь, Я. Я. Страутманис и др.) проводится изучение вопросов взаимодействия общества и природы в условиях научно-технической революции. На основе общей методологии диалектического и исторического материализма анализируются социальные проблемы и практический опыт по охране внешней среды. Проблема охраны внешней среды анализируется комплексно — в материальном, политическом, правовом, нравственном, психологическом и других аспектах. Уделяется внимание разработке кибернетических моделей в экологии²¹.

Проведена значительная работа по изучению истории общественно-политической и философской мысли в Латвии²². Из философской Академии наук и высших учебных заведений республики были образованы коллективы для более широкого исследования и написания на латышском языке «Очерков о развитии общественной и философской мысли в Латвии». В 1976, 1977 и 1982 гг. вышли первые три тома этого издания. Первый том охватывает длинный период истории до XX столетия, второй том — 1900—1920 гг., третий — 1920—1940 гг.

В первом томе анализируются философские, эстетические и общественно-политические мотивы в латышском фольклоре, философские и общественно-политические взгляды ряда представителей прогрессивной немецкой интеллигенции, работавших в Латвии (Т. Л. Лау, И. Г. Гердер, Г. Меркель и др.), философские и общественные воззрения основных представителей младола-

²⁰ Полис А. Ф. Единство социального и биологического в гармоническом развитии личности. Рига, 1981.

²¹ Современная экологическая ситуация: (Философско-правовой аспект). Рига, 1978; Природа. Человек. Общество: (Социальные аспекты экологии). Рига, 1983; Природа и общество. Рига, 1984; Штейнберг Т. А. Социальные проблемы экологии человека. Рига, 1985.

²² См.: Валескайн П. И. Очерк развития прогрессивной философской и общественно-политической мысли в Латвии. Рига, 1967; Штейнберг В. А. Философская жизнь Латвии начала XX века (1900—1917). Рига, 1966; Лайзан П. В. Философские взгляды новотеченцев. Рига, 1968. На латыш. яз.; Кокио П. П. Философские проблемы в трудах П. И. Стучки. Рига, 1967.

тышского движения шестидесятых годов прошлого века (Ю. Алу-нан, К. Биезбардис и др.), буржуазного латышского философа Я. Осиса (Озе), основоположника критического персонализма. Освещаются философские взгляды ряда крупных ученых Рижского политехнического института (В. Оствальда, М. Центнершвера, П. Вальдена и др.). Большое внимание уделено основным деятелям «Нового течения» девятидесятых годов — П. Стучке, Ф. Розиню, Я. Янсон-Брауну, и особенно народному поэту Я. Райнису.

Во втором томе освещено развитие марксистской философской мысли в Латвии с первых лет XX в. до Великой Октябрьской социалистической революции. Особое внимание уделяется марксистским взглядам П. Стучки, Ф. Розиня, П. Дауге, Я. Янсона-Брауна. В третьем томе освещена философия в буржуазной Латвии 1920—1940 гг. (неокантианство, бергсонизм, гуссерлианство, неотомизм). Особое внимание уделено работавшим тогда в Советском Союзе латышским марксистам-ленинцам (П. Стучке, В. Кнориню, Я. Стэну, Э. Карповицу и др.). Дан также анализ эстетических взглядов Андрея Ушита и ряда представителей искусства.

Значительные исследования проведены в Латвии и по общей истории философии. Много работ по различным проблемам современной философии и истории философии принадлежит Э. Я. Карповицу. В 1965 г. вышла из печати его «Классическая немецкая философия», в которой было дано изложение учений Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и Фейербаха. Цикл его лекций в университете был обобщен в шести тетрадях: «Философия, ее предмет и роль в обществе» (1968); «Введение в историю философии» (совместно с Ц. В. Лайзаном) (1969); «Материя и сознание» (1969); «Законы диалектики» (1970); «Основные категории материалистической диалектики» (1970); «Теория познания» (1970).

Развернулась значительная работа по критике различных направлений буржуазной философии, в частности феноменологической аксиологии и гносеологии Макса Шелера, современной религиозной философии, философских и социологических концепций Г. Маркузе, особенно его концепции «катализаторов» революции, расширения массового базиса революции²³.

²³ См. статья Л. А. Чухиной в кн.: Проблемы ценности в философии. М.; Л., 1966; Она же. Критика современного философского фидеизма. Рига, 1975; Она же. Человек и его ценностный мир в религиозной философии. Рига, 1980; Прикулис Ю. И. Проблема «сущности» в онтологической концепции Г. Маркузе // Историко-философский сборник. М.: МГУ, 1972; Он же. Эволюция идеологии леворадикального движения молодежи // Вестн. Комитета молодежных организаций. 1972. № 2; Он же. Критика маркузманской концепции революции. М., 1975; Он же. Идеология левого радикализма: критический анализ концепции Г. Маркузе. Рига, 1983.

Дается критика неопозитивизма и прослеживается эволюция неопозитивизма в семантическом направлении²⁴.

Анализируется учение виднейшего латышского буржуазного философа Я. Ф. Осиса (Озе), профессора Юрьевского (Тартуского) университета, оказавшего большое влияние на многих буржуазных философов Латвии, провозгласившего свое направление в философии под названием «критический персонализм».

Критический обзор философских основ теологической системы Пауля Тиллиха провела О. Т. Вилните²⁵.

Историю и эволюцию католицизма в Латвии исследовал З. В. Балевиц²⁶.

Анализируется эволюция старообрядничества в Латвии со времени его возникновения до наших дней²⁷, идеология лютеранской церкви периода диктатуры буржуазии в Латвии²⁸. Вышли другие работы по вопросам религии, критики религиозной идеологии²⁹.

Латвийские философы активно разрабатывают актуальные проблемы теории научного атеизма и выступают с критикой религиозной идеологии.

Ведется также значительная работа по критике современного антикоммунизма и буржуазного национализма.

Ряд философов Латвийской ССР разрабатывает проблемы эстетики и этики. В 1976 г. на латышском языке вышла монография П. Я. Зейле «Эстетическая мысль в Латвии», написанная на материале, охватывающем многие столетия: рассмотрено развитие эстетической мысли от ее зачатков в латышском фольклоре через периоды феодализма и капитализма до первых шагов социалистического строительства в Латвии³⁰. Освещается

²⁴ Вейш Я. Я. Лингвистическая философия. Рига, 1981; Критика позитивистских и культурно-исторических концепций современной буржуазной философии. Рига, 1979.

²⁵ См.: Вилните О. Т. Пауль Тиллих — «теолог кризиса» // Филос. науки. 1968. № 2; Она же. Современная эволюция протестантской теологии: П. Тиллих и неортодоксия К. Барта // Изв. АН ЛатвССР. 1968. № 4; Она же. Критика философских основ теологической системы Пауля Тиллиха. Рига, 1971.

²⁶ См.: Балевиц З. В. Католицизм в социально-политической истории Латвии. Рига, 1978. На латыш. яз.; Он же. Католицизм в Латвии. Рига, 1981. На латыш. яз.; Он же. Католицизм в социально-политической истории Латвии: Период империализма. Рига, 1983.

²⁷ См.: Подмазов А. А. Старообрядчество в Латвии. Рига, 1970; Он же. Церковь без священства. Рига, 1973; Он же. Современная религиозность: особенности, динамика, кризисные явления. Рига, 1985.

²⁸ См.: Спилле В. Я. Лютеранство в Латвии. Рига, 1977. На латыш. яз.

²⁹ См.: Вейш Я. Я. Религия и церковь в Англии. М., 1976.

³⁰ См.: Зейле П. Я. Очерки развития эстетической мысли в Латвии. М., 1980; Он же. В красоте и правде жизни. Рига, 1967.

идеологическая борьба в области эстетической мысли³¹, исследуется эстетическое наследие А. В. Луначарского³².

Анализируются эстетические аспекты научного мышления и продуктов его деятельности — теорий, взаимосвязь философии и творчества, методологические вопросы теории и истории литературы³³.

За последние десятилетия значительно расширились социологические исследования в Латвийской ССР. Накоплен опыт исследований в области изучения социальной структуры социалистического общества, социальных проблем труда, образования, миграции, проблем демографии, эффективности средств массовой информации, бюджета времени, исследований в области криминологии, здравоохранения и др.

Большое значение в развертывании комплексных социологических исследований в республике имели научно-практические конференции, проведенные силами партийных органов и научной общественности по наиболее актуальным проблемам. Среди них: «Вопросы теории и практики идеологической работы партийных организаций в свете решений XXIV съезда КПСС» (1972); «Научно-практическая конференция по вопросам комплексного планирования, экономического и социального развития» (1974); «Проблема образа жизни социалистического общества» (1976); конференция по результатам комплексного исследования «Рост материального и культурного уровня сельского населения Латвийской ССР и актуальные проблемы идейно-воспитательной работы» (1977); «Социальные основы развития трудовых ресурсов сельского хозяйства» (1982) и др.

В целях научного руководства, координации и создания комплексных исследовательских коллективов в 1967 г. при Отделении общественных наук Академии наук Латвийской ССР был создан Научный совет по проблемам социологических исследований. Исследовательские коллективы и отдельные исследователи объединяются в работе проблемных секций Научного совета, в функции которых входит анализ тематики, программ, методики социологических исследований и обобщение результатов исследований в изданиях Научного совета³⁴.

Учитывая возросшую потребность в дальнейшем повышении научного качества и координации социологических исследований,

³¹ См.: Бараненкова А. Эстетика и идеологическая борьба // Коммунист Сов. Латвии: 1973. № 2.

³² См.: Бараненкова А. Ф. А. В. Луначарский и проблемы социалистической эстетики. Рига, 1965. На латыш. яз.

³³ См.: Марков В. А. Философия и литература: (Отражение философских идей в поэтическом творчестве). Рига, 1979.

³⁴ См.: Ашмане М., Фишмейстере Д., Вилциньш Т. Социологические исследования. Вопросы организации и методики. Рига, 1977. На латыш. яз.; Социологические исследования. Информационный сборник по основным научным направлениям и публикациям в области социологии. Рига, 1978.

в Институте философии и права АН Латвийской ССР создан отдел социологии.

В целях улучшения качества подготовки профессиональных социологов на Историко-философском факультете ЛатвГУ им. П. Стучки создана кафедра прикладной социологии. Наряду с организацией теоретической подготовки студентов кафедра обеспечивает и практическую подготовку студентов-социологов, привлекая их к проведению социологических исследований на предприятиях республики.

За последние годы проведены социологические исследования, представляющие значительный научный и практический интерес³⁵.

Существенно возросло число специалистов-философов, работающих в Латвии, и увеличиваются возможности для их плодотворного участия в решении общих для всех советских философов задач, порождаемых бурными, противоречивыми процессами, происходящими в современном мире.

3

Эстонская ССР

Победа возглавляемого большевиками пролетариата Эстонии в Великой Октябрьской социалистической революции была идейно подготовлена целым поколением революционеров. В 90-х годах XIX в. в Тарту возникли студенческие марксистские кружки. В Таллине в 900-х годах распространялась ленинская «Искра» М. И. Калининым, который организовал перевод статей «Искры» на эстонский язык и заложил основы местной организации РСДРП. В Тарту «Искра» распространялась Д. И. Ульяновым. В период революции 1905 г. видным пропагандистом марксизма стал большевик Х. Пегельман. Марксистско-ленинские идеи распространяли в 1912—1914 гг. с помощью большевистской газеты «Кийр» Я. Анвелът и В. Кингисепп. После победы Великой Октябрьской социалистической революции большевики развернули широкую пропаганду марксистско-ленинского учения³⁶.

³⁵ См.: Вопросы планирования экономического и социального развития. Рига, 1973; *Зиле Л.* Периоды и этапы строительства социализма и изменения социальной структуры общества. Рига, 1975; *Он же.* Трудовой коллектив завода ВЭФ. Рига, 1976; *Мурниежс Э.* Колхозное крестьянство Латвии. Рига, 1975. На латыш. яз.; Национальные отношения и интернациональное воспитание в условиях строительства коммунизма. Рига, 1975. На латыш. яз.; *Талберга И.* Научная интеллигенция Советской Латвии. 1940—1980. Рига, 1982. На латыш. яз.; Социальные перемещения в студенчестве. Рига, 1982; Социологические исследования в Советской Прибалтике. Рига, 1982; Социологические исследования в Латвийской ССР. 1978—1981 гг. Рига, 1983.

³⁶ На эстонский язык было переведено несколько десятков статей В. И. Ленина, «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Значительные заслуги в распространении марксизма-ленинизма, в творческом анализе бурных рево-

Однако эстонской буржуазии в союзе с интервентами удалось подавить революцию в Эстонии и временно захватить власть. В сложных условиях подполья Коммунистическая партия Эстонии использовала как легальные, так и нелегальные возможности распространения идей марксизма-ленинизма, возглавляла борьбу против буржуазной идеологии и философии. Легально удалось опубликовать некоторые работы В. И. Ленина и избранные произведения К. Маркса и Ф. Энгельса в трех томах (1937—1938).

Овладевать марксизмом трудящимся Эстонии в годы буржуазной диктатуры помогали работавшие в Советском Союзе эстонские революционеры. Хотя их работы с трудом проникали в Эстонию, они играли значительную роль в разоблачении буржуазных, националистических концепций истории Эстонии³⁷. В Советском Союзе на эстонском языке вышло значительное количество переводов работ классиков марксизма-ленинизма.

В идейной борьбе против реакционных, перерастающих в фашистские, тенденций и взглядов выступали прогрессивные представители демократической интеллигенции — писатели Э. Вильде, И. Варес-Барбарус, А.-Х. Таммсааре, ученые и общественные деятели А. Аудова, Н. Руус, Х. Хаберман, А. Уйбо и др. Некоторые из них стали активными участниками социалистической революции в Эстонии летом 1940 г., в результате которой была восстановлена Советская власть и начался новый этап в развитии марксистской философии в Эстонии. В условиях ожесточенной и сложной борьбы против буржуазной идеологии ряд крупных ученых стал на сторону народной власти. Перешел на позиции марксизма-ленинизма единственный в Эстонии профессиональный философ А. Коорт, впоследствии ректор Тартуского государственного университета.

После изгнания из Эстонии фашистских захватчиков КП Эстонии развернула широкую пропаганду марксизма-ленинизма, его изучение в вузах и сети политпросвещения республики, подготовку философских кадров. В 1948—1970 гг. вышли на эстонском языке сочинения В. И. Ленина (45 томов, по четвертому изданию; готовится перевод Полного собрания сочинений), переведены основные произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. Подготовка философских кадров велась главным образом с целью ликвидации острой нехватки преподавателей на кафедрах вузов, ведущих преподавание философских дисциплин. Отдельные научные публикации вышли уже в 50-х годах; по мере роста

люционных событий принадлежат видным деятелям революционного движения — Х. Пегельману, Я. Анвельту, И. Рабчинскому, И. Сихверу и др.

³⁷ См.: Пегельман Х. История классовых борьбы: Краткий обзор. Л., 1928. На эст. яз.; Он же. Большевизм и меньшевизм в 1905 г. Л., 1933. На эст. яз.; Анвельт Я. Наши разногласия. Л., 1928. На эст. яз.; и др.

численности и квалификации кадров сложились коллективы, разрабатывающие крупные проблемы.

До начала 60-х годов единственным центром философских исследований была кафедра философии Тартуского государственного университета. Кафедрой философии ТартГУ издается непериодическая серия «Ученых записок» под названием «Труды по философии» (вышли 24 тома). Самостоятельные кафедры философии имеются также в Таллинском политехническом институте, в Эстонской сельскохозяйственной академии. В 70-х годах философская наука в АН ЭССР развивалась с упором на конкретную социологию. Сектор философии Отдела философии и социологии (в составе Института истории) и созданная недавно кафедра философии АН сконцентрировали свои усилия в области методологии науки. Философские проблемы исследуются и на кафедрах марксизма-ленинизма вузов, плодотворно работает над этими проблемами ряд ведущих ученых — как естественников, так и обществоведов. Оживление в философскую жизнь внесло Эстонское отделение Философского общества (председатель бюро академик АН ЭССР Г. И. Наан), организовав ряд конференций и дискуссий. В научных учреждениях и вузах республики работает около 110 методологических семинаров.

Теоретическому анализу категорий материалистической диалектики посвятил ряд работ М. Г. Макаров³⁸. В своих исследованиях категорий цели и целесообразности он дает марксистскую оценку различных форм телеологии. Широко используя историко-философский и историко-научный материал в сочетании с анализом новейших данных науки, он показывает, что в телеологии выражаются в иллюзорной форме некоторые специфические виды причинных отношений; современное развитие науки привело к дальнейшему преодолению телеологии как идеалистической концепции, а также к критическому переосмыслению «рационального зерна» телеологии. Понятие цели, освобожденное от антропоморфных и биоморфных элементов, получает значение объективной характеристики сложных саморегулирующихся систем, выражаемой в терминах обратной связи и информации³⁹.

Ряд аспектов, законов и категорий материалистической диалектики проанализирован в работах Т. Лойта и Л. Вальта⁴⁰.

³⁸ Макаров М. Г. Категории материалистической диалектики. Таллин, 1963; 2-е изд. 1973. Оба изд. на эст. яз.

³⁹ См.: Макаров М. Г. О телеологии неовитализма // Учен. зап. ТартГУ. 1969. Вып. 225; Он же. Объективная диалектика и проблема телеологии // Современные проблемы материалистической диалектики. М., 1973. Целостное изложение этого цикла исследования содержится в монографиях М. Г. Макарова, опубликованных им после переезда в Ленинград: «Категория „цель“ в домарксистской философии» (Л., 1974). «Категория „цель“ в марксистской философии» (Л., 1977).

⁴⁰ См.: Лойт Т., Макарова М., Вальт Л. Основные законы материалистической диалектики. Таллин, 1971. На эст. яз.; Вальт Л. О. Соотношение структуры и элементов // Вопр. философии. 1963. № 5; Лойт Т. Сущность и явление. Таллин, 1967. На эст. яз.

Отправной точкой исследований Я. К. Ребана были проблемы диалектической логики⁴¹. В дальнейшем он сконцентрировал свое внимание на процессах социальной детерминации познания⁴².

Для философского анализа социальной детерминации познания в широком смысле (включая социально-историческую и социально-культурную детерминацию познания) он пользуется понятием «социальная память», обозначая этим термином передаваемую с помощью социально-культурных средств информацию, на базе которой формируется сознание человека как исторически конкретного социального существа и реализуется общий процесс развития познания человечеством объективной реальности. Подчеркивая семантическую перегруженность понятия «информация»⁴³, предостерегая против недифференцированного подхода к кибернетическому понятию информации, Я. Ребане предлагает в системе «социальной памяти» различать, с одной стороны, средства накопления и передачи информации, или носители «социальной памяти» (исторически конкретный человек как «социально запрограммированное» существо, орудия производства и материальная культура в целом, объективно существующие социальные отношения, язык), с другой стороны, духовно-смысловое содержание «социальной памяти» (знания, логический строй мышления в широком смысле, ценности, содержание различных форм общественного сознания как отражения общественного бытия). Развиваемая им концепция «социальной памяти» основана на неразрывном единстве теории познания марксизма-ленинизма и материалистического понимания истории. Я. Ребане сконцентрировал в 70-х годах на кафедре философии Тартуского государственного университета исследовательскую группу, которая на основе его концепции социальной детерминации разработала широкий комплекс проблем эстетического познания (Л. Столович), социально-классовой детерминации теорий революции (Р. Блум), социализации личности (П. Кенкманн), методологии истории (Э. Лооне, А. Порк), методологии естествознания (Р. Вихалемм) и др.⁴⁴ Исследовательская группа, возглавляемая Я. Ребане, удостоена в 1980 г. премии Советской Эстонии.

⁴¹ См.: Ребане Я. Что такое диалектическая логика? Таллин, 1963. На эст. яз.

⁴² См.: Ребане Я. О социальном характере познания. Таллин, 1967. На эст. яз.; Он же. О комплексном изучении социальной детерминации познания // Социальная природа познания. М., 1973. Вып. 1.

⁴³ См.: Ребане Я. Информация и общественное познание // Исторический материализм. Таллин, 1970. На эст. яз.

⁴⁴ См.: Социальная детерминация: Филос.-методол. проблемы // Учен. зап. ТартГУ. 1980. № 465; Вихалемм Р. А. Понятие научности и социальная детерминация формирования науки // Наука в социальных, гносеологических и ценностных аспектах. М., 1980; и др.

Философские проблемы естествознания традиционно являются одним из основных направлений философской мысли в Эстонии, сочетающим усилия как философов (большинство из них имеет и естественнонаучное образование), так и естественников. Наиболее полно в Эстонии исследовались философские проблемы физики. В частности, эстонские философы и физики приняли участие в решении фундаментальных методологических проблем теории относительности и квантовой механики. Дискуссия вокруг специальной теории относительности в 1951—1955 гг. началась со статьи Г. И. Наана⁴⁵. В ней был дан отпор вульгаризаторской критике специальной теории относительности некоторыми советскими философами, которые отождествляли физическую относительность с необъективностью, философским релятивизмом и идеализмом, а введение «наблюдателя» (с целью большей наглядности изложения) — с субъективизацией движения. Дальнейшее развитие науки показало правомерность введенного Г. Нааном понятия «физической относительности», отвергнутого, кстати сказать, при подведении итогов дискуссии. Позиция Г. Наана была поддержана и критически развита многими участниками дискуссии, в том числе и эстонским физиком П. Г. Кардом, который уточнил формулировку принципа относительности и показал более строгий путь исключения того же пресловутого «наблюдателя», который представлял собой отчасти терминологическую, а отчасти идейную дань субъективному идеализму⁴⁶.

В своих исследованиях П. Кард пришел к выводу, что суть формулировки принципа относительности сводится к утверждению равноправности всех инерциальных систем, а отнюдь не однозначности законов природы во всех инерциальных системах отсчета: последнее может быть источником недоразумений вплоть до попыток заменить принцип относительности принципом Лоренца. Несмотря на тождественность математической формы теории Эйнштейна и теории Лоренца, их физическая сущность глубоко различна, даже взаимоисключающа⁴⁷. Релятивистский принцип эквивалентности массы и энергии П. Кард интерпретирует как тождественность массы и энергии⁴⁸.

В качестве диалектического дополнения принципа соответствия П. Кард сформулировал принцип несоответствия: каждая новая фундаментальная теория, сохраняя преемственную связь со старой, характеризуется и принципиальной новизной, образующей ее ядро и наиболее полно воплощающей ее сущность; это

⁴⁵ См.: Наан Г. И. К вопросу о принципе относительности в физике // *Вопр. философии*. 1951. № 2.

⁴⁶ Кард П. Г. О теории относительности // Там же. 1952. № 5.

⁴⁷ Кард П. Г. Теория Эйнштейна и теория Лоренца // Там же. 1963. № 1.

⁴⁸ Кард П. Г. К обоснованию принципа тождественности массы и энергии // *Учен. зап. ТартГУ. Сер. Философские вопросы физики*. 1974. Вып. 331.

ядро абсолютно чуждо старой теории и не подчиняется принципу соответствия⁴⁹.

Широкий круг проблем пространства и времени анализировался в работах Г. И. Наана (объект и метод космологии, природа космологических парадоксов и др.). Г. Наан считает, что физика приближается к такой реальности, которая не поддается расщеплению на субстанциальную основу и пространственно-временную форму (на «начинку» и «каркас»). В цикле исследований по проблеме бесконечности Г. Наан выделил ряд типов бесконечности, показал осложнения, возникшие в решении данной проблемы в связи с открытием суперисточников (квазаров), подверг критике спекулятивный подход к проблеме бесконечности⁵⁰.

Философские вопросы квантовой механики исследовались в многочисленных работах В. П. Хютта. Ему принадлежит развернутое толкование сущности квантовомеханического описания реальности в свете категорий абсолютного и относительного. Им же разработана типология физического знания и предложено оригинальное толкование концепции дополнительности⁵¹. Смысл квантовомеханической волновой функции уточнен в работах П. Г. Карда.

Гносеологическая природа метода моделирования и роль мысленных экспериментов в физике исследовались в работах Л. О. Вальта и Ю. А. Казватса⁵². Л. О. Вальт одним из первых дал обобщенное определение понятия модели и классификацию моделей; на материале истории физики он исследовал эвристическое значение воображаемых моделей и их трансформаций в ходе мысленного эксперимента. Философское содержание понятия симметрии исследует Ю. В. Таммару⁵³.

Ряд философских проблем химии освещался в работах Р. А. Вихалемма⁵⁴. Интересна его попытка анализировать исто-

⁴⁹ См.: Кард П. Г. Принцип несоответствия // Методологические вопросы физики. Тарту, 1975.

⁵⁰ Обобщение его результатов см.: Наан Г. И. Понятие бесконечности в математике и космологии // Бесконечность и Вселенная. М., 1969.

⁵¹ См.: Хютт В. П. Абсолютность и относительность в интерпретации квантовой механики. Тарту, 1965; *Он же*. Концепция дополнительности и проблема объективности физического знания. Таллин, 1977.

⁵² См.: Вальт Л. О. Познавательное значение модельных представлений в физике. Тарту, 1964; *Он же*. О роли мысленного эксперимента в развитии научной теории // Логика и методология науки. М., 1967; *Он же*. Объект, проблема и модель // Метод моделирования и некоторые проблемы истории и методологии естествознания. Таллин, 1975; Казватс Ю. А. К построению логико-математических моделей физических теорий // Там же.

⁵³ Симметрия и антиномичность классических представлений о пространстве и времени // Принцип симметрии. М., 1978.

⁵⁴ См.: Вихалемм Р. А. О разработке философских проблем химии // Вopr. философии. 1974. № 6; *Он же*. История формирования одной науки. Таллин, 1981. На эст. яз.; *Он же*. Возможна ли химическая картина мира? // Филос. науки. 1982. № 1.

рическое становление химии, ее методов с точки зрения гносеологии и методологии науки. Он пришел к заключению, что не существует хоть сколько-нибудь самостоятельной химической картины мира, отличающейся от физической и биологической картин мира. Под его редакцией вышла коллективная монография «Методология науки» (Таллин, 1979. На эст. яз.), в которой рассматриваются основные закономерности и методы научного познания, дается критический анализ немарксистских концепций развития науки. Подробное аналитическое исследование понимания структуры естественнонаучного знания и его языка логическим эмпиризмом, учениями К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса содержится в двухтомнике О. А. Подлишевского «Современная буржуазная философия науки о языке и развитии естественнонаучного знания» (Таллин, 1980. Т. I; 1982. Т. II).

Анализ методологических проблем науки в трудах философов Эстонии часто переплетается с науковедческим и историко-научным подходами. Об этом свидетельствуют и материалы республиканских науковедческих конференций (Науковедение и современность. Таллин, 1979. Вып. I; 1982. Вып. II. На эст. яз.). В этом отношении характерны работы Т. В. Лойта, в которых рассматриваются метатеоретические проблемы биологической науки, обосновывается необходимость в условиях НТР системного науковедения и освещается идеологическая борьба в современном эволюционизме⁵⁵. Общефилософские проблемы биологии разрабатывает Х. Хаберман⁵⁶. Насыщенные репрезентативным фактическим материалом и исходящие из теоретико-системных представлений исследования К. Л. Паавера в области микроэволюции проливают новый свет на спорные в современной синтетической эволюционной теории методологические вопросы⁵⁷. В работах Т. Я. Сутта разносторонне исследовалась направленность эволюционного процесса и давалась оценка нетрадиционным его трактовкам, в частности номогенезу⁵⁸. Были проведены содержательные симпозиумы по общетеоретическим и методологическим проблемам биологии⁵⁹.

К ряду выводов мировоззренческого порядка приходит путем рефлексии над применением основных понятий термодинамики к современной экологической ситуации и к проблеме обнаруже-

⁵⁵ См.: Лойт Т. В. Философия и идеология в современном эволюционизме. Таллин, 1970. На эст. яз.; *Он же*. Теоретическая биология как метатеория биологической науки // *Вопр. философии*. 1974. № 6; *Он же*. О роли генетического подхода в методологических исследованиях науки // *Сб. науч. тр. Эстонской с.-х. акад. Тарту*, 1970. № 66; и др.

⁵⁶ См.: Хаберман Х. О сущности жизни. Таллин, 1970. На эст. яз.

⁵⁷ См.: Паавер К. Л. Вопросы синтетического подхода в биоморфологии. Таллин, 1976.

⁵⁸ См.: Сутт Т. Проблема направленности органической эволюции. Таллин, 1977.

⁵⁹ См.: Эволюционная теория и проблема «человек — природа». Тарту, 1978; *Микро- и макроэволюция* Тарту, 1980.

ния внеземных цивилизаций К. К. Ребане⁶⁰. Исследования, посвященные философскому осмыслению современной экологической ситуации, вышли из-под пера Т. Сутта, К. Кузмина, Т. Орава и др.

В области исторического материализма философы Эстонии анализировали категории и общенаучные понятия, отражающие социальные отношения и их развитие, разрабатывали проблемы общественного сознания, национальных отношений и интернационального воспитания, методологии конкретных социальных исследований. В многоплановом исследовании категории «цель» М. Г. Макаров рассмотрел место цели в общественном развитии, уровни целенаправленной регуляции различных общественных систем, роль социальных целей и ценностей, соотношение цели и средств⁶¹. Исследуя структуру философского сознания, М. Макаров выделил два основных уровня: философская теория, концептуализированная в специальной литературе, и актуализация философии в сознании индивидов и классов в качестве компонента мировоззрения.

Исследуются философские аспекты теории социальной революции⁶².

Вышло много работ по теоретическим проблемам социальной психологии и общественного сознания. Анализируются проблемы психического склада социальных групп⁶³ (социальный характер, привычки, обычаи, предрассудки), интеллектуально-эмоционального отражения общественных условий, рассматриваются интеракционные социально-психологические явления (мода, слухи), взаимоотношения общественной психологии с идеологией. Дается характеристика психологического склада нации и значения учета его в интернациональном воспитании⁶⁴.

Исследовались актуальные проблемы теории наций и национальных отношений⁶⁵. Ряд научных и публицистических работ посвящен изучению категории свободы⁶⁶. Популярная философская трактовка цикла философских проблем НТР была дана пре-

⁶⁰ См.: Ребане К. К. Энергия, энтропия, среда обитания. Таллин, 1980.

⁶¹ См.: Макаров М. Г. Цель и средства. Таллин, 1966. На эст. яз.; Он же. К вопросу о цели в общественном развитии // Общественное сознание. Таллин, 1960. На вст. яз.; и др.

⁶² См.: Блюм Р. Н. Об основном и главном (решающем) противоречиях в общественной жизни // Диалектика современного общественного развития. М., 1966; Он же. Теория социальной революции. Таллин, 1969. На эст. яз.; Блюм Р. и др. Классы, классовые отношения, современность. Таллин, 1981. На вст. яз.; и др.

⁶³ См.: Горячева А. И. Общественная психология. Таллин, 1966. На эст. яз.

⁶⁴ См., напр.: Горячева А. И. О структуре общественного сознания и месте в ней общественной психологии // Учен. зап. ТартГУ. 1969. Вып. 225; Горячева А. И., Макаров М. Г. Общественная психология: философская и социально-политическая характеристика. Л., 1979.

⁶⁵ См.: Штейн О., Лукс А. О формировании эстонской социалистической нации. Таллин, 1970. На эст. яз.

⁶⁶ См.: Ури У. Аспекты свободы. Таллин, 1974. На эст. яз.

подавателями философии Тартуского госуниверситета в сборнике «Философские проблемы современной научно-технической революции» (Таллин, 1977).

В работах эстонских философов значительное внимание уделяется проблемам идеологической борьбы в современной философии, критике буржуазных и ревизионистских концепций. Особое значение этой проблематики для Эстонии обусловлено особенностями исторического развития и географическим положением республики. Цикл статей по этим проблемам опубликовали в журнале «Коммунист Эстонии» Я. Ребане и Л. Вальт. Поиски философского осмысления крупных социальных проблем современности, как правило, сопровождаются критическим анализом немарксистских трактовок соответствующих проблем⁶⁷.

В общем русле диалектического и исторического материализма эстонскими философами исследовались проблемы методологии истории⁶⁸. Молодыми учеными Тартуского университета исследовалось соотношение исторической науки с ее методологией⁶⁹. Критика современной англо-американской аналитической философии истории и детальное обсуждение особенностей исторического объяснения содержатся в публикациях А. Порка⁷⁰.

В 60-х годах от философии отпочковался все расширяющийся фронт социологических исследований, которые ведутся во многих научных учреждениях. Прикладные социологические исследования стали значительным фактором в составлении планов социального развития; с ними связана почти половина философских кадров республики. Чаще стали появляться обобщающие исследования по крупным проблемам собственно социологии и проблемам, пограничным с историческим материализмом и научным коммунизмом. Ю. Ю. Какх использовал социологический подход в исследовании процесса формирования новой исторической общности — советского народа⁷¹.

В разных аспектах исследуются социологические проблемы молодежи⁷². Были проведены плодотворные всесоюзные конфе-

⁶⁷ См., напр.: Вальт Л., Сависаар Э. Познавательное и идеологическое в глобальном моделировании // Коммунист Эстонии. 1982. № 4; Они же. Религия как средство глобальной ценностной переориентации в социальной философии «Римского клуба» // Филос. науки. 1982. № 4; Глобальные модели и сценарии будущего, Таллин, 1983; и др.

⁶⁸ См.: Лооне Э. Н. Проблема исторического объяснения // Филос. науки. 1975. № 6; Он же. Основные этапы развития структуры познания в исследовании истории // Учен. зап. ТартГУ. 1975. Вып. 361; Он же. Современная философия истории. Таллин, 1980.

⁶⁹ См.: История и методология науки. Тарту, 1976.

⁷⁰ См.: Порк А. А. Историческое объяснение: Крит. анализ немарксист. теорий. Таллин, 1981; и др.

⁷¹ См.: Какх Ю. Черты сходства. Таллин, 1974.

⁷² См.: Титма М., Кенжманн П. Проблемы молодого поколения. Таллин, 1977. На эст. яз.; Социальные перемещения и студенчество: (На материалах социол. исследований в Прибалтике). Вильнюс, 1981.

ренции по отдельным проблемам социологии⁷³, проводятся сравнительные социологические исследования между странами СЭВ, где координаторами выступают социологи Эстонии. Ведутся и исследования социальных проблем семьи⁷⁴.

В Эстонии опубликован ряд работ по истории русской философской мысли XVIII — начала XIX в.⁷⁵ Отношение древнегреческой философии к становящемуся естествознанию в ряде работ исследовал В. П. Хютт. Ему же принадлежит сопоставление идей классической немецкой философии и современной физической науки⁷⁶.

Определенная работа проделана в области истории философской и общественно-политической мысли в Эстонии (Э. А. Янсен, Г. И. Наан, И. М. Саат). Оценка философии и социологии в буржуазной Эстонии содержится в публикациях О. М. Штейна. История философии в Тартуском университете и взгляды первого эстонского философа-профессионала акад. А. Коорта исследовал Р. А. Руутсоо. Публикации обзорного характера имеют Я. К. Ребане и Л. О. Вальт. В подборке публикаций в «Вопросах философии» (1982. № 8), посвященной 350-летию Тартуского университета (авторы ректор ГУ А. В. Кооп, Я. К. Ребане, Л. Н. Столович, Р. А. Вихалемм, В. Р. Блюм, Х. А. Танклер), рассматривается история философской мысли в одном из старейших университетов нашей страны и представляются наиболее весомые направления современных исследований. Но целостного монографического обзора историко-философского процесса в Эстонии мы еще не имеем, остались неисследованными и многие частные аспекты. Исчерпывающий монографический обзор существует лишь по исследованиям в области философских вопросов физики⁷⁷.

В монографиях и статьях Л. Н. Столовича исследовались фундаментальные проблемы эстетики: предмет эстетической науки, сущность эстетического отношения, аксиологическая интерпретация эстетического и др.⁷⁸ Работы Л. Н. Столовича переведены и изданы во многих социалистических странах, а также в Шве-

⁷³ См.: О формировании социальной однородности: Материалы к I Всесоюз. конф. «Развитие социальной структуры советского общества». Таллин, 1981.

⁷⁴ См.: Проблемы семьи. Тарту. 1982.

⁷⁵ См.: *Логман Ю. М.* Был ли Радищев дворянским революционером? // *Вопр. философии.* 1959. № 3; *Блюм Р. Н.* Взгляды П. Л. Лаврова на революцию // *Там же.* 1974. № 6; *Он же.* Понятие политической и социальной революции в домарксистской и марксистской общественной мысли // *Проблемы социальной революции.* М., 1976; *Он же.* П. Н. Ткачев о теории революции // *Филос. науки.* 1976. № 6.

⁷⁶ См., напр.: *Хютт В. П.* Методы и идеи Гегеля и современное физическое познание // *Докл. X Международного гегелевского конгресса.* М., 1974. Вып. I.

⁷⁷ См.: *Хютт В. П.* Философские вопросы физики в Советской Эстонии за 30 лет (1948—1978). Таллин, 1979.

⁷⁸ См.: *Столович Л. Н.* Эстетическое в действительности и искусстве. М., 1959; *Он же.* Проблема прекрасного и эстетический идеал. Л., 1965; *Он же.* Природа эстетической ценности. М., 1972; *Он же.* Философия красоты. М., 1978; и др.

ции и ФРГ. Выдвинутая и обоснованная им концепция эстетического⁷⁹ вызвала дискуссию в марксистской эстетике и легла в основу ряда исследований, которыми подтверждается ее плодотворность. В работах Ю. Матьюса дана оценка феноменологической эстетики Р. Ингардена; им же рассматривались методологические аспекты определения искусства. Р. Сарап опубликовал книгу «Научно-техническая революция и эстетика» (Таллин, 1974. На эст. яз.). Проводились интересные социологические исследования процесса приобщения к искусству⁸⁰. Эстетика, теория искусства и семиотика синтезируются в культурологических исследованиях Ю. М. Лотмана, его школы и сотрудников⁸¹. Ряд проблем эстетики рассматривался в работах Б. М. Бернштейна и Я. Кангиласки.

Наиболее распространенной формой религии в Эстонии было лютеранство. Поэтому вполне естественно, что это обстоятельство учитывается также в научно-исследовательской работе по научному атеизму. Идеологическое содержание современного лютеранства и вообще протестантства, а также социологические аспекты преодоления религиозных пережитков всесторонне исследованы в работах К. А. Виммсааре. Он показывает, что ходячее утверждение о быстрой модернизации протестантства в общей форме лишено оснований. Протестантский модернизм (так называемая либеральная теология) фактически не оказал скольнибудь существенного влияния на церковную практику. Поворот лютеранских пасторов к социально-нравственной проблематике имел целью в какой-то мере затормозить процесс резкого уменьшения религиозности в Советской Эстонии⁸².

К. Виммсааре анализирует также феномен религиозной индифферентности, показывает содержащиеся в ней опасности и значение, конструктивную роль научного атеизма в формировании действительно научного, коммунистического мировоззрения⁸³. В ценностном аспекте рассматривались соотношения религиозного и эстетического сознания⁸⁴.

Успехи философов Советской Эстонии были бы невозможны без помощи крупных философских центров СССР (особенно в области подготовки кадров — в Эстонии нет пока возможности по-

⁷⁹ См.: Столович Л. Н. Предмет эстетики. М., 1961; *Он же*. О двух концепциях эстетического // *Вопр. философии*. 1962. № 2; и др.

⁸⁰ См.: Лайдмяэ В. И. Изобразительное искусство и его зритель. Таллин, 1976.

⁸¹ См.: Труды по знаковым системам. Тарту, 1965 — (Изд. продолжается); Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике. Тарту, 1964; *Он же*. Структура художественного текста. М., 1970.

⁸² См.: Виммсааре К. Прошлое и современность лютеранства. Таллин, 1969. На эст. яз.; *Он же*. Религия и церковь в Эстонии. Таллин, 1978. На эст. яз.; *Вопросы научного атеизма* // *Тр. Таллинского политехн. ин-т*. 1975. № 372.

⁸³ См.: Виммсааре К. Равнодушие — это хорошо или плохо? Таллин, 1981. На эст. яз.

⁸⁴ См.: Столович Л. О противоречиях эстетического и религиозного сознания // *Вопр. философии*. 1974. № 6.

лучить высшее образование в области философии или защитить диссертацию), без широкого делового сотрудничества с философскими учреждениями братских республик. У эстонских ученых сложились тесные связи с институтами философии АН СССР, АН УССР и АН КазССР, с вузами Москвы, Ленинграда, Минска, Вильнюса и многих других городов СССР, где обучались аспиранты из Эстонии, защищали диссертации и проходили стажировку научные сотрудники и преподаватели.

Быстрое развитие исследовательской и пропагандистской работы в области философии, приобщение к философии широких народных масс, значительный рост численности и повышение квалификации философских кадров — таковы основные итоги пути, пройденного марксистской философской наукой в Советской Эстонии за годы Советской власти.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

АВТОНОМНЫЕ РЕСПУБЛИКИ РСФСР

1

Автономные республики Поволжья и Приуралья

Татария. После победы Великой Октябрьской социалистической революции интенсивное распространение марксизма-ленинизма стало главной чертой развития общественного сознания, философской и общественной мысли в Татарии.

В первые годы Советской власти центральные вузы страны оказали существенную помощь в подготовке марксистски образованных национальных кадров, центральные издательства помогли в печатании на татарском языке марксистской литературы. Большую роль в пропаганде теоретических основ марксизма-ленинизма сыграли местные партийные и советские работники и ученые — С. Саид-Галиев, Г. Ибрагимов, В. В. Адоратский, Г. С. Гордеев, Я. С. Шейнман, И. И. Ходоровский, Г. Касимов, И. Рахматуллин, Ш. Ахмадиев, Л. Гумеров и др.

Важное значение для утверждения марксистско-ленинского мировоззрения имели теоретические и политические журналы обкома партии — «Вестник» (1920—1925), «Спутник партактива» и «Житэкче» (1926—1932), «Большевик Татарии» (с 1932 г.) и др.

Старейший вуз Татарии — Казанский университет был известен как один из центров философской мысли России. В предоктябрьские годы здесь преподавали историк античной философии

фии А. О. Маковельский, логик Н. А. Васильев. В годы Советской власти Казанский университет способствовал широкому распространению марксистско-ленинских идей в восточной части России и Сибири. В 1919—1920 гг. в Казанском университете и Казанской партшколе читал лекции В. В. Адоратский. В эти годы он начинает свои исследования ленинского философского наследия. Теоретическая и пропагандистская деятельность Адоратского оказала серьезное влияние на мировоззрение и направление творческой деятельности казанских обществоведов и ученых других специальностей. Уже в советское время А. О. Маковельский стал признанным специалистом по древней философии благодаря своим исследованиям: «Досократики» (Казань, 1919), «Досократовская философия» (Казань, 1920) и др. А. Ф. Самойлов и Н. Н. Парфентьев руководили университетскими философскими семинарами и опубликовали в 20-х годах ряд работ по философским проблемам естествознания. Эти ученые, хотя и стояли в то время в основном на позиции естественноисторического материализма, выступили с защитой марксистской философии и оказали положительное влияние на формирование философских взглядов творческой интеллигенции.

В развертывании научно-исследовательской работы и подготовке преподавательских и научных кадров по общественным наукам большую роль сыграли исторический факультет и кабинет истории и теории марксизма педагогического института, где читали лекции и руководили научными исследованиями философ В. Д. Дитякин, обществоведы Н. Н. Фирсов, К. М. Корбут, Г. Ибрагимов, Дж. Валиди и др.

Большой вклад в дело пропаганды марксизма-ленинизма среди трудящихся и подготовки идеологических кадров для Татарской и других республик Поволжья внес Татарский коммунистический университет (1922—1932).

С начала 20-х годов планомерно стали издаваться на татарском языке работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, популярные брошюры местных авторов по марксизму. В 1924 г. при обкоме партии была создана специальная комиссия по переводу и изданию трудов В. И. Ленина на татарском языке. В 1925—1927 гг. комиссия подготовила и выпустила около сорока тематических сборников, в которые вошли почти все основные труды В. И. Ленина. Работа, начатая этой комиссией, продолжилась и в последующие годы¹.

В 20-х годах были опубликованы теоретические работы партийных и общественных деятелей И. И. Ходоровского, Г. Ибра-

¹ К настоящему времени сочинения В. И. Ленина полностью изданы на татарском языке. Многие работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина выходили на татарском языке отдельными изданиями, некоторые из них неоднократно переиздавались. С 1917 г. по настоящее время работы В. И. Ленина на татарском языке вышли в 349 книгах общим тиражом около трех миллионов экземпляров.

гимова, С. Саидгалиева и др., освещавшие революционную и теоретическую деятельность В. И. Ленина, его вклад в развитие марксизма, воздействие его на национально-государственное и культурное строительство в Татарии².

В первые годы после Октября в центре внимания советских ученых-марксистов стояли *теоретические проблемы общественно-го развития*. К первым самостоятельным исследованиям, посвященным этим проблемам, относятся работы Г. Ибрагимова. Особого внимания заслуживает его книга «Великая Октябрьская революция и диктатура пролетариата» (Казань, 1922), которая является первым в татарской литературе исследованием, раскрывающим значение Октябрьской социалистической революции.

Важные положения исторического материализма пропагандировались в работах Г. Толымбайского, И. Рахматуллина, Х. Юлдашева³ и др. Книга Х. Наума «Исторический материализм», изданная в 1930 г. в Москве, была первой попыткой создания на татарском языке учебника по историческому материализму. Проблемы духовного развития общества с позиций марксизма анализировались в исследованиях Г. Нигмати, Г. Гали, Г. Сагди⁴.

С первых дней установления Советской власти в Татарии до начала 30-х годов одним из важнейших участков идеологического фронта была *борьба против буржуазно-националистической идеологии*. В пропаганде и осуществлении ленинской национальной политики, а также в борьбе против буржуазного национализма велики заслуги М. Вахитова, К. Якубова, Х. Урманова, И. И. Ходоровского, С. Саидгалиева, И. Рахматуллина, М. О. Разумова и других партийных и государственных деятелей Татарии.

Исследованию национального вопроса и разоблачению реакционной сущности идеологии и практики буржуазных националистов были посвящены теоретические работы Г. Ибрагимова, Г. Гали, Г. Касимова, Х. Хасанова, Ш. Типеева и др. Особенно

² См.: Ходоровский И. И. В. И. Ленин — великий вождь и учитель трудящихся. Казань, 1920; *Он же*. Партийные и беспартийные. Казань, 1920; *Он же*. III Коммунистический Интернационал. Казань, 1920; *Он же*. Великая Октябрьская революция. М., 1924; *Он же*. Образование Татарской республики и В. И. Ленин // Безнег юл. 1925. № 2; Ибрагимов Г. Диктатура пролетариата и Ленин // Кызыл Армия. 1920. 22 апр.; Труды Ленина // Эшче. 1920. 22 апр.; Октябрь и Ленин // Кызыл Армия. 1924. 7 нояб.; Мохтасаров М. Ленин против антимарксистских течений // Безнег юл. 1924. № 4—5; Саидгалиев С. Татарская республика и товарищ Ленин // Кызыл Татарстан. 1925. 28 янв.; Садрй Х. Товарищ Ленин и создание Татарии // Кызыл Татарстан. 1930. 29 июля.

³ См.: Толымбайский Г. Предисловие Маркса «К критике политической экономии» // Безнег юл. 1923. № 6/7; Рахматуллин И. Ленин и партия о построении социализма в одной стране // Житэкче. 1926. № 5/6; Юлдашев Х. Теоретические основы правого и «левого» оппортунизма // Житэкче. 1930. № 1, 2, 4, 5.

⁴ См.: Нигмати Г. О коммунизме. М., 1924; *Он же*. Литература и жизнь. Казань, 1931; Гали Г. В борьбе за пролетарскую литературу. Казань, 1931; *Он же*. Насущные задачи на литературном фронте // Атака. 1931. № 3; Сагди Г. Наша литературная критика // Безнег юл. 1927. № 10; *Он же*. О символизме. Казань, 1932.

ценным трудом, раскрывающим реакционную сущность буржуазного национализма, явилась книга Г. Ибрагимова «Черные веги, или Белоземгрантская литература» (М., 1924), которая была переведена на русский и ряд тюркских языков.

Проблемы национальной культуры рассматривались в книгах Г. Ибрагимова, Г. Гали. Ш. Типеева, Х. Хасанова⁵. Эти труды, а также работы Г. Касимова, М. О. Разумова, Ш. Ибрагимова⁶ и других сыграли важную роль в разоблачении реакционной сущности буржуазно-националистической идеологии, в пропаганде принципов марксистско-ленинской теории и программных положений партии по национальному вопросу, в утверждении социалистических национальных отношений в республике.

В 20—30-х годах среди первых работ, анализирующих и пропагандирующих основные *положения диалектического материализма*, были работы А. Гумерова и Х. Наума⁷, знакомившие читателя с ленинской теорией отражения, ленинским вкладом в развитие теории познания диалектического материализма.

О методологическом значении принципов и законов диалектического материализма в научном познании писали Х. Юлдашев, Г. Нигмати, Г. Сагди и др. В монографии Г. Алпарова⁸, посвященной главным образом проблеме языка и мышления, сделана попытка применить требования диалектико-материалистического метода в конкретном научном исследовании.

Проблеме соотношения философии и частных наук были посвящены некоторые выступления видного физиолога А. Ф. Самойлова⁹. Он отстаивал идеи материализма в естествознании, абсолютизируя, однако, роль частнонаучных методов и недооценивая метод диалектический. Его колебания по этому кругу вопросов были расценены как уступка механицизму и подвергнуты критике в книге Х. Наума¹⁰, в которой основное внимание уделялось проблемам, стоявшим в центре дискуссии «диалектиков» с «механистами» в 20-х годах, и давался критический анализ взглядов Стенанова, Аксельрод, Варьяша и других.

⁵ См.: Ибрагимов Г. По какому пути пойдет татарская культура? Казань, 1927; Типеев Ш. Нация и национальная культура. М., 1929; Гали Г. В борьбе за пролетарскую культуру. Казань, 1931; Хасанов Х. Против буржуазного национализма на историческом фронте. М., 1931.

⁶ См.: Ибрагимов Ш. О султангалиевщине. Казань, 1931; Касимов Г. Пантюркистская контрреволюция и ее агентура султангалиевщина. Казань, 1932; Разумов М. О. Ленинская национальная политика в реконструктивный период. Казань, 1933; и др.

⁷ См.: Гумеров А. Диалектический материализм // Безенг юл. 1923. № 1; Наум Х. Материализм // Безенг юл. 1925. № 5; Он же. Диалектический материализм. Казань, 1926; и др.

⁸ См.: Алпаров Г. К марксизму в языковедении. Казань, 1932.

⁹ См.: Самойлов А. Ф. Диалектика природы и естествознание // Под знаменем марксизма. 1926. № 4/5; Он же. Детская болезнь «левизны» в материализме, II, 1926.

¹⁰ Наум Х. Исторический материализм. М., 1930. На татар. яз.

Философские дискуссии 20-х — начала 30-х годов нашли свое отражение и в идейно-философской жизни Татарии. В частности, усилилось внимание философов республики к изучению и пропаганде ленинского философского наследия. Так, например, в работе Н. Н. Парфентьева¹¹, посвященной книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», рассматривалась методологическая роль материалистической диалектики в развитии естествознания.

В целом для первых десятилетий послеоктябрьского периода развития общественной и философской мысли в Татарии характерны в основном осмысливание и популяризация основных положений марксистско-ленинской теории, борьба с религиозно-идеалистическими, националистическими и вульгарно-материалистическими концепциями, утверждение диалектического и исторического материализма в качестве теоретической основы строительства нового общества.

В 50-е годы интенсивно разворачивается научно-исследовательская работа в республике. В нее включается новое поколение ученых, главным образом членов научных коллективов, созданных при кафедрах философии и научного коммунизма вузов, крепнут их связи с научными центрами страны, расширяется тематика философских исследований.

В послевоенные годы в Татарии усилилась теоретическая разработка проблем *материалистической диалектики*. «Диалектический материализм» М. И. Абдрахманова¹² явился первым самостоятельным учебным пособием на татарском языке, содержание и способ изложения которого соответствовали существовавшему уровню развития философской науки.

Сущность *основных законов и категорий диалектики*, их познавательно-методологическое значение анализируются в ряде специальных пособий, разработок и диссертационных работ¹³.

Гносеологическая проблематика исследуется философами Казанского университета¹⁴. Проблемам научного предвидения и общественного прогресса посвящен ряд исследований и коллективных монографий¹⁵.

Большое внимание уделяется раскрытию значения ленинского теоретического наследия для разработки проблем методологии научного познания, анализу ленинского вклада в развитие тео-

¹¹ См.: Парфентьев Н. Н. Ленин и естествознание. Казань, 1934.

¹² См.: Абдрахманов М. И. Диалектический материализм. Казань, 1966.

¹³ См. работы В. С. Вязовкина, В. В. Лузгина, М. Н. Магвеева, М. Ф. Фасеева, В. Г. Чикиной и др.

¹⁴ Проблемы научного познания разрабатываются Л. Л. Тузовым, М. И. Бойковым, В. Н. Комаровым и др.

¹⁵ См.: Вопросы теории научного предвидения. Казань, 1970; Социальное предвидение как инструмент познания и действия. Казань, 1983; Актуальные проблемы социального познания и предвидения. Казань, 1984; Жуйкова Р. М., Тузов Л. Л. Эмпирическое и теоретическое в социальном предвидении. Казань, 1984.

рии познания¹⁶. Значительный интерес представляют также исследования, в которых раскрывается сущность диалектического метода и диалектической логики, разработанных К. Марксом в «Капитале»¹⁷.

С начала 60-х годов достаточно плодотворная работа ведется в республике по *философским проблемам естествознания*. Исследования в этой области являются основным направлением научной работы кафедры философии Казанского авиационного института, ряда философов университета и других вузов. Философские вопросы физики, химии, кибернетики и астрономии рассматривались в тематическом сборнике «Философские вопросы естествознания» (Казань, 1961) и других работах¹⁸. Опубликован ряд исследований, посвященных проблемам научно-технической революции¹⁹.

Исследования последних лет выявили и выдвинули на первый план новые проблемы диалектической теории развития²⁰. Группа философов Казанского химико-технологического института изучает основные принципы построения современной химической картины мира²¹. Серьезные исследования проводятся по логико-методологическим аспектам теории относительности, анализируются космологические модели гравитации²².

Исследователи обратились к этическим проблемам науки, выясняя специфику форм моральной ответственности ученого в капиталистическом обществе и значение этой ответственности для развития науки в условиях социализма²³.

В исследованиях в области *марксистско-ленинской социологии* важное место занимают проблемы, связанные с закономерностями формирования, развития и совершенствования социалистических общественных отношений. Еще в начале 50-х годов на кафедре философии Казанского университета сложилось направление научных исследований, предметом которых были закономерности становления и развития социализма. Эти проблемы широ-

¹⁶ См.: В. И. Ленин и теоретические основы строительства коммунизма. Казань, 1970; работы Р. Г. Балтанова, В. Н. Комарова и др.

¹⁷ См.: Шевцов И. С. Вопросы методологии «Капитала» К. Маркса. Казань, 1977.

¹⁸ См., например: Гришкин И. И. Понятие информации: Логико-методологический аспект. М., 1973; Щелкунов М. Д. Математизация естественнонаучного знания. Казань, 1984; и др.

¹⁹ См.: Котых Г. К. Содержание и сущность современной научно-технической революции. Казань, 1971; Философско-социологические вопросы НТР. Казань, 1983; и др.

²⁰ См.: Комаров В. Н. Диалектический материализм и характеристика некоторых сторон движения в неорганической природе. Казань, 1970; Он же. Философские вопросы наук о Земле. Казань, 1974; Матвеев М. Н. Диалектика самоорганизации предбиологических систем. Казань, 1975; и др.

²¹ См., например: Вязовкин В. С. Химическая картина природы и ее эволюция. М., 1980; и др.

²² См.: Киносьян В. А. Философские проблемы физики гравитации. Казань, 1982.

²³ См.: Медянцева М. П. Ответственность ученого как социально-этическая проблема. Казань, 1973.

ко рассматриваются в монографии М. И. Абдрахманова «О роли социалистических производственных отношений в развитии производительных сил» (Казань, 1957). Философско-социологические проблемы общественных отношений и сейчас остаются одним из основных направлений научных исследований кафедр философии и научного коммунизма университета и ряда других вузов республики²⁴. Связанные с ними вопросы социального развития личности исследуются на кафедре философии педагогического института²⁵. Разрабатывается марксистско-ленинская концепция человека²⁶. Интенсивно исследуется роль рабочего класса в общественном развитии, в формировании и развитии *трудовых коллективов*²⁷.

Плодотворно ведутся исследования *актуальных проблем марксистско-ленинской теории социальной революции*. Особое внимание при этом уделяется проблемам типологии социальных революций, диалектике объективных и субъективных факторов в социальных революциях, критике буржуазных теорий социальной революции²⁸.

Большое внимание уделяют философы республики дальнейшей разработке *ленинского теоретического наследия по национальному вопросу и проблеме межнациональных отношений в СССР*²⁹.

Исследования ряда философов Татарии посвящены актуаль-

²⁴ См.: В. И. Ленин и некоторые вопросы теории и практики строительства коммунизма. Казань, 1962; Октябрьская революция и общественный прогресс. Казань, 1967; В. И. Ленин и общественный прогресс. Казань, 1970; *Лебедев Б. К.* Исторические формы социальных типов личности: Социально-философский аспект. Казань, 1976; *Мурсалимов Р. В.* Диалектика главной производительной силы коммунистической формации. Казань, 1982; *Мухарьмов Н. М.* Интернационалистские тенденции в истории революционного демократизма. Казань, 1984; Актуальные философско-социологические проблемы социалистического общественного производства: Материалы науч. конф. Казань, 1985; Вопросы теории политической системы социализма. Казань, 1985; и др.

²⁵ См. работы *Х. Ф. Сабирова, С. И. Бермана, Р. В. Мурсалимова, В. Х. Абинова* и др., а также: Личность в общественных отношениях. Казань, 1983.

²⁶ См.: *Сабиров Х. Ф.* Человек как социологическая проблема. Казань, 1972; Проблема человека и интегративно-общенаучные процессы в эпоху НТР: Науч. тр. КГПИ. Казань, 1984.

²⁷ См.: *Нугаев М. А.* Трудовая активность рабочего класса развитого социалистического общества. Казань, 1975; *Нугаев М. А., Измайлов А. И.* Производственный коллектив как субъект и среда социальной активности. Социол. очерк. Казань, 1978; Социальная активность трудящихся в развитом социалистическом обществе. Казань, 1978.

²⁸ См.: *Кузин В. А.* Народные массы и революция. Казань, 1966; Субъективный фактор революции. Казань, 1974; *Кузин В. А., Крашениников М. А., Фахрушин М. Х.* Ленинская теория социалистической революции и о contemporaneity. Казань, 1986.

²⁹ См.: *Садьяков М. Б.* Единство интернациональных и национальных интересов в Советском многонациональном государстве. Казань, 1975; Развитие национальных отношений в СССР. М., 1986; работы *М. Р. Булатова, М. М. Мусина, В. Ф. Семенова, Я. Ш. Шарапова,*

ным вопросам *марксистско-ленинской эстетики*³⁰. Большое познавательное и воспитательное значение имеет коллективный труд «Духовная красота советского человека» (Казань, 1980).

Ученые-марксисты Татарии с первых послеоктябрьских лет уделяли серьезное внимание критике мусульманской религии, разъяснению отношения социалистического государства к религии и вероисповеданию. В последние годы в республике активно разрабатываются проблемы марксистско-ленинского *религиоведения и атеизма* — происхождение и природа ислама, его социально-политическая роль на различных этапах истории татарского народа, влияние ислама на содержание и развитие духовной культуры татарского народа, кризис ислама и модернистские тенденции в нем, выявившиеся в условиях Советской Татарии³¹. Актуальные проблемы религиоведения, научно-атеистического воспитания и методологии конкретно-социологических исследований в этой области особенно плодотворно разрабатываются Р. Г. Балтановым³². Ряд работ посвящен критике православия³³.

За последние годы опубликованы исследования, посвященные проблемам *критики современной буржуазной философии и социологии, разоблачению идеологии антикоммунизма и ревизионизма*³⁴. Критическому анализу теоретических основ и методологии «советологических» концепций посвящены исследования М. Х. Фарухшина³⁵.

Философы Татарии, критикуя современный буржуазный национализм, разоблачают попытки идеологов антисоветизма фаль-

³⁰ См.: *Гизатов К. Т.* О развитии национальной формы литературы и искусства. Казань, 1968; *Он же.* Национальное и интернациональное в советском искусстве. Казань, 1982; *Волович Л. А.* Система эстетического воспитания. Казань, 1976; и др.

³¹ См.: *Балтанов Р. Г., Гильфанов И.* Реакционная сущность Корана. Казань, 1962.

³² См.: *Балтанов Р. Г.* Коммунистическая нравственность и борьба против моральных норм ислама. Казань, 1964. На татар. яз.; *Он же.* Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания. Казань, 1973.

³³ См.: *Шушкин А. А.* Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола в русской православной церкви. Казань, 1970; *Комаров Ю. С.* Критика понимания свободы в современном русском православии. Казань, 1976.

³⁴ См.: *Несмелов О. В.* Какого мирного существования хотят идеологи империализма? М., 1964; *Он же.* Марксизм-ленинизм и стратегия мира. Казань, 1970; Против буржуазных фальсификаторов истории и политики партии. М., 1980; *Морозов О. В.* Критика буржуазных фальсификаций социалистического интернационализма. Казань, 1984; *Критика буржуазных извращений реального социализма.* Казань, 1984; *Комаров В. Н.* Эволюция позитивизма — проявление кризиса буржуазной философии науки // *Коммунист Татарии.* 1985. № 8; и др.

³⁵ См.: *Фарухшин М. Х.* Ленинские принципы критики антимарксизма. Казань, 1972; *Он же.* Партия в политической системе советского общества: (Против концепции современного антикоммунизма). Казань, 1973; *Он же.* Социалистическая демократия и буржуазная «советология». Казань, 1976; *Он же.* Политическая система развитого социализма и современный антикоммунизм. Казань, 1980; *Он же.* Несостоятельность буржуазной фальсификации политической культуры социализма. Казань, 1986.

сифицировать основные положения программы и политики нашей партии по национальному вопросу; разоблачается, в частности, миф буржуазных советологов о чисто «русском» характере социалистических преобразований в России, о якобы насильственном навязывании татарской нации «русского» социалистического пути развития³⁶.

Под пристальным вниманием исследователей находится *история развития философской и общественной мысли в Татарии*. Начало научной разработке этой важной проблемы было положено трудами Г. Ибрагимова. Особенно большую роль в осмыслении научной методологии исследования духовного наследия татарского народа сыграла его работа «Марксистский метод в изучении общественных и литературных движений» (Казань, 1922). Г. Ибрагимов оставил ряд ценных исследований о развитии общественной мысли татарского народа, о творческом наследии его мыслителей и революционных деятелей. К первым серьезным исследованиям, выполненным с позиций диалектико-материалистических принципов, относятся также работы Н. Н. Фирсова («Прошлое Татарии». Казань, 1926) и Г. Сагди («История татарской литературы». Казань, 1926), раскрывающие роль татарской просветительской и демократической мысли в духовном развитии народа.

Новый размах получили историко-философские исследования после опубликования постановления ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» от 9 августа 1944 г.³⁷, указавшего на серьезные идеологические ошибки в освещении истории татарского народа. Развернулась большая подготовительная работа по созданию научной истории Татарии, ее результатом явилось издание в 1955 и 1960 гг. двухтомника, в 1968 г. — однотомника «История Татарской АССР». Возрос интерес к более глубокому исследованию различных этапов и проблем развития общественной и философской мысли. Ощутимый вклад в изучение формирования татарского просветительства и революционно-демократической мысли внес М. Х. Гайнуллин³⁸.

³⁶ См.: Батыев С. Г. Буржуазный национализм — орудие антикоммунизма // Коммунист Татарии. 1970. № 10; Батыев С. Г., Абдуллин М. Татарская АССР: реальность и буржуазные мифы. Казань, 1977; Фасеев К. Ф. Иллюзия идеологов антитовтизма: Против буржуазной фальсификации жизни социалистических наций. Казань, 1978; Железнов Б. Автономия подлинная и мнимая. Казань, 1982; Абдуллин М. Борьба без компромиссов. Казань, 1982; и др.

³⁷ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 7. С. 513—520.

³⁸ См.: Гайнуллин М. Х. Шигаб Марджани // Совет эдебияты. 1943. № 12; Он же. Каюм Насыри. Казань, 1945; Он же. Каюм Насыри и просветительское движение среди татар. Казань, 1955; Он же. Татарская литература и публицистика начала XX в. Казань, 1961; Он же. Татарская литература XIX в. Казань, 1968; и др.

Монографические работы, теоретические и критические статьи, посвященные проблемам истории общественно-политической и философской мысли в Татарии, разработке фундаментальных вопросов методологии изучения и популяризации идейно-теоретического наследия татарского народа, опубликованы К. Ф. Фасеевым. В его монографии «Из истории татарской передовой общественной мысли» (Казань, 1955) дается обстоятельная характеристика исторических условий формирования просветительского движения среди татар, татарской революционно-демократической общественной мысли, подробно анализируются идейно-теоретическое наследие К. Насыри, общественно-политические, философские и эстетические воззрения мыслителей революционно-демократического направления — Г. Тукая, Г. Камала и М. Гафури. Круг интересов К. Ф. Фасеева не ограничивается историко-философской тематикой, ряд его работ посвящен проблемам национальных отношений и атеизма³⁹.

В исследованиях по истории татарской общественной мысли особенно большое внимание уделяется *наследию передовых деятелей татарской культуры*, в частности проблемам *идеологии просветительства*⁴⁰. Так, монография Я. Г. Абдуллина «Татарская просветительская мысль. Социальная природа и основные проблемы» (Казань, 1976) является многоплановым исследованием, освещающим место и историческую роль просветительства в духовной жизни татарского народа. Ряд принципиальных вопросов истории общественной и философской мысли в Татарии, влияния на нее идей русских революционных демократов представлен в книге Я. Г. Абдуллина и К. Ф. Фасеева «Н. Г. Чернышевский и татарская общественная мысль» (Казань, 1978).

Определенный вклад в решение ряда проблем истории философской и общественной мысли татарского народа внесли исследования татарских историков и литературоведов⁴¹.

В ряде работ рассматриваются различные этапы распространения марксистско-ленинских философских идей в Татарии, борь-

³⁹ См.: Фасеев К. Ф. Национальные отношения и ислам. Казань, 1968; Национальное и интернациональное в социалистической культуре. Казань, 1970; На путях пролетарского интернационализма. Казань, 1971.

⁴⁰ См.: Нафигов Р. И. Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. Казань, 1964; Общественно-политическая мысль в Поволжье в XIX — начале XX в. Казань, 1977; Михайлова С. М. Формирование и развитие просветительства среди татар Поволжья. Казань, 1972; исследования Р. М. Амирханова и Р. Ж. Мухаметшина, опубликованные в сборниках ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР в 1979 и в 1985 гг.

⁴¹ См.: Халитов Г. М. Путь Тукая. Казань, 1962; Он же. Тукай и его современники. Казань, 1966; Хасанов М. Х. Галимджан Ибрагимов. Казань, 1964; 2-е изд. 1977; Нуруллин И. З. Путь к зрелости. Казань, 1971; Он же. Габдулла Тукай. Казань, 1979; Хасанов Х. Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977; Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978; Газизуллин Ф. Г. Дорогой правды: Социально-экономические интересы классов и татарская экономическая литература 1880—1917 гг. Казань, 1979; и др.

бы против буржуазной идеологии, ревизионизма и реформизма, защиты теоретических основ марксизма-ленинизма⁴².

Освещаются историко-философские проблемы, связанные с разработкой ленинского теоретического наследия и изучением идеологической борьбы партии за осуществление ленинской национальной политики в Татарии, изучается революционная и идейно-теоретическая деятельность выдающихся революционеров-большевиков Татарии⁴³.

Многие проблемы истории развития общественной и философской мысли в Татарии ждут еще своей разработки и освещения. Целенаправленное исследование ее послеоктябрьского периода начато сравнительно недавно, но уже дало определенные результаты⁴⁴.

Философы республики участвуют во всесоюзных и зональных теоретических конференциях по актуальным философским проблемам, научные конференции проходят и в республике. За последние годы в Казани проведены всесоюзные теоретические конференции по проблемам противоречий научного познания (1974), по методологическим вопросам бионики (1977), «Национальное и интернациональное в социалистическом образе жизни», «Ленинские идеи коммунистического воспитания и современность» (1980) и др. Это также свидетельствует о высоком профессиональном, научно-теоретическом уровне татарских философов, которые вместе с учеными других братских республик вносят свой вклад в развитие философской науки в стране.

Башкирия. Особенности распространения марксистско-ленинского учения в Башкирии после Великой Октябрьской социалистической революции были обусловлены совокупностью экономических и идеологических факторов социального развития республики. Этот край был экономически отсталым, с малочисленным рабочим классом из коренной национальности. Уфимская губерния занимала по грамотности сороковое место среди 50 губерний европейской России. Обучение в мектебах и медресе было преимущественно религиозным.

⁴² Валеев А. М. Н. Е. Федосеев — один из первых марксистов в России. Казань, 1952; Хамматов Ш. М. Казанская организация большевиков в годы первой русской революции. Казань, 1955; Хасанов Х. Х. Большевицкая газета «Урал». Казань, 1967. См. также: Очерки истории партийной организации Татарии. Казань, 1972; Нуруллин Р. М. Становление партийно-советской печати на татарском языке. 1917—1925. Казань, 1975.

⁴³ См.: Мухарямов М. К. Татарская культура за 40 лет Советской власти. Казань, 1957; Он же. Октябрь и национальный вопрос в Татарии. Октябрь 1917 — июль 1918. Казань, 1958; Он же. Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии. М., 1969; Сайдашева М. А. Ленин и социалистическое строительство в Татарии. М., 1969.

⁴⁴ См.: Абдрахманов М. И., Фасеев М. Ф. Марксистско-ленинская философская мысль в Татарии // Вопр. философии. 1972, № 12; Фасеев М. Ф. Вопросы материалистической диалектики в теоретической мысли Татарии 20-х годов // Из истории татарской общественной мысли. Казань, 1979; Абдуллин Я. Г., Фасеев М. Ф. Философская наука в Советской Татарии // Филос. наука. 1982. № 6.

В первые годы после Октября партийная организация Башкирии внедряла наиболее приемлемые массовые формы идейного воздействия в ходе осуществления культурной революции. В соответствии с решениями VIII и X съездов РКП(б) в республике создается широкая сеть партийного просвещения (совпартшколы, курсы политграмоты, кружки, ячейки и т. д.), призванная вооружать членов партии и беспартийный актив знаниями теории и методологии марксизма-ленинизма.

В первые послеоктябрьские годы в реализации задач пропаганды актуальных проблем марксистско-ленинской теории среди башкирского народа активное участие принимали видные деятели партии — М. И. Калинин, Е. М. Ярославский. С Башкирией был связан период в жизни известного деятеля чешской культуры Ярослава Гашека, открывшего в 1919 г. в Уфе клуб «Интернационал».

В своей идеологической работе партийная организация Башкирии опиралась на когорту большевиков ленинской закалки (Б. Я. Нуриманов, Т. С. Кривов, А. П. Кучкин, А. К. Евлампиев, А. Ю. Цурюпа, Н. П. Брюханов, П. В. Точисский, М. С. Кадомцев, Ш. А. Худайбердин и др.). В агитационные аппараты активно выдвигались коммунисты из среды башкир и татар. В резолюции VIII Башкирской конференции РКП(б) (1924) подчеркивалось: «Для усиления работы среди татаро-башкир необходимо привлекать в аппараты агитпропа товарищей из этих национальностей»⁴⁵. Подготовка марксистски образованных кадров велась как на местах, так и путем направления на учебу в центральные учебные заведения. По далеко не полным данным, с 1919 по 1927 г. из Башкирии было направлено в центральные вузы 998 человек, многие из которых впоследствии приняли активное участие в политическом просвещении масс.

Партийная организация Башкирии выдвинула ряд теоретически подготовленных работников (А. Тагиров, З. Булашев, Г. Давлетшин, Х. Хасанов, Б. Ишемгулов, Д. Юлтый и мн. др.), опубликовавших вскоре после Октября на родном языке первые работы по вопросам диалектического и исторического материализма, политической экономии, научного атеизма и истории КПСС.

Были осуществлены первые переводы на башкирский язык произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, в том числе таких ленинских трудов, как «Три источника и три составных части марксизма», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме». На башкирском языке в 1924—1970 гг. выпущено 160 книг и брошюр классиков марксизма-ленинизма. За это время было издано 140 книг и брошюр В. И. Ленина. Были изданы переводы 15 учебников по философии, истории партии, политэкономии.

⁴⁵ См.: Резолюция областных конференций Башкирской партийной организации и пленумов обкома КПСС. Уфа, 1959. С. 187.

Средством политического просвещения и коммунистического воспитания явилась местная партийная печать. На страницах журналов «Янги юл» («Новый путь»), «Белем» («Знание») и др., а также в республиканских газетах велась систематическая пропаганда основ марксизма.

Для становления и развития социалистической философской культуры в Башкирии в первые годы после Октября особое значение имела борьба против идейной платформы татарских и башкирских националистов («султангалиевщины», «валидовщины»), критика реакционных концепций панисламизма и пантюркизма. В «Тезисах по национальному вопросу» (VI Башкирская конференция РКП(б), 1920), в брошюре «К Тезисам о башкирском национальном движении» (Уфа, 1926), в ряде партийных документов, а также в книге Ш. Типеева «Очерки истории Башкирской АССР» (Уфа, 1927) и других изданных в 20-е годы книгах и сборниках подчеркивалось, что валидовцы и в теории и на практике выступали против принципов Советской власти, абсолютизировали национальный момент в государственном и партийном строительстве, противопоставляли национальные и классовые интересы. У части местных работников, отмечалось на V Башпартконференции (1922), «националистический уклон брал верх»⁴⁶. Марксисты разоблачали измышления валидовцев о том, что ленинское учение о классах и классовой борьбе якобы неприменимо к национальным окраинам. Пропагандистские кадры республики разъясняли, что провозглашенный валидовцами лозунг автономии Башкирии преследует экономические и политические цели имущих классов, способствует сохранению эксплуататорского гнета и ослаблению интернационального единства трудящихся.

Партийная организация Башкирии с ленинских позиций подходила и к организации борьбы за освобождение трудящихся из-под власти религии и духовенства. Проведение в жизнь ленинского декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви было сопряжено в Башкирии с рядом особенностей и трудностей. Объясняется это прежде всего большим влиянием на башкирское и татарское население мусульманского духовенства. В таких условиях требовалось умение избежать шаблонных действий в проведении декретов Советской власти. В середине 20-х годов обком партии проводит ряд мероприятий по усилению атеистической пропаганды, при нем создается антирелигиозная комиссия.

В 1927 г. в честь 10-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции Башкирским издательством был выпущен специальный номер журнала «Дәгри» («Безбожник»). Известный в Башкирии публицист-атеист Имай Насыри выступил

... ⁴⁶ См.: Резолюции областных конференций Башкирской партийной организации ее пленумов обкома КПСС, Уфа, 1959. С. 150.

здесь с большой теоретической статьей «Октябрь и атеизм», в которой показывал, что религия на всем протяжении истории выступала против разума и прогресса, что в царской России она выступала оплотом самодержавия. И. Насыри особо отметил в статье историческую роль французских атеистов XVIII в. Вместе с тем автор, показывая ограниченность буржуазного атеизма, подчеркивал, что, только опираясь на марксистско-ленинское учение, на диалектический материализм, можно успешно бороться с религией. Другой известный атеист — Булат Ишемгулов опубликовал в том же номере статью «10 лет в борьбе против религии».

Выход в свет постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма» (1931) привел к оживлению идейно-философской жизни в республике. В Уфе был организован ряд дискуссий по вопросам пролетарской культуры, критики «механицизма», формалистических тенденций в области философии. Значительную работу по пропаганде марксистско-ленинской философии в этот период проводят А. Н. Маслин, Г. И. Масленников, Ф. В. Коптев и др. В 30-е годы в пропаганде марксистско-ленинской философии немалую роль сыграло Башкирское отделение «Общества воинствующих материалистов-диалектиков».

В период Великой Отечественной войны в идейно-философской жизни Башкирии активное участие приняли находившиеся тогда в Уфе крупный советский философ О. В. Трахтенберг, выдающиеся ученые А. А. Богомолец, А. В. Палладин, С. Е. Варга, Е. О. Патон и др. Усиливаются и интернациональные связи украинской и башкирской культур. В 1942 г. Павло Тычина пишет и издает в Уфе специальное исследование «Патриотизм в творчестве Гафури».

В послевоенные годы фронт философских исследований в Башкирии значительно расширился, чему способствовала растущая сеть высших учебных заведений с соответствующими философскими кафедрами и НИИ.

В 1951 г. был создан Башкирский филиал АН СССР (существовал до 1963 и возобновил свою деятельность в 1967 г.).

В подготовке философских кадров для Башкирии большую помощь оказали АОН при ЦК КПСС, МГУ и другие вузы Москвы и Ленинграда. В вузах республики открываются кафедры философии и научного коммунизма, а при кафедре философии и научного коммунизма Уфимского авиационного института создается философская аспирантура.

Большая группа философов республики занималась в 50—70-х годах исследованием *проблем диалектики как методологии современной науки и философскими вопросами естествознания*⁴⁷.

⁴⁷ См.: Хамитова Р. М. Борьба материализма с идеализмом по вопросу о происхождении живых тел и сущности жизни. Уфа, 1959; Султангузин Т. Методо-

Значительных успехов достигли обществоведы республики в разработке проблем исторического материализма и научного коммунизма. Появился ряд исследований, в которых анализируются актуальные теоретические проблемы социализма, социальные последствия научно-технической революции, определяются оптимальные пути соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма. Философы республики, изучая структуру социалистического общества, обращают внимание на важность такого явления, как социальные перемещения, связанные с неустойчивостью социально-профессионального статуса личности, рассматривают возможности регулирования технического прогресса, новые тенденции в сфере нравственности, трудовой деятельности в условиях НТР, изменения в сфере национальных отношений, в частности в диалектике национального и интернационального в ходе строительства социализма на примере Башкирской АССР⁴⁸.

С 50-х годов в Башкирии разворачиваются исследования *историко-философских проблем*, изучаются философские взгляды башкирских просветителей, своеобразие борьбы между идеалистической, религиозно-мистической и материалистической линией в истории общественной мысли башкир, влияние русской революционно-демократической философии на формирование мировоззрения передовых представителей культуры Башкирии⁴⁹.

В конце 60-х годов начались исследования *истории марксистско-ленинской философии в Башкирии*, в которых подчеркивается взаимосвязь между организационным укреплением, идейным сплочением социал-демократического движения в Башкирии и распространением здесь социально-философских идей марксизма

логическое значение основных законов диалектики // Диалектика как методология научного познания. Уфа, 1976; *Он же*. Диалектические противоречия и научное познание // Диалектические противоречия и научное познание: Методол. вопр. соврем. науки. Уфа, 1977; *Шагохин А.* Диалектический материализм и развитие представлений о законе сохранения // Диалектика как методология научного познания. Уфа, 1976; *Галимов Б. С.* Сущность принципов научного знания // Там же; *Он же*. Развитие содержания категории асимметрии // Методологические вопросы современной науки. Уфа, 1977.

⁴⁸ См., например: *Антонов Н. А.* Социальные проблемы и производство: Советско-польский труд. М.; Варшава, 1969; *Он же*. Некоторые проблемы социальных перемещений в СССР. Уфа, 1972; *Он же*. Технический прогресс и движение рабочих кадров. М., 1972; *Исмагилов Г. С.* Моральный компас нового человека. Уфа, 1962; *Садыхов Ф. Б.* Коммунистическая нравственность. Новосибирск, 1983; *Юлдашбаев В. Х.* История формирования башкирской нации. Уфа, 1972; *Хабидуллин К. И.* Самосознание и интернациональная ответственность социалистических наций. Пермь, 1974; *Злотников Р. А.* Духовные потребности советского рабочего. Саратов, 1975.

⁴⁹ См.: *Исмагилов Г. С.* К вопросу об оценке буржуазной философской и общественной мысли в Башкирии накануне XX века // Вопросы марксистско-ленинской философии. Уфа, 1968; *Он же*. К вопросу о классовом, национальном и религиозном в идейной жизни Башкирии периода подготовки Октябрьской революции // Расцвет и сближение социалистических наций. Уфа, 1971; и др.

(работы Д. М. Азаматова, Т. И. Ахунзянова, У. Н. Бакирова, Г. С. Исмагилова)⁵⁰.

Чувашия. Произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, изданные на русском языке, стали известны в Чувашии еще в конце прошлого века. В послеоктябрьский период труды классиков марксизма-ленинизма переводятся на чувашский язык. Так, статья Ленина «Уроки революции» (1917) появилась в газете «Канаш» («Совет») весной 1918 г. в переводе Н. Иванова-Ванерке. Особенно активно стали издаваться на чувашском языке произведения классиков марксизма-ленинизма после образования Чувашского отделения Партиздата в 1933 г. В республике сложился коллектив квалифицированных переводчиков. На чувашском языке были изданы произведения К. Маркса и Ф. Энгельса: «Манифест Коммунистической партии», «Критика Готской программы», «Наемный труд и капитал» и др., а также такие работы В. И. Ленина, как «Три источника и три составных части марксизма», «Карл Маркс», «Фридрих Энгельс», «Марксизм и ревизионизм», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», «Государство и революция», «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», «Задачи союзов молодежи», «Памяти Герцена», «Лев Толстой, как зеркало русской революции», «Великий почин», «Партийная организация и партийная литература». В 1932 г. на страницах журнала «По ленинскому пути» появился фрагмент из «Философских тетрадей» В. И. Ленина. — «К вопросу о диалектике». К началу 1979 г. на чувашском языке изданы 145 произведений В. И. Ленина⁵¹.

Освоение широкими массами республики диалектико-материалистического миропонимания требовало преодоления, во-первых, националистических идей и устремлений и, во-вторых, многовековых религиозных традиций (пережитков язычества, христианских верований).

Коммунисты Чувашии проделали большую работу по преодолению идеологии мелкобуржуазного национализма. Этот вопрос неоднократно обсуждался на областных партийных конференциях, его решению отводилось большое место и в повседневной работе обкома ВКП(б). Антирелигиозная пропаганда в начальный период сосредоточивалась главным образом на разоблачении

⁵⁰ См., например: *Исмагилов Г. С.* Идейное наследие В. И. Ленина — методологическая основа для разработки общественной и философской мысли народов // *В. И. Ленин и некоторые вопросы развития науки.* Уфа, 1971; *Азаматов Д. М.* В. И. Ленин и некоторые вопросы распространения социально-философского учения марксизма в Башкирии // *Диалектика национального и интернационального в строительстве коммунизма.* Пермь, 1978; и др.

⁵¹ В 1971 г. Книжная палата ЧАССР издала библиографический указатель произведений В. И. Ленина, изданных на чувашском языке, книг и статей, опубликованных о В. И. Ленине в Чувашской АССР.

антисоветской деятельности церковников и сектантов (тихоновцев, баптистов и т. п.). В 1920—1930 гг. широко использовались в переводе на чувашский язык брошюры, написанные такими популярными атеистами, как И. Скворцов-Степанов, Ем. Ярославский и др.

Перевод и издание антирелигиозной литературы на чувашском языке явились школой для кадров пропагандистов (К. Н. Быстров, М. А. Волков, Г. Н. Казаков, С. С. Кутяшов, Н. Р. Романов, К. И. Пайраш и др.). В 1930 г. в Чебоксарах Союз безбожников регулярно издавал газету на чувашском языке «Против религии». Был опубликован также популярный антирелигиозный учебник для ячеек Союза безбожников.

Послевоенные годы открыли новый этап в борьбе за преодоление религиозных пережитков. Этот этап характеризуется развитием научного атеизма на основе регулярных социологических исследований. В настоящее время в Чувашии сформировалась группа теоретически хорошо подготовленных атеистов, ведущих пропагандистскую работу³².

В разработке проблем научного атеизма активно участвует отдел этнографии и социологических исследований Чувашского научно-исследовательского института при Совете Министров ЧАССР, а также кафедра научного атеизма Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, поддерживающая контакты с учеными Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Наличие квалифицированных специалистов по атеизму позволило провести в 1973 г. в Чебоксарах региональную научную конференцию на тему «Проблемы религиозного синкретизма и развития атеизма в современных условиях».

Социологическое исследование сельского населения Чувашии началось еще в 1933 г. С тех пор социологические исследования деревни вошли в традицию; в 1960 и 1970 гг. научные экспедиции прошли по маршруту 1933 г., с охватом 18 населенных пунктов.

В 1962 г. Научно-исследовательский институт издал сборник,

³² См.: *Наховский В. Ф.* Происхождение религии. Чебоксары, 1955; *Кудряшов Г. Е.* Евангельские христиане-баптисты. Чебоксары, 1958; *Он же.* Динамика религиозности: Опыт историко-этнографического и конкретно-социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания религиозных пережитков чувашей. Чебоксары, 1974; *Денисов П. В.* Религиозные верования чуваш: Историко-этнографические очерки. Чебоксары, 1959; *Он же.* Религия и атеизм чувашского народа. Чебоксары, 1972; *Спиридонов С. С.* Социальные корни религии. Чебоксары, 1959; *Кудряшов Г. Е.* Пережитки религиозных верований Чувашии и их преодоление. Чебоксары, 1961; *Феизов Э. З.* Наука и религия о духе и теле. Чебоксары, 1963; *Плечов Г. Н.* Социальные основы преодоления религиозности: Опыт социол. изучения. Чебоксары, 1977; *Проблемы религиозного синкретизма и развитие атеизма в Чувашской АССР.* Чебоксары, 1978.

обобщающий материалы проведенных экспедиций, — «Быт и культура сельского населения Советской Чувашии».

Большая группа исследователей изучает динамику перемен в социальной структуре народа Чувашии, политическую организацию советского общества, духовный облик трудящихся и формирование человека в условиях социализма⁵³.

Разработка собственно философской проблематики началась в Чувашии с изучения истории общественной философской мысли. Был опубликован ряд статей и монографических исследований по истории общественной мысли в дореволюционной Чувашии с анализом мировоззрения тех мыслителей прошлого, которые внесли существенный вклад в историческое наследие чувашского народа⁵⁴. Внимание исследователей особенно привлекали и ныне привлекают общественно-просветительская деятельность и мировоззрение И. Я. Яковлева, с именем которого связаны значительные преобразования в области культуры чувашского народа⁵⁵. Изучалось мировоззрение классика чувашской поэзии К. В. Иванова и основоположника чувашской советской художественной литературы М. К. Кузьмина-Сеспеля⁵⁶.

Чувашские историки общественной мысли большое значение придают устному народному творчеству, в котором отразились

⁵³ См. работы Л. А. Андреева, С. Н. Ахмеева, Л. А. Иванова, А. И. Калинина, О. В. Космовской, Г. Е. Кудряшова, А. П. Петрова, И. П. Прокопьева, Ю. П. Смирнова, Г. А. Яковлева, В. Д. Дмитриева, Н. Е. Егорова, Г. Н. Тянгова. См., например: Развитие творческой активности трудящихся в условиях социалистического общества. Чебоксары, 1975; Яковлев Г. А. Динамика развития социальной структуры населения Чувашии. Чебоксары, 1976; Соотношение объективного и субъективного в укреплении социалистического общества. Чебоксары, 1977. Вып. 2; Формирование коммунистической убежденности и активной жизненной позиции советских людей. Чебоксары, 1980; Чекушкин В. И. Теория и практика методики классового воспитания молодежи. Чебоксары, 1983.

⁵⁴ См.: О дореволюционной чувашской культуре: Сб. материалов науч. сес. Чебоксары, 1957; Кузнецов И. Д., Маркелов И. А., Сироткин М. Я. Чувашия на путях коммунистической цивилизации. Чебоксары, 1965; Развитие культуры и общественной мысли чувашского народа во второй половине XIX и начале XX в. Чебоксары, 1965; Материалы научных сессий, посвященных 100-летию Симбирской чувашской школы и 120-летию со дня рождения И. Я. Яковлева. Чебоксары, 1968; Кузнецов И. Д. Философская мысль в Чувашии // История философии в СССР. М., 1968. Т. I; 1971. Т. IV; Маркелов И. А. Культура возрожденного народа. Чебоксары, 1969; Буцевичский В. С. Общественно-политические течения и классовая борьба в Чувашии в 1905—1907 гг. Куйбышев, 1978; и др.

⁵⁵ См.: Маркелов И. А. Общественно-политические взгляды И. Я. Яковлева. Чебоксары, 1959; Кузнецов И. Д. К оценке мировоззрения и деятельности И. Я. Яковлева // Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960; Спиридонов С. С. Философские и социологические воззрения чувашского просветителя И. Я. Яковлева. М., 1961; Он же. Мировоззрение Ивана Яковлевича Яковлева (1848—1930). М., 1965; И. Я. Яковлев и его школа // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 42; Плечов Г. Н., Краснов Н. Г. Сборник писем И. Я. Яковлева. Чебоксары, 1986; и др.

⁵⁶ См.: Кузнецов И. Д. К вопросу о мировоззрении классика чувашской поэзии К. В. Иванова // Классик чувашской поэзии К. В. Иванов. Чебоксары, 1965.

национальные чаяния угнетенного народа, протест против социальной несправедливости, дух свободомыслия и атеизма⁵⁷.

Философы, социологи Чувашии ведут свою работу в координации и творческом содружестве с учеными академических и других исследовательских институтов и вузов страны, активно участвуют в международных, всесоюзных и региональных конференциях, симпозиумах.

Кафедры философии и научного коммунизма университета регулярно издают свои труды. Так, например, в 1975—1978 гг. кафедра философии подготовила к изданию четыре сборника по проблеме «Формирование научного мировоззрения».

Чувашские исследователи проявляют большой интерес к истории русской и зарубежной прогрессивной философской мысли⁵⁸.

Научная разработка философской проблематики значительно расширилась и обогатилась в связи с методологическими исследованиями в области физики и физиологии высшей нервной деятельности⁵⁹.

Расширился круг разрабатываемых проблем педагогики и эстетики: он охватывает теперь не только художественную литературу, но и театральное, музыкальное, изобразительное искусство⁶⁰.

Философы Чувашии активно сотрудничают со своими коллегами из других республик, внося свой вклад в единую советскую философскую науку⁶¹.

Мордовия. Развитие социалистической философской культуры в Мордовии началось с изданий в переводе на мордовские языки мокша и эрзя трудов классиков марксизма-ленинизма и важнейших документов Коммунистической партии, изучения марксистско-ленинской философии в сети партийного и комсомольского просвещения, пропаганды философских знаний среди беспартийного актива и интеллигенции, а также подготовки философских кадров. Большую роль в распространении прогрессивной общест-

⁵⁷ См.: *Кузнецов И. Д.* О чувашской народной мудрости // *Таван Атал* (Родная Волга). 1957. № 2—5; *Петрухин А. И.* Рост национальной культуры и устно-поэтического творчества чуваш. Чебоксары, 1985; *Он же.* Мировоззрение и фольклор. Чебоксары, 1971; *Сироткин М. Я.* Чувашский фольклор: Очерки устно-поэтического народного творчества. Чебоксары, 1965; *Одюков И. И.* Чувашские народные песни социального протеста и революционной борьбы. Чебоксары, 1985; *Комюков В. Я.* Письменность и фольклор. Чебоксары, 1972.

⁵⁸ См. работы Г. Г. Германова, И. Г. Платонова.

⁵⁹ *Фелизов Э. З.* Материалистическое понимание воздействия психического на соматическое. Казань, 1965; *Он же.* Гипноз и психологические законы. Чебоксары, 1969.

⁶⁰ См.: Национальное и интернациональное в чувашской советской литературе и искусстве. Чебоксары, 1975; *Кузнецов И. Д.* Время и литература. Чебоксары, 1977. На чуваш. яз.; *Владимиров Е. В.* В русле времени: проблемы творческого метода и содружества с братскими литературами. Чебоксары, 1979.

⁶¹ См.: Развитие общественных наук в Чувашии за годы Советской власти // *Тр. ЧНИИ.* Чебоксары, 1980. Вып. 100.

венно-политической и философской мысли, философского учения марксизма-ленинизма среди мордвы сыграли видные мордовские деятели науки и культуры — М. Е. Евсеев (1864—1931), З. В. Дорофеев (1880—1952) и Ф. Ф. Советкин (1886—1967).

Новый этап в развитии философской культуры в Мордовии начинается в 30-х годах, когда в столице Мордовии Саранске были открыты Советско-партийная школа, педагогический институт, Коммунистическое высшее учебное заведение (Комвуз) и Научно-исследовательский институт мордовской культуры (ныне Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР). В 30-х годах в Институт красной профессуры для изучения философии из Мордовии были направлены Я. Д. Бетяев, И. И. Рузайкин и др.

Подготовка философских кадров, обучавшихся в АОН при ЦК КПСС, аспирантуре Института философии АН СССР, Московского, Ленинградского университетов, приняла в 50-х годах широкий размах. Создание в 1956 г. кафедры философии в Мордовском педагогическом институте (на его базе в 1957 г. был основан Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева) способствовало дальнейшему развитию философии в республике.

В 60—70-х годах философы Мордовии вели разработку ряда важнейших проблем диалектического и исторического материализма, этики, эстетики, атеизма, истории русской и марксистско-ленинской философии, философских вопросов естествознания.

В области *проблем диалектического материализма* здесь в основном разрабатывалась тема «Категории материалистической диалектики и их методологическое значение»⁶²⁻⁶³.

В 1976 г. вышел в свет тематический сборник «Методологическая функция категории „состояние“ в анализе социальных явлений» (Горький, 1976). В феврале 1979 г. в Саранске состоялась научная конференция на тему «Категория „состояние“ в системе диалектики и ее методологическое значение для научного познания и практики». В работе конференции приняли участие философы Москвы, Ленинграда, Саратова, Мурманска, Днепропетровска⁶⁴.

Философы республики исследуют диалектику качественных и

⁶²⁻⁶³ См.: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, Саранск, 1970; Демидов В. И. Категория «состояние» в истории и марксистской философии. Саранск, 1975; Методологическая функция некоторых категорий диалектики в управлении социальной структурой социалистического общества. Саранск, 1976. Вып. 2; Философский статус понятия состояния и его методологическое значение. Саранск, 1981.

⁶⁴ См.: Киселев А. Л., Фролов Д. Е. Категория «состояние» и ее методологическое значение // Филос. науки. 1980. № 3; Кевбрин Е. Ф. Значение категории «состояние» в анализе социальных явлений // Научное управление развитием социальной структуры социалистического общества. Саранск, 1976. Вып. 2; Он же. Взаимоотношения причинности и связи состояний // Вестн. МГУ. Сер. Философия. 1977. № 2.

количественных методов в научном познании и интегрирующую роль математического метода в современном научном знании⁶⁵.

В исследованиях философов Мордовии важное место занимают методологические, гносеологические и логические вопросы мышления в свете ленинской теории отражения. Разрабатывается понятие «творческое мышление».

В 60-е годы в Мордовии началось исследование *философских вопросов естествознания*, в частности физики⁶⁶. Рассматривается возникновение и развитие понятий «движение», «сила», «масса», «энергия», анализируются содержание и сущность категорий «состояние» в классической и квантовой физике и философский аспект принципа дополнительности в современной физике и других науках. С начала 70-х годов разрабатывается логико-методологические основания физики⁶⁷. Появились работы, связанные с философскими и социологическими проблемами освоения космоса на современном этапе⁶⁸.

С 50-х годов важное место в исследованиях философов Мордовии занимают *проблемы исторического материализма*.

Анализируются основополагающие идеи Маркса, Энгельса и учение В. И. Ленина по национальному вопросу⁶⁹. Определенный научный интерес представляют работы, в которых дается анализ процесса формирования мордовской социалистической нации⁷⁰, а также формирования советской социалистической национальной государственности мордовского народа⁷¹.

Опубликованы работы, посвященные вопросам политической организации советского общества, Советскому государству, социалистической демократии⁷².

⁶⁵ См.: Юртаев В. А. Пути познания. Качественные и количественные методы в научном познании // Мокша. 1973. № 4; Он же. К вопросу об интегрирующей роли математического метода в современном научном познании // Вопр. философии и социологии. Л., 1973. Вып. 5; Он же. Об одном количественно-математическом методе в исследовании социальной структуры // Научное управление развитием социальной структуры социалистического общества. Вып. 2; Шедин В. И., Еремкин Р. Н. Ленинская теория отражения и математическое моделирование некоторых социальных процессов. Саранск, 1978; и др.

⁶⁶ См.: Ромадин П. В. Возникновение и развитие основных понятий динамики. Саранск, 1963; Кемжин В. И. Некоторые вопросы изучения философского наследия В. И. Ленина. Саранск, 1972. Вып. 92.

⁶⁷ См.: Кемжин В. И. Категория «состояния» в научном познании. М., 1983.

⁶⁸ См.: Еремкин Р. Н. Космос служит людям. Саранск, 1977.

⁶⁹ См.: Киселев А. Л. Создание В. И. Лениным учения по национально-колональному вопросу // Учен. зап. Мордов. гос. ун-та. Сер. Обществ. науки. Саранск, 1956. Вып. 4.

⁷⁰ См.: Лыткин И. А. Формирование мордовской социалистической нации. Саранск, 1960; Он же. Мордовская социалистическая нация // Детище Октября. Саранск, 1978; Сухарев А. И. Социальный облик Советской Мордовии. Саранск, 1980.

⁷¹ См.: Бухин М. С. Становление и развитие Мордовской АССР. Саранск, 1977; Он же. Образование Мордовского округа и его деятельность по осуществлению ленинской национальной политики. Саранск, 1978.

⁷² См.: Снегирцов В. Д. Советское государство и общественные организации в период развернутого строительства коммунизма. Саранск, 1960; Кульков П. И. Основной закон нашей жизни // Свято. Саранск, 1978. № 4. На мордов. яз.

Видное место в исследованиях философов республики 60—70-х годов занимают *проблемы общества, коллектива, личности*⁷³. В 1979 г. издан межвузовский сборник научных работ «Формирование личности в развитии социалистическом обществе» (Саранск, 1979). Исследуется диалектика социального воспроизводства человека. В монографии В. Г. Шеянова впервые в советской философской литературе социальное воспроизводство рассматривается как категория исторического материализма, содержание которой трактуется как процесс производства и воспроизводства социальной сущности личности на основе дифференциации и интеграции трудовой деятельности в ходе исторического развития общества⁷⁴.

Предметом исследования ряда философов Мордовии является общественное сознание, проблемы социальной психологии⁷⁵. К этой же тематике примыкают работы, которые исследуют ценностные ориентации современного колхозного крестьянства, структуру духовных интересов сельской молодежи⁷⁶.

Ряд работ посвящен вопросам становления науки в качестве непосредственной производительной силы и связям ее с производством⁷⁷.

Значительное внимание уделяется исследованию закономерностей развития духовной культуры социалистического общества. Проблемы теории и практики культурного строительства в Мордовской АССР нашли свое отражение в работах А. Л. Киселева.

⁷³ См.: *Спиридонов С. П.* Человек, общество и общественное мнение // Мокша. 1967. № 6. На мордов. яз.; *Он же.* К вопросу о воздействии общественного мнения на индивидуальное сознание // Учен. зап. Мордов. гос. ун-та. Сер. Философия. Саранск, 1968. Вып. 67; *Он же.* Сущность социализации личности // Материалы межвузовской конференции молодых ученых Волго-Вятского региона. Саранск, 1972; *Шеянов В. Г.* О взаимосвязи обобществления труда и социального развития личности // Тр. МИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Сер. История. Саранск, 1971. Вып. 40; *Он же.* Труд, личность и коммунизм // Мокша. 1971. № 1. На мордов. яз.; *Он же.* Диалектика образа жизни и социализация личности // Тр. МИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Сер. История. Саранск, 1976. Т. 41; *Кульков П. И.* В. И. Ленин и проблемы творческой активности личности // Некоторые вопросы изучения философского наследия В. И. Ленина; *Он же.* Коллектив колхоза и трудовая активность колхозника // Свято. 1970. № 4. На мордов. яз.; *Фролов Д. Е.* Социальная активность как интегральная мера состояния социальной деятельности. Саранск, 1978.

⁷⁴ См.: *Шеянов В. Г.* Человек труда: вчера, сегодня, завтра. Проблемы социального воспроизводства. Саранск, 1982.

⁷⁵ См.: *Иванов С. К.* Общественное бытие и общественная психология // Мокша. 1965. № 2; *Он же.* Социальная психология и идеология. Саранск, 1974.

⁷⁶ См.: *Савжин Н. С.* Место ценностных ориентаций в структуре социальной психологии // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина: Общественные и гуманитарные науки. Саранск, 1970; *Он же.* Показатели духовно-идеологической активности // Научное управление развитием социальной структуры социалистического общества. Саранск, 1978. Вып. 4; и др.

⁷⁷ См.: *Александрова Р. И.* К вопросу о превращении науки в непосредственную производительную силу // Учен. зап. Мордов. гос. ун-та. Сер. Экономика. Саранск, 1965. № 48; *Она же.* Роль философии в становлении науки производительной силой // Учен. зап. Мордов. гос. ун-та. Сер. Философия. Саранск, 1968, № 67.

В них характеризуются основные этапы и особенности культурной революции в Мордовии, показывается, что сближение культур советских народов ведет к их взаимообогащению, к накоплению черт и традиций, имеющих общесоветский, интернациональный характер⁷⁸.

В декабре 1979 г. Мордовским обкомом КПСС была проведена научно-теоретическая конференция, посвященная 50-летию Мордовской АССР, на которой с докладами по актуальным проблемам духовной культуры выступали философы республики⁷⁹.

Философы Мордовии в работах, посвященных проблемам диалектического и исторического материализма, подвергают *критике буржуазные и ревизионистские философские и социологические взгляды*. За последние годы появились работы по критике философско-исторической концепции К. Ясперса, критике буржуазных и ревизионистских концепций культуры⁸⁰, современной буржуазной философии и социологии, философии неотолизма⁸¹.

Значительно возрос интерес к разработке этических проблем. Опубликован сборник «Социализм, человек, мораль» (Горький, 1976), в котором рассматриваются актуальные проблемы марксистско-ленинской этики. Проблемам этики посвящен ряд работ С. П. Спиридонова⁸².

Большое внимание уделяется критике современных буржуазных этических учений, в частности одного из направлений современной буржуазной этики — эволюционной этики⁸³.

В последние годы в Мордовии стали разрабатываться *философские вопросы эстетики*. Анализируются такие проблемы, как ленинская теория отражения и художественное творчество, партийность искусства, самостоятельное и профессиональное художественное творчество в социалистическом обществе⁸⁴.

⁷⁸ См.: *Киселев А. Л.* Культурное строительство Советской Мордовии // Советская Мордовия; Очерки, посвящ. 20-летию республики. Саранск, 1950; *Он же.* Социалистическая культура Мордовии. Саранск, 1959; *Он же.* Духовная культура Мордовии. Саранск, 1979; и др.

⁷⁹ См.: В братской семье. Саранск, 1981.

⁸⁰ См.: *Козлов Н. С.* Что будет завтра? Буржуазный философ о будущем человечества // Мокша. 1971. № 5; *Он же.* Об одной антимарксистской исторической концепции // Некоторые вопросы изучения философского наследия В. И. Ленина. Вып. 92; и др.

⁸¹ См.: *Еремин Р. П.* Критика современных попыток примирения религии с наукой // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина; *Он же.* Критика неотолистских взглядов на соотношение физики и религии // Методологические вопросы науки. Саратов, 1974. Вып. 2.

⁸² См.: *Спиридонов С. П.* В. И. Ленин о проблеме социального детерминизма в этике // Некоторые вопросы изучения философского наследия В. И. Ленина. Вып. 92; *Он же.* Путь к человеку: Филос. очерк. Саранск, 1978; *Он же.* Твои высшие ценности. Саранск, 1980.

⁸³ См.: *Александрова Р. И.* Критика эволюционной этики. Саранск, 1975; *Она же.* Социализм, нравственность, человек. Саранск, 1976; *Она же.* Этология и мораль. Саранск, 1978.

⁸⁴ См.: Учен. зап. Мордов. гос. ун-та. Сер. философия. 1988. № 67; *Косарева А. И.* Дальнейшее развитие В. И. Лениным принципов марксистской эстетики //

Со второй половины 70-х годов в Мордовии заметно активизировалось исследование проблем атеизма. В изданных работах рассматриваются такие проблемы, как происхождение и сущность религии, причины живучести религиозных пережитков, содержание и формы научно-атеистической пропаганды, кризис современного христианства, в частности протестантизма, достижения научного прогресса и позиции религии в современном мире⁶⁵.

В монографии Н. Ф. Мокшина «Религиозные верования мордвы» (Саранск, 1970) рассматриваются происхождение и особенности развития религиозных верований и обрядов мордвы, анализируются причины существования и пути преодоления религиозных предрассудков, устаревших обрядов и обычаев. В 1972 г. появился сборник статей «Развитие атеизма в Мордовии», подводящий в известной мере итоги предшествующей работы в этой важной области.

Философы Мордовии занимаются проблемами истории *русской философии и общественно-политической мысли и истории марксистско-ленинской философии*. Так, Я. Д. Бетяев длительное время работал над изучением общественно-политической и философской мысли в России в первой половине XVIII в.⁶⁶ Он одним из первых в советской литературе дал характеристику философских и общественно-политических взглядов видных мыслителей России первой половины XVIII столетия — Ф. Прокоповича, В. Н. Татищева, А. Д. Кантемира, И. Т. Посошкова. В республике изучаются также философские и общественно-политические воззрения Н. П. Огарева⁶⁷, исследуется критика позитивизма русскими революционными демократами 60—80-х годов XIX в.⁶⁸

Некоторые вопросы изучения философского наследия В. И. Ленина. Вып. 92; *Она же*. О взаимосвязи самодельного и профессионального искусства на современном этапе // Там же.

⁶⁵ См.: *Ермаков И. М.* Правда о религии. Саранск, 1960; *Борискин В. М.* Кризис христианства и его отражение в евангелистской теологии // Вестн. МГУ. Сер. философия. 1965. № 3; *Он же*. Проблемы войны и мира в евангелической этике // Учен. зап. Мордов. гос. ун-та. Сер. философия. 1968. № 67; *Еремин Н.* Научно-технический прогресс и религиозная идеология. Мордов. орг. об-ва «Знание». Саранск, 1975; *Иткин С. И.* Роль ленинского атеистического наследия в изучении и преодолении современного религиозного сознания // Некоторые вопросы изучения философского наследия В. И. Ленина. Вып. 92; *Байков Е. М.* Религия и духовный мир человека. Саранск, 1972.

⁶⁶ См.: *Бетяев Я. Д.* Русская общественно-политическая философская мысль в первой половине XVIII века // Из истории русской философии. М., 1949; *Он же*. Общественно-политическая и философская мысль в России в первой половине XVIII века. Саранск, 1959.

⁶⁷ См.: *Борискин В. М.* Философские взгляды Н. П. Огарева // Первые огаревские чтения: Материалы науч. конф. Саранск, 1974; *Сухарев А. И.* Социологические воззрения Н. П. Огарева // Там же; *Ферцев П. К.* Путь Н. П. Огарева к революционному демократизму // Там же.

⁶⁸ См.: *Цыпленкова А. И.* О критике позитивизма А. И. Герценом // Актуальные проблемы истории философии народов СССР. М., 1975. Вып. 2; *Она же*. Критика позитивистской социологии русскими революционными демократами // Там же. М., 1981. Вып. 8.

Удмуртия. В первые годы после Октября большую роль в пропаганде марксистско-ленинского мировоззрения в Удмуртии сыграл крупный государственный деятель И. А. Наговицын. Непримиимо относясь к националистическим теориям, он пропагандировал марксистское учение, призывал к интернациональному единению, к дружбе русского и удмуртского народов с народами других национальностей.

В 30-е годы в Удмуртии были открыты первые высшие учебные заведения: в 1931 г. — Удмуртский пединститут, а в 1933 г. — Ижевский медицинский институт. Кафедры общественных наук институтов стали не только организаторами преподавания марксистско-ленинской философии, но и центрами ее пропаганды.

Научные исследования по философским проблемам в Удмуртии начались после Великой Отечественной войны. В 60-х годах в Удмуртском педагогическом институте и Ижевском механическом институте были созданы кафедры философии и научного коммунизма, сконцентрировавшие основные силы профессиональных философов в республике. С этого времени чаще стали публиковаться научные статьи, брошюры, книги по философии.

В своей работе философы опираются на помощь научных центров страны — Москвы, Ленинграда, Свердловска. Благодаря их поддержке выросли и продолжают расти национальные философские кадры.

В 60-е годы в Удмуртии разрабатывались как общие проблемы философии, так и некоторые специфические для республики социально-философские вопросы.

В ряду проблем, исследуемых в области *диалектического материализма*, следует назвать некоторые философские аспекты кибернетики в свете ленинского положения об отражении как всеобщем свойстве материи⁸⁹, соотношение категорий «объект» и «субъект», «материя» и «сознание»⁹⁰, вопросы диалектической логики⁹¹. В ряде работ рассматривается методологическое значение диалектического материализма для конкретных наук⁹².

⁸⁹ См.: *Ляхова Л. Н.* Моделирование как специфический метод познания действительности // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. Сер. Философия. М., 1966. Т. СХVIII. Вып. 8; *Она же.* Общее свойство отражения и кибернетика // Там же; *Она же.* Отражение и устойчивость // Ленинская теория отражения и современность. Свердловск, 1967; *Она же.* Диалектика и современная физическая картина мира // Наука и мировоззрение. Свердловск, 1977; *Она же.* Отражение и активность материи. Саратов, 1979.

⁹⁰ См.: *Четвертных Ю. В.* К вопросу о понятиях объективного и субъективного // Учен. зап. Удм. гос. пед. ин-та. Ижевск, 1968. Вып. 16; *Он же.* Некоторые вопросы диалектики объективного и субъективного // Там же. 1969. Вып. 19.

⁹¹ См.: *Арбатский Д. И.* Определение как тип логического равенства // Там же. Вып. 16.

⁹² См.: *Сорина Э. А.* Методологические основы исследования реактивных состояний нервной системы // Тр. Ижевского гос. мед. ин-та. Ижевск, 1968. Т. XXX; *Грabcенко В. М.* К вопросу о взаимосвязанном преподавании в высшей школе марксистско-ленинской философии и конкретных наук. Ижевск, 1969.

В области исторического материализма философы республики исследовали вопросы общей истории социального развития⁹³, закономерности изменения социальной структуры советского общества и особенности их проявления в условиях Удмуртии⁹⁴.

На примере Удмуртии конкретизировались некоторые особенности проявления общих закономерностей изменения социально-классовой структуры социалистических наций⁹⁵. На конкретном материале из практики социалистического строительства в Удмуртии исследуются пути и условия ликвидации неравномерности в уровне духовной жизни и культуры наций и народностей⁹⁶, проблемы становления удмуртской социалистической нации⁹⁷ и изменение национального самосознания как отражение изменения социальной структуры и духовной культуры⁹⁸.

С начала 60-х годов на кафедре философии и научного коммунизма Ижевского механического института разрабатываются социальные проблемы научно-технической революции в условиях социализма. Сотрудники этой кафедры преимущественно на материалах промышленных предприятий Удмуртии исследовали не-

⁹³ См.: Ситников Э. М. Проблема «отчуждения» в буржуазной философии и фальсификаторы марксизма. М., 1962; Коммунистическая партия — исторически необходимое условие преодоления «отчуждения» человека // Филос. науки. 1965. № 6; Он же. Отчуждение человека и необходимость партии коммунистов: Материалы 2-й вон. науч. конф. по филос. наукам. Ижевск, 1966; Перевощикова Н. В. Повторяемость в истории и значение ее познания для исследования общественных законов // Проблемы познания социальных явлений. М., 1968; Сергеев А. А. Марксизм-ленинизм о факторах исторического процесса // Вопросы истории и экономики. Ижевск, 1971; Он же. Методологическое значение определения соотношения категорий «общественный прогресс» и «исторический процесс» // Человек и социальный прогресс: По материалам IV Уральского филос. чтений. Ижевск, 1982; Родионов Б. А. Коммуникация как социальное явление. Ростов, 1984; и др.

⁹⁴ См.: Борисов В. И. К вопросу о закономерностях изменения социальной структуры советского общества при постепенном переходе от социализма к коммунизму // Учен. зап. Удм. гос. пед. ин-та. Вып. 16; Борисов В. И., Пономарев Н. С. Развитие социальной однородности как фактор консолидации советского народа // Советский народ — новая историческая общность людей. Волгоград, 1969.

⁹⁵ См.: Шкляев Г. П. Изменение социальной структуры удмуртской нации // В семье народов. Ижевск, 1969; Он же. Октябрь и удмуртский народ // Молот. 1967. № 9; Он же. Квалифицированные кадры для растущей экономики // Блокнот агитатора. 1970. № 22.

⁹⁶ См.: Салтышев И. М. Формирование удмуртских национальных кадров // Молот. 1968. № 7. На удм. яз.; Он же. Рост культурно-технического уровня рабочего класса Удмуртии // В семье народов.

⁹⁷ См.: Тронин А. А., Салтышев М. М., Шкляев Г. П. Формирование удмуртской социалистической нации // Там же.

⁹⁸ См.: Князев Д. Н. О понятии «национальное самосознание» // Учен. зап. Удм. гос. пед. ин-та. Вып. 16; Он же. Национальное и интернациональное в национальном самосознании удмуртского народа // Национальное и интернациональное в жизни народа. Киев, 1970; Он же. Советский народ — интернациональная общность людей // Пропагандист и агитатор. 1978. № 7; Он же. Самосознание интернациональной общности советских людей // Советский народ — новая историческая общность людей. Волгоград, 1969; Он же. Рост национального самосознания — закономерный процесс в условиях социализма // Формирование сознания личности в условиях совершенствования социализма. Устинов, 1986.

которые аспекты взаимовлияния технического прогресса и социалистического соревнования⁹⁹.

Объектом пристального изучения стал в ряде работ производственный коллектив как школа общественной активности, массовая школа хозяйствования и воспитания, как фактор формирования личности¹⁰⁰.

Философы Удмуртии уделяют значительное внимание вопросам развития *политических отношений в советском обществе*¹⁰¹.

После Великой Отечественной войны в Удмуртии началась публикация историко-философских исследований¹⁰². Освещались также отдельные проблемы истории марксистской философии, а также материалистические традиции в русском естествознании¹⁰³.

Ряд работ посвящен *методологическим проблемам мирового революционного процесса*¹⁰⁴.

⁹⁹ См.: В авангарде строителей коммунизма. Ижевск, 1963; Грабченко В. М. Пятилетка научно-технического прогресса. Ижевск, 1966; Салтышев М. М. Инициатива трудящихся и технический прогресс. Ижевск, 1967.

¹⁰⁰ См.: Грабченко В. М., Мугатаров А. М., Мушин Б. Э. Производственный коллектив и общественная активность его членов // Школа общественной активности. Ижевск, 1966; Еремин Ю. К. Коллектив — решающая сила в борьбе с пережитками прошлого, в борьбе за нового человека // Там же; Бачурин А. В. Колхоз — школа воспитания коллективизма у советского крестьянства // Духовное развитие личности: Материалы юбил. науч. сес. вузов Уральской зоны. Свердловск, 1967. Вып. 3; Зорина Э. А. Коллективная материальная заинтересованность и развитие личности советского рабочего // Филос. науки. 1966. № 1; Розенберг А. М. Социальные аспекты совершенствования условий труда // В. И. Ленин о социально-экономическом и духовном развитии социалистического общества. Свердловск, 1970; Он же. Условия труда и социальная адаптация работника в среде промышленного предприятия. Пермь, 1970.

¹⁰¹ См.: Якубовский В. Е. Воздействие политики КПСС на совершенствование социалистических производственных отношений // Учен. зап. Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. 1958. Вып. 43; Он же. К вопросу о взаимодействии демократии и социалистических производственных отношений // Учен. зап. Удм. гос. пед. ин-та. Вып. 16; Ситников Э. М. Об определении сущности государства // Там же; Грабченко В. М. От государства диктатуры пролетариата к общенародному государству. Ижевск, 1962; Он же. Историческая роль диктатуры пролетариата. Ижевск, 1963; На путях к общественному самоуправлению. Ижевск, 1963; Школа общественной активности.

¹⁰² См.: Мушин Б. Э. В. Г. Белинский о диалектике «отрицания» в истории // Учен. зап. Удм. пед. ин-та. Ижевск, 1946. Вып. 1; Он же. В. Г. Белинский — великий революционер-демократ. Ижевск, 1961; Он же. Атеизм С. Щедрина // Учен. зап. Удм. пед. ин-та. Ижевск; 1956. Вып. 9; Он же. Этические взгляды Щедрина // Там же. Ижевск, 1956. Вып. 10; Он же. Социологические взгляды М. Е. Салтыкова-Щедрина // Там же. Ижевск, 1958. Вып. 14.

¹⁰³ См.: Зорина Э. А. Карл Маркс и диалектика. Ижевск, 1963; Бибим И. Я. Материалистические идеи русских физиологов в первой половине XIX века // Учен. зап. Удм. пед. ин-та. Ижевск, 1957. Вып. 11.

¹⁰⁴ См.: Помогаев Н. С. Современная эпоха и ее основное противоречие // Вопр. философии. 1965. № 8; Он же. Основное противоречие современной эпохи и проблема сличения революционных сил // Основные противоречия современной эпохи. М., 1967; Он же. Развитие основного противоречия современной эпохи // Учен. зап. Удм. пед. ин-та. Вып. 16; Басов В. П. Некоторые особенности националь-

Значительное число работ посвящено проблемам атеизма, этике и эстетике. Исследуются атеистические традиции русского народа, их исторические истоки и роль в революционной борьбе, атеистическое наследие В. И. Ленина¹⁰⁵, актуальные вопросы атеистического воспитания¹⁰⁶. Изучаются структура быта, проблемы коммунистической морали¹⁰⁷, народонаселения¹⁰⁸. Эстетические проблемы рассматриваются в тесной связи с этическими¹⁰⁹.

В 60-е годы в Удмуртии начинают проводиться *социологические исследования*, результаты которых находят отражение в статьях и сборниках¹¹⁰.

К середине 70-х годов в республике сложился коллектив ученых, занимающийся изучением проблем социалистического стро-

но-освободительного движения в Латинской Америке // Там же; Он же. Юность «бурлящего» континента в борьбе за независимость и социальный прогресс. Ижевск, 1972; Он же. Борьба за мир и социальный прогресс. Устинов, 1986.

¹⁰⁵ См.: *Бумин П. Д.* Атеизм русского народа // Философские науки. Свердловск, 1963. Вып. 1; Он же. В. И. Ленин о борьбе с религиозными пережитками // Торжество ленинского плана построения социализма в СССР. Ижевск, 1960.

¹⁰⁶ См.: *Мушин Б. Э.* О религиозной морали. Ижевск, 1961; *Пономарев Н. С.* Коммунистическое строительство и преодоление религиозных пережитков. Ижевск, 1961; *Тренина Г. И.* Проблемы атеистического воспитания верующих женщин // Молот. 1968. № 3. На удм. яз.; Она же. Атеистические тенденции удмуртской литературы // Молот. 1972. № 3; *Болотов М. К.* Подход — индивидуальный: Формы и методы атеистической работы. Устинов, 1986; *Тренина Г. И.* Атеистическое воспитание трудящихся. Ижевск, 1981.

¹⁰⁷ См.: *Котов Л. И.* Развитие нравственных убеждений и привычек в процессе коммунистического воспитания. М., 1961; *Кривошеина М. А.* Общественные организации в борьбе за коммунистический быт // На путях к общественному самоуправлению; Она же. О структуре быта // Вопросы философии и психологии. Л., 1968. Вып. 2; Она же. Актуальные факторы организации исследований проблем молодой семьи // Вопросы организации научных исследований коммунистического воспитания молодежи. М., 1982; *Ворисов В. И.* Воспитание этики общения в трудовом коллективе // Коммунистическая идеальность — основа воспитания активной жизненной позиции. Ижевск, 1979; Он же. Некоторые вопросы профессиональной этики руководителя в условиях развития социальной однородности общества // Человек и социальный прогресс. Ижевск, 1982.

¹⁰⁸ См.: *Петраков А. А.* Социальная среда и развитие населения. Ижевск, 1978; Он же. Демографическое развитие семьи // Вестн. статистики. 1980. № 8; Он же. Социология городской семьи: Демографическое поведение. Ижевск, 1981; Он же. Сельская семья и дети: Проблемы демографического развития. Ижевск, 1983; Он же. О проблеме внебрачной рождаемости // Здравоохранение Российской Федерации. 1986. № 12.

¹⁰⁹ См.: *Поляк А. И.* К вопросу о становлении форм общественного сознания малых народов: На анализе изобразительного искусства Сов. Удмуртии // Вопросы исторического материализма и критика некоторых концепций буржуазной социологии. М., 1969; Она же. Искусство и нравственный мир личности // Человек и социальный прогресс; *Зорина З. А.* В творческом содружестве // На путях к общественному самоуправлению; *Коган Л. Н., Зорина З. А.* Коллективная материальная заинтересованность и развитие личности советского рабочего // Филос. науки. 1966. № 1.

¹¹⁰ См.: В авангарде строителей коммунизма. Ижевск, 1963; Грани соревнования. Ижевск, 1975; Школа общественной активности; На путях к общественному самоуправлению; и др.

ительства, социального развития производственного коллектива¹¹¹, а также философско-социологических проблем города, села¹¹². Опубликовано несколько работ историко-философского цикла¹¹³.

¹¹¹ См.: *Розенберг А. М.* Текучесть кадров и проблема социальной адаптации работника на промышленном предприятии // Социальные проблемы труда и образования. Рига, 1963. Вып. 1; *Он же.* Роль условий труда в создании стабильного рабочего коллектива // Духовный мир советского рабочего. М., 1972; *Лисенков В. И.* Проблема свободного времени и интересы трудящихся // Социальное планирование. Уфа, 1972; *Он же.* Формирование заинтересованности работников как условие эффективного управления. Свердловск, 1972; *Еремич Ю. К.* Трудовой коллектив и личность. Устинов, 1985; *Он же.* Комплексный подход к укреплению трудовой дисциплины в коллективе. Устинов, 1986; *Розенберг А. М.* Проблемы гармонии в системе человек — производственная среда // Человек и среда. Свердловск, 1975; *Он же.* Место и роль интервальных исследований в прогнозировании социальных процессов: Опыт динам. сравн. анализа проблем стабильности трудовых коллективов // Опыт интервальных исследований и проблемы динамического сравнительного анализа. М., 1982; *Лисенков В. И.* Комплексный план социального развития Удмуртского транспортного управления на 1976—1980 годы. Ижевск, 1977; *Он же.* Соревнование инженерно-технических работников. Ижевск, 1976. В соавт.; *Он же.* Формирование трудовой и общественной активности трудящихся. Ижевск, 1980; *Он же.* Управление социальными процессами // Наука и общество. Ижевск, 1983. Вып. III; *Первооцкова Н. В.* Расцвет и сближение национальных социалистических культур: На материалах Удм. АССР. Ижевск, 1971; Общественный труд и его эффективность. Ижевск, 1977; XXV съезд КПСС и актуальные проблемы социального развития советского общества: По материалам I Уральских социол. чтений. Ижевск, 1978; Социальные факторы повышения производственной и общественно-политической активности трудового коллектива. Ижевск, 1980; Человек и социальный прогресс; Актуальные проблемы укрепления социалистической дисциплины труда и повышение стабильности трудовых коллективов в свете экономической и социальной политики КПСС. Устинов, 1986; Пути повышения эффективности коммунистического воспитания студентов. Ижевск, 1984; Современное городское население Удмуртии. Устинов, 1986; Вопросы развития национальных отношений. Устинов, 1985; Социально-этнические аспекты развития современного села. Ижевск, 1984; *Басов Б. П.* Разработка проблемы социальной ответственности в теории научного коммунизма // Научный коммунизм. 1983. № 5; *Еремич Ю. К., Лисенков В. И., Розенберг А. М.* Управление социальными процессами в трудовом коллективе. Ижевск, 1982.

¹¹² См.: *Белорукова Г. П.* Межнациональные отношения в среде городского населения Удмуртской АССР // Современное городское население Удмуртии; *Петраков А. А.* Социология городской семьи: Демографическое поведение; *Первооцкова Н. В.* Свободное время и потребление профессиональной духовной культуры // Современное городское население Удмуртии; *Она же.* Национальные аспекты потребления духовной культуры // Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-Поволжья и европейского Севера СССР. Устинов, 1986; *Староверов В. И., Разин А. А., Шишкин М. И.* Удмуртская деревня. Ижевск, 1983; *Разин А. А., Разин Р. А.* Штрихи к портрету сельского руководителя среднего звена // Социол. исслед. 1986. № 4; *Белорукова Г. П.* Социальные перемещения сельского населения Удмуртской АССР // Вопросы социально-экономического и демографического развития сельской местности Удмуртской АССР. Ижевск, 1983; *Она же.* Социальные перемещения в национальных группах сельского населения Удмуртской АССР // Социально-этнические аспекты развития современного села.

¹¹³ См.: *Матвеев Г. Е. Г. В.* Психанов и буржуазная историография начала XX века по русской философии и общественной мысли. Ижевск, 1974; *Замалева А. Ф., Матвеев Г. Е.* От просветительской утопии к теории революционного действия: Сфера социологии декабристов. Ижевск, 1975; *Ситников Э. М.* Проблема завершенности в философии Гегеля // Филос. науки. 1977. № 1.

Ученые республики уделяют внимание и социальным проблемам научно-технического прогресса¹¹⁴.

Таким образом, в 70—80-е годы проблематика философских и социологических исследований в Удмуртии значительно расширилась и продолжает расширяться.

Марш. Победа Великой Октябрьской социалистической революции создала благоприятные условия для развития в Марийской республике марксистско-ленинской философской науки. Уже в 1919 г. на марийский язык был переведен «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Затем — ряд работ В. И. Ленина. Позднее — «Наемный труд и капитал» К. Маркса, «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Карл Маркс» Ф. Энгельса, «О государстве», «О значении воинствующего материализма», «О праве наций на самоопределение», «Три источника и три составных части марксизма», «Социализм и религия» В. И. Ленина и др.

Вместе с изданием трудов классиков марксизма-ленинизма началась публикация на марийском языке книг, брошюр и статей, излагающих философские основы научного коммунизма. Авторами таких работ были видные марийские общественные деятели, писатели и ученые. Так, например, крупный писатель и литературовед, один из зачинателей марийской литературы Шабдар Осип (Шабдаров И. А.) и критик Апшат Максим (Кузнецов М. В.) выпустили популярную книгу о жизни и деятельности В. И. Ленина.

В довоенный период большую роль в распространении марксистско-ленинской теории на территории Марийской АССР сыграл В. А. Мухин — один из первых марийских коммунистов, видный общественный деятель, поэт и ученый. Наряду с ним в упрочении и распространении марксистско-ленинской идеологии в Марийском крае в первые послеоктябрьские годы приняли активное участие партийные деятели, публицисты А. К. Эшкинин, М. К. Корбут, Г. М. Лихачев, И. П. Петров, А. Д. Кедрова, П. И. Андреев.

Значительное место в Марийской АССР заняла научно-исследовательская и популяризаторская работа в области эстетики. Примечательна в этом отношении статья В. А. Мухина «О специфике национального искусства», в которой рассматривается проблема сочетания содержания и формы в искусстве¹¹⁵. Марийские авторы создали труды, в которых отстаивается тезис о партийности литературы и искусства. К ним относятся «Марийская литература в 1917 году» В. А. Мухина (Йошкар-Ола, 1929), «Политика партии в области художественного творчества» П. Карпова (Йошкар-Ола, 1933) и др. Марийские исследователи внесли свой вклад и в разработку теоретических основ социалистического реализ-

¹¹⁴ См.: XXVII съезд КПСС: социальные и методологические проблемы научно-технического прогресса. Устинов, 1986.

¹¹⁵ См.: Мухин В. А. О специфике национального искусства // Марийская автономная область. 1934. № 9—10.

ма¹¹⁶. Проблемы эстетики социалистического реализма анализировались в работах С. Г. Чавайна, М. Шкетана, Я. Я. Ялкайна, Н. И. Казакова и др.

Более глубокое изучение и разработка проблем диалектического и исторического материализма в Марийской АССР начались в 40-х годах, когда в вузах было введено преподавание марксистско-ленинской философии.

В 1963 г. создаются кафедры философии и научного коммунизма в Марийском государственном педагогическом институте им. Н. К. Крупской и Марийском политехническом институте им. М. Горького; в Марийском государственном университете создаются кафедры философии и политэкономии. В 1947 г. при Йошкар-Олинском горкоме КПСС организуется университет марксизма-ленинизма.

В послевоенный период ученые Марийской АССР интенсивно исследуют вопросы *исторического материализма*, и прежде всего закономерности перерастания социализма в коммунизм. Ими анализируются роль объективных условий и субъективного фактора в строительстве коммунизма, некоторые аспекты учения об общественно-экономических формациях, категории базиса и надстройки, политической организации общества¹¹⁷. Вышли работы, специально посвященные общественному прогрессу, различным аспектам научно-технической революции¹¹⁸.

В работах обществоведов Марийской АССР заметное место занимают исследования национальных отношений и формирования социалистических наций, вопросов пролетарского, социалистического интернационализма, интернационального воспитания трудящихся, а также проблем духовного формирования советского человека, роли коллектива в трудовом воспитании, в преодолении пережитков прошлого в сознании и поведении людей¹¹⁹. Существенное внимание уделяется также научно-исследовательской рабо-

¹¹⁶ См.: *Шабвар О.* О социалистическом реализме // У вий. 1933. № 12; 1934. № 1.

¹¹⁷ См.: *Васенев С. А.* О соотношении и роли объективных условий и субъективного фактора в строительстве коммунизма. Йошкар-Ола, 1968; *Шабалин М. К.* Советы общенародного государства. Йошкар-Ола, 1966; *Васенев С. А.* Обоснование К. Марксом и Ф. Энгельсом исторической необходимости создания Коммунистической партии. Йошкар-Ола, 1967; *Дьяконов В. И.* О задачах партии в области хозяйственного строительства и дальнейшего развития социалистической демократии. Йошкар-Ола, 1968; а также работы А. К. Александрова, А. А. Кожевникова, И. И. Рыкалюной, Г. И. Кириллова.

¹¹⁸ См.: *Маслихин В. Д.* Общественный прогресс. Йошкар-Ола, 1968; а также работы Г. А. Посибеева, Н. В. Егорова, В. П. Кожевникова.

¹¹⁹ См.: *Очерки истории Марийской организации КПСС.* Йошкар-Ола, 1976; *Маслихин В. Д.* О диалектике общего и особенного в социально-экономическом развитии марийского народа. Йошкар-Ола, 1972; *Васенев С. А.* Становление и развитие марийской нации. Йошкар-Ола, 1982; а также работы К. К. Васина, С. А. Васенева, В. Ф. Пашукова, А. В. Хлебникова, К. Н. Санукова, В. М. Тарасовой, Б. К. Рейнфельдта, В. Ф. Филиппова.

те в области научного атеизма, которая проводится главным образом на местном материале¹²⁰.

В 1975 г. пленум Марийского обкома КПСС рассмотрел вопрос «О состоянии и мерах улучшения работы областной партийной организации по воспитанию идейной убежденности трудящихся». На пленуме были подведены итоги комплексных социологических исследований по теме «Быт, культура, национальные традиции и верования населения Марийской АССР». Эту работу проводил Общественный институт конкретно-социологических исследований при Марийском обкоме партии¹²¹. Осуществляемые в Марийской республике конкретные социальные исследования используются при составлении комплексных перспективных планов социального развития промышленных предприятий, совхозов и колхозов. Создан сектор социологии и в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории.

Важное значение имеют изыскания по истории философской и общественно-политической мысли в Марийском крае¹²².

Вопросы эстетики и теории культуры нашли отражение в брошюрах и статьях целого ряда авторов¹²³, подчеркивающих решающую роль Великой Октябрьской социалистической революции в быстром росте всех отраслей культуры и тесную связь национальной культуры марийского народа с культурой народов других братских республик, и прежде всего русского народа.

Коми. В первые годы после установления Советской власти на территории Коми начался процесс ознакомления с наследием классиков марксизма-ленинизма, произведения которых ранее находились под строгим запретом. Многие из них стали переводиться на язык коми.

В 20—30-е годы предпринимаются первые попытки изучения с позиций марксистско-ленинской методологии духовной культуры народа коми, истории религии и атеизма коренного населения.

Было создано «Общество изучения Коми края», труды членов которого публиковались на страницах общественно-политического и краеведческого журнала «Коми му» («Коми край»), выходившего с 1924 по 1929 г., и в «Записках Общества изучения Коми

¹²⁰ См.: Краснов А. В. Религиозные предрассудки среди мари и пути их преодоления. Йошкар-Ола, 1964; Соловьев В. С. Время и религия. Йошкар-Ола, 1968; Рыжков А. Ф. Дохристианские верования марийцев и их современные проявления. Йошкар-Ола, 1976. Атеистическая тематика разрабатывалась также в работах Н. И. Шердакова, Н. С. Софронова, М. Ф. Нехорошнова, Е. А. Хлебникова, В. А. Анцорина, Г. А. Сепеева, А. П. Устинова.

¹²¹ Данные конкретных социальных исследований были опубликованы В. С. Соловьевым, В. Д. Маслихиным, А. В. Красновым, В. Г. Пивоваровым и др.

¹²² См.: Васин К. К., Коробков С. А., Рейнфельдт Б. К. Из истории философской и общественно-политической мысли в Марийском крае: Дооктябрьский период. Йошкар-Ола, 1966.

¹²³ См. работы М. А. Георгиной, Л. Я. Поповой, В. А. Анцорина, Г. И. Соловьевой, А. Е. Иванова.

края» (1928—1932 гг.). В указанных изданиях излагалась история христианизации коми и их дохристианских верований. Эти работы представляли исходный материал для дальнейших исследований. Серьезным вкладом в изучение дохристианских верований народа коми явилась книга А. С. Сидорова, хотя в ней несколько преувеличивалась степень распространенности суеверий у коми¹²⁴. В 1932 г. открылось первое высшее учебное заведение в республике Коми — Государственный педагогический институт, который сыграл большую роль в деле воспитания и подготовки национальных кадров¹²⁵.

В послевоенный период ученые республики приступили к изучению истории развития материальной и духовной культуры народа коми как в дореволюционный период, так и в эпоху коренных социалистических преобразований. В монографическом исследовании Я. Н. Безносикова были определены основные этапы духовного развития республики Коми¹²⁶.

В 60-е годы на основе конкретно-социологических исследований, осуществленных сектором этнографии Коми филиала АН СССР, определялись наиболее эффективные пути и формы улучшения научно-атеистического воспитания трудящихся этой многонациональной республики, анализировались самые распространенные формы религиозных верований на обширной территории Коми края¹²⁷.

В практику научного общения вошли зональные научно-теоретические конференции, посвященные знаменательным событиям в жизни республики, юбилеям основоположников марксизма-ленинизма. Одна из таких конференций состоялась в 1968 г.; научная общественность Коми АССР посвятила ее 150-летию со дня рождения К. Маркса. По итогам работы конференции был опубликован сборник статей¹²⁸.

Историками философии критически осмысливается философско-публицистическое наследие мыслителей прошлого, в том числе выходца из Коми края философа, ученого, лингвиста, этнографа К. Ф. Жакова (1865—1926). Оценка его деятельности дана на страницах республиканской газеты «Красное знамя»¹²⁹.

Дальнейший этап в развитии философской культуры в республике относится к 70-м годам, когда организуются кафедры философии и научного коммунизма в Коми пединституте, Ухтинском индустриальном институте и Сыктывкарском государственном

¹²⁴ См.: Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л., 1928.

¹²⁵ См.: Первенец высшей школы. Сыктывкар, 1982.

¹²⁶ См.: Безносиков Я. Н. Культурная революция в Коми АССР. М., 1968.

¹²⁷ См.: Гагарин Ю. В. Евангельские христиане-баптисты. Сыктывкар, 1965; Он же. Отход от сектантства в Коми АССР // По этапам развития атеизма. Л., 1967; и др.

¹²⁸ См.: Карл Маркс и современность. Сыктывкар, 1968.

¹²⁹ См.: Соблюдать партийность в освещении вопросов истории // Красное знамя. 1977. 15 сент.

университете имени 50-летия СССР. Начала функционировать лаборатория конкретных социологических исследований при Коми пединституте. Социологи установили тесные творческие контакты с Советом научно-технических обществ республики. По заявкам последнего в течение 60—70-х годов была проанализирована роль общественных организаций в механизме управления производством на предприятиях Коми АССР. Материалы исследования обобщались и обсуждались на III и IV республиканских конференциях обществоведов. Большое внимание социологи республики уделяли также вопросам изучения институтов социалистической демократии и их места в системе политической организации общества. Результаты научных поисков нашли отражение в специальных монографиях¹³⁰. Ряд публикаций посвящен проблемам атеизма и истории религии¹³¹.

В середине 70-х годов в Коми филиале АН СССР был сформирован новый сектор социологических исследований, в основу деятельности которого было положено изучение проблем повышения эффективности политического образования и воспитания трудящихся, жизненной ориентации подрастающего поколения республики, особенно учащейся молодежи. Обществоведами Ухтинского индустриального института проводились конкретно-социологические исследования социально-психологических взаимоотношений в производственных коллективах, изучались проблемы совершенствования теории и практики социального планирования на предприятиях.

На республиканских научно-теоретических конференциях обсуждаются актуальные проблемы марксистско-ленинской теории. Одна из таких конференций, состоявшаяся в 1970 г. в Сыктывкаре, была посвящена 100-летию со дня рождения В. И. Ленина¹³². В 1971 и 1981 гг. состоялись зональные научные конференции, посвященные 50-летию и 60-летию образования Коми АССР, в работе которых приняли участие обществоведы республики, а также ведущие ученые Москвы и Ленинграда. Доклады и сообщения, прозвучавшие с трибун этих конференций, были опубликованы¹³³. В 1971 и 1981 гг. состоялись зональные научные конференции по проблемам управления социальными системами, организованная общественным институтом социальных исследований при Коми областном комитете КПСС. Активное участие в ее работе приняли ученые из нескольких краев и областей. Итогом

¹³⁰ См.: Демократия трудящихся Коми АССР. Сыктывкар, 1971; Андреев С. С., Ахмеев В. Н., Свириденков М. П., Нецвертный Н. Т. Демократия и дисциплина. Сыктывкар, 1972.

¹³¹ См.: Гагарин Ю. В. Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление. Сыктывкар, 1971; Он же. Старообрядцы. Сыктывкар, 1973; Он же. История религии и атеизма народа коми. М., 1978; и др.

¹³² См.: В. И. Ленин и проблемы общественных наук. Сыктывкар, 1971.

¹³³ См.: Ленинская национальная политика в действии. Сыктывкар, 1971; Преображенный край, Сыктывкар, 1982.

работы этой представительной конференции явился выход в свет коллективной монографии¹³⁴.

По инициативе Ухтинского городского комитета КПСС и кафедр общественных наук индустриального института состоялись региональные научные конференции, посвященные 110-летию со дня рождения В. И. Ленина и 60-летию образования СССР¹³⁵.

С 1979 г. Сыктывкарский государственный университет им. 50-летия СССР регулярно проводит межвузовские научно-теоретические конференции по проблемам социалистического образа жизни, материалы которых публикуются¹³⁶.

На протяжении 60—70-х годов в Коми АССР широко практиковалось проведение молодежных научно-теоретических конференций, в работе которых деятельное участие принимали молодые обществоведы республики.

В последние десятилетия в Коми вышли книги о развитии социалистической демократии, о социально-экономических и культурных процессах, происходящих на селе и обусловленных благотворным воздействием новой аграрной политики партии¹³⁷.

Событием чрезвычайной важности в научной жизни Коми АССР и страны в целом явилось проведение летом 1985 г. в Сыктывкаре шестого Международного конгресса финно-угроведов. В его работе активное участие приняли не только лингвисты, литературоведы, этнографы, но и обществоведы Коми АССР, посвятившие свои исследования экономическим и социально-культурным преобразованиям в регионе. Тезисы выступлений ученых были опубликованы на английском языке¹³⁸.

2

Автономные республики Северного Кавказа

Дагестан. Благоприятные условия для развития науки, в том числе философии, возникли в Дагестане только с победой Советской власти. В переходный период теоретическое осмысление проблем экономического, социально-политического и культурного развития края, решение мировоззренческих проблем выпало в ос-

¹³⁴ Проблемы управления социальными системами. Сыктывкар, 1978. Вып. 1.

¹³⁵ См.: Научная конференция, посвященная 110-летию со дня рождения В. И. Ленина: Тез. докл. Сыктывкар, 1981; Научная конференция, посвященная 60-летию образования СССР: Тез. докл. Ухта, 1982.

¹³⁶ См.: История становления и совершенствования советского социалистического образа жизни. Сыктывкар, 1980; Становление и совершенствование советского образа жизни. Сыктывкар, 1981; Совершенствование и развитие духовных основ социалистического образа жизни. Сыктывкар, 1983; Социальные проблемы развития социалистического образа жизни. Сыктывкар, 1984.

¹³⁷ См.: Андреев С. С. Централизм и демократия в организации трудовых коллективов. Сыктывкар, 1973; Мельников В. П. Город и деревня: к единой цели, Сыктывкар, 1985.

¹³⁸ См.: Шестой Международный конгресс финно-угроведов, Сыктывкар, 24—30 июля 1985 г. Сыктывкар, 1985. Т. 5.

новном на долю таких деятелей общественной мысли, сформировавшихся в досоветский период, как Дж. Коркмасов, С. Габиев, А. Тахо-Годи, Н. Самурский и др. Они уделяли большое внимание раскрытию социальной сущности и роли ислама, разработке специфических для местных условий методов и форм борьбы с ним. Особенно интересны в этом отношении работы Дж. Коркмасова и С. Габиева¹³⁹. Дж. Коркмасов подчеркивал, что преодоление религии и социалистическое перевоспитание масс в Дагестане — чрезвычайно сложный процесс, требующий много времени, так как ислам считался здесь чуть ли не святыней, а духовенство являлось «исконным властителем дум и мыслей». Он предложил гибкую тактику борьбы с религией. Габиев заострил внимание на связи религии с реакционными, контрреволюционными силами. Характеризуя тарикатский мюридизм, который имел тогда значительное влияние в Дагестане и представлялся многим безвредным учением, дагестанский марксист показал, что, проповедуя мистицизм, аскетизм, неверие в силу человеческого разума, это религиозное учение противоречит теории и практике социализма.

Важное место в работах С. Габиева и А. Тахо-Годи занимают проблемы национально-освободительной и революционной борьбы горцев, критический анализ феодально-клерикальной и буржуазно-националистической идеологий¹⁴⁰.

Большой интерес представляют философско-публицистические работы А. Тахо-Годи об искусстве, соотношении морально-философских воззрений и художественно-эстетической реальности в творчестве Л. Толстого¹⁴¹.

Первые профессиональные философские кадры появились в Дагестане в 30-х годах на кафедрах марксизма-ленинизма в педагогическом, медицинском и сельскохозяйственном институтах. Они играли значительную роль в философском образовании студенческой молодежи и популяризации марксистско-ленинских знаний.

В подготовке специалистов огромную помощь республике оказали высшие учебные заведения Москвы, Ленинграда, Баку, Ростова и других городов, в первую очередь Институт философии АН СССР и философский факультет Московского университета.

Большую роль в подготовке философских кадров сыграла кафедра философии Дагестанского университета им. В. И. Ленина. Она готовила специалистов по философии не только для своей рес-

¹³⁹ См.: *Коркмасов Дж.* Речи и статьи // Красный Дагестан. 1926. 27 янв.; 28 марта; 5 апр.; 12 мая; *Габиев С.* Мюридизм на Кавказе // Революционный горец. 1919.

¹⁴⁰ *Тахо-Годи А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927; *Он же.* Уллубий Буйнакский. Махачкала, 1952; *Габиев С.* Очерки контрреволюции в Дагестане // Революционный горец. 1919.

¹⁴¹ *Тахо-Годи А.* Лев Толстой в «Хаджи-Мурате». Махачкала, 1929; То же // Новый Восток. 1929. № 26, 27.

публики, но и для национальных республик и областей Северного Кавказа.

Ученые Дагестанского университета развернули работу по научному атеизму, изучая ислам, его социальные и гносеологические корни¹⁴². В исследованиях дагестанских атеистов большое внимание уделяется проблеме преодоления религиозных пережитков, которая решается с помощью конкретно-социологических исследований¹⁴³. Предпринимаются попытки определить состояние и характер религиозности различных категорий населения, выяснить конкретные причины их сохранения и наиболее эффективные методы и формы атеистической пропаганды. Подготовленные философами Дагестана «Очерки научного атеизма» используются в качестве учебного пособия во многих вузах и вечерних университетах марксизма-ленинизма Северного Кавказа. Значение сделанного обществоведами в области изучения религии и религиозности населения, атеистического и интернационального воспитания трудящихся неоднократно отмечалось в республиканской партийной печати.

Важное место в исследованиях дагестанских философов заняли проблемы *истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана*. В свое время бытовала нигилистическая концепция, отрицавшая наличие у дагестанцев прогрессивной мысли в дореволюционный период. Первые работы по этой проблематике, появившиеся в 60-х годах, показали самобытность культуры горцев Дагестана, в том числе их философской и общественно-политической мысли, уходящей своими корнями в глубь веков¹⁴⁴.

¹⁴² См.: *Абдуллаев М. А., Гаджиев С. М.* Поговорим о мусульманской религии. Махачкала, 1962; *Гаджиев С. М.* Мир глазами науки и корана. Махачкала, 1963; *Вагабов М. В.* Ислам и женщина. М., 1968; *Он же.* Ислам и вопросы атеистического воспитания. Махачкала, 1984; *Гаджиев С. М., Ширавов К. З.* Ислам и мораль. Махачкала, 1970; *Абдуллаев М. А.* Некоторые вопросы теологии ислама. Махачкала, 1973; *Абдуллаев М. А., Вагабов М. В.* Актуальные проблемы критики и преодоления ислама. Махачкала, 1975; *Алиева Б. А.* Вера и разум. Махачкала, 1972; *Она же.* Наука и ислам. М., 1979; *Махатов И. Р.* Атеисты в наступлении: Преодоление пережитков ислама в социальном сознании. М., 1978.

¹⁴³ См.: *Гаджиев С. М.* Пути преодоления идеологии ислама. Махачкала, 1963; *Магомедов М. З.* Средства, формы и методы атеистического воспитания масс. Махачкала, 1969; *Абдуллаев М. А.* О некоторых вопросах конкретно-социологического исследования религиозности населения // Социологическое изучение села: культура, быт, расселение. М., 1968; *Махатов И. Р.* Ислам, верующий, современность. Махачкала, 1974; *Муслимов С. Ш.* Философские аспекты исследования религиозного сознания. Махачкала, 1974.

¹⁴⁴ См.: *Абдуллаев М. А.* Мыслители Дагестана XIX и начала XX в. Махачкала, 1963; *Он же.* Казем-бек — ученый и мыслитель. Махачкала, 1963; *Он же.* Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана. М., 1968; *Он же.* Методологические вопросы исследования истории философской мысли народов Северного Кавказа // Филос. науки. 1979. № 6; *Абдуллаев М. А., Меджидов Ю. В.* Али Калев. Махачкала, 1965; *Баймурзаев А.* Из истории общественной мысли Дагестана во второй половине XIX в. Махачкала, 1965; *Хасбулатов Х. М. А.* Тахо-Годи. Махачкала, 1968.

В последнее время все большее внимание в исследованиях дагестанских философов и социологов уделяется проблеме социально-экономического и культурного развития народов Дагестана. Сектор социологии Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР во второй половине 70-х годов концентрировал свои усилия на разработке этой проблематики¹⁴⁵.

Большой интерес проявляют дагестанские ученые к *проблемам социально-экономического* развития народов Дагестана. Дагестан в этом отношении является уникальным краем. Здесь проживает более 32 народностей и этнических групп, говорящих на 70 языках и диалектах. За годы Советской власти произошли крупные изменения в этническом составе населения. С 1926 по 1970 г. количество этнических образований сократилось в результате консолидации с 32 до 10. Изучение этих процессов имеет важное значение для социологической теории. В литературе утвердилось мнение, что в настоящее время народы Дагестана развиваются в направлении дальнейшей консолидации мелких социально-этнических групп вокруг основных родственных народов; взаимосближения всех народов Дагестана; сближения народов Дагестана с другими народами нашей страны.

Дагестанские исследователи национальных отношений внесли свой вклад в разработку понятия народности вообще и социалистической народности в частности¹⁴⁶.

Составной частью национальной культуры горцев выступают их традиции и обычаи. Изучению их социальной сущности, специфических черт и особенностей, их роли в воспитании молодежи посвящен ряд работ¹⁴⁷.

Во второй половине 70-х годов внимание дагестанских ученых все больше привлекают *проблемы современной идеологической борьбы*. Разоблачаются реакционность и лживость антикоммунистической концепции, согласно которой в СССР якобы осуществляется сверхассимиляция наций и национальных культур малых народов; критически исследуются попытки антикоммунистов использовать ислам и мусульманский национализм против марксизма-ленинизма, советской социалистической действительности, в том

¹⁴⁵ См.: Социально-этническое и культурное развитие городского населения Дагестана. Махачкала, 1978; Изменение социальной структуры Дагестана в условиях развитого социализма. Махачкала, 1979.

¹⁴⁶ См.: Агаев А. Г. К вопросу о теории народности. Махачкала, 1965; *Он же*. Народность как социальная общность // *Вопр. философии*. 1965. № 11; *Он же*. Социалистическая национальная культура. М., 1973; *Салманов С.* О характере общности экономической жизни народов, строящих социализм и коммунизм. Махачкала, 1965; *Магомедов Д. М.* Единство многообразия. Махачкала, 1977; *Он же*. Развитие социалистических национальных художественных культур. М., 1979; *Курбиев М., Мамедов М.* Сближение, взаимообогащение, расцвет. Махачкала, 1980.

¹⁴⁷ См.: *Алиев А. К.* Новая жизнь и новые традиции. Махачкала, 1965; *Он же*. Народные традиции, обычаи и их роль в формировании нового человека. Махачкала, 1969.

числе против советского образа жизни и советских традиций¹⁴⁸. Разрабатываются и проблемы исторического материализма¹⁴⁹.

В последнее десятилетие ряд философов Дагестана занимается теорией познания, философскими вопросами математики, кибернетики¹⁵⁰.

Чечено-Ингушетия. Развитию марксистско-ленинской науки в Чечено-Ингушетии во многом способствовало то обстоятельство, что в центре этого края еще в конце прошлого и особенно начале нынешнего века сформировался мощный промышленный центр — Грозный с его закаленным в классовых боях пролетариатом. Здесь уже в начале XX в. возникают первые социал-демократические кружки, распространяются произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Выдающуюся роль в распространении марксизма-ленинизма в Чечено-Ингушетии накануне и сразу после Октября сыграли соратники В. И. Ленина Г. К. Орджоникидзе и С. М. Киров, а также Ганур Ахрилев и первый чечено-ингушский марксист Асланбек Шерипов. Своей мужественной борьбой против реакционного мусульманского духовенства А. Шерипов вписал яркую страницу в историю атеистической мысли своего народа, в огромной степени содействовал очищению и укреплению классового самосознания трудящихся горцев.

С 60-х годов на кафедрах философии высших учебных заведений республики, таких, как нефтяной и педагогический институт, преобразованный в 1975 г. в Чечено-Ингушский государственный университет, определились основные направления научно-исследовательской работы философов республики. В 1965 г. в Чечено-Ингушском научно-исследовательском институте истории и социологии был организован сектор *научного атеизма*, который развернул научно-исследовательскую работу, базирующуюся на конкретных социологических исследованиях.

Атеистическая тематика занимает большое место в научных публикациях¹⁵¹. Объектом научного анализа являются вопросы *национальных отношений*¹⁵². Начинается исследование *истории*

¹⁴⁸ См.: *Абдуллаев М. А.* Северный Кавказ в объективе антикоммунизма. Махачкала, 1975; *Он же.* Сущность и особенности современного исламского антикоммунизма // Особенности идеологической борьбы на современном этапе. Махачкала, 1975.

¹⁴⁹ См.: работы М. Т. Батырмурзаева и др.

¹⁵⁰ См.: *Магомедов А. М.* Методологические проблемы в учении о функции. Ростов н/Д., 1984.

¹⁵¹ См.: *Шамилев А. И.* Религиозные культы чеченцев и ингушей и пути их преодоления. Грозный, 1963; *Божов Х. Х.* Атеисты в наступлении. Грозный, 1968; *Мустафинов М. М.* Антинаучность идей о тождестве национального и религиозного. Грозный, 1975; *Машидов Д. Д.* Мифы и реальность. Грозный, 1975; *Опыты и проблемы интернационального и атеистического воспитания.* М., 1976; *Ливоваров В. Г.* Структура религиозной общины. Грозный, 1970; а также работы Х. Б. Мамлсева, Ш. Д. Абдулкадырова, А. А. Каратаева, С. Виситаева.

¹⁵² См.: *Сангареев С. А.* Теоретические вопросы социалистического интернационализма. М., 1968.

философской и общественно-политической мысли в Чечено-Ингушетии, в частности изучаются воззрения просветителей¹⁵³.

Активно изучаются философские воззрения в устном народном поэтическом творчестве¹⁵⁴. В области *диалектического материализма* вышли работы о категориях материалистической диалектики, о закономерности развития¹⁵⁵.

Северная Осетия. В. И. Ленин в письме к «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики» писал: «Горячо приветствуя Советские республики Кавказа, я позволю себе выразить надежду, что их тесный союз создаст образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного в буржуазном строе»¹⁵⁶.

Следуя ленинским заветам, председатель Совнаркома Горской республики С. Мамсуров считал необходимым «помочь горцу организационными, агитационно-пропагандистскими и хозяйственными мероприятиями усвоить советскую общественность, советские отношения»¹⁵⁷.

Другой видный марксист и партийный деятель Горской республики — К. С. Бутаев¹⁵⁸ также разрабатывал основы социалистической организации народов бывших окраин, пути и средства их приобщения к социализму¹⁵⁹.

В первые годы социалистического строительства перед партийными и советскими работниками, а также обществоведами Осетии стояли вопросы об особенностях социального, культурного развития народов, стоящих на разном общественном и культурном уровне, о расстановке классовых сил, о борьбе с пережитками прошлого в сознании людей, а также проблемы национальных отношений, сотрудничества наций, их интернационального сплочения.

¹⁵³ См.: *Яндаров А. Д.* Первый ингушский просветитель. Грозный, 1968; *Он же.* Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата, 1975. По проблемам истории общественно-политической и философской мысли чеченцев и ингушей работает также Л. С. Костова.

¹⁵⁴ См.: *Лепиев А. С.* Идеи дружбы народов в устном творчестве чеченцев и ингушей. Махачкала, 1967; *Он же.* Вопросы мировоззрения и морали в дореволюционном фольклоре чеченцев-ингушей. Махачкала, 1968.

¹⁵⁵ См.: *Манжиев А. Л.* Проблема причинности в генетической психологии. Грозный, 1971; а также работы Д. В. Рябова, М. Ю. Келигова.

¹⁵⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 198.

¹⁵⁷ ЦГА СО АССР. Ф. 41. Д. 44. Л. 28.

¹⁵⁸ В 1920—1925 гг. К. С. Бутаев — секретарь обкома РКП(б), нарком Горской республики; в 1925—1929 гг. — слушатель Института красной профессуры; в 1931—1934 гг. — зам. директора Института экономики Комкадемии, профессор; в 1934—1936 гг. — первый секретарь Северо-Осетинского обкома партии.

¹⁵⁹ См.: *Бутаев К.* Политическое и экономическое положение Горской республики. Владикавказ, 1921; *Он же.* К вопросам социалистической переделки национальных областей // *Революция и горец.* 1930. № 4; *Маркс о характере общественного труда при капитализме и социализме* // *Проблемы экономики.* 1933. № 1; *Он же.* Октябрь в Осетии // *Изв. СОИИИ.* 1935. Т. VIII; *О противоречиях простого товарного хозяйства* // *Ин-т красной профессуры.* 1934. № 3.

Так, например, социалистическая революция принесла в национальные регионы страны новые нравственные представления, новые основы семьи и быта. Однако на этом пути серьезным препятствием встали адаты. В статье Э. Хадарцева «Адатная проблема и задачи краевого научно-исследовательского института» показывалось, что ретроградные нравственные представления, закрепленные в неписаных законах и канонах, в условиях классовой борьбы обратились в орудие борьбы против социализма¹⁶⁰. В то же время автор не исключал возможности определенного использования адатов, например форм старинной коллективной солидарности, которые были близки широким горским массам и могли сочетаться с новыми принципами. Тем самым предполагалась преемственная связь новых форм морали, быта, семейных отношений с теми элементами культуры, которые были выработаны в прошлом, но могли быть использованы в процессе социалистического строительства.

В 40—70-е годы в Северной Осетии постепенно оформились главные направления научно-исследовательской работы в области общественных и естественных наук, диалектического и исторического материализма, истории общественной и философской мысли.

Крупный вклад в развитие осетинской культуры и обществоведения внес известный лингвист-иранист В. И. Абаев, работы по теоретическому языкознанию которого выходят за пределы частных языковедческих проблем¹⁶¹.

Как и в других республиках Союза в Северной Осетии исследования по *истории общественной и философской мысли* стали одним из наиболее важных участков научной работы уже в 50-е годы. История общественной и философской мысли осетинского народа разрабатывалась учеными Юго-Осетинской автономной области Грузинской ССР¹⁶².

В Северной Осетии в 1957 г. была издана работа М. С. Тотоева «Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период». В 1968 г. опубликованы его же «Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной

¹⁶⁰ См.: Революция и горец. 1928. № 1. С. 50—51.

¹⁶¹ См.: Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949; *Он же*. Об историзме в описательном языкознании // О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1960; *Он же*. Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке // Вопр. языкознания. 1965. № 3; *Он же*. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.

¹⁶² См.: Габараев С. Ш. Мироззрение Коста Хетагурова. М., 1958; *Он же*. Георгий Цаголов. Цхинвали, 1962; *Джаусойты Н. Г.* Коста Хетагуров. Сталинир, 1958; *Он же*. Сека Гадиев. Сталинир, 1958; *Он же*. Коцоев Арсен. Цхинвали, 1964; Абаев В. Д. Коста Хетагуров и его время. Тбилиси, 1961; Кабисов Р. С. К вопросу о мировоззренческих мотивах в осетинском картском эпосе. Тбилиси. 1972; Цховребов З. П. Развитие общественно-политической и философской мысли в Осетии. М., 1977.

Осетии в начале XX века (1903—1917)». Он же исследует также русско-осетинские культурные связи ¹⁶³.

Мировоззрение выдающегося осетинского мыслителя А. А. Гассиева изучено Х. К. Цаллаевым, который показал сложную эволюцию Гассиева, воспитанного в духовных учебных заведениях, в том числе и в Киевской духовной академии, но затем перешедшего на позиции материализма и во многом примыкавшего к материализму революционных демократов России ¹⁶⁴.

В Северной Осетии разрабатываются *актуальные вопросы диалектического материализма* ¹⁶⁵. Ряд исследователей работает в области *философских проблем естествознания* ¹⁶⁶.

Большинство философов республики специализируется на проблемах *исторического материализма*, таких проблемах, как общественно-экономическая формация и закономерности ее развития, закономерности культурного прогресса наций и народностей в условиях социализма, диалектика национального и интернационального в развитии советского общества, культурное развитие и принципы освоения культурного наследия, теоретические и практические аспекты патриотического и интернационального воспитания трудящихся ¹⁶⁷.

¹⁶³ См.: *Тотоев М. С.* История русско-осетинских культурных связей. Орджоникидзе, 1977.

¹⁶⁴ См.: *Цаллаев Х. К.* Философские и общественно-политические воззрения Афанасия Гассиева. Орджоникидзе, 1966.

¹⁶⁵ См.: *Бутаев И.* Математика в диалектическом анализе в «Капитале» К. Маркса // Под знаменем марксизма. 1929. № 9, 10; *Он же.* Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса // Проблемы экономики. 1929. № 4, 5; *Хадиков М. Г.* К вопросу о соотношении сущности и закона // Сборник научных трудов ГСХИ. Орджоникидзе, 1964. Вып. XI; *Кочиев М. Е.* Система категорий объективной диалектики // Сборник работ молодых ученых ГСХИ. Орджоникидзе, 1967. Вып. 2; *Он же.* О категории существования // Тр. ГСХИ. Орджоникидзе, 1971. Т. 31.

¹⁶⁶ См.: *Геворкян О. С.* Борьба основных философских направлений в современной космогонии // Учен. зап. Анад. обществ. наук при ЦК КПСС. М., 1956. № 22; *Он же.* Ф. Энгельс и космогония в XIX в. // Учен. зап. СОГУ. Орджоникидзе, 1969. Вып. 2; *Он же.* Космогоническая гипотеза: Опыт ист.-методол. исследования. М., 1974.

¹⁶⁷ См.: *Бутаев И.* Марксистско-ленинское учение о коммунистическом труде // Ин-т красной профессуры. 1934. № 2; *Он же.* Марксистско-ленинское понимание равенства как уничтожение классов // Там же. № 9; *Худалов М. М.* Единство всемирно-исторического процесса и понятия общественно-экономической формации // Вопросы философии: Сб. аспирант. работ. Орджоникидзе, 1973; *Цаллаев Х. К.* В. И. Ленин о закономерностях становления социалистического способа производства в СССР // Ленинизм и развитие национальных республик. Орджоникидзе, 1971; *Хачиров А. К.* О формировании социалистической интеллигенции в национальных республиках // Учен. зап. СОГПИ, Орджоникидзе, 1958. Т. XXIII, вып. 3; *Он же.* О формировании осетинской интеллигенции. Орджоникидзе, 1964; *Он же.* О соотношении национального и интернационального в процессе формирования всесторонне развитой личности // Интернациональное воспитание молодежи. Орджоникидзе, 1973; *Он же.* Социалистическая культура и наследие. Орджоникидзе, 1976; *Цуциев Б. А.* Экономическое и культурное развитие Северной Осетии за годы Советской власти. Орджоникидзе, 1960; *Цховербов В. М.* О роли прогрессивных тра-

Опубликованы также работы по марксистской этике и научному атеизму, по критике современных антикоммунистических концепций¹⁶⁸.

Кабардино-Балкария. Заметный рост философских кадров в республике начался с 1960 г., когда в Кабардино-Балкарском госуниверситете была создана кафедра марксистско-ленинской философии.

В 60—80-е годы философы республики вели научные исследования в области диалектического и исторического материализма, философских вопросов естествознания, логики, научного атеизма, этики и эстетики.

Авторы, работающие по проблемам диалектического материализма и философских проблем естествознания, раскрывают значение ленинской идеи союза философов-марксистов и естествоиспытателей для развития диалектического материализма и естественных наук, подвергают критике упрощенные толкования идеи союза философов-марксистов и естествоиспытателей, разрабатывают проблему объективности физического знания, методологичес-

дий в воспитании советских людей в духе патриотизма и пролетарского интернационализма // *Материалы конф. по итогам научной работы Шадринского пед. ин-та за 1966 г.* Шадринск, 1967; *Он же.* К вопросу о становлении интернационального сознания // *Вопросы истории и практики воспитания.* Орджоникидзе, 1972; *Саламов В. С.* Горские народы, расцвет и сближение: О единстве интернац. и нац. процессов в развитии горских народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1975; *Баскаев Ю. Д.* К вопросу о формировании интернационалистических убеждений личности // *Некоторые актуальные вопросы развития национальных отношений в условиях развитого социализма.* Орджоникидзе, 1977; *Киргуев В. X.* Интернационализация общественной жизни в СССР и развитие национальных культур: На материалах развития нац. культур автоном. респ. Сев. Кавказа // *Там же*; *Баскаев Ю. Д., Цаллаев Х. К.* К вопросу о диалектике интернационального и национального в нравственном развитии личности // *Единство атеистического и интернационального воспитания.* Орджоникидзе, 1985; *Баскаев Ю. Д.* Диалектика интернационального и национального в условиях социалистического общества // *Там же*; *Костюк Е. И.* О вопросах интернационального и патриотического воспитания в условиях развитого социализма // *Там же*; *Худалов М. М.* Интернациональное воспитание как важный фактор совершенствования социалистического образа жизни // *Там же.*

¹⁶⁸ См.: *Новые традиции и борьба с пережитками в сознании людей.* Орджоникидзе, 1973; *Гостиев К. И.* Новые обряды — в жизнь. Орджоникидзе, 1985; *Гобети О. В.* Против извращений идеологией антикоммунизма социально-экономических основ расцвета и сближения социалистических наций // *Учен. зап. МГПИИЯ им. М. Тореза.* М., 1966. Вып. XI; *Вязарги К. К.* Национальный характер в искусстве и в действительности // *Дружба народов.* 1966. № 7; *Он же.* Махарбек Тугант и осетинское искусство // *Искусство.* 1972. № 4; *Он же.* Эстетические принципы и историческая правда // *Дружба народов.* 1966. № 6; *Он же.* Профессиональные и фольклорные параллели и национальная специфика искусства. Цхинвали, 1967. № 4; *Гобети О. В.* Некоторые социологические аспекты развития языка в условиях социализма и домислы идеологов антикоммунизма // *Тр. ГСХИ.* Орджоникидзе, 1968. Вып. 3; *Он же.* Развитие языков в СССР и буржуазные историографы. М., 1970; *Ваделъян С. А.* Об основных чертах методологии современного национализма // *Тр. СКГМИ.* Орджоникидзе, 1970. Вып. XXVIII.

кие вопросы учения о порме и болезни в медицине¹⁶⁹. Исследуются и более общие аспекты теории познания — закономерности познавательного процесса, диалектика субъектно-объектных отношений (в этой связи подвергается критике трактовка категорий «субъект» и «объект» в позитивизме, персонализме и неопротестантизме), место категории причинности в логике, вопросы деонтической логики, и прежде всего проблема формализации нормативного рассуждения¹⁷⁰.

Философы республики рассматривают некоторые методологические вопросы развития социальной однородности общества и наций, проблемы межнациональных отношений, исследуют социальную структуру современного колхозного крестьянства КБАССР, раскрывая особенности проявления общих закономерностей в росте духовной культуры этого класса в условиях автономной республики, народы которой перешли к социализму, минуя развитые капиталистические отношения¹⁷¹.

Исследуются также роль социалистических традиций и обычаев в формировании нового человека, развитие новой социалисти-

¹⁶⁹ См.: Вологирова М. М. Ленинская идея союза философов-марксистов и естествоиспытателей и ее современное значение // Вопросы философского наследия В. И. Ленина. М., 1970; Она же. О союзе философов-марксистов и естествоиспытателей и современность. М., 1977; Полаевский А. Н. О некоторых сторонах проблемы объективной реальности. Нальчик, 1970; Он же. К вопросу объективности знаний // Вестн. КБНИИ. 1972. Вып. 6; Полаевский А. Н., Васильев В. А. Некоторые вопросы методики рассмотрения философских проблем физики. Нальчик, 1972; Кагермазов У. А. Методологические критерии к построению понятия «болезнь» // Учен. зап. КБГУ. Нальчик, 1969. Вып. 35; Он же. Методологические критерии к обоснованию понятия «норма» в медицине // Теоретическое наследие В. И. Ленина в медицине. М., 1970; Шевляков В. А. К вопросу о принципе гносеологической инвариантности // Филос. науки. 1979. № 5.

¹⁷⁰ См.: Тохтабиев С. А. Особенности субъект-объектных отношений в современной космологии // Филос. науки. 1976. № 4; Он же. Некоторые особенности процесса познания в современной космологии. Челябинск, 1976; Он же. К вопросу о субъект-объектных отношениях в процессе познания. Нальчик, 1976; Шаваев И. Х. Категории причины и следствия во взаимосвязи суждений // Учен. зап. КБГУ. Нальчик, 1966. Вып. 32; Он же. Категории причины и следствия в суждении и предложении // Проблемы философии. Киев, 1971. Вып. 19; Зенкова Н. Х. Деонтическая логика Эрнста Малли // Сборник работ аспирантов. Нальчик, 1972; Она же. Деонтические системы, основанные на логике взаимодействия // Там же; Она же. Деонтические системы, основанные на условной логике взаимодействия // Там же.

¹⁷¹ См.: Барсуков А. А. К вопросу о развитии социальной однородности общества и наций // Актуальные вопросы теории национальных отношений. М., 1970. Вып. II; Он же. Ленинизм и историческая преемственность в развитии наций в период перехода от капитализма к социализму. Пятигорск, 1971; Воложов В. Х. Советский народ как социально-историческая общность и его роль в совершенствовании национальных отношений социалистического общества. Нальчик, 1985; Кимов Р. М. Некоторые вопросы преодоления неоднородности колхозного крестьянства в области духовной культуры: На материалах Кабардино-Балкарской АССР // Научный коммунизм. 1975. № 5; Он же. Формирование полной социальной однородности общества: Методол. проблемы // Там же. 1978. № 3.

ческой обрядности на основе использования всего ценного в обычаях и традициях прошлого¹⁷².

Философы Кабардино-Балкарии разрабатывают проблемы личности в условиях научно-технической революции, развития социалистической демократии¹⁷³. На основе анализа и обобщения фактического материала из жизни социалистической Кабардино-Балкарии они показывают, как технический и экономический прогресс в условиях социализма влияет на развитие культурного уровня трудящихся. Серьезное внимание уделяется учеными республики закономерностям развития мировой системы социализма и национально-освободительного движения¹⁷⁴.

На материалах Северного Кавказа анализируются особенности формирования и развития советского патриотизма и социалистического интернационализма¹⁷⁵.

Ряд работ посвящен исследованию теоретических и практических проблем, обобщению результатов реальных социальных экспериментов по вопросам развития демократии, углубления социалистического самоуправления в трудовых коллективах в условиях совершенствования социализма¹⁷⁶.

Большое место в литературе, издаваемой в Кабардино-Балкарии, занимает критика ислама¹⁷⁷.

Кабардинцы приняли ислам раньше, чем ряд других народов Северного Кавказа, это объясняется ранним возникновением в Ка-

¹⁷² См.: *Малкандуев А. М.* О роли обрядов, общественного мнения и морального авторитета старших в формировании нового человека // Учен. зап. АГУ им. С. М. Кирова. Сер. История и философия. Бану, 1970. № 5; и др.

¹⁷³ См.: *Сапожников Г. М.* Развитие марксистско-ленинского учения о государстве в Программе КПСС. Нальчик, 1966; *Он же.* Наше общество и творческая роль народа. Нальчик, 1968; *Он же.* Исторический материализм: Учеб. пособие. Нальчик, 1970; *Тарчоков Х. К.* Научно-технический прогресс и культурно-технический уровень рабочего класса. Нальчик, 1968; *Он же.* Научно-техническая революция и ее социальные последствия. Нальчик, 1970; *Он же.* Роль технико-экономического прогресса в подъеме культурного уровня трудящихся. Нальчик, 1972; и др.

¹⁷⁴ См.: *Тлостанов В. К.* Мировой социализм и национально-освободительное движение. Нальчик, 1964; *Он же.* Ленинская теория социалистической революции и современная эпоха. М., 1966. Гл. V, VI; *Он же.* Национально-освободительные революции современной эпохи. Нальчик, 1966; *Он же.* Ленинизм о путях социально-экономического прогресса ранее отсталых народов // По ленинскому пути. Нальчик, 1970; и др.

¹⁷⁵ См.: *Эфендиев С. И.* Формирование и развитие советского патриотизма и социалистического интернационализма народов Северного Кавказа. Нальчик, 1978; *Он же.* Воспитание патриотов-интернационалистов. Нальчик, 1981; и др.

¹⁷⁶ См.: *Шамибов Ю. М., Фильков Ю. С., Шогенов З. А.* Социальные проблемы трудового коллектива: Исследование, прогнозирование, экспериментирование, планирование. Нальчик, 1983; *Шамибов Ю. М.* Трудовой коллектив при социализме: укрепление дисциплины и организованности, совершенствование управления и самоуправления. Нальчик, 1984.

¹⁷⁷ См.: *Тхагалсоев А. Т.* Нравоучения ислама и отношения между народами. Нальчик, 1967; *Он же.* Ислам о смысле и цели жизни // Материалы конференции КБГУ, посвящ. 50-летию образования СССР. Нальчик, 1972; *Хажушев Е. Т.* Нопое время — новые обычаи. Нальчик, 1986; *Цавкилов Б. Х.* Мораль ислама. Нальчик, 1968.

барде феодальных социально-экономических отношений. Но ислам проник в общественную жизнь не глубоко, принципы и нормы исламской морали переплетаются с местными доисламскими языческими представлениями, обрядами, с обычаями и нормами адата. Преодолению пережитков исламской морали помогает утверждение новых, советских обычаев, обрядов и праздников на Северном Кавказе. В работах республиканских авторов освещаются специфические причины живучести ислама среди верующих Северного Кавказа, формы и методы пропаганды научного атеизма среди исповедующих ислам. Ряд работ посвящен вопросам марксистско-ленинской этики, в частности партийной морали^{177а}, исследованию философско-эстетических закономерностей развития культуры народов СССР¹⁷⁸.

Калмыкия. Коренные социальные изменения, происшедшие в жизни страны и республики после победы Великого Октября, интенсивное развитие ее экономики и культуры и необходимость обобщения практики социалистического строительства способствовали развитию философской науки в Калмыцкой АССР. Значительную роль в возникновении философско-социологических исследований в Советской Калмыкии сыграло создание в 1939 г. Калмыцкого государственного педагогического института с кафедрой марксизма-ленинизма и открытие в 1941 г. Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории, где имелся сектор социологических исследований. На дальнейшее развитие философских исследований в республике особенное влияние оказало образование в 1970 г. Калмыцкого государственного университета и открытие при нем кафедры философии и научного коммунизма. В развитии философской науки, в подготовке высококвалифицированных философских кадров, в формировании научных направлений философских исследований в республике огромную помощь и поддержку оказывали и оказывают Институт философии АН СССР, Академия общественных наук при ЦК КПСС, философские факультеты Московского, Ленинградского и Ростовского государственных университетов, высшие учебные заведения Москвы, Ленинграда и Ростова-на-Дону.

Важные философские вопросы рассматриваются в работах Д. Д. Орлова¹⁷⁹.

^{177а} См.: *Бозиев В. З.* Партийная мораль и ее роль в укреплении партии в условиях строительства коммунизма // Вопросы марксистско-ленинской этики, М., 1962; *Он же.* О партийной этике. Нальчик, 1972.

¹⁷⁸ См.: *Гетегежев В. А.* Грани новой жизни: социально-эстетические закономерности художественной культуры. Нальчик, 1983.

¹⁷⁹ См.: *Орлов Д. Д.* Роль субъективного фактора в общественном развитии и вопрос об основном звене // Тр. Омского мед. ин-та им. М. И. Калинина, Омск, 1957. № 21; *Он же.* Общество и личность. Новочеркасск, 1962; *Он же.* О законе отрицания отрицания // Тр. молодых ученых Калмыкии. Элиста, 1971. Вып. 1; *Орлов Д. Д., Корнеев К. Л.* О единстве национального и интернационального // Актуальные вопросы ленинской национальной политики. Элиста, 1974.

Философы Калмыкии разрабатывают проблемы критики современной буржуазной философии: исследуется философское наследие В. Дильтея; объектом критического анализа является структурализм¹⁸⁰.

В ряду общефилософских проблем внимание философов Калмыкии привлекает проблема «идеального». «Идеальное» трактуется не как явление, свойственное индивидуальной психике, а как продукт системы общественных отношений¹⁸¹.

В процессе исследования таких категорий диалектического материализма, как «материя», «сознание», «отражение», выявляются особенности различных типов отражения, подвергаются критике интуитивистские и созерцательно-натуралистические теоретико-познавательные концепции, существующие в современной буржуазной философии¹⁸².

На базе современного естествознания (математики, физики, кибернетики, биологии) исследуется соотношение системных и структурных подходов, выясняется их сходство и различие¹⁸³.

В Советской Калмыкии ведутся научные исследования и по *проблемам научного атеизма* — подвергнута критике этическая доктрина ламаизма, выявляется влияние научно-технического прогресса на религию в современном буржуазном обществе¹⁸⁴.

Калмыцкие философы разрабатывают актуальные *проблемы теории научного коммунизма*: закономерности социалистического общества, динамика, тенденции и особенности его развития и т. д.¹⁸⁵

3

Автономные республики европейского Северо-Запада и Сибири

Карелия. Развитие философской науки в Советской Карелии неразрывно связано со всей историей превращения в прошлом отсталой окраины царской России в край с современной промыш-

¹⁸⁰ См.: Орехов И. И. Субъективно-идеалистическая сущность типологии мировоззрений в философской антропологии Вильгельма Дильтея // Учен. зап. КалмНИИ яз., лит. и истории. Сер. ист. Элиста, 1974. Вып. 10; Шургучиева М. П. К проблеме возникновения структурализма как философского течения // Проблемы диалектического материализма. М., 1970; Она же. К вопросу о единстве естественных и гуманитарных наук в концепции знания К. Леви-Стросса // Методологические аспекты взаимодействия общественных и естественных наук. М.; Обнинск, 1978.

¹⁸¹ См.: Манджиев Т. В. О понятии «идеальное» // Тр. молодых ученых Калмыкии; Он же. Гносеологический смысл идеального // Актуальные вопросы ленинской национальной политики.

¹⁸² См.: Гильман Е. Я. Активное отражение как предмет познания: К вопросу о связи учения об отражении с учением об источнике познания // Там же.

¹⁸³ См.: Куликов Е. Ю. Методологический и категориальный аспект соотношения системных и структурных подходов в естествознании // Там же.

¹⁸⁴ См.: работы К. А. Наднесовой и Б. К. Кулайбергенпова.

¹⁸⁵ См. работы К. Л. Корнешева, К. П. Катущева, В. А. Сависько, А. Н. Овшинова,

ленностью, механизированным сельским хозяйством, передовой социалистической культурой, национальной государственностью. С созданием национальной государственности в Карелии в начале 20-х годов Центральный Комитет партии направил в помощь местным партийным и советским кадрам опытных партийных работников, образованных марксистов, главным образом из числа руководителей революции 1918 г. в Финляндии, которые после поражения этой революции эмигрировали в Советскую Россию.

Здесь прежде всего следует назвать Э. Гюлинга, который по поручению В. И. Ленина возглавил Карельский революционный комитет — временный высший орган власти в области. Впоследствии он стал председателем Совета народных комиссаров Карельской АССР. Свои глубокие теоретические знания и незаурядный организаторский талант он отдавал делу хозяйственного и культурного развития Карелии.

В осуществлении ленинской национальной политики в Карелии активное участие принимал видный деятель Коммунистической партии, соратник В. И. Ленина А. В. Шотман.

В культурном строительстве, в пропаганде марксистско-ленинской теории в Карелии заметную роль сыграли финский революционер-интернационалист, яркий публицист А. Ф. Нуортева, один из основателей Коммунистической партии Финляндии, работник Коминтерна Ю. К. Сирола, занимавший в 30-е годы пост наркома просвещения республики.

В более поздний период активное участие в руководстве хозяйственным и культурным строительством в Карелии принимал видный деятель Коммунистической партии Советского Союза и мирового рабочего движения О. В. Куусинен. С 1940 по 1958 г. он был председателем Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР.

Для успешного решения задач социалистического строительства в Карелии, как и во всей стране, важное значение имела идейная закалка кадров, их марксистско-ленинское образование. В 1922 г. в Петрозаводске была создана Совпартшкола, в 1932 г. — Комвуз, готовивший руководящие кадры для республиканского аппарата, районных партийных комитетов. Систематическую помощь Карелии в подготовке и переподготовке пропагандистских кадров оказывала Ленинградская партийная организация. На курсы, организованные при Ленинградской совпартшколе и Комвузе, направлялись многие партийные работники и пропагандисты. Значительную роль в подготовке для Карелии теоретических работников, владеющих финским языком, сыграл Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Мархлевского (Ленинград).

IV Карельская областная партконференция (1924) поставила задачу изучения марксистско-ленинской теории каждым коммунистом, широкого ознакомления трудящихся республики с идей-

ным наследием В. И. Ленина. В связи с этим было решено начать издание политической литературы на финском языке.

Перевод на финский язык и издание произведений В. И. Ленина осуществляло издательство «Кирья», находившееся в Ленинграде, с 1930 г. филиал этого издательства работает в Петрозаводске. Уже в 20-х — начале 30-х годов было издано несколько сборников произведений В. И. Ленина, К. Маркса и Ф. Энгельса. В 1931 г. на финском языке был издан классический философский труд В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». К 50-летию со дня смерти К. Маркса издательство «Кирья» выпустило на финском языке первый том «Капитала»¹⁸⁶.

Определенную роль в пропаганде марксистско-ленинской теории в Карелии играл выходивший в 1925—1937 гг. на финском языке журнал «Коммунист» — теоретический и политический орган Ленинградского и Карельского обкомов партии.

Важным событием в культурной жизни Карелии явилось открытие в 1931 г. в Петрозаводске педагогического института, положившего начало развитию высшего образования в республике. Первым преподавателем диалектического и исторического материализма в институте был воспитанник Комвуза им. Мархлевского Н. М. Яккола, впоследствии известный карельский писатель.

Следующим шагом в развитии высшей школы в Карелии было создание в 1940 г. на базе Карельского пединститута Карело-Финского государственного университета (ныне Петрозаводский государственный университет им. О. В. Куусинена). Первым ректором университета был Т. И. Лехен — один из руководителей революции 1918 г. в Финляндии, философ-материалист, автор многих работ по марксистско-ленинской философии¹⁸⁷.

Солидную философскую подготовку давала своим слушателям двухгодичная республиканская партийная школа, которая функ-

¹⁸⁶ Необходимо особо отметить заслуги О. В. Куусинена в историко-материалистическом освоении наследия марксизма-ленинизма, и прежде всего собрания сочинений В. И. Ленина, была проведена Институтом истории партии при ЦК компартии республики, а с 1961 г. эту работу ведет финская редакция издательства «Прогресс» в Петрозаводске. В 1978—1979 гг. редакция выпустила на финском языке шеститомное издание Избранных произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, куда вошли такие философские произведения, как «Святое семейство», «Немецкая идеология», «Диалектика природы». (Перевод на финский язык двух последних работ осуществлен впервые.)

¹⁸⁷ После войны Т. Лехен жил в Финляндии, где вел большую работу по пропаганде марксистско-ленинской теории. В частности, он перевел на финский язык «Философские тетради» В. И. Ленина. В книге «Мировоззрение рабочего класса: Лекции по диалектическому материализму» (1950; 3-е изд. 1959. Рус. пер. 1962) Лехен в популярной форме изложил важнейшие проблемы диалектического материализма, подверг критике идеалистические взгляды представителей современной буржуазной философии в Финляндии. Актуальные теоретические проблемы разрабатываются в трудах Лехена: «Народ и государство» (1951), «Коммунизм и христианство» (1951), «Так изменяется мир» (1960) и др. Т. Лехен — почетный доктор МГУ.

ционировала в Петрозаводске с 1946 до 1955 г. Здесь преподавание диалектического и исторического материализма вел бывший лектор Политуправления Карельского фронта М. Н. Голицын.

В 30—40-е годы в Карелии формируются научно-исследовательские учреждения. После Великой Отечественной войны в Петрозаводске была создана научно-исследовательская база (затем филиал) Академии наук СССР. В состав филиала входит Институт истории литературы и истории, ученые которого подготовили ряд обобщающих работ по истории и литературе Карелии, провели исследование богатейшего фольклорного наследия края, что потребовало разработки важных методологических вопросов истории, этнографии, лингвистики¹⁸⁸.

Петрозаводск становится признанным центром изучения истории и культуры скандинавских стран и Финляндии, о чем, в частности, свидетельствует проведенная здесь осенью 1979 г. VIII Всесоюзная конференция по истории, экономике, языку и литературе этого региона.

Дальнейшее развитие высшего образования в Карелии (в вузах были созданы новые факультеты, открыт третий вуз — филиал Ленинградской консерватории), введение преподавания марксистско-ленинской философии во всех высших учебных заведениях способствовали росту философских кадров. В 1961 г. в Петрозаводском университете была создана кафедра философии, в 1964 г. такая же кафедра организуется в Карельском педагогическом институте. Развертывается научная работа по проблемам философии, результаты исследований публикуются в «Ученых записках» Петрозаводского государственного университета им. О. В. Куусинена, в «Ученых записках» Карельского педагогического института и Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, а также издательством «Карелия». В ПГУ издаются кафедральные (затем межвузовские) сборники статей по проблемам философии и научного коммунизма¹⁸⁹. Отдельные работы философов Карелии публикуются в центральных издательствах, в журналах, а также в сборниках материалов всесоюзных конференций и симпозиумов.

В научных исследованиях преподавателей философии вузов Карелии важное место занимают проблемы *истории марксистско-ленинской философии*. Здесь прежде всего следует назвать изучение истории развития взглядов молодого К. Маркса на религию,

¹⁸⁸ Необходимо особо отметить заслуги О. В. Куусинена в историко-материалистической интерпретации бессмертного эпоса карело-финского народа «Калевала». Он является также автором новой композиции рун. См.: *Куусинен О. В.* «Калевала» — эпос карело-финского народа // На рубеже. 1949. № 2.

¹⁸⁹ См.: Проблемы научного коммунизма. Петрозаводск, 1970; Вопросы философии и научного коммунизма. Петрозаводск, 1971; Вопросы марксизма и идеологической борьбы. Петрозаводск, 1976; Проблема человека: гуманистический и социальный аспекты. Петрозаводск, 1979.

процесса зарождения и формирования марксистского атеизма как важной стороны революционного переворота в философии¹⁹⁰.

Изучение истории ленинского этапа в марксистской философии ведется по следующим направлениям: развитие В. И. Лениным теории исторического материализма в годы первой русской революции (проблема субъективного фактора и его роли в революции), а также марксистского гуманизма в работах 1893—1905 гг.; некоторые социологические проблемы в теоретическом наследии В. И. Ленина¹⁹¹.

Существенное внимание уделяют философские работники Карелии в своих научных публикациях проблемам *исторического материализма* как философской теории общества, в частности его основным категориям. В последнее время ведутся исследования по таким вопросам, как социальные аспекты научной деятельности, нормативное регулирование поведения человека¹⁹².

К числу важных направлений научной работы философов Карелии следует отнести *социально-философские проблемы социалистического строительства*. В их ряду — общественная активность рабочего класса и колхозного крестьянства, трудовых коллективов и личности, формирование марксистско-ленинского мировоззрения у молодежи и др.¹⁹³

¹⁹⁰ См.: *Леонов О. Д.* Путь К. Маркса к научному взгляду на религию. М., 1961; *Он же.* Атеизм молодого Маркса и его религиозные фальсификаторы // Вопросы научного атеизма. М., 1975. Вып. 18; *Он же.* К. Маркс о социальном и духовном освобождении человека // Проблема человека: гуманистический и социальный аспекты; и др.

¹⁹¹ *Славина М. А.* Разработка В. И. Лениным учения о партии нового типа в годы первой русской революции // Учен. зап. ПГУ. Петрозаводск, 1956. Т. VI, вып. 1; *Она же.* Разработка В. И. Лениным проблемы субъективного фактора в годы первой русской революции // Вопросы философии и научного коммунизма; *Лоншакова И. П.* Об актуальности критики В. И. Лениным абстрактно-гуманистических взглядов либеральных народников // Вопросы философии и научного коммунизма; *Она же.* В. И. Ленин о соотношении классового и общечеловеческого в марксистском гуманизме: (По работам 90-х годов) // Вопросы марксизма и идеологической борьбы; *Она же.* Проблема человека в работах В. И. Ленина (1893—1905 гг.) // Проблема человека: гуманистический и социальный аспекты; *Кислов С. А.* В. И. Ленин о социальных отношениях и социальной структуре общества // Вопросы марксизма и идеологической борьбы; *Иоффе Е. Г.* В. И. Ленин и борьба против вульгарно-социологического понимания искусства в начале 20-х годов // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1973. Т. 514.

¹⁹² *Славина М. А.* Базис и надстройка. Петрозаводск, 1959; *Жемойгель Л. В.* Абсолютистское государство как специфическая форма выражения относительной самостоятельности надстройки в отношении базиса // Учен. зап. КГПИ. Петрозаводск, 1959. № 9; *Он же.* К вопросу об отражении структуры общественной жизни в категориях исторического материализма // Там же. 1967. № 16; *Иоффе И. Г.* К вопросу о единстве прерывности и непрерывности исторического процесса // Юбилейная научная конференция, посвященная 25-летию университета. Петрозаводск, 1965; и др.

¹⁹³ См.: *Набоков И. А.* Ученый в системе организационных отношений при социализме // Проблема человека: гуманистический и социальный аспекты; *Токунов И. А.* К анализу нормативного регулирования поведения человека // Там же; *Овчинников Н. Е.* Перушимый союз рабочего класса и крестьянства. Петрозаводск,

Определенные итоги исследований по названным проблемам были подведены на организованной Северо-Западным отделением Философского общества СССР совместно с кафедрой философии ПГУ научной конференции «Ценностные ориентации личности и способы их формирования» (Петрозаводск, 1984 г.). В конференции приняли участие не только представители Северо-Западного региона, но и ученые из Москвы, Киева, Вильнюса и других научных центров страны^{193а}.

В качестве самостоятельного направления научных исследований в Карелии необходимо назвать проблемы *научного атеизма*. В 70-е годы было проведено широкое изучение состояния религиозности населения республики. Существенное внимание уделяется теории и методике атеистического воспитания трудящихся, в особенности молодежи¹⁹⁴.

Достаточно интенсивно в последнее десятилетие ведется в Карелии разработка *эстетической проблематики*. Исследуются методология эстетики, ее категория, специфика искусства как духовно-практического феномена, проблемы эстетического воспитания и другие вопросы¹⁹⁵.

1957; *Он же*. Реформа и воспитание. Некоторые проблемы сочетания экономических и духовных факторов. Петрозаводск, 1969; *Он же*. Социализм и активность личности в рабочем коллективе. Петрозаводск, 1975; *Пушкарёва Г. В.* Научное мировоззрение. Основные пути его формирования // Проблемы научного коммунизма; *Она же*. Овладение студентами философскими понятиями в процессе изучения диалектического материализма // Вопросы философии и научного коммунизма; *Овчинников П. Е.* Комплексный подход как принцип воспитания. Петрозаводск, 1981; *Степанов А. Я.* О системном подходе к лекционной пропаганде // Слово лектора, 1978. № 8; и др.

^{193а} Тезисы докладов карельских ученых опубликованы. См.: Ценностные ориентации личности, пути и способы их формирования. Петрозаводск, 1984.

¹⁹⁴ См.: *Степанов А. Я.* Состояние религиозности населения Карелии // Атеистические очерки. Петрозаводск, 1978; *Он же*. На путях духовного восхождения: Религия и атеизм в Карелии. 2-е изд. Петрозаводск, 1986; *Семеновкер В. Н.* Методологические аспекты совершенствования атеистической деятельности // Филос. науки. 1981. № 6.

¹⁹⁵ См.: *Линия Ю. В.* К вопросу об объективных основах законов красоты // Учен. зап. ЛПИИ им. А. И. Герцена. Т. 514; *Он же*. Философские проблемы гармонии // Учен. зап. МОПИ. М., 1976. Вып. 6; *Он же*. Эстетика парадокса // НТР и проблемы художественного творчества. Л., 1980; *Молчанова А. С.* Искусство как метаэмпирическая система // Теоретические проблемы марксистско-ленинской эстетики. М., 1975; *Она же*. Идеологическая борьба и информационная специфика искусства // Вопросы марксизма и идеологической борьбы; *Она же*. Теоретическое и эмпирическое в эстетическом исследовании искусства // Современные научные методы и категории эстетического исследования. Петрозаводск, 1979; *Она же*. Искусство и практическое сознание // Искусство в мире духовной культуры. Киев, 1985; *Она же*. Развитие эстетики и проблема интеграции философского знания // Структура философского знания. Томск, 1986; *Пилоев В. М.* Ирония как эстетическая категория // Филос. науки. 1982. № 4; *Филиппова В. А.* Эстетические и познавательные интересы в обучении // Актуальные вопросы формирования интереса в обучении. М., 1984; *Она же*. Эстетический интерес как проявление эстетического отношения // Эстетические категории: формирование и функционирование. Петрозаводск, 1985; и др.

В 1979 г. в Петрозаводске была проведена межвузовская научная конференция по теме «Современные научные методы и категории эстетического исследования»¹⁹⁶.

Бурятия. До Октябрьской революции Бурятия относилась к числу наиболее отсталых и отдаленных окраин России. Однако сюда уже с конца XIX — начала XX в. начинают проникать марксистско-ленинские идеи. Первыми пропагандистами марксизма в Бурятии были политические ссыльные из числа социал-демократов.

Новый этап в распространении идей марксизма-ленинизма в Бурятии, как и во всей стране в целом, начался с Великой Октябрьской социалистической революции. Распространение и утверждение марксистской идеологии в Бурятии в первые годы после Октября (1917—1922) проходило в исторически сложной обстановке борьбы за установление Советской власти, в условиях иностранной интервенции и гражданской войны.

В блоке антисоциалистических сил в Бурятии периода конца гражданской войны определенную роль играла так называемая Бурят-монгольская федерация социалистов-революционеров-максималистов. Эта группа бурятских эсеров, пытаясь оформить свое легальное существование в качестве политической партии, подготовила проект декларации¹⁹⁷, в котором излагались их эклектические философские, исторические и политические взгляды, представлявшие собой вульгаризованную версию идей русского народничества. Коммунисты повели решительную борьбу против враждебной идеологии и деятельности бурятских эсеров. Потерпев поражение в попытке осуществить свою антиреволюционную платформу, Бурят-монгольская федерация социалистов-революционеров-максималистов в конце 1922 г. распалась.

Когда в Бурятии, как и во всей стране, началось широким фронтом социалистическое строительство, снова активизировались буржуазные националисты, стремясь задержать процесс социалистических преобразований в республике. В области культуры они стояли на позиции «единого потока» и ориентировались на феодально-теократический Восток. Идеализируя феодально-клерикальную культуру пропагандировали мысль о тождестве марксистско-ленинского мировоззрения и философии буддизма¹⁹⁸.

Коммунисты Бурятии, опираясь на марксистско-ленинскую те-

¹⁹⁶ Тезисы докладов и выступлений ученых Карельской АССР на конференции см.: Современные научные методы и категории эстетического исследования. Петрозаводск, 1979.

¹⁹⁷ См.: ЦГА БурАССР. Ф. 477. Оп. 1. Ед. хр. 47. Декларация бурятско-монгольской федерации социал-революционеров-максималистов.

¹⁹⁸ В конце 20-х годов в Бурятии проходили публичные дискуссии между представителями буддийского духовенства и атеистами, в которых первые отстаивали внеклассовый характер идеологии буддизма и пытались отождествлять Будду с К. Марксом.

орию, решительно разоблачали идеологию как великодержавного шовинизма, так и местного национализма. Пленум Бурятского обкома партии, состоявшийся в 1925 г., принял тезисы «Культурно-национальное строительство БМАССР», в которых указывалось, что Бурятия должна строить свою национальную культуру под руководством пролетариата СССР в лице его авангарда — Коммунистической партии¹⁹⁹. Первое республиканское культурно-национальное совещание (1926) отметило, что коммунисты должны возглавить культурное возрождение родного края, в исторически короткий срок ликвидировать культурную отсталость и добиться создания социалистической по содержанию, национальной по форме культуры бурятского народа²⁰⁰. Республиканское партийное совещание по вопросам культурного строительства (1930) осудило деятелей культуры, ориентировавшихся на феодально-теократическую культуру Тибета, как проводников реакционной идеологии национализма, панмонголизма и правого оппортунизма²⁰¹.

В первые годы существования Советской власти в пропаганде идей марксизма-ленинизма большую роль сыграла местная большевистская печать. Наряду с общественно-политическими материалами в периодической печати публиковались научно-популярные статьи и беседы об основных принципах марксистско-ленинской философии. В плане атеистической пропаганды особое внимание уделялось разоблачению весьма влиятельной в то время среди народа ламаистской религиозной идеологии.

В середине 20-х годов началось издание произведений классиков марксизма-ленинизма на бурятском языке²⁰². Много ленинских трудов было издано на бурятском языке в послевоенный период.

В 20—30-е годы в республике на бурятском и русском языках был издан ряд книг и брошюр по проблемам диалектического и исторического материализма, истории философии и научного атеизма. В помощь партийному просвещению в 1931 г. в Бурятии выходило издание «Ленинэй сургаал» («Ленинское учение»), а в 1932 г. — «Ленинэй зам» («Ленинский путь»).

В пропаганде философских и научных знаний значительную роль сыграли издававшиеся в 20—30-е годы в Бурятии политико-экономические, научно-популярные и краеведческие журналы: «Жизнь Бурятии» (1924—1931), «Советская Бурятия» (1932—1934), «Социалистическое строительство Бурят-Монголии» (1934—1936), «Бурятияведение» (1928—1930), «Культура Бурятии» (1932), «Культурная революция» (1928—1930), «Наука и религия» (1928—1934) и др.

¹⁹⁹ См.: ЦПА ИМП. Ф. 17. Оп. 21. Ед. хр. 551. Л. 305—315.

²⁰⁰ См.: Материалы к первому культурно-национальному совещанию БМАССР. Верхнеудинск, 1926.

²⁰¹ Партархив Бурятского обкома КПСС. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 181. Л. 243—267.

²⁰² См.: *Будаев* Ц. Б. Произведения В. И. Ленина на бурятском языке // К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Улаан-Удэ, 1970.

В распространении и изучении философии марксизма в условиях Бурятии важную роль сыграли первые высшие учебные заведения, а также парткабинеты и дома партпросвещения, философские кружки и семинары сети марксистско-ленинской учебы. Пропагандой философских знаний в сети партпросвещения и преподаванием философии в вузах в тот период занималась немногочисленная группа партийных и вузовских работников, прошедших некоторую философскую подготовку и специализацию в соответствующих учебных заведениях центра страны.

Профессионально подготовленные кадры философов появились в Бурятии в послевоенный период. Большинство из них окончили философскую аспирантуру Московского, Ленинградского, Иркутского и других университетов, Академии общественных наук при ЦК КПСС, институтов философии, социологии АН СССР и других центральных вузов и научных учреждений страны. В 50-е годы в Бурятии начались научные исследования в области философии. В 1963—1964 гг. в педагогическом и сельскохозяйственном институтах были созданы первые в республике кафедры философии и научного коммунизма, на которых более активно, чем прежде, исследовались философские проблемы. В эту работу позднее включились кафедры философии и научного коммунизма созданных в республике новых институтов — культуры и технологического, а также сектор (затем отдел) философских и социологических исследований Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР. В республике ныне работают Бурятское отделение Философского общества СССР, Бурятский филиал Сибирского отделения Советской Социологической Ассоциации АН СССР.

В настоящее время в работе философских кафедр и учреждений Бурятской АССР уже определились основные направления в исследовании философской проблематики.

В области диалектического материализма и философских вопросов естествознания сначала работала относительно небольшая группа ученых²⁰³. В последующие годы число философов, специализировавшихся в области *диалектического материализма*, стало больше и их внимание сосредоточивается на теоретико-познавательных аспектах диалектического материализма. Освещаются также философские вопросы моделирования, математизации научного знания; разрабатываются методология и социология науки²⁰⁴.

²⁰³ См. работы П. И. Кадалова, А. В. Буинова, А. Я. Ильина, С. В. Ангапова.

²⁰⁴ См.: Мангагов В. В. Теория отражения и эвристическая роль знаков. М., 1974; *Он же*. Образ, знак, условность. М., 1980; Диалектика процесса познания. М., 1985; Ватороев К. В. Кибернетика и метод аналогий. М., 1974; *Он же*. Аналогии и модели в познании. Новосибирск, 1981; Балханов В. А. Системный подход и математизация знания // Методология научного познания. М., 1975; *Он же*. Философско-методологические основы математизации знания. Улан-Удэ, 1986; Цырендоржиева Д. Ш. Абстрактные структуры математики в свете марксистской категории количества. Улан-Удэ, 1978; и др.

Важное место в исследовательской работе по историческому материализму заняло всестороннее изучение процессов национальной консолидации народов, не прошедших стадии капитализма, развития наций и национальных отношений в СССР. Изучаются социально-классовая структура наций и народностей Сибири, развитие национальной культуры, проблем управления, национальной психологии, образа жизни, семьи, национальных отношений. Анализируются различные аспекты пролетарского интернационализма²⁰⁵. По проблемам развития наций и национальных отношений в СССР в современных условиях философами республики опубликован ряд тематических сборников²⁰⁶.

²⁰⁵ См.: Дарбанов Д. Р. О принципах классификации наук. Улан-Удэ, 1970; Он же. О методологии системного познания // Из опыта конкретно-социологических исследований. Улан-Удэ, 1974; Шагонов Б. Ш. Ф. Энгельс о структуре естественнонаучного знания. Улан-Удэ, 1971; Он же. Мысленный эксперимент и формирование оснований научной теории // Вопросы методологии и истории науки. Иркутск, 1973; Янгутов Р. С. К вопросу об интернационализации науки // Интернационализация общественной жизни и проблемы развития социалистических наций. Иркутск, 1979; Затеев В. И. Формирование и расцвет бурятской социалистической нации. Улан-Удэ, 1961; Он же. Национальные отношения при социализме. Улан-Удэ, 1975; Он же. Расцвет и сближение наций и народностей СССР. Улан-Удэ, 1982; Он же. Вопросы развития национальных отношений в СССР. Улан-Удэ, 1986; Хилтухин Г. И. О некоторых особенностях двух тенденций в национальных отношениях у народов, осуществивших некапиталистический путь развития // Тр. Бурятского СХИ. Улан-Удэ, 1966. Вып. 1; Цыдыпова Э. Н. Бурятско-русское двуязычие и роль школы // Социально-культурные процессы в Советской Сибири. Омск, 1985; Рандалов Ю. Б. Об изменении социальной структуры сельского населения Бурятии. Улан-Удэ, 1968; Осинский И. И. Формирование социалистической интеллигенции у народов Сибири. Иркутск, 1984; Он же. Развитие интеллигенции национальных районов Сибири. М., 1985; Курмаева В. М. Становление национальной художественной интеллигенции как фактор достижения культурного равенства народов // Интернационализация общественной жизни и проблемы развития социалистических наций; Вильгаева Н. М. Прогрессивное влияние передовой русской культуры на культуру бурятского народа. Улан-Удэ, 1959; Боронов А. О. Методологические принципы исследования национальной психологии. М., 1969; Мангутова Е. Я. Национальное и интернациональное в культуре бурятского народа // Байкал. 1970. № 4; Цыденова А. Л. Основные черты и особенности образа жизни молодой интеллигенции Бурятии. М., 1979; Барьядаева В. А. Интернациональное в советском образе жизни // Интернационализация общественной жизни и проблем развития социалистических наций; Постников А. Н. Комплексный подход к управлению национальными процессами в советской интернациональной общности // Интернационализация общественной жизни и проблемы развития социалистических наций; Лубсанов Д. Д. Пролетарский интернационализм — неотъемлемая часть мировоззрения марксистско-ленинской партии. Улан-Удэ, 1957; Затеев В. И. Некоторые теоретические вопросы интернационального долга // Вестн. МГУ. Сер. Философия. 1970. № 3; Он же. Советский народ — новая историческая общность людей и ее интернационализирующее воздействие на развитие советских наций // Науч. коммунизм. 1974. № 4; Маржазов Б. М. Интернациональное сознание и факторы его возникновения и развития // Воспитание советского патриотизма и социалистического интернационализма. Иркутск, 1983; и др.

²⁰⁶ См.: Торжество ленинской национальной политики // Учен. зап. Бурятского пед. ин-та. Улан-Удэ, 1968. Вып. XXIV; Некоторые вопросы общественных наук // Там же, 1970. Вып. XXXV; Вопросы истории и теории национальных отношений в СССР. Улан-Удэ, 1972—1973. Вып. 1, 2; Из опыта конкретно-социологических исследований; Проблемы социального развития общества зрелого социализма; Интер-

Все большее внимание бурятские философы уделяют общим проблемам исторического материализма²⁰⁷.

С середины 60-х годов заметное развитие получили конкретно-социологические исследования. Среди них отметим исследование общественного сознания, роли и значения в его формировании средств массовых коммуникаций и пропаганды²⁰⁸.

С начала 60-х годов в исследование проблем религии и атеизма включаются местные философы, историки и этнографы, которые сосредотачивают свое внимание на изучении таких малоисследованных форм религии, как ламаизм, шаманство, останавливаясь при этом на философских проблемах марксистского религиоведения.

Философы, буддологи и тибетологи Института общественных наук провели в 1977 г. совместно с головными институтами АН СССР (Институтом философии и Институтом востоковедения) в Улан-Удэ Всесоюзное совещание на тему «Актуальные проблемы советской буддологии» (1977), а в 1984 г. совместно с АН МНР — первый советско-монгольский симпозиум по критике буддистской философии; в этой связи был издан ряд научных трудов²⁰⁹.

национализация общественной жизни и проблемы развития социалистических наций; Вопросы социального развития национальных районов Сибири при социализме. Иркутск, 1980; и др.

²⁰⁷ См.: *Лубсанов Д. Д.* Формирование социалистического сознания. Новосибирск, 1975; *Батудаев И. А.* Марксизм и реформизм о революции и реформе. Улан-Удэ, 1962; *Затеев В. И.* Социологическая демократия и общественная дисциплина // Филос. науки. 1969. № 3; *Постников А. Н.* О комплексном подходе к управлению социалистическим обществом // Вопросы истории и теории национальных отношений в СССР. Улан-Удэ, 1972. Вып. 2; *Трухин В. П.* Социальная природа ответственности ученого // Биология и медицина: Филос. и социал. проблемы взаимодействия. М., 1985; *Шатонов Б. Ш.* Экологическая проблема, философия и физика // Возникновение природы и общества как комплексная проблема науки и практики. Иркутск, 1981; и др.

²⁰⁸ См.: *Лубсанов Д. Д.* Развитие конкретно-социологических исследований в Бурятской АССР // Из опыта конкретно-социологических исследований. Улан-Удэ, 1968; *Он же.* Актуальные проблемы конкретно-социологических исследований духовных процессов в Бурятии. Улан-Удэ, 1972; *Балханов Г. И.* Устная пропаганда и ее эффективность. Улан-Удэ, 1974; *Он же.* Коммунистическая пропаганда в системе политического воспитания. Улан-Удэ, 1981; *Голубев Е. А.* Радио и его аудитория. Улан-Удэ, 1974; *Доболова Э. О.* Газета и читатели. Улан-Удэ, 1972; *Сосновская Э. И.* Газета и формирование трудовой морали // Вестн. МГУ. Сер. Журналистика. 1977. № 2.

²⁰⁹ См.: *Пубаев Р. Е., Семичев В. В.* Происхождение и сущность буддизма и ламаизма. Улан-Удэ, 1960; *Герасимова К. М.* Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917—1930 гг.). Улан-Удэ, 1961; *Михайлов Т. М.* Бурятское шаманство и его пережитки. М., 1964; Вопросы преодоления пережитков ламаизма, шаманизма и старообрядчества. Улан-Удэ, 1971; *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М., 1978; Буддизм и средневековая культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1980; Философские вопросы буддизма. Новосибирск, 1984; Психологические вопросы буддизма. Новосибирск, 1986; и др.

Значительное внимание, особенно в последние годы, философы Бурятии уделяют проблемам этики, в частности разработке теории нравственного воспитания. Стимулирующее влияние в этой области оказал ряд научно-практических конференций, проведенных в 60-х годах в Улан-Удэ²¹⁰.

По эстетике создаются работы преимущественно на основе исследования фольклора народов Сибири²¹¹.

Внимание историков философии привлекло наследие первого бурятского ученого-просветителя Доржи Банзарова, ему посвящена работа Л. А. Петрова. Мировоззрение Банзарова рассматривается и другими авторами²¹².

С середины 50-х годов, особенно с образованием сектора тибетологии в Бурятском комплексном НИИ, начинается работа по переводу, систематизации и изучению памятников буддийской философии. Так, в 1968 г. был переведен и опубликован состоящий из 12 разделов «Буддийский философский терминологический словарь»²¹³, составленный в середине XVIII в. «коллекцией 40 ученых» для переводов тибетского «Даньчжура» на монгольский язык. Этот словарь является неоценимым справочным пособием в изучении буддийской философии, он пользовался большой популярностью среди тибетских, монгольских и бурятских авторов XVIII—XIX вв., привлекал внимание русских и западноевропейских ученых-тибетологов.

В освещении истории буддийской философии значительную помощь философам оказывают историки, филологи, тибетологи. В настоящее время ученые отдела философии Бурятского филиала СО АН СССР²¹⁴ сосредоточили свое внимание на расширении источниковедческой базы исследований буддийской философии, изучаются сложные связи различных элементов системы буддизма, влияние последнего на духовную жизнь народов ряда стран зарубежного Востока.

²¹⁰ См.: Коммунистическое воспитание трудящихся: Материалы респ. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 1961; Вопросы преодоления пережитков прошлого и становления новых обычаев и традиций: Материалы науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 1968—1969. Вып. 1, 2.

²¹¹ См.: Эстетические особенности фольклора. Улан-Удэ, 1969.

²¹² См.: Петров Л. А. Доржи Банзаров. Улан-Удэ, 1943; Хадалов П. И. Бурятский ученый Доржи Банзаров. М., 1952; К 100-летию со дня смерти Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 1955; Первый бурятский ученый: (К 150-летию со дня рождения Доржи Банзарова). Улан-Удэ, 1973; и др.

²¹³ См.: Хадалов П. И., Ямпилов Л. Я. Описание сочинений Гунчена Шадба Дордже. Улан-Удэ, 1962; Источник мудрецов: Буддийский филос. терминолог. словарь. Улан-Удэ, 1968. Ч. 1.

²¹⁴ См.: Материалы по истории и филологии Центральной Азии // Тр. ВИОН. Улан-Удэ, 1968. Вып. 3; Буддизм и средневековая культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1980; Современные проблемы буддизма, шаманизма и православия. Улан-Удэ, 1980; Ламаизм в Бурятии/Под ред. В. Мантатова. Новосибирск, 1983; *Васубандху*. Апхидхармакоша/Пер., вступ. ст. и коммент. Б. В. Семичена, М. Г. Брянского. Улан-Удэ, 1980; Янугтов Л. Е. Философское учение школы хуань. М., 1982; и др.

Якутця. Первыми пропагандистами диалектико-материалистического мировоззрения в крае стали отбывавшие здесь ссылку марксисты В. Ф. Горин-Галкин, С. И. Мицкевич, И. В. Бабушкин, В. К. Курнатовский, Н. Л. Мещеряков и др. В 1905—1906 гг. в Якутске существовал подпольный марксистский кружок «Маяк», ставший впоследствии (до 1909 г.) Якутской организацией РСДРП. Влияние ссыльных большевиков особенно усилилось со времени создания в 1914 г. Е. М. Ярославским и В. П. Ногиным Якутской организации РСДРП. В ноябре 1916 г. в г. Якутске Е. Ярославский создает подпольный марксистский кружок «Юный социал-демократ», членами которого состояли М. К. Аммосов, П. А. Слепцов (Ойунский), И. Н. Иванов (Барахов), И. П. Редников, С. М. Аржаков, С. В. Васильев, А. Ф. Попов, Д. С. Жиркова, К. Н. Атласова и др. Деятельное участие в работе кружка приняли Г. И. Петровский и Г. К. Орджоникидзе.

Многие из членов кружка «Юный социал-демократ» впоследствии стали видными партийными и государственными деятелями Советской Якутии. Особенно выделялся высокой теоретической подготовкой, организаторскими способностями М. К. Аммосов. В марте 1917 г. М. Аммосов был принят в ряды РКП(б), в 1920 г. он стал председателем губревкома, губбюро Якутской организации РКП (б), позже — председателем СНК и ЦИК ЯАССР. В своих теоретических трудах «О путях к коммунизму в отсталых странах», «На путях к социализму» и др. М. Аммосов одним из первых в советское время разрабатывает важную проблему марксистско-ленинской теории — переход отсталых народов к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

«Никакое действительное и серьезное революционное движение, — писал М. Аммосов, — не может ограничиться в странах Востока только чисткой авгиевых конюшен феодализма, оно должно и вынуждено будет сразу направить свое орудие против буржуазных основ в своей стране, а следовательно, и против буржуазии всего мира. Поэтому революции на Востоке безусловно и неизбежно перерастут за грани буржуазно-демократической революции, превратятся в социалистическую революцию»²¹⁵.

В период работы в Якутии М. Аммосовым написано свыше 80 статей и брошюр, которые сыграли большую роль в распространении и утверждении в Якутии идей марксизма-ленинизма.

В 30-е годы получили философское образование И. М. Романов (в 1932 г. он окончил отделение исторического материализма Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской) и А. Е. Мординов (в 1934 г. окончил МИФЛИ) — первые философы Якутии.

Основная тема исследований А. Мординова («О развитии социалистических наций в СССР», «Некоторые вопросы развития

²¹⁵ Аммосов М. К. С помощью русских рабочих и крестьян. Якутск, 1967. С. 117.

младописьменных народов СССР», «Расцвет и взаимное обогащение культур народов СССР», «О социалистическом содержании и национальной форме советской культуры») — формирование и развитие качественно новой социалистической культуры, сочетание в ней интернациональных и национальных черт, динамика их взаимовлияния. Ряд его работ («Классический труд В. И. Ленина о тактике Коммунистической партии», «В. И. Ленин о возникновении и развитии марксизма», «Октябрьская революция и общественный прогресс») посвящен обобщению опыта классовой борьбы пролетариата, руководящей роли Коммунистической партии, ленинскому вкладу в теорию марксизма-ленинизма. И. М. Романов известен главным образом в качестве историка философии, сосредоточившего свои усилия на теоретическом осмыслении неуклонной борьбы, которую продолжал вести Н. Г. Чернышевский с реакцией в годы сибирской ссылки (см. его монографии «Н. Г. Чернышевский в Вилуйском заточении» и «Мировоззрение Н. Г. Чернышевского в 1872—1883 гг.»). Ему принадлежат также работы о борьбе В. И. Ленина с буржуазной идеологией («Борьба В. И. Ленина с буржуазной идеологией в период революции 1905—1907 гг.» и «Борьба В. И. Ленина с буржуазной идеологией в 1907—1916 гг.»).

За годы Советской власти на якутский язык переведено большая часть трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Эти произведения, решения и указания КПСС играют основополагающую роль в социалистическом строительстве, в борьбе за социалистическую культуру, в интернациональном воспитании якутского народа.

В 50—70-х годах партийными и советскими органами Якутской республики были приняты меры по подготовке новых философских кадров, которые приступили к исследованиям по широкой программе, охватывающей проблемы теории диалектики, логики исторического материализма, научного коммунизма, этики, эстетики, научного атеизма, истории философии. Их внимание привлекает диалектико-материалистическое учение об истине, теория базиса и надстройки, теория национальных отношений социалистической культуры, проблемы научно-технической революции, новые тенденции в развитии нравственных традиций, проблемы эстетики, социалистического образа жизни²¹⁶. Во многие работы включается анализ специфических особенностей, свойственных социальным процессам, протекающим в республике. За последнее время вышли из печати монографические исследования Д. Е. Дюпского «Партийность как эстетическая категория», В. С. Лу-

²¹⁶ См. работы П. М. Корнилова, В. П. Башарина, Д. С. Макарова, Д. Е. Донского, Т. П. Родионова, И. П. Шадрина, Е. Г. Павлова, Б. Н. Попова, Г. М. Сысолятина, Г. И. Романова, Н. Д. Докунаева, Е. М. Махарова, Е. П. Попова, В. С. Павлова, П. С. Максимова, В. С. Луковцева, В. Д. Михайлова, Т. М. Михайловой, А. Г. Навикова, А. К. Мамедова, А. В. Мельничука,

ковцева «Минуя тысячелетия», Н. Д. Докунаева «Формирование и развитие советского образа жизни у народов Севера», Б. Н. Попова «Взаимосвязь категорий счастья и смысла жизни», Е. П. Попова «Приумножим добрые традиции» и др.

Тува. Великая Октябрьская социалистическая революция создала условия не только для приобщения трудящихся тувинцев к завоеваниям мировой культуры, но и для формирования новой, социалистической культуры. Процесс формирования новой культуры происходил, во-первых, в рамках Тувинской Народной Республики (1921—1944), возникшей в результате народной революции, одержавшей победу под непосредственным влиянием Великого Октября; во-вторых, после добровольного вхождения Тувы в состав СССР (1944).

В истории Тувинской Народной Республики особое место занимает VIII съезд ТНРП (1929 г.), который в соответствии с указаниями Коминтерна наметил программу развития страны по некапиталистическому пути к социализму.

Разработанная в АН СССР и введенная 28 июня 1930 г. тувинская письменность явилась могучим оружием преодоления вековой отсталости тувинского народа. Основными итогами происшедшей в Туве культурной революции являются ликвидация неграмотности тувинцев, создание широкой сети школ и культпросветучреждений, формирование творческой интеллигенции. Вместе с введением письменности началось изучение проблем тувинского языка, фольклора, истории и экономики, в Туве создается первая научная организация — Ученый комитет, преобразованный решением СНК ГСФСР (1945) в Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

В 1941 г. XII съезд ТНРП нацеливает партийные кадры на развертывание широкой политической и воспитательной работы в массах. Генеральный секретарь ТНРП С. К. Тока²¹⁷ призывает изучать социально-экономические процессы и закономерности развития тувинской революции, историю тувинского народа. Труды и выступления С. Тока сыграли большую роль в распространении в Туве научного, диалектико-материалистического, атеистического мировоззрения.

Началась пропаганда идей марксизма средствами массовой информации. Появились первые произведения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина на тувинском языке. Первыми настольными книгами тувинцев были «Биография В. И. Ленина», «Учитель Ленин», «Об основах ленинизма». Изданная в 1940 г. «История ВКП(б)» стала основным пособием кружков партийного просвещения.

²¹⁷ С. К. Тока — тувинский писатель, партийный и государственный деятель. В 1929 г. окончил КУТВ. С 1932 г. — генеральный секретарь Тувинской народно-революционной партии. В 1944—1973 гг. — первый секретарь Тувинского обкома КПСС.

За годы Советской власти тысячи тувинцев получили марксистское образование в вузах страны, в Высшей партийной школе при ЦК КПСС, в областных партийных школах, в учебно-консультационном пункте Заочной высшей партийной школы (ЗВПШ) и в вечерних университетах марксизма-ленинизма. Это позволило создать в республике широкую сеть системы политического просвещения. Большую роль играют в марксистско-ленинском образовании трудящихся газеты «Шын», «Тувинская правда», радио и телевидение.

Центром методической работы и пропаганды марксистско-ленинской философии стали Дом политпросвещения и консультативный пункт ЗВПШ при Тувинском обкоме КПСС, кафедра марксизма-ленинизма государственного педагогического института и республиканское отделение общества «Знание».

Тувинцы изучают великое интернациональное учение — марксизм-ленинизм на родном языке. К 1970 г. в Туве вышло 36 работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина на тувинском языке²¹⁸. К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина вышел в свет трехтомник его избранных произведений на тувинском языке. Издан на тувинском языке и учебник по марксистско-ленинской философии для школ основ марксизма-ленинизма.

На страницах «Учебных записок» Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в 60—70-х годах опубликовано значительное число статей социологического характера²¹⁹. Вышли в свет монографии ученых Тувы, посвященные актуальным социологическим проблемам²²⁰.

²¹⁸ См.: *Степанова А. В.* Произведения классиков марксизма-ленинизма в переводе на тувинский язык // Учен. зап. Тув.НИИ яз., лит. и истории. Кызыл, 1970. Вып. XIV.

²¹⁹ См.: *Тоха С. К.* Великий Октябрь и социалистические преобразования в Туве // Там же. 1967. Вып. XII; *Сердобов Н. А.* Тувинская социалистическая нация — детище Октября // Там же; *Гребнев Л. В.* Изменение социальной структуры в Туве // Там же. 1968. Вып. XIII; *Орешков О. Г.* О сближении и взаимоотношении национальных культур советских народов // Там же; *Канзай А. К.* К вопросу о сближении советских наций и народностей // Там же. 1975. Вып. XVII; *Важугин Б. П.* О некоторых особенностях организации общества при некапиталистическом развитии к социализму: На примере Тувинской Народной Республики // Там же; *Безуги А. Д.* Формирование городского населения Тувинской АССР и изменение его социальной структуры и национального состава // Там же.

²²⁰ См.: *Сердобов Н. А.* История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971; *Гребнев Л. В., Очур В. Ч.* Рабочий класс Тувы. Кызыл, 1971; *Аранчин Ю. П.* Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск, 1982.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Четыре предшествующих тома «Истории философии в СССР» сопровождалась довольно большими заключениями, соответствующими определенным историческим периодам, а последнему, V тому предшествует обширная вводная глава, в которой рассматриваются основные особенности и закономерности развития советской философской науки в послеоктябрьскую эпоху. Повторять здесь снова хотя бы в иной форме высказанные ранее положения едва ли целесообразно. Существует и еще одно — важнейшее обстоятельство, затрудняющее подведение сколько-нибудь развернутых итогов. Излагая движение философской мысли в нашей стране, авторский коллектив закономерно перешел от прошлого, от истории в собственном смысле слова, к настоящему. В современном же процессе развития преобладает момент становления, — в сравнительно сжатые сроки, соответственно динамизму нашего бурного времени, возникают новые проблемы, новые подходы, новые постановки вопросов, постепенно конкретизируется, обогащается весь категориальный аппарат философской науки, буквально на глазах складываются новые направления научного исследования. Широким фронтом идет освоение опыта мировой истории, духовной жизни человечества, достижений научно-технической революции.

Ф. Энгельс и В. И. Ленин сделали в свое время глубокий, проницательный вывод о том, что в связи с новыми крупнейшими, эпохальными открытиями в области науки философскому материализму приходится периодически самообновляться, обретать новые черты, новый вид, отвечающий достигнутому уровню знания. Есть основание полагать, что наше время — по своей исторической значимости, по глобальности встающих перед нами задач, по масштабу и вероятности последствий происходящих в мире событий, по небывалой насыщенности открытиями, по всему своему новаторскому духу, — вполне соответствует предвидению классиков марксизма-ленинизма. Это в первую очередь относится к советскому обществу, осуществляющему курс Коммунистической партии на перестройку, всестороннее обновление, достижение качественно нового уровня развития. Мы находимся в начале этого пути. Наше время — это время бурного движения вперед, творческих исканий, великих починов.

Завершаемый данной книгой пятитомный труд представляет собой попытку систематического освещения пути, пройденного отечественной философской мыслью от ее истоков до настоящего времени.

Трудности, с которыми была связана подготовка этого издания, коренятся прежде всего в широте материала, весьма разнообразного в историко-культурном отношении и охватывающего в историческом плане все регионы нашей огромной многонациональной Родины.

Задача, стоявшая перед авторским коллективом, не исчерпывалась одним лишь изложением историко-философского процесса в разные эпохи на основании уже собранных и изученных материалов, простым сведением воедино монографических разработок отдельных проблем, периодов и персоналий. Зачастую авторам приходилось двигаться, что называется, по целине, сталкиваясь с еще недостаточно исследованным материалом, своего рода белыми пятнами, и вводить в научный оборот новые источники, что в немалой степени усложняло подготовку этого труда.

История философии народов СССР — одна из самых молодых отраслей историко-философского знания, обязанная своим рождением Великой Октябрьской социалистической революции, построению социализма в СССР, успехам ленинской национальной политики, развитию советского народа как новой социальной, интернациональной общности. Создание советской школы истории отечественной философской мысли стало возможно лишь на основе диалектико-материалистического мировоззрения, руководящей и направляющей роли КПСС, в результате благотворного воздействия таких социальных факторов, как дружба народов, советский патриотизм и социалистический интернационализм.

В основу своей работы авторский коллектив положил ленинские указания о необходимости конкретно-исторического подхода к культуре прошлого, требующие изучения любой философской системы в определенных условиях места и времени, в ее внутренней логике и существенных опосредованиях, в связи с предшествующим идейно-теоретическим опытом, историческими — национальными и международными — условиями. Эти методологические требования несовместимы с проявлениями субъективизма и схематизма, упрощенчества и модернизации, нигилистического отношения к культурному наследию.

Высоко оценивая непреходящие духовные ценности прошлого и всячески подчеркивая преемственную связь социалистической культуры народов СССР с предшествующей культурой, авторский коллектив стремился постоянно исходить в своей работе из ленинского указания о том, что к каждой национальной культуре прошлого необходимо подходить диалектически, конкретно и дифференцированно, с позиций коммунистической партийности, четко отделяя исторически передовое, прогрессивное от реакционного и

консервативного, отвергать безыдейность, мировоззренческую всеядность в отношении к культурному наследству.

Новый, высший, этап в развитии марксизма и его философии связан с деятельностью В. И. Ленина. Если Маркс и Энгельс превратили социализм из утопии в науку, теоретически обосновали всемирно-историческую роль рабочего класса, то В. И. Ленин и созданная им большевистская партия приступили к практической перестройке общества на началах социализма. Условия новой эпохи потребовали дальнейшего творческого развития марксистской теории и соединения ее с широчайшей практикой создания нового общества.

«История философии в СССР» завершается освещением истории советской философской науки.

Важнейшей особенностью развития философской науки в СССР является ее интернациональный характер. Как показано в настоящем издании, каждый из народов нашей страны вносит свой творческий вклад в развитие марксистской философской и общественной мысли, учитывая при этом свой исторический опыт, национальные традиции, культурное наследие.

Деятельность советских философов, взятая в целом, менее всего могла бы быть правильно понята в абстрактно-академическом «кабинетном» плане, в рамках умозрительной схемы равномерного и прямолинейного движения. Составляя один из отрядов работников идеологического фронта, они участвовали в общей жизни народа, в его борьбе за социализм, переживая вместе с ним все сложности и трудности, присущие различным этапам истории общества. Были в работе советских философов свои успехи, но были и свои неудачи, просчеты, факты досадного буксования мысли на «общих местах» и стереотипах. Отрицательно сказались на философской мысли и деятельности такие негативные явления, как культ личности, субъективизм и волюнтаризм, период застоя, характеризовавшиеся догматизмом, разрывом слова и дела, снижением творческого потенциала. Следует признать, что далеко не все недостатки в нашей научно-философской работе преодолены. Партия не раз указывала на факты отставания философов от жизни, в частности на то, что они еще во многом погружены в отдаленные от практики абстракции в ущерб разработке актуальных животрепещущих проблем. Особенно большую роль в творческом развитии марксистской теории, в обеспечении поступательного движения философской и общественной мысли играют курс партии на революционную перестройку нашего общества, обоснованный в документах апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, решениях и материалах XXVII съезда КПСС и последующих пленумов Центрального Комитета.

Выступая на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук в 1986 г., Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев сказал: «Сегодня перед обществоведами стоит за-

дача — преодолеть создавшуюся отдаленность от запросов жизни. Нам насущно необходим решительный поворот всего фронта общественоведения лицом к практике. Так поставил вопрос наш партийный съезд...»¹.

Перестройка, революционное обновление социалистического общества, осуществляемое ныне по инициативе и под руководством Коммунистической партии Советского Союза, по воле и в интересах трудящихся масс, открывает перед нашим народом, перед советской наукой и марксистской общественной мыслью широкие перспективы. Идея перестройки, как разъясняется в партийных документах, соединяет преемственность с новаторством, исторический опыт марксизма с реальным социализмом нашего времени. Перестройка требует дальнейшего развития общественных наук, активизации всей идейно-теоретической деятельности.

Величайшее значение имеет выработка нового мышления, его краеугольных принципов. Новое мышление — это по существу диалектическое мышление, отвечающее характеру и требованиям современной эпохи, диалектика в действии, решительный отказ от застывших схем и окаменевших догм, стереотипов и предрассудков, от устаревших представлений о международных отношениях и будущем человечества. Призывая во всем руководствоваться разумом, опираясь на научное решение глобальных проблем современности, последовательно проводя идею приоритета общечеловеческих интересов в целях выживания человеческого рода, которому угрожает опасность мировой ядерной катастрофы, новое мышление, отстаиваемое нашей партией, имеет по сути дела всемирно-историческое значение, выражает коренные интересы всех народов, всего человечества.

Марксистско-ленинская философия выступает перед лицом мирового сообщества как философия человека и мира, жизни и творчества, реального гуманизма и исторического оптимизма.

¹ Коммунист. 1986. № 15. С. 5.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции 5

Раздел шестой

Развитие историко-философской науки в СССР.

Борьба с буржуазными концепциями в философии и идеологии

<i>Глава двадцатая.</i> История марксистско-ленинской философии в СССР	7
<i>Глава двадцать первая.</i> Критика концепций социал-реформизма, ревизионизма и антикоммунизма	63
<i>Глава двадцать вторая.</i> История западноевропейской философии. Критика современной буржуазной философии	88
<i>Глава двадцать третья.</i> История философии зарубежного Востока	178
<i>Глава двадцать четвертая.</i> История русской философии	198

Раздел седьмой

Формирование научно-материалистического мировоззрения и проблематика философских исследований в советских социалистических республиках

<i>Глава двадцать пятая.</i> Роль общесоюзных научных и философских учреждений в развитии социалистической философской культуры народов СССР	282
<i>Глава двадцать шестая.</i> Украинская, Белорусская, Молдавская Советские Социалистические Республики	311
<i>Глава двадцать седьмая.</i> Закавказские Советские Социалистические Республики	359
<i>Глава двадцать восьмая.</i> Советские Социалистические Республики Средней Азии и Казахстана	418
<i>Глава двадцать девятая.</i> Советские Социалистические Республики Прибалтики	478
<i>Глава тридцатая.</i> Автономные республики РСФСР	510
Заключение	572

История философии в СССР

т. 5

Утверждено к печати Институтом философии АН СССР
и философским факультетом Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова

Редакторы *Е. А. Жукова, В. С. Егорова.* Художник *Н. А. Седельников*
Художественный редактор *М. Л. Храмцов.* Технический редактор *И. В. Бочарова*
Корректоры *Р. С. Алимова, Л. А. Лебедева*

ИБ № 28631

Сдано в набор 06.07.87. Подписано к печати 24.12.87. А-04848. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая.
Усл. печ. л. 36. Усл. кр. отг. 37. Уч.-изд. л. 43,2. Тираж 14 000 экз. Тип. зак. 926.
Цена 3 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

4-я типография издательства «Наука»
630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
429	4 снизу	но-политические мысли и философские взгляды каракалпакских мыслителей	но-политические и философские взгляды каракалпакских мыслителей
429	6 снизу	ственной философской в Узбекистане.	ственной философской мысли в Узбекистане.
543	14 снизу	В 1971 и 1981 гг. состоялись зональные научные конференции,	В 1975 г. в Сыктывкаре состоялась научно-практическая конфё-

«История философии в СССР», том 5, книга вторая.

ИСТОРИЯ
ФИЛОСОФИИ В СССР

СЕРИЯ ФИЛОСОФИЯ
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ В СССР

5

КНИГА
ВТОРАЯ